

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Рольф Тоштендаль

«НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ» И «НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В ИСТОРИИ

В статье поставлен вопрос о применимости понятия «научная революция» к истории. Рассматривается проблема оценки новых результатов и способов их презентации. Автор приходит к выводу, что лишь ограниченная часть новых результатов может быть встроена в рамки нарратива.

Ключевые слова: научная революция, метод, оптимальные нормы, нарратив.

Идея научной революции

Когда в 1962 г. Томас Кун выдвинул свою теорию научных революций, многие историки и шире – вообще гуманитарии и специалисты в области социальных наук почувствовали себя обманутыми. Идея Куна была нацелена на область естественных наук. Те, кто почувствовал, что их дисциплина рискует остаться неохваченной новым могущественным изобретением философии науки – концептом научной революции, избирали две различные стратегии реагирования. Одни защитники гуманитарных дисциплин пытались приобщиться к концепту научной революции, утверждая, что Куна и его идею следует понимать не в строгом виде, но расширительно, в том смысле, что научные революции могут иметь место и в других дисциплинах. Другие защитники социальных наук находили более резонным утверждать, что научные революции в том самом смысле, как их понимал Т. Кун, не происходят в социально-гуманитарной сфере, поскольку в поле социальных наук проявляется другая логика открытия и иная логика развития дисциплины.

Вкратце, аргументация Куна состояла в признании того, что представители естественных наук были введены в заблуждение содержанием учебников по их дисциплинам, которое заставляло поверить, будто они продолжают работать в той же традиции, что и предшествующее поколение ученых. Дело в том, что для учебников отбирались такие аспекты исследований ученых предшествующих поколений, которые могли быть описаны и транслированы в языковой стилистике современного исследования. Таким образом, учеными рисовалась особая картина (пригодная для них самих, но и не только для них), создавалось такое впечатление, что научное познание представляло собой некий неизменный корпус знаний, которому был присущ постоянный рост.

В свете взглядов Куна, такое представление полностью неверно. Рождение новой теории не является преднамеренной процедурой. Новая идея возникала в сознании ученого по определенной причине, в то же время и ее возникновение в уме создателя, и обращение к ней других ученых связано с тем, что благодаря этой идее ряд научных проблем ученые могли увидеть в новом свете. Очень часто подобного рода новые идеи не согласовались с предшествующими теоретическими схемами. Таким образом, утверждение новой теории должно было предполагать процедуру новой интерпретации эмпирического знания по проблеме.

Подобная процедура ре-интерпретации не была лишь задачей самого творца новой идеи, но стояла перед всем научным сообществом. Только когда начинался осуществляться подобный процесс, тогда и можно было говорить об утверждении новой теории или нового подхода к эмпирическим данным, т.е. о том, что научная революция свершилась, новая теория была принята сообществом и, как следствие, стала, в свою очередь, «нормальной наукой»¹.

Во многих странах, в том числе и в Швеции, велись дискуссии по этим вопросам. Я принимал в них участие и, дискутируя по поводу истории, высказывал мнение об интерпретировании идей Куна. Мои рассуждения и возражения заключались в том, что научные революции такого рода, которые представлены Куном в отношении естественных наук, невозможны в истории. Действительно в истории, как и в естественных науках, существовали парадигмы, как называет Кун доминирующие теоретические основы науки. Однако, в истории они не обязательно имели преобладающий характер. В исторической науке (или исторических науках) возможно сосуществование нескольких парадигм. И когда появляется и утверждается новый теоретический подход (например, история ментальностей), то он не вытесняет старые подходы, но, скорее, является дополнением к ним². Этот аргумент я считаю оправданным и доказанным, однако с ним есть проблема.

Данный тезис не предполагает серьезного рассмотрения тех изменений, которые происходят с профессионализмом историка под воздействием «новых подходов к изучению исторического прошлого». И эти изменения, как мне представляется, следует описывать как наиболее революционные в историографии. Я не имею в виду, что то, о чем я говорю, есть иной вариант видения проблемы Куном, однако я думаю, что он был прав, подчеркивая важность нового стиля осмысления предмета. В ходе дальнейшего изложения я поясню, что здесь имеется в виду.

---

¹ Kuhn. 1970.

² Torstendahl. 1979. S. 151-170.

Вначале уместно будет задаться вопросом: «Является ли история кумулятивной дисциплиной?» Ответом может быть и «да», и «нет». Однако принципиальным является вопрос, имеем ли мы, рассматривая историю, дело с той ситуацией, которая характерна и для естественных наук. Одним из дискуссионных тезисов Куна является его утверждение о том, что наука не является кумулятивной в длительной перспективе рассмотрения – именно по причине существования научных революций. Когда происходит научная революция после того, как новая идея озарила блестящий ум ученого, то прошлые изыскания должны быть пересмотрены и реформированы в свете новых идей. То, что прежде являлось хорошо известным и общепринятым знанием, таким образом, должно быть ре-интерпретировано в свете новой теории³.

Такая ситуация делает настоящим выбор между двумя теоретическими позициями в условиях, когда возможности и следствия применения старого подхода хорошо известны, а в отношении нового подхода – еще не просчитаны и, следовательно, основания для выбора остаются неочевидными. Кун писал: «Только тогда, когда они должны сделать выбор между двумя конкурирующими теориями, ученые действительно ведут себя как философы. Вот почему, как я думаю, блестящее описание причин выбора между метафизическими системами, данное сэром Карлом [Поппером] так явно напоминает мое описание причин выбора между научными теориями»⁴.

Важно заметить, что тезис Куна состоит в утверждении отсутствия эмпирически обоснованных аргументов в пользу одной из научных теорий, в отсутствии какой-либо проверки, которая бы могла привести к обоснованному выбору. Таким образом, Кун считает, что невозможно добавить новое знание к старому знанию с целью получения новой теоретической позиции. Здесь он расходится с точкой зрения Поппера, признающего процедуру фальсификации как инструмент выбора между теориями, что является основой его научной школы в философии науки. Дж. Уоткинс⁵ усматривал различие в том, что «Поппер рассматривал научное сообщество как открытое, в котором никакая теория или, в соответствии с терминологией Куна, парадигма, как бы она успешна и популярна ни была, не является неприкосновенной святыней»⁶. Только

---

³ Kuhn. 1970. P. 137-39, 151-159 (и много других мест).

⁴ Т. Кун в: Lakatos & Musgrave. 1970. P. 7. Кун ссылается на: Popper. 1963.

⁵ John William Nevill Watkins (1924–1999) – английский философ, с 1966 по 1989 г. – профессор Лондонской школы экономики.

⁶ Дж. Уоткинс в: Lakatos and Musgrave. 1970. P. 26.

те теории, которые обладали устойчивостью к постоянным попыткам их фальсификации, были временно принятыми научным сообществом.

В философии Поппера не было понятия «научных революций». Вместо него он оперировал идеей научного сообщества как «открытого общества», с которым Уоткинс и связывает отличия работы Поппера. Концепция «научного сообщества» Поппера полностью расходится с идеей Куна о научном сообществе, которое должно отказаться от критических возражений во имя того, чтобы стать частью успешной научной революции. И что еще более важно, понятие «научная революция» могло играть свою роль только при условии, что нововведения в сфере науки должны были либо приниматься, либо отвергаться, но никак не быть постоянным объектом критики и опровержений, что предполагает интерпретация научного сообщества Поппером.

В целом, представляется, что в решении вопроса о том, как новые теории становятся доминирующими, аргументация Поппера является более основательной, нежели доводы Куна. По мнению Куна, только фундаментальные теории могут породить научные революции – возможно, только (как представляется в настоящий момент) теория кварков или те изменения теоретических парадигм, которое вносит бозон Хиггса, но не теория световых волн, не теория естественного отбора или многие другие хорошо известные теории.

На самом деле, сегодня научные революции представляют для ученых и философов науки второстепенный интерес. С другой стороны, для тех, кто работает в различных областях социально-гуманитарного знания, вряд ли возможно отказаться от понятия «научной революции».

Большинство теорий, которыми оперируют историки, вряд ли могут производить настолько «революционные» последствия, чтобы заставить их отказаться от ранее принятых фактов, дабы найти новые. Теории, таким образом, не создают в области истории таких революций, о которых говорил Кун. Поэтому перед тем, как рассуждать о «научной революции» в истории, необходимо оговорить, что в данном случае понятие «научная революция» будет мною использоваться для того, чтобы показать отличия от его интерпретации в книге Куна. Признавая некоторое сходство в нашем понимании «нового старта», следует отметить абсолютное различие в трактовке последствий научных революций. Это должно быть сказано, чтобы избежать необоснованных ожиданий, которые не могут быть удовлетворены в рамках следующих рассуждений.

Теперь я хотел бы обратиться, прежде всего, к вопросу об истории как особой дисциплине и области знаний. В этой части я намерен проанализировать кумулятивный характер исторического знания с точки

зрения возможности получения новых результатов. Что можно считать новым результатом в истории? И насколько новые результаты влияют на прежние концепции? Далее необходимо обсудить проблему презентации новых результатов и рассмотреть вопрос о том, определяет ли способ презентации особые требования к осуществлению этой процедуры. Наконец, я предполагаю возвратиться к вопросу о том, существуют ли научные революции в истории и привести доказательства для позитивного ответа на этот вопрос при определенных условиях.

Новые результаты, дополнительное и кумулятивное знание в истории

Традиционно, начиная с конца XIX в., историческое исследование основывалось на идее поиска новых результатов, которые бы вносили свой вклад в корпус т.н. «достоверного надежного знания». Это знание должно было формироваться в соответствии с правилами, или, как я их называю, минимальными требованиями к проведению анализа, принятыми профессиональными историками⁷. Процедура исследования, в основном, сводилась к тому, чтобы разыскать новые материалы в архивах с тем, чтобы заполнить существующие лакуны в подсчетах или нарративе.

Иногда историки вносили свой вклад в пополнение исторического знания путем переосмысления ранее известного материала и на основе этого анализа утверждали, что иная последовательность событий, нежели та, которая была принята прежде, является необходимым для исторического исследования «надежным знанием». Если эти наработки принимались позитивно ученым сообществом (в обзорах или других исследованиях), то они принимались (и принимаются) как новые результаты.

Не все новые результаты могут быть расценены как действительно значимые. Некоторые новые результаты расценивались как незначительные и даже не стоящие усилий профессиональных историков. Эти соображения имеют значение для понимания употребленного выше понятия профессионализма, подразумевающего не только выполнение минимума требований к методу исследования, но и оптимальные пропорции значимости и плодотворности рассматриваемой проблемы. Два основополагающих труда, которые создали Бернгейм, а также Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, делали такое допущение, хотя и через силу. Однако настоящие трудности возникали и продолжают возникать при попытке ответить на вопрос о том, что же конкретно означают такие характеристики, как «важность» и «плодотворность» новых результатов, каковы критерии их определения. Ранке и его последователи считали основой для подобных оценок критерий «оптимальных норм». Их понимание

---

⁷ Torstendahl. 2003.

«норм» состояло в том, что значимые результаты исследований должны быть тесно связаны с государством и его институтами. Многие из тех, кто приоритетным среди «минимальных требований» считал исторический метод, тоже соглашались с идеей о большей значимости таких новых результатов исследования, которые связаны с государством. Основоположники школы шведских историков Лауриц и Курт Вейбули признавали пальму первенства за методами исторических исследований, но при выборе ими тем исследований четко проявлялась тенденция решать вопрос в пользу изучения государственной политики, которая рассматривалась ими как главная проблема. Однако среди их последователей лишь немногие продолжали следовать такому принципу выбора, что дает основание не рассматривать эту группу как научную школу в точном смысле слова. В то же время, есть основания для заключения о том, что понимание «оптимальных норм» существенно различалось внутри отдельных групп ученых, которые, тем не менее, имели общие фундаментальные идеи⁸. Это означает, что два наиболее ценных принципа для исторических исследований – минимальные требования и оптимальные нормы – не исключали друг друга и, таким образом, могли использоваться различным образом как взаимодополняющие.

Интересно, что принципы использования метода (минимум требований) могли функционировать и в качестве оптимальных норм. Представляется, что иногда братья Вейбули (и многие другие историки этого периода) связывали изучение исторических проблем с усовершенствованием методов как основного объекта исторического исследования.

Так, если с точки зрения государственной политики, важными считались новые результаты, полученные по темам, относящимся к проблемам войны и мира, то с точки зрения сторонников принципа «минимальных требований», важными считались результаты, демонстрирующие, что имеющиеся заключения об исторических событиях основывались на материалах, которые, по тем или иным причинам должны оцениваться как ненадежные. Возможны и другие комбинации, при которых иногда новые результаты в области изучения истории государства были получены как следствие критического отношения к источникам. Нередко наблюдается признание приоритета метода при его использовании в работе с источниками по политической истории.

Весьма интересен новый поворот, который произошел в 1960-х⁹, когда историки по широкому фронту науки стали изучать проблемы, которые прежде не исследовались. Приоритетный статус метода все

---

⁸ *Torstendahl & Odén.* 2012. S. 107-134.

⁹ См.: *Torstendahl.* 2009.

более снижался, а принцип «оптимальных норм» опять стал преобладать. В это время история государства и связанная с ней проблематика потеряли даже второстепенное значение. В истории стали доминировать другие течения: сначала марксизм или исторический материализм (последний является более подходящим концептом для данной работы), позже – различные подходы социальных наук, а еще позже – концептуальная история, история ментальностей и культурная история в целом.

Значимость результатов определялась в соответствии с преобладающим критерием оценки. Это было легко сделать на протяжении периода, когда преобладал принцип «оптимальных норм» Ранке, и позже, когда доминирующим в оценке стал принцип требований к методу, т.е. до тех пор, пока существовал консенсус в отношении преобладающей системы оценки, значимость результатов исследований оценивалась без затруднений. Однако после раскола по вопросу об оптимальных нормах в 1960-х гг. уже не могло быть широкого консенсуса в отношении оценки результатов исследований. Полученные в некоторых областях исследований новые результаты по-прежнему еще получали общее одобрение, но во многих других областях эти результаты одобрялись лишь в «ближнем кругу» ученых, разделяющих специфический набор «оптимальных норм». Принцип «минимальных требований» не только был «сослан» со своей приоритетной позиции и лишен признания особой значимости. Нередко можно было обнаружить методологическую несостоятельность исследования, скрываемую под покровом похвалы за выбор «плодотворного» и «важного» аспекта темы исследования.

В дополнение к изменениям в оценочных критериях следует учесть разнородность новых разработок. Во многих уже утвердившихся новых направлениях истории для анализа причинно-следственных связей применяются самые разные теории. Так, например, в области изучения гендерной истории исследователь может раскрыть поведенческие модели, относящиеся к одной стране, которые могут быть перенесены на другие страны только путем их параллельного исследования. Впечатляющим примером является работа Л. Давидофф и К. Холл¹⁰, в которой анализируются социальные роли мужчин и женщин в Британии в конце XVIII – начале XIX в. Эта книга повлияла на исследования, проведенные в ряде стран, и в них были найдены неидентичные, но по своей значимости соответствующие описанным в исследовании Давидофф и Холл отношения, в основном с явными вариациями, характерными для разных периодов. Значение исследований, подобных этой работе

---

¹⁰ *Davidoff and Hall. 1987.*

определяется силой воздействия и вкладом в создание обобщенной картины гендерных отношений. Такие работы не являются просто дополнительным знанием, как обычные архивные изыскания, поскольку их новизна относится к теоретическим концепциям, которые формируют такую характеристику, как «нормальность» науки, а также такие отклонения от нормальности, которые заслуживают объяснения. Такого рода дополнения к знанию важны для всей области гендерных исследований.

Таким образом, дополнения к знанию могут быть как не очень значительными, так и весьма важными. Приращение знания, которое приводит к изменению структуры, выработанной предшествующей традицией исследования, следует характеризовать как важное и значимое, хотя степень этой значимости может существенно различаться. Такого рода дополнения к знанию вполне соответствуют тому, что Кун характеризует как «нормальную науку». Важно заметить, что не все новые результаты в истории являются лишь приращением фактического материала, иногда они требуют реорганизации теорий, которые являются фундаментальными для интерпретации прошлого. Этот тезис прекрасно иллюстрирует упомянутая книга. На самом деле, новые результаты могут относиться к весьма широкому спектру исследовательских новаций:

- от открытия ранее неизвестной коллекции писем выдающегося деятеля, принимавшего участие во многих политических событиях,
- до обнаружения ошибки в датировке политического (или другого) процесса,
- и далее к новым перспективам изучения масштабных исторических процессов (например, таких, как Революция в России) с использованием новых типов теоретических построений для их интерпретации.

Эти три примера, а также демонстрируемые ими различия, которые на самом деле еще более значительны, показывают, что содержание понятия «новые результаты» в историческом исследовании может весьма существенно варьировать. Когда я говорю об этом (и я хотел бы подчеркнуть важность этого утверждения), то имею в виду, что цель исторического исследования состоит в продвижении новых результатов на поле истории, и что это понимание цели разделяют историки, даже занимающие совершенно разные исходные позиции. Вот почему идея получения «новых результатов» никак не является достаточной для описания цели исследований профессиональных историков. Новые результаты могут быть классифицированы в соответствии с их значимостью, и поэтому общая дискуссия среди историков идет по вопросу о значимости новых изысканий. Тем не менее, понятие «научная революция», если пытаться сохранить самую суть этого концепта при использовании его в области

гуманитарного знания, не может, как было показано, прямо зависеть от такого измерения научного прогресса, который здесь обозначен как «новые результаты», даже если некоторые из них являются значимыми в контексте восприятия их профессиональным сообществом.

Научные революции в истории

Как уже отмечалось, вопрос о возможности применения понятия «научная революция» в гуманитарном знании, является спорным. Однако, если мы будем точно следовать за рассуждениями Куна, то возможно и найдем измененное значение этого понятия, адекватное для нашего анализа. Я собираюсь показать, что понятие научной революции можно применять к области истории на том основании, что возможность такого использования этого понятия связана не с результатами исторического исследования, а с аспектами, выходящими за рамки этой проблемы, и относится скорее к нормативной системе историописания. Имеется в виду, что «парадигмы» историографии нельзя рассматривать как имеющие доминирующее влияние или логически исключаящие друг друга. Для историков «смена парадигмы» означает стремление предоставить приоритет использованию новой нормативной системы, и при этом отвести старой системе лишь второстепенную роль. Как в таком случае мы можем распознать «научную революцию» в истории?

Когда Бродель писал свою книгу о Средиземноморье, его работа не имела прецедентов в предшествующей историографии о времени правления Филиппа II. Существовали лишь описания носителей власти в Средиземноморье и отношений между ними. Фундаментальное основание прославленной работы Броделя¹¹ построено на теории взаимосвязей между географическим фактором и социальными аспектами жизни общества, а также отношений между долговременными и изменяющимися условиями человеческого существования. Таким образом, Бродель создал новую нормативную систему, включающую наиболее важные элементы историописания. Бродель не говорил о том, что для него методология является чем-то менее значительным. Более того, представляется, что он рассматривал созданные им «оптимальные нормы» как своего рода методологию¹². Однако имплицитно ранее используемые методы критического анализа источников для изучения его проблематики не применялись и, таким образом, были отодвинуты в сторону. В этом смысле работу Броделя можно расценить как научную революцию. Работа Броделя не была использована историографией последующего

---

¹¹ Braudel. 1949.

¹² Braudel. 1979.

десятилетия после ее опубликования в качестве парадигмы. На ее почве появились цветы, но их было немного. Только спустя десять лет можно обнаружить более общие изменения в профессии историка. Характерной чертой работы Броделя было то, что в ней историческая нормативная система доминировала над желанием получить «надежное знание», а акцент на проработку методологических оснований исторического исследования был заменен подходом, при котором «значимость», «плодотворность» и им подобные характеристики становились основными оценочными критериями. В этом и состояла смена парадигмы 1960-х гг.

Бродель не был ни первым, ни последним историком, реформировавшим нормативную систему в истории. Как уже говорилось¹³, профессионализм является составной частью нормативной системы, которая принята либо всем историческим сообществом, либо доминирующим сообществом историков. Ранее подобные «научные революции», или изменения в содержании профессионализма историка были осуществлены Леопольдом Ранке в 1830-х гг. и разработками в области исторического метода и принципов его использования (Bernheim 1889; Langlois & Seignobos 1898) в последней декаде XIX века. Революция Ранке основывалась на его государственно-ориентированной концепции эволюционистской философии, известной как историцизм¹⁴. Другой важный аспект относится к способности Ранке воспитывать в своем «семинаре» учеников и последователей, которые распространяли его идеи по всей Европе и всему миру. Некоторые из его учеников участвовали в следующей революции в сфере исторических исследований, в ходе которой приоритет отдавался методам, а не оптимальным нормам. Когда Георг Вайц участвовал в основании *Monumenta Germaniae historica*, то он, возможно, и не усматривал конфликта между характером своего исследования с его методологическими акцентами и стилем мышления в духе Ранке.

Пару десятилетий спустя, когда в 1889 г. бывший ученик Вайца Бернгейм издал свою работу *Lehrbuch der historischen Methode*, то в ней совершенно явно просматривалось несомненное предпочтение, отдаваемое автором методу над оптимальными нормами. Высказанные соображения относительно изменений в приоритетах связаны с проявлением нового отношения к профессиональному историописанию, независимо от того, что Бернгейм и его коллеги-методологи имели в виду.

---

¹³ Torstendahl. 2009.

¹⁴ Обильная литература об «историцизме» отличается разнообразием интерпретаций, и не всегда в ней рассматриваются ранкеанские инновации. См.: Oexle. 1996, *Historismus in den Kulturwissenschaften*. 1996; Meinecke. 1936. См. также: Torstendahl. 2009.

Видимо, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос были в большей степени ориентированы на то, чтобы, в первую очередь, обратить историков к необходимости использования добротной методологии. Однако достаточно сложно определить, каким образом их философия позволяла им исключить недостоверные фрагменты из исторического текста, учитывая, что Бернгейм выражал желание максимально, насколько это возможно, приблизиться к прошлой реальности¹⁵.

Суть перемен, произошедших в 1960-х гг. и связанных с именем Броделя, состоит в смене приоритетов, когда принцип приоритетности метода и методологии для профессионализма историка был заменен на равнозначный, и даже более значимый принцип оптимальных норм, т.е. на признание особой значимости того, что важно и интересно в истории. В 1950-х и особенно в 1960-х гг. разные типы оптимальных норм были артикулированы в разных социальных науках, сначала представителями неомарксизма и исторического материализма, особенно Эриком Хобсбаумом, с одной стороны, и «Новыми левыми» во главе с П. Андерсоном, с другой, а позже – сторонниками идеала истории как социальной науки, с Юргеном Коккой как ведущим теоретиком.

Еще некоторое время спустя все больше стали обсуждать оптимальные нормы, а такие понятия как «менталитет», «идеи» и «культура» стали преобладать в лексиконе историка, отчасти как существующее параллельно направление¹⁶. Таким образом, появились новые направления, однако все эти новые «парадигмы» опирались на революцию в историографии, которая произошла в результате признания приоритета оптимальных норм, который утверждался постепенно, начиная с 1960-х гг.

Как рассказывать о новых открытиях и новых взглядах на историю?

Кроме теоретического анализа, о чем речь шла выше, есть и другая проблема, связанная с тем, как в истории воспринимались и каким образом были представлены новые результаты и научные революции. В настоящее время получила широкое признание идея о том, что история не может быть представлена иначе, нежели как нарратив. Тезис о том, что история и есть нарратив, не является новым, однако он был популярен лишь в некоторых странах Европы и в Америке. В остальном мире его, в основном, отрицали до тех пор, пока он не получил импульса с выходом двух книг, написанных двумя философами-аналитиками, Артуром Данто и Мортонем Уайтом¹⁷, которые оба поддерживали идею, что историческое объяснение неизбежно связано с нарративом. Многие другие – наи-

---

¹⁵ См.: *Torstendahl*. 2003.

¹⁶ *Penuna*. 2011. Глава 2.

¹⁷ *Danto*. 1965; *White*. 1965.

более известный из них, пожалуй, Поль Рикер¹⁸, – исходили из иных посылок, нежели А. Данто и М. Уайт, но приходили к подобным же результатам по вопросу о том, что собой представляет история.

Я бы хотел более пристально рассмотреть аргументацию, выдвинутую Йорном Рюзеном, который, возможно, является наиболее влиятельным современным защитником тезиса о том, что историческое сочинение неотделимо от нарратива, и одним из немногих, кто с уважением относится к Данто, заронившему интерес к проблеме исторического нарратива. Рюзен предложил типологию исторического нарратива, которая включает четыре категории: традиционный, объяснительный, генетический и критический нарратив. Эта типология была разработана в 1987 г. и впоследствии стала краеугольным камнем его анализа. Вместе с четырьмя другими переменными – памятью, континуитетом, идентичностью и чувством времени – выделенные восемь категорий составили таблицу «четыре-на-четыре» возможностей нарратива. Содержание таблицы поясняется на примерах, ряд из них относятся к области женской истории, которая была на подъеме в то время, когда впервые появилась статья Рюзена. Эти примеры иллюстрируют, как следует понимать разные типы нарратива, но этим их функции и ограничиваются. Таким образом, они не проясняют того, что историки хотели показать своими исследованиями, которые побудили их к выбору различных историографических форм¹⁹.

Относительно предложенной типологии, фундаментальным является вопрос о том, исчерпали ли предложенные Рюзеном формы нарратива свои возможности в плане использования их для исторических заключений, и (что особенно важно для моей работы), исчерпали ли они свои возможности в плане представления новых результатов в историографии. Если исследователь представляет новые результаты в форме исторического нарратива, то это не значит, что эти новые результаты должны быть представлены исключительно как часть нарратива. Актуальные направления развития истории сегодня, такие как компаративные исследования наций и регионов, аналитические дискуссии о специфике источниковых материалов об их внутренних связях и их иерархии, анализ взаимодействия культуры, цифровое описание различий в материальных условиях и демографической ситуации, представляют собой примеры совершенно противоположного характера. Новые исследования, как, например, те, что были перечислены, могли содержать новые результаты, которые не представляли собой нарративные утверждения и не могли быть осмыслены

---

¹⁸ Ricoeur. 1983-85.

¹⁹ Riesen. 2005. P. 11-17. Текст этой главы книги Рюзена был первоначально опубликован в 1987 г. в виде статьи в журнале “History and Theory”/

как часть нарратива. Они могли влиять на нарратив, но в таком случае нарратив должен восприниматься как популярный способ презентации истории. Новые результаты как таковые, т.е. креативный продукт научных исследований, могут быть осмыслены и описаны независимо от нарратива, хотя в то же время могут быть помещены в рамки нарратива.

Нарративы не предполагают различия между новыми результатами и старыми стереотипами, что делает необходимым для исследователя, который стремится подчеркнуть полученные новые результаты, разрывать поток нарратива, выделяя их аналитическую аргументацию. Профессиональному историку, который стремится раскрыть смысл своих новаций, важно, чтобы были представлены как эмпирические данные, так и дедуктивные логические рассуждения, на которых основываются новые результаты. Иногда исследователь также описывает свой способ получения новых результатов посредством представления данных, которые противоречат прежним утверждениям. В этом плане важно, как формировалось это новое утверждение, которое затем было проверено с тем, чтобы оно не противоречило никаким из уже известных фактов. Таким образом, проверяется «совместимость» новых изысканий с нарративной «рамкой». Такой учет «контекста открытия» не является редкостью в исследовательских исторических текстах, однако это не означает, что любой нарратив играет решающую роль для нового результата.

Пример: Одна кастовая группа в Южной Индии традиционно работала на землях, принадлежащих другой кастовой группе. В первой половине XX века возник конфликт между этими двумя группами, и работники находят убежище в христианской миссии. Однако, по прошествии двух десятилетий, они покидают ее и некоторые из них возвращаются обратно, а другие уходят в города. Исследователь, который поставил задачу получить новые результаты, рассмотрел различные варианты развития событий. Так, с одной стороны, было проанализировано влияние экстремальных погодных и климатических условий на сельское хозяйство, которое, в частности, выразилось в понижении урожайности), а также эффект механизации сельскохозяйственных работ, которая привела к появлению избыточной рабочей силы. Таким образом, появилась безработица, которая в прежней традиционной экономической структуре сельского хозяйства не наблюдалась, и которая обусловила выступления сельскохозяйственных рабочих. Причем эти выступления были направлены не только против работодателей, но и против их традиционной роли как лидеров восстаний религиозного характера²⁰.

---

²⁰ Пример взят из кн.: *Cederlöf*. 1997, хотя можно было бы привести и другие.

Новые результаты, таким образом, дали ряд элементов для создания нового нарратива. При этом каждый новый результат, важный и сам по себе, может быть использован в различных связках с уже известными явлениями. Новый нарратив стал очевидным лишь после того, как исследователь проверил множество возможных версий и исключил конкурирующие объяснения. Такого рода объяснениями могли быть, например, следующие: «все социальные конфликты происходили по вине землевладельцев», «социальная напряженность была вызвана развитием механизации в сельском хозяйстве», «социальное неповиновение было вызвано христианской миссией» и др. Все новые результаты должны были быть проанализированы по одному, а затем важно было проверить, не вступают ли новые находки в противоречия друг с другом по причине неверной интерпретации или незавершенности исследования. Для того чтобы представить все эти моменты в тексте, нужно вновь и вновь разрывать нить нарратива процедурами проверки. Это может быть сделано в виде нарративного отчета о процессе исследования, но важнейшим элементом такого отчета будет обсуждение возможности или исключения альтернативных интерпретаций. В чисто нарративной форме нельзя отдать должное всем аргументам такого рода. Таким образом, приведенный пример прекрасно демонстрирует сложные отношения между важными эмпирическими находками и нарративной формой презентации.

Это вовсе не значит, что историка не должен использовать нарратив. Нарратив может быть очень полезным, и во многих случаях он является неизбежной «рамкой» для новых результатов. Но сам факт, что новые результаты можно включить в формат нарратива не означает, что за ним признается определяющая.

Как рассматривать научные революции в истории?

Трудности представления новых результатов в форме нарратива, о которых я только что рассуждал, также нелегко преодолеть и применительно к ситуации с «научными революциями». Если нормативной системе, характерной для предшествующего периода брошен вызов (что и предполагает содержание понятия «научной революции»), как я его понимаю), то тогда практически невозможно представить, что нарратив, некогда установившийся в соответствии с преобладающими на тот период нормами, не был бы подвергнут существенному пересмотру после научной революции. И что еще более важно – если оспорены основные характеристики прежнего нарратива, то очевидно, что он непременно должен быть заменен другим нарративом. Позвольте мне напомнить Броделя и его анализ «Средиземноморского мира» конца XVI в. Его история этого «мира» – это не модернизированный нарратив, а новая форма, но с неко-

торами элементами нарратива. Ряд этих нарративных фрагментов имеют прецеденты в более ранних работах по истории стран Средиземноморья и их взаимоотношений друг с другом. Однако этот факт не опровергает того, что фундаментальная структура в работе Броделя построена на его теоретической концепции, а не на нарративных элементах.

Тем не менее, книга Броделя о мире Средиземноморья не использовалась как общая парадигма ни сразу после опубликования, ни позднее. Некоторые из его ближайших коллег, сотрудничавших с ним в журнале «Анналы», пробовали применить его подход, но такие работы были редкостью. Это не значит, что влияние Броделя было очень ограниченным. Широкие круги историков заявляли о своей приверженности принципам Броделя, и в этих случаях они ссылались на нормативную систему его концепции и исторического письма. Уже через пару лет его репутация стала весьма солидной не только во Франции, где он получил влиятельные посты, но и в большей части Европы и Латинской Америки²¹. Это не исключает того, что многие историки продолжали писать работы в своей прежней манере, игнорируя публикацию книги Броделя и растущее влияние группы «Анналов», где идеи Броделя уважали.

При анализе работ историков, введших различные новые оптимальные нормы в 1960-е гг., имеется одно затруднение, которое связано с разной степенью близости этих историков к нарративу и разным отношением к наррации. Как уже говорилось, работа Броделя представляла собой не только реформирование старого нарратива посредством теоретической концепции, новаторской была сама постановка проблемы. Однако эту работу можно рассматривать и как новый нарратив с новыми агентами и новыми установками. То же можно сказать с еще большим основанием и о работах приверженцев материалистической интерпретации истории Эрика Хобсбаума и Перри Андерсона (и многих других). Их материалистическое видение приводило к ре-интерпретации и предложению новых или малоизвестных объяснений, основанных на марксистских постулатах; они осуществляли новые подходы к проблемам, которые лишь частично изучались прежде. Вместе с тем, некоторые из них, особенно Эрик Хобсбаум, предпочитали излагать свои новые результаты в форме нарратива. У Хобсбаума нарративы иногда относятся к индивидам и близко соприкасаются с жанром биографий, но всегда имеют необычную перспективу, определяемую его теоретическими взглядами²². Когда

---

²¹ Влияние Броделя на международные конгрессы было чрезвычайно велико, даже когда он в них не участвовал. Я исследовал воздействие международных конгрессов на профессионализм историков (работа находится в печати).

²² *Hobsbawm*. 1969; 1968.

он, в других случаях, писал об истории государств и обществ, нарратив был у него лишь средством выражения собственных теоретических объяснений и интерпретаций²³. Подобные утверждения справедливы в той или иной степени для каждого из тех, кто инициировал новые оптимальные нормы, ставшие популярными среди историков после 1960-х гг.

Они часто использовали для своих целей теории социальных наук. Это было новшеством, хотя они это делали в рамках более или менее развитого нарратива, и поэтому весьма сложно понять, насколько каждый из авторов отделял нарратив от своих интеллектуальных новаций. Гендерная история не является исключением. Только в таких теоретических работах, как книга Джоан Скотт²⁴, можно обнаружить, что нарративные разделы, по меньшей мере частично, подчинены главной перспективе, имеющей новое теоретическое основание, в то время как многие другие книги по гендерной истории получили известность как своими нарративами, которые они подвергли пересмотру, так и косвенной пропагандой отдельных оптимальных норм – как, например, уже упомянутая книга Леонор Давидофф и Кэтрин Холл. Таким образом, новые оптимальные нормы и желание установить их в профессиональном сообществе обычно не исключали использование нарратива, как не исключали приверженности к точным методам, хотя ни нарратив, ни методы не играли главной роли в исследованиях этих авторов.

Из изложенных аргументов следуют два вывода. Представляется, что авторы работ, о которых можно сказать, что они представляют «научную революцию» в сфере нормативной системы профессиональной историографии, могут отклоняться или не отклоняться от нарративной формы. Тем не менее, их амбиции находятся за пределами нарратива.

Не так легко определить, какие новые направления в историописании свидетельствуют о новшествах в нормативной структуре. Недостаточно заявить, что предлагаемая норма (т.е. критерий значимости) является новой. Если уже наличествуют другие нормы, которые служат той же цели, то оказывается, что историческое сообщество расценивает альтернативу не как революционную, а скорее как одну из возможностей, наряду с другими. Поэтому тот методологический поворот в нормативной системе (с 1950–60-х гг. и до 1980-х гг.), который состоял в том, что отдавалось предпочтение оптимальным нормам, опиравшимся на разного рода социально-научные теории, можно расценивать как единый революционный сдвиг, даже несмотря на то, что каждое отдельное направление не ощущается как революционное. Таким образом, исторический

---

²³ Hobsbawm. 1962; 1975; 1987; 1990; 1994.

²⁴ Scott. 1988.

материализм, женская история, гендерная история, история ментальностей, культурная история и др. попадают в одну категорию новых направлений внутри нечетко определяемой профессиональной нормативной системы²⁵. И только постмодернистские теории (по крайней мере, в большинстве своем) имеют иную направленность, вытекающую из отрицания возможности профессионального статуса истории.

Заключительные ремарки

Важные исторические работы – как книги, так и статьи – представляют читателю нечто новое. И многие другие результаты исторических исследований дополняют наши знания, даже если мы не называем их побуждающими к размышлениям, фундаментальными, инновационными или революционными. Не в этом состоит то различие, которое мы здесь хотели произвести. Вместо этого мы сфокусировали внимание на различиях между такими историческими исследованиями, которые являются новыми в том смысле, что своими новыми результатами изменяют некие устоявшиеся «истины», и теми работами, которые разрушают фундаментальные принципы предшествующей историографии, бросая вызов самим основам профессионализма историка. Нормативная система, которая является стержнем этой профессиональной деятельности, оказывается под давлением такого «нового мышления».

Может возникнуть вопрос, есть ли четкая граница, между разными по своей значимости «новыми результатами» и «научными революциями» в области истории? Думаю, что такой границы нет. Книга Леопольда Ранке²⁶ прочитывалась и комментировалась как одна из многих других, посвященных политике этого периода, несмотря на то, что в ней «нации Европы» были рассмотрены под углом зрения, определяемым совершенно новым концептом «системы государств». То же можно сказать и о книге Броделя, которая воспринималась как некая история о времени Филиппа II, т.е. без понимания того, что она имеет совершенно новую концептуальную рамку временных последовательностей – «большой длительности», средней и короткой («быстрое время») и их взаимодействия. Таким образом, именно интерпретация создает содержание работы. Моя интерпретация, изложенная здесь, состоит в признании этих работ несомненными «вехами» на пути развития нормативной системы, которая составляет сердцевину профессионализма.

---

²⁵ Эта позиция отличается от той, которой я придерживался ранее. Теперь я скорее указал бы на то, что множество альтернатив в современной историографии основываются на некоторых общих предположениях, чем на то, что они являются революционными. Хотя их различие остается.

²⁶ *Ranke*. 1824.

Однако нарратив может должным образом инкорпорировать лишь ограниченную часть новых результатов. Чем более масштабны новые результаты, тем сложнее разработать соответствующий им нарратив. Это со всей очевидностью подтверждают работа Юргена Кокки о стадиях в развитии бюрократии в компании Siemens и Halske²⁷ и упомянутая выше книга об утрате прежних связей между кастами в Южной Индии. В них требовалось описать и проанализировать все сложные моменты, а такие аналитические рассуждения нелегко встроить в логику нарратива.

Если предположить, что основная задача историков – распространять новые результаты внутри научного сообщества, а я именно так и думаю, тогда нельзя допускать, чтобы эти результаты оставались в тени из-за желания получить широкое признание вне академического сообщества с помощью увлекательного нарратива. Новые результаты могут не иметь непосредственного отношения к формату нарратива, а это значит, что историк должен сделать выбор между увлекательным нарративом и отчетом о новых результатах. Например, новый результат, определивший новый взгляд на характер Русской Революции (в частности, ее отношение к насилию и демократии), требует аналитической аргументации в такой форме, которая исключает использование структуры нарратива. Тогда историк должен решить, что для него более важно – отказаться от нарратива с тем, чтобы перенести внимание на новые результаты и раскрытие их оснований, или же придерживаться структуры нарратива и упустить возможность осмыслить новые результаты. И оказывается, что наибольшее признание в длительной перспективе получили те историки, которые отказались от нарратива, чтобы развить свою аргументацию.

Научные революции, как нечто отличное от новых результатов и в том смысле, в каком мы употребляем это понятие здесь, обычно не планируются как атака на всю систему профессиональных знаний, а скорее предполагают достичь лучшего понимания отдельных проблем. Это не значит, что революционные преобразования господствующего профессионализма были непреднамеренными. Главной целью авторов исторических трудов, которые получили известность благодаря тому, что привнесли новые подходы к изучению истории, был не нарратив, если только он не имел достаточной гибкости и объема для включения их инновационных интеллектуальных достижений. С другой стороны, стремление к инновации недостаточно для того, чтобы революционизировать историю. Многие новые направления историографии последних десятилетий, о которых здесь упоминалось, со всей очевидностью свидетельствуют о

---

²⁷ Кокка. 1969.

том, что одних только амбиций в отношении создания новых ценностных систем недостаточно для того, чтобы совершить революцию в историографии. Для этого они должны получить признание, а отношения между нормами и академическим сообществом сложны и запутанны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011.
- Braudel F.* *Ecrits sur l'histoire*, Paris: Flammarion, 1979.
- Braudel F.* *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. 1949.
- Danto, Arthur C.* *Analytical Philosophy of History*. 1965.
- White, Morton.* *Foundations of Historical Knowledge*. 1965.
- Davidoff, Leonore and Catherine Hall.* *Family Fortunes*. (1987)
- Cederlöf, Gunnel.* *Bonds Lost. Subordination, Conflict and Mobilisation in Rural South India, c. 1900-1970*. Delhi: Manohar, 1997.
- Hobsbawm E.* *Captain Swing*. London: Lawrence & Wishart, 1969.
- Hobsbawm E.* *Labouring Men*. London: Weidenfeld & Nicholson, 1968.
- Hobsbawm E.* *The Age of Revolution: Europe: 1789–1848*. L., 1962.
- Hobsbawm E.* *The Age of Capital 1848–1875*. L., 1975.
- Hobsbawm E.* *The Age of Empire: 1875–1914*. L., 1987.
- Hobsbawm E.* *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. L., 1994.
- Hobsbawm E.* *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge U.P., 1990.
- Kocka, Jürgen* *Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847-1914*. Stuttgart 1969.
- Kuhn, Thomas.* *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed., Chicago: U. of Chicago Press) 1970.
- Ranke L.* *History of the Latin and Teutonic Peoples from 1494 to 1514* (1824).
- Ricoeur P.* *Temps et récit*. T. 1-3. Paris: Seuil, 1983-85.
- Rüsen J.* *History: Narration, Interpretation, Orientation*. N.Y. & Oxford: Berghahn, 2005.
- Scott, Joan W.* *Gender and the Politics of History*. N.Y.: Columbia U.P., 1988
- Torstendahl R.* *Historiska skolor och paradigm // Scandia*. 45. 1979. 151-170.
- Torstendahl R.* *Fact, truth, and text: The Quest for a Firm Basis for Historical Knowledge Around 1900 // History and Theory*. 2003. Vol. 42. P. 305-331.
- Torstendahl R. & B. Odén.* *Den weibullska riktingen // G. Artaeus & K. Åmark (eds.) Historieskrivningen I Sverige*, Lund: Studentlitteratur, 2012, 107-134.
- Torstendahl R.* *Historical Professionalism: A Changing Product of Communities within the Discipline // Storia della Storiografia*. 2009. 56. P. 3-26.
- Lakatos I., Musgrave A.* *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: C.U.P., 1970.
- Popper C.* *Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge*. L., 1963.
- Oexle, Otto Gerhard.* *Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.
- Historismus in den Kulturwissenschaften / O.G. Oexle & J. Rüsen (eds.)*. Köln etc.: Böhlau, 1996.
- Meinecke F.* *Die Entstehung des Historismus*. 2 Bd. München, 1936.
- Rolf Torstendahl**, *professor emeritus, Department of History, Uppsala University; rolf.torstendahl@hist.uu.se*

С. П. РАМАЗАНОВ

О ПРИНЦИПЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

В статье раскрывается сущность принципа дополнительности в историческом познании, рассматриваются гносеологические и социальные условия его формирования, определяются его роль и эвристические возможности.

Ключевые слова. дополнительность, идеальный тип, историческое время, целостность, историзм, плюрализм истины.

Формулирование принципов исторического познания являет собой сложный и достаточно противоречивый процесс. В нем сочетается длительное осмысление опыта исторического исследования и, одновременно, перелом в таком исследовании, связанный с известным преодолением прешествующей традиции и, как правило, сопровождающийся подъемом изучения прошлого на качественно новый уровень.

Несомненно, осознание реального функционирования новых принципов исторического познания будет способствовать повышению качества научных работ, в том числе и диссертационных сочинений, к которым вполне оправданно предъявляется требование обоснования методологической базы, и, прежде всего, тех принципов, которые положены в их основание. Вместе с тем, в большинстве диссертационных исследований указание на их принципы ограничивается принципом объективности, который, по сути, обозначает нацеленность ученого, и принципам историзма, сформулированным в немецкой исторической мысли еще в начале XIX в. Принцип дополнительности, обозначившийся в историографической практике в XX в., практически не находит обоснования и в монографиях, и в учебных пособиях по методологии истории.

Принцип дополнительности выражает требование использовать при исследовании исторических явлений и процессов дополнительные, противоположные и порой взаимоисключающие классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях, а их совокупность необходима для постижения целостности объекта.

Становление принципа дополнительности в историческом познании было связано со стремлением к преодолению одностороннего, прямолинейного, схематичного, телеологического подхода в интерпретации исторического процесса. Вместе с тем, формирование этого принципа шло в русле осознания специфики исторического познания.

По существу дела, принцип дополнительности в историческом познании противостоял установкам позитивистской, марксистской и, в известной мере, даже неокантианской методологии. Позитивистская философия, ориентирующая историков на всестороннее многофакторное исследование исторического процесса, вместе с тем, усматривала цель такого исследования в установлении строгих неизменных законов развития человеческого общества – единых для всех народов, а историческое разнообразие после достижения этой цели фактически нивелировалось [10]. Марксизм же не только нацеливал историков на установление однозначных и всеобщих законов социального движения, но и сформулировал такие законы, увязав их действие с жестким подчинением политических, идеологических и культурных процессов экономическому развитию, а национальные, религиозные, общекультурные взаимоотношения людей – исключительно классовому противостоянию и классовой борьбе, базирующейся на противоположном отношении социальных групп к средствам производства [8; 19; 21]. При всей своей резкой критике позитивистской и марксистской методологии за игнорирование ими своеобразия исторического познания и субъективную ориентацию на приоритеты экономики и групповые интересы пролетариата, лидеры баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт рассматривали изучение прошлого как простое описание событий и явлений, имеющих отношение к общезначимым вневременным трансцендентным ценностям. Такая интерпретация исторического исследования позволяла неокантианцам трактовать его как процесс одноплановый и достигающий объективности на основе абсолютного [18].

Вместе с тем, становление принципа дополнительности в историческом познании было обусловлено осмыслением специфики этого познания и определенной реакцией на субъективистскую и релятивистскую трактовку такой специфики. Основоположник методологического течения философии жизни В. Дильтей, выдвигая в качестве основных способов исторического познания «сопереживание» историка людям прошлого, «вчувствование» в их психологию на базе индивидуальной интуиции познающего субъекта, допускал возможность различной интерпретации исторического процесса, но, одновременно, ставил вопрос о достижимости историческим знанием объективности или общезначимости [9; 11]. Крупнейший представитель философии жизни в исторической мысли О. Шпенглер своей теорией локальных цивилизаций внес важный вклад в преодоление европоцентристского подхода к объяснению истории. Но, одновременно, немецкий мыслитель со своим «физиогномическим» методом делал еще более актуальным вопрос о научном статусе историче-

ского знания [16, с.124-145; 20]. А усиливающее свое влияние после Первой мировой войны течение исторического релятивизма или прагматического презентизма открыто отрицало возможность объективной исторической истины и научный характер исторического знания, признавая правомерность самых разных интерпретаций истории. В известном смысле девизом течения исторического релятивизма стало название лекции, а затем и книги крупного американского историка К. Беккера «Каждый человек – свой собственный историк» [2, р.233-255].

Особую роль в становлении принципа дополнительности в историческом познании сыграли труды М. Вебера [17; 13, с. 61-74]. Развивая неокантианские идеи, ученый, с одной стороны, отказался от трактовки процесса исторического познания как основанного на трансцендентных надындивидуальных ценностях и перенес критерий выбора существенных исторических явлений в субъективно-историческую плоскость, что уже предполагало множественность интерпретаций исторического процесса. С другой стороны, допуская отвергаемую Виндельбаном и Риккертом обобщающе-систематизирующую работу в историческом исследовании, Вебер ввел понятие «идеального типа», характеризуя это понятие как «мысленный образ», который «сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос *мысленных* связей», полученный «посредством *мысленного* усиления определенных элементов действительности» [7, с.389]. Базируясь на этом понятии, Вебер не отвергал идейно-типическое построение К. Марксом процесса генезиса капитализма, но предлагал свой взгляд на складывание капиталистических отношений, основанный на утверждении в западном обществе протестантского мировоззрения с его этикой аскетизма, воспитывающей бережливость, расчетливость, трудолюбие, честность. Б.Г. Могильницкий справедливо отмечает, что значение веберовского учения об идеальном типе состоит в том, что оно открывало возможность различных подходов к рассмотрению истории и «давало ему методологическое обоснование. Ибо идеальный тип, будучи субъективной категорией, предполагал возможность существования иных мыслительных конструкций, а, следовательно, и многообразие подходов к изучению одной и той же реальности, и соответственно, допуская существование различных истин о ней» [13, с. 68-69].

Таким образом, своеобразие субъектно-объектных отношений в историческом познании, где человек изучает человека и человеческое общество, и стремление вовлечь в процесс такого изучения все стороны жизни этого общества – обусловили то, что историческая мысль подо-

шла к осознанию функционирования принципа дополнительности в историческом познании раньше, чем это поняли естествоиспытатели применительно к своим областям знания. И методологические идеи в социогуманитарной сфере не могли не оказать воздействия на философское осмысление проблем естественных наук. Тем не менее, четкое формулирование в 1927 г. принципа дополнительности Н. Бором оказало и обратное влияние на теорию и практику исторического исследования.

Н. Бор обосновывал необходимость применения неадекватных взаимоисключающих (классических) понятий в виде «дополнительных пар» невозможностью описать иначе противоречивые свойства квантовых объектов. В частности, он отмечал, что противоположность волновых и корпускулярных свойств обуславливает противоречивость теории света. Выступая с требованием радикального пересмотра взглядов на проблему физической реальности, Бор указывал, что принцип дополнительности служит для того, чтобы «символизировать фундаментальное ограничение объективного существования явления независимо от средств наблюдения» [3, р. 7]. Вместе с тем, с точки зрения Бора, разделение субъекта и объекта обуславливает общие трудности образования человеческих понятий [4, с. 53]. Он обращал внимание на применимость принципа дополнительности в биологии в связи с противоречием между физико-химической природой жизненных процессов и их функциональными аспектами; в социологии – в связи с противоречивостью понятия личной свободы и социального равенства; в юриспруденции – в связи с противоречивостью понятия правосудия и милосердия [12; 15].

Принцип дополнительности в историческом познании рельефно воплотил в своем творчестве крупнейший представитель школы «Анналов» Фернан Бродель. В опубликованном в 1949 г. труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» ученый исследует историю на трех уровнях – географическом, социальном и индивидуальном. Первый том этого труда озаглавлен «Роль среды», второй – «Коллективные судьбы и общее движение» и третий – «События, политика и люди». В предисловии к первому тому Бродель писал: «Первая часть посвящена почти неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой... Поверх этой неподвижной истории располагается история, протекающая в медленном ритме – это история структур... можно было бы сказать социальная история... история групп и коллективных образований... во второй части моей книги я последовательно останавливаюсь на истории хозяйства и государств, отдельных обществ и цивилизаций... Наконец, третья часть посвящена

традиционной истории... истории не в общечеловеческом, а в индивидуальном измерении, событийной истории... Это история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний» [6, с. 20].

Окончательную форму концепция Броделя о возможности исследования истории на разных уровнях и, следовательно, принцип дополнительности приобретает в статье, опубликованной в 1958 г. в журнале «Анналы». Историк выделяет три таких уровня: короткого, среднего и долгого времени. Первый уровень – время политической истории, время «звонких новостей», «время журналистов», второй – время экономической и социальной истории, время вековых или полувековых циклов подобных столетним секулярным трендам или кондратьевским пятидесятилетним циклам экономической конъюнктуры; третье – время географических рамок цивилизаций [5, с. 118-121].

Усвоение исторической мыслью сущности принципа дополнительности, несомненно, способствовало широкому обсуждению вопроса о применении математических методов в историческом исследовании, появлению клиометрии, структурной истории, новых подходов к социальной и экономической истории, гендерной истории и психоистории, и, в определенной мере, значительному проникновению в историографию постмодернистского видения прошлого, связанного с темами истории любви, секса, отношений человека к власти и смерти [14].

Таким образом, принцип дополнительности содействовал расширению проблематики исторической науки. В конечном счете, даже вопреки субъективному желанию ряда представителей «новой исторической науки» этот принцип привел к углублению и расширению социальных функций истории, прежде всего, научно-познавательной или эвристической, и функции социальной памяти. Вместе с тем, воздействие принципа дополнительности на процесс исторического исследования привело к трактовке такого исследования как «игры со смыслами» при констатации плюрализма истины. Теоретик постмодерна Ф. Анкерсмит констатировал, что если в конце 1960-х гг. существовало две серьезных монографии о политической философии Т. Гоббса, то через 20 лет монографий на эту тему, «обширных» и «высокого качества», стало 20-25. «Дискуссия о Гоббсе, – замечает Анкерсмит, – имеет тенденцию превратиться в дискуссию об *интерпретации* его трудов, а не о *самых* трудах философа... У нас нет больше ни текстов, ни прошлого, остались только их трактовки» [1, р. 277-278].

Преодолению субъективистской и релятивистской ориентации историка, основывающегося на принципе дополнительности, поможет

корреляция этого принципа с принципом историзма, недооцененным Броделем, и принципом целостности, игнорируемым различными вариантами релятивистских течений. Принцип целостности нацеливает историка на поиск системообразующего элемента системы, придающего ей устойчивость. А принцип историзма предохраняет от догматизации такой устойчивости и ориентирует историка на осмысление развития системы, включая изменение и смену ее системообразующего элемента.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ankersmit F.R.* Historiography and postmodernism // The postmodern history reader. - L.-N.Y., 1977.
2. *Becker C.* Every Man His Own Historian. Chicago, 1966.
3. *Bohr N.* Atomic physics and human knowledge. N.Y., 1958.
4. *Бор Н.* Избр. науч. труды. Т. 2. М., 1970.
5. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977
6. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа: В 3 ч. Ч. I: Роль среды. М., 2002.
7. *Вебер М.* «Обоснованность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произв. М., 1990.
8. *Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. №11.
9. *Гурьева И.Ю.* Проблема исторической реальности в творчестве Вильгельма Дильтея // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. Томск, 1994.
10. *Журавлев Л.А.* Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.
11. *Кречетова Н.С.* Учение о «понимании» истории В. Дильтея // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 14. Томск, 1980.
12. *Кузнецов Б.Г.* Принцип дополнительности. М., 1968.
13. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. I. Томск, 2001.
14. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. III. Томск, 2008.
15. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т.1. М., 2001.
16. *Одуев С.Ф.* Тропами Зоратустры. М., 1976.
17. *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.
18. *Рамазанов С.П.* Категория ценности в теории исторического познания Г. Риккертса // Рамазанов С.П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006.
19. *Стоянович С.* От марксизма к постмарксизму // Вопросы философии. 1991. №1.
20. *Тавризян Г.М.* О Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989.
21. *Топольский Е.* Методология истории и исторический материализм // Вопросы истории. 1990. № 5.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политических и правовых учений ВГИ (филиал) Волгоградского государственного университета; ramasergej@gmail.com

И. В. Будцын

ЯЗЫК ИСТОРИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО

дискуссии в английской методологии истории второй трети XX в.

Статья посвящена рассмотрению дискуссий, развернувшихся в английской теоретической историографии второй трети XX в. вокруг языка исторической науки как главного средства визуализации прошлого. Основное внимание автор уделяет вопросу о статусе языка историка. Определяется ключевая роль английской методологии истории в постановке и решении данной проблемы в рассматриваемый период.

Ключевые слова: визуализация, английская историография, язык историка, обыденная речь, социальная функция исторической науки, статус языка.

Почему именно «язык историка» рассматривается как основное средство визуализации прошлого? Термин *visualization* означает способность вызывать зрительные образы, делать видимым. Средства (способы) визуализации прошлого всегда были разнообразны. Достаточно вспомнить роман А. Толстого «Петр I» и картину В. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» или оперу М. Мусоргского «Борис Годунов» и фильм С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин». Современность подарила нам еще более действенные средства: *телевидение* и последнее изобретение человеческого гения *интернет*. Но основным способом визуализации прошлого еще долго будет оставаться язык (устный и письменный). Ключевая роль языка исторической науки в том, что, *во-первых*, он единственный охватывает весь массив дошедшего до нас прошлого в целом, а не в отдельных его фрагментах; *во-вторых*, он является основанием для всех других способов визуализации.

Однако и в языке профессиональный подход встречает серьезную конкуренцию. «Интернет» дает возможность без особого труда, причем с использованием сразу всех, или, по крайней мере, большинства перечисленных выше средств визуализации создать зримый образ прошлого, подкрепленный зачастую псевдо-профессиональным языковым рядом.

Не секрет, что в последние десятилетия прошлое стало объектом повышенного внимания со стороны общественности. Многие тексты публикуются солидными тиражами и выкладываются в интернет, причем с соответствующим визуальным оформлением и «научным» обоснованием. И именно этими образами пользуется большинство школьников и студентов. Потом эти студенты приходят науку, которая, к сожалению, начинает развиваться уже на фундаменте IT визуализации истории. Такова современная действительность.

В этой связи задача профессионального сообщества историков не в том, чтобы, как писал Г. Баттерфилд, «закрывшись в башне из слоновой кости», взирать на происходящее у ее подножья с чувством собственной исключительности и уверенности в своей правоте, а в том, чтобы *возглавить и направить процесс визуализации прошлого в сознании современного общества*. Дать этому процессу прочное основание в действительно научной, скрупулезно выверенной профессиональной картине прошлого, которая в то же время должна быть доступна обыкновенному человеку. В этом, видимо, и заключается *социальная функция* исторической науки в современных условиях, а средством реализации этой функции как раз и является язык истории как основной способ связывания отдельных фактов прошлого в единую визуальную картину.

Второй вопрос – *почему английская историография?* Ответ очевиден: в английской историографии проблема языка как средства визуализации прошлого была поднята раньше, чем в других национальных школах. Еще в начале 1930-х гг. основатель английского «неоконсерватизма» Г. Баттерфилд сформулировал ряд вопросов, связанных с профессиональным языком исторической науки: вопрос о природе, составе, функциях языка историка, его соотношении с языком обыденной речи и т.д. В 30-60-х гг. в английской методологии истории проходили бурные дискуссии об историческом объяснении и историческом нарративе, которые касались, в том числе, механизмов перевода прошлого, зафиксированного в исторических источниках, в образы современного сознания.

Это уже позже появятся «Категории истории» Л. Халкина в Бельгии, «Язык и история» А. Дюпрона во Франции, «Язык историка» В. Моммзена в Германии, «Семантический анализ языка историка» Ф. Анкерсмита¹ и многие другие работы. А в то время именно английские авторы держали в данном вопросе пальму первенства.

Тому, что именно английская теоретическая историография в тот период оказалась в авангарде обсуждаемой проблемы, способствовали два обстоятельства. *Во-первых*, дискуссии по проблемам языка историка в Англии развернулись на общем фоне противостояния так называемых «старых» и «новых» путей в историографии², а поэтому приобрели особую остроту. *Во-вторых*, проблема языка (и языка исторической науки в особенности) стала основной в рамках третьего и четвертого позитивизма, который неофициально сами философы часто называют «английским». Речь идет об аналитической философии истории³.

¹ Halkin. 1969. P. 11-16; Дюпрон. 1970; Mommsen. 1984. S. 57-81; Ankersmit. 1983.

² Подробнее см.: Keir. 1967; Нейман. 1978.

³ См., напр.: Бегашвили. 1965; Лооне. 1980; Грязнов. 1983.

В рамках статьи невозможно разобрать все аспекты языка историка как средства визуализации прошлого даже в том виде, в котором их сформулировал Г. Баттерфилд. Остановимся лишь на одной из них – *проблеме статуса языка историка*, которая приобрела форму противостояния *научного языка* в строгом смысле слова, и *языка обыденной речи*.

Во-первых, эта проблема прямо связана с упомянутой выше социальной функцией исторической науки. *Во-вторых*, она стала наиболее дискуссионной в английской историографии рассматриваемого периода. *В-третьих*, она является организующим центром, от которого лепестками расходятся многочисленные аспекты. К ним относятся: 1) соотношение *профессиональных понятий и терминов обыденной речи* в языке историка; 2) место *моральных и оценочных суждений* в исторических интерпретациях; 3) роль заимствованного *понятийного аппарата смежных дисциплин*; 4) место собственно исторической терминологии (*языка источников*) в словаре историка и другие.

Сразу отметим, что английские авторы, отождествлявшие язык историка с обыденной речью, не отрицали его принципиальной связи с действительностью, занимая реалистическую позицию в интерпретации природы исторических понятий. Вместе с тем, отмечая обыденный характер языка историка, они говорили о том, что последний не в состоянии создать адекватную картину прошлого, то есть *визуализировать то, что действительно было* в научных образах. Дело здесь в неспособности обыденного языка вскрыть суть событий и процессов, ибо он скользит по поверхности исторического бытия, не углубляясь в истинные причины происходящего (У. Х. Уолш, И. Берлин, П. Гардинер и др.)⁴.

Другие авторы, в основном представители «старых» путей, полагали, что язык историка профессионален, но его термины идиографичны. На своем языке историк может лишь описать уникальную и неповторимую конкретику прошлого – визуализировать для нас форму. При этом познание истории, ее движущих сил, основных закономерностей, тенденций и направлений развития остается *terra incognita*. «Если мы не можем, например, проникнуть тем или иным путем в сознание современного римского католического священника или в сознание оратора в Гайд-парке, – пишет Баттерфилд, – то трудно понять, как мы можем знать что-либо о людях XVI столетия или претендовать на понимание процесса создания истории»⁵. Дело в том, что такие понятия как «причины», «следствия», «закономерности», «движущие силы» и т.д., связаны со сравнениями и обобщениями, на которые индивидуали-

⁴ См., напр.: Walsh 1977 [1951]. P. 39.

⁵ Butterfield. 1951 [1931]. P. 9. См. также: Namier. 1952. P. 1; Fisher. 1937. P. V.

зирующий язык истории не способен. Поэтому, если история и наука, то в лучшем случае «в своем роде». Здесь мы видим, возрождение старой неокантианской дихотомии «идиографических» и «номотетических» наук. (Г. Баттерфилд, Л. Нэмир, М. Оукшотт и др.).

Наконец, большинство представителей «новых» путей поддержало мнение о том, что индивидуализирующий язык историка нельзя рассматривать в качестве разновидности научного языка даже «в своем роде», так как, являясь языком обыденной речи, он склонен к морализации и оценочным суждениям, которые в научной визуализации недопустимы. Например, в научном подходе не может быть таких понятий как «варфоломеевская *резня*», «мюнхенский *сговор*» или «*охвостье* долгого парламента» (Э.Х. Карр, Г. Лэфф и др). В данном случае мы видим, как сначала подменяется неокантианское «отнесение к ценности» моральными оценками, а затем на этом основании, делается вывод, что историческая визуализация не может рассматриваться как разновидность научного опыта даже в его неокантианском смысле. Для этих авторов историческая визуализация является разновидностью художественного творчества, своеобразным историческим романом.

Представители «старых» путей увидели в данном подходе большую опасность. Отождествление языка историка с обыденной речью давало широкий простор для морализации истории, то есть того «порока», против которого как раз и выступали основатели неоконсерватизма.

Вопрос о роли моральных и оценочных понятий в языке историка был поднят Г. Баттерфилдом еще в «Вигской интерпретации истории», вышедшей первым изданием в 1931 г. Второе издание работы (1951) совпало с выходом его новой книги «История и человеческие отношения». Баттерфилд выступил против применения в ходе визуализации прошлого таких понятий как «добро», «зло», «верно», «неверно» и т.п., считая, что это ведет к превращению истории в арену борьбы добра и зла, в которой добродетель всегда побеждает и ассоциируется с теми, кто в данный момент находится у руля государственного управления. Критикуя либеральную историографию за чрезмерную драматизацию истории, Баттерфилд обвинял вигов в том, что они приписывали исключительно себе право «выступать от имени партии прогресса»⁶. Для того, чтобы вернуть историю в лоно наук, заявляет он, необходимо *элиминировать из языка историка все моральные и оценочные понятия и суждения*. Только таким образом можно добиться адекватной визуализации прошлого исторического опыта⁷.

⁶ См.: Butterfield. 1951 [1931]. P. 64-89; Idem. 1951. P. 163, 170-171.

⁷ Idem. 1951. P. 103, 246.

Оппонентом точки зрения Г. Баттерфилда выступал И. Берлин. Уже в работе «Историческая неизбежность» (1954), а затем в программной статье «История и теория. Понятие научной истории» (1960) он заявляет, что из языка историка невозможно устранить моральные и оценочные понятия и лишить его аналогичных суждений по той простой причине, что он (язык истории) является языком обыденной речи, использование которой в исторических трудах неизбежно. Эта неизбежность определена социальной функцией истории, смысл которой в переводе прошлого, дошедшего до нас в не всегда понятных отрывочных данных, зафиксированных в источниках, в доступные и однозначно понятные современному восприятию образы. И. Берлин видел основную проблему в том, что язык обыденной речи «в явлениях постигает лишь видимую сторону дела, а не суть происходящего»⁸. Развивая эту мысль в «Концепциях и категориях» он приходит к выводу, что, «несмотря на использование общих понятий и предположений, без которых не может быть вообще никакой мысли и языка», историки рассматривают их лишь как средства «моральной и эстетической» визуализации прошлого⁹. Это, в свою очередь характеризует историю в большей степени как разновидность обыденного сознания, нежели науку в строгом смысле слова. Аналогичную позицию занял в начале 1950-х гг. и известный философ П. Гардинер, отмечая, что язык истории *не может быть точным* и определенным, как, например, язык математики или другой науки. «Неточность» – это естественное состояние исторической терминологии, так как обыденный язык, «будучи склонным к поспешным генерализациям», видит лишь то, что находится на поверхности явлений¹⁰.

Однако в то время более популярной оказалась точка зрения Баттерфилда. Его поддержали многие сторонники «старых» путей, прежде всего С.В. Веджвуд и М. Оукшотт. В работе «Правда и мнение» (1960) Сесилия Веджвуд, рассуждая о ремесле историка, писала, что он имеет право заниматься практически любыми вопросами, давать относительно них свои комментарии, например, «может рассматривать предпосылки инквизиции, объяснять ее функции и практическую деятельность... но он должен избегать открытых высказываний о том, были ли они хорошими или плохими. Она (инквизиция – И. Б.) просто *была* и должна быть рассмотрена беспристрастно в отношении к ее историческому фону»¹¹. М. Оукшотт еще в работе «Опыт и его формы» (1933), а затем в

⁸ См.: *Berlin*. 1959. p. 51, 53; *Idem*. 1963. P. 101-103.

⁹ *Idem*. 1978. P. 132, 138.

¹⁰ *Gardiner*. 1952. P. 7-8.

¹¹ *Wedgwood*. 1960. P. 49.

эссе «Быть историком» писал, что все моральные понятия и категории, такие как «правильно» и «неправильно», «хорошо» и «плохо», «справедливо» и «несправедливо», являются субъективными. Их употребление *зависит от личности историка* и ведет к искажению исторической правды. Поэтому все «моральные суждения... не должны иметь места в его трудах», историк обязан освободиться от всякого проявления своего личного отношения, выраженного в моральных понятиях, избежать морального «осуждения или оправдания, восхваления или порицания», которые ведут к искажению образа прошлого в глазах современников¹².

Существенную эволюцию в процессе дискуссии претерпели взгляды известного историка Х. Тревор-Ропера. В работе «История профессиональная и непрофессиональная» (1957) он отделил историю от наук, мотивируя это тем, что она, как знание гуманитарное, должна использовать язык обыденной речи, чтобы выполнить свою социальную функцию. Тенденция к профессионализации языка историка ведет к непониманию прошлого современными людьми, поэтому, писал он, «я выступаю против профессионализма...»¹³. Но через некоторое время в статье «Прошлое и настоящее. История и социология» он уже настаивает на необходимости специализации историков, называя попытки рассматривать прошлое сквозь призму современных оценочных терминов «вульгаризацией и ошибкой», и призывает создавать картину прошлого, *используя язык самого прошлого*, т.е. язык исторических источников¹⁴. Аналогичные позиции занимали тогда Р. Парс, Дж. Плам, Веджвуд и др.

С попыткой примирения «старых» и «новых» взглядов по данному вопросу выступил Дж. Р. Элтон. Он отмечал, что «история должна объясняться в терминах, приемлемых для всех людей, а не только для специалистов». В то же время, история – это наука, и как таковая использует специальную «техническую» терминологию, которая может быть как собственно исторической, так и заимствованной из других дисциплин. Важно не допускать перерастания «технических терминов» в «жаргон», что может привести к созданию «фальшивой научной структуры», не находящей подтверждения в терминах обыденной речи и, как следствие, к непониманию смысла прошлого. Чтобы этого не произошло, необходимо использовать «технические термины» в строго историческом контексте, для которого их употребление оправдано¹⁵. Позднее, возглавив Королевское историческое общество, в своем президентском обра-

---

¹² Oakeshott. 1962. P. 141.

¹³ Trevor-Roper. 1957. P. 18.

¹⁴ Idem. 1969. № 3. P. 16.

¹⁵ Elton. 1967. P. 110, 112.

щении Дж. Элтон призывает английских историков писать историю в терминах самого прошлого, усматривая в этом одно из существенных проявлений подлинно исторического метода¹⁶.

Специфическую позицию в академических спорах занял известный специалист по Французской революции А. Коббэн. Еще в 1956 г. в программной статье «Словарь социальной истории», опубликованной в журнале *“Political Science Quarterly”* он отрицал возможность отождествления языка историка с обыденной речью, называя подобные попытки «наивной историей», далекой от научного понимания прошлого. Неверным, с его точки зрения, будет и использование «слишком абстрактных», а потому неприменимых в исторических исследованиях понятий смежных наук, например, социологии. В то же время он выступил и против заимствования терминологического аппарата для современной визуализации прошлого *из самого прошлого*, т.е. из исторических источников. По мнению Коббэна, понятийный аппарат может быть выработан только в ходе конкретных исторических исследований каждый раз заново¹⁷.

Дискуссия о соотношении языка историка и обыденной речи порождает ряд соображений. Использование языка обыденной речи не является спецификой лишь исторической науки: практически все науки социально-гуманитарного цикла представляют свои результаты на языке обыденной речи. И дело не в специфике самой науки, а в той социальной функции, которую она выполняет. Кроме того, использование одних и тех же терминов в обыденной речи и в исторической науке неодинаково. Дж. Н. Кларк отмечал, что специалисты и неспециалисты «вкладывают различное содержание в понятие «индустриальная революция»¹⁸. Ф. Багби считал, что, несмотря на использование историками обыденного языка, они должны четче определять свои понятия, чем это делается в обыденной речи или в литературе¹⁹. А Дж. Барраклоу в своем президентском послании Королевскому историческому обществу прямо говорит о наличии *двух историй*: истории для *обыкновенного человека* и для *специалиста*, которые следует писать на *двух разных языках*²⁰.

Очевидна сложность соотношения обыденного и научного употребления одной и той же терминологии в процессе визуализации про-

¹⁶ Idem. 1977. P. 205.

¹⁷ См.: Cobban. 1956; Idem. 1964. P. 15, 17.

¹⁸ Clark. 1953. P. 6. Такого же мнения придерживался позднее А. Марвик, полагая, что в отличие от обыкновенного человека, который не всегда понимает значение терминов, используемых в повседневной жизни, историк точно знает, о чем он говорит. Marwick. 1971. P. 195-222.

¹⁹ См.: Bagby. 1958. P. 204.

²⁰ Barraclough. 1967. P. 7.

шлого. Понятийное содержание термина в научном и обыденном употреблении отличается; вместе с тем, между ними нет «китайской стены». Дело в том, что в обыденном сознании, как и в науке, происходит взаимосвязанное развитие содержательной стороны терминов (развитие понятий). То, что вчера было известно лишь узкому кругу специалистов, сегодня становится всеобщим достоянием. Таким образом, происходит своеобразное «подтягивание» обыденного сознания до научного уровня в смысле понятийного содержания терминологии. Однако возможно и обратное влияние обыденного сознания (например, политического) на профессиональное использование терминологии, что в большинстве случаев не приносит положительного результата. Поэтому, предполагая неизбежность использования обыденного языка в профессиональной визуализации прошлого, наука история должна оперировать и специфическими историческими понятиями, отличными по содержанию от понятий обыденной речи, даже если они совпадают терминологически.

Вместе с тем, использование в языке историка расплывчатых, многозначных, несущих аксиологическую нагрузку терминов обыденной речи, в процессе визуализации прошлого порождает еще одну проблему – *проблему точности (адекватности) тех образов, которые создает историческая наука*, а, следовательно, и проблему точности самого языка историка, как основного средства визуализации, прямо связанную с английской философской традицией²¹. На наш взгляд, эта проблема распадается на два принципиальных вопроса: 1) является ли образ прошлого «точным», с точки зрения полноты картины, присутствия всех, или, по крайней мере, большинства существенных деталей; 2) является ли он «точным» с точки зрения верного понимания сущности происходящих процессов. Без ответа на эти вопросы проблема статуса исторической визуализации не может иметь законченного решения. Однако, это уже тема для отдельного исследования.

В заключение выскажем убеждение в том, что проблема визуализации прошлого гораздо шире и глубже, чем вопрос чисто профессиональной его интерпретации. *Это важнейший вопрос формирования и сохранения социальной памяти в условиях глубокой трансформации общества*, очевидцами и современниками которой мы являемся.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бегаишвили А.Ф. Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси. 1965. 111 с.

---

²¹ «Пристальное внимание к языку, – пишет А. Ф. Грязнов, – критику затруднений, вызываемых неточностью языка, тоже можно отнести к элементам национальной (английской – И. Б.) традиции». Грязнов. 1983. С. 128 прим.

- Грязнов А.Ф. Концепция «аналитического реализма» в новейшей британской философии // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 128-136.
- Дюпрон А. Язык и история (XIII МКИИ). М. 1970. 70 с.
- Лоне Э.Н. Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980. 293 с.
- Нейман А.М. «Старые» и «новые» пути в истории. Некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30-60-х гг. XX в. Автореф. к.и.н. Томск. 1978. 21 с.
- Порк А. А. Историческое объяснение. Критический анализ немарксистских теорий. Таллин: Ээсти раамат, 1981. 243 с.
- Ankersmit F.R. Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language. The Hague; Boston; L., 1983. 265 p.
- Bagby Ph. Culture & History. L.: Longmans, Green & Co, 1958. IX, 244 p.
- Barracrough G. History & the Common man. Presidential Address. L.: OUP, 1967. 16 p.
- Berlin I. Historical Inevitability. L.: OUP, 1959. 79 p.
- Berlin I. History & Theory. The Concept of Scientific History // Generalizations in historical Writing / Ed. A. V. Riasanovsky, B. Riznic. Philadelphia: PUP, 1963. P. 60-113.
- Berlin I. Concepts and Categories. L.: The Hogarth Press, 1978. XVIII, 202 p.
- Butterfield H. The Whig Interpretation of History [1931]. L.: G. Bell & sons, 1951. 132 p.
- Butterfield H. History and Human Relations. L.: G. Bell & sons, 1951. 254 p.
- Clark G.N. The Idea of the Industrial Revolution. Glasgow: Jackson, 1953. 33 p.
- Cobban A. The Vocabulary of Social History // Political Science Quarterly. 1956. V. 71. No. 1. P. 1-17.
- Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge: CUP, 1964. XXII, 178 p.
- Elton G.R. The Practice of History. L.: Methuen, 1967. VIII, 178 p.
- Elton G.R. The Historian's social function // Transactions of The Royal Historical Society. 5-th series. V. 27. 1977. P. 197-211.
- Fisher H.A.L. A History of Europe. L.: Arnold & Co, 1937. P. XIV, 1301 p.
- Gardiner P. The Nature of Historical Explanation. L.: OUP, 1952. XII, 142 p.
- Halkin L.E. Les Catégories en Histoire // Les Catégories en Histoire / Publ. par Ch. Perelman. Bruxelles. 1969. P. 11-16.
- Keir D.L. Old ways & new in History // Irish Historical Studies. 1967. V. 15. No. 60. P. 214-227.
- Marwick A. The Nature of History. N.-Y.: Knopf, 1971. XXIII, 346 p.
- Mommsen W. Die Sprache des Historikers // Historische Zeitschrift. 1984. Bd. 238. H. 1. S. 57-81.
- Namier L. Avenues of History. L.; N.-Y.: Macmillan, 1952. 202 p.
- Oakeshot M. Rationalism in Politics & other Essays. N.-Y.: Basic Books, 1962. 333 p.
- Trevor-Roper H.R. History: Professional and Lay. Oxford: OUP, 1957. 23 p.
- Trevor-Roper H.R. The Past & the Present. History & Sociology // Past & Present. 1969. No. 3. P. 3-17.
- Walsh W. H. An Introduction to Philosophy of History. L.: Hutchinson Univ. Libr., 1977. 215 p. (1-st pub. 1951).
- Wedgwood C. V. Truth and Opinion. N.-Y.: Macmillan, 1960. 254 p.
- Будцын Игорь Валерьевич**, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории и теории государства и права Нижегородского коммерческого института; budig@mail.ru

И. Ю. ВАЩЕВА

ЕРЕТИКИ И ЕРЕСИ В «ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИЯХ» IV – VII вв.¹

В статье выявляется специфика репрезентации основных ересей ранневизантийского периода в «церковных историях» IV–VII вв. Автор, предприняв попытку оценить, насколько полную и достоверную информацию о современных им религиозных спорах они содержат, приходит к выводу, что «церковные истории» дают крайне мало информации, и предлагает возможное объяснение этому.

Ключевые слова: *«церковные истории», поздняя античность, византизм, исторические представления, образ прошлого, доктринальные споры.*

Содержание и фактическое наполнение «церковных историй» IV–VII вв. не раз вызывало интерес и некоторое удивление современных ученых. Как правило, большинство замечаний и рассуждений историков вращаются вокруг того факта, что в церковно-исторических сочинениях рубежа Античности и Средневековья значительное место занимает светская информация, касающаяся положения дел в императорской семье, придворных интриг, внешнеполитической ситуации и военных кампаний византийских императоров, восстаний, землетрясений, эпидемий и прочих социальных и природных катаклизмов. Такой уклон в сторону светской информации действительно вызывает недоумение. Современный читатель, встретив название «Церковная история», естественно, рассчитывает найти там рассказ о становлении христианской церкви как института и укреплении ее могущества в Империи: об учреждении церковной иерархии, о развитии догматического учения и доктринальных спорах, о путях укрепления финансового и политического могущества новой церкви и укреплении ее идеологического влияния в борьбе с еретиками, однако, вместо связного и подробного повествования о развитии догматики и институтов церкви, находит там огромное количество материала, казалось бы, не имеющего отношения к теме. В данной ситуации, пожалуй, единственный блок информации, который напрямую соответствует названию «Церковной истории», составляют сюжеты, связанные с появ-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1; Соглашение № 14.В37.21.0962), проект «Образы прошлого в историографических и политических дискурсах Западной Европы и России».

лением различных ересей, и рассказы о церковных соборах, которые и собираются, в основном, для определения истинности или ложности этих учений. Именно эта тема и признается центральной для церковно-исторических сочинений той эпохи. Исходя из такой информации, историки пытаются определить смысл и назначение «церковных историй».

Большинство отечественных ученых отмечают, что все церковные историки поддерживали официально признанную государством веру, писали свои сочинения, чтобы установить «правильный» образ мысли, и потому именно сочинения «ортодоксальных авторов» сохранились до наших дней, а произведения еретического направления дошли до нас лишь в эксцерптах и перифразах или вообще не сохранились².

В западной историографии утвердился противоположный взгляд. Так, по мнению Паулин Аллен, значительная часть церковных историков была или воспринималась в то время именно как еретики. Соответственно, она видит в этих сочинениях не пропаганду официального учения, но, напротив, жесткую религиозную полемику, и считает, что все церковные историки Восточной Римской империи исповедовали как раз непризнанные официально взгляды, используя этот жанр для утверждения своих теологических представлений как единственно верных и опровержения других учений как еретических. Согласно Аллен, целью «церковных историй» поздней античности было отстаивание интересов малых конфессиональных или религиозно-политических групп³.

Однако обе версии вызывают справедливые возражения и оставляют без ответа много вопросов. Так, версии о пропаганде официальной линии церкви противоречит обилие церковно-исторических сочинений, еретического характера. «Церковные истории» дают образцы, пожалуй, всех религиозных и конфессиональных систем того времени. Арианская версия представлена «Церковной историей» Филосторгия, фрагментами Анонимной истории V в.; несторианская – трудами Феодорита Киррского, Бархадбешаббы и др.; монофизитская – сочинениями Иоанна Эфесского, Псевдо-Захарии Митиленского, Кира Батнского, Себеоса, Иоанна Никиусского; халкидонитская версия – сочинением Феодора Анагноста. Существует даже неохалкедонитская версия – «История» Евагрия. За свои оригенистские симпатии неоднократно подвергался критике Евсевий Кесарийский и Руфин Аквилейский; Сократ Схоластик известен своими симпатиями к новацианам. В целом, из всего круга цер-

---

² Кривушин. 1998. С. 7; Удальцова. 1982, 1984.

³ Allen. 1980, 1987, 1981. P. 46. Полемическую направленность «церковных историй» отмечают и отечественные исследователи (см.: Бибииков. 1998. С. 51–55).

ковных историков поздней античности авторами, чья ортодоксальность не подвергается сомнению, были единицы.

С другой стороны, с полемической направленностью сочинений не сочетается сдержанность авторов. Вопреки всем ожиданиям, церковные историки уходят от прямых дискуссий, избегают обличений и рассказов о современных им церковных спорах. В «церковных историях» крайне редко можно найти рассказ о церковных спорах из уст современника, участника или очевидца событий. Более или менее развернутая информация об основных еретических учениях и движениях IV–V вв. (арианстве, несторианстве, монофизитстве) появляется, как правило, спустя пятьдесят – сто лет после самих событий. Непосредственные же участники теологических споров или их современники, не жалея красок и выражений, рассказывают о давних ересях но немногословны, когда речь заходит о событиях их времени. Так, например, *арианские* споры, буквально раздиравшие общество, в церковно-исторических сочинениях современников получают довольно скудное освещение. Казалось бы, наиболее полную информацию, причем с разных сторон, должны дать «Церковные истории» Евсевия Кесарийского, Геласия Кесарийского, Руфина Аквилейского и Филосторгия, авторов IV – начала V в., так или иначе вовлеченных в религиозные споры своей эпохи. Однако история арианских споров изложена здесь крайне скудно. Евсевий Кесарийский практически ничего не говорит об Арии и распространении его учения, заканчивая свою «Историю» торжеством христианства при императоре Константине⁴. Исследователя, ожидающего, например, что Геласий Кесарийский, как современник и очевидец арианских споров IV в., во всех подробностях расскажет о возникновении, сущности и эволюции арианского учения, обо всех тонкостях теологических споров и политических нюансах многих противоречий, скорее всего, ждет разочарование, поскольку описание Геласия выглядит стандартным и стереотипным⁵. Более того, как и многие другие церковные историки, Геласий избегает рассказов о деталях теологических дискуссий, и его опровержение ариан выглядит довольно мягким. Очевидно, что вся работа написана с точки зрения сторонника Никейского символа веры; однако, учитывая, что он был епископом Кесарии Палестинской и автором многих других сочинений, написанных в защиту православия, можно было ожидать от него более жесткого отношения к арианам как к врагам истинной церкви. Однако, признавая ариан еретиками, он, тем не менее, избегает слишком

---

⁴ Eusebius. 1975; Евсевий. 1982; Евсевий Памфил. 1993.

⁵ Diekamp. 1938. P. 42–49.

сильных обвинений в их адрес, пишет довольно сдержанно, и часто называет их просто фило́софов, ставя на одну ступень с язычниками.

Руфин Аквилейский⁶ из 73 глав, написанных самостоятельно, упоминает Ария и ариан всего 6 раз (X.1; X.2; X.5; X.12; X.13; X.25). Примечательно, что характеристика ересиарха выдержана у Руфина в очень спокойных тонах. Все, что автор сообщает о родоначальнике арианской ереси, это то, что «один пресвитер, именем Арий, человек религиозный более по форме и виду, нежели по добродетели, безмерно жаждущий славы, почестей и новизны, начал превратно толковать о вере Христовой» (X.1). Выступление Ария именуется у него «недостойным начинанием» (X.1) или «нечестивым начинанием» (X.2), но нигде не именуется «ересью» или «заблуждением». Он не сообщает о тонкостях богословской дискуссии, констатируя лишь, что Арий «пытался оторвать и отделить сына от вечной и невыразимой субстанции и природы Бога и Отца», и «это привело многих в Церкви в замешательство». Из подробностей биографии Ария Руфин добавляет только сообщение о внезапной и постыдной смерти ересиарха в отхожем месте (X. 12-13). Автор противопоставляет Ария его оппонентам не столько по теологическим воззрениям, сколько по морально-этическим характеристикам (X.1; X.25). Таким образом, вряд ли можно считать сообщения Руфина об арианстве полной и исторически достоверной информацией. Сам Руфин не проявляет большой активности и рвения в борьбе с арианской ересью.

Еще большее удивление может вызвать сочинение Филосторгия⁷, известного своими проарианскими симпатиями. Позиция автора четко читается в его сочинении: он не принимает ни язычество, ни Никейское вероисповедание. Они для него одинаково «безбожны». Однако говорить о непримиримости Филосторгия в вопросах веры можно лишь с большой натяжкой. Так, император Юлиан, вернувший государство к язычеству, заслужил довольно лояльное отношение автора, который скупко говорит и о язычниках, и о православных, гораздо больше внимания проявляя по отношению к арианской церкви. Некоторое удивление, однако, вызывает тот факт, что о самом основателе учения Арии и о начальной истории арианства дается не так уж много информации. Более того, Филосторгий представляет читателю весьма сомнительный образ Ария и его сторонников, который скорее дает повод для критики, нежели для восхищения и убеждения в правильности арианского учения. Вместо ожидаемого рассказа о христианском рвении и многочисленных добродетелях Ария, Филосторгий сообщает о нем лишь то, «что, отпав от

---

⁶ Руфин Аквилейский. 2005.

⁷ Philostorgius. 1913; Филосторгий. 2007.

Церкви, Арий стал сочинять корабельные, мельничные, путевые и другие подобного рода песни, и каждой придавал мелодию, которая, по его мнению, подобала той или иной из них; прелестью этих песен он стремился постепенно склонить неискушенные души к своему суевию» (II.2). Более того, Филосторгий критически оценивает учение Ария: «Превознося Ария за то, что он подвергает сомнению божественную природу Сына, Филосторгий, однако, отмечает нелепость опутавших Ария заблуждений, согласно которым тот почитал Бога совершенно непознаваемым, непостижимым и немислимым... Жертвой этого абсурдного заблуждения стал не один только Арий, но и множество других из числа его последователей» (II.3). Автор стремится не столько показать преимущества арианства, сколько представить одно из радикальных течений, отделившихся от арианства, которому он сам симпатизирует – евномианство⁸. Филосторгий весьма сдержан в осуждении противников истинной церкви и не много говорит о язычниках и представителях сект, распространенных в то время, даже против представителей официальной церкви выпадов немного. Все внимание и силу красноречия он направляет против ближайших конкурентов – умеренных ариан, в частности константинопольского патриарха Евдоксия и епископа Кесарийского Акакия. «История» Филосторгия, как и многие другие «церковные истории», не перегружена деталями догматических споров, обсуждением запутанных теологических вопросов. К вопросам догматики в чистом виде он обращается всего два раза. Первый – когда рассказывает об учении Евномия и показывает его особенности на фоне разногласий в лагере самих ариан (IX.3). Второй раз – более подробно – когда

---

⁸ Подробнее о евномианстве см.: *Vaggione*. 2000; *Wiles*. 1989. Краткий очерк развития арианского учения и становления евномианской церкви см. в: *Argov* 2001.

⁹ Стоит отметить наблюдение А.Э. Ноббс о структуре работы Филосторгия. По ее замечанию, первые девять с половиной книг, рассказывающие о весьма отдаленном прошлом, вполне соответствуя названию «Церковная история», повествуют о церковных спорах, связанных преимущественно с арианством, но как только автор приближается к своему времени (последние две с половиной книги), содержание резко меняется: автор едва касается христианской истории. Ноббс склонна объяснять такой поворот светскими источниками Филосторгия, однако тут же отмечает наличие в тексте собственно христианских элементов (предзнаменований, бедствий, прелвестников Страшного Суда) и общеглопокалиптического тона (X.9; X.11; XI.7; XII.8; XII.9; XII.10). См.: *Nobbs*. 1990. P. 262. На наш взгляд, подобная «странность» в работе Филосторгия объясняется не наличием в распоряжении довольно искусного писателя только светских источников, но общим подходом церковных историков к описанию ересей и религиозных движений современной им эпохи.

показывает специфику учения Аэция (X.2-4)¹⁰. Но и в этом случае изложение догматических тонкостей занимает всего несколько абзацев. Главным в характеристике еретиков оказываются не их догматические ошибки, неправильное понимание Священного Писания или толкования основных положений христианского вероучения, а наличие или отсутствие добродетелей, определенные черты характера, ревность и чистота веры и т.п. Таким образом, несмотря на витиеватые выражения, эрудицию автора и многочисленные риторические приемы, уровень аргументации арианского историка достаточно тривиален и понятен неискушенному читателю. В целом, Филосторгий выстраивает характеристики своих героев по тем же принципам, что и остальные «Церковные истории» ранневизантийского периода.

Интересна трактовка возникновения арианской ереси в «Церковной истории» Сократа Схоластика¹¹. Складывается впечатление, что автора не слишком волнуют детали религиозных споров и догматические тонкости¹². Сам предмет споров он оценивает как «вопросы..., предлагаемые любопытствием бесполезной праздности» (HE. I.7) Он объясняет возникновение раскола в церкви личными качествами Ария, с одной стороны, и его оппонентов, с другой. Арий «из любопытства уклонился к мнению», противоположному учению его патрона – александрийского епископа Александра, желая таким способом подорвать его авторитет и

¹⁰ Евномияне отличались тонкостью понимания догматических вопросов. «Возжа их нечестия, Ария, Филосторгий порицает за то, что тот считал Бога вселенной многочастным и многосложным. Ведь он проповедовал, что нельзя постигнуть в полной мере, сколь велик Бог, но лишь настолько, насколько у каждого хватает сил постигнуть Его. Учил также, что Он не есть ни сущность, ни ипостась, ни что-либо другое, чем Его называют; что точно так же веровали и соборы Ариминский и Константинопольский, которые определили, что рождение Единородного ни для кого непостижимо и познание о нем приписали только Отцу» (X.2).

¹¹ *Socratus Scholasticus*. 1864; *Socrates*. 1878; *Sokrates*. 1995; *Сократ Схоластик*. 1996.

¹² Как справедливо отмечает П. Аллен, арианство упоминается Сократом, но не составляет предмет его особого внимания. Вся его «Церковная история» написана сквозь призму отношения общества к новацианам. Другой же современник Сократа Феодорит Киррский вообще не рассматривает новациан как значимую силу. В то же время Феодорит описывает ереси македонян (II.6.1-2), мессалиан (IV.11) и авдиан (IV.10), о которых константинопольские историки даже не упоминают. Историю арианских споров он рассматривает сквозь призму «Антиохийской схизмы» середины IV в. (подробнее см.: Allen.1990. P. 282-283). Об «Антиохийской схизме» см.: *Cavallera*. 1905; *Schwartz*.1935. S. 129-213; *Devreesse*.1945. P. 1-16). Примечательно, что все внимание Феодорита, как у других церковных историков, сосредоточено на событиях церковной истории столетней давности, о современных же ему баталиях автор предпочитает не упоминать.

самому занять епископскую кафедру (НЕ. I.5). В дальнейшем чисто философская дискуссия, из-за упорства, тщеславия, пустословия и взаимных обид епископов, переросла в настоящий церковный раскол. «Таким образом повсюду возбуждались беспокойства; ибо видно было, что не одни предстоятели Церквей поражали друг друга словами, но разделялся и самый народ, склоняясь частью на ту, частью на другую сторону, и дело дошло до такой нелепости, что над христианством стали смеяться публично, даже в театрах» (НЕ. I.6). Сократ сожалеет о разногласиях, разделивших церковь, но при этом даже не рассматривает арианство как особое религиозное учение. Свое отношение к спорам он выражает «дивными и исполненными мудрости» словами послания императора Константина: «Хорошо ли будет, если, по поводу мелочного и суетного словопрения между вами, брат противостанет брату и собрание почтенных лиц чрез вас разделится нечестивым разномыслием? Хорошо ли будет, если... мы будем спорить друг с другом о многих и вовсе не нужных предметах? Подобные споры – дело черни, и более приличны детскому неразумию, нежели разуму людей священных и мудрых... Что касается до вопросов маловажных, рассмотрение которых приводит вас не к одинаковому мнению, то эти несогласные мнения должны оставаться в вашем уме и храниться в тайне. Да пребывает же между вами непоколебимо высота и превосходство общей дружбы, вера в истину, почтение к Богу и законному богослужению» (НЕ. I.7).

Таким образом, история арианского учения представлена довольно своеобразно. Источники IV века, от которых мы ожидаем максимум подробностей, не содержат ни восхвалений Ария и его «истинного» учения, ни осуждения «безбожной ереси». Церковные историки воздерживаются от каких-либо комментариев и развернутых характеристик арианства, причин возникновения ереси, становления собственной иерархии и проч. Единственное, в чем сходятся христианские авторы, это трактовка данного церковного раскола как «зла», поразившего всю церковь.

Те же тенденции характерны и в описании другого религиозного учения V в. – *несторианства*. Церковные историки не представляют единое мнение церкви относительно выступления Нестория. Каждый автор дает собственную оценку и уделяет этим событиям внимание в соответствии со своими религиозными симпатиями. Можно выделить три группы: 1) сторонники Нестория (Бархадбешабба, Феодорит Киррский); 2) противники несториан – монофизиты или склонные к монофизитству (Иоанн Эфесский, Псевдо-Захария Ритор, Иоанн Никиусский). Наконец, третью группу представляют авторы, занимающие в этом споре нейтральную позицию (Сократ Схоластик, Евагрий).

Первую группу представляют историки, связанные происхождением и образованием с восточными провинциями империи, очевидно, испытывавшие глубокое влияние антиохийской теологии. Соответственно симпатии Бархадбешабы¹³ всецело на стороне Нестория, однако больше всего его занимают не тонкости богословского учения, а личные качества святителя, из которых он выделяет праведность и искусство проповеди. Он представляет Нестория святым человеком, пострадавшим от нападок Кирилла и ведущим с ним ожесточенную полемику.

Феодорит Киррский¹⁴, сам осужденный за симпатии к несторианству и, казалось бы, заинтересованный в том, чтобы оправдаться, ни словом не упоминает об этих событиях и о самом Нестории. Созомен, близкий по своему духу и настроениям восточному монашеству, также не дает никакой информации об этом периоде. Заявляя в самом начале книги, что будет описывать события 325–439 гг., он обрывает рассказ на 425 г., оставляя исследователей один на один с загадкой «пропавших 15 лет».

Вторую группу составляют сочинения историков, склонных к монофизитству. Казалось бы, историки-монофизиты имели прекрасную возможность громить идейных противников. Однако Иоанн Эфесский¹⁵, столь пылкий и резкий обличитель, упоминает несториан всего один раз (VI.20) и для того лишь, чтобы показать, как монофизиты разбили несториан в споре перед царем Хосровом. Более многословен Псевдо-Захария Ритор. Он рассказывает, в частности, о позорной смерти Нестория (III.1), что должно было дополнить образ еретика. В остальных же случаях он лишь упоминает Нестория и его учение с неизменными эпитетами «богохульство» (IV.6), «лжеучение» (V.10), «заблуждение», «отвратительные ереси» (VI.5) и т.д. Иоанн Никиусский также упоминает несториан крайне редко и только как ругательство («богохульник» или «отступник и несторианин» (XСII)). Противники несторианства, как и его сторонники, не вдаются в детали теологических споров, но лишь используют сообщения о несторианстве как некое мнемоническое место, относительно которого совершается самоидентификация и обозначается собственная конфессионально-религиозная позиция.

У третьей группы относительно нейтральных авторов также нет единого взгляда на события 428 года. Самую интересную, полную и, пожалуй, объективную информацию находим у Сократа Схоластика. Отмечая хороший голос Нестория, отличный дар слова и способность к проповедованию, он, тем не менее, считает его человеком невежествен-

¹³ *Barhadbesabba*. 1932, 1913.

¹⁴ *Theodoret*. 1892, 1954. *Феодорит, еп. кирский*. 1993. *Феодорит*. 1993.

¹⁵ *Land*. 1856, 1868; *Cureton*. 1853; *Payne-Smith*. 1860; Иоанн Эфесский. 2000.

ным и амбициозным, вспыльчивым, тщеславным и легкомысленным (VII.29). Учению же Нестория и «изобретенной» им ереси Сократ дает весьма взвешенную оценку, максимально близкую той, к которой приходят современные исследователи¹⁶: Несторий не изобретал ничего нового, но сам запутался в сложных богословских положениях (VII. 32). «Между тем, пустословие Нестория возбудило во вселенной немалое волнение» (VII. 32). Итак, признавая в целом ораторские способности и ревность о чистоте веры патриарха, Сократ, тем не менее, прямо осуждает его невежество и то, что своей деятельностью он не только не привел церковь к умиротворению, но, напротив, стал причиной многих новых волнений и беспорядков. Евагрий еще более категоричен в своих оценках, неизменно называя несторианство «богохульством», «лжеучением», «ересью» и т.д. Однако никакой новой информации ни о жизни и деяниях Нестория, ни о его учении Евагрий не предлагает.

В целом, сообщения о несторианстве в «церковных историях» не столько воспроизводят истинную картину споров, сколько способствуют созданию в массовом сознании определенного стереотипа, подкрепленного в дальнейшем решениями вселенских соборов и постановлениями императоров. Диахронный анализ «церковных историй» поздней античности показывает интересную динамику в отношении к несторианству. Если в V в. историки настроены весьма терпимо и даже философски по отношению к учению Нестория, то позднее оценки этого явления становятся все более резкими и категоричными. Чем дальше по времени от самих споров отстоит сочинение, тем более многочисленными, однообразными (однозначно осуждающими) и стереотипными в нем становятся упоминания Нестория и его учения. Данная ситуация отражает, вероятно, движение позднеантичного общества от религиозной толерантности и даже индифферентности ко все более возрастающей религиозности и усилению влияния церкви в обществе. Возможно также, что в связи с институализацией христианской церкви и усилением ее влияния в обществе, после официального осуждения несторианства как ереси появление иных оценок в церковно-исторических сочинениях становится практически невозможным. Кроме того, вполне вероятно, что назначение «церковных историй» состояло не в полемике с религиозными оппонентами и отстаивании собственной, «правильной» веры, а в том, чтобы представить читателю сумму истинного (т.е. устоявшегося, закрепленного тра-

---

¹⁶ Вопрос об учении Нестория и несторианстве как таковом породил массу дискуссий. Подробнее см.: *Milton V. Anastos*.1962; *Halleux*. 1993; *A Nestorian Collection of Christological texts; Appleyard*. 1850; *The Nestorian Churches...*; *Брок*.1995; *Селезнев*. 2009, 2002, 2005; *Seleznov*. 2010.

дицией) знания. В этом случае стандартизация образа Нестория и его учения выглядят вполне закономерно.

Еще одним мощным еретическим движением V–VI вв. было *монофизитство*¹⁷. Возникнув на Третьем Вселенском соборе, осудившем ересь Нестория, как некая оппозиция и противовес несторианству, учение крайних последователей Кирилла Александрийского, возглавляемых Евтихием¹⁸, довольно скоро уклонилось в другую крайность. Развивая антинесторианские высказывания Кирилла Александрийского, Евтихий отстаивал тезис, что после воплощения логоса Христу была присуща одна (божественная) природа: т.е. пострадавшим за человечество оказывался не богочеловек, а бог. Со временем монофизитство широко распространилось на востоке Византии (в Египте, Сирии, Армении), где оно стало символом сепаратизма; популярность его на Востоке в какой-то мере может быть объяснена наличием здесь древних традиций, восходящих к восточным культам умирающего и воскресающего божества, с которым в народном воображении смутно отождествлялся Христос. Крупнейшим успехом монофизитства стал Эфесский собор 431 года, где они встретили поддержку императорской власти, опасавшейся усиления константинопольского патриарха и опиравшейся на александрийского патриарха Диоскора; однако стремление Диоскора играть роль папы Востока оттолкнуло от него епископат, и в 451 г. на соборе в Халкидоне учение монофизитов было осуждено. Борьба монофизитов против халкидонского вероучения продолжалась и в VI в., несмотря на все попытки примирения и стремление власти к утверждению единой веры.

Примечательно, что, несмотря на религиозно-политические перипетии V и VI вв., сам термин «монофизитство» для обозначения некоего

---

¹⁷ *Монофизитство* (от др.-греч. *μόνος* – «один, единственный» + *φύσις* – «природа, естество») – христологическая доктрина в христианстве, возникшая в V в. и постулирующая наличие только одной Божественной природы (естества) в Иисусе Христе и отвергающая Его совершенное человечество. То есть, вопреки православному учению, монофизитство исповедует, что Христос – Бог, но не человек (Его человеческий вид якобы только призрачный, обманчивый). См.: *Frend. 1972; Herrin. 1987.*

¹⁸ *Евтихий* (греч. *Εὐτύχιος*, ок. 380–456) – константинопольский пресвитер и архимандрит, основатель ереси евтихианства. Его имя впервые упоминается на Эфесском соборе 431 года, где он выступал в качестве оппонента Нестория. Впоследствии, продолжая бороться с несторианством, Евтихий уклонился в другую крайность и стал основателем монофизитства. После смерти архимандрита Далматия Евтихий стал главой константинопольского монашества. Он также был духовником фаворита императора Феодосия II Хрисанфия и оказался влиятельной при дворе фигурой. Учение Евтихия как ересь было осуждено на Константинопольском поместном соборе 8 ноября 448 года, но уже в 449 г. Евтихия оправдал так называемый «разбойничий» Второй Эфесский собор. Окончательно учение Евтихия осудил Халкидонский собор 451 года.

единого направления в догматике христианской церкви появляется в литературе лишь с конца VII в. В более ранний период разнообразие течений внутри монофизитства естественным образом порождает обилие церковно-исторических сочинений, написанных монофизитами, а также разнообразие оттенков их религиозных взглядов, оценок современных им религиозно-политических деятелей и основных событий церковной жизни. Наибольший интерес представляет описание сложной религиозно-политической борьбы того времени авторами, которые сами принадлежали к лагерю монофизитов: Иоанн Эфесский, Псевдо-Захария, сохранившиеся фрагменты из «Истории» Кира Батнского.

Иоанн Эфесский, пожалуй самый активный защитник монофизитства дает не так уж много конкретной информации об истории этого учения и его роли в становлении христианской церкви. Религиозные выпады Иоанна Эфесского носят весьма специфический характер и собственную (монофизитскую) позицию трудно реконструировать, даже отталкиваясь от обратных характеристик его идейных противников.

В качестве своих оппонентов он выделяет три категории: язычников, иудеев и еретиков (т.е. заблуждающихся) (III. II. 48). Довольно много места занимают реплики *против язычников* и осуждение язычества как такового. Однако в понимании VI века, вероятно, это не столько сторонники античного язычества как определенной религии, сколько представители разных религиозных верований и ритуалов, которые нельзя отнести к христианским или иудейским. Во время своей миссии Иоанн боролся с язычеством в Малой Азии, разрушал старые храмы и священные деревья, заслужил прозвище «разрушителя идолов», однако он не сообщает подробно о тех верованиях, с которыми ему пришлось здесь столкнуться. Он также неоднократно обвиняет в язычестве многих высокопоставленных чиновников, получивших классическое образование. Вероятно, что данные обвинения не столько отражают действительно симпатии и сочувствие данных лиц к религии предков, к язычеству, сколько риторический прием, примененный Иоанном Эфесским по отношению к своим оппонентам, стремление показать их жестокими и коварными врагами истинных христиан, к каковым он относил и себя.

Данные Иоанна Эфесского об иудаизме и его распространенности в Византии VI в. также не вполне отражают реальное положение дел. Для Иоанна Эфесского очевидно превосходство христианства над иудаизмом. Оно подтверждается и тем фактом, что во время землетрясения в Лаодикее синагоги были разрушены, а христианские церкви не пострадали, и тем, что даже слоны своими хоботами рисуют в воздухе знак креста (III. II. 48). Довольно часто Иоанн Эфесский упоминает самари-

тян, связывая их с иудеями (Ш.Ш.27), но контекст, в котором они упоминаются, и сравнение приводимых им эпизодов с данными других источников позволяют говорить о том, что это был чисто риторический прием, направленный на использование отрицательных ассоциаций с иудеями, утвердившихся в обществе, для осуждения современных ему религиозных противников¹⁹. Данная черта (использование риторических приемов и перенос на современную ситуацию обвинительной лексики предшествующей эпохи) не является специфической особенностью сочинения Иоанна Эфесского. Те же приемы характерны и для других церковно-исторических сочинений позднеантичной эпохи и даже для ересиологических трактатов Византии более позднего, иконоборческого периода, которые, казалось бы, должны точно идентифицировать и классифицировать различные религиозно-догматические учения и течения внутри христианства, однако по традиции продолжают относить современные им новые течения к иудаизму и язычеству. Соответственно оценивать достоверность и полноту исторической информации, приводимой церковными историками, можно только учитывая большую роль риторики в культурной жизни позднеантичного мира.

К третьей категории – собственно к *еретикам* – он относит всех христиан, осужденных официальной церковью из-за их доктринальных или обрядовых отклонений. Иоанн приводит список ересей (традиционно рассматриваемых как ереси), включающий ариан, монтанистов, маркионитов и т.д. и никоим образом не оспаривает их ложность и пагубность (НЕ. Ш.Ш.13, 26; Ш.Ш.20). О несторианах Иоанн Эфесский практически не дает никакой информации. Более того, часто он называет несторианами халкедонитов (Ш.І.19), очевидно, для того, чтобы очернить их. Упомянувшийся выше сюжет о споре монофизита и несторианина перед царем Хосровом (Ш.VI.20) дает мало фактической информации о сути обоих учений и призван лишь показать значительное распространение истинной веры (т.е. монофизитства) в Персии. В целом, степень распространения ересей, названных Иоанном Эфесским, вызывает серьезные сомнения. Скорее всего, они заимствованы из источников более раннего времени и не отражают реальную ситуацию VI века. Упоминания же о них в «Церковной истории» Иоанна Эфесского зачастую носят чисто риторический характер и необходимы автору только для того, чтобы на их фоне рельефнее показать положение «истинной» церкви, к которой принадлежал сам Иоанн. Так, он с возмущением отмечает, что на еретиков и разных врагов церкви нет гонений, а монофизиты (т.е.

---

¹⁹ Подробнее см.: *Ginkel*. 1995. P. 134-135; *Crown*. 1989.

сторонники истинной веры, с его точки зрения) подвергаются всяческому гонениям и притеснениям, т.е. к ним относятся даже хуже, чем к еретикам (Ш.Ш.13, 26; Ш.Ш.20). В другом случае он даже очень сочувственно пишет об арианах, указывая, что они пострадали, как и другие (Ш.В.16). Очевидно, данный фрагмент должен вызвать сострадание читателя и к монофизитам, с судьбой которых напрашивается невольное сравнение.

Таким образом, в изложении религиозных споров Иоанном Эфесским главным кажется не стремление ученого богослова разобраться в тонкостях догматики и изобличить заблуждения противников, но утверждение собственной принадлежности к истинной и гонимой церкви.

Основное внимание Иоанна направлено на историю монофизитского движения. Соответственно, можно ожидать от него подробного рассказа о внутренних спорах в лагере монофизитов. В VI в. основными и наиболее влиятельными течениями монофизитства были два: юлиане²⁰, последователи Юлиана Галикарнасского (? - 528) и тритеиты, возглавляемые Иоанном Филопоном Грамматиком (ок. 490 – 574 (?))²¹.

Однако Иоанн не дает много информации относительно теологических споров и разногласий. Единственное место в его «Истории», где он приводит тщательно выверенное исповедание веры, это фрагмент Ш.В.8, направленный на опровержение учения тритеитов. Тритеиты явно не пользуются симпатиями автора, причем изображаются они даже хуже, чем остальные еретики. Иоанн сравнивает их с арианами, македонянами и несторианами (НЕ.Ш.5,1) и называет их учение «безумием язычества и манихейства» (НЕ.Ш.П.51). Иоанн рисует краткую историю тритеитов и их лицемерную попытку объединения с другими монофизитами, не признавая собственных догматических ошибок (Ш.В.1-12). Он подчеркивает незаконное рукоположение их первого епископа и, соответственно, нелегитимность всей последующей церковной иерархии. После неудачных попыток объединения тритеиты просили императора выступить арбитром между ними и основным течением монофизитов (Ш.В.3). Однако бесконечный спор так и не был разрешен.

---

²⁰ Ав(ф)гардокетство (юлианизм) (от др.-греч. ἀφάρτος, нетленный + δοκῆσις, казаться, др.-греч. ἀφάρτοδοκίται — «нетленномнители») — не-халкидонское миафизитское течение, существовавшее в Византийской империи в VI–VII вв., Армении и Эфиопии. Их лидер, епископ Юлиан Галикарнасский полагал, что тело Христово было всегда нетленно. Эта точка зрения была противоположна мнению Севира Антиохийского, полагавшего, что тело Христово стало нетленно только после воскресения.

²¹ Подробнее о разных течениях и разногласиях в лагере монофизитов см.: *Болотов*. 1918; *Ginkel*. P. 142-147; *Frend, van Roey, Allen* 1994; *Meyendorf*. 1974, 1975, 1989; *Meißendorff*. 2003; *The Hidden Pearl...*; *Brock*. 1985; *Stappa*. 2005.

Описывая тритеитов, Иоанн Эфесский использует крайне негативные оценки. Он прямо называет отделившиеся течения еретическими (Ш.V.1,2,3; Ш.5.1-12). Конон и Евгений – лидеры еретиков, а все деяния тритеитов бесчестны. Они незаконно рукополагают епископов, даже не проверяя их квалификацию. Он почитают выше Евангелия книги Иоанна Филопона. Конон обвиняется также в жадности, алчности. Подобно язычникам, они создают множество богов. Их поддерживают Иоанн Схоластик и Евтихий, патриархи – халкедониты и гонители.

Вторую группу внутри монофизитского движения в период 550-560х гг. представляют юлиане или «фантазиасты». Иоанн говорит о распространении юлианизма в южных районах Эфиопии и Йемена, где «христианство испорчено юлианистами» (Ш.IV.53). Он прослеживает начало епископской иерархии юлианистов от незаконного рукоположения Прокопия, епископа Эфесского в 548/549 гг.

Таким образом, характеристики монофизитских течений, казалось бы, наиболее близких к учению самого Иоанна Эфесского, отличаются даже большей резкостью и враждебностью, чем упоминания других еретиков. В целом, если все прочие ереси упоминаются Иоанном лишь как определенные ориентиры, чтобы обозначить собственную позицию в довольно широком доктринальном поле, то тритеиты и юлианиты и их конфронтация с основным течением монофизитства составляют отдельную тему и особый интерес для Эфесского епископа. Он старательно подчеркивает незаконность происхождения епископских иерархий обеих групп, лицемерие, лживость и нечестивость их лидеров.

Еще одну группу, враждебную для Иоанна Эфесского, составляют халкедониты – сторонники официальной церкви. В отличие от юлианитов и тритеитов, они крайне редко характеризуются термином «еретики». Единственное исключение составляет описание патриарха Евтихия, «склонного ко многим ересям» (Ш.П.51). Довольно часто, чтобы очернить некоторых высокопоставленных халкедонитов, Иоанн приписывает им еретические, не-халкедонские и даже вовсе нехристианские взгляды. Так, патриарх Евтихий, преследовавший монофизитов, изображается им не как сторонник халкедонского вероисповедания, но как савватианин (Ш.I.6,51) или исповедующий ересь Павла Самосатского (Ш.П.36).

Примечательно, что Иоанн, как правило, рассматривает халкедонитов и монофизитов как единое целое, как членов единой «империи христиан» (Ш.Ш.31,32; Ш.I.37 и др.). С позиции Иоанна Эфесского, Халкедонский собор расколол империю на две части, однако объединение их и воссоединение церкви возможно и необходимо через популяризацию позиции монофизитов и разъяснение ошибок халкедонитов.

Религиозная ситуация в империи была крайне сложной, существовало множество религиозных течений и групп. Однако идеологический образ Единой империи был очень силен и поддерживался не только властями, но, как видно, разделялся и церковными историками, несмотря на их конфессиональные различия²². Что касается церковных споров, то выпады Иоанна Эфесского в адрес противников, трудно расценивать как полемику, поскольку никакого обсуждения принципиальных, догматических вопросов они не содержат. Для дискредитации идейных противников Иоанн зачастую использует стандартную обвинительную лексику предшествующего периода, когда самыми серьезными считались обвинения в язычестве и иудаизме. В описании язычества Иоанн не делает никаких различий. Язычество для него – идолопоклонство и политеизм, или попросту все, что не укладывается в его собственное понятие истинного «христианства». Во многих случаях обвинения в язычестве носят чисто риторический характер и не имеют прямого отношения к действительности. Очевидной целью церковного историка является не описание тонкостей богословских дискуссий, но утверждение истинности собственной церкви на фоне распространения других лжеучений, причем понятие «истинности церкви» носит весьма субъективный характер.

Само понимание «христианства» или «ортодоксальности» находилось еще в процессе эволюции и по-разному воспринималось разными людьми или группами. С течением времени критерии, по которым определялась принадлежность к христианскому сообществу, становились все более определенными и строгими²³. Однако в IV–VII вв. таким критерием выступала «истинная вера», понимаемая всеми по-разному.

Все направления и церкви внутри христианства имели собственную иерархию и считали себя православными. Граница между еретиками такого рода и сторонниками официального исповедания не всегда ясна. Многие из «еретиков» осуждены церковью, но приняты в общении, как, например, новациане, которые даже присутствовали на Втором вселенском соборе в Константинополе в 381 г.²⁴ Другие находились еще в процессе обособления и воспринимали себя как часть большого сообщества. Тритеиты, например, воспринимали себя частью монофизитского движения, хотя основная масса монофизитов осуждала и не принимала их.

Противоречия в лагере монофизитов и принципиальная несхожесть оценок истинности учения и судеб христианской церкви особенно ярко проявляется на фоне сравнения позиции Иоанна Эфесского со

²² *Ginkel*. P. 148.

²³ *Markus*. 1990. P. 16.

²⁴ Подробнее см.: *Ginkel*. P. 140.

взглядами другого монофизитского автора VI века – Кира Батнского²⁵. Содержание «Церковной истории» Кира Батнского, насколько можно судить по извлечениям из «Хроники» Михаила Сирийца, охватывает период с 565 по 631 г. и сводится к трем главным темам: это внешнее положение монофизитства в халкедонитском (диофизитском) государстве; внутренние проблемы и отношения в лагере монофизитов и, наконец, местная Эдесская история, как церковная, так и политическая. Сочинение Кира пересекается с «Историей» Иоанна Эфесского в описании периода с 565 по 585 год и Кир наверняка использовал его в качестве одного из своих источников. Однако картина положения монофизитской церкви в Византийском государстве этого периода представлена двумя сирийскими авторами по-разному. Различия между «Историями» Кира и Иоанна могут объясняться не только серьезными изменениями в положении церквей (с момента написания Иоанном Эфесским своего сочинения до появления «Истории» Кира Батнского прошло около 50 лет), но и принадлежностью авторов к двум различным группам монофизитства, по-разному относившимся к официальной церкви.

Как показал А. Дьяконов, Иоанн принадлежал к западному монофизитству, которое жило еще мечтой о восстановлении единства церкви, вернее, об обращении римской и греческой церквей к истинной вере, т.е. к монофизитству. Центром этого «западного» монофизитства была сирийская монофизитская колония в Константинополе, существовавшая там со времен Юстиниана. Ареал распространения охватывал Малую Азию и Ближний Восток (до Евфрата). И само это западное монофизитство тяготело к греческой культуре. «Восточное» же монофизитство, к которому принадлежал Кир Батнский, было настроено более категорично и непримиримо по отношению к официальной греческой церкви, рассматривало халкедонитов как отступников от истинной веры и стремилось не к воссоединению единой церкви Христовой, а к образованию самостоятельной церковной организации. Данное течение распространилось преимущественно в восточных областях Византийской империи, за Евфратом, нашло себе опору в среде восточного монашества и ориентировалось преимущественно на семитскую культуру.

Указанные два направления в монофизитстве со всей определенностью проявились на монофизитском соборе 567 г. в Калликоне, созванном

---

²⁵ Текст «Истории» Кира Батнского не сохранился. Его фрагменты восстановил А. Дьяконов по эксцерптам, содержащимся в тексте «Хроники» Михаила Сирийца. К сожалению, эта работа не получила продолжения ни в западной, ни в отечественной историографии, и само имя Кира Батнского, не говоря уже о его сочинении, относится к категории практически не известных. См.: *проф. Дьяконов. 1911-1912.*

по инициативе императора Юстина II для обсуждения вопроса о возможности объединения. Очевидно, Кир, живший в Эдессе и знавший о событиях 565–585 гг. по рассказам свидетелей (вероятно, монахов и епископов, участвовавших в соборе, во всяком случае, знавших о внутренних противоречиях), пишет свою «Историю» именно с сепаратистских позиций восточного монашества. Унию 571 г., описанную с таким драматизмом у Иоанна Эфесского (I.10), Кир воспринимает негативно, считая, что по своим причинам и следствиям она не служила ни к чести, ни к благу монофизитства. Из его сочинения складывается впечатление, что столичные монофизиты, постоянно ссорившиеся между собой по корыстным мотивам, вызвали гнев Юстина II, который после долгих бесплодных попыток их примирить вынужден был прибегнуть к репрессивным мерам. В результате, замечает А. Дьяконов, «вместо описанной Иоанном героической борьбы столичных монофизитов за свое правоверие в освещении Кира остается лишь перенесенный ими публичный позор подневольной унии»²⁶.

Рядом с осуждением «западных» монофизитов, склонных к компромиссу и воссоединению церквей, в сочинении Кира Батнского присутствует более терпимое, чем у Иоанна Эфесского, отношение к сторонникам официальной церкви, халкедонитам. А. Дьяконов объясняет это чисто психологическими причинами. Если для Иоанна Эфесского принципиально важен вопрос о воссоединении и выработке единой догматической концепции как основы для этого союза, то любые разногласия, даже мелкие, естественно, воспринимаются очень остро и порой болезненно. Для Кира же союз с ортодоксальной церковью не является насущной потребностью, поэтому он и относится к представителям официальной церкви спокойно и отстраненно: если они не являются «гонителями» монофизитов, то он просто фиксирует факт их существования²⁷.

Сочинения других монофизитов также вносят мало ясности в общую картину развития монофизитского движения и становление христианской церкви в целом. Основная цель, которую преследуют авторы, — показать истинность своей церкви среди множества лжеучений.

Написанная ок. 518 г., монофизитская «История» *Псевдо-Захарии* Митиленского²⁸, как ни странно, ничего не говорит о лидере монофизит-

---

²⁶ Там же. С 1459.

²⁷ В сложной религиозно-политической обстановке второй половины VI века одним из таких значимых персонажей, по отношению к которому выявляются религиозно-политические взгляды самих авторов оказался антиохийский патриарх Григорий. О различиях в оценке деятельности патриарха подробнее см.: Ващева. 2011.

²⁸ Ahrens, Kruger. 1899; Zachariae Episcopi Mitylenes...; Zacharias, Bishop of Mitylene...; Zachariah Rhetor. 1919-1924; Захария Ритор. 2006.

ского учения – архимандрите Евтихии. Захария лишь приводит епископские послания, (очевидно, соглашаясь с их содержанием), в которых объявляется анафема Несторию и Евтихию и осуждаются их «отвратительные ереси», «лжеучение» и т.д. (V.1; V.7; V.10; VI.5). Примечательно, что имена Нестория и Евтихия всегда идут в паре. Более того, с позиции автора (вложенной в уста некоего монаха Павла), «ереси Нестория и Евтихия суть одно и то же, хотя обычно их считали совершенно противоположными друг другу» (V.1). Автор полностью принимает Энотикон, который «признает 12 глав блаженного Кирилла и подвергает анафеме Нестория, Евтихия и любого, кто проповедует двойственность природ во Христе, относит чудеса к одной, а страдания к другой [природе] и разделяет ипостаси по свойствам и действиям» (VI.2) и сам заявляет: «...и мы устраним ужасных волков, отвратительные ереси, особенно заблуждения Нестория и Евтихия, проповедуя и держась веры святых отцов, которые поддерживали истину и хранили порядок в церкви, и наставляя ныне... народ и все человечество в правой вере» (VI.5).

С определенным почтением относится Псевдо-Захария к Кириллу Александрийскому, Диоскору и др. Однако особое место среди всех святителей занимают в его сочинении лидеры монофизитов – Тимофей Элур²⁹ и Север Антиохийский³⁰. Несмотря на неоднозначное поведение и участие патриарха во внутрицерковной борьбе, Тимофей Элур изображается им как «муж опытный в делах и [упражнявшийся] в отшельнической жизни» (IV.1), человек, настолько отличающийся скромностью и нестяжанием на фоне других святителей, жаждущих престолов, почестей и популярности, что и на Александрийский престол народ возвел его чуть ли не насильно, и, несмотря на оппозицию многих влиятельных церковных и государственных деятелей, в изображении Псев-

---

²⁹ *Тимофей II Элур* (греч. Τιμόθεος Β' Αἰλῦρος) – патриарх Александрийский с марта 457 по январь 460 г. и с конца 475 по 31 июля 477 г., один из виднейших деятелей антихалкидонской партии, последовательный защитник миафизитской христологии. Прозвище Элур («кот») получил за ловкие интриги против православного александрийского патриарха Протерия (452-457). См. *Timotheus Ailurus*. 1908.

³⁰ *Север (Север) Антиохийский* (456 – 538) – антиохийский патриарх (512–518 гг.), основатель ереси северианства, учёный-богослов, писал труды против евтихиевцев и мессалиан, развивая при этом монофизитские аргументы против Нестория и Халкидонского собора. Проявил себя как один из самых ревностных противников Халкидонского собора. За свою деятельность Север был проклят иерусалимским патриархом Иоанном, а император Юстин I 29 сентября 518 года лишил его епископской кафедры и отправил в ссылку. Несмотря на это, благодаря влиянию Феодоры, Север был участником поместного Константинопольского собора 536 г., на котором был осуждён как еретик (осуждение подтверждено отдельным императорским указом) и был вынужден удалиться в египетский монастырь Эннатон, где скончался в 538 г.

до-Захарии, пользующийся неизменной любовью горожан (IV.1-11). Любые распри, раздоры и даже кровавые столкновения с участием Тимофея Элуре описываются как злобные наветы и козни завистников и врагов, презревших «и священство, и целомудрие, и возраст, и аскетическую жизнь, и труды этого мужа» (IV.9). Относительно догматических разногласий монофизитов и халкедонитов Псевдо-Захария не дает собственных рассуждений, но в рассказ о Тимофее Элуре вставляет его послание к императору, очевидно, отражающее и его позицию. Кратко его взгляды выражены словами: «...я не согласен с постановлениями Халкедона, так как я нахожу в них расчленение и разделение Воплощения» (IV.6). Он утверждает единство божественной и человеческой природы Христа, а любое их разделение воспринимает как подобие несторианству, официально осужденному как ересь, как «лживое учение» и «повод к заблуждению» (там же). «История» Псевдо-Захарии не содержит подробной аргументации такой позиции³¹ и собственных рассуждений о единстве или разделенности природ Христа. Он констатирует лишь, кто «без всякого страха выказал правдивость и честность» и поддержал Тимофея, а кто, поддавшись давлению нечестивых пастырей, осудил его взгляды, оспорил законность его рукоположения, даже назвал его «Антихристом» и обрек Тимофея на ссылку. В конце концов, миролюбивый и кроткий Тимофей возвращается в Александрию, встреченный «с великой торжественностью, с факелами хвалебными песнями, разными людьми и разными племенами» (V.4).

Еще большим почтением и авторитетом для Псевдо-Захарии обладает Север Антиохийский. Его он называет не иначе, как «Святой Севир». Лучшей характеристикой этого персонажа являются его аскетический образ жизни, монашеские подвиги, ревность в исповедании веры, образованность и владение божественной мудростью, полученной от мужей, наставленных в вере самими апостолами (IV.6; VII.9; VII.12; VIII.2). Захария посвящает Северу и его спорам с фантазиастами и императором Юстинианом всю IX книгу своей «Истории», но и здесь он больше говорит о событиях, нежели о тонкостях догматических дискуссий. Для характеристики позиций своих героев он приводит тексты посланий Севера и Юлиана Галикарнасского, мало что добавляя от себя.

---

³¹ «...поскольку они подробно приводятся вместе с опровергающими их цитатами, мы не повторяем их здесь, чтобы не наскучить читателю. Ибо православные везде могут найти возражения против них, сделанные мужами мудрыми. В первую очередь Диоскором; и после него Тимофеем; и после него Петром, и Ксенаем Иеропольским, и ученым Севиром, архипастырем Антиохи, в его труде «Против Грамматика», и Косьмой, и Симеоном Лонгинским, и александрийцами в их послании» (IV.6).

Таким образом, основное повествование Псевдо-Захарии, как и других церковных историков, разворачивается не вокруг догматов и возможных толкований текста или богословских дискуссий, но вокруг характеристики влиятельных пастырей, служащих образцом мудрости и благочестия. Он не старается проследить развитие «истинного» учения или «лжеучения», но дает яркую картину своего времени, в которой обозначены святые и благочестивые ревнители истинной веры и, с другой стороны, клеветники и гонители, т.е. те, от кого они пострадали.

Автор еще одной монофизитской «Церковной истории» *Иоанн Никиусский*³² также не прослеживает возникновение монофизитского учения, довольно отрицательно относится к родоначальнику монофизитства Евтихию: «В те дни получил известность Евтихий, который жаждал разрушения [веры]. Он не знал священных Писаний, поскольку не стремился изучать их» (гл. LXXXVIII). Термин «монофизиты» Иоанном не используется; Север Антиохийский, Тимофей Элур, Петр Монг и др. характеризуются как православные (и даже святые), а их противники относятся к халкедонитам или чаще к несторианам (гл. LXXXVI–XCIV). С большой симпатией относится Иоанн к Северу Антиохийскому – «мудрому мужу, чрезвычайно сведущему в Писании, и превосходному священнику», «пропитанному учением св. Кирилла», «боголюбивому» (гл. LXXXVIII). Вероятно, в этом сказываются «патриотические» мотивы. Север считал себя строгим последователем Кирилла Александрийского; его знали и уважали в Египте, с которым связана значительная часть его жизни. «Когда он [знаменитый Север, патриарх великого города Антиохии] услышал о смене веры, о возвращении Виталиана и приеме, оказанном ему при дворе императора Юстина, он в страхе бежал в Египет и оставил свой трон. Виталиан же ненавидел его и желал отрезать у него язык за то, что тот написал [и произнес] в церкви длинные и краткие проповеди, полные мудрости и обвинений против императора Льва и его порочной веры. Вместо Севира патриархом Антиохии был назначен Павел. Из-за того, что Павел находился в общении с халкедонитами, возник раскол, и никто не вступал в общение с ним за исключением лишь императорских магистров. Верующие отвернулись от него, ибо он был несторианином, и соглашались [принимать] священное благословение и крещение только из рук священников, тайно рукоположенных великим Севиром. Тот же кто желал отрезать язык у великого Севира, вскоре погиб насильственной смертью... Таким образом, Бог быстро наказал его; как и предсказал Север, он умер насильственной смертью» (гл. XC). «Патриарх Север напи-

---

³² The Chronicle of John, bishop of Nikiu...; Chronique de Jean, eveque de Nikiou...; Иоанн Никиусский. 2006.

сал трактат, полный мудрости и богобоязненности... Учение его до настоящего времени господствует среди египетских монахов» (там же).

Все несчастья возникали по вине халкедонитов, особенно патриархов, занимавших Антиохийский престол после Севира. «Этот муж [патриарх Евфрасий – *И.В.*] ненавидел христиан, приверженных учению Севира. Тогда многие из православных были убиты из-за веры, которой он учил. Он разжег гражданскую войну по всей Римской империи, и пролилось много крови. А в городе Антиохия волнения продолжались в течение пяти лет... » (гл. XC). «По той же причине Антиохию постигла страшная кара в царствование императора Юстина. Практически весь город погиб в огне, сам патриарх Евфрасий тоже погиб в огне. Его приемником назначили... мужа по имени Ефрем из Амиды в Месопотамии. Он, как и его предшественник, был халкедонитом и преследовал православных. Города Селевкия, Дафна и все населенные пункты в пределах 20 миль также [были разрушены]. И каждый, кто был свидетелем этого, говорил: «Все эти бедствия произошли из-за забвения православной веры, из-за несправедливого изгнания патриарха Севира, из-за злых деяний императора Юстина и из-за его отказа от веры боголюбивых императоров, его предшественников» (гл. XC).

Сочинения монофизитских церковных историков строятся по одной схеме. Все они ощущают себя защитниками истинной веры, а не сторонниками какого-то нового учения, противостоящего официальной церкви, и не называют себя монофизитами. Более того, Евтихий, признаваемый сегодня родоначальником монофизитства, монофизитскими историками однозначно осуждается. В качестве образца и примера святости и благочестия они выбирают одного из ярких представителей современной им церкви, как правило, Севира Антиохийского или Тимофея Элура, изображая их людьми довольно кроткими и милостивыми, подвергшимися преследованиям по клевете и наветам противников. Со своими идейными оппонентами оба поступают мягко, «увещевая иставляя их», но не обличая как еретиков и не вступая в словопрения.

Весь обличительный пафос направлен на ересиархов, уже осужденных церковными соборами. О современных им религиозных спорах «церковные истории» VI в. дают крайне мало информации. Даже собственная догматическая позиция авторов формулируется весьма размыто. Главным способом самоидентификации в обширном конфессиональном пространстве для авторов VI века являются не столько формулировки основ истинной веры (как они это понимали), сколько указание неких образцов святости, мудрости и благочестия. В роли таких светочей выступают не основатель монофизитства Евтихий и не лидеры тритеитов или фантазиастов, но Тимофей Элур и Север Антиохийский.

Большой интерес для освещения религиозных споров халкедонитов и монофизитов представляет единственная «Церковная история» VI в., написанная с позиций официальной церкви, точнее с позиций неохалкедонизма, – «История» Евагрия Схоластика. Казалось бы, Евагрий как проводник официального курса на утверждение единства веры, приложит все силы к устранению всевозможных догматических несогласий, к поиску компромиссного варианта, способного удовлетворить и халкедонитов, и монофизитов разного толка, утверждению образа христианства как некоего монолита и пропаганде идеи «одна власть, одна вера». Однако и в случае с Евагрием, читателя ждет разочарование. Как справедливо отмечает И.В. Кривушин, при внешнем наличии всех необходимых элементов церковно-исторического сочинения (описания соборов, преемства епископов, примеров чудес и подвижничества), линия церковной истории распадается на отдельные автономные сюжеты, оказывается дискретной и не выстраивается в единую схему. Более того, «по мере развития сюжета церковно-историческая тема все более и более оттесняется на задний план, чтобы окончательно исчезнуть в начале пятой книги»³³. Складывается впечатление, что автора гораздо больше интересуют события гражданской, светской истории, нежели церковной. Здесь нет ни рассуждений о догматических вопросах, ни поиска компромисса, ни примеров борьбы за чистоту веры.

Содержание труда Евагрия составляет описание Халкидонского собора, его предыстории и его последствий³⁴. Казалось бы, основное место в нем должно занимать описание борьбы православных (сторонников Халкидонского символа) против монофизитов, не принявших решения собора. Однако ни о возникновении этого учения, ни о разногласиях в лагере монофизитов, ни об их борьбе с официальной церковью, ни о религиозно-политических потрясениях, связанных с распространением монофизитства, здесь нет однозначной информации. Главный еретик для Евагрия – Несторий³⁵, уже осужденный на соборе 431 г. и повторно анафематствованный на втором Эфесском соборе 449 г. и на Халкидонском соборе 451 г. В описании же современных ему еретиков очень мало опре-

³³ Кривушин. С. 204. «Рассказ о внутрицерковной борьбе отличается в целом неясностью и запутанностью» (там же).

³⁴ Allen. 1981. P.4; Кривушин. С. 203; Whitby. 2000. P. XX.

³⁵ «...Несторий – богоборствующий язык, второй синедрион Каиафы, кузница богохульства, где против Христа вновь злоумышляют и где Христа продают, разделяя и расчлняя Его две природы, ...отверг и отбросил слово «Богородица», ...переквал и преобразовал его в «Христородицу», и изнурил Церковь мириадами войн, закатив ее кровью братьев... С того времени и началась война Церкви» (I.2). Всего к Несторию относится 22 упоминания в «Церковной истории» Евагрия.

деленности. Евагрий даже не упоминает имени монофизитского теолога Юлиана Галикарнасского, основателя и главы течения афтартодокетов, хотя афтартодокетический эдикт Юстиниана (564 г.) составляет один из важных сюжетов современной ему церковной истории. Излюбленные герои монофизитских историков упоминаются Евагрием, но очень сухо и протокольно. Так, Севир Антиохийский, хотя и упоминается в тексте 10 раз, описывается без каких-либо эмоций; даже то, что он подверг анафеме решения Халкидонского собора, не встречает каких-либо комментариев (Ш.33-34). Тимофей Элур упоминается 11 раз, однако ни разу Евагрий не дает развернутой характеристики патриарху и воздерживается от каких-либо оценок его деятельности. Даже рассказывая о финале его жизненного пути в разгар религиозной борьбы, Евагрий ограничивается простым упоминанием о кончине патриарха без комментариев, сообщая лишь о преклонных годах Тимофея (Ш.10-11). Пожалуй, больше всего внимания он уделяет деятельности Петра Монга. И хотя упоминания о нем встречаются всего 5 раз, но по объему приводимой информации, по числу подробностей и личной окрашенности упоминаний этот персонаж явно превосходит других. И даже здесь Евагрий сразу сообщает, что Каландион назвал Петра прелюбодеем (Ш.16), намекая на его незаконное рукоположение, хотя тут же говорит, что это александрийцы самовольно рукоположили Петра своим епископом (Ш.11), т.е. главным виновником в этой ситуации является не сам патриарх, а александрийцы. Дальнейшие события описаны без подробностей. Феофан и Захария дают весьма противоречивые оценки личности и деятельности Петра Монга, и Евагрий мог бы сказать свое слово, но он уклоняется и от обличений, и от восхвалений, лишь сухо сообщая, что «Петр открыто подверг анафеме собор в Халкедоне» (Ш.16). Единственное оценочное суждение Евагрия касается не догматических положений, а характера Петра: «Этот самый Петр [Монг], как [человек] двуличный и переменчивый и к обстоятельствам приспосабливающийся, никогда не оставался при одном мнении, то подвергая анафеме собор в Халкедоне, то заводя песнь, противоположную прежней, безоговорочно его принимая» (Ш.17). В двух словах говорится, что Петр «породил своей злобой великую смуту» (Ш.22). Даже об анафеме Петру Евагрий упоминает между прочим и не от своего имени, но, приводя решение Римского собора 484 года (Ш.21)³⁶. Как замечает И.В. Кривушин, в «темном» изложении истории борьбы за епископский престол Александрии Петра Монга и Иоанна «чрезвычайно трудно понять, кто из ее участников на самом деле является ортодоксом – Акакий Константинопольский, защитник Петра, или римские епископы Симплиций и Фе-

---

³⁶ Подробнее см.: *Евагрий Схоластик*. 2006. С. 209.

ликс, покровители Иоанна. При этом главные герои представлены весьма негативно: Петр все время норовит изменить Халкидонскому символу, а Иоанн оказывается настоящим клятво-преступником»³⁷.

Возможно, Евагрий намеренно не дает полной картины бушевавших страстей, как бы набрасывая полупрозрачную вуаль на события VI века, сквозь которую видны лишь смутные тени. Может сложиться впечатление, что автор специально не акцентирует внимание на внутрицерковных распрях и противоречиях: такой подход должен был представить читателю картину внутреннего мира и благоденствия христианской церкви. Как отмечает И.В. Кривушин, «церковно-историческая тема... естественно исчерпывается сама собой, когда рассказ доходит до полной победы диофизитов»³⁸. При Юстиниане, при котором были смещены монофизитские архиепископы Константинополя и Александрии и провозглашена анафема Северу и Анфиму, истинная церковь, наконец, восторжествовала, достигла окончательного единства и могущества. Евагрий довольно точно фиксирует поворотный момент в истории церкви – 536–538 гг., окончательный разрыв между монофизитством и «официальной верой», основанной на постановлениях «Четырех Соборов». «...отныне во всех церквях открыто проповедуют Халкедонский собор и никто не осмеливается подвергать его анафеме, а мыслящих иначе тысячами способов принуждают приходить к согласию. Юстинианом был написан и закон, в котором он предал анафеме Севира и Анфима вместе с другими...; так что с этого времени все церкви избавились от расколов, ведь и патриархи всех диоцезов находятся в согласии друг с другом, и епископы городов следуют за своими экзархами, а в Церквях проповедуются четыре собора: первым – Никейский, затем – Константинопольский, третьим – Первый Эфесский, четвертым – Халкедонский» (IV.11).

Однако подобный взгляд на сочинение Евагрия как на попытку примирения враждующих партий в церкви и пропаганду идеи о единстве веры, не находит подтверждений. В «Церковной истории» Евагрия нет ни явных попыток примирить враждующие стороны или как-либо согласовать их позиции, ни одного значимого положительного персонажа в рядах церкви, что существенным образом подрывает картину религиозного мира и благоденствия, величия и могущества христианской империи.

Как кажется, религиозная позиция того или иного святителя не является решающей в характеристике его деятельности. Так, например, образ антиохийского патриарха Флавиана, отличавшегося умеренностью и ортодоксальными взглядами, вопреки ожиданиям, оказывается довольно

³⁷ Кривушин. С. 204.

³⁸ Там же. С. 203.

противоречивым. Он не обнаруживает необходимой стойкости и твердости, не может противостоять выступлениям «монофизитского смутьяна Ксена³⁹» (Филоксена Мабугского), становится виновником беспорядков в городе и «страшной резни монахов» (Ш.32), так что изгнание и ссылка Флавиана выглядят вполне закономерным исходом. Православные и благочестивые императоры Юстиниан и Юстин II также не заслуживают положительной оценки Евагрия. На этом фоне контрастно выделяются фигуры двух антиохийских патриархов – Григория и Анастасия. Причем, Григорий в изображении Евагрия вообще не участвует в религиозной борьбе, зато Анастасия⁴⁰ Евагрий сравнивает с «неприступной твердыней», стоящей «на незыблемом утесе веры».

В целом, сочинение Евагрия не содержит ни однозначного утверждения какой-либо конфессиональной позиции, ни опровержения и обличения противников, ни согласования разных позиций в интересах единства церкви, т.е. ни полемики, ни пропаганды. Принципы описания церковно-исторических событий, общий взгляд Евагрия на церковную историю обнаруживает те же тенденции, что и «церковные истории» его предшественников. Основной пафос борьбы за чистоту веры и вся сила обличения направлены автором не на современников, а на ересиархов предшествующего времени. Главным противником церкви для Евагрия является Несторий, в то время как подробности современных монофизитских споров остаются в тени. Автор пишет о разногласиях внутри монофизитского лагеря и противоречиях с официальной церковью очень туманно, как бы нехотя, скорее упоминая о них в качестве фона, на котором разворачивается деятельность антиохийских патриархов Анастасия и Григория, нежели представляя основную линию внутрицерковной борьбы второй половины VI века. Основателя монофизитства Евтихия называет нечестивцем (I.9), а его взгляды – «дурным учением Евтихия» (II.2), «зломыслием Евтихия», «выдумкой Евтихия» (III.5) и т.д., без каких-либо подробностей, уличения во лжи или ошибках. Как и его предшественники, Евагрий старается связать взгляды описываемых им религиозных деятелей и еретиков с более древними и уже осужденными учениями. Так, несторианство оказывается разновидностью иудейства, «иудейскими

³⁹ Там же. С. 205.

⁴⁰ «Анастасий прекрасно разбирался в богословских вопросах и в то же время отличался строгостью нрава и поведения, так что порицал чрезмерно суетное и всегда сохранял твердость и неизменность в вещах важных и относящихся к Богу... В серьезных [вопросах] он превращался в слух и становился красноречивым, сразу разрешая возникшие трудности; в [вопросах] второстепенных он полностью затворял слух и держал язык в узде, так что ответ его строго соизмерялся с вопросом, а молчание ценилось выше слова» (IV. 40).

догматами» (I.2). Евагрий и Феодор Чтец говорят, что многие считали императора Анастасия манихеем (Ш. 32). В характеристике ересиархов и ревнителей истинной веры на первый план выходят личные черты. Истинным ревнителям веры подобает добродетельная жизнь, благочестие, монашеские подвиги, величие души, мудрость, «суровость, соединенная с милосердием» (V.4), мужество и кротость одновременно, а еретики и противники истинной церкви выступают средоточием всяческих пороков. Хотя, стоит отметить, что в «Истории» Евагрия практически нет однозначно положительных или однозначно отрицательных героев.

Подводя некоторые итоги, стоит сказать, что репрезентация основных ересей ранневизантийского периода в «церковных историях» IV–VII вв. обладает определенной спецификой. Вопреки ожиданиям, о подробностях внутрицерковной борьбы мы узнаем, скорее, из полемических и догматических трактатов, посланий епископов и прочих сочинений, чем из «церковных историй», которые, несмотря на обилие обличительной лексики и общий пафос борьбы за чистоту веры, дают крайне мало информации о современных им еретических учениях и связанных с ними церковных спорах. Весь пафос борьбы направлен на ересиархов предшествующего времени, уже осужденных официальной церковью. О современных же авторам еретических движениях и их лидерах церковные историки предпочитают говорить мало, избегая категоричных оценок.

«Церковные истории» содержат крайне мало отступлений догматического характера, даже собственная позиция автора не высказывается определенно, но реконструируется с большим трудом. При всем внешне обличительном пафосе «Церковных историй», отношение авторов к религиозным противникам отличается, скорее, некоторой толерантностью, нежели явной враждебностью. Крайнюю позицию занимает Созомен (Ш.15), рассказывающий одинаково почтительно об ученых мужах и среди ортодоксальных христиан, и среди еретиков: «Были также и в Италии, и в подчиненных ей областях мужи, отличавшиеся знанием отечественного красноречия, например, Евсевий и вышеупомянутый Иларий, которого известны знаменитые сочинения о вере и против еретиков, равно как Люцифер, бывший, говорят, основателем соименной ему ереси. В то же время у еретиков славился Аэций диалектик, человек сильный в искусстве умозаключений, опытнейший в словопрении, беспрепятственно этим занимавшийся и, за свои легкомысленные рассуждения о Боге, у многих прославившийся безбожником... Но да не покажутся кому-либо неприятными похвальные мои отзывы о некоторых основателях или ревнителях упомянутых ересей: я говорю только, что они отличались красноречием и ученостью; что же касается до догматов, то пусть

судят о них другие, кому следует. Ибо не в том состоит предмет моего сочинения, и это не относится к Истории, которая должна излагать одни события, не прибавляя ничего собственного. Итак, из людей, говоривших по-гречески и по-римски, все, в то время прославившиеся своим образованием и ученостью, теперь нами перечислены» (III. 15).

В характеристике еретиков и святителей церкви главное место занимает не столько их религиозная позиция, сколько личные качества. Возможно, это связано со спецификой жанра (история в первую очередь, предполагает изложение событий, а не догматических тонкостей) или с потребностями аудитории, на которую были ориентированы эти сочинения. Так, рассказывая о Марафонии, распространявшем ересь македонян, Созомен пишет: «К ним присоединилась не малая часть и народа в Константинополе, Вифинии, Фракии, Геллеспонте и областях соседних; ибо жизнь их, на которую народ больше всего обращает внимание, была безукоризненна, походка – степенна, правила препровождения времени – сходны с монашескими, речь – проста, нрав – привлекателен. Таков именно, говорят, был тогда и Марафоний» (Созомен. IV. 27).

Кроме того, сознательный уход от изложения противоречий, стремление избежать обличений и споров, общее отношение к религиозной борьбе того времени вполне согласуются со Св.Писанием, соответствуя словам 1 и 2 послания к Тимофею: «Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречения, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких» (I к Тимофею, 6. 3-5); или: «О Тимофей! Храни преданное тебе, *отвращаясь негодного пустословия* и прекословий лжеименного знания, которому предавшись, некоторые уклонились от веры» (I к Тимоф. 6. 20-21). «Сие [Слово Божие] напоминай, заклиная перед Господом не вступать в словопрения, что ни мало не служит к пользе, а к расстройству слушающих. Старайся представлять себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины, а *непотребного пустословия удаляйся*; ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться» (II к Тимоф. 2. 14-17).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- Eusebius*. The Ecclesiastical History. Vol. 1-2. Cambridge (Mass.), 1975. 525 p.; *Евсевий*. Церковная история / Пер. М. Е. Сергеев // Богословские труды. М., 1982. Сб. 23–25; *Евсевий Памфил*. Церковная история / Пер. М.Е. Сергеев, комм. С.Л. Кравца. (Серия «Памятники церковной письменности») М., 1993. 446 с.

- Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica // Patrologia Cursus completus. Series Graeca. T. 67. 1864. Cols. 29–842; Socrates' Ecclesiastical History, according to the text of Hussey with the introduction of W. Bright. Oxford: Clarendon Press, 1878. 343 p.; Sokrates. Kirchengeschichte / Hrsg. von G.C. Hansen. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte, Neue Folge, Bd. 1). Berlin, 1995. 501 s.; *Сократ Схоластик*. Церковная история. / Пер. СПбДА под ред. И.В. Кривушина. (Серия «Классики античности и средневековья»). М., Росспэн, 1996. 368 с.
- Руфин Аквилейский*. Церковная история // *Тюленев В.М.* Рождение латинской христианской историографии. С прилож. перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Издательство Олега Абышко. 2005. С. 230–284.
- Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen. Hrsg. J. Bidez. Leipzig, 1913. 340 s.; Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV–V вв. М.: РОССПЭН, 2007. С. 189–265.
- La premiere partie de l'Histoire de Barhadbesabba 'Arbaia. Texte syriaque edite et traduit par F. Nau // Patrologie Orientale, t. XXIII, fasc. 2. Paris, 1932. P. 179–343; La seconde partie de l'Histoire de Barhadbesabba 'Arbaia et une Controverse de Theodore de Mopsueste avec les Macedoniens. Texte syriaque edite et traduit par F. Nau // Patrologie Orientale, t. IX, fasc. 5 Paris, 1913. P. 489–677.
- The Ecclesiastical History, Dialogues and Letters of Theodoret. Transl. by B. Jackson. NY, 1892. Theodoret. Kirchengeschichte. Hrsg. von L. Parmentier, F. Scheidweiler. (GCS 44). Berlin, 1954; *Феодорит, еп. кирский*. Церковная история / Пер. с греч. М.: РОССПЭН, 1993. 239 с.; *Феодорит*. Церковная история. СПб., 1852.
- Land J.* Joannis Bishof von Ephesos, der Erste syriche Kirchenhistoriker. Leiden, 1856. 212 s.; *Cureton W.* The Third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Oxford: OUP, 1853. 418 p. *Payne-Smith R.* The Third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Oxford: OUP, 1860. 463 p.; Joannis episcopi Ephesi scripta historica / *Land J.* Anecdota Syriaca. T. 2. Lugduni Batavorum, 1868. 391 p.; *Иоанн Эфесский*. Церковная история // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Ahrens K. Kruger G.* Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor. Leipzig, Teubner, 1899 (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana). 417 s.; Zachariae Episcopi Mitylenes Aliorumque Scripta historica Graece plerumque deperdita // Anecdota Syriaca / Ed. J.P.N. Land. T. III. Lugduni Batavorum, 1870. 356 s.; *Zacharias, Bishop of Mytilene*. The Syriac chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. translated into English by F.J. Hamilton and E.W. Brooks. New York : AMS Press, 1979. 344 p.; *Zachariah Rhetor*. Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta / Ed. by E.W. Brooks. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri. 83–84, 87–88. Louvain: Peeters, 1919–1924; Paris, 1925; *Захария Ритор*. Церковная история // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–VI. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. С. 436–481 (фрагменты).
- [*Whitby M.*] The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus. Translated with an introduction by Michael Whitby. Liverpool University Press, 2000. 454 p.; *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книги I–VI. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 672 с.
- The Chronicle of John, bishop of Nikiu. Translated by R.H. Charles. L.; Oxford, 1916. 200 p.; Chronique de Jean, eveque de Nikiou, texte ethiopian. Tr. H. Zotenberg. Paris, 1883. 488 p.; Иоанн Никиуский. Хроника // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–VI. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 539–576 (фрагменты).

Литература:

- Бибиков М.В.* Историческая литература Византии. Спб., «Алетейя», 1998. 318 с.
- Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. Петроград: Третья Государственная Типография, 1918. Т. 4. 600 с.
- Брок С.* Христология Церкви Востока (Персидская церковь Сасанидской империи) // ВДИ. 1995. № 2. С. 39 – 53.
- Ващева И.Ю.* Патриарх Григорий: портрет святителя в изображении сирийских историков // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти С.И. Архангельского. Н. Новгород: НГПУ, 2011. С. 139–144.
- Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб.: Алетейя, 1998. 256 с.
- Мейендорф И.* История Церкви и восточно-христианская мистика: Единство Империи и разделение христиан. Святой Григорий Палама и православная мистика. Византия и московская Русь. М.: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 576 с. – Серия «Древо».
- проф. А.П. Дьяконов.* Кир Батнский, сирийский церковный историк VII века // Христианское чтение. 1911. № 11. С. 1294–1320. № 12. С. 1450–1467. 1912. № 1. С. 88–117.
- Селезнев Н.Н.* Имя Нестория как символ и вопрос его почитания в восточносирийской традиции христианства // Символ. Вып. 55: Духовная культура сирийцев / ред. Н.Л. Мухелишвили и Н.Н.Селезнев. Париж-Москва, 2009. С. 257–286.
- Селезнев Н.Н.* Несторий и церковь Востока / Под науч. ред. и с предисл. Н.В. Шабурова; РГГУ, Центр изучения религий. Москва: Путь, 2005. 111 с.
- Селезнев Н.Н.* Христология Ассирийской Церкви Востока: анализ основных материалов в контексте истории формирования вероучения М.: Euroasiatica, 2002. 198 с.
- Удальцова З. В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII века. М., 1984. С. 182–191.
- Удальцова З.В.* Церковные историки ранней Византии // Византийский временник. Т. 43. 1982. С. 3–21.
- A Nestorian Collection of Christological texts: Cambridge University Library MS Oriental 1319 / Ed. by L. Abramowski and A.E. Goodman. Cambridge: CUP, 1972. 198 p.
- Allen P.* Evagrius Scholasticus, the Church Historian. Louvain: Spicilegium Sacrum Lovaniense, 1981. 312 p.
- Allen P.* Some Aspects of Hellenism in the Early Greek Church Historians // Traditio. Vol. 3. 1987. P. 368–381.
- Allen P.* The Uses of Heretics and Heresies in the Greek Church Historians Studies in Socrates and Theodoret // Reading the Past in Late Antiquity / Ed. by G. Clarke, B. Croke, R. Mortley and A. Emmett Nobbs. Sydney, 1990. P. 265–289.
- Allen P.* Zachariach Scholasticus and the Historia ecclesiastica of Evagrius Scholasticus // Journal of Theological Studies. Vol. 31. 1980. P. 471–488.
- Appleyard E.S.* Eastern Churches: containing sketches of the Nestorian, Armenian, Jacobite, Coptic and Abyssinian communities. London, 1850. 123 p.
- Argov E.J.* Giving the Heretic a Voice: Philostorgius of Borissus and Greek Ecclesiastical Historiography // Athenaeum. Vol. 89. 2001. P. 503–511.
- Brock S.P.* The Christology of the Church of the East in the Synods in the Fifth to Early Seventh Centuries // Aksun-Thyateira. Festschrift to honor Archbishop Methodius / Ed. by G. Dragas. Athens, 1985. P. 125–142.
- Cavallera F.* Le schisme d'Antioche (IVe-Ve siècles). Paris: Picard, 1905. 372 p.

- Crown A.D.* (ed.) *The Samaritans*. Tübingen: Mohr Siebeck, 1989. 813 p.
- Devreesse R.* *Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête Arabe* (Études Palestiniennes et Orientales), Paris: Libraire Lecoffre, 1945. 345 p.
- Diekamp F.* *Gelasius von Caesarea in Palestina: Analecta Patristica / Ser. Orientalia Christiana Analecta*, 117. Rome, 1938. P. 16–49.
- Frend W.H.C.* *The Rise of Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 405 p.
- Ginkel J. van.* *John of Ephesus: a monophysite historian in six-century Byzantium*. Groningen: Diss. Groningen, Rijksuniv., 1995. 283 p.
- Halleux A. de.* *Nestorius, histoire et doctrine // Irenikon*. 1993. Vol. 56. P. 38–51, 163–177.
- Herrin J.* *The formation of Christendom*. NJ: Princeton Univ. Press. 1987. 536 p.
- Markus R.A.* *The End of Ancient Christianity*. Cambridge: CUPress, 1990. 258 p.
- Meyendorf J.* *Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes*. New York: Fordham University Press, 1974. 243 p. (Рус.пер. – Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы. Мн.: Лучи Софии, 2001. 336 с.)
- Meyendorf J.* *Christ in the Eastern Christian Thought*. New York: Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1975. 248 p.
- Meyendorf J.* *Imperial Unity and Christian Divisions: The Church 450–680 A.D.* Crestwood, NY: SVS Press, 1989. 402 p.
- Milton V. Anastos.* *Nestorius was Orthodox // DOP*. Vol. 16, 1962. P. 117–141.
- Nobbs A.E.* *Philostorgius' View of the Past // Reading the Past in Late Antiquity / Ed. by G. Clarke, B. Croke, R. Mortley and A. Emmett Nobbs*. Sydney, 1990. P. 251–264.
- Schwartz E.* *Zur Kirchengeschichte des vierten Jahrhunderts // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. Bd. 34. Berlin, 1935. S. 129–213.
- Seleznov N.N.*, *Nestorius of Constantinople: Condemnation, Suppression, Veneration, with special reference to the role of his name in East-Syriac Christianity // Journal of Eastern Christian Studies*. №. 62 (3–4). 2010. P. 165–190.
- Steffa J.-E.* *John Rufus and the world vision of anti-Chalcedonian culture*. NJ.: Gorgias Press, 2005. 196 p.
- The Hidden Pearl: The Syrian Orthodox Church and Its Ancient Aramaic Heritage*. Vol. III. Ed. by S.P. Brock and David G.K. Taylor. Rome: Gorgias Press, 2001. 262 p.
- The Nestorian Churches: a concise history of Nestorian Christianity in Asia from Persian Schism to the modern Assyrians / Ed. A.R. Vine*. L.: Independent Press, 1937. 227 p.
- Timotheus Ālurus'* *Des Patriarchen von Alexandrien Widerlegung der auf der Synode zu Chalcedon Festgesetzten Lehre*. Armenischer Text mit deutschen und armenischen Vorwort / Hrg. K. Ter-Mëkërttschian und Er. Ter-Minassiantz. Leipzig, 1908. 396 s.
- Vaggione R.P.* *Eunomius of Cyzicus and the Nicene Revolution*. Oxford- New York: Oxford University Press, 2000. 453 p.
- van Roey A., Allen P.* *Monophysite texts of the sixth century*. Leuven: Peeters, 1994. 320 p.
- Wiles M.* *Eunomius: Hairsplitting Dialectician or Defender of the Accessibility of Salvation // The Making of Orthodoxy / Ed. by R.D. Williams*. Cambridge, 1989. P. 157–172.

Ващева Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; vashева@mail.ru

А. А. КУЗНЕЦОВ

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА В ЕГО ПОХВАЛЕ

В статье рассматривается Похвала-некролог владимирского князя Георгия Всеволодовича (1188-1238). Представленный в некрологе образ князя создан из цитат предшествующего текста Лаврентьевской летописи, сборника «Пчела», Библии и не соответствует реалиям правления князя Георгия Всеволодовича. Выдвигается предположение о том, что некролог был создан в 1377 г., а автором мог быть нижегородский епископ Дионисий. В Похвале опосредованно отразились нижегородские и общерусские исторические реалии 1370-х гг.

Ключевые слова: *Образ, Похвала, Георгий Всеволодович, Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись, епископ Дионисий, Нижний Новгород, Батый.*

Владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович (1188–1238) с момента своей героической гибели 5 марта на реке Сить на протяжении почти восьми веков не покидает страницы летописей, хронографов, Степенной книги, исторических трудов и публицистики. Спектр оценок его деятельности, а, соответственно, и образа, отдельных поступков крайне широк: от прямых к косвенным, от положительных к негативным.

В источниковедении и историографии особняком стоит характеристика правления князя в Лаврентьевской летописи (ЛЛ)¹, созданной, вероятно, в Вознесенском Печерском монастыре Нижнего Новгорода в 1377 г. по заказу нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича и благословению епископа Дионисия² (невозможность найти до сего дня следы отражения ЛЛ в нижегородском летописании вынуждает лишь предполагать нижегородское происхождение памятника³).

Данный текст по жанру можно отнести к посмертной похвале князя. С некоторыми усечениями и уточнениями панегирик князю повторен в Симеоновской летописи (СИМ)⁴. Похвала в СИМ в данной статье рассматривается вторичной к Похвале, читаемой в ЛЛ. Причина тому – компилятивный характер повествования СИМ о нашествии Батыева⁵, в котором читаются сведения из текстов о Батыевом нашествии в ЛЛ, Ипатьевской (ИЛ) и Новгородской первой (НПЛ) летописей⁶. Это об-

---

¹ ЛЛ. Стб. 468–469.

² Насонов. 1969. С. 80–225.

³ Клосс. 2003. С. 25.

⁴ СИМ. С. 59–60.

⁵ СИМ. С. 54–59.

⁶ Кузнецов. 2010. С. 325–334.

стоятельство свидетельствует о позднем по отношению к ЛЛl происхождении текста Похвалы в СИМ, прикрепленного к уже «собранному» повествованию о Батыевом нашествии.

В Похвале, читаемой в ЛЛl и СИМ в связи с описанием принесения в 1238 г. во Владимир останков погибшего на Сити Георгия Всеволодовича, преобладает воспевание князя с точки зрения христианских добродетелей. Остальные источники (до середины XVI в.), суммарно характеризующие Георгия Всеволодовича, создают образ светского правителя, проявившегося в таких значимых эпизодах русской истории как битвы на Липице, на Калке и на Сити.

Начинается Похвала словами «Бе Юрьи сын благоверного отца Всеволода»⁷ и заканчивается фразой «убьень бысть от безбожных и поганых Татарь. Се же все сдеяся грехъ ради наших»⁸. Тексты, предшествующие обозначенному началу и следующие после Похвалы, в встречаются в летописях. Более нигде влияния текста Похвалы не обнаруживается. Даже в Степенной книге (СК, сер. XVI в.), где князю, выпавшему из династической преемственности, отводится достаточно много места для его почти агиографического воспеания⁹. «Иван Грозный происходил от младшего брата Юрия князя Ярослава Всеволодовича, поэтому соответствующая седьмая степень Степенной книги посвящена не Юрию, а Ярославу. Однако именно здесь повествование о Юрии-Георгии приобретает черты агиографического (житийного) жанра, а сам Георгий впервые предстает в качестве святого-мученика»; «В Степенной книге Георгий Всеволодович не является центральным персонажем соответствующей степени, агиографическая линия в его изображении только намечена, он даже ни разу не назван святым. Однако популярность Степенной книги, заложенный в ней потенциал для осмысления древнерусской истории положили начало формированию образа святого князя»¹⁰. Можно сказать, что СК, а не более ранний текст в ЛЛl и СИМ, стала первоисточником агиографии князя.

Характеристика, представленная в Похвале в связи с перенесением останков князя Георгия Всеволодовича во Владимир, изобилует категориями христианской аксиоматики. Описание принесения тела князя во Владимир и скорби, доходившей до плача, епископов, игуменов, попов, черноризцев, его братьев Ярослава и Святослава Всеволодовичей, других князей, дружины, бояр и слуг, помещения тела в каменную гробницу сменяется перечислением добрых нравов погибшего на Сити правителя.

⁷ ЛЛl. Стб. 468; СИМ. С. 59.

⁸ ЛЛl. Стб. 469; СИМ. С. 60.

⁹ СК. 2007. С. 498–501.

¹⁰ Сиренов. 2003. С. 20, 22.

Из них на первом месте указывается, что Георгий Всеволодович тщился хранить Божьи заповеди, имел в сердце Божий страх, и, прежде всего, руководствовался словами Христа: «о сем познают вы вси чело-вечи яко мои учениц тесте, аще любите друг друга, не токмо же друга, но и врагы ваша любите, и добро творите ненавидящим вас, всяк зло-смысль его»¹¹. Применительно к этим словам можно вспомнить перипетии борьбы детей Всеволода Большое Гнездо за власть в 1212–1218 гг., вмешательство в нее смоленских князей. Апогеем тех событий стала битва на Липице в 1216 г. Такая актуализация была бы возможной, если бы автор данной вставки исходил из сообщения НПЛ о Липицкой битве в 1216 г. Однако в ЛЛ об этом конфликте почти ничего не говорится. Очевидно, летописец подразумевал событие из Батыева нашествия, когда к князю Георгию прибыли послы от татар. Они, названные злыми кровопийцами, были отпущены с богатыми подарками, но без требуемого мира. Этот факт изначально есть только в повествовании НПЛ о Батыевом нашествии. В других оригинальных текстах ЛЛ и ИЛ о трагедии конца 1230-х гг. данный эпизод отсутствует.

Видимо, условия монголов были оскорбительными, а потому князь Георгий заявил словами «пророка»: «брань славна луче есть мира студна, си бо безбожнии со лживым миром живущее велику пакость землям творять. Бог бо казнит напастми различными, да явятся яко злато искушено в горниле, христианам бо многыми напастми внити в царство небесное, сам бо Христос Бог нужно е царство небесное и нужницы всхытают е». Исследователи зачастую доверяют летописному указанию о происхождении этой фразы – некий «пророк». В таком случае просто цитируется этот фрагмент¹². Г. Подскальски усмотрел в рассуждениях князя о том, что христианам должно «многими напастми внити в царство небесное» цитату из 11-й и 12-й глав Евангелия от Матфея¹³. Однако в этих евангельских главах такой мысли не содержится.

Фразу «брань славна луче есть мира студна» не найти у Пророков канонического собрания библейских текстов. Зато она встречается в ЛЛ и родственных ей памятниках раньше 1238–1239 гг. В основе данной группы летописей (ЛЛ, Радзивилловской (РАДЗ), СИМ, Летописца Переяславля Суздальского (ЛПС)) лежал владимирский свод 1206 г.¹⁴. Читается изречение о славной брани и постыдном мире дважды: под 1186 и 1187 гг. В ЛЛ и СИМ эти чтения таковы: «Всеволодь же не всхоте мира их .

¹¹ ЛЛ. Стб. 468.

¹² См., например: Рудаков. 2009. С. 73.

¹³ Подскальски. 1996. С. 361.

¹⁴ Прохоров. 1989. С. 73–76.

яко пророк глаголет . брань славна луче есть мира студна . съ лживым же миромъ живущее . велику пакость землямъ творять» и «он же утаився всех мужи послов Всеволожих . и шедь инако речь извороча к ним . не яко святительскы но яко переветникъ и ложь яко ж глаголет мудрый Соломон . гнев укротимъ . лжею проливаетъ сварь . а рать не до конца смирена . проливает кровь . а брань славна лучыши есть мира студна . со лживым миромъ живущее велью пакость землямъ творять»¹⁵. В РАДЗ эти фрагменты прописаны так: «Всеволод не восхоте мира их . яко же и пророкъ глаголетъ . брань славна луче есть мира студна . со лстивым же миром живущее велию пакость землямъ творятъ» и «яко глаголетъ мудрый Соломон . гневъ укротимъ лжею . проливаетъ сварь . а рать не до конца смирена проливает кровь . а брань славна луче есть мира студна . со лживым же миромъ живуще . велию пакость землямъ творять»¹⁶.

В ЛПС облик у цитат под 1186 и 1187 гг. немного отличается от вышеприведенных: «Всеволодъ же не въсхоте мира их, яко же въ Бчеле глаголетъ: «Брань славна луче мира скудна». Съ лживым же миром живущее, велию пакость землямъ творять»¹⁷, а следующая цитата без искомой сентенции: «Яко же рече мудрыи Соломонъ¹⁸: «Гневъ, кротимъ лжею, проливаетъ сварь, а рать, не до конца съмиряема, проливаетъ кровь»»¹⁹. Именно ЛПС указывает источник фразы о предпочтении славной брани перед «студным» миром – это византийский сборник «Пчела»²⁰. Содержащиеся в нем изречения восходят к Евангелию, Апостолу, ветхозаветным книгам, трудам Отцов Церкви и античных мыслителей. На Руси «Пчела» известна не позднее 1219 г. Основой для такой датировки является те самые цитаты 1186 и 1187 гг. Исследователями со ссылкой на М.Н. Сперанского утверждается: «Поскольку Радзивилловский и Академический списки текстологически не зависят от Лавентьевского, а Переяславский летописец не зависит от остальных трех, цитата должна была находиться в общем источнике всех указанных летописей, и, следовательно, перевод «Пчелы» был известен не позже 1219 г.»²¹. Если же учесть исследования Г.М. Прохорова и Н.И. Милютенко²², то знакомство Руси с переводом «Пчелы» можно опустить к 1205–1206 гг.

¹⁵ ЛЛ. Стб. 403, 404–405 (цитата отсюда); СИМ. С. 32.

¹⁶ РАДЗ. Л. 239, 240.

¹⁷ ЛПС. С. 118, 119.

¹⁸ На самом деле, Соломону эти слова не принадлежат. Милютенко. 1996. С. 45.

¹⁹ ЛПС. С. 119.

²⁰ Благодарю П.С. Стефановича, указавшего, что искомая фраза ЛЛ (1239 г.) читается в «Пчеле». Об этой фразе в ЛПС см.: Милютенко. 1996. С. 45.

²¹ Пичхадзе. 2008. С. 7.

²² Прохоров. 1989; Милютенко. 1996.

В академическом издании «Пчелы» В.А. Семеновым в 1893 г. (переиздано в 2008 г.): искомая фраза читается в разделе «Слово о мире и рати»: «Брань славна лучши есть мира скудна»²³. Такое чтение прилагательного к слову «мир» расходится с тем, что видим в летописях. В этом списке «Пчеле» созданы образы скудного (небогатого) мира и славной войны, которая дает достаток трофеями. Однако в другом списке «Пчелы», восходящем к первому древнерусскому переводу²⁴, содержится такой вид изречения: «Брань славна луче есть мира студна»²⁵ – т.е. тот, что присущ ЛЛ, СИМ, РАДЗ, ЛПС в эпизодах второй половины 1180-х гг. В этом случае, совпадающем с летописной сентенцией, видим более привычные для древнерусской культуры оппозиции «военная слава – постыдный мир»²⁶. Подчеркнем, что летописцы в случае 1186, 1187 и 1238 гг. приводят афоризм в том виде, который, по мнению специалистов, читается в первоначальном и правильном переводе. Происхождение и авторство выражения «Брань славна луче мира студна», взятого древнерусскими книжниками из «Пчелы», не выяснены.

Детали Похвалы князю Георгию Всеволодовичу противоречат предыдущему тексту о Батыевом нашествии, читаемому в той же ЛЛ. Однако исследователи, не замечая ее идейной вычлененности, считают, что весь рассказ ЛЛ о нашествии Батыева, куда, по их мнению, органично входит панегирик князю, несет в себе одновременно и идею смирения, и идею сопротивления²⁷. С другой стороны, в самом тексте Похвалы историками обнаружены противоречия: «В панегирике князю... книжник сообщает чрезвычайно интересную деталь: оказывается, накануне нашествия татары опраивали к Юрию послов с предложением о мире («рекуще: мирися с нами»). Юрий же «того не хотяше» [далее идет цитата ЛЛ со словами о славной брани и студном мире – А.К.]... Однако фразой, предшествующей этому отрывку, летописец дезавуирует сообщение о «Георгие мужестве». Оказывается, стремясь исполнять божественные заповеди, ...Юрий «преж мененых» послов «безбожных татар отпускаше одареными». Тем самым поступки Юрия оказываются не совсем понятными: если он отказывается от мира с татарами, если же князь одарил послов и заключил-таки мир с «погаными, как это могло сочетаться с идеей о бране, которая «лучше позорного мира»?»²⁸.

---

²³ «Пчела». 2008. С. 524.

²⁴ Пичхадзе. 2008. С. 10.

²⁵ «Пчела». 2008. С. 863.

²⁶ Стефанович. 2003.

²⁷ См. например: Рудаков. 2009. С. 72–74.

²⁸ Рудаков. 2009. С. 73.

Подобные прочтения летописного текста не удовлетворяют его контексту и смыслу. Начнем с того, что цитата о «Георгие мужестве» в источнике читается иначе: «Георгие мужество тезоимените» (разбор этой фразы см. ниже). Форма «Георгие» – это звательный падеж, а потому фраза должна переводиться как «Георгий [Ты], мужеству тезоименитый». Летописец в данном случае отнюдь не рассказывал о мужестве князя. Образ мужественного Рюриковича в данном случае создается (и не убедительно, с точки зрения антропонимики) другими средствами.

Сообщение о татарах, которые «преж менные» были отпущены одаренными, которые присылали послов с предложением мира, обрамлено в ЛЛ цитатами. Ими летописец отсылал к Библии (хотя они не всегда восходят к ней). Предшествует сведению о татарах в Похвале фраза «слово Господне еже рече... любите друг друга. не токмо же друга но и врагы ваша любите. и добро творите ненавидящим вас». И эти слова подкрепляются примером из действий князя Георгия: он прежде названных татар отпустил, одарив их (дар в данном контексте никак не подразумевает мира). Вторая часть известия о татарах (прислали послов с предложением заключить мир) связана с последующей фразой о славной брани, о том, что мир с безбожными приносит много бед и зла. Повествование о татарах четко делится на две части, не противоречащих друг другу: татары были отпущены с подарками, просимого мира они не получили. Эти две части, связанные в одном фрагменте темой посольства татар к князю, как к полюсам, тянут к определенным «библейским» нормам.

Тем не менее, Похвала содержит детали, которые противоречат реалиям предыдущего текста ЛЛ или не подтверждаются ими. Как указывалось выше, повествование ЛЛ о Батыевом нашествии, предшествующее Похвале, не знает переговоров монголов с князем Георгием. О них сообщает НПЛ. Согласно ей, монголы, пришедшие на Рязанскую землю, направили послов с чародейцей к рязанским князьям. Те встретили делегацию вне городов и отказались выдать монголам десятую долю во всем, после чего послы были отпущены во Владимир к Георгию Всеволодовичу. О чем князь владимирский вел переговоры с этой дивной делегацией, неизвестно. Зато сообщается, что рязанские князья запросили помощи у князя Георгия, а он отказался это сделать, поскольку «сам хоте особь брань створити». Однако, по мнению новгородского летописца, нельзя было противиться божьему гневу, «яко речено бысть древле Иисусу Наугину богом; егда веде я на землю обетованную, тогда рече: аз пошлю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Такоже и преже сих отья господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в

нас за грехи наши»²⁹. На самом деле, к Иисусу Навину эта фраза не применяется. Она принадлежит Моисею (летописец несколько ее адаптировал): «Господь Бог Ваш, наведет страх и трепет пред вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам»³⁰. Образ князя Георгия в данном случае (НПЛ) отличен от того, что читается в Похвале: он лишен политической мудрости, героики и наделен растерянностью. Библейскую цитату о грозе, страхе и трепете можно отнести и к предшествующим словам, и к последующим сведениям НПЛ о взятии Рязани, битве под Коломной, взятии Владимира, битве на Сити, взятии Торжка. Если автор посмертной Похвалы в ЛЛ подразумевал этот текст, читаемый в НПЛ, а, видимо, так и было, то тогда он представил альтернативную версию мотивации поведения Георгия Всеволодовича зимой 1237/1238 г. Если этот автор имел перед глазами сведение НПЛ о нашествии Батыея и соотнес данный библейский комментарий с желанием Георгия сотворить «особую брань», то получается, что он ответил новгородскому летописному сообщению в той же плоскости библейских ценностей.

Итак, в Похвале ЛЛ представлен образ князя Георгия и его поведения во время Батыея нашествия, почти противоположный образу, прописанному в НПЛ. Средством полемики, своеобразным контраргументом стала «библейская» цитата, оспаривающая другую библейскую цитату, читаемую в НПЛ. В первом случае князь отказывается заключить унижительный мир и решает биться с врагом (которого, следуя Христовой заповеди, одарил, но не дал требуемого). Ведь сосуществовать с ним – это преступление заповедей Христа. Во втором случае (НПЛ) в своей гордыне князь Георгий хочет сотворить отдельную битву, но по причине Божьего гнева у него уже отнята сила и заменена недоумением, страхом и трепетом. Подробное описание того, что произошло зимой 1237/1238 г. новгородский книжник уподобляет валянию свиньи «в кале греховном», поскольку в таком состоянии русские земли пребывают до сих пор. Перед этой сентенцией помещены рассуждения о том, что Бог губит земли, прогнававшие его. Поэтому гнев в виде казней надо терпеть.

В Похвале другая идея – идея героического поведения ради того, чтобы не жить рядом, в мире с безбожными. Такой мир является источником великих пакостей «землям». Идея активного противостояния врагам христианства усиливается отождествлением имени князя с мужеством: «Георгие мужество тезоимените»³¹. Подобная фраза встреча-

---

²⁹ НПЛ. С. 74–74, 286.

³⁰ Второзаконие. 11:25.

³¹ ЛЛ. Стб. 468.

ется в ЛЛ и ИЛ при описании гибели Андрея Боголюбского в 1174 г.³². Имя *Андрей* действительно тезоименито мужеству, но имя *Георгий* имеет другое значение. Такая попытка выйти на отономастическую степень деэтимологизации имени *Георгий*, чтобы придать князю ореол мужественной гибели, не имела успеха и продолжения. В Похвале СИМ, вторичной Похвале ЛЛ, просто говорится «Георгие тезоимените»³³.

Имеется еще одно цитирование в Похвале. Для фразы «всякъ зломысль его прежемененя безбожнѣя татары отпушаше одарены»³⁴ угадывается источник в Похвале Владимира Мономаха под 1125 г.: «Вся бо зломыслы его вда Богъ под руце его... он же заповедь Божью храня, добро творяше врагом своим, отпушаше я одарены»³⁵. При этом в контексте Похвалы Георгию фраза «всякъ зломысль...» по сравнению с оценкой Мономаха бессмысленна, а потому ее надо считать заимствованной по частям из Похвалы Мономаху³⁶. В Похвале Мономаху определяется источник еще одной сентенции из Похвалы Георгию: «потщася Божья заповеди хранити. и Божии страх присно имея в сердце . поминая слово Господне еже рече . о семь познают вы вси человеци яко мои ученици есте . аще любите друг друга . не токмо же друга...»³⁷.

Кроме мученической смерти князя в Похвале говорится о его добродетелях: раздавал имение свое просящим, помня о заповеди «облажени милостиви яко ти помилованы будут», строил церкви и украшал их иконами и книгами. Князем были поставлены многие города, среди которых выделен Новгород второй на устье Оки (т.е., Нижний Новгород). В связи с его основанием было построено много церквей и монастырь святой Богородицы. Князь чтит «излиха» чернецкий и поповский чин, давая им требуемое, правил 24 года и погиб от татар³⁸.

Почитание князем Георгием духовенства, удовлетворения нужд просящих вызывают вопросы. В летописях нигде не сообщается о милости князя к нищим, любви к священникам и монахам. Нет и оснований, чтобы считать князя строителем многих церквей. Дословный источник этого сведения в Похвале Георгию опять обнаруживается в некрологе его прадеда Мономаха³⁹. Зато в последующем изложении автор Похвалы Ге-

---

³² ЛЛ. Стб. 368. ИЛ. Стб. 584 (в предшествующих тезисах этого текста: *Кузнецов*. 2011. С. 159 – по вине автора неверно указана данная ссылка).

³³ СИМ. С. 59.

³⁴ ЛЛ. Стб. 468.

³⁵ ЛЛ. Стб. 294; РАДЗ. Л. 159.

³⁶ *Буланин*. 1997. С. 471.

³⁷ ЛЛ. Стб. 294, 468 (цит. отсюда).

³⁸ ЛЛ. Стб. 468–469.

³⁹ ЛЛ. Стб. 294; РАДЗ. Л. 158.

оргию обнаруживает оригинальность. Если автор Похвалы Мономаху в качестве примера строительства им приводит создание церкви Бориса и Глеба на Альте, то Георгий упомянут как основатель Нижнего Новгорода. Думается, что кроме важности этого акта, о нем упоминается в этом месте ЛЛ еще и потому, что именно в Нижнем Новгороде были выстроены церковь Спаса, вне города – церковь, названия которой мы не знаем, и монастырь святой Богородицы. Об этих постройках упомянуто в предшествующем тексте ЛЛ: в 1224 г. в Нижнем Новгороде была заложена князем церковь Спаса⁴⁰; в 1229 г. мордва Пургаса сожгла монастырь святой Богородицы и церковь, находившиеся вне городских укреплений Нижнего Новгорода⁴¹. Применительно к упоминаниям храмостроительства закладка Нижнего Новгорода, помимо прочего, стала информационным поводом. Примечательно, что в связи с безымянной церковью и Богородичным монастырем в ЛЛ, кроме Похвалы, нигде не говорится, что князь Георгий был инициатором их возведения.

Все эти текстовые реалии Похвалы создают дуалистичный образ правления князя Георгия. С одной стороны, его княжение, его поступки и мотивация действий во время Батыева нашествия сведены исключительно к идеалу православного правителя, воплощенного конкретно во Владимире Мономахе – прадеде Георгия Всеволодовича. С другой – подчеркиваются только нижегородские локальные реалии (основание города, закладка храмов и монастыря). Значительная часть добродетелей князя Георгия в его Похвале взята – практически цитированием (в одном случае бессмысленным) – из некролога Мономаха, читаемого в ЛЛ и РАДЗ. Другие цитаты заимствованы из текста Владимирского свода 1205/1206 г. (сообщения 1186 и 1187 гг.). Опуская конкретные текстологические наблюдения, укажем, что непосредственный источник Похвалы Георгия – предшествующий текст ЛЛ. Один блок ЛЛ, из которого заимствованы детали Похвалы – Владимирский свод 1205/1206 г. Другой массив информации – сведения ЛЛ о ранней нижегородской истории.

К нарративу, сотканному из цитат ЛЛ (характеристика Мономаха, доономастическая степень деэтимологизации имени Андрея Боголюбского, толкование речей и поступков Всеволода Большое Гнездо, сведения о Нижнем Новгороде в 1220-х гг.), подверстываются фрагменты о поведении Георгия Всеволодовича во время Батыева нашествия. С учетом того, что угадывается полемика Похвалы Георгия Всеволодовича с текстом о Батыевом нашествии в НПЛ в объяснении мотивации поведения князя, можно предположить, что текст Похвалы создавался вместе с написанием

---

⁴⁰ ЛЛ. Стб. 447.

⁴¹ ЛЛ. Стб. 451.

ЛЛ. Вдохновителем или даже автором Похвалы мог быть Дионисий (с 1374 г. епископ Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца). По его благословию, как указал летописец Лаврентий, и писалась ЛЛ (Стб. 487). Отсюда, тот самый героический и церковный пафос, обусловленный духом «эпохи Куликовской битвы». Это предположение позволяет придать второе дыхание версии Г.М. Прохорова, согласно которой текст о Батыевом нашествии в ЛЛ являет собой результат редактуры и дополнения Дионисием какого-то исходного первоначального текста⁴². Эта идея не принимается многими источниковедами, несмотря на то, что преодолеть результаты кодикологического анализа Г.М. Прохоровым рукописи ЛЛ не удалось. К выводам, аналогичным тем, что предложил Г.М. Прохоров, пришел Н.Д. Русинов: «в Лаврентьевской летописи отрицательная оценка Юрия Всеволодовича устранена... И хотя Юрий Всеволодович и предводительствуемые им войска были разгромлены татаро-монголами на р. Сити, это в вину Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской летописи не поставлено, а наоборот, завуалировано словами «Похвалы» ему»⁴³.

Однако текстологический анализ позволяет несколько иначе, чем Г.М. Прохоров, представить картину складывания текста ЛЛ о нашествии Батыя. Важным обстоятельством является то, что рассказ о нашествии Батыя, читаемый в ЛЛ, проявился деталями в компилятивных повестях летописей XV–XVI вв. (Ермолинская, Воскресенская, Львовская, Никонская, Софийская первая, Новгородская четвертая летописи, Московский летописный свод конца XV в., Рогожский летописец, Тверской сборник и др.). Только влияния текста Похвалы в этих компиляциях нет. В СИМ, в которой, видимо, проявился первый этап компилирования⁴⁴, Похвала «прикреплена» к «сборному» тексту о нашествии. Текст Похвалы в СИМ вторичен Похвале в ЛЛ. Более нигде в источниках Похвала не отразилась. Поэтому в рассказе ЛЛ о нашествии Батыя надо выделить две части. Первая – собственно нарратив, достаточно древний, о нашествии Батыя, затем проявившийся в летописании. Вторая – инкорпорированный в него текст Похвалы, не повлиявший на дальнейшее летописание.

Похвала интертекстуальна по отношению к тексту ЛЛ о Батыевом нашествии. Методика ее создания, в технике бриколажа с замкнутым набором текстов-цитат⁴⁵, такова: использование фрагментов предшествующей части ЛЛ из некролога Владимира Мономаха, некролога Андрея Боголюбского, высказываний относительно Всеволода Большое

⁴² Прохоров. 2000 (а). С. 257–258; 2000 (б). С. 136–140.

⁴³ Русинов. 1988. С. 23.

⁴⁴ Кузнецов. 2010. С. 325–334.

⁴⁵ Данилевский. 2004. С. 54–57.

Гнездо, рассуждений и поучений, сообщений о Нижнем Новгороде, а также сведения, первоначально читаемого в повествовании НПЛ, о посольстве к Георгию. Обращает на себя внимание и то, что Похвала написана в связи погребением тела князя. А потому примечательны заимствования из Похвал Владимира Мономаха и Андрея Боголюбского. А они представляют собой своеобразные некрологи. Структурной канвой Похвалы Георгию стала Похвала Владимира Мономаха в ЛЛ.

Автором (или соавтором) Похвалы был епископ Дионисий, чье внимание к нижегородским реалиям связано с тем, что его резиденция находилась в Нижнем Новгороде, столице великого княжества. Оно во второй половине XIV в., наряду с Московским, Рязанским княжествами, играло важную роль в подъеме антиордынского движения. Среди фактов противостояния нижегородцев особое место занимает эпизод с уничтожением посольства Сарай-аки в 1374 г. 19 февраля того же года Дионисий стал нижегородским епископом⁴⁶. Летом нижегородцы побили мамаевых послов (около тысячи), а главу посольства Сарай-аку с отрядом привели в Нижний Новгород⁴⁷. Пленники долго просидели в Нижнем Новгороде, а затем князь Василий Дмитриевич Суздальский велел «Сараику и его дружину разню развести». Сарай-ака, угадав замысел, со своим отрядом силой занял двор духовного владыки. Ордынцы подожгли двор и начали отстреливаться. Летописи приписывают загнанному в угол Сарай-аке желание убить Дионисия, однако пущенная стрела лишь оперением задела край подола одеяния епископа. Ордынцы были перебиты⁴⁸. Не подвергая сомнению идею об антиордынских настроениях Дионисия⁴⁹, нельзя принять, что духовный пастырь, благословил разгром посольства и убийство посла, инициированные князем. Эта на первый взгляд парадоксальная, но логичная позиция и могла отразиться в Похвале: с одной стороны князь Георгий отпускает одаренных послов Батюга, но не дает мир врагам.

Визуальное представление правления Георгия Всеволодовича в Похвале имеет значение для источникововедения и историографии отдельных проблем. В Похвале упомянут монастырь Богородицы. В нижегородской историографии с XIX в. этой обителью считается Благовещенский монастырь. Нижегородский краевед середины XIX в. Н.И. Храмцовский писал: «Господин Строев в ключе своем к “Истории государства Российского”, полагает, что Благовещенский монастырь и есть тот Богородицкий, который разорил Пургас в 1229 г, что подтверждают и местные преда-

⁴⁶ Рогожский летописец. 2000. Стб. 105; СИМ. С. 113.

⁴⁷ Рогожский летописец. 2000. Стб. 106; СИМ. С. 114.

⁴⁸ Рогожский летописец. 2000. Стб. 108–109; СИМ. С. 115.

⁴⁹ Прохоров. 2000 (б). С. 139–140; Прохоров. 2000 (а). С. 258.

ния»⁵⁰. Н.И. Храмцовский указал того, кто первым в исторической науке увидел в Богородичном монастыре Благовещенский монастырь. Авторитет историка П.М. Строева, в середине XIX в. историографической славой чуть уступавшего Н.М. Карамзину и С.М. Соловьеву, был крайне высок для любителей местных древностей.

Вопреки утверждению Н.И. Храмцовского, ни одного местного предания, подтверждающего, что Благовещенский монастырь в 1220-е гг. назывался просто Богородицким, неизвестно. Сам Храмцовский их не привел и не указал. Следует обратить внимание на то, кто мог являться носителем исторической памяти о первых десяти годах существования Нижнего Новгорода. Дело в том, что город на протяжении своей истории пережил, по крайней мере, два периода запустения – после нашествия Едигея в 1408 г. и в первой трети XVI в. Тогда татарские, ногайские и прочие кочевые отряды, образно говоря, терзали Нижний Новгород и округу. В таких условиях истребления нижегородцев, массового увода их в плен некому было бы передавать какие-то легенды большому числу переселенцев в Нижний Новгород из других мест.

Нет и никаких оснований для отождествления Богородичного монастыря в 1221 г. с монастырем Благовещения Богородицы, кроме совпадения имени Богородицы. Богородичная обитель, кроме Благовещенья, могла быть связана с монастырем Успения, Похвалы, Рождества, Покрова или Ведения во храм Богородицы. Епископ Дионисий знал о существовании Благовещенского монастыря. В его бытность монахом созданного им нижегородского Вознесенского Печерского монастыря в 1370 г. в Нижнем Новгороде с горы сошла лавина «еже над Волгою за святым Благовещением»⁵¹. Это летописное сообщение – первое прямое упоминание географического объекта с названием *Благовещенье* (агиотопоним является производным от названия монастыря, что подтверждается географической близостью обители и данного района города). Если епископ Дионисий, видевший Благовещенский монастырь, был (со)автором Похвалы Георгию Всеволодовичу, читал тексты о сожжении монастыря вне града мордвой, но не отождествил Богородичный монастырь 1229 г. с Благовещенским монастырем, то, видимо, в его представлении это были разные объекты. Поэтому первое упоминание Благовещенского монастыря надо отнести к 1370 г. и отсюда же вести отсчет его истории. Ранее упоминание Благовещенского монастыря, обновленного митрополитом Алексием, в Нижегородском летописце (памятнике XVII в.) недостоверно⁵².

---

⁵⁰ Храмцовский. 1998. С. 323.

⁵¹ СИМ. С. 110.

⁵² Кривцов. 2005. С. 106–114.

Эти факты приводят к выводу, согласно которому монастырь Богородицы – ровесник Нижнего Новгорода – не имел продолжения. Обитель не возродилась после ее сожжения в 1229 г. Д.Ю. Кривцов показал, что упоминание в нижегородском летописании XVII в. обновления Благовещенского монастыря в начале 1370-х гг. митрополитом Алексием недостоверно. Богородичный монастырь, о котором написано в Похвале, не отождествлялся Дионисием с Благовещенским. Значит, в картине мира Дионисия монастыря 1229 г. или его остатков не было.

Похвала Георгию Всеволодовичу отражает представления о нем и его правлении, сформировавшиеся во второй половине XIV в. в Нижнем Новгороде. Основанный этим князем город стал столицей сильного княжества, которое наряду с другими активно начало процесс борьбы с Ордой. В связи с данным обстоятельством и создавалась Похвала с антиордынским настроем. Цель Похвалы: дать образец поведения князя, борца с внешним врагом и христианского правителя. Текстовой калькой Похвалы стал некролог Владимира Мономаха. Фигура этого Рюриковича играет большую роль в ЛЛ. Ведь только в ее составе дошло «Поучение Владимира Мономаха». Цитаты, связанные с правлением отца Георгия – Всеволода Большое Гнездо, отсылают и к этому князю.

Упадок Нижегородского великого княжества, начавшийся в 1390-е гг., стал одной из предпосылок того, что этот текст не получил дальнейшего развития в летописании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Буланин Д.М.* Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. С. 467–472.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.
- Клосс Б.М.* Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник/ Под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. С. 23–26.
- Кривцов Д.Ю.* Два волжских предания о митрополите Алексее // Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П. Макарихина / Под ред. А.А. Кузнецова Нижний Новгород: ННГУ, 2005. С. 106–129.
- Кузнецов А.А.* Нашествие Батые на Северо-Восточную Русь в 1237/1238 г.: источниковедение фактов // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции / Под ред. О.С. Аржановой. Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2010. С. 325–343.
- Кузнецов А.А.* Сакральный образ правления владимирского князя Георгия Всеволодовича (1188–1238) по его Похвале // Историки между очевидным и воображае-

- мым: проблемы визуализации исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти чл.-корр. С.И. Архангельского / Под ред. А.В. Хазиной. Нижний Новгород: НГПУ, 2011. С. 156–160.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- Летописец Переяславля Суздальского // ПСРЛ. Т. XLI. М.: Археографический центр, 1995. 168 с.
- Милютенко Н.И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIX. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 36–58.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Пичхадзе А.А.* Древнерусский перевод «Пчель» // «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византиновроссика, 1996. 572 с.
- Прохоров Г.М.* Дионисий Суздальский // *Прохоров Г.М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб.: Алетейя, 2000 (а). С. 257–258.
- Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе // *Прохоров Г.М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб.: Алетейя, 2000 (б). С. 136–140.
- Прохоров Г.М.* Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLII. Л.: Наука, 1989. С. 53–76.
- «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 888 с.
- Радзивилловская летопись. СПб: Глаголь. – М.: Искусство, 1994. Факсимиле.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- Рудаков В.Н.* Монголы-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
- Русинов Н.Д.* О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький: Издательство ГГУ, 1988. С. 13–27.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Сиренов А.В.* Великий князь Георгий Всеволодович в «Книге Степенной царского родословия» // Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 7–23.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
- Стефанович П.С.* «Честь» и «слава» на Руси в X–начале XIII в.: терминологический анализ // Мир истории. Электронный журнал. 2003. № 2: <http://www.historia.ru>
- Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: «Нижегородская ярмарка», 1998. 608 с.
- Кузнецов Андрей Александрович***, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru

С. В. ЗАНИН

ПОСТ-ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ К 300-ЛЕТИЮ Ж.-Ж. РУССО

В связи с прошедшим в 2012 г. 300-летним юбилеем Ж.-Ж. Руссо автор статьи размышляет о неоднозначной ситуации, сложившейся в последние годы в российской историографии творчества мыслителя. Отмечается отсутствие новых переводов, значимых текстологических и биографических исследований, особенно заметное на фоне достижений современного зарубежного руссоведения.

Ключевые слова: Жан-Жак Руссо, руссоведение в России и мире, Брюно Бернарди.

Отгремели оркестры и фейерверки юбилейных торжеств по всему миру. Повод был: 300 лет Жан-Жаку Руссо, одному из тех мыслителей, который вправе гордится тем, что в бурный и кровавый XX век его идеи вызывали столь же жаркие, сколь – чего там греха таить – весьма пристрастные споры с большой дозой политического запала. В этом году 300 лет его «брату-врагу» – Дени Дидро, о чем Российское общество изучения XVIII века загодя меня и известило, еще в 2011 г. А вот Руссо помянуть как-то «забыло». Почему, после двух с половиной столетий, как сказал бы Г.С. Кучеренко, «знакомства, влияния, усвоения», женеvский гражданин оказался в российской науке «не ко двору»? Не то чтобы «юбилейных» конференций в прошлом году не было. Были, но производили странное впечатление: как будто авторы докладов, занимаясь своей сокровенной темой, решили как-то увязать ее с Руссо. Лишь немногие публикации российских ученых, как на родине, так и за рубежом, могли претендовать на то, чтобы их сочли новым словом в руссоведении. Невольно напрашивалась параллель с известной публикацией 1995 года – огромного тома, изданного по итогам большой конференции в Монморанси на тему «Руссо. Политика и нация»¹, – в которой доклады российских исследователей (за немногими исключениями) представляли собой вариации на тему «вокруг Руссо». Получается, что за 17 лет ситуация в отечественной науке не сильно изменилась.

«Там, за горизонтом...»

Сегодня в зарубежной науке наступил подлинный ренессанс в изучении творчества мыслителя. И это во многом благодаря подвижнической деятельности преподавателя философии в Колледже имени Огюстена Тьерри в Марселе, хабилитированного доктора политической

---

¹ J.-J. Rousseau: politique et nation...

философии Брюно Бернарди. Этот удивительный человек и блестящий специалист родился в семье крупнейшего специалиста по византийской патристике и религиозной философии, заслуженного профессора Сорбонны Жана Бернарди, закончил Высшую нормальную школу в Париже, получив предварительно образование в классической гимназии. В его творчестве сочетаются вещи в нашей науке ставшие подчас несовместимыми. Я имею в виду публикации источников, кропотливую работу над рукописями и высокий уровень обобщений. Б. Бернарди впервые издал многие рукописи Руссо: «Химические установления», вторую часть трактата «Об общественном договоре», сочинения по международному праву, первый набросок трактата «Об общественном договоре» и статью «О политической экономии»². Его перу принадлежит фундаментальное исследование концепции «общей воли» (докторская диссертация)³, обобщающая работа о договорных концепциях происхождения государства и права в Новое время (хабилитационная диссертация)⁴. Все это без грантов, субсидий. Возможно, подлинно значимые открытия в науке совершаются благодаря такому вот альтруизму. Не зря почти два столетия назад Огюст Конт утверждал, что при социократии альтруизм станет одним из мощных стимулов для развития науки.

Организованная Б. Бернарди на неформальной основе «Группа Жан-Жака Руссо» (Groupe Jean-Jacques Rousseau) выпустила в свет серию из семи книг, включающих пространный комментарий к основным произведениям мыслителя, в частности, к «Рассуждению о политической экономии», к «Письмам с Горы», а также к «Прогулкам одинокого мечтателя», в которых подводятся итог многолетних исследований этих произведений в мировой науке и предлагаются новые интерпретации классических текстов. Сегодня эти комментарии – образец междисциплинарного подхода к изучению творчества мыслителя и коллективного творчества единомышленников. Поразительно то, что работа этой группы вне институциональных рамок оказалась более эффективной, чем работа многих центров при университетах и в ИЦНИ Франции. Во многом благодаря творческой работе группы стало возможным – случай беспрецедентный в мировой науке – начатое в 2011 г. издание двух академических полных собраний сочинений Руссо. Одно в издательстве «Классики Гарнье», другое – в «Оноре Шампбон».

Нельзя не упомянуть и «Группу Руссо» при Центре изучения французского языка и литературы XVII и XVIII вв. Университета Па-

---

² Rousseau. 2008; 2003.

³ *La fabrique des concepts...*

⁴ *Principe d'obligation...*

риж-Сорбонна, которую многие годы возглавляет Танги Ламино. Группа сосредоточила внимание на изучении восприятия творчества Руссо в разных культурах. Это стало возможным во многом благодаря тому, что группа привлекает к работе молодых (до 30 лет) исследователей со всего мира, собственно говоря, носителей различных культур. Тематика выступлений и коллоквиумов отражает широкий спектр научных интересов участников организуемых этой группой научных форумов. Назову некоторые из них: «Руссо и холодная война», «Руссо в Корее и Китае», «Руссо и Япония». По сути дела речь идет об исследовании роли творчества мыслителя в мировой культуре. Ставка была сделана на молодых исследователей из разных стран, для которых «открытие Руссо» было, одновременно, и открытием пластов национальной культуры и ответом на вопрос о ее месте в современном мире.

Это только два примера. Можно привести и другие. Весьма эффективно работают исследователи творчества Руссо в Канаде, США, Японии, Аргентине. Ими была сделана ставка на организацию коллоквиумов и конференций с участием признанных специалистов мирового уровня. Неудивительно, что эти «инвестиции» вернулись сторицей: на международные конгрессы, посвященные 300-летию Руссо, которые прошли в Женеве и Лионе в 2012 г., пригласили специалистов из этих стран. В целом, исследование творчества Руссо носит интернациональный характер, налажен диалог различных научных школ и центров, развиваются междисциплинарные исследования. Все это оказало исключительно благотворное влияние на развитие исследований не только творчества Руссо, но и французского Просвещения в целом.

«Наш Руссо»

В отечественной исторической науке изучение творчества Руссо занимает далеко не первое место. Причин тому множество. Назову некоторые. С сожалением приходится констатировать, что новых переводов, которые учитывали бы современный уровень работы с текстами на языке оригинала, до настоящего времени не появилось. Показательный пример – многочисленные перепечатки перевода «Общественного договора» из издания «Трактатов» мыслителя, подготовленного А.Д. Хаютиным и В.С. Алексеевым-Поповым в 1969 г. Важнейшие тексты Руссо опубликованы в этом издании фрагментарно. Кроме того, следует заметить, что в переводах Хаютина и Алексеева-Попова, особенно трактата «Об общественном договоре», имеется большое количество неточностей, явных анахронизмов при подборе вариантов перевода политической терминологии Руссо, что затрудняет понимание текстов теми, кому эти сочинения недоступны на языке оригинала. Большая часть таких

терминов как «суверенитет», «пакт», «конфедерация», «ассоциация», «полиция» вошли в научный, а затем, в силу понятных исторических обстоятельств, в обиходный обиход в нашей стране достаточно поздно, во второй половине XIX – начале XX века. Можно ли, при переводе политической лексики Руссо, так «осовременивать» его идеи, передавая эти термины калькой? Само собой разумеется, что наличие качественных переводов на русский язык сочинений Руссо с комментарием, отражающим современное состояние мировой науки – необходимое условие для развития отечественных исследований эпохи Просвещения.

Выскажу, возможно, спорную мысль. Конечно, появление в русском переводе «Словаря Просвещения», вышедшего в свет во Франции под редакцией М. Делона и Д. Роша – событие для отечественной науки. Но как педагог я не могу не заметить, что отсутствие качественных русских переводов классиков французского Просвещения с исследовательским комментарием, делает этот прекрасный инструмент в руках студента во многом бесполезным.

Хотелось бы обратить внимание и на другое обстоятельство. В нашей стране, в особенности, в последние два десятилетия, произведения Руссо нередко читали сквозь призму интерпретаций, содержащихся в неолиберальных писаниях Бертрана Рассела и его единомышленников, возглавивших на мыслителя, которого преследовал Парижский парламент во Франции и олигархия в Женеве, ответственность за эксцессы тоталитаризма в XX в. *C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau.* Вот тут российские ученые вдруг вспомнили о «вкладе в науку», встав на защиту трудов академиков В.П. Волгина и А.М. Деборина, а также некоторых исследователей их поколения. Руссо – предтеча научного социализма и Руссо – провозвестник тоталитаризма. Эти крайности сегодня сошлись. Вот только отечественная наука изучения Просвещения при этом оказалась где-то «с краю», а лучше сказать, на обочине.

Исследования советского периода, в основном опубликованные в 1960 – 1970-е гг., бесспорно, являются вехой в развитии отечественной науки. Вопрос заключается лишь в том, как мы к ним относимся. Скажу прямо: помимо неизбежной в эти годы идеологической предвзятости, публикации названных авторов отличались, прежде всего, весьма низкой руссоведческой культурой. В частности, исследователи поколения В.П. Волгина и А.М. Деборина пользовались изданиями сочинений Руссо, опубликованными в XIX в., нередко (в особенности этим отличаются труды Волгина) пересказывали их слово в слово. Эти публикации совершенно не соответствовали уровню текстологических исследований, который был достигнут в зарубежной науке в 40-е и 50-е гг. XX в.,

а названные авторы «прошли мимо» исследований зарубежных коллег, вышедших в свет после... первой Мировой войны! Стоит ли говорить, что фундаментальный труд Робера Дератэ⁵, исследования Жана Старобински, Поля Траара и других остались вне поля их зрения? Хуже другое – весьма негативные оценки исследований западноевропейских и американских специалистов, которые встречаются в работах А.З. Манфреда и И.Е. Верцмана, в частности, выпады против «современных поклонников психоанализа и экзистенциализма». Это деление на «своих и врагов» ничего хорошего не принесло нашей науке. Мы открыли для себя сочинения Жана Старобински с опозданием на 50 лет и то вне контекста диалога этого автора с исследователями его поколения. Можно только сожалеть, что вплоть до настоящего времени публикации отечественных авторов, датированные 1950–1970-ми гг., по-прежнему рекомендуются студентам гуманитарных факультетов в качестве пособий для подготовки к семинарским занятиям. По настоящему полноценных обзоров современной зарубежной историографии творчества Руссо в отечественной науке практически нет⁶. Как же мы собираемся ориентировать новые поколения исследователей на изучение творчества Руссо?

Наука, как правильно считал Пол Фейерабенд, является одной из традиций, существующих в обществе. В области изучения французского Просвещения эта традиция в советские времена зависела от «официальной линии» и оказалась жертвой идеологического альянса с властью. Отсюда негативные последствия такого альянса: приверженность мнениям авторитетов и нетерпимость к альтернативным суждениям и др. Именно эти черты негативно сказывались в отечественной исследовательской традиции изучения французского Просвещения. Стоит вспомнить о том, что замечательное, во многом новаторское для своего времени исследование Л.С. Гордона так и осталось неопубликованным, а его статьи печатались в лучшем случае в межвузовских сборниках в провинции. В то время как труды Застенкера, Деборина и Волгина выходили в свет огромными тиражами в престижных издательствах.

К чему ворошить прошлое? Стоит ли? Стоит. Эти негативные тенденции в развитии советской науки, бесконечные упреки в адрес Руссо в том, что его идеи были противоречивыми и «парадоксальными» (вряд

---

⁵ Derathé. 1992 [1952].

⁶ В монографии С.В. Занина «Общественный идеал Руссо и французское Просвещение XVIII в.» (2007) была сделана попытка исправить эту ситуацию. Хотелось бы высказать слова признательности петербургской исследовательнице А.А. Златопольской за неустанный труд по составлению библиографий и за публикации работ по историографии изучения творчества Руссо в России.

ли идеи бывают парадоксальными. Парадоксальными бывают суждения), сказываются и по настоящее время бедностью публикаций, отсутствием новых исследований и переводов, полноценных научных контактов с признанными центрами изучения творчества Руссо за рубежом.

Руссо как-то сказал в третьем диалоге «Руссо – судья Жан-Жака»: «мои идеи, возможно неверны, но они не полагают противоречий». Оценки творчества Руссо в советской и в современной российской науке противоречивы и часто пристрастны, именно поэтому они и неверны.

Не слишком ли серьезно?

Конечно, меня можно упрекнуть в том, что я вижу все в черных тонах. Вовсе нет. В нашей стране есть энтузиасты, изучающие творчество Руссо. Среди них историки, литературоведы, культурологи. Вернемся к тому, с чего я начал эту статью, а именно о восприятии творчества мыслителя в нашей стране в начале XXI века.

Вспоминается с психологической точки зрения безупречное наблюдение Марселя Пруста в небольшом эссе «О чтении». Юноша Пруст торопился «подняться из-за стола, чтобы закончить чтение», забывая обо всем на свете. Век Просвещения блестящ. Порой, читая биографии писателей «века разума» поражаешься, как много событий умещалось в недолгой, даже по меркам XVIII века, жизни просветителей. Как удивительно точно эти события оказались «вписаны» в контекст времени, сделав их свидетелей, вольно или невольно, деятельными участниками и судьями. Обилие биографий просветителей, написанных прекрасным литературным языком, – характерная черта современной западноевропейской историографии Просвещения. Достаточно упомянуть работы Рене Помо, Реймона Труссона, Поля и Моник Котрэ. Они выходят большими тиражами, выдерживают по несколько переизданий.

В свое время А.З. Манфред интуитивно понял необходимость рассматривать историю Просвещения «сквозь призму личности». Прошли десятилетия, а главы его неоконченной книги о Руссо привлекают внимание, а его книга «Три портрета» читается на одном дыхании. Мы, исследователи-профессионалы, живущие в изведенном пространстве цехового ремесла, решаем актуальные проблемы и ставим задачи. А читает ли широкая публика наши работы, исполненные учености и эзотерической вычурности профессиональной эрудиции? Похоже, что нет. Вот и расцвели у нас пышным цветом разного рода беллетристические и часто псевдоисторические сочинения патентованных медиа-историков.

300-летний юбилей Руссо отнюдь не повод курить фимиам женевскому гражданину. Он и сам этого не одобрил бы. Я не считаю его провозвестником некоей истины в последней инстанции, к которой нужно

всегда и во все времена относиться с пиитетом. Есть немало его суждений, которые сегодня оказались ошибочными. Но он принадлежал к числу тех редких мыслителей, которые, осознанно держась в стороне от перипетий общественной жизни своего времени и ревниво требуя «равенства» во взаимоотношениях с сильными мира сего (с теми же герцогами Люксембургскими), обладал редким для политического мыслителя качеством – предельной честностью мысли – и ценил эту честность у остальных, в частности, у Макиавелли. Возможно, именно в силу этой честности и прямоты, как в политических сочинениях, так и в полемических работах, тонкого юмора и умения в самый неожиданный для читателя момент воскликнуть, подобно мальчишке из сказки, «а король-то голый», он оказался неугоден тем авторам, которые, под флагом защиты «извечных ценностей демократии» и гуманизма в XX веке, не упустили случая бросить камень в того, кто прожил жизнь, памятуя, что «народ не дает ни кафедр, ни доходных мест», ни личного благополучия, а благополучие народа зависит от благополучия каждого.

Наша беда в том, что мы чересчур профессионалы, мы слишком серьезны и академичны. Дух Просвещения в исследовании идей Просвещения в нашей науке исчез. А ведь научно-популярная биография, написанная хорошим литературным языком, эмоциональное, личное отношение автора к герою увлекает широкий круг читателей. Вот тогда, скорее всего, и появятся в России «ревнители Просвещения» в школьной и студенческой среде, новое поколение «руссоведов», а исследователи этой эпохи исполнят не только свой профессиональный долг, но и главную заповедь времени: просветить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Derathé R. J.-J. Rousseau et la science politique de son temps.* 2 éd. Paris: Vrin, 1992.
La fabrique des concepts. Recherches sur l'invention conceptuelle chez Rousseau. Paris, Honoré Champion, 2006.
J.-J. Rousseau : politique et nation. Actes du colloque à Montmorency de 1995, Paris : Honoré Champion, 2001.
Principe d'obligation, Paris: EHESS, 2007.
Rousseau, Jean-Jacques. Principes de la guerre et de la paix. Écrits sur la paix perpétuelle / éd. Bruno Bernardi, Gabriella Silvestrini. Paris: Vrin, 2008.
Rousseau, Jean-Jacques. Discours sur l'économie politique / éd. sous la dir. de Bruno Bernardi, Paris, Vrin, 2003.
Занин С.В. Общественный идеал Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб.: СПбГУ; Издательский дом «Мир», 2007.

Занин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, ассоциированный сотрудник Центра изучения французского языка и литературы XVII и XVIII веков Университета Париж-Сорбонна; zansamara@mail.ru

И. Е. РУДКОВСКАЯ

МИКРОСТРУКТУРА ТРУДОВ М.М. ЩЕРБАТОВА И Н.М. КАРАМЗИНА КАК МАРКЕР ТРАДИЦИИ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье предпринят опыт компаративного анализа микроструктуры «Истории Российской от древнейших времен» М.М. Щербатова и «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина с учетом образцов, предложенных британской историографией позднего Просвещения.

Ключевые слова: историографическая компаративистика, микроструктура текста, «Исторический Триумвират Британии», М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин.

Исследование архитектоники трудов историков позднего Просвещения не может ограничиваться анализом макроструктуры текста. Едва ли не важнейшими составляющими трудов той эпохи являлись пометки на полях как предшественники или параллельные оглавлениям варианты структурирования текста внутри книг, глав, частей. Именно рубрикация внутри наименьшей из выделенных в рамках макроструктуры единиц текста рассматривается здесь в качестве его *микроструктуры*. Пометки на полях, особенно при минимализме или отсутствии оглавлений, — бесценный источник информации, который визуализирует авторский вариант вычленения значимых фрагментов текста, отражающий представления историков о предмете исследования. Для историографической компаративистики равно важны как совпадения, так и расхождения в микроструктуре сопоставляемых текстов.

При компаративном анализе микроструктуры «Историй» М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина следует учитывать, что корпус рубрик на полях огромного труда Щербатова несопоставимо массивнее. Щербатов чаще использовал в них глагольные формы, что ставит под сомнение правомерность их учета там, где за основу берутся сопоставимые термины. Данные в таблицах, поэтому, позволяя выявить *относительную* значимость отражения тех или иных аспектов прошлого, не могут рассматриваться как *абсолютно* точные. При анализе микроструктуры труда Щербатова ссылки по необходимости даются на страницы, так как в его труде оглавлений в привычном понимании не было — были указатели. При анализе микроструктуры труда Карамзина достаточно ссылок на главы: рубрики были обозначены и в оглавлении, и в начале каждой главы. Традиция позднего Просвещения в этом отношении не была единой. Из представителей «Исторического Триумвирата Британии» рубрики

включили в подробные оглавления Д. Юм и Э. Гиббон¹, тогда как у В. Робертсона в «Истории Шотландии» и в труде о Карле V оглавлений не было². В его «Истории Америки» оглавление было, но книги V, IX, X были представлены в нем только названиями³, да и рубрикация на полях других глав отличалась от той, что была в оглавлениях.

Значительная часть рубрик на полях труда Щербатова была посвящена правителям. Историк отмечал рождение представителей династий, будущих правителей, отечественных и зарубежных⁴. Особенно тщательно фиксировалась их кончина. Частота введения рубрик о смерти в труде Щербатова, видимо, максимальна для той эпохи⁵.

Таблица 1. Микроструктура «Истории Российской» М.М. Щербатова

№	Содержание рубрик	Количество упоминаний (по томам)						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
1	правители/ правительницы, представительницы династий	176/12	605/22	443/20	975/58	306/24	124/7	161/44

¹ Hume. Vol. I. 1762. P. V-VII. Gibbon. 1787. P. IX-XXII.

² Robertson. 1791. Vol. I-III. Robertson. 1769. Vol. I-III.

³ Robertson W. The history of America. Vol. II. Basil. 1790. Robertson. 1819. Vol. I (VIII). P. XIX-XXV.

⁴ Щербатов. Т. I. С. 198, 306, 312-313, 317, 324. Т. II. С. 18, 80, 324, 385, 397, 403, 405, 408, 411, 422, 450-451, 457, 462, 547, 555. Т. III. С. 28, 71, 86, 89, 103, 123, 144, 189, 194, 197, 220, 228, 244, 249, 276, 293, 305, 317, 327, 342, 352, 403, 422, 424, 428, 437, 459. Т. IV. Ч. I. С. 59, 75, 176, 212, 230, 234, 244, 268-269, 318, 395, 490, 509, 552, 567, 590. Т. IV. Ч. II. С. 8, 157, 173, 189, 196, 208, 215, 227, 518. 529. Т. V. Ч. I. С. 425, 472. Т. V. Ч. II. С. 24.

⁵ либо «кончина», «преставление». Там же. Т. I. С. 167, 177-178, 198-199, 208, 229-230, 239, 243, 285, 287, 290-291, 293, 314, 316, 320, 324-325. Т. II. С. 4-5, 8, 17, 23, 26, 36, 41-42, 73, 87-88, 91, 94, 96-97, 116, 120-121, 123, 139-140, 148, 164-165, 201, 218, 224, 228, 251, 269, 277, 279, 287, 291, 294, 296, 302, 309, 324, 326, 328, 331, 334, 354, 364, 367, 369, 378, 400, 403, 408-409, 412, 421, 423-424, 426, 431, 447, 454, 460, 491, 493, 518, 528-529, 546, 550, 571-572. Т. III. С. 46, 61, 69, 71, 79, 86, 89, 94, 97, 109, 121, 132, 137, 140, 142, 144-146, 154, 188, 197, 208-209, 211, 217, 220-221, 229, 232, 234, 246, 261, 292-293, 305, 337, 342, 347, 350, 357, 369, 395, 398, 401, 424, 433-434, 437, 443, 445, 459, 461, 464, 469. Т. IV. Ч. I. С. 11-13, 23, 35, 69, 71, 91, 109, 174, 176, 200, 224, 235, 262, 265, 269, 309, 312, 322, 324-325, 327, 336, 342-343, 351, 370, 423, 436-438, 443, 449, 461, 474, 507, 509, 581, 589, 594, 596. Т. IV. Ч. II. С. 41, 76, 185, 192, 208, 225, 265, 319, 350, 360, 377, 399, 419, 446, 478, 482, 494. Т. V. Ч. I. С. 84, 99, 116, 120, 137, 233. Т. V. Ч. II. С. 105, 225, 320, 418, 426. Т. V. Ч. III. С. 122, 189, 213. Т. VI. Ч. I. С. 121, 287. Т. VI. Ч. II. С. 117. Т. VII. Ч. I. С. 53, 176, 260.

2	их рождение/ браки	5/6	19/28	29/32	31/47	4/13	1/-	-/6
3	их смерть, убийение / свой- ства характера (обычай)	20/4	115/1	86/2	98/5	18/2	6/1	6/6
4	политическая элита / ее пред- ставители	-/17	1/2	1/3	11/45	31/153	9/46	18/135
5	церковь, «дела церковные» / представители духовенства	15/3	2/9	-/20	2/70	1/29	1/12	1/29
6	состояние дел внутренних	-	7	2	2	6	9	3
7	состояние дел внешних / по- слы, посольства	-/3	--	1/14	19/137	48/228	48/106	20/70
8	внутренние конфликты	27	206	129	208	83	27	268
9	внешние кон- фликты/ мир, перемирие, договоры	133/14	144/7	106/4	303/33	389/44	72/19	66/9
1 0	нравы, обычаи / науки, образо- вание, искусства	-/2	-	-	-	-	-	-/3

Мартиролог на полях труда историка дополняли рубрики, фиксировавшие убийство⁶. Только на поля книг II–V, соответствующих по хронологии двум первым томам Карамзина, вынесено около 50 упоминаний о завершении жизненного пути правителей IX – сер. XII в. У Карамзина – менее 20, в многотомной «Истории» Юма – около 20⁷, немного их и у Робертсона⁸, немногим чаще – у Гиббона⁹. В рубриках Щербатова, кроме

⁶ либо «убийение». Там же. Т. I. С. 198, 290-291. Т. II. С. 28, 33, 44, 51, 70, 80, 84, 172, 209, 337, 435, 486, 518, 524, 571-572. Т. III. С. 95, 182-183, 242, 244, 248, 286, 315, 318, 324, 326, 337, 363, 368, 393. Т. IV. Ч. I. С. 37, 49, 300, 343, 374, 498, 518. Т. IV. Ч. II. С. 172. Т. V. Ч. I. С. 67, 118, 218, 409, 464. Т. V. Ч. II. С. 97. Т. VI. Ч. I. С. 294. Т. VII. Ч. II. С. 5-6, 88, 194.

⁷ *Hume*. 1830. Vol. I. Ch. IV-VII, IX, XII. Vol. II. Ch. XIII, XVI, XVIII-XIX, XXII-XXIII, XXVI. Vol. III. Ch. XXXIII. Vol. IV. Ch. XLIV, XLIX.

⁸ *Robertson*. 1819. Vol. II. P. 193-194, 313-315, 359-361. Vol. III. P. 61-68, 179-184. *Робертсон*. 1839. Т. III. С. 325-327. Т. IV. С. 216-222.

⁹ *Гиббон* Э. Гл. IV, VI, XI-XII, XVIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXXIII-XXXV, XXXIX, XLIII, XLVI, L, LXV, LXVIII, LXX.

того, фигурировало свержение, изгнание¹⁰, побег¹¹, пленение, сослание¹², ослепление¹³, пострижение¹⁴ представителей княжеских династий. Встречались рубрики об избрании правителей¹⁵, отмечались съезды, собрания князей, разделы и суды между ними¹⁶. В монгольский период немало рубрик посвящалось походам русских князей в Орду¹⁷. Тщательно фиксировались обручения, браки¹⁸, вводились обобщающие рубрики: «Брачные союзы», «Супружества Российских Князей» и др.¹⁹ Упомянулось о кончине жен, родственниц княжеских²⁰, значительно реже – о ро-

¹⁰ либо «прогнание», «согнание», «свержение» и др. *Щербатов*. Т. II. С. 13, 20, 47, 68, 91, 139, 145, 162, 209, 268, 282, 314, 324, 347, 374, 412, 438-441, 459-460, 495. Т. III. С. 54, 92, 113. Т. IV. Ч. I. С. 60, 287. Т. IV. Ч. II. С. 494, 521. Т. VII. Ч. I. С. 278. Т. VII. Ч. II. С. 413.

¹¹ либо «бегство», «отступление», «отшествие», «отъезд». Там же. Т. I. С. 302. Т. II. С. 16, 26, 31, 74, 93, 230, 277, 345, 482, 555. Т. III. С. 72, 160, 166, 201, 325. Т. IV. Ч. I. С. 77, 300, 327, 358, 430, 463, 466, 477, 543. Т. IV. Ч. II. С. 410. Т. V. Ч. I. С. 109, 200, 223, 412, 479. Т. V. Ч. II. С. 94. Т. VII. Ч. II. С. 361.

¹² либо «взятие под стражу», «заклечение», «заточение», «поимание». Там же. Т. I. С. 306, 317. Т. II. С. 11, 93, 126, 159, 363, 366, 369, 373, 428, 494. Т. III. С. 225, 238. Т. IV. Ч. I. С. 33, 60, 333, 467, 486, 529, 541. Т. IV. Ч. II. С. 210, 213, 236, 336, 398. Т. V. Ч. I. С. 109, 114-116, 132, 163, 181-182, 185, 224, 412. Т. V. Ч. II. С. 262, 409. Т. V. Ч. III. С. 174. Т. VI. Ч. I. С. 226, 229. Т. VII. Ч. I. С. 278. Т. VII. Ч. II. С. 38.

¹³ Там же. Т. II. С. 59, 61, 364. Т. IV. Ч. I. С. 486, 542. Т. VI. Ч. II. С. 12, 83.

¹⁴ Там же. Т. II. С. 163, 430. Т. IV. Ч. I. С. 309. Т. VII. Ч. II. С. 415.

¹⁵ либо «призвание», «возведение на престол». Там же. Т. II. С. 325, 342, 352, 355-356, 462, 536. Т. III. С. 27, 125, 134. Т. IV. Ч. II. С. 494. Т. V. Ч. II. С. 329, 371. Т. VI. Ч. I. С. 156. Т. VII. Ч. I. С. 6, 8, 10, 12, 38.

¹⁶ Там же. Т. III. С. 188, 227, 280, 379. Т. IV. Ч. II. С. 351.

¹⁷ Там же. Т. III. С. 35, 39-40, 45, 50, 57-58, 62, 64, 69, 75, 77, 80, 87, 121, 131-132, 136, 141, 168, 181, 193, 197, 203, 212, 230, 234, 260, 268-269, 278-279, 289, 293, 308-309, 311-312, 314, 317, 320, 324, 327, 340, 342, 346, 350-352, 357-358, 360-361, 364, 366, 374, 390, 392, 395, 401, 403, 423, 439, 441, 445, 448-449, 456-457, 468, 477-478. Т. IV. Ч. I. С. 13, 47, 52, 54-55, 57, 69, 195, 197, 199-200, 214, 219, 222, 237, 254, 256, 259, 324, 347-348, 351, 383, 385-386, 389, 452-453.

¹⁸ Там же. Т. I. С. 110, 114, 172, 201, 244, 260, 262, 319-321. Т. II. С. 79, 81, 88-89, 93-94, 96, 153-154, 211, 222, 241, 272, 286, 294, 296, 299, 346, 353, 375, 398, 402, 411, 451, 466, 504, 528, 541, 547, 555. Т. III. С. 8, 46, 63, 77, 94, 97, 135, 141, 168, 188, 211, 215, 269, 291, 334, 337, 344, 380, 395, 402, 422-424, 442, 446. Т. IV. Ч. I. С. 21, 55, 59, 88, 208, 210, 221, 245, 253, 261, 267, 285, 318, 325, 327, 332, 343, 352, 379, 382, 406, 419, 460-461, 553. Т. IV. Ч. II. С. 18, 41, 80, 191, 269. 275-277, 298, 311, 350, 370, 507, 533. Т. V. Ч. I. С. 134, 206, 212, 223, 243, 312. Т. V. Ч. II. С. 76, 314, 345, 423. Т. V. Ч. III. С. 77, 153. Т. VII. Ч. I. С. 111, 174. Т. VII. Ч. II. С. 197.

¹⁹ Там же. Т. II. С. 79, 81, 241, 299, 375, 555. Т. V. Ч. III. С. 78.

²⁰ Там же. Т. I. С. 229-230. Т. II. С. 80, 82, 96, 11, 164, 294. Т. III. С. 34, 130, 144, 255, 273, 337, 391, 395. Т. IV. Ч. I. С. 13, 35, 105, 240, 254, 285, 301, 333, 336, 348, 581. Т. IV. Ч. II. С. 9, 198, 322-323, 348, 350, 355, 419. Т. V. Ч. I. С. 129, 244. Т. V. Ч. II. С. 66, 221, 314. Т. VI. Ч. II. С. 15. Т. VII. Ч. I. С. 189. Т. VII. Ч. II. С. 5.

ждении²¹, пострижении²², пленении²³ или разводе²⁴. Крайне редко на уровне микроструктуры отмечались те или иные личные качества героев «Истории»: «Верность князя Дмитрия Михайловича Пожарского», «Твердость Царя Василия Ивановича» и др.²⁵. Редки упоминания о характерных чертах народа или отдельных страт: «Дерзость народная», «Робость казаков» и др.²⁶ Рубрики о политике правителя в труде Щербатова – редкое исключение²⁷. Мало рубрик о важных изменениях в управлении²⁸, законодательстве, судопроизводстве²⁹. Их дефицит отчасти восполнялся традиционной для летописания итоговой (дававшей посмертно либо в связи с утратой власти) характеристикой, где последовательность рубрик варьировалась: «Потомство и обычай его», «Его обычай. Супруга и дети» и др.³⁰ О том, что эта традиция имела общеевропейские корни, свидетельствует тот факт, что ее придерживались и британские историки: рубрики «Смерть и характер» (с вариациями) вводили в микроструктуру и Юм³¹, и Робертсон³², реже – Гиббон³³.

Взаимоотношения правителей и общества в кризисные эпохи нашли отражение в рубриках «Начало казней», «Разные гонения», «Подозрения и мучительства» и др.³⁴. Опричная эпоха представлена серией рубрик о «строгостях»: «Начало строгостей», «Продолжение строгостей», «Строгости» (2 р.)³⁵. Вечевые традиции как демократическая альтернатива еди-

²¹ Там же. Т. III. С. 20. Т. IV. Ч. I. С. 222. Т. IV. Ч. II. С. 93, 105, 198, Т. V. Ч. I. С. 235. Т. VI. Ч. II. С. 9.

²² Там же. Т. III. С. 197. Т. IV. Ч. II. С. 506. Т. VI. Ч. I. С. 301. Т. VII. Ч. I. С. 5.

²³ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 321, 473. Т. V. Ч. I. С. 482.

²⁴ Там же. Т. III. С. 399, 428. Т. VI. Ч. I. С. 53-54.

²⁵ Там же. Т. II. С. 188. Т. VII. Ч. II. С. 33, 36, 387, 398, 400-401, 408, 413.

²⁶ Там же. Т. II. С. 145. Т. V. Ч. I. С. 221, 411. Т. V. Ч. III. С. 129, 135. Т. VII. Ч. II. С. 195, 230-231, 237.

²⁷ Там же. Т. V. Ч. II. С. 187, 302. Т. VII. Ч. I. С. 78.

²⁸ Там же. Т. V. Ч. I. С. 6. 250. Т. V. Ч. III. С. 45, 223-224. Т. VII. Ч. I. С. 4.

²⁹ Там же. Т. IV. Ч. II. С. 300. Т. V. Ч. I. С. 246-247.

³⁰ Там же. Т. II. С. 251-252. Т. III. С. 464-465. Т. IV. Ч. I. С. 235, 424, 597-598. Т. IV. Ч. II. С. 362, 367, 538, 541. Т. V. Ч. I. С. 128-129. Т. V. Ч. III. С. 122, 126, 216, 223-224. Т. VI. Ч. II. С. 117-118. Т. VII. Ч. I. С. 260-262, 264. Т. VII. Ч. II. С. 88, 92, 381-383, 413, 415, 417, 421.

³¹ *Hume*. 1830. Vol. I. Ch. IV-VII, IX-XII. Vol. II. Ch. XIII-XIV, XVI, XVIII-XIX, XXII-XXIII, XXVI. Vol. III. Ch. XXXIII. Vol. IV. Ch. XLII, XLIV, XLIX. Vol. V. Ch. LIX.

³² *Robertson W.* 1819. Vol. II. P. 193-194, 313-315, 359-361. Vol. III. P. 61-68, 179-184. *Робертсон*. 1839. Т. III. С. 325-327. Т. IV. С. 216-222.

³³ *Гиббон*. Ч. IV. Гл. XLIII. Ч. V. Гл. L.

³⁴ Там же. Т. IV. Ч. II. С. 406. Т. V. Ч. I. С. 456. Т. V. Ч. II. С. 82, 88, 240. Т. VII. Ч. II. С. 21.

³⁵ Там же. Т. V. Ч. I. С. 454. Т. V. Ч. II. С. 106, 315, 347.

новластью отмечались редко³⁶. Чаще упоминались аристократические советы Государевы по делам правления и войны: «Приговор боярской о Шведских делах» и др.³⁷. Подчеркивая, что не рассматривает себя как историка знатных родов, Щербатов, тем не менее, немало рубрик посвятил представителям политической элиты. Рубрики касались системы местничества³⁸, пополнения элиты выходцами из иных земель³⁹, позиции боярства по различным проблемам, включая престолонаследие, противостояния внутри боярства и бояр князьям⁴⁰, преследования властью представителей элиты⁴¹. Особо можно выделить серии «опальных» рубрик и рубрик о казнях⁴²; в ряде случаев Щербатов выделял не имена, а должности представителей власти⁴³. Встречались упоминания о противостоянии населения боярству: «В Костроме веча на бояр», «Жалобы Новгородцов на их бояр» и др.⁴⁴. Вводились и рубрики-повествования об отдельных представителях политической элиты: «Повествование о приключениях сего Галицкого», «Приключение князей Серебряных»⁴⁵.

Нередко рубрики посвящались церковным делам. Историком упоминались соборы, ереси, меры власти в отношении церковных земель, посещения монастырей властителями⁴⁶, факты крещения⁴⁷, строительств-

---

³⁶ Щербатов. Т. IV. Ч. I. С. 209. Т. IV. Ч. II. С. 223, 407.

³⁷ Там же. Т. V. Ч. I. С. 6, 147-148, 251, 312, 323, 337, 352. Т. V. Ч. II. С. 161, 164, 169, 180-181. Т. VI. Ч. I. С. 190, 276. Т. VII. Ч. II. С. 34, 288.

³⁸ Там же. Т. VI. Ч. I. С. 243. Т. VII. Ч. I. С. 23, 29.

³⁹ Там же. Т. IV. Ч. II. С. 105, 118, 199, 204, 224-225, 251, 313, 317, 383, 430-431, 508. Т. V. Ч. I. С. 173, 205, 264, 474. Т. V. Ч. II. С. 56.

⁴⁰ Там же. Т. III. С. 355. Т. IV. Ч. I. С. 258. Т. V. Ч. I. С. 19, 135, 167, 180, 223. Т. VI. Ч. I. С. 50, 53, 130, 136-137, 453, 461, 467, 548, 550, 553, 596. Т. VII. Ч. II. С. 131.

⁴¹ Там же. Т. I. С. 193, 248, 276. Т. II. С. 243, 269, 315. Т. III. С. 171, 433, 449. Т. IV. Ч. I. С. 74, 78, 98, 240, 341, 469. Т. IV. Ч. II. С. 197, 432. Т. V. Ч. I. С. 20, 116, 136, 171, 181-182, 193-194, 457. Т. V. Ч. II. С. 86, 109, 342. Т. VI. Ч. I. С. 4, 7, 55-56, 88, 108-110, 292, 294, 301, 314. Т. VI. Ч. II. С. 12, 83. Т. VII. Ч. I. С. 36, 65-68, 70, 110, 224, 260-262, 264. Т. VII. Ч. II. С. 16, 85, 232, 243.

⁴² Там же. Т. IV. Ч. I. С. 596. Т. IV. Ч. II. С. 256, 301. Т. V. Ч. I. С. 115-116, 165, 184, 202-203. Т. V. Ч. II. С. 107, 145. Т. VI. Ч. I. С. 301. Т. VI. Ч. II. С. 5. Т. VII. Ч. I. С. 110. Т. VII. Ч. II. С. 11, 17.

⁴³ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 74, 79, 120. Т. IV. Ч. II. С. 53.

⁴⁴ Там же. Т. II. С. 347. Т. III. С. 239. Т. IV. Ч. I. С. 262. Т. IV. Ч. II. С. 98.

⁴⁵ Там же. Т. IV. Ч. II. С. 384. Т. V. Ч. II. С. 100.

⁴⁶ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 489. Т. IV. Ч. II. С. 228, 306, 351. Т. V. Ч. I. С. 212, 229-230, 460-462, 466. Т. V. Ч. II. С. 343. Т. V. Ч. III. С. 45. Т. VI. Ч. I. С. 303. Т. VI. Ч. II. С. 4, 81. Т. VII. Ч. I. С. 4, 175. Т. VII. Ч. II. С. 14.

⁴⁷ Там же. Т. I. С. 176, 220, 261, 265, 320. Т. III. С. 387. Т. IV. Ч. II. С. 370. Т. V. Ч. I. С. 430, 433, 435. Т. VII. Ч. I. С. 108.

ва или освящения церквей и монастырей⁴⁸. Отмечались Щербатовым личные качества церковных иерархов, основные вехи их пути: восхождение на митрополичий или патриарший престол, походы в Орду, сведение с престола (его оставление), взятие под стражу, пленение, кончина⁴⁹. Встречалась информация о посреднических функциях представителей церкви в ходе внутренних и внешних конфликтов⁵⁰. Отмечались массовые гонения на представителей культа в опричную эпоху, в период Смуты⁵¹. Обобщающей рубрики «Дела церковные», как в трудах Юма и Робертсона⁵², у Щербатова нет; близкие к ней рубрики «Церковное беспокойство», «Раздоры церковные», предопределенные конкретной конфликтной ситуацией, единичны⁵³.

Тем не менее, стремление к унификации, к выделению повторяющихся и обобщающих рубрик было присуще и Щербатову, хотя среди огромного числа рубрик они, возможно, не были заметны читателям. Значимые проблемы внутри и вне страны обусловили появление рубрик «Размышление» и «Разсмотрение», аналогичных элементам макроструктуры с тем же названием: «Некоторые размышления», «Временизчислительное разсмотрение», «Размышление о сем буйстве народном», «Размышление о мыслях народных» и др.⁵⁴ Щербатов выделил, наряду с единичными рубриками обобщающего характера («Опустошение России», «Начало владения Татар в России», «Неустройства в России»⁵⁵),

⁴⁸ либо «заложении», «обновлении». Там же. Т. I. С. 272, 274, 279, 318, 322. Т. IV. Ч. I. С. 595. Т. IV. Ч. II. С. 278, 505. Т. V. Ч. I. С. 245, 421, 459. Т. VI. Ч. I. С. 312. Т. VII. Ч. I. С. 115. Т. VII. Ч. II. С. 340.

⁴⁹ либо «убиение», «казнь». Там же. Т. I. С. 276, 323. Т. II. С. 243-244, 269, 315. Т. III. С. 170, 217, 245, 320, 338, 392, 429, 433, 440, 442, 447, 453. Т. IV. Ч. I. С. 98, 104, 196, 240, 249, 341, 369, 389, 395, 452, 459, 488-489, 495, 500, 502, 504, 513, 549, 563, 594-595. Т. IV. Ч. II. С. 6-7, 37, 65, 83-84, 102, 104, 158, 192, 222, 228, 282, 411-412, 439, 444, 496-497. Т. V. Ч. I. С. 34, 137-138, 167, 169, 436. Т. V. Ч. II. С. 85, 142, 231, 234, 240-241. Т. V. Ч. III. С. 148. Т. VI. Ч. I. С. 111-112. Т. VII. Ч. II. С. 8, 10, 20, 114, 136, 356-359.

⁵⁰ Там же. Т. III. С. 118, 252, 452. Т. IV. Ч. I. С. 16, 157, 212, 427, 432-433, 445, 448, 547-548, 587. Т. IV. Ч. II. С. 57, 104, 113, 121, 126, 130, 493. Т. V. Ч. I. С. 107, 238. Т. V. Ч. III. С. 79. Т. VI. Ч. I. С. 54, 146, 226.

⁵¹ Там же. Т. V. Ч. II. С. 236-237. Т. VII. Ч. II. С. 46, 397-398.

⁵² *Hume*. 1830. Vol. III. Ch. XXXII, XXXIV. Vol. V. Ch. LVIII. *Robertson*. 1819. Vol. II. P. 137, 185, 311, 357, 405. Vol. III. P. 29.

⁵³ Там же. Т. II. С. 166, 280.

⁵⁴ Там же. Т. V. Ч. I. С. 376. Т. V. Ч. II. С. 197, 238, 413. Т. V. Ч. III. С. 145. Т. VI. Ч. I. С. 324. Т. VI. Ч. II. С. 64. Т. VII. Ч. I. С. 24, 30, 130, 149, 162, 176, 231, 265, 274. Т. VII. Ч. II. С. 18, 94, 148, 157, 181, 185, 391. См. также «Общее воззрение на сию осаду». Там же. Т. VII. Ч. II. С. 352.

⁵⁵ Там же. Т. II. С. 569. Т. III. С. 32. Т. VII. Ч. II. С. 148.

повторяющиеся обобщающие рубрики «Состояние России»⁵⁶, «Внутренние дела России»⁵⁷. Ряд рубрик касался ситуации в разных регионах страны: «Уделы Российских Княжений», «Владимирское княжение», «Киевское», «Смоленское», «Новгородское», «О Киевском княжении»⁵⁸. Особый интерес Щербатова к ситуации в Новгороде обусловил появление рубрик «Дела Новгородския» или «О делах Новгородских»⁵⁹. Отмечая успехи урбанизации⁶⁰, развитие торговли, судостроения⁶¹, Щербатов выделил и обобщающую рубрику: «Строение градов» («Строение городов») ⁶².

Интерес Щербатова к проблемам международных отношений также обусловил появление целых серий рубрик обобщающего характера. Положению дел в соседних странах была посвящена рубрика «Состояние окружных стран России»⁶³. Освещалась ситуация в отдельных странах: «Состояние Малороссии», «Состояние Польши», «Состояние Польши и Литвы», «Состояние Швеции», «Состояние Порты Оттоманской», «Состояние Крыма» и др.⁶⁴ Отдельные рубрики были посвящены обзору отношений России с другими государствами: «Состояние России с другими государствами», «Дела внешняя», «Дела с чужестранными дворами»⁶⁵. Специфика отношений Золотой Орды и Руси отражена в рубриках «Обычай татар принимать приходящих к ним Князей», «Обычай Татар дань с России собирать»⁶⁶. Особенно много рубрик, сохранявших в названиях рубрикацию архивных дел: «Дела с Англиею»,

⁵⁶ Там же. Т. II. С. 555. Т. IV. Ч. I. С. 3. Т. VI. Ч. I. С. 189.

⁵⁷ Там же. Т. IV. Ч. II. С. 200. Т. V. Ч. II. С. 345, 371, 398. Т. VI. Ч. I. С. 251. Т. VI. Ч. II. С. 109.

⁵⁸ Там же. Т. II. С. 124, 555-556, 558-559. Т. III. С. 293.

⁵⁹ Там же. Т. II. С. 330, 445. Т. III. С. 383.

⁶⁰ «заложение», «основание», «строение», «обновление», «ограждение» городов: Там же. Т. I. С. 317. Т. II. С. 78, 88, 218, 248, 404, 409, 507. Т. III. С. 26, 145, 221, 228, 306, 336, 365, 382, 424. Т. IV. Ч. I. С. 25, 62, 75, 228. Т. V. Ч. I. С. 19, 56, 58, 65-66, 78, 80-83, 127. Т. IV. Ч. II. С. 248, 387, 501, 505. Т. V. Ч. I. С. 19, 56, 58, 65-66, 78, 80-81, 83, 127, 252, 258. 281, 312, 489. Т. VI. Ч. I. С. 50, 58, 106, 117, 187, 242. Т. VI. Ч. II. С. 11, 29, 80, 86. Т. VII. Ч. I. С. 55, 126, 128.

⁶¹ Там же. Т. III. С. 308. Т. VII. Ч. I. С. 115, 127.

⁶² Там же. Т. I. С. 273. Т. V. Ч. I. С. 82. Т. VI. Ч. I. С. 14, 58. Т. VI. Ч. II. С. 13. Т. VII. Ч. I. С. 55.

⁶³ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 1. Т. V. Ч. II. С. 273.

⁶⁴ Там же. Т. V. Ч. I. С. 263. Т. V. Ч. II. С. 31, 53, 209, 222, 285, 317, 321. Т. V. Ч. III. С. 110, 201. Т. VI. Ч. I. С. 69, 121, 172, 227. Т. VI. Ч. II. С. 76, 105. Т. VII. Ч. I. С. 45. Т. VII. Ч. II. С. 16, 409.

⁶⁵ Там же. Т. IV. Ч. II. С. 198. Т. VI. Ч. I. С. 174. Т. VI. Ч. II. С. 10.

⁶⁶ Там же. Т. III. С. 41, 173.

«Дела Литовские», «Дела с Лифляндиею», «Дела Польския», «Дела Шведския», «Дела с Даниею», «Дела с Цесарем Германским», «Дела с Крымом», «Дела с Турциею», «Дела с Персиею», «Дела с Грузиею», «Продолжение дел...» и др.⁶⁷ Пограничными (внешне/внутренними), вероятно, можно признать «Дела Сибирския» («Дела с Сибирью», «Дела в Сибири»)⁶⁸. Со слова «Расположение» начинались названия рубрик, освещавших позиции как правительств, так и граждан: «Расположения и мнения Российскаго двора в разсуждении Цесарскаго», «Расположения вельмож об избрании», «Расположение Московских жителей», «Расположение народа» и др.⁶⁹ Интенсивность фиксации деятельности посольств и послов такова, что порой создается впечатление о преимущественно «посольском» характере этого труда. Историк упоминал в особых рубриках не только посольства и послов, отправлявшихся за рубеж или прибывших из-за рубежа⁷⁰, но и призванных ре-

⁶⁷ Там же. Т. III. С. 389. Т. IV. Ч. II. С. 205, 215, 217, 229, 250, 253-254, 259, 289, 311, 328, 340, 417, 454, 464, 484, 531. Т. V. Ч. II. С. 11, 24, 84, 120, 132, 134, 154, 164, 247, 266, 298-299, 301, 313, 316, 329, 332, 341, 350, 359, 363, 368, 374, 396, 398-399, 416, 439. Т. V. Ч. III. С. 85, 149-150, 195, 201. Т. VI. Ч. I. С. 14, 19, 32, 35, 64, 67, 79, 82, 87, 91, 93, 103, 116, 177, 181, 218, 224, 244-245, 247, 262, 282, 318. Т. VI. Ч. II. С. 17-18, 34, 42, 55, 59, 62, 71, 90-91, 96, 98, 108, 110. Т. VII. Ч. I. С. 41, 49, 80, 86, 89, 117, 119, 122, 139, 141, 150, 152, 178.

⁶⁸ Там же. Т. V. Ч. II. С. 23. Т. V. Ч. III. С. 190. Т. VI. Ч. I. С. 39, 84, 286, 327. Т. VI. Ч. II. С. 10, 79, 99, 108. Т. VII. Ч. I. С. 50, 97, 125.

⁶⁹ Там же. Т. V. Ч. I. С. 328, 437. Т. V. Ч. II. С. 123, 211, 290, 366, 374. Т. V. Ч. III. С. 7, 130. Т. VI. Ч. I. С. 22, 126, 148, 219. Т. VII. Ч. I. С. 256-257.

⁷⁰ Гонцы», «посланники», «посланные». Там же. Т. I. С. 32, 167, 253. Т. II. С. 561. Т. III. С. 68, 147, 212, 263, 317, 321, 332, 346, 405, 407, 417, 429, 439-440, 458. Т. IV. Ч. I. С. 7, 54-55, 68, 72, 128, 157, 175, 193, 198, 230, 301, 357, 367, 384, 411, 532, 563. Т. IV. Ч. II. С. 12, 23, 36, 39, 61, 81, 87, 89-94, 106, 178, 190, 215, 200-221, 226, 231, 239, 241, 241, 243, 257-258, 260, 263-265, 267, 271, 273, 275, 278, 287, 302, 309-310, 316-317, 321-322, 330, 334-335, 345-346, 348, 352, 355, 369-370, 376-378, 393, 397, 402, 404-405, 410, 412-413, 418, 422, 424, 443-445, 448, 451, 458-460, 463, 465, 470, 474-476, 478, 480, 489, 491, 499, 504, 507-510, 513, 518, 524, 526-527, 52-530, 533-534, 538. Т. V. Ч. I. С. 13, 16-18, 22, 34, 37, 40, 45, 51, 86, 100-102, 117-124, 126-127, 134, 139, 160-162, 167-168, 174-175, 177-179, 199, 231, 250, 259, 268, 270, 280, 285, 429, 484. Т. V. Ч. II. С. 7, 19-20, 22, 25, 33, 35, 57, 68, 135, 140, 147-148, 151, 155-158, 160, 165, 175-176, 179, 182, 186, 193, 200, 209-210, 212, 215-217, 219, 221, 224, 242, 244, 248-250, 252, 255, 261-270, 281, 283-284, 290, 292, 294, 296-298, 301, 310, 334, 338, 342, 352-353, 355-356, 364-365, 367, 370, 373-380, 386, 393-394, 417, 425-427, 431, 433-434, 442, 444. Т. V. Ч. III. С. 10, 50, 57, 63, 75-76, 83-84, 89, 91-92, 103, 109-110, 117, 159, 161, 163-164, 195, 205, 211-212. Т. VI. Ч. I. С. 14, 16-17, 24-25, 27, 30, 32, 63, 70-71, 73, 79-81, 94-95, 97-99, 101-102, 126, 132-133, 135, 138-139, 143-145, 148-150, 152, 160, 169, 171, 174, 180, 219, 223, 262, 264, 266, 269, 271, 275, 280, 284, 318-319, 321-322. Т. VI. Ч. II. С. 6, 35-

шать внутренние проблемы государства⁷¹. Однако обобщающая рубрика «Разные посольства» не стала регулярной⁷².

Особый след на полях «Истории» Щербатова оставили внутренние и внешние конфликты. Пересечение их в эпоху междоусобий и в период Смуты обусловило использование при освещении внутренних конфликтов терминологии, мало отличавшейся от той, что помогала историку донести специфику внешних. Внутренние конфликты на Руси и за ее пределами обозначались как междоусобие⁷³, распри, раздоры⁷⁴, возмущение, смущение, беспокойство, бунт, мятеж⁷⁵; их эпицентры – Новгород⁷⁶, Москва⁷⁷, Орда⁷⁸. При информировании о внешних конфликтах речь шла чаще о нашествиях⁷⁹, войне⁸⁰, осаде⁸¹, покорении⁸². Серия

36, 38, 40-41, 43, 50, 58, 60, 67-68, 71, 73-75, 83, 88, 92-93, 95-96, 110-112, 114. Т. VII. Ч. I. С. 20, 32-33, 35, 54, 83-84, 86, 88, 109, 117, 123, 138, 141, 144-147, 152-153, 155-156, 166, 180, 182-184, 186-187, 191-194, 259. Т. VII. Ч. II. С. 30, 32, 54, 60, 68, 139, 158-160, 164-165, 186, 208-211, 214, 217-218, 222, 258-259.

⁷¹ Там же. Т. I. С. 214. Т. II. С. 63, 169, 343, 393, 412-413, 535. Т. III. С. 129, 181, 277, 331, 334, 380. Т. IV. Ч. I. С. 16, 212, 432, 559, 562. Т. IV. Ч. II. С. 2, 40, 88, 90, 131-132, 135, 137, 139-143, 201. Т. VII. Ч. I. С. 275-276. Т. VII. Ч. II. С. 187.

⁷² Там же. Т. IV. Ч. II. С. 309.

⁷³ Там же. Т. II. С. 133, 391-392. Т. IV. Ч. I. С. 405, 417, 566. Т. V. Ч. I. С. 264. Т. VII. Ч. I. С. 271. Т. VII. Ч. II. С. 204.

⁷⁴ либо «кропот», «вражду», «несогласие», «мщение», «отмщение», «замысел», «умысел», «умышление», «злоумышление», «вооружение». Там же. Т. II. С. 7, 57, 128, 130, 134, 160, 167, 237, 250, 267, 296, 525, 543. Т. III. С. 95, 156, 212, 305, 333, 355, 400, 415, 426, 444. Т. IV. Ч. I. С. 19, 31, 215, 230, 239, 276, 313, 334, 407, 509, 535. Т. IV. Ч. II. С. 236, 256, 333. Т. V. Ч. III. С. 30, 36, 54. Т. VI. Ч. I. С. 61, 88, 289, 292. Т. VII. Ч. II. С. 77, 79.

⁷⁵ либо «смятие», «неспокойства», «неудовольствие», «неустройства», «волнение», «буйство», «безпорядки»: Там же. Т. I. С. 164, 309. Т. II. С. 170, 273, 302, 332, 347, 363, 548. Т. III. С. 95, 378, 462. Т. IV. Ч. I. С. 110. Т. IV. Ч. II. С. 202, 525. Т. V. Ч. I. С. 180, 190, 202, 205, 264, 304-305, 311, 316, 337, 431-432, 442, 446. Т. V. Ч. II. С. 9, 23. Т. V. Ч. III. С. 188. Т. VI. Ч. I. С. 5, 29, 59. Т. VI. Ч. II. С. 6. Т. VII. Ч. I. С. 98, 269, 271. Т. VII. Ч. II. С. 145, 148, 153-154, 204, 230, 243, 266, 277, 330, 362, 365, 400.

⁷⁶ Там же. Т. II. С. 136, 306, 496, 505, 534, 542, 544. Т. III. С. 102, 110, 113, 190, 194, 264. Т. IV. Ч. I. С. 204, 228, 405, 417, 487. Т. IV. Ч. II. С. 37.

⁷⁷ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 180. Т. VII. Ч. II. С. 83, 89, 142, 406.

⁷⁸ Там же. Т. III. С. 467, 480. Т. IV. Ч. I. С. 69, 219, 366, 497.

⁷⁹ либо «вторжение», «нападение», «набег», «пришествие», «приход»; внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 213. Т. II. С. 27, 43, 191, 226-227, 272, 276, 284, 297, 299, 335, 373. Т. III. С. 205, 240. Т. IV. Ч. I. С. 281, 479, 509, 570. Т. V. Ч. II. С. 232. Т. VII. Ч. II. С. 196-197, 203, 232-233; внешне: Там же. Т. I. С. 51, 54, 56, 63, 64-65, 70-71, 81, 84, 86, 130, 273, 283, 306, 317. Т. II. С. 2, 7, 11, 18, 30, 48, 80, 88, 115, 234-235, 240, 283, 316, 376, 383, 376-377, 399, 509, 547, 561. Т. III. С. 64, 82, 98, 109, 124, 198, 204, 220-221, 276, 302, 305, 313, 325, 380, 414. Т. IV. Ч. I. С. 17, 29, 41, 70,

рубрик была посвящена историком покорению Сибири⁸³. Поход⁸⁴, битва, сражение⁸⁵ разорение, опустошение⁸⁶, измена⁸⁷ почти в равной мере

78, 96, 97, 109, 125, 157, 225, 233, 246, 252, 269, 280, 318, 323, 332, 336, 351, 353, 362, 373, 376, 380, 394, 438, 446, 490, 511, 513, 522, 572-573, 575, 584. Т. IV. Ч. II. С. 3, 10, 14, 72-73, 156, 161, 248, 261, 309, 338, 344, 380, 414-415, 468, 477, 495, 511, 537. Т. V. Ч. I. С. 77, 83, 85, 150, 152, 159, 169, 171, 175, 186, 230, 243, 245, 255, 261-262, 325, 329, 371, 373. Т. V. Ч. II. С. 2, 60, 64, 76, 107-108, 127-128, 146-147, 245, 255, 277, 284. Т. V. Ч. III. С. 11, 40, 42, 52, 101. Т. VI. Ч. I. С. 17, 40, 115, 171, 287, 307, 310, 315. Т. VI. Ч. II. С. 1, 8, 27, 89. Т. VII. Ч. I. С. 85, 112, 375.

⁸⁰ внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 239, 241. Т. II. С. 32, 163, 167, 214, 270, 297, 312, 324, 410, 442, 468, 471, 552. Т. III. С. 129, 155, 159, 270, 396. Т. IV. Ч. I. С. 27, 58, 80-81, 263, 266, 326, 436, 482; внешние: Там же. Т. I. С. 40, 50, 53, 74-75, 81, 122, 124, 140-141, 144, 149, 155, 157, 177, 179, 182, 226, 247, 251, 315. Т. II. С. 2, 34, 38, 308, 336, 500, 502. Т. III. С. 20, 28, 249, 276, 398, 408. Т. IV. Ч. I. С. 89, 122, 176, 280, 325. Т. IV. Ч. II. С. 208. Т. V. Ч. I. С. 225. Т. V. Ч. II. С. 13-15, 26, 129, 134. 137-138, 140, 270, 297. Т. V. Ч. III. С. 11, 13, 40. Т. VI. Ч. I. С. 62, 69. Т. VII. Ч. II. С. 272.

⁸¹ либо «приступ ко граду»; внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 218. Т. II. С. 136, 188, 216. Т. IV. Ч. I. С. 36. Т. IV. Ч. II. С. 204. Т. VII. Ч. I. С. 250, 254-255. Т. VII. Ч. II. С. 171, 179, 193, 276, 288; внешние: Там же. Т. I. С. 131, 258, 279, 281. Т. II. С. 41, 46, 565-566. Т. III. С. 15, 306, 387, 411. Т. IV. Ч. I. С. 50, 184, 363-364, 497, 575, 593. Т. IV. Ч. II. С. 326, 441, 471, 515-516. Т. V. Ч. I. С. 63, 146, 149, 157, 159, 240, 242, 332, 363, 397, 405-406. Т. V. Ч. II. С. 14, 40, 47, 65, 102, 109, 409. Т. V. Ч. III. С. 20, 22, 64, 71, 95, 98, 100, 114. Т. VI. Ч. I. С. 39, 41, 257. Т. VII. Ч. II. С. 242, 273, 291, 299, 301, 303, 308, 341, 343-344.

⁸² либо «завоевание», «взятие», «овладение», «разбитие», «отбитие», «поражение», «побиение», «избиение» «победа», «побеждение»; внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 218, 293, 297, 302, 307, 310. Т. II. С. 10, 18, 28, 276, 366, 373, 428. Т. III. С. 459. Т. IV. Ч. I. С. 33, 62, 556, 571. Т. IV. Ч. II. С. 51, 66, 406. Т. V. Ч. I. С. 383, 437-439. Т. V. Ч. II. С. 234-235, 237. Т. VII. Ч. I. С. 241, 246-247. Т. VII. Ч. II. С. 152, 154, 156, 173, 176, 178-179, 191, 201, 207, 262, 265, 274-275, 281, 371, 388; внешние: Там же. Т. I. С. 46, 49, 74, 131, 150, 158-160, 176, 183, 199, 258, 322. Т. II. С. 15, 31, 42, 49, 81, 83-84, 89, 218, 288-289, 293, 320, 331, 377, 385, 389, 402, 405, 424, 495, 520, 524, 562-563, 566, 568. Т. III. С. 2, 17, 29, 69, 296, 305, 408, 441. Т. IV. Ч. I. С. 79, 92, 95, 105, 172, 182-183, 187, 190, 192, 255, 270, 330, 368, 494. Т. IV. Ч. II. С. 3, 164, 210, 372, 374, 429, 485, 516, 523. Т. V. Ч. I. С. 63, 287, 390, 415-416, 420, 422, 428, 440, 478. Т. V. Ч. II. С. 13, 37, 39, 43-44, 48, 56, 63, 66, 81, 97, 102, 104, 130, 217-218, 261, 306, 332, 404-405, 421-422. Т. V. Ч. III. С. 2, 17, 26, 33, 35, 37, 41, 58, 61, 68-71, 74, 132, 139, 142-143, 150, 174, 176-178, 180-181, 191. Т. VI. Ч. I. С. 93, 257, 320. Т. VII. Ч. I. С. 52, 82, 121, 197, 200, 236. Т. VII. Ч. II. С. 21, 239, 241-242, 262, 392-393, 403-404.

⁸³ Там же. Т. V. Ч. II. С. 57. Т. V. Ч. III. С. 1, 126, 140, 173. Т. VI. Ч. I. С. 105, 107, 187, 229, 251.

⁸⁴ либо «ополчение», «предприятие», «рать», «рагование», «послание» войск, воевод и т.д.; внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 217, 294, 301, 308. Т. II. С. 66, 91, 116, 119, 143, 148, 154, 160, 174, 176, 178, 180, 182, 186, 210, 217, 219, 224, 227-228, 231, 285, 322, 333, 335, 344, 348, 366, 369, 371, 396, 398, 414, 417, 420, 426, 436, 441, 460, 483, 488, 494, 530, 590, 592. Т. III. С. 117, 127, 187, 192, 194, 216, 225, 233, 238,

могли означать и внешний, и внутренний конфликт. Историком отмечались заключающиеся союзы⁸⁸, переговоры о мире (перемирии), подписание договоров⁸⁹, случаи их нарушения⁹⁰. Особое внимание им уделялось созданию пограничных «розрядов», укреплению городов⁹¹.

241, 245, 258, 265, 303, 312, 367, 459. Т. IV. Ч. I. С. 4, 11, 17, 35, 44, 57, 72, 194, 211, 215, 222, 241, 265, 358, 481, 558. Т. IV. Ч. II. С. 41, 52, 54, 58, 115, 203, 222, 249, 405, 407, 409, 500. Т. V. Ч. I. С. 59, 187, 252, 254. Т. V. Ч. II. С. 231, 240. Т. VI. Ч. I. С. 13. Т. VII. Ч. I. С. 232. Т. VII. Ч. II. С. 145, 171, 173, 176-177, 179, 189, 192, 194, 199, 202, 251-252, 254-255, 263; внешние: Там же. Т. I. С. 113, 195, 231-232, 236, 275-276, 308, 318, 320. Т. II. С. 5-6, 44, 82-83, 89, 92, 95, 122, 125, 150, 165, 288, 321, 328, 374, 376, 383, 386, 391, 405-406, 423, 427, 430-431, 449, 453, 459, 489, 505, 507-508, 512, 526, 529, 550. Т. III. С. 76, 88, 100, 102-103, 138, 140, 144, 177, 243, 276, 297, 353, 394. Т. IV. Ч. I. С. 36, 40, 43, 48, 65, 72, 89, 97, 106, 119, 123, 126, 139, 182, 237, 268, 272, 282-283, 303, 340-341, 344, 349, 357, 368, 439, 518, 526, 564. Т. IV. Ч. II. С. 9, 61, 162, 176, 181, 251-252, 281, 283-284, 305, 372, 374, 382, 388, 417, 420, 425, 485, 514, 536. Т. V. Ч. I. С. 78, 81, 142, 206, 226, 237-239, 330-331, 339, 341, 344, 357, 380, 382, 388, 476. Т. V. Ч. II. С. 54, 65, 68, 75, 78, 131, 161, 192, 201, 212, 291, 294, 402, 404, 424. Т. V. Ч. III. С. 5-7, 14, 82, 211. Т. VI. Ч. I. С. 13, 19, 41, 106, 115, 220, 255-257, 313. Т. VI. Ч. II. С. 2, 25, 28, 30. Т. VII. Ч. I. С. 24-35, 29-30, 119, 159, 253. Т. VII. Ч. II. С. 193, 288.

⁸⁵ либо «бой», «брань», «рагование», «побоище», «сражение»; внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 296. Т. II. С. 10, 40, 68, 188, 202, 206, 220, 349, 362, 417, 447, 476-477, 482, 515. Т. III. С. 245. Т. IV. Ч. I. С. 63, 373, 465, 472, 478. Т. IV. Ч. II. С. 45, 47-48, 54. Т. VII. Ч. I. С. 239, 244. Т. VII. Ч. II. С. 156, 177, 196, 206; внешние: Там же. Т. I. С. 52. Т. II. С. 318-319, 389, 571. Т. III. С. 29, 106, 153. Т. IV. Ч. I. С. 159, 165, 247, 306, 492, 528. Т. IV. Ч. II. С. 181, 325, 328, 434, 503, 515. Т. V. Ч. I. С. 360, 364, 368, 408. Т. V. Ч. II. С. 3, 54, 62-63, 97, 306. Т. V. Ч. III. С. 128, 131, 138, 254, 289. Т. VII. Ч. II. С. 367, 371.

⁸⁶ Там же. Т. II. С. 317, 325, 345, 398, 432, 445, 520, 569. Т. III. С. 9, 27, 175, 325. Т. IV. Ч. I. С. 20, 255. Т. IV. Ч. II. С. 10. Т. V. Ч. II. С. 81, 236. Т. V. Ч. III. С. 36, 188. Т. VI. Ч. I. С. 302. Т. VII. Ч. I. С. 250. Т. VII. Ч. II. С. 236.

⁸⁷ Там же. Т. I. С. 80, 161. Т. II. С. 68, 419, 452. Т. IV. Ч. I. С. 258, 329. Т. IV. Ч. II. С. 431, 439, 494. Т. V. Ч. I. С. 67, 200, 304, 437, 475, 475. Т. V. Ч. II. С. 36, 199, 293. Т. VI. Ч. I. С. 60. Т. VII. Ч. I. С. 253, 255. Т. VII. Ч. II. С. 180, 202, 230, 235-236, 283, 326-327, 329, 338, 386, 390, 399, 415.

⁸⁸ либо «соединения», «вспоможения», «защитения», «помощи»; внутренние конфликты: Там же. Т. II. С. 56, 175, 178, 192, 194, 200, 212, 229, 393. Т. IV. Ч. I. С. 15, 61-62, 123, 562. Т. IV. Ч. II. С. 47, 52, 267, 285, 307, 333; внешние: Там же. Т. I. С. 181. Т. II. С. 400, 405, 510-511. Т. III. С. 142, 166, 385-386, 409. Т. IV. Ч. I. С. 40, 128, 318, 329, 337, 345. Т. IV. Ч. II. С. 5, 84, 172, 267. Т. V. Ч. I. С. 157. Т. V. Ч. II. С. 209. Т. V. Ч. III. С. 44. Т. VI. Ч. I. С. 60, 239. Т. VII. Ч. I. С. 120. Т. VII. Ч. II. С. 2, 393.

⁸⁹ внутренние конфликты: Там же. Т. I. С. 312. Т. II. С. 33, 63, 67, 71, 144, 156, 210, 214, 218, 238, 241, 278, 286, 296, 336, 370, 393, 416, 420, 430, 451. Т. III. С. 74, 118, 168, 184, 192, 207, 241, 389, 416, 445-446. Т. IV. Ч. I. С. 10, 17, 28, 30, 39, 71, 83, 213, 230, 241, 264, 281, 286, 299, 313, 327, 333, 340, 355, 431 433-435, 464, 470, 472, 480-481, 510, 522, 554, 563, 567, 571, 578, 582, 585, 589. Т. IV. Ч. II. С. 59, 85, 291,

Интерес Щербатова к проблеме взаимосвязи событий в истории обусловил рубрики об их причинах⁹², реже – о следствиях (последствиях)⁹³. Рубрики о нравах, обычаях, о «плодах просвещения» (науке, образовании, искусствах) в его труде – редкое исключение⁹⁴. Из событий неполитического характера им отмечались пожары⁹⁵, мор⁹⁶ и голод⁹⁷.

Анализ микроструктуры «Истории Российской» Щербатова показывает, что российский историк был знаком с приемами рубрикации, характерными для британских историков и отдавал предпочтение тем же проблемам, которые были значимы для них. Но ему не удалось ограничить в должной мере следование летописной событийной канве, предотвратить безмерное разрастание чисто событийной части микроструктуры и выйти на уровень систематизации, достигнутый великими британцами.

Микроструктура «Истории государства Российского» (см. табл. 2, на с. 313), конструировалась Карамзиным также с учетом как традиции, сложившейся в европейской историографии позднего Просвещения, так и специфики отечественной истории. О влиянии микроструктуры британцев на предложенную им рубрикацию свидетельствует уже появление

350. Т. V. Ч. I. С. 48, 113. Т. VI. Ч. I. С. 56. Т. VII. Ч. II. С. 246, 250, 260; внешние: Там же Т. I. С. 38, 40, 81, 143, 157, 162, 171, 176-177, 184, 203, 205, 212, 312. Т. II. С. 30, 43, 73, 144, 165, 503, 539. Т. III. С. 30, 307, 425. Т. IV. Ч. I. С. 51, 290, 315, 341, 349, 372, 385, 393, 403, 411, 487, 493, 565, 585. Т. IV. Ч. II. С. 5, 34, 84, 188, 347, 380, 383, 383, 392, 404, 412, 458, 463, 497, 509, 524. Т. V. Ч. I. С. 101, 231, 233, 235, 272, 275, 295, 460, 467, 476. Т. V. Ч. II. С. 17, 32, 34, 68, 73, 114, 123, 164, 169, 178, 250, 297, 357, 429-431. Т. V. Ч. III. С. 79, 83, 85, 90, 102, 119, 164, 189. Т. VI. Ч. I. С. 21, 23, 28, 71, 75, 77, 103, 133, 157-158, 160, 163, 276, 278, 324. Т. VI. Ч. II. С. 24, 64, 66. Т. VII. Ч. I. С. 119, 144, 155. Т. VII. Ч. II. С. 220-221, 376.

⁹⁰ внутренние конфликты: Там же. Т. II. С. 157. Т. IV. Ч. I. С. 451; внешние: Т. I. С. 158. Т. IV. Ч. I. С. 338, 386. Т. V. Ч. II. С. 32, 34. Т. V. Ч. III. С. 159.

⁹¹ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 70. Т. V. Ч. III. С. 47, 149, 153, 187, 213. Т. VI. Ч. I. С. 58, 92, 114, 242, 305. Т. VI. Ч. II. С. 7, 14-15, 27, 88, 101-102, 110. Т. VII. Ч. I. С. 21-22, 24, 30, 108, 113, 128-129, 165, 179, 189, 191, 197, 230.

⁹² Там же. Т. I. С. 134, 155, 191, 230, 238. Т. II. С. 47. Т. III. С. Т. IV. Ч. I. С. 176, 204, 462. Т. V. Ч. I. С. 442. Т. V. Ч. II. С. 13, 217, 227, 286, 293, 338. Т. VI. Ч. I. С. 319. Т. VI. Ч. II. С. 11. Т. VII. Ч. I. С. 6, 62, 165, 218. Т. VII. Ч. II. С. 17-18, 27, 170, 257, 383.

⁹³ Там же. Т. I. С. 49. Т. II. С. 130, 163, 520. Т. IV. Ч. II. С. 51. Т. VII. Ч. I. С. 247. Т. VII. Ч. II. С. 115.

⁹⁴ Там же. Т. I. С. 16. Т. III. С. Т. VII. Ч. I. С. 105, 107.

⁹⁵ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 530. Т. IV. Ч. II. С. 35, 71, 82, 261. Т. V. Ч. I. С. 213-214. Т. VI. Ч. I. С. 303-304. Т. VI. Ч. II. С. 82.

⁹⁶ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 436, 437, 443. Т. IV. Ч. II. С. 8. Т. V. Ч. II. С. 183, 223, 300. Т. VI. Ч. I. С. 246, 263. Т. VI. Ч. II. С. 67. Т. VII. Ч. I. С. 87. Т. VII. Ч. II. С. 154.

⁹⁷ Там же. Т. V. Ч. III. С. 193. Т. VII. Ч. I. С. 113, 129, 157, 160. Т. VII. Ч. II. С. 266-267, 277.

рубрики «Вступление» в начале главы I тома VI, продолжившей традицию промежуточных вводных текстов⁹⁸. В микроструктуре Карамзина, как и в рубриках его предшественников (за исключением «Истории Америки» Робертсона, где чаще употреблялись такие термины, как «колония», «открытия», «схема»), заметно превалировала информация о правителях. Редко выходя на уровень микроструктуры упоминания о рождении правителей (вероятных наследников престола)⁹⁹, он сопровождал известие об их кончине обзором характера, добродетелей или славы¹⁰⁰. Итогам правления Иоанна III, Василия III и Иоанна IV были посвящены целые серии рубрик¹⁰¹. Карамзин информировал о заключенных либо планировавшихся браках представителей правящих династий¹⁰², выделял обобщающие рубрики («Брачные союзы», «Браки», «Союзы и браки») ¹⁰³. а также рубрики о княжеском свадебном обряде: «Древнейшее описание Княжеской свадьбы», «Великокняжеская свадьба»¹⁰⁴. Изредка отмечалась кончина представительниц правящих родов¹⁰⁵.

Наиболее заметной особенностью микроструктуры труда Карамзина явилось регулярное введение в нее *отличительных свойств* героев его «Истории», не только главных (Рюриковичей, Годуновых, Шуйских), но и второстепенных. Историком была представлена целая палитра свойств персонажей его «Истории»¹⁰⁶, среди которых можно выделить явно положительные (бескорыстие, благоразумие, благородство, бодрость, великодушие, добродушие, добросердечие, миролюбие, мудрость, мужество, смелость, справедливость, твердость, храбрость, честность), относительно нейтральные (безрассудность, беспечность, гордость, медленность, осторожность, праздность, пылкость, робость, славолюбие, смирение, строгость, умеренность, хитрость,) и абсолютно отрицательные (веро-

⁹⁸ Ср.: «Introduction». *Hume*. 1830. Vol. IV. P. 226-227.

⁹⁹ *Карамзин*. Т. V. Гл. III. Т. VI. Гл. III. Т. VII. Гл. III. Т. VIII. Гл. IV-V. Т. IX. Гл. I. Т. X. Гл. II.

¹⁰⁰ Там же. Т. I. Гл. IX. Т. II. Гл. II, IV, VII, XII, XIV, XVI. Т. III. Гл. II-III. Т. IV. Гл. I-III, VI, IX. Т. V. Гл. I-II. Т. VII. Гл. III.

¹⁰¹ Там же. Т. VI. Гл. VII. Т. VII. Гл. III. Т. IX. Гл. VII.

¹⁰² Там же. Т. I. Гл. V, VIII, IX. Т. II. Гл. V, XII. Т. III. Гл. III. Т. IV. Гл. III. Т. V. Гл. II, III. Т. VI. Гл. II, IV-VII. Т. VII. Гл. I, III. Т. VIII. Гл. III. Т. IX. Гл. I, III-V, VII. Т. XI. Гл. I, IV. Т. XII. Гл. I.

¹⁰³ Там же. Т. II. Гл. II, VI, X, XVI. Т. III. Гл. III (2 p.). Т. IV. Гл. VI, X.

¹⁰⁴ Там же. Т. VI. Гл. VII. Т. VII. Гл. IV.

¹⁰⁵ Там же. Т. VI. Гл. I, VII. Т. VIII. Гл. I, V. Т. IX. Гл. III.

¹⁰⁶ Там же. Т. I. Гл. III. Т. II. Гл. I, VI, IX-X, XII-XIII, XVI-XVII. Т. III. Гл. I, III-VI, VIII. Т. IV. Гл. I-II, VII, X. Т. V. Гл. I-II. Т. VI. Гл. VI-VII. Т. VII. Гл. III. Т. VIII. Гл. IV. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. IV. Т. XII. Гл. I.

ломство, властолюбие, жестокость, злоба, коварство, криводушие, малодушие, неблагодарность, неблагоразумие, несправедливость, тиранство). В рубриках отмечались особенности отдельных ветвей рода Рюриковичей¹⁰⁷, жен и родственниц правителей¹⁰⁸, лиц, принадлежавших к другим династиям¹⁰⁹, представителей других социальных страт¹¹⁰. Выделялись общие свойства различных сообществ: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство славян, вероломство, смелость Россиян, их благоразумие в делах Веры, коварство Ляхов, корыстолюбие Моголов, великодушие и строптивость Новгородцев, своеволие и мятежный дух Полочан, гордость и вероломство Ростовцев, великодушие Псковитян, доблесть жителей Нижнего Новгорода¹¹¹, корыстолюбие бояр, миролюбие духовенства, своеволие казачества¹¹².

Подобный интерес к личным качествам правителей и особенностям коллективных участников исторического процесса характерен для Гиббона. Он выделял на уровне микроструктуры невежество, гнусность, самосбродство Коммода, мудрость, справедливость Севера, честолюбие, жестокость Каракаллы, милосердие, твердость Клавдия, жестокость Аврелиана, осторожность Диоклетиана, добродетели и пороки Константина, великодушие Юлиана, корыстолюбие и расточительность Юстиниана и т.д.¹¹³, а также добродетели первых христиан, нравственность отцов церкви, распутные нравы антиохийцев, корыстолюбие духовенства, развращенность эпохи, противоположность между пороками греков и добродетелями готов, наглость гуннцев, франков и др.¹¹⁴.

В соответствии с названием своего труда, Карамзин немало внимания уделил специфике государства: «Основание Монархии», «Медлен-

¹⁰⁷ Там же. Т. II. Гл. VI, XI-XII. Т. III. Гл. III.

¹⁰⁸ Там же. Т. III. Гл. III. Т. V. Гл. II. Т. VIII. Гл. III. Т. IX. Гл. I.

¹⁰⁹ Там же. Т. II. Гл. XII. Т. III. Гл. III. Т. IV. Гл. I-II, X-XI. Т. V. Гл. I, III. Т. IX. Гл. VI.

¹¹⁰ Там же. Т. II. Гл. XVI. Т. III. Гл. I, VI, VIII. Т. IV. Гл. V. Т. IX. Гл. II, VI. Т. XII. Гл. I, III, V.

¹¹¹ Там же. Т. I. Гл. III. Т. II. Гл. I, VI, X, XII-XIII, XV. Т. III. Гл. II-IV. Т. IV. Гл. I-II, VI-VII, IX-X. Т. XII. Гл. II-III.

¹¹² Там же. Т. III. Гл. II-III. Т. VIII. Гл. IV. Т. IX. Гл. VI. Т. X. Гл. III.

¹¹³ *Гиббон*. Ч. I. Гл. IV-VI, X-XI, XIII-XIV. Ч. II. Гл. XVIII-XIX, XXII. Ч. III. Гл. XXV, XXXII. Ч. IV. Гл. XL. Ч. V. Гл. XLV. Ч. VI. Гл. LVI. Ч. VII. Гл. LXX-LXXI.

¹¹⁴ Там же. Ч. II. Гл. XV, XXIII. Ч. III. Гл. XXIV-XXV, XXVII. Ч. IV. Гл. XLIII. Ч. V. Гл. L. Ч. VI. Гл. LVIII. Ч. VII. Гл. LXIII, LXVI.

ные успехи Единодержавия» и др.¹¹⁵. Он неоднократно вводил рубрику «Правление»¹¹⁶, выделял рубрики о специфике отдельных правлений («Общий характер Василиева правления», «Блестящее властвование Годунова» и др.)¹¹⁷, о политике отдельных князей или представителей элиты («Политика Всеволодова», «Политика Даниилова», «Политика Жолкевского» и др.)¹¹⁸, фиксировал факты экстраординарных перемен на престоле («Изгнание Князя из Новагорода», «Изгнание Мономахова Дому из южной России», «Царевубийство» и др.)¹¹⁹. Им отмечались попытки обозначить коллективную волю представителей рода Рюриковичей («Съезд Князей», «Новый Съезд Князей», дважды - «Совет Князей»), в том числе и в обобщающих рубриках («Княжеские съезды», «Сеймы Княжеские») ¹²⁰. Подобно предшественнику, он ввел итоговую рубрику-обоснование самозванства Лжедмитрия I: «Доказательства, что Лжедмитрий был действительно обманщик»¹²¹. Кроме того, он считал важным отметить отношение граждан как к конкретным правителям, так и к форме правления в целом: «Любовь к Мономаху», «Ненависть к Андрею», «Любовь народная к Димитрию», «Общая нелюбовь к Елене», «Любовь Россиян к Самодержавию» и др.¹²². Отражались им и изменения территориального устройства¹²³, в том числе в повторяющейся рубрике «Удель»¹²⁴. На уровне микроструктуры подчеркивалась значимость законов, права, суда: «Законы гражданские», «Законы уголовные», «Права Великих Князей», «Суд Князей», «Суд Воевод», «Суд и расправа», «Право наследственное» (2 р.), «Правосудие» (2 р.) и т. д.¹²⁵.

¹¹⁵ Там же. Т. I. Гл. IV. Т. II. Гл. II. Т. V. Гл. III-IV. Т. VI. Гл. VII.

¹¹⁶ Там же. Т. I. Гл. III, X. Т. III. Гл. VII. Т. VII. Гл. IV.

¹¹⁷ Там же. Т. I. Гл. VII. Т. V. Гл. III. Т. VII. Гл. I. Т. VIII. Гл. II-III. Т. XI. Гл. II.

¹¹⁸ Там же. Т. III. Гл. III. Т. IV. Гл. I. Т. V. Гл. II. Т. XII. Гл. IV.

¹¹⁹ Там же. Т. II. Гл. VII-IX, XII, XVI-XVII. Т. III. Гл. I, III-IV. Т. XI. Гл. III-IV. Т. XII. Гл. IV.

¹²⁰ Там же. Т. II. Гл. VI. Т. III. Гл. VII-VIII. Т. IV. Гл. VI.

¹²¹ Там же. Т. XI. Гл. IV. Ср.: «Разсмотрения и доказательства, что сей называющий себя царевичем Димитрием подлинно был самозванец». *Щербатов*. Т. VII. Ч. II. С. 94.

¹²² *Карамзин*. Т. III. Гл. I, V-XIV. Т. III. Гл. I, VIII. Т. V. Гл. I. Т. VIII. Гл. I. Т. XII. Гл. III. Т. IX. Гл. VII.

¹²³ Там же. Т. I. Гл. VII, IX. Т. II. Гл. II, IV, VIII-IX, XIV-XVII. Т. III. Гл. III, VII. Т. IV. Гл. III, V-VII, X-XII. Т. V. Гл. I-II. Т. VI. Гл. IV, VI. Т. VII. Гл. III.

¹²⁴ Там же. Т. II. Гл. IV, XIV, XVI. Т. III. Гл. VII.

¹²⁵ Там же. Т. I. Гл. X. Т. II. Гл. III, VII, IX. Т. III. Гл. VII. Т. IV. Гл. III, VI-VII, IX, XII. Т. V. Гл. I-IV. Т. VI. Гл. VII. Т. VII. Гл. II, IV. Т. VIII. Гл. III. Т. IX. Гл. I. Т. X. Гл. III-IV. Т. XI. Гл. I, IV. Т. XII. Гл. I, V.

Была введена и регулярная рубрика «Законы»¹²⁶, отслеживалась судьба смертной казни¹²⁷.

Превалирование монархического элемента во властных структурах Руси обусловило значительно меньшее внимание к началам аристократическому и демократическому. Рубрики, отражавшие роль демократических традиций в политической системе Руси, единичны: «Вече в Киеве», «Вече в Владимире»¹²⁸. Кроме того, упоминалось о специфике новгородской республики: «Политика Новгородцев», «Политика Новгорода» и др.¹²⁹. Роль аристократического элемента свелась в рубриках к фиксации совместной выработки решений правителем и аристократией: «Состав Государственной Думы», «Совет Вельмож», «Члены Верховной Думы», «Собрание Великой Думы земской» и др.¹³⁰. Рубрики, фиксирующие власть, политические инициативы отдельных представителей аристократии, как правило, связаны с экстремальными ситуациями на престоле в период малолетства Ивана IV или времен Лжедмитрия I¹³¹. В ряде рубрик нашли отражение представления историка о роли и специфике отечественной аристократии, о системе взаимоотношений внутри нее: «Характер Аристократии», «Местничества» и др.¹³². Как и Щербатов, Карамзин фиксировал процесс пополнения элиты выходцами из иных земель¹³³, предоставлял информацию о судьбе наиболее заметных ее представителей¹³⁴. Рубрик о других социальных слоях в «Истории» Карамзина немного, большая часть рубрик, например, о казачестве, выделена в связи с покорением Сибири¹³⁵. О крестьянах упоминалось лишь в связи с изменением их правового статуса: «Закон об укреплении крестьян и слуг», «Закон о крестьянах»¹³⁶.

Обращаясь к проблемам церковным, Карамзин отразил в рубриках процесс христианизации¹³⁷, крещение¹³⁸, создание церквей и монасты-

¹²⁶ Там же. Т. II. Гл. II. Т. VII. Гл. III. Т. IX. Гл. VII. Т. XII. Гл. I.

¹²⁷ Там же. Т. II. Гл. IV. Т. V. Гл. I, IV.

¹²⁸ Там же. Т. II. Гл. XI. Т. III. Гл. II.

¹²⁹ Там же. Т. III. Гл. III. Т. IV. Гл. IX. Т. V. Гл. I.

¹³⁰ Там же. Т. VIII. Гл. I-IV. Т. IX. Гл. II, IV, VII. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. IV. Т. XII. Гл. IV.

¹³¹ Там же. Т. VIII. Гл. II. Т. X. Гл. I-III. Т. XI. Гл. IV.

¹³² Там же. Т. II. Гл. XIII, XVII. Т. V. Гл. II. Т. VI. Гл. VI. Т. VIII. Гл. III. Т. IX. Гл. IV. Т. X. Гл. IV.

¹³³ Там же. Т. IV. Гл. II. Т. IX. Гл. VII.

¹³⁴ Там же. Т. VIII. Гл. I-V. Т. X. Гл. I.

¹³⁵ Там же. Т. V. Гл. IV. Т. IX. Гл. VI.

¹³⁶ Там же. Т. X. Гл. III. Т. XI. Гл. I.

¹³⁷ Там же. Т. I. Гл. IV, IX. Т. III. Гл. VIII.

рей¹³⁹, взаимоотношения с правителями¹⁴⁰, церковные уставы¹⁴¹, соборы¹⁴², ереси¹⁴³, деяния высших иерархов¹⁴⁴. Как и британские историки, Карамзин ввел в микроструктуру своего труда повторяющуюся рубрику «Дела церковные» (либо «Церковные деяния», «Учреждения Церковные», «Церковные учреждения») ¹⁴⁵ и несколько единичных рубрик, также обобщающих по содержанию: «Зависимость нашей Церкви от Греческой», «Учреждение патриаршества в России», «Выгоды Духовенства: характер нашего», «Благое действие Веры»¹⁴⁶.

Обобщающие рубрики в «Истории» Карамзина играли большую роль, чем в труде Щербатова: при общем уменьшении числа рубрик сегмент обобщающих был несопоставимо заметнее. Рубрики «Россия в подданстве Моголов», «Свержение ига Ханского» подвели рубежную черту под целыми эпохами отечественной истории¹⁴⁷. Ряд рубрик был посвящен ситуации в стране в целом: «Опустошение России», «Новое могущество России», «Бедствия России» и др.¹⁴⁸. Встречалась и рубрика «Дела внутренние»¹⁴⁹. Отмечалась ситуация в отдельных регионах: «Жалкое состояние южной России», «Судьба южной и западной России» и др.¹⁵⁰. К ним примыкала серия рубрик «Происшествия» о событиях на Руси и у ее соседей: «Происшествия Новгородские», «Происшествия в Орде» и др.¹⁵¹. Неоднократно повторялись такие обобщающие рубрики, как «Состояние России»¹⁵², «Происшествия в западной России»¹⁵³, «Происшеств-

¹³⁸ Там же. Т. I. Гл. VII, IX. Т. II. Гл. II. Т. V. Гл. I. Т. VII. Гл. I. Т. VIII. Гл. V.

¹³⁹ Там же. Т. I. Гл. IX. Т. II. Гл. II, IV-V. Т. IV. Гл. X. Т. V. Гл. I. Т. VI. Гл. II. Т. X. Гл. II-III.

¹⁴⁰ Там же. Т. VI. Гл. III. Т. VIII. Гл. IV-V. Т. IX. Гл. II. Т. XII. Гл. IV.

¹⁴¹ Там же. Т. II. Гл. III, IX.

¹⁴² Там же. Т. IV. Гл. IV. Т. V. Гл. III. Т. VI. Гл. IV, VII. Т. VIII. Гл. III. Т. IX. Гл. V.

¹⁴³ Там же. Т. III. Гл. I. Т. V. Гл. I. Т. VI. Гл. IV, VII. Т. VIII. Гл. V.

¹⁴⁴ Там же. Т. II. Гл. V-VII, XII, XV-XVI. Т. III. Гл. IV. Т. IV. Гл. V-VII, IX. Т. V. Гл. I. Т. VI. Гл. I, III-IV, VII. Т. VII. Гл. II. Т. VIII. Гл. II, IV-V. Т. IX. Гл. I. Т. X. Гл. III. Т. XI. Гл. IV. Т. XII. Гл. I, IV.

¹⁴⁵ Карамзин. Т. II. Гл. XIV, XVI. Т. III. Гл. VI. Т. IV. Гл. XI. Т. V. Гл. I (2 p.), II-III. Т. VII. Гл. III. Т. VIII. Гл. III. Т. IX. Гл. VII.

¹⁴⁶ Там же. Т. II. Гл. IV. Т. III. Гл. III. Т. V. Гл. IV. Т. X. Гл. II.

¹⁴⁷ Там же. Т. VI. Гл. III.

¹⁴⁸ Там же. Т. IV. Гл. V. Т. VIII. Гл. V. Т. IX. Гл. V. Т. X. Гл. IV. Т. XII. Гл. II.

¹⁴⁹ Там же. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. I.

¹⁵⁰ «Там же. Т. II. Гл. VI. Т. IV. Гл. I, VIII-X.

¹⁵¹ Там же. Т. II. Гл. XV. Т. III. Гл. I, III, VIII. Т. IV. Гл. I, III, IX. Т. V. Гл. II, III. Т. VI. Гл. IV. Т. IX. Гл. I, IV.

¹⁵² Там же. Т. IV. Гл. I, V. Т. XII. Гл. V.

¹⁵³ Там же. Т. II. Гл. XV. Т. IV. Гл. I, III.

вия в Галиче»¹⁵⁴, «Дела Псковские»¹⁵⁵, «Дела Новгородские»¹⁵⁶. Рубрика из серии «Состояние России» стала последней в его «Истории».

Из уникальных рубрик особенно интересны две, которыми Карамзин подводил черту под этапом самостоятельного политического развития центров, сохранявших вечевые традиции: «Обозрение истории Новгорода от начала до конца» и «Дела Пскова: конец его гражданской вольности»¹⁵⁷. Наряду с повторяющимися рубриками о делах и происшествиях псковских и новгородских, эти рубрики, вероятно, позволяют говорить о появлении у Карамзина, вслед за Щербатовым, фрагментов микроистории в рамках макроистории. Как и Щербатов, он подчеркивал значимость урбанизации¹⁵⁸, ввел обобщающую рубрику «Строение городов»¹⁵⁹, фиксировал факты, касавшиеся развития торговли¹⁶⁰.

Отдельные рубрики вводили историю России в контекст европейской и всемирной: «Сравнение России с другими державами», «Тогдашнее состояние Европы», «Великие современники Василиевы», «Отношение России к Западным Державам», «Сравнение Иоанна с другими мучителями»¹⁶¹. Важную роль играли «Дела внешние»¹⁶², дела с Польшей, Ливонией и Литвой, с Немцами и Шведами¹⁶³, с Римом¹⁶⁴, Крымом¹⁶⁵, Греками, Персией, Большой Ордой, дела Казанские, Ногайские, Астраханские¹⁶⁶. Однако важное отличие труда Карамзина от «Истории» Щербатова – более компактная подача такой информации: «Посольства Астраханские, Молдавские, Ногайское, Индейское», «Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское» и др.¹⁶⁷.

¹⁵⁴ Там же. Т. III. Гл. I, III.

¹⁵⁵ Там же. Т. V. Гл. III. Т. VI. Гл. I. Т. VII. Гл. I.

¹⁵⁶ Там же. Т. II. Гл. XII. Т. IV. Гл. VII. Т. V. Гл. II (3 р.), III.

¹⁵⁷ Там же. Т. VI. Гл. III. Т. VII. Гл. I. См. также рубрику «Судьба Галича». Там же. Т. IV. Гл. IX.

¹⁵⁸ Там же. Т. I. Гл. VI, X. Т. II. Гл. II, VII, XII. Т. IV. Гл. III, VII, IX-X. Т. V. Гл. I. Т. VI. Гл. VI. Т. VII. Гл. III. Т. VIII. Гл. I, III-IV. Т. X. Гл. I, III.

¹⁵⁹ Т. I. Гл. IX. Т. IX. Гл. VII. Т. X. Гл. III.

¹⁶⁰ Там же. Т. III. Гл. VII. Т. IV. Гл. IX. Т. IX. Гл. II, VII. Т. X. Гл. IV. Т. XI. Гл. I.

¹⁶¹ Там же. Т. V. Гл. IV. Т. VI. Гл. VII. Т. VII. Гл. III. Т. VIII. Гл. IV.

¹⁶² либо «Дело внешней политики» и др. Там же. Т. VIII. Гл. I. Т. IX. Гл. VII. Т. XI. Гл. I. Т. XII. Гл. I.

¹⁶³ Там же. Т. II. Гл. X. Т. III. Гл. V. Т. IV. Гл. V, VIII. Т. V. Гл. II. Т. VI. Гл. II, IV-V. Т. VII. Гл. I. Т. VIII. Гл. V. Т. IX. Гл. II-IV, VII. Т. XII. Гл. V.

¹⁶⁴ Там же. Т. II. Гл. IV-V. Т. III. Гл. III, VIII. Т. IV. Гл. II, X. Т. V. Гл. III. Т. VI. Гл. II, VI. Т. VII. Гл. II-III. Т. IX. Гл. V. Т. X. Гл. III. Т. XI. Гл. I-II.

¹⁶⁵ Там же. Т. VI. Гл. II. Т. VIII. Гл. I, III, V. Т. IX. Гл. I, IV-V. Т. X. Гл. I.

¹⁶⁶ Там же. Т. II. Гл. VII. Т. VI. Гл. II, VI. Т. VIII. Гл. I-II, IV. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. I.

¹⁶⁷ Там же. Т. VI. Гл. V. Т. VII. Гл. III. Т. VIII. Гл. II, V. Т. IX. Гл. V. Т. XI. Гл. I.

Карамзин, как и Щербатов, использовал ряд терминов для обозначения внутренних конфликтов: братоубийство, убиение, кровопролитие¹⁶⁸, вражда, раздор, ссора, распря¹⁶⁹, заговор¹⁷⁰, восстание, мятеж, бунт¹⁷¹, неустройства, беспокойство, смятение¹⁷², измена, предательство¹⁷³, бегство, изгнание, ссылка, заточение¹⁷⁴, казнь, мучительство, душегубство¹⁷⁵ и др. Ранняя история славян, «драки княжеские» удельного периода обусловили появление рубрик о междоусобиях: единичных¹⁷⁶ и повторяющихся: «Междоусобие», «Междоусобия»¹⁷⁷.

Особое внимание уделено внутренним конфликтам в Новгороде: «Беспокойства в Новгороде», «Смятение в Новгороде», «Мятеж в Новгороде», «Неустройства в Новгороде», «Неудовольствия Новгородцев» и др.¹⁷⁸ Вынесена на поля «Истории» периодизация террора в эпоху опричнины: «Первые казни», «Вторая эпоха казней», «Третья эпоха убийств», «Четвертая, ужаснейшая эпоха мучительства», «Пятая эпоха душегубства», «Шестая эпоха казней»¹⁷⁹. Многократное повторение слова «измена» в рубрикации глав томов XI-XII поставило проблему ответственности общества за трагедию Смуты: «Измена Басманова», «Измена войска», «Измена москвитян», «Измена воевод», «Измена городов»¹⁸⁰. Внешние конфликты у Карамзина обозначены, как и у Щербатова, но перечень наименований заметно короче: набег, нападение, нашествие,

¹⁶⁸ Там же. Т. I. Гл. VIII. Т. II. Гл. I, V, IX, XII. Т. III. Гл. I. Т. IV. Гл. I, VIII, X, XI. Т. X. Гл. II. Т. XI. Гл. IV. Т. XII. Гл. IV-V.

¹⁶⁹ Там же. Т. II. Гл. IX-X, XII, XV-XVI. Т. III. Гл. I, III. Т. IV. Гл. V, IX-X. Т. V. Гл. I, III. Т. VI. Гл. III. Т. XII. Гл. III-IV.

¹⁷⁰ Там же. Т. VIII. Гл. II. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. IV.

¹⁷¹ Там же. Т. I. Гл. VI, IX. Т. II. Гл. IV, VII. Т. III. Гл. I, III, VIII. Т. IV. Гл. II-III, XII. Т. VII. Гл. II. Т. VIII. Гл. I, III, V. Т. IX. Гл. IV, VII. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. IV. Т. XII. Гл. I, III-V.

¹⁷² Там же. Т. II. Гл. IX-X, XIV, XVI. Т. III. Гл. III, VI. Т. IV. Гл. V.

¹⁷³ Там же. Т. II. Гл. XI-XII. Т. VII. Гл. II. Т. VIII. Гл. I, III. Т. IX. Гл. II. Т. XI. Гл. II-IV. Т. XII. Гл. I, IV.

¹⁷⁴ Там же. Т. II. Гл. VII, XII, XVI-XVII. Т. III. Гл. III-IV. Т. V. Гл. I, III. Т. VI. Гл. V. Т. VII. Гл. I, III. Т. VIII. Гл. I. Т. IX. Гл. I. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. III. Т. XII. Гл. III-IV.

¹⁷⁵ Там же. Т. IV. Гл. II, VIII. Т. V. Гл. I. Т. VI. Гл. IV. Т. IX. Гл. I-IV. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. IV.

¹⁷⁶ Там же. Т. I. Гл. VIII. Т. II. Гл. VIII-X, XII. Т. III. Гл. II, VIII. Т. IV. Гл. V-VI. Т. V. Гл. I, III.

¹⁷⁷ Там же. Т. I. Гл. II. Т. II. Гл. IV-V, VI (2 p.), X. Т. III. Гл. IV. Т. IV. Гл. I, X. Т. V. Гл. I, III.

¹⁷⁸ Там же. Т. II. Гл. IX-X, XVII. Т. III. Гл. I, II, VI, VIII, XIV. Т. IV. Гл. IV-V, IX. Т. V. Гл. I-III. Т. VI. Гл. III.

¹⁷⁹ Там же. Т. IX. Гл. I-IV.

¹⁸⁰ Там же. Т. XI. Гл. III. Т. XII. Гл. II.

поход¹⁸¹, взятие, завоевание, победа, освобождение¹⁸², война¹⁸³, битва, осада¹⁸⁴, поражение¹⁸⁵ и др. Из обобщающих рубрик – лишь «Враги внешние»¹⁸⁶. Миротворческий дискурс представлен терминами «мир», «перемирие», «договор»¹⁸⁷. Рубрик, посвященных нравам, обычаям у Карамзина в целом немного, но заметно больше, чем у Щербатова¹⁸⁸. То же касается и рубрик об искусстве, науке, языке и т.д.¹⁸⁹, о военном искусстве¹⁹⁰. Рубрики о причинах¹⁹¹ и следствиях¹⁹² у Карамзина встречаются реже. Информация о пожарах, голоде, болезнях, других бедствиях он вводил в микроструктуру регулярно¹⁹³, в том числе в повторяющихся рубриках¹⁹⁴, в обобщающей – «Разные бедствия»¹⁹⁵. Отмечались чудеса, кометы, ожидание конца света и т.д.¹⁹⁶

¹⁸¹ Там же. Т. I. Гл. IV-VII, IX. Т. II. Гл. V-VI, VIII, X, XVI. Т. III. Гл. I, VI, VIII. Т. IV. Гл. V, IX. Т. V. Гл. I-III. Т. VI. Гл. I, III, VI. Т. VII. Гл. I-III. Т. VIII. Гл. I-V. Т. IX. Гл. II-III, VI. Т. X. Гл. II-III.

¹⁸² либо «разбитие», «истребление», «покорение». Там же. Т. I. Гл. V, VII, IX. Т. II. Гл. I-II, IV, VI-VII, IX, XII, XVI-XVII. Т. III. Гл. VI, VIII. Т. IV. Гл. I, VII- VIII. Т. V. Гл. I-III. Т. VI. Гл. III- IV, VI. Т. VII. Гл. II. Т. VIII. Гл. I-II, V. Т. IX. Гл. I, III, V-VI. Т. X. Гл. I. Т. XI. Гл. II. Т. XII. Гл. I-III, V.

¹⁸³ Там же. Т. I. Гл. VII. Т. II. Гл. I-II, IV, VI, VIII, X, XVI-XVII. Т. III. Гл. I, III, VI, VIII. Т. IV. Гл. III, VI, VIII, X. Т. V. Гл. I-III. Т. VI. Гл. I, IV, VI. Т. VII. Гл. I-II. Т. VIII. Гл. I, V. Т. IX. Гл. I-II, IV-V, VII. Т. X. Гл. II-III. Т. XII. Гл. II.

¹⁸⁴ Там же. Т. I. Гл. IX. Т. II. Гл. I-II, IX, XII. Т. III. Гл. I, III, VIII. Т. IV. Гл. I. Т. V. Гл. I, III. Т. VI. Гл. VI. Т. VII. Гл. II. Т. VIII. Гл. IV-V. Т. IX. Гл. V-VI. Т. X. Гл. II. Т. XI. Гл. II. Т. XII. Гл. II-IV.

¹⁸⁵ либо «падение», «гибель». Там же. Т. I. Гл. I-II. Т. II. Гл. II, IV, VI, XV, XVII.

¹⁸⁶ Там же. Т. III. Гл. VII.

¹⁸⁷ Там же. Т. I. Гл. V-VII. Т. II. Гл. II, IX, XII, XVI. Т. III. Гл. I, III, VIII. Т. IV. Гл. III, VI, VIII- IX. Т. V. Гл. I-III. Т. VI. Гл. I, V-VI. Т. VII. Гл. I-III. Т. VIII. Гл. I-III, V. Т. IX. Гл. I-II, IV-V, VII. Т. X. Гл. I-III. Т. XI. Гл. I-II. Т. XII. Гл. II, V.

¹⁸⁸ Там же. Т. I. Гл. I, III, X. Т. III. Гл. VII. Т. V. Гл. III-IV. Т. VII. Гл. IV. Т. X. Гл. IV. Т. XI. Гл. II.

¹⁸⁹ «Там же. Т. I. Гл. III, IX-X. Т. II. Гл. II. Т. III. Гл. VIII. Т. IV. Гл. X. Т. V. Гл. I, III-IV. Т. VII. Гл. IV. Т. X. Гл. IV.

¹⁹⁰ Там же. Т. I. Гл. X. Т. V. Гл. I, IV.

¹⁹¹ Там же. Т. IV. Гл. I. Т. XI. Гл. IV.

¹⁹² Там же. Т. II. Гл. XVI. Т. V. Гл. IV. Т. VI. Гл. II. Т. XII. Гл. V.

¹⁹³ Там же. Т. II. Гл. II, V-VI, XV. Т. III. Гл. IV, VIII. Т. IV. Гл. X. Т. V. Гл. I. Т. VI. Гл. I, VII. Т. VIII. Гл. III, V. Т. IX. Гл. VI. Т. X. Гл. II. Т. XII. Гл. IV.

¹⁹⁴ «Голод». Там же. Т. II. Гл. VIII. Т. III. Гл. VIII. Т. V. Гл. II. Т. XI. Гл. II. Т. XII. Гл. III. «Голод и мор». Т. III. Гл. VIII. Т. IX. Гл. III. «Язва». Там же. Т. V. Гл. I-III. VIII. Гл. V. Т. IX. Гл. II. «Землетрясение». Там же. Т. II. Гл. V. Т. III. Гл. VIII. Т. V. Гл. III.

¹⁹⁵ Там же. Т. III. Гл. III. Т. IV. Гл. VI-VII. Т. VII. Гл. III.

¹⁹⁶ Там же. Т. II. Гл. II, IV-V. Т. III. Гл. VIII. Т. IV. Гл. X. Т. V. Гл. I-III. Т. VI. Гл. I. Т. X. Гл. II.

Значимым элементом микроструктуры являлись у Карамзина даты, в т. I выделенные 41 р., а в т. II – уже 141 р., причем датировка становилась все более точной: в томе II в 65 случаях указан месяц и день происходивших событий. Включив даты в микроструктуру текста, Карамзин смог отказаться от летописной хронологической канвы, отличавшей текст его непосредственного предшественника на историографическом поприще. У Щербатова, как и у Юма, Робертсона, даты фиксировались не только на полях, но и в верхней части листа в значительной части основного текста «Историй», хотя постраничная фиксация дат начиналась не сразу и сохранялась не везде. Строгая фиксация времени, вероятно, производила впечатление на читателей, придавая труду солидность летописного свода. Но вариант, избранный Карамзиным, последовавшим в этом отношении за Гиббоном¹⁹⁷, имел свои осязаемые преимущества: читателям предлагалась «История», не подавлявшая своей монументальностью.

Сравнительный анализ микроструктуры трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина позволяет говорить как о значимых совпадениях, так и о серьезных отличиях. Оба историка уделяли особенное внимание правителям, но первый гораздо чаще фиксировал смерть представителей разросшегося правящего рода, следуя за летописными свидетельствами. Как и британские историки, максимум внимания оба автора уделяли внутренним и внешним конфликтам. «Конфликтная» часть рубрик была самой «рутинной» частью микроструктуры их трудов, менее всего подверженной систематизации, избыточной взаимозаменяемыми терминами.

Наиболее значимыми в их трудах представляются многочисленные рубрики обобщающего характера, касающиеся внутреннего состояния России, соседних с ней стран и внешней политики. Частично в этих рубриках, как показало исследование, воспроизводились образцы, использовавшиеся британскими историками. В труде Карамзина, не столь объемном, как «История» Щербатова, обобщающие рубрики не терялись среди всего массива рубрик, визуализируя готовность автора к систематизации событий прошлого, к уходу от погодного их воспроизведения. Это, в свою очередь, спровоцировало отказ от постраничной фиксации дат. Выделение «дел» внешних и внутренних, интерес к «делам церковным», лаконичность формулировок позволяют говорить о том, что образцом упорядоченности микроструктуры для Карамзина являлась «История Англии» Юма. Регулярно вводя рубрики, знакомые интересующимся историей читателям по трудам британских историков, Карамзин приближал исследование истории Российской к канонам ев-

---

¹⁹⁷ Gibbon. 1787. Vol. I.

ропейским. Отказавшись в большинстве случаев от длиннот, характерных для микроструктуры его отечественного предшественника, Карамзин представил оптимальный для своего времени вариант организации текста не только на макро-, но и на микроуровне.

Компаративный анализ микроструктуры позволяет выделить в трудах того и другого историка ее наиболее характерные особенности. Для микроструктуры труда Щербатова своеобразной визитной карточкой были многочисленные рубрики о *деятельности послов* как свидетельство экстраординарного интереса историка к сфере международных отношений, что, особенно после появления труда Робертсона об эпохе Карла V, вполне соответствовало приоритетам европейской традиции позднего Просвещения. Визитной карточкой микроструктуры труда Карамзина стали рубрики об *отличительных свойствах героев* его «Истории», индивидуальных и коллективных, убеждающие в его особенном интересе к этическим аспектам развития общества во времени. Это сближает его «Историю» с «Историей» Гиббона в большей мере, чем с трудом Щербатова.

Информация о предпочтениях историков, которая была получена в ходе компаративного анализа микроструктуры, позволяет наметить основные линии дальнейшего сопоставления «Историй» позднего Просвещения. Терминологическая вариативность микроструктуры провоцирует на выдвижение задачи определения круга наиболее характерных для трудов позднего Просвещения терминов, что позволит решить вопрос о той или иной степени терминологической преемственности. Введение в тексты сюжетов, обозначивших временные разрывы, нарушивших процесс погодного воссоздания событий, требует осмысления предложенных историками той эпохи вариантов презентации исторического времени. Особый интерес к нравственным урокам прошлого, к личностным особенностям его героев, позволяет обратиться к анализу коммуникативных стратегий авторов, к изучению специфики выстраиваемых ими диалогов о Добре и Зле. Преимущественный интерес к политической истории, присущий изучаемым авторам, предполагает развертывание анализа политического мира, представленного в макроисториях в многообразии взаимодействий лидеров и элит, церковных иерархов и иных представителей сообществ минувших столетий в ситуации перманентных внутренних и внешних конфликтов. Анализ микроструктуры, как и анализ макроструктуры, задает программу дальнейших исследований, поскольку выявляет те приоритетные направления, которые были обозначены самими историками позднего Просвещения.

Таблица 2. Микроструктура «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина

№ п\п	Содержание рубрик	Количество упоминаний (по томам)											
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1.	правители / правительницы, представительницы династий	33/4	185/2	85/3	85/-	69/2	81/10	49/3	48/5	46/7	30/5	48/7	19/7
2.	их рождение /браки	-/3	-/7	-/3	-/5	1/3	1/7	1/3	2/1	1/8	1/-	-/3	-/1
3.	их смерть, убиение /свойства характера (обычай)	6/12	22/47	10/34	20/22	8/18	10/3	5/3	7/14	6/6	5/11	3/13	-/9
4.	политическая элита / ее представители	--	1/-	-/2	1/-	1/1	2/4	-/4	5/36	3/10	1/2	2/22	-/40
5.	«дела церковные» / представители духовенства	3/-	8/9	5/3	5/6	7/2	5/1	1/1	7/9	1/5	3/-	2/4	-/4
6.	состояние дел внутренних	8	5	3	10	4	2	1	1	1	2	2	3
7.	состояние дел внешних / послы, посольства	2/2	6/1	4/1	9/2	5/-	34/15	30/16	34/7	37/9	20/5	18/8	7/4
8.	внутренние конфликты	10	17	14	8	12	5	1	8	13	6	5	29
9.	внешние конфликты / мир, перемирие, договоры	14/4	43/1	26/1	14/3	27/-	22/5	13/6	32/8	25/6	5/4	3/1	9/2
10	нравы, обычаи / науки, образование, искусства	3/4	-/3	1/3	-/1	2/6	1/1	1/2	-/1	-/3	12/6	1/1	-

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I-VII. М. 1883-1886.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I-XII. СПб. 1830-1831.
- Робертсон В.* История государствования императора Карла V. Т. I-IV. М., 1839.
- Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб. Т. I. 1794. Т. II. 1805. Т. III. 1774. Т. IV. Ч. I. 1781. Т. IV. Ч. II. 1783. Т. IV. Ч. III. 1784. Т. V. Ч. I. 1786. Т. V. Ч. II-IV. 1789. Т. VI. Ч. I-II, Т. VII. Ч. I. 1790. Т. VII. Ч. II-III. 1791.
- Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. I. Basil. 1787.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry VII. Vol. I-II. 1762.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. L. 1830.
- Robertson W.* The history of the reign of the Emperor Charls V. Vol. I-III. London. 1769.
- Robertson W.* The history of America. Vol. II. Basil. 1790.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. Basil. 1791.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. Vol. I-III. Edinburgh– London. 1819.
- Robertson W.* The history of America. Vol. I-IV. // Ibid. Vol. VIII–XI.
- Рудковская Ирина Евгеньевна***, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; *iri-rudkovskaya@yandex.ru*

О. В. ЗАИЧЕНКО

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НЕМЕЦКИМИ КОНСЕРВАТОРАМИ В 30–40-е гг. XIX в. РЕЗИДЕНЦИЯ ИМПЕРАТОРА И ДВОР

В статье на основе анализа немецкой консервативной публицистики 1830–1840-х гг. делается попытка выявить основные аспекты одного из важнейших элементов восприятия России германскими охранителями – образа Санкт-Петербурга как императорской резиденции, воплощения воли российских самодержцев и как символа «идеального прошлого» европейских монархий.

Ключевые слова: образ России, Германия, консервативная идеология, Петербург, император, его окружение, жизнь двора.

Консервативная идеология, будучи одним из важнейших факторов общественно-политической жизни Европы Нового времени, возникла как реакция «феодално-аристократического класса на Просвещение, французскую революцию, либерализм и наступление буржуазии в конце XVIII – первой половине XIX в.»¹. Но в то же время консерватизм представлял собой нечто большее, нежели политическую программу определенных политических сил. Прежде всего, он являлся целостной системой восприятия мира, основанной на идее сохранения «естественных» устоев общественной жизни, под которым подразумевался существующий социальный порядок как привычная среда обитания. Всякое изменение общественно-политического фона и связанного с ним положения социальных групп – «носителей» охранительной идеологии, вызывало ответную реакцию, находя отражение в дальнейшем развитии детерминант, определявших мировоззрение и консервативную систему ценностей.

В представленном исследовании автор делает попытку на основе анализа немецкой консервативной публицистики 30–40-х гг. XIX в. выявить структуру и проследить процесс формирования определяющих элементов образа России, рассмотрев их как часть мировоззренческой системы аристократических групп германского общества.

Именно в это время общественный интерес к российской империи, являвшейся воплощением незыблемости монархического строя, «островом стабильности» – для одних, и главным очагом политической реакции в Европе – для других, достигает своего апогея. В период, начало которому положила Июльская революция 1830 г., а итог подвела волна революционных волнений 1848 г., образ России стал важной частью

---

¹ Huntington. 1984. S. 454.

обострившихся политических дискуссий о дальнейшем пути развития Германии. Именно тогда основные детерминанты консервативного восприятия России получили свое окончательное оформление, заняв важное место в идеологии правящих классов немецкого общества.

Как удалось выяснить в предыдущей части нашего исследования, важнейшим элементом консервативного образа России являлось изображение императора как идеального просвещенного правителя, гаранта легитимности и сохранения устоев монархического строя в Европе². Помимо фигуры монарха немецкие авторы также часто использовали образ столицы как царской резиденции, как символ мощного военно-монархического государства и наиболее наглядный пример воплощения личной воли российских самодержцев, начиная с Петра Великого. Образ Санкт-Петербурга как резиденции, тесно связанной с правящей династией, занимал второе место по значимости и частоте упоминаний при формировании восприятия России у немецких читателей.

И это не удивительно. Из-за сурового климата, огромных расстояний, отсутствия бытовых удобств и незнания языка большинство европейских путешественников не рисковало без особой нужды предпринимать длительные поездки по стране. Они предпочитали проводить время в новой и старой столицах российского государства – Петербурге и Москве. При этом большинство немецких авторов отдавало предпочтение Петербургу. Почти все они начинали и завершали свои поездки по России в этом городе, ставшем морскими воротами огромной континентальной империи. Будучи принятыми при дворе, многие из немецких аристократов его и вовсе не покидали. Соответственно в «северной» столице и ее окрестностях заезжие иностранцы проводили значительно больше времени, чем в других крупных городах российской империи. Количество и яркость впечатлений, полученных в Петербурге, часто затмевали все остальные переживания, связанные с пребыванием в России. Этому городу посвящали самостоятельные сочинения³, а также переносили в Петербург действие авантурных и нравоучительных романов⁴. Неудивительно, что образ России в значительной степени сливался с изображением Санкт-Петербурга.

Доказательством популярности темы российской столицы в немецкой литературе первой половины XIX в. является довольно большой массив сочинений с многообразными описаниями Санкт-Петербурга, собранный в коллекции «Россика» Российской национальной библиоте-

---

² См.: *Заиченко*. 2013.

³ См., например: *Lüdemann*. 1830, 1836; *Meyer*. 1829; *Heine*. 1839; *Welp*. 1842.

⁴ См., например: (*Anon.*) *Die Geheimnisse...*; *Meinzwolf*. 1849; etc.

ки. Помимо художественных произведений, это – предназначенные для массового читателя путевые зарисовки и мемуары уроженцев Германии, посетивших Россию в эпоху «блестящего» царствования Николая I⁵. Особое место занимают насыщенные личными впечатлениями многочисленные путеводители по российской столице, написанные специально для немецких путешественников «из образованных сословий»⁶.

Большинство авторов этих сочинений принадлежали к германской элите, прежде всего, к прусской аристократии. Это были государственные сановники и дипломаты⁷, военные⁸ и писатели⁹, часто соединявшие в себе все ипостаси сразу. Кроме того, к числу консервативных авторов можно отнести так называемых «профессионалов», представителей «образованного сословия», востребованных в различных сферах общественной деятельности: врачей¹⁰, художников¹¹, издателей¹², юристов¹³, а также актеров¹⁴, чья успешная карьера в России была связана с очень популярным среди столичной элиты Петербургским немецким театром.

Так как исследованная нами литература, посвященная России, создавалась во времена жесткого противостояния либеральной и консервативной идеологий, неудивительно, что эти сочинения несли на себе отпечаток политической борьбы, а созданный в них образ России являлся, прежде всего, аргументом в политических спорах. С 30-х гг. в общественном мнении Германии начала преобладать негативная оценка России, получившая распространение благодаря критическим публикациям

⁵ См., например: *Arnim*. 1850; *Schulze*. 1834; *Bismark*. 1836; etc.

⁶ См., например: *Possart*. 1842; *Meyer*. 1837; *Schenkenberg*. 1839; etc.

⁷ Например: *Карл Отто Людвиг фон Арним* (1779–1861) – прусский дипломат, писатель; *Георг Вильгельм фон Людemann* (1796–1863) – чиновник высокого ранга Министерства образования Пруссии, а затем – Министерства внутренних дел, писатель, путешественник.

⁸ Например: граф *Фридрих Вильгельм фон Бисмарк* (1783–1860) – вюртембергский дипломат, генерал-лейтенант кавалерии, военный писатель.

⁹ Например: *Иоганн Шпоршиль* (1800–1863) – прусский писатель и историк; *Иоганн Георг Коль* (1808–1878) – писатель и юрист из Бремена

¹⁰ Например: *Максимилиан Гейне* (1807–1849) – брат Генриха Гейне, военный врач, с 1830 г. – лейб-медик императорской семьи, жил в Петербурге.

¹¹ Например: *Петер Гесс* (1792–1871) и *Эуген Гесс* (1824–1862) – баварские художники-баталисты, посетившие Петербург в 1839 г. по приглашению Николая I.

¹² Например: *Троймунд Вельп* (псевдоним *Эдуарда Пельца*) (1800–1876) – публицист и издатель.

¹³ Например: *Фридрих Иоганн Лоренц Мейер* (1760–1844) – адвокат из Гамбурга, историк права.

¹⁴ Например: *Эдуард Йеррман* (1798–1859) – прусский актер, режиссёр, руководитель труппы Петербургского немецкого театра в 1842–1848 гг.; *Фридрих Тутц* (1803–1879) – прусский драматург, писатель, театральный постановщик.

либеральных авторов, поэтому значительная часть рассмотренных нами сочинений была написана с одной целью – противопоставить правдивую, с точки зрения их создателей, информацию господствующим в публицистике предрассудкам относительно России. Именно путевые заметки консервативных путешественников, содержавшие личные наблюдения, впечатления и переживания авторов, имели большое значение для формирования положительного образа России.

Альтернативой и дополнением к опубликованным сочинениям, изданным несколькими тиражами, могут служить дневники и личные записи, содержащие описания Петербурга, но не предназначенные для печати, а потому не подверженные ограничениям цензуры и самоцензуры. В нашем случае, это – дневники офицеров, адъютантов из свиты членов правящих домов Европы, посетивших в Россию по личному приглашению Николая I для участия в торжественных мероприятиях. Речь идет о записках генерала Леопольда фон Герлаха, полковника Фридриха фон Гагерна и морского офицера Вольфганга фон Гаффнера.

Влиятельный деятель консервативной партии Леопольд фон Герлах (1790–1861) – личный адъютант и советник прусского монарха Фридриха-Вильгельма IV в составе королевской свиты посещал Петербург трижды: в начале 1826 г., с декабря 1827 г. по май 1828 г. и летом 1830 г., сохранив до конца жизни тесные контакты с российским двором. В дневниках, которые он вел во время поездок, Герлах писал о своих глубоко личных впечатлениях от увиденного в русской столице. Неудивительно, что его оценки нередко расходились с общепринятой позицией в консервативной литературе о России. Лишь после смерти Леопольда фон Герлаха его дочь Агнес решила опубликовать архив своего отца¹⁵.

Уроженец германского герцогства Нассау Фридрих Балдуин Гагерн (1794–1848), находясь на службе у принца Оранского, зятя Николая I, сопровождал наследника голландского престола принца Александра во время его официального визита ко двору русского императора летом 1839 г. по случаю бракосочетания великой княжны Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского. В ходе поездки, совпавшей по времени с посещением Петербурга маркизом де Кюстином, немецкий полковник вел дневник, который, в отличие от сочинения де Кюстина, не предназначался для печати. Записки Гагерна были опубликованы в 1857 г., уже после его смерти, в качестве приложения к многотомной биографии немецкого офицера, составленной его братом Генрихом фон Гагерном¹⁶.

¹⁵ Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. 1891/92.

¹⁶ *Gagern*. 1856.; см.: *Гагерн*. 1883, 1890, 1891.

Вольфганг Венцель Гаффнер (1806–1892), лейтенант военно-морского флота, немец, сделавший блестящую политическую карьеру в Швеции, посетил Россию летом 1846 г. в качестве адъютанта и воспитателя шведского наследного принца Оскара-Фридриха. Официальная делегация прибыла в Петербург по случаю бракосочетания второй дочери Николая I, великой княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Фридрихом Вюртембергским. Записи, которые делал во время поездки Вольфганг Гаффнер, при его жизни также не были опубликованы¹⁷.

И особняком стоит знаменитое сочинение французского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»¹⁸. Без сомнения, оно оказало сильнейшее влияние на восприятие России в Европе и, в том числе, на немецких авторов, посетивших Петербург в 1840-х гг. Будучи в силу определенных обстоятельств чужаком и изгоем в аристократической среде, а потому не связанным никакими моральными обязательствами, Кюстин отличался смелостью и независимостью суждений. Он стал одним из немногих авторов, которые подвергли российское самодержавие открытой критике справа, с умеренно-консервативных позиций.

По мере знакомства Петербург представал на страницах русофильской литературы как морская, административная и военная столица. Но прежде всего, Петербург ассоциировался с правящей династией и воспринимался именно как резиденция императора, поэтому описание местопребывания монарха и его окружения занимает в этой литературе центральное место. Особенности придворного церемониала, повседневная жизнь двора и высшей знати, которая вращалась вокруг царя и его семьи, также приобретают большое значение для восприятия города.

Незримое присутствие самодержца в столице и ее окрестностях отмечалось практически всеми иностранцами вне зависимости от того, были ли они представлены при дворе или нет. «Вы хотите знать наверняка, что в этом величественном городе достойно вашего внимания? – вопрошал прусский драматург Фридрих Титц в сочинении, специально посвященном описанию жизни петербургского двора. И сам же отвечал: «Император, его местопребывание, его планы – вот единственный предмет, занимающий здесь мысли всех тех, кто умеет мыслить»¹⁹. Любое появление августейших особ на улицах города – проезд императорской коляски, прибытие императрицы из Петергофа, посещение членами монаршей семьи одной из своих летних резиденций и тому подобные события – тотчас же собирали восторженные толпы народа, к которым

¹⁷ Wolfgang Wenzel von Haffner... 2010; *Гаффнер*. 1914.

¹⁸ *Custine* 1847; *Кюстин*. 1996.

¹⁹ *Tietz*. 1831. S. 12.

охотно присоединялись и иностранные гости столицы. Как поэтично описал один из них свое впечатление от проезда императорского кортежа: «Явление императора или императрицы на улицах Петербурга оставляло после себя такой след, какой оставляет в море большое судно. Бурлящее человеческое море было похоже на волны, продолжающие пениться позади мощного военного корабля уже после того, как корабль, гордо мчащийся на всех парусах вперед, достигнет гавани»²⁰. При таком отношении к личности императора и его ближайшему окружению неудивительно, что практически во всех описаниях Петербурга важнейшее место занимают дворцы и дворцовые комплексы, связанные с жизнью монарха, двора и высшей знати, т.е. императорские резиденции в столице, а также Петергофе, Царском селе и других окрестностях города.

Петергофский и Царскосельский дворцы, будучи самыми популярными загородными резиденциями, как правило, ассоциировались с прошлым не только России, но и Европы в целом. В восприятии немецких путешественников они были связаны, прежде всего, с блестящими царствованиями Петра I, Екатерины II и Александра I. Многие авторы отмечали некоторую старомодность и тяжеловесность фасадов, украшенных многочисленными «колоннами и пилястрами коринфского и сложного ордера», позолоченными скульптурами, «арабесками и фестонами», сравнивая их архитектуру со «старыми французскими дворцами» времен Людовика XIV²¹. Так, полковник Ф.Б. Гагерн в своих воспоминаниях неоднократно называл Царское село русским Версалем²². Еще больше ассоциаций с ушедшим безвозвратно в прошлое «золотым веком» европейских дворцов вызывало внутреннее убранство комнат, которое резко контрастировало с отличавшимися сдержанностью и скромностью интерьерами эпохи «Бидермайер». «Великолепие императорских покоев превосходит всякое описание, – делился своими впечатлениями о Царскосельском дворце Фридрих Гагерн. – Лестница построена из каррарского мрамора, одна из комнат со всеми украшениями из янтаря, другая – из перламутра, третья отделана китайскими лакированными пластинками. Мебель, украшения, картины – превосходного вкуса и такой роскоши, которая поражает нашего брата, бедных западных соседей. Поддержание некоторых дворцов в порядке стоит здесь довольно дорого, дороже, чем содержание нашей скромной королевской резиденции»²³. С одной стороны, архитектура и декор загородных рези-

---

²⁰ Schulze. 1834. S. 46.

²¹ Bismark. 1836. S 162.

²² Гагерн. 1890. С. 321.

²³ Там же. С. 321.

денций соответствовали традициям и лучшим образцам европейской архитектуры и говорили о принадлежности российского императорского дома к общеевропейской семье монархов. Но непривычная для немца первой половины XIX в. роскошь казалась многим авторам нереальной, сказочной экзотикой, не соответствующей стандартам современной жизни аристократии Европы. В их восприятии подобное великолепие было скорее присуще экзотическому Востоку, чем прагматичному Западу: неслучайно императорские резиденции часто сравниваются с «волшебными дворцами Аладдина из “Арабских ночей”».

В сочинениях европейских путешественников, посетивших дворцовые комплексы Петербурга и его окрестностей, бросается в глаза использование описаний интерьеров жилых комнат августейших особ для характеристики личных качеств их владельцев. В случае Царского села речь шла об уже покойных самодержцах: Екатерине II и Александре I. Все авторы подчеркивали, что на момент их посещения загородных резиденций в апартаментах августейшей бабушки и ее царственного внука вся обстановка и личные вещи сохранялись в том же состоянии, как при жизни их владельцев, напоминая современный мемориальный музей. Описывая Царскосельский дворец, один из немецких авторов отмечал, что «комнаты, в которых жила императрица Екатерина II, поддерживаются в точно таком же виде, как были при ней. Я не видел ничего, более великолепного. Драгоценные вазы из порфира, фарфора, хрустальные чаши, малахитовые каминные, столы мозаичной работы. Паркет в одной из комнат был инкрустирован перламутром, а удивительная и редкостная коллекция янтаря просто изумляет»²⁴. Барочная избыточная роскошь апартаментов покойной императрицы напоминала немецким путешественникам о тех временах, когда европейские монархи позиционировались как наследники великого Рима, как античные боги-триумфаторы, носители высшего разума, красоты и власти. Окружавшая обстановка должна была подчеркивать ее сакральный характер. Но вот на смену избыточности барокко приходит простота и строгость классицизма. После Французской революции в Европе резко ускорился процесс десакрализации образа монарха. Вместо «просвещенной государыни» в образе античных богинь Минервы или Фелиции, на русский трон взошел, благочестивый рыцарь, полководец, доказывающий свое право на абсолютную власть не в дворцовых залах, а на полях сражений. Скромный военный мундир заменил расшитый золотом камзол. И немецкие авторы не могли не заметить, как с роскошными интерьерами парадных

---

²⁴ *Lüdemann*. Petersburg wie es ist. S. 152.

комнат Царскосельского дворца резко контрастируют своей сдержанностью апартаменты Александра, склонного к замкнутому образу жизни и личному уединению: «Мы видели спальню Александра. Видели его скромное платье, потертую шляпу, сапоги с заплатками, его кровать – очень узкую и неудобную, его туалет с множеством ножиц, кабинет с небольшой библиотекой, иконами и портретами забытых красавиц. Трудно представить себе комнату менее роскошную»²⁵. Вся обстановка рисует нам трогательный и человечный образ Александра как простого смертного, живущего одной жизнью со своими подданными. Чтобы подчеркнуть аскетизм, нетребовательность и набожность монарха, у ног которого совсем недавно лежала вся Европа, часто упоминают его зала-танную одежду и обувь, потертые молитвенники и небольшие иконы, которые он всегда возил с собой. Представляя покойного государя как благочестивого затворника и рыцаря, смыслом жизни которого было «высокое служение Господу и России», Ф. Гагерн обращает внимание на вазы из кабинета Александра, на которых были изображены триумфальные победы его царствования. «Из скромности или из христианского смирения, он велел поставить эти вазы таким образом, что изображения были обращены к стене»²⁶. Способность смирять гордыню, отказаться в повседневной жизни от праздности и роскоши, снизить до уровня своих подданных, чтобы лучше понимать их чаяния – таковы проявления высшей добродетели русских императоров: следование долгу бескорыстного служения отчизне. Контраст между внешним блеском и величием первого лица государства и его скромностью и неприхотливостью в частной жизни, а также между роскошью и комфортом апартаментов императриц и аскетизмом комнат монархов в той или иной степени был свойственен большинству иностранных описаний царских резиденций²⁷.

Однако на первом месте стоял Зимний дворец. Если загородные резиденции во многом воспринимались как своеобразные музеи и ассоциировались в основном с прошлыми царствованиями, то Зимний дворец стал символом величия современной России и был связан с личностью здравствующего императора Николая I. Как и все столичные дворцы, он был знаменит своими размерами и архитектурным великолепием: «Прежде всего, мы попытались обойти величественные фасады Зимнего дворца, который так огромен, что в нем легко заблудиться»²⁸. Счастливицы, представленные при дворе, с восторгом описывали богат-

---

²⁵ Гагерн. Ч. 2. С. 322.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: *Arnim*. 1850. Bd. 1. S. 31; *Lüdemann*. 1830. S. 27ff; *Possart*. 1842. S. 52.

²⁸ *Kaiser*. 1830. Bd. 1. S. 4.

ство внутреннего убранства, колоссальные размеры парадных залов и галерей, щедро украшенных многочисленными произведениями искусства. Особое внимание уделялось описанию личных апартаментов императорской семьи. Почти все наблюдатели отмечали «незатейливость убранства» комнат Николая I, расположенных на третьем этаже дворца, оклеенных «простыми бумажными обоями»²⁹. Также скромно был отделан его кабинет на первом этаже с узкой складной походной кроватью в углу, в «освещенных окнах которого жители столицы могли до поздней ночи видеть фигуру монарха, склоненную над письменным столом»³⁰.

С аскетизмом комнат царя контрастировали изысканность и изящество апартаментов императрицы. Массу восторгов вызывали своей сказочной роскошью Малахитовая гостиная, ведущая в покои Александры Федоровны; столовая, расписанная по мотивам фресок, раскопанных в Помпеях; романтический зимний сад с фонтаном и с резными деревянными перегородками, по которым круглый год вился живой плющ, а также ванная комната, декорированная в мавританском стиле. Образцами для проекта «купальни» императрицы, входившей в число парадных дворцовых помещений, послужили интерьеры дворца Альгамбра в Испании. Во время придворных балов, носивших протокольный характер, внутренние покои Александры Федоровны были открыты для посетителей. И опять, описывая отделку дворцовых помещений, многие авторы отмечают «азиатскую роскошь» и «восточное величие» убранства, сопоставимое лишь с «чудесами из сказок “Тысяча и одной ночи”». Особенно сильное впечатление на иностранных посетителей производил зимний сад, находившийся над манежем дворца: «Это так странно и удивительно: подниматься на высоту восьмидесяти ступеней и вдруг очутиться в большом саду, с деревьями и кустами довольно значительных размеров, широкими дорожками, усыпанными песком, клумбами с цветами, бассейном с фонтанами, где плавают рыбы, а над головой летает множество чижей и других птиц»³¹. Ничего подобного они и представить не могли у себя на родине. Все увиденное казалось им «волшебным сном», прекрасным, но слишком экзотическим для современной Европы, а, следовательно, во многом чуждым европейским эстетическим стандартам первой половины XIX века.

Наглядным подтверждением того, что Россия причастна к достижениям общеевропейской культуры, служил примыкающий к дворцу Эрмитаж («где так многое оживляет в памяти частную жизнь императ-

²⁹ *Bismark*. 1836. S. 9.

³⁰ *Ibid*. S.10.

³¹ *Bismark*. 1836. S. 12; см. также: *Гагерн*. Дневник путешествия... Ч. 1. С. 31.

рицы Екатерины»³²), с его знаменитой коллекцией, «состоящей из великолепнейших шедевров итальянских, испанских, голландских, французских, а также нескольких русских художников». Многие иностранцы стремились попасть в Эрмитаж, чтобы увидеть «лучшее в мире собрание картин фламандской школы, необыкновенно богатое Рембрандтом, Вуверманом, Поттером, Тениером, Бергемсом, Ван-Остсом и Рюисдалем»³³. Кроме того, живой интерес вызывала большая коллекция «римских древностей», найденных при раскопках в Крыму – геммы, золотые украшения, цепи, фибулы, сосуды, шлемы и др. Это собрание также должно было укрепить иностранцев в уверенности, что русская культура опирается на то же античное наследие, что и европейская.

Особое место в более поздних сочинениях о России занимает знаменитый пожар в Зимнем дворце 17 декабря 1837 г., продлившийся три дня, в результате которого полностью выгорели второй и третий этажи императорской резиденции. Накануне вечером император с семьей был в театре. Прибыв на место пожара, он тотчас взял командование тушением в свои руки. Практически все немецкие авторы, затрагивавшие в своих сочинениях эту тему, писали о том, как император, подобно эпическим героям, один противостоял разбушевавшейся стихии. «Государь был повсюду, – писал, со слов одного из свидетелей, Максимилиан Гейне, служивший тогда лейб-медиком царской семьи. – К нему одному были устремлены глаза, исполненные доверия. Он сам всем руководил и направлял помощь туда, где еще можно было сопротивляться огню. Николай везде являлся первым и уходил только тогда, когда уже не оставалось никакой возможности противостоять расшвырявшейся стихии. Видя перед собой самоотверженный пример государя, так же мужественно вели себя и все остальные – от генерала до простого солдата»³⁴. Впоследствии многократно растиражированные описания героического поведения Николая при тушении пожара в Зимнем дворце, стали частью мифа о «вездесущем» императоре, который в одиночку противостоит всем невзгодам, побеждая не только врагов отечества, но и природу.

Пожар 17 декабря 1837 г. стал одним из самых грандиозных и разрушительных по своим последствиям пожаров за всю историю России. Помимо многочисленных человеческих жертв в огне погибли знаменитые интерьеры Растрелли, Кваренги, Монферрана, России, множество произведений искусства и предметов быта. По воспоминаниям очевидцев, огненное зарево было настолько велико, что его можно было наблю-

³² Там же. С. 32.

³³ Hess. 1852. S. 13–14.

³⁴ Heine. 1839. S. 54.

дать за 50–70 верст от столицы³⁵. Неудивительно, что полное восстановление Зимнего дворца почти в том же самом виде за невероятно короткое время (уже к лету 1839 г.) воспринималось современниками как чудо, осуществленное по воле императора, как «вызов, брошенный одним человеком стихии, осмелившейся разрушить это великолепное здание»³⁶.

Тему восстановления Зимнего дворца в 1838/39 гг. затронули все авторы, писавшие о России в тот период. Отражение этого сюжета в германской публицистике дает нам еще одно свидетельство того, как одно и то же событие получило полностью противоположные интерпретации и оценки, в зависимости от политических взглядов наблюдателей. И консерваторы, и либералы использовали историю с быстрым восстановлением Зимнего дворца в качестве одного из аргументов в собственном общественно-политическом споре, традиционно связав это событие с личностью императора. Для прорусской литературы весьма типично следующее высказывание: «Я увидел фасад нового Зимнего дворца – еще один чудесный плод воли великого человека, подвигающего других людей на борьбу с законами природы. Борьба эта увенчалась полным успехом, ибо за один год Зимний дворец – пожалуй, огромнейший из всех в мире, ибо он равен Лувру и Тюильри вместе взятым, – возродился из пепла»³⁷. Консерваторы видели в этом факте еще одно подтверждение преимущества монархической формы правления над парламентско-конституционной системой, за которую выступали либералы. Только неограниченная ничем воля русского императора была способна завершить это, казалось бы, невозможное дело в течение одного года: «В то время как мы уже три года спорим о том, как перестроить театральную залу, Николай за один год поднял из руин величайший дворец мира»³⁸.

С другой стороны, с этим сюжетом была связана полемика с враждебно настроенными критиками России, которые использовали его, чтобы показать пагубность абсолютной монархии для Европы, и, сравнивая, например, с проведением аналогичных строительных работ в Версале или в Мюнхене, писали, что если в Европе тысячи бедняков смогли заработать себе на хлеб, то в Петербурге, они тысячами гибли от непосильного труда, подобно рабам в Древнем Риме. Либеральные авторы обращали внимание на то, что по вине самодержавного произвола множество рабочих нашло смерть во время поспешного восстановления дворца. «Для того чтобы закончить этот труд в срок, определенный им-

³⁵ См., например: *Kohl*. 1841. Bd. 1. S. 180.

³⁶ *Possart*. 1842. S. 43.

³⁷ *Jermann*. 1852. S. 24ff.

³⁸ *Arnim*. 1850. Bd. 1. S. 35.

ператором, – писал анонимный автор «Писем североамериканца из России», явно находясь под влиянием сочинения маркиза де Кюстина, – потребовались невероятные усилия. Стройке постоянно требовались шесть – восемь тысяч рабочих. При этом работы велись во время страшных морозов. Каждый день уносил с собой множество жертв, но на их место тотчас вставали новые борцы с природой, так что потери не были заметны. Меж тем единственной целью стольких жертв было удовлетворение прихоти одного человека!»³⁹.

В оценке этого события вновь ключевым моментом становилась фигура императора. Многие наблюдатели проводили параллель со строительством Петербурга, воздвигнутого на непригодных для жизни болотах в кратчайшие сроки и «по воле одного человека, бросившего вызов стихии», ценой «колоссальных человеческих жертв». Именно в самодержавном произволе и неоправданной, бессмысленной жестокости по отношению к собственному народу либералы видели преемственность политики русских императоров, утверждая, что «в России пример Петра Великого оказался пагубным для большинства монархов!»⁴⁰. Немецкие же консерваторы вспоминали, что «во все века ничего подлинно великого и колоссального не создавалось без труда, без жертв и крайнего напряжения сил»; что же касается России, то здесь «монархи всегда были любимы народом, даже если во имя высокой цели они были вынуждены жертвовать тысячами жизней своих подданных, так как власти в России воплощали и продолжают воплощать в себе дух нации»⁴¹. Однако попытки приверженцев охранительной идеологии оправдать подобным образом русское самодержавие часто порождали все новые и новые вопросы.

Если популярный тезис о том, что русский император олицетворяет собой государственную систему со всеми ее достоинствами и недостатками, не вызывал сомнений ни у консерваторов, ни у либералов, то утверждение, что в России «монархия и нация сливаются воедино» не казалось бесспорным даже консервативным наблюдателям. В предыдущей статье мы уже отмечали, что некоторые из немецких аристократов, принятых при русском дворе, в своих записках, не предназначенных для публикации, писали о растущей изоляции самодержца от общества⁴². Как и адъютант прусского короля Леопольд фон Герлах, они полагали, что не ограниченная ответственностью перед Богом за жизни вверенных ему подданных власть Николая I, развивающаяся в сторону деспо-

³⁹ (Anon.) Briefe eines Nordamerikaners... 1849. S. 91.

⁴⁰ (Anon.) Leben Russlands inneres... 1846. Bd. 1. S. 51.

⁴¹ Sporschil. 1849. S. 209-210.

⁴² См.: Заиченко. 2013.

тизма, лишает его опоры на широкие слои населения, делая его положение внутри страны неустойчивым. Подобные выводы были допустимы в дневниках и частной переписке, но совершенно неприемлемы для официозной литературы консервативного направления. Как уже отмечалось, вся посвященные России сочинения в той или иной степени являлись частью общественно-политической полемики внутри Германии. В частности, росту оппозиционных настроений, приведших к глубокому расколу в немецком обществе, противопоставлялись созданные консервативными авторами картины «подлинного единения народа и власти» в России. Многочисленные примеры тому они умудрялись находить даже в насыщенной увеселениями жизни петербургского двора. Олицетворением «слияния самодержавия и нации» для большинства немецких консерваторов, не покидавших столицы, служили так называемые «народные» балы, большие придворные празднества с участием специально отобранных представителей всех сословий русского общества – прежде всего, ежегодный Новогодний бал, который ассоциировался с Зимним дворцом, и проводимый в Петергофе каждое лето грандиозный праздник в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны.

По традиции, со времен Елизаветы Петровны, в первый день нового года в Зимнем дворце устраивались большие костюмированные балы «для всех желающих: не только дворянского и военного сословия, но также и для купцов, разодетых в кафтаны, простых обывателей, лавочников, ремесленников, и даже для бородатых крепостных крестьян в национальных костюмах»⁴³. Доступ в императорские апартаменты был открыт для всех «прилично одетых» посетителей. Как писали очевидцы, на новогодний бал собиралось более трех тысяч представителей всех слоев общества при полном отсутствии полиции, и «император приветливо, без всяких мер предосторожности общался с ними. Людская волна растекалась по сверкающим покоем дворца. Все вели себя чинно, скромно, благоговейно, без толкотни и давки. Праздник вообще был очень трогательный, почти семейный, и в то же время торжественный, полный глубокого смысла. Монарх и народ сливались воедино в общем ликовании»⁴⁴.

Еще чаще встречается подробное описание большого летнего праздника, ежегодно проводившегося в Петергофе, любимой резиденции Николая I. В этот день, чтобы принять участие в грандиозном бале в честь дня рождения императрицы и полюбоваться на фейерверки и потрясающую воображение иллюминацию, к семи часам вечера к Петергофскому дворцу стекались толпы народа. Как пишет один из очевидцев,

⁴³ Schenkenberg. 1839. S. 17.

⁴⁴ Arnim. 1850. Bd. 1. S. 31.

«всех попережку – придворных, дипломатов, приглашенных иностранцев и людей из народа, допущенных на праздник, вводили в главные покои... А после бала все эти люди – офицеры и солдаты, знать и торговцы, господа и крепостные, вместе бродили по ярко освещенным рощам, откуда двести пятьдесят тысяч разноцветных ламп изгнали ночную тьму»⁴⁵. Это «волшебное действие» с многократно описанной иллюминацией, «огненной лавой», простиравшейся от стен заднего фасада Петергофского дворца «до волн Финского залива», представлялось иностранным зрителям удивительной смесью пышного дворцового приема, военного парада и народного праздника, где «простой народ», как хорошо воспитанный ребенок, вел себя «чинно» и «благонравно». Развивая тему единения отца-императора со своими детьми-подданными, многие авторы подробно останавливались на том, как до и после бала государь и государыня, объезжая парк, запросто и без всякой охраны беседовали с «народом», заполнившим аллею вокруг дворца, принимали трогательные подарки и прошения. В. Гаффнер, присутствовавший на Петергофском празднике в 1846 г., писал, что подобную сцену нельзя было наблюдать без умиления, так как «император и его преданные подданные составляли одну, тесно связанную между собой семью»⁴⁶. Кроме этого, подобные «народные» балы для консервативных наблюдателей являлись еще и демонстрацией прочности устоев монархического государства, а также стабильности добуржуазного общественного устройства, которое уже давно было поколеблено в Германии наступлением капитализма. Весьма характерен горький комментарий графа Фридриха Вильгельма фон Бисмарка, который воспринимает различие двух систем общественного устройства как различие двух исторических эпох: «Современная эпоха не может предоставить нам ничего, что можно было бы сравнить с праздником в Петергофе, так как меркантильная тенденция нашего века не хочет нести никаких расходов, чтобы доставить удовольствие народу»⁴⁷. Эта фраза очень показательна для консервативного мировоззрения в целом. Для большинства немецких охранителей Россия – это не чуждое европейским ценностям отсталое государственное образование, а докапиталистическое прошлое Европы, которое навсегда утрачено на их родине.

Но ностальгические настроения не мешали чувствовать фальшь происходящего. Постановочный характер «единения самодержца и народа» произвольно отражался во многих описаниях ежегодных торжеств. Например, немецкие авторы, давая высокие оценки увиденному,

⁴⁵ *Jerrmann*. 1852. S. 24.

⁴⁶ *Гаффнер*. 1914. С. 261.

⁴⁷ *Bismark*. 1836. S. 162.

часто сравнивали происходящее со спектаклем. «Бесчисленные мундиры, ослепительно сверкающие на солнце, – описывал Петергофский праздник один из лояльно настроенных прусских офицеров, посетивших российскую столицу по приглашению Николая I летом 1834 г., – фонтаны, аллеи, заполненные нарядно одетыми людьми, – все это выглядело как роскошный спектакль»⁴⁸. Ему вторит другой восторженный зритель: «Как декорация для грандиозного спектакля, как живописное смешение людей разного звания, как демонстрация великолепных и необыкновенных костюмов праздник в Петергофе выше всяких похвал. Никакое воображение не в силах сравниться с волшебной реальностью»⁴⁹. На постановочный характер происходящего указывали и «чрезвычайное благонаравие», «благоговение» и «чинность» приглашенного «простого народа», который «к буфетам даже не подходил» и вел себя «столь почтительно, словно он всю жизнь провел при дворе... Хотя в любой другой стране от такого громадного скопления людей обязательно возникла бы невообразимая толчея и давка»⁵⁰.

Помимо общей скованности и неестественности поведения специально отобранных представителей низших сословий, некоторые проницательные наблюдатели обращали внимание на разрозненность людской толпы, которая должна была изображать на этих торжественных мероприятиях монолитность русского общества. Представители различных общественных слоев, находясь в одних помещениях, вели себя отчужденно и никогда не смешивались друг с другом. Как заметил по поводу праздника в Петергофе многократно цитированный нами Фридрих фон Бисмарк: «Я не видел ничего более прекрасного для взора, чем это национальное собрание, состоящее из царедворцев и землепашцев, которые перемешались друг с другом в залах дворца. Одно лишь печалит, что сблизившись телесно, они никогда не сблизятся душевно»⁵¹.

Но единства нет не только среди подданных, невидимая стена также отделяет общество от императора. Это невольно отмечают почти все иностранные гости. В их описаниях император подобно Богу или античному герою парит над простыми смертными, никак с ними не соприкасаясь. Он всегда величествен и одинаково далек от всех своих подданных. В этом отношении весьма типично описание ежегодного новогоднего бала, данное писателем и главным постановщиком очень популярного среди аристократии Петербурга Немецкого театра Эдуардом Йеррманом: «Залы

---

⁴⁸ (Anon.) *Die Preussen als Gäste...* 1835. S. 28.

⁴⁹ *Lüdemann*. 1830. S. 155.

⁵⁰ *Tietz*. 1836. Bd. 1. S. 111.

⁵¹ *Bismark*. 1836. S. 166.

Зимнего дворца, полные людей, являют собой океан голов, над которым висится благородная голова императора. Его Величество как всегда недосыаем: его стать, его голос и воля как бы парят над покорным ему народом»⁵². Еще более определенно высказался один из немецких офицеров, приглашенных на праздник в Петергофе: «Зажатый в толпе, я довольно долго ожидал вместе со всеми появления императора. Едва солнце России, ее повелитель, возник на горизонте, как пространство перед ним расчистилось. В сопровождении своей благородной свиты он свободно, ни на миг не соприкасаясь с толпой, пересек залы, куда за минуту до этого, казалось, нельзя было протиснуться ни одному человеку»⁵³.

Вопрос о взаимоотношениях самодержавия, символом которого был император, и русского общества, долгое время оставался одним из ключевых в полемике либералов и консерваторов относительно политического устройства России и Европы. Попытки консерваторов представить ежегодные зимние и летние костюмированные балы как пример «единения» самодержца и общества вызвали острую критику со стороны их политических оппонентов. «Можно ли в большей степени обманывать себя, а, заодно и весь свет, – иронично спрашивал автор «Писем североамериканца...», – чем так, как это делают описывающие Россию иностранные сочинители, которые сейчас сбегались в Петербург со всех концов Европы, дабы умилиться трогательной близости, что царит между российским императором и его народом?»⁵⁴. Однако эти упреки либералов не полне справедливы, так как свидетельства, оставленные консервативными авторами, часто не оспаривают, а во многом являются косвенными подтверждениями их собственных нелицеприятных выводов. Странники либеральных взглядов лишь выразили, доведя до логического конца, те ощущения и намеки, которые в завуалированной форме проскальзывали в консервативных сочинениях. Наиболее четко и лаконично их сформулировал маркиз де Кюстин, не скованный никакими обязательствами перед русским двором: «Когда император распахивает двери своего дворца для привилегированных крестьян и избранных горожан, допуская их к себе дважды в год засвидетельствовать почтение, он не говорит пахарю или торговцу: «Ты такой же, как я», но дает понять вельможе: «Ты такой же раб, как они, а я, ваш Бог, равно недосыаем для всех вас»⁵⁵. Интуитивно ощущая существование растущей пропасти ме-

---

⁵² *Jerrmann*. 1852. S. 52.

⁵³ (*Anon.*) *Die Preussen als Gäste ...* S. 31.

⁵⁴ (*Anon.*) *Briefe eines Nordamerikaners ...* S. 114.

⁵⁵ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 242.

жду самодержцем и его подданными, влекущее за собой изоляцию авторитарной власти и размывание политической опоры монархического строя в обществе, консервативные авторы, возможно, психологически не были готовы к тому, чтобы открыто признать этот факт. Или же по идейным соображениям они не могли себе позволить высказываться на эту тему столь же решительно, как их политические оппоненты.

Однако, несмотря на возможные критические замечания по поводу русского абсолютизма, практически все пребывавшие в Петербург знатные иностранцы мечтали быть представленными при дворе, чтобы попасть в число избранного окружения императора. Самодержец продолжал оставаться центром всеобщего притяжения, зачастую вызывая у немецких консерваторов более мощные верноподданнические настроения, чем у коренного населения. Счастливицы, удостоенные высокой чести, часто выражали эмоции, схожие с чувствами прусского офицера, прибывшего в составе официальной делегации в Петербург по случаю открытия Александровской колонны в 1834 г. и записавшего в своем анонимно изданном дневнике: «Я счастлив, что, наконец, вдохнул воздух петербургского двора! Теперь я мечтаю предстать перед лицом одного из тех божеств, чьей волей дышат этот воздух простые смертные!»⁵⁶.

Помимо «божества»-самодержца, особенностям консервативного восприятия которого была посвящена отдельная статья⁵⁷, подробного описания в путевых заметках немецких авторов, удостоилось также его ближайшее окружение, в число которого входили члены императорской семьи и самые влиятельные сановники. По степени популярности на первом месте стояла императрица Александра Федоровна, затем шел наследник цесаревич, будущий Александр II, младшие дети августейшей четы и прочие родственники. Интересно, что в отличие от Николая I, воспринимавшегося скорее как некое «высшее существо» без малейшего изъяна, все остальные члены императорской семьи были лишены сакрального ареола и представлены как пусть и высокопоставленные, но все же «простые смертные» со своими слабостями и особенностями характера.

Наиболее ярким антиподом Николая I стала его супруга Александра Федоровна. Как аскетизм и простота убранства личных комнат государя контрастировали с роскошью и изяществом апартаментов императрицы, так и «возвышенному» образу «полубога» и «идеального государя», связанному с Николаем I, в немецкой литературе о России был противопоставлен образ «государыни»: слабой земной страдающей женщины. Даже

---

⁵⁶ (Анон.) Tagebuch eines preußischen Offiziers... 1836. S. 8.

⁵⁷ Заиченко. 2013.

величественный внешний облик царя резко контрастировал с болезненной хрупкостью и заметной психологической уязвимостью его жены (например, отмечалось, что во время сильного волнения «по лицу Ее Величества часто пробегала судорога, а голова начинала мелко трястись»⁵⁸).

В отличие от героического ореола, окружавшего императора, восприятие Александры Федоровны было окутано романтической дымкой. На страницах сочинений немецких авторов она предстает в образе героини сентиментального романа: хрупкой, рано увядшей женщиной с трагической судьбой и нежным сердцем, полностью посвятившей себя любимому мужу и детям. Полагали, что события 14 декабря 1825 г. роковым образом повлияли на ее жизнь: императрица так и не смогла оправиться от потрясения, которое пережила в день вступления на престол. Практически все наблюдатели отмечают ее болезненность, чрезвычайную худобу и крайнюю нервозность, которые, тем не менее, сочетаются с врожденным изяществом и грацией. Ее манеры «свидетельствуют о гордой душе, привыкшей смирять свои порывы»⁵⁹. «...Ее глубоко посаженные нежные голубые глаза выдают жестокие страдания, сносимые с ангельским терпением; ее взгляд исполнен кротости и чувства»⁶⁰. «Она так слаба, что, кажется, не имеет сил жить: она чахнет, угасает, она больше не принадлежит нашему миру... Весь остаток своих дней она принесла в жертву супружескому долгу»⁶¹. Несмотря на свою непомерную любовь к балам, празднествам и светской жизни Александра Федоровна предстает в этих сочинениях идеальной женой и заботливой матерью, ключевыми словами в описании которой являются «семья», «жертвенность» и «долг». Практически все авторы отмечали, что «императрица повсюду пользуется большой любовью за свою доброту и за то, что всегда действует на государя успокаивающим образом; поэтому многие при дворе опасаются ее преждевременной кончины. Она очень любит императора»⁶².

Особый мелодраматизм в жизнеописании Александры Федоровны, опубликованные во второй половине 40-х гг., вносили весьма деликатно вставленные упоминания о длительном любовном романе Николая I с ее камер-фрейлиной Варварой Аркадьевной Нелидовой, начавшийся, по-видимому, после 1832 г. и продлившийся 17 лет. Как отмечал в одном из своих писем Леопольд фон Герлах: «При русском дворе судачат, что Государь с каждым днем все более увлечен Нелидовой. Бедная им-

⁵⁸ (Anon.) Tagebuch eines preußischen Offiziers ... S. 31.

⁵⁹ *Jerrmann*. 1852. S. 67.

⁶⁰ *Bismark*. 1836. S. 18.

⁶¹ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 163.

⁶² *Гагерн*. 1890. Ч. 1. С. 28.

ператрица все это видит и переносит с достоинством, но как она должна страдать!»⁶³. Великодушие и кротость, с которыми Александра Федоровна отнеслась к увлечению мужа, сочувственное отношение к Нелидовой, верность супружескому долгу сделали ее для многих немцев воплощением всех добродетелей, которыми должна обладать земная женщина. Возможно тот факт, что для них русская императрица продолжала оставаться любимой принцессой Шарлоттой Прусской, старшей дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III, рано потерявшей мать и с детства познавшей, что такое война и изгнание, также сыграл свою роль. Причем образ ее покойной матери во многом определил восприятие русской императрицы немецкими консерваторами.

Мать Александры Федоровны, умершая в 34 года королева Пруссии Луиза, уже при жизни стала объектом почти культового почитания, получившего еще большее распространение в Германии после ее кончины в 1810 г. вскоре после возвращения в Берлин из вынужденного изгнания. Она воплотила в себе миф об идеальной «новой прусской женщине». За 17 лет супружества Луиза произвела на свет десять детей, с которыми почти не расставалась. За эти годы ей удалось создать образ заботливой многодетной матери и преданной жены, ставшей поддержкой и утешением для своего царственного супруга в моменты тяжелейших испытаний. Подданные обожали ее за сердечность, простоту и непринужденность в общении, что выгодно отличало «народную» королеву от чопорной высшей аристократии. После поражения Пруссии в войне с Наполеоном Луиза, мужественно перенеся все испытания, выпавшие на ее долю, превратилась в символ Освободительных войн, которые после ее смерти многими стали восприниматься, как «поход мести» за безвременную гибель королевы-мученицы. В честь королевы Луизы были учреждены ордена, которыми за особые заслуги награждались исключительно женщины. Поэты воспевали ее добродетели, художники рисовали ее в образе Девы Марии. Одним из наиболее последовательных адептов этого культа, была ее дочь, будущая русская императрица Александра Федоровна. Неудивительно, что она всю жизнь подражала матери, стараясь примерить на себя различные ипостаси ее образа, демонстрируя такую же жертвенность во имя семьи, преданность мужу и детям. В разные периоды жизни Александра Федоровна воспринималась как образец обаяния юности и красоты, как идеальная супруга, как заботливая многодетная мать и, наконец, как мученица, которую выпавшие на ее долю физические и душевные страдания превратили из жизнерадостной красавицы в рану

---

⁶³ Denkwürdigkeiten ... Bd. 1. S. 724.

увядшую женщину с подорванным здоровьем. Только если королева Луиза, испытав на себе все унижения и тяготы войны, которые разделила со своими подданными, преждевременно умерла от разрыва сердца (как сказано в медицинском заключении), то для Александры Федоровны таким роковым испытанием, по общему мнению, стало декабрьское восстание 1825 г., когда она приготовилась умереть от рук бунтовщиков вместе с мужем. Вполне возможно, что современники находили множество параллелей в судьбах матери и дочери и видели в русской императрице продолжение культа глубоко почитаемой в Германии королевы Луизы. Так или иначе, но выпавшие на долю Александры Федоровны жизненные испытания вызвали у большинства немецких авторов искреннее человеческое сочувствие и уважение, которые довольно редко встречались в придворной среде. Общее мнение, не будучи немцем, как всегда, выразил, маркиз де Кюстин, отличавшийся незаурядной пронизательностью: «Императрица с первого же мгновения внушает почтение и доверие. Видно, что, несмотря на вынужденную сдержанность речей и придворные манеры, в ней есть душа, и это несчастье сообщает ей неизъяснимую прелесть. Она больше, чем императрица, она – женщина»⁶⁴.

Однако, по мнению большинства немецких авторов, имевших возможность следить за повседневной жизнью российской государыни, эта женщина «день за днем все более чахнет и тихо угасает», она кажется несчастной и страдающей, несмотря на высокое положение и внимание со стороны мужа. «Страдания» и «жертва» – таковы новые клише, появившиеся в образе Александры Федоровны со второй половины 1830-х гг. И хотя в предназначенных для публикации сочинениях ни один автор, говоря о крайне болезненном состоянии императрицы, не указывает причин ее страданий, в личных дневниках можно встретить намеки на то, что образ жизни, принятый при дворе, медленно убивает царицу. При этом практически все немецкие наблюдатели замечали: всё, что происходит при русском дворе, делалось по воле одного человека – императора. «В Петербурге в вихре придворной жизни с ее суетой, празднествами, балами и путешествиями все вращается вокруг государя, подчиняясь лишь замыслу Его Величества»⁶⁵ – писал в своем дневнике полковник Фридрих фон Гагерн. Только маркиз де Кюстин осмелился связать между собой эти два факта: физическое угасание царицы и ее зависимость от воли мужа, установив между ними причинно-следственную связь, которая, по всей видимости, была очевидна не только для него одного. Познакомив-

---

⁶⁴ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 182.

⁶⁵ Гагерн. 1890. Ч. 2. С. 330.

шись с Александрой Федоровной ближе, маркиз в своих записках сделал очень важное заключение: «Чем ближе стоят подданные к монарху, тем сильнее они от него зависят – и эта зависимость губит государыню»⁶⁶. Таким образом, невольно признавалось, что даже императрица, несмотря на свое высокое положение, подобно всем остальным подданным самодержца, также могла стать жертвой его абсолютной власти.

Таковыми же «подданными» русского государя, зависимыми от его воли, представлялись немецким наблюдателям и другие члены монаршей семьи. О цесаревиче часто упоминали как о мягком добродушном молодом человеке со слабым, как у матери, здоровьем, которому, возможно недостает «энергии, чтобы держать бразды правления страной столь же твердой рукою, как его отец»⁶⁷. Почти все принятые при дворе немецкие аристократы полагали, что никто из семерых детей Николая I, за исключением второй дочери императора юной княжны Ольги Николаевны, не унаследовали решительности и силы воли отца. Цесаревна Ольга, ставшая впоследствии королевой Вюртембергской, больше всех остальных членов семьи походила на Николая I наружностью и властным характером. Отмечали ее высокий рост и правильные черты лица, однако разительное сходство с императором не всегда гарантировало великой княжне искреннее расположение со стороны немецких наблюдателей. Так, например, Вольфганг Гаффнер описывал Ольгу Николаевну, в отличие от других детей Николая, больше похожих на мать, с некоторой долей неприязни: «Вторую дочь императора все превозносят до небес за ее красоту и доброту. Она действительно очень красива и хорошего роста. Но манеры у нее слишком мужские. Кроме того, в ее лице нет и следов доброты. Она очень напоминает своего отца»⁶⁸. Остальные царские дети унаследовали некоторую болезненность, хрупкое телосложение и мягкость Александры Федоровны. Большинство наблюдателей отмечало ум и хорошие манеры второго сына императора, великого князя Константина Николаевича, изящество и легкий нрав старшей дочери, великой княгини Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, живость и шаловливость младших детей, которых можно было застать в дворцовых залах за игрой в «жмурки» или «кошки-мышки»⁶⁹. В целом – это сделанные с большой симпатией и сочувствием, эмоционально окрашенные портреты живых людей, лишённые схематичности и того саркального значения, которое придавалось образу самодержца. Этот ра-

---

⁶⁶ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 163.

⁶⁷ Denkwürdigkeiten ... Bd. I.S. 140.

⁶⁸ Гаффнер. 1914. С. 265.

⁶⁹ См.: Bismark. 1836. S 103ff; Jerrmann. 1852. S. 118; Tietz. 1831. S. 128ff.

зительный контраст в восприятии членов одной семьи лишний раз подтверждает наш тезис о том, что российский монарх, в отличие от его ближайшего окружения, в наименьшей степени воспринимался как живой человек, наделенный индивидуальными чертами. В первую очередь он предстал определенной и очень важной «функцией»: олицетворением государственной системы и «установленного Богом порядка».

Важный материал для понимания системы отношений, принятой при русском дворе, содержат многочисленные описания узкого круга доверенных лиц Николая I, куда входили видные сановники, повсюду сопровождавшие императора и оказывавшие на него значительное влияние. Среди них наиболее часто упоминался граф А.Ф. Орлов, «имеющий большое влияние на государя. Он – его доверенный советник в политических вопросах, более значительный, чем граф К.В. Нессельроде, занятый, прежде всего, текущими делами Департамента иностранных дел». Многие авторы называют также графа А.Х. Бенкендорфа, генерала П.Д. Киселева и будущего военного министра Пруссии, генерала Иоганна Георга фон Рауха, в качестве доверенных лиц русского монарха. Подчеркивая близость узкого круга царедворцев к императору, которая, судя по всему, охотно поощрялась последним, наиболее внимательные немецкие наблюдатели в записях, не предназначенных для публикации, отмечали особенность межличностных отношений при русском дворе. Эту манеру общения Леопольд фон Герлах характеризовал как «парадоксальное переплетение деспотизма и либеральности»⁷⁰. Прусский генерал имел в виду бросающуюся в глаза приватность отношений между императором, императрицей и частью особо приближенных придворных, порой переходящую в фамильярность. Казалось, что в Петербурге не придают придворному церемониалу столь большого значения, как в Европе. «Здесь двор, – писал он, – единственный в своем роде. Внешнее проявление почтения и уважения к королю и принцам при прусском дворе гораздо более заметно, чем то, как это происходит в отношении русского императора и великих князей, с которыми их придворные обходятся почти бесцеремонно. Например, ни герцогиня Нассауская, ни принцесса Саксонская, несмотря на свое происхождение, не могут себе позволить общаться с королевой без всяких церемоний, как общается графиня Строганова с императрицей»⁷¹. Причем инициатором такой приватности в отношениях, по общему мнению, был сам император, приближая к себе то одного, то другого сановника и демонстрируя ему свое доверие на глазах у остальных придворных. Но эта доверительность была обманчива и непостоянна.

⁷⁰ Denkwürdigkeiten ... Bd. 1. S. 29.

⁷¹ Ibid. Bd. 1. S. 34.

Она полностью зависела от настроения царя, который позволял себе не считаться ни с заслугами, ни с высоким происхождением своих собеседников. Приватность часто переходила в бесцеремонность и надменность: «Государь мог без всяких церемоний любому указать на его место»⁷². Об этой малоприятной особенности общения Николая I не пишут ни в одном сочинении, предназначенном для публикации. Наоборот, всячески подчеркивается простота и сердечность императора, которую он демонстрировал во время многочисленных бесед с иностранными гостями и собственными подданными. Но в личных записях можно встретить критичные замечания. Леопольд фон Герлах писал в своем дневнике, что «прусский король никогда не позволил бы себе говорить людям то, что им говорит император»⁷³. Еще более определенно высказался Фридрих фон Гагерн: «Самое тягостное испытание для приближенных Его Величества – это его обыкновение переходить от большой фамильярности к отталкивающей гордости и являться в один и тот же день одному и тому же лицу в абсолютно разных ипостасях: то другом, то самодержцем. ...Никто не может знать наперед, чем для него закончится общение с императором»⁷⁴.

Остановившись на подобных примерах «переплетения либеральности и деспотизма» в придворной жизни, и Герлах, и Гагерн в своих дневниках фактически признавали, что никто из ближайшего окружения Николая I не мог быть полностью уверен в стабильности своего положения. Личные наблюдения, сделанные немецкими аристократами в Петербурге, невольно подталкивали читателя к выводу, давно получившему широкое распространение в либеральной литературе: в России представители всех сословий – «офицеры, казаки, крепостные, царедворцы, – все это слуги одного господина, отличающиеся друг от друга лишь званиями»⁷⁵. Все подданные императора в одинаковой степени находятся в зависимом положении от единоличной воли самодержца и «слепо исполняют неведомый им замысел».

Несмотря на консервативную приверженность монархической России, оба немецких офицера не могли не заметить тотальной несвободы в обществе, практически невозможной в Западной Европе в таком законченном виде: когда даже жизнь высшего света предоставляет наблюдателям наглядные примеры того, как монархия, «данная от Бога», заменяется человеческим произволом, вырождаясь в «деспотию». При этом следует иметь в виду, что для Герлаха, как и для большинства консерваторов, аб-

---

⁷² Ibid. S. 30.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Гагерн. 1883. Ч. 1. С. 28.

⁷⁵ (Анон.) Briefe eines Nordamerikaners ... S. 95.

соллютизм и либерализм, как полярные формы политической организации, являлись сторонами одной медали: «полной победой воли человека над волей Господа». Результатом того и другого были политическая нестабильность, хаос и революция, так как крайности не могут долго сохранять равновесие в обществе. Это взрывоопасное сочетание «деспотизма и либеральности», о котором писал Леопольд фон Герлах, применительно к придворным нравам, вполне можно было распространить на всю Россию. Для внимательных и думающих авторов петербургский двор становился моделью, олицетворением всей империи. О том, что «порочная система рабства», существующая даже в высшем свете, пронизывает все слои общества сверху донизу, неоднократно писал маркиз де Кюстин: «В России повсюду, где есть люди подчиняющиеся и люди повелевающие, незримо присутствуют образы императора и его двора»⁷⁶. К аналогичному выводу пришел примерно в то же самое время фон Гагерн, записавший в дневнике: «Все подданные этой великой империи живут по правилам двора»⁷⁷.

Однако внешний блеск жизни при столичном дворе продолжал манить иностранных путешественников. «Это блестящий двор, – делился своими впечатлениями о русской столице один из немецких офицеров, посетивших Петербург в 1834 г., – в высшей степени пышный и блестящий, с которым ни один другой двор Европы не может соперничать». Восторг вызывало абсолютно все: роскошные экипажи, запряженные породистыми лошадьми, изысканность петербургских салонов, пышность дамских нарядов, блеск бриллиантов, мундиры военных. Все это, по мнению многих авторов, говорило о «великолепии, о котором мы, немцы, уже не имеем ни малейшего понятия»⁷⁸.

Практически все опубликованные воспоминания немецких аристократов, принятых в высшем свете Петербурга, полны восторженных описаний балов, маскарадов, приемов, праздников, фейерверков, парадов, охоты и прочих увеселительных мероприятий. Особое внимание уделялось парадом. Не только потому, что участие в военных смотрах и парадах было любимым занятием Николая I. Парады являлись центральным событием большей части праздничных торжеств, переходящих из дворцов на площади Петербурга. Рождество и Пасха отмечались грандиозными парадом на Дворцовой площади и на Марсовом поле. Дни рождения императора и императрицы также сопровождалась парадом в Петергофе. Поводом для воинских церемоний становились памятные годовщины различных событий, открытие монументов и памятников, удачно закон-

⁷⁶ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 183.

⁷⁷ Гагерн. 1991. Ч. 3. С. 25.

⁷⁸ (Анон.) Die Preussen als Gäste ... S. 23-24.

ченные маневры и полковые праздники. Членов императорской семьи обоего пола постоянно видели на военных мероприятиях, одетых в мундиры марширующих полков. Современники обращали внимание и на многочисленные военные почести, воздаваемые членам августейшей фамилии. По мнению многих наблюдателей, парады, смотры и прочие подобные мероприятия демонстрировали близость императора, членов его семьи и всего двора к армии, которая, в свою очередь, должна была олицетворять собой Россию. Во всяком случае, видимо, именно так воспринимал военные церемонии с участием императора барон Гакстгаузен, когда описывал их как величественный акт всеобщего единства: «Правитель четверти земного шара, светский покровитель и глава церкви, приветствует самых низших из своих подданных и признает этим религиозные узы, связующие его с народом в союз веры, любви и верности»⁷⁹.

При этом не стоит забывать, что петербургский двор представлялся иностранным наблюдателям квинтэссенцией русской жизни. И почти все они обращали внимание на его военизированный характер. Маркиз де Кюстин отмечал, что при дворе, царил «тоскливый порядок казармы или военного лагеря»⁸⁰. Даже при поверхностном знакомстве с русским придворным этикетом бросались в глаза почти армейская унификация и единообразие придворных мундиров и туалетов дам. Различные категории фрейлин на официальных приемах должны были носить так называемые «русские платья» определенных фасонов и расцветок. Гаффнер, присутствовавший на большом торжественном приеме в Зимнем дворце по случаю бракосочетания великой княжны Ольги Николаевны и принца Вюртембергского 1 (13) июля 1846 г., описывал одинаковые белые шелковые платья фрейлин с красным бархатным корсажем, длинные вуали и кокошники, расшитые драгоценными камнями, хотя некоторое разнообразие в туалеты придворных дам вносили богатство золотого и серебряного шитья, обилие бриллиантов и жемчуга самого высокого качества в несколько рядов и многочисленные ордена. «Российский двор великолепен, – делился он впоследствии своими впечатлениями о приеме. – Военные мундиры и ордена предстают здесь во всем своем блеске и разнообразии. Неудивительно, что при таком военизированном дворе, где все мужчины увешаны орденами, многие придворные дамы также носят звезды и ордена»⁸¹. Сильное впечатление на современников производили «армейская дисциплина» и «безукоризненный порядок передвижения», продемонстрированные придворными разных рангов во время больших приемов,

⁷⁹ *Haxthausen*. 1847. Bd. 1. S. 8.

⁸⁰ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 131.

⁸¹ *Гаффнер*. 1914. С. 263.

когда по ходу движения процессии, возглавляемой императором, «все появлялись как по часам», и «каждому было отведено свое место»⁸².

С военизированной обстановкой официальных приемов, где, как и на плац-парадах, центральной фигурой был Николай I, контрастировали восторженные описания балов и торжественных ужинов, на которых царила императрица Александра Федоровна. Здесь опять заходила речь о восточной роскоши и экзотике. Ужины, сервированные на тысячи персон, часто проходили в знаменитом зимнем саду под пение птиц, в окружении экзотических растений и «деревьев, стволы которых, казалось, прорастали сквозь столы», уставленные золотой и серебряной посудой. Императрица, как любезная хозяйка дома, старалась уделить внимание каждому, прогуливаясь по залу. Иностранные гости были очарованы «сказочной», «волшебной» обстановкой ужинов. Даже всегда скептически настроенный маркиз де Кюстин поддался всеобщему восхищению, сравнив увиденное в Зимнем дворце с фантастическими картинами из «Тысячи и одной ночи», вспоминая поэму о Лалла Рук и лучшие образцы «восточной поэзии, где ощущения берут верх над чувствами и мыслью»⁸³.

Помимо выставляемой напоказ роскоши, перечислению атрибутов которой в немецких сочинениях отводилось значительное место, многие наблюдатели были поражены также интенсивностью светской жизни в российской столице: балы, приемы, охота и праздники следовали один за другим, требуя большого напряжения сил и занимая все свободное время придворных. Ситуация осложнялась тем, что часто до последнего момента не было известно, где состоится мероприятие и в каком туалете на нем следует быть. Как отмечал Гагерн, обычно лишь за два часа до бала приглашенным на него гостям сообщалось, в какой из императорских резиденций он состоится: «Места увеселений меняются постоянно, – досадовал полковник. – В большинстве случаев сам государь назначает их в последний момент»⁸⁴. Размышляя над этой особенностью светской жизни Петербурга, Гагерн в своем дневнике приходит к неожиданному выводу, который не встречается ни в одном сочинении, предназначенном для публикации: «Многие предполагают, – писал он, – что это делается не из прихоти, но преднамеренно: чтобы постоянными волнениями и развлечениями воспрепятствовать занятию политикой в обществе, не давая времени даже просто говорить о ней»⁸⁵. Это свидетельство Гагерна, данное со ссылкой на некое общественное мнение, наводит читателя

⁸² (Anon.) Tagebuch eines preußischen Offiziers ... S. 39.

⁸³ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 167.

⁸⁴ Гагерн. 1883. Ч. 1. С. 38.

⁸⁵ Там же.

на мысль о существовании у императора больших сомнений в благонадежности даже ближайшего окружения, страха перед бунтом, во многом связанного с восстанием декабристов при его восшествии на престол. Оно косвенно подтверждает выводы другого немецкого офицера, Леопольда фон Герлаха, также сделанные им на страницах личного дневника, о непрочности самодержавия в России, так как, по мнению многих немецких консерваторов, абсолютистский режим сам лишает себя опоры в обществе, ведет к самоизоляции, теряя устойчивость.

Подобные рассуждения были невозможны в сочинениях консервативных авторов, предназначенных для публикации. Бросающаяся в глаза роскошь, давно уже не принятая в Европе, где царствовала буржуазная умеренность стиля «Бидермайер», непривычная для европейцев насыщенность светской жизни, требовавшая больших материальных затрат, – все это говорило о силе добуржуазных традиций, а следовательно, о незыблемости монархического строя и ведущего положения русской аристократии в обществе. И это в то время, когда европейское дворянство уже сдавало свои позиции под натиском наступающего капитализма. «В России двор – реальная сила, – с грустью признавал граф Фридрих Вильгельм фон Бисмарк, – в других же державах даже самая блестящая придворная жизнь – не более чем театральное представление»⁸⁶.

Постоянное сравнение петербургского двора с европейскими является главной темой в описании жизни столичного высшего света. Причем это сравнение – всегда не в пользу Европы. Например, как признавал один из прусских офицеров, представленных при русском дворе: «У нас балы обезображены унылыми фраками мужчин, тогда как петербургским салонам особенный блеск придают разнообразные мундиры русских офицеров. В России великолепие женских украшений сочетается с золотом военных мундиров, и кавалеры не выглядят как стряпчие или подручные аптекаря»⁸⁷. Самым ярким впечатлением светской жизни для многих немецких аристократов стал Венский конгресс, но даже он проигрывал в роскоши балам в Зимнем дворце.

Особенно богат на яркие светские события был 1839 год. Помимо больших ежегодных балов-маскарадов, проводившихся в этот год с особым размахом, 2 июля в Петербурге состоялось торжественное бракосочетание герцога Максимилиана Лейхтенбергского со старшей дочерью Николая I великой княжной Марией Николаевной, которое привлекло в столицу множество представителей высшей аристократии Европы. Описывая свои впечатления от этого события, один из немецких авторов пи-

---

⁸⁶ *Bismark*. 1836. S. 144.

⁸⁷ *(Anon.) Tagebuch eines preußischen Offiziers...* S. 51.

сал: «Я видел Венский конгресс, но не припомню собрания, которое бы роскошью драгоценностей и нарядов, разнообразием и пышностью мундиров могло сравниться с празднеством, которое устроил император по случаю бракосочетания своей дочери»⁸⁸. И здесь опять всплывает тема Петербурга как блестящего прошлого Европы времен Короля-Солнца, казалось, навсегда утраченного под натиском революций. Русский двор воспринимался немецкими консерваторами как «волшебный сон», как мечта, он стал своеобразной ностальгией по «золотому веку», по былому блеску европейских монархий. Возможно, этим во многом объясняется тот единодушный восторг, который охватывал всех без исключения иностранных аристократов, наблюдавших жизнь столичного высшего света. Перед блеском петербургского двора не устоял даже маркиз де Кюстин, записавший, оказавшись впервые на балу в Зимнем дворце: «Мне кажется, будто я в Версале и перенесся на столетие назад. Великолепная учтивость здесь – естественное свойство человека. Как видите, Петербург весьма далеко отстоит от нашей страны, какой она стала сегодня. В Париже есть пышность, богатство, даже изысканность, но нет больше ни величия, ни обходительности»⁸⁹. Возможность увидеть элементы собственного «славного прошлого» в настоящем, в повседневной жизни аристократии, пусть и в другой стране, давало консерваторам иллюзию того, что «золотой век» монархий не закончился, он продолжается, а следовательно, «былое величие» европейского дворянства еще может возродиться с новой силой. Поэтому неслучайно, что жизнь двора в описании Петербурга занимает такое непропорционально большое место.

БИБЛИОГРАФИЯ

- (*Anonym.*) Briefe eines Nordamerikaners aus und über Russland. Mannheim, 1849.
 (*Anonym.*) Die Geheimnisse von St. Petersburg. 3 Bde. Leipzig, 1844.
 (*Anonym.*) Leben Russlands inneres: Drei und dreißigjährige Erfahrungen eines Deutschen in Russland. 3 Bde. Braunschweig, 1846.
 (*Anonym.*) Die Preussen als Gäste zu St. Petersburg im Jahre 1834. Liegnitz, 1835.
 (*Anonym.*) Tagebuch eines preußischen Offiziers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts daselbst bei Einweihung der Alexanderaäule. Berlin, 1836.
Arnim C. V. Reise ins Russische Reich im Sommer 1846. 2 Bde. Berlin, 1850.
Bismark F.W. v. Die kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe, 1836.
Custine A. de. Rußland im Jahre 1839. 4 Bde. Leipzig, 1847 (3. Aufl. – 1. Aufl., 1843);
Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2-х тт. / Пер. с фр. В. Мильчиной. М, 1996.
 Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Hrsg. Von seiner Tochter *Agnes von Gerlach*. 2 Bde. Berlin 1891/92.

⁸⁸ *Hess.* 1852. S. 30.

⁸⁹ *Кюстин.* 1996. Т. 1. С. 194.

- Gagern F.B.* Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839 // *Gagern H. v.* Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. 3 Bde. Leipzig und Heidelberg, 1856. S. 542–600; *Гагерн Ф.Б.* Дневник путешествия по России в 1839 г. В отрывках / Пер. с нем. Н.К. Шильдер // *Русская старина*. 1883. Т. 51. № 7. С. 21–54; *Гагерн Ф.Б.* Россия и русский двор в 1839 г. Ч. 2 // *РС*. 1890. Т. 65. № 2. С. 321–339; Ч. 3. *РС*. 1891. Т. 69. № 1. С. 1–38.
- Haxthausen A. v.* Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 2 Bde. Hannover, 1847; Bd. 3, Berlin, 1852.
- Heine M.* Briefe aus St. Petersburg. Leipzig, 1839.
- Hess E.* Meine Reise von München nach St. Petersburg im Jahre 1839. München, 1852.
- Huntington S.* Konservatismus als Ideologie // *Konservatismus*. Hrsg. Schumann H.-G. Frankfurt a. M., 1984.
- Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1852.
- Kaiser A.* Russland wie es ist. 2 Bde. Leipzig, 1830.
- Kohl J.G.* Petersburg in Bildern und Skizzen. 2 Bde. Dresden, Leipzig, 1841.
- Lüdemann W. v.* Petersburg wie es ist. Dresden, 1830 (1. Aufl.); Leipzig, 1836 (2. Aufl.)
- Meinzwolf R.* Sankt-Petersburger Chronik. München, 1849.
- Meyer F.J.L.* Darstellungen aus Russlands Kaiserstadt und ihrer Umgegend im Sommer 1828. Hamburg, 1829.
- Meyer F. J.L.* Petropolis. Russische Denkmäler. In den Jahren 1828–1835 gesammelt. 2 Bde. Hamburg, 1837.
- Possart P.* Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihrer Umgebung. Heidelberg, 1842.
- Schenkenberg C. v.* Die kaiserlich russische Haupt- und Residenzstadt St. Petersburg und deren Umgebungen. Leipzig, 1839.
- Schulze Aug.* Ein Jahr aus meinem Leben in St. Petersburg. Nordhausen, 1834.
- Sporschil J.* Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig, 1849.
- Tietz Fr.* Erinnerungsskizzen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. 2 Bde. Leipzig, 1836.
- Tietz Fr.* Nicolaus I. Kaiser von Russland: Momente aus dem Monarchen Leben. Schwerin, 1831.
- Welp Tr.* Petersburger Skizzen. 3 Bde. Leipzig, 1842.
- Wolfgang Wenzel von Haffner / Hrsg. *L.M. Surhone*. Verlag: Betascript Publishing. Saarbrücken, 2010; *Гаффнер В.В.* Три недели в России // *Исторический вестник*. 1914. Т. 135, № 1. С. 258–282.
- Заиченко О.В.* Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 30–40-е гг. XIX в.: монарх как воплощение государства // *Диалог со временем*. 2013. Вып. 42. С. 194–222.
- Заиченко Ольга Викторовна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com.

Н. В. РОСТИСЛАВЛЕВА

ПОНЯТИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РАКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЕРМАНИИ XIX ВЕКА¹

Автор рассматривает восприятие понятия либерализма в разных регионах Германии XIX в. сквозь призму интерпретации немецкими либералами таких терминов как «гражданское общество» «свобода», «народное представительство», «разделение властей», в которых обнаруживается немало семантических различий. В регионах Германии в зависимости от присущих им традиций и политической культуры актуализировались разные аспекты понятия либерализма: интеллектуальный, индустриальный, доктринерский, нацеленный на будущее. Иерархия присущих либерализму ценностей также отличается региональным своеобразием.

Ключевые слова: либерализм, гражданское общество, свобода, представительство, метод истории понятий, региональные традиции.

В крупнейших научных энциклопедиях мы не обнаружили четкого определения понятия либерализма, более того подчеркивается, что этот феномен невозможно выразить в исчерпывающей дефиниции, поскольку сами либералы всегда избегали догм². Либерализм – это прежде всего движение за свободу и «индивидуальное государство», т.е. за такие государственные связи, которые не противоречат принципу индивидуальной свободы³. Либерализм – это феномен Нового времени, для понятий данного периода характерен разрыв с прошлым и устремленность в будущее, когда понятия не столько описывают область опыта, сколько намечают горизонт ожиданий⁴. Для данной статьи плодотворными являются многие аспекты теории истории понятий (Begriffsgeschichte). Базовое для Begriffsgeschichte – Sattelzeit – «переломное время» между 1750-1850 гг. – это период постепенного исчезновения сословий и появления современной системы социально-политических понятий в контексте концепта «Новое время»⁵. Именно тогда появляются такие понятия как либерализм, национализм, социализм и т.п. Теоретик Begriffsgeschichte Р. Козеллек полагал, что их семантические структуры определены восприятием времени. Чтобы раскрыть суть, он ввел такие исторические кате-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

² Encyclopaedia Britannica. 1946. Vol. 13. P. 1000; 1978. Vol. 10. P. 846.

³ Der Grosse Brockhaus. 1932. Bd. 11. S. 379.

⁴ См. об этом подробнее: Koselleck. 1989. S. 373-375.

⁵ Koselleck. 1972. Bd. 1. S. V, VII; 2003. S. 238-239.

гории как пространство опыта (Erfahrungsraum) и горизонт ожиданий (Erwartungshorizont). Историк уточнял, что, с одной стороны, это формальные категории, так как не определяется, какой конкретно опыт описывается и что ожидается, но с другой стороны они гораздо конкретнее, наполнены большим смыслом, чем такие выражения как «война и мир», «демократия», «господство и подчинение»⁶. Данный подход подразумевает наличие довольно емкого семантического поля понятия либерализма, что предопределило его долгое и сложное бытие и актуализацию в разное время и в разных пространствах различных его граней.

В политическом дискурсе современной России либеральные ценности не стали ведущим приоритетом, вместе с тем стремление утвердить принципы гражданского общества заставляет вновь актуализировать идеи свободы и толерантности. Опыт XX века показал, что демократия без либерализма несостоятельна, поскольку именно он способен уберечь граждан от крайних проявлений авторитарности. Как известно, и Россия, и Германия в XX в. сильно пострадали от тоталитарных режимов.

Либеральная традиция процветала на Западе в XIX в., но даже в этот век процветания мы не можем констатировать тождественного освоения присущего ему комплекса идей в различных исторических и политических традициях. Особенно ярко указанная особенность проявилась в Германии, которая после 1815 г. состояла из 38 (а после 1817 г. – из 39) государств, входивших в Германский союз. Границы отдельных немецких государств не всегда совпадали с характерными для их территорий традициями, также существовали группы государств, которые отличало некоторое единство политической культуры.

Изучая восприятие немецкими либералами понятий «гражданское общество», «свобода печати», «народное представительство», «свобода», «разделение властей», можно обнаружить немало различий.

Понимание «гражданского общества» в прусском либерализме эпохи реформаторства начала XIX в. и, прежде всего, в творчестве и политической деятельности В. Гумбольдта восходит к Гегелю, который требовал присутствия государства в общественной сфере, так как «если государство представляют как единство различных лиц, которое есть лишь общность, то имеют в виду определение гражданского общества»⁷. Поэтому Штейн, Гарденберг в ходе своих реформ усовершенствовали государственный аппарат в той мере в какой он мог бы стать основой преобразований, а В. фон Гумбольдт именно в государстве видел

---

⁶ Koselleck R. 1989. S. 348-352.

⁷ Гегель. 1990. С. 228.

гаранта «одиначества и свободы», провозглашенные им в качестве ведущего принципа немецкого классического университета⁸. Оценка реформ начала XIX в. в историографии неоднозначна. Прусское реформаторство получило довольно высокую оценку во многих немецких исторических трудах, а Штейна даже назвали демиургом гражданского общества в Германии⁹. Р. Козеллек довольно высоко оценивал октябрьский эдикт 1807 года, отменявший за выкуп крепостное право, полагая, что он стал чем-то вроде «всеобщего принципа конституционного устройства»¹⁰. Х.-У. Велер охарактеризовал Штейна как человека, у которого «неясные для понимания реакционные взгляды»¹¹.

В эти же годы в Германии существовало другое понимание гражданского общества, которое увязывалось с политической эмансипацией. Оно нашло воплощение на немецком Юго-Западе, в Бадене. Баденский либерал К. фон Роттек полагал необходимым наличие у личности закрытых для вмешательства государства прав, гарантом индивидуальной свободы, по его мнению, является община, выступающая как посредствующий институт между личностью и государством¹². Для Роттека и других сторонников конституционного либерализма характерно отождествление понятий «община» и «гражданское общество». Так, его коллега Ф. Мурхард определял общину как «государство в малом» и полагал, что она является наиболее крепким оплотом против всевластия бюрократического государства в духе Гегеля¹³. Историографическая рецепция такого понимания гражданского общества также неоднозначна. Л. Галл назвал его политической утопией и подчеркивал положительный потенциал бюрократического либерализма¹⁴. Д. Лангевисе отмечает противоречие между государственно-бюрократической модернизацией и политической эмансипацией¹⁵.

Разночтения мы обнаруживаем при анализе представлений о свободе печати. Пруссский либерал В. Гумбольдт, признавая свободу печати в принципе, утверждал, что, свободой прессы можно злоупотреблять, но установить факт злоупотребления довольно сложно. Более того, он признавал целесообразным «подчинить писателей, издателей и типографии

⁸ *Humboldt*. Ueber die innere und äussere Organisation... S. 197-205.

⁹ См.: *Koselleck*. 1982. S. 245-268; *Preußische Reformen...* 1980. См. также: *Koselleck*. 2010. S. 175-197.

¹⁰ *Koselleck R.* 1965. S. 160.

¹¹ *Wehler*. 1987. Bd. 1. S. 399.

¹² *Staatslexikon...* Bd. 6. S. 391; *Rotteck*. Bd. 3. S. 472, 474-475.

¹³ *Gall*. 1976. S. 183.

¹⁴ *Gall*. 1968. S. 46-47, 57.

¹⁵ *Langewiesche*. 1988. S. 18-19.

(так как все они принимают участие в процессе публикации) действенной цензуре»¹⁶. Конечно, Гумбольдт призывал к контролю за государством с помощью общества, но, понимая всю двойственность своих рассуждений, он писал: «Невозможно, чтобы существовавшее до сих пор законодательство оптимально соответствовало бы новым целям, поэтому оно должно только приспособливаться»¹⁷. Необходимо также отметить, что обнаруженная непоследовательность в решении вопроса о свободе печати связана с кредо Гумбольдта, суть которого – взаимодействие традиции и новации. Обстоятельства прусской реальности эпохи Реставрации все больше акцентировали традиционное в его политических идеях, заслоняя ростки нового.

В Бадене мы сталкиваемся не просто со стремлением установить свободу печати – там оно было реализовано на практике, и в течение 3-х месяцев 1832 г. в герцогстве без цензуры выходил ряд газет. Хотя позже Меттерних добьется их закрытия¹⁸, но весной 1832 г. в Бадене произошел мощный прорыв. Это удалось, так как там с 1818 г. уже существовала конституция, и герцогство, гранича с более передовыми Францией и Швейцарией, испытывало сильное влияние со стороны этих государств.

Таким образом, мы видим разное восприятие принципа свободы печати. Как это объяснить? На наш взгляд, понятие по-разному интерпретируется в связи с особенностями данного региона Германии. В том случае, если соответствующая понятию реальность еще не сложилась, как например, в Пруссии, оно своеобразно интерпретируется, однако сохраняется в общелиберальном тренде.

Сами акторы либерального движения нередко обвиняли друг друга в антилиберализме. Так, известный либерал немецкого Юго-Запада К. Велькер заявил, что другой не менее известный и популярный либерал немецкого Севера Ф.К. Дальман «вообще перестал быть либералом»¹⁹. Причина таких обвинений – разное представление Дальмана и Велькера о народном представительстве. Велькер и его коллега баденский либерал Роттек с недоверием относились к правительству и выступали за однопалатный парламент, тогда как Дальман считал необходимым существование двухпалатного парламента. Он уточнял, что однопалатное представительство быстрее адаптируется к изменениям, однако в хорошем государственном устройстве «сохранение традиций важнее, чем легкость

---

¹⁶ *Humboldt. Über Pressefreiheit // Sämtliche Werke. Bd. 7. S. 40.*

¹⁷ *Ibid. S. 37.*

¹⁸ См об этом подробнее: *Ростиславлева. 2003.*

¹⁹ Цит по: *Sell. 1953. S. 128.*

быстрых перемен»²⁰. Велькер был потрясен консерватизмом Дальмана, когда прочитал его знаменитый труд «Политика». В либеральном консерватизме будет упрекать В. фон Гумбольдта П. Берглар, автор одной из лучших современных биографий ученого и политика²¹.

Разнообразие мнений можно, опираясь на Р. Козеллека, объяснить тем, что соответствующая либерализму реальность в Германии в целом еще не сложилась. При этом в разных регионах Германии эта реальность неодинакова. В них, в зависимости от традиций, а также от периода в рамках «долгого XIX века», актуализировалась то интеллектуальная составляющая свободы, то индустриальная, то доктринарская, нацеленная на будущее. Все это осложнялось еще и тем, что либерализм – это одновременно теория, доктрина, программа и политическая практика.

В. фон Гумбольдт, как представитель собственно Пруссии, а точнее Востока Германии связывал свободу с безопасностью, делал акцент на индивидуальной свободе, отмечал необходимость зрелости для свободы и полагал, что для этого нужно начать реформу с образа мыслей людей, допуская вмешательство государства, которое призвано, по мнению ученого, обеспечить наивысшее духовное развитие²².

На немецком Юго-Западе, в Бадене, в интерпретации свободы преобладал абстрактно-дедуктивный подход. Депутат баденского ландтага, профессор Фрайбургского университета Карл фон Роттек рассматривал категорию свободы в канонах Просвещения как принцип теории естественного права²³. В этом регионе проявляется стремление к разрыву с опытом, которое через пару десятилетий в учении Велькера подвергнется трансформации в направлении освоения традиции. Он без всяких реверансов теории естественного права конкретизировал, что в самом узком смысле слова «право обозначает соответствие одному из двух видов практического законодательства, которое называют в отличие от религиозного или чисто разумно-морального, или нравственного законодательства – правовым или юридическим законодательством», т.е. право – «это внутреннее понимание всех отношений, всех свойств, всех второстепенных правил, которые соответствуют правовому закону и образуют предмет юриспруденции, но также и сами находятся в соответствии с правовым законом или правовым знанием»²⁴.

---

²⁰ *Dahlmann*. 1924. S. 122.

²¹ См.: *Berglar*. 2003.

²² *Гумбольдт*. 2003. С. 13-19.

²³ *Staatslexikon*... Bd. 6. S. 60.

²⁴ *Staatslexikon*... Bd. 11. S. 343.

В учении представителя немецкого Севера К.Ф. Дальмана подчеркиваются исторические основания свободы, поэтому продвигаться к ней нужно, опираясь на традиционные институты. Либерал выдвинул задачу перед немецким отечеством – из развивавшихся в ходе истории слов сформировать сильное народное представительство, но создавать его «не из воздуха», а на исторических основаниях²⁵. Существование естественного состояния Дальман допускал только в качестве вспомогательного средства, которое дает возможность рассматривать возникновение государственных структур как акт человеческого творения²⁶.

В промышленно развитой Рейнской области Пруссии, находившейся на Западе Германии, бизнесмен и политик Д. Ганземан воспринимал свободу вне естественно-правовой конструкции и осуществлял ее легитимацию через традицию. Он связывал свободу с собственностью, с утверждением среднего класса и всегда стремился к практической реализации своих замыслов²⁷. В практических бизнес-проектах Ганземан опирался на такие либеральные ценности как свобода и конкуренция, но всегда стремился быть лояльным легитимным структурам, демонстрировал при этом различные версии мимикрии. Эта лояльность в значительной степени была предопределена нерешенным «немецким вопросом», в решении которого бизнес видел основу успешного экономического развития. Конечно, Ганземан в итоге создаст общество кредита со сложной структурой, чтобы обезопасить его от различных государственных разрешений. Но и в данном воплощении либерализм не стоит интерпретировать как понятие, которое пошло на разрыв с прошлым и устремилось в будущее: полностью порвать с традицией бюрократизации в данном региональном варианте не удалось, хотя стремление к разрыву было четко обозначено.

Принцип разделения властей, являющийся неотъемлемым атрибутом либеральной теории и практики, в учениях германских либералов трактовался неодинаково. Представитель немецкого Юго-Запада Роттек выделял две ветви власти и отрицал самостоятельность судебной власти. Принцип разделения властей он обосновывал, исследуя понятие «общая воля», которая, по его мнению, и является сувереном. Разделенная власть – это всего лишь идеальные персонификации общей воли и им не присуще сопротивление друг другу²⁸. На немецком Севере сильно

---

²⁵ *Dahlmann*. 1886. S. 27-28.

²⁶ *Dahlmann*. 1924. S. 52-53.

²⁷ См. об этом подробнее: *Hansemann*. 1919. S. 9-81.

²⁸ Подробнее см.: *Ростиславлева*. 1999. С.42-44.

было влияние Англии. Это нашло отражение во Дальмана на принцип разделения властей: он полагал, что за членами правительства возможно сохранение депутатских мандатов²⁹.

Прусский либерал В. фон Гумбольдт предлагал разделить законодательную и исполнительную власть между органами государства и сословным представительством, и именно правительство должно было выступать инициатором преобразований, тогда как сословные учреждения будут стремиться к сохранению традиций³⁰.

Наличие разновекторных моделей либерализма в пространстве Германского союза вполне объясняет существование выражений «либеральный Юго-Запад», «индустриальные Рейнские провинции Пруссии», «интеллектуальный либерализм Пруссии». «Большой странностью эпохи»³¹ Х.У. Велер назвал параллельное распространение модели гумбольдтовского университета, вобравшей в себя идеалы неогуманизма, и развитие индустриализации.

Довольно ярко вырисовываются существенные отличия между либерализмом Рейнской области Пруссии и либерализмом восточной Пруссии, ориентированным на сотрудничество с сильным национальным государством, что в итоге предопределило успех бисмарковского проекта объединения Германии, и семантическая мозаичность германского либерализма была заменена прусской версией, которая привела либерализм к кризису в годы Веймарской республики.

В Германии, которая была родиной классического историзма, границы семантического поля либерализма XIX в. в значительной степени связаны с традициями регионов, которые предопределяли неодинаковую политическую культуру, влияли на складывание идентичности социума и формирование лидеров либерального движения. В одном из современных немецких политологических словарей либерализм определяется как собирательное понятие для крупных политико-идеологических потоков, опирающихся на свободу личности от государства³², но немецкая история этого понятия показала примеры и стремления к свободе от государства, и «верной дружбы» с государственными структурами.

Козеллек отмечал: «Значения слов могут быть точно определены, тогда как понятие можно только интерпретировать... Понятие дается нам тогда, когда некоторые значения отдельных терминов, описываю-

---

²⁹ *Dahlmann*. 1924. S. 122.

³⁰ *Humboldt W. von*. Über die Einrichtungen... S. 104-107

³¹ *Wehler*. Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1815-1845/49. Bd.2. S. 511.

³² *Lexikon der Politik*. Bd 7. Politische Begriffe. S. 354-356.

щих некоторое положение вещей, объединены и осознаны в их связи друг с другом, за пределами их голой знаковой функциональности»³³. Региональная интерпретация либерализма яркий пример выхода за пределы «голой знаковой функциональности», поскольку она показывает не то, что есть либерализм сам по себе, а то, как он воспринимался либеральными идеологами и политиками разных регионов Германии XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бёдекер Х. Э.* Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: НЛЮ, 2010. С. 34-65.
- Гегель Ф.* Философия права. М.: Мысль, 524 с.
- Гумбольдт В. фон.* О пределах государственной деятельности. М.: Три квадрата, 2003. 195 с.
- Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М.: РГГУ 1999. 143 с.
- Ростиславлева Н.В.* Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20-30-е годы XIX века // Европейский альманах: история, традиции, культура. 2003. М.: Наука, 2004. С. 93-104.
- Berglar P.* Wilhelm von Humboldt. Hamburg: Rowohlt, 2003. 187 S.
- Dahlmann F.C.* Ein Wort über Verfassung // *Dahlmann F.C.* Kleine Schriften und Reden. Stuttgart: Varrentapp, 1886. S. 375-390.
- Dahlmann F.C.* Die Politik, auf den Grund und Maass der gegebenen Zustände zurückgeführt. Berlin: Hobbings, 1924. 279 S.
- Der Grosse Brockhaus. Aufl. von Brockhaus'Konversations-Lexikon, Leipzig, 1932. Bd. 11. 788 S.
- Encyclopaedia Britannica. Chicago [etc.]: Encycl. Britannica., 1946. Vol. 13. 1012 p.
- Encyclopaedia Britannica. Chicago [etc.]: Encycl. Britannica, 1978. Vol. 10. 952 p.
- Gall L.* Liberalismus als regierende Partei^ das Grossherzogtum Baden zwischen Restauration und Reichsgründung. Wiesbaden Institut für europäische Geschichte Maimz, 1968.
- Gall L.* Liberalismus und "bürgerliche Gesellschaft" // Liberalismus. Köln: Kiepenheuer, 1976 / Hrsg L. Gall. 352 S.
- Hansemann D.* Über Preußens Lage und Politik am Ende des Jahres 1830 // *Hansen J.* Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830-1845. Essen, 1919. Bd.1. S. 9-81.
- Humboldt W. von.* Über die Einrichtungen landständischer Verfassungen in den preussischen Staaten // *Sämtliche Werke.* Bd. 7. Schriften zu Politik und Verwaltung. Berlin: Mundus Verl., 1999. S. 105-154.
- Humboldt W. v.* Über die innere und äussere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // *Sämtliche Werke.* Berlin: Mundus Verl., 1999. Bd. 6. S. 197-205.
- Humboldt W. von.* Über Pressefreiheit // *Sämtliche Werke.* Berlin: Mundus Verl., 1999. Bd. 7. S. 35-41.
- Koselleck R.* Darstellungweise der Preussischen Reformen. Dreysen, Treitschke, Mehring // *Formen der Geschichtsschreibung / hrsg. R. Koselleck.* München: Dt. Taschenbuch-Verl., 1982. 629 S.

---

³³ Цит по: Бёдекер. 2010. С. 42-43.

- Koselleck R.* Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart: Klett, 1972. Bd. 1.
- Koselleck R.* Preußen zwischen Reform und Revolution. Allg. Landrecht, Verwaltung u. soziale Bewegung von 1791–1848. Heidelberg, 1965.
- Koselleck R.* Vergangene Zukunft : Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M.: 1989. 388 S.
- Koselleck R.* Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. 388 S.
- Koselleck R.* Zeitschichten : Studien zur Historik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2003. 399 S.
- Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Tübingen: Suhrkamp, 1988. 380 S.
- Lexikon der Politik.* Bd 7. Politische Begriffe / hrsg. von *Nohlen*. München: Beck, 1998. 744 S.
- Preußische Reformen 1807-1820 / hrsg. B. Vogel. Meisenheim, 1980. 331 S.
- Rotteck C. v.* Lehrbuch des Vernunftsrechts und der Staatswissenschaften . Stuttgart, 1829–1835. 4 Bde.
- Sell F.* Die Tragödie des Deutschen Liberalismus. Baden-Baden: Deutsche Verl.-Anst, 1953. 478 S.
- Staatslexikon oder Enzyklopädie der Staatswissenschaften / in Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands / hrsg. von Carl von Rotteck u. Carl Welcker. Altona : Hammerich, 1834-1848. 15 Bde.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 1700-1815. München: C.H. Beck, 1987. Bd. 1. 676 S.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1815-1845/49. München: C.H. Beck, 1987. Bd. 2. 914 S.
- Ростиславлева Наталья Васильевна***, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ, директор Росийско-германского учебно-научного центра; ranw@mail.ru

Д. А. Скопин

ФАНТАЗИЯ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. БЕНЬЯМИНА

Автор выясняет происхождение знаменитого термина Беньямина «фантасмагория». Обычно считают, что он был заимствован у Маркса. Однако это понятие уже присутствовало в ранних произведениях Беньямина как «фантазия». Указано также на различие между кантовским «воображением» и беньяминовской «фантазией».

Ключевые слова: *aesthetic, Benjamin, imagination, phantasmagoria, fantasy.*

Основным понятием Беньямина в его «Труде о пассажирах» является *фантасмагория*. Согласно Беньямину, фантасмагория представляет собой своего рода озарение, сопровождающее новые феномены технического и экономического порядка, в частности, явления современной архитектуры, такие как пассажи или здания вокзалов. Фантасмагория есть некий блеск, сияние, которым окружает себя общество-производитель товаров. Принято считать, что анализ фантасмагии у Беньямина отсылает к анализу товарного фетишизма у Маркса; однако кажущаяся очевидность данной отсылки заслуживает двух критических замечаний.

Во-первых, термин *фантасмагория* – при том, что он кажется естественно вытекающим из анализа, предпринятого в «Капитале», – в этом труде отсутствует. Если Маркс использует прилагательное *phantastisch*, то он никогда не обращается к самому термину *Phantasmagorie*, который обозначает вид зрелища, популярный в конце XVIII в. Как бы то ни было, отношение Маркса к фантасмагии и к «зрелищу» в целом, несомненно, является критическим. Для Маркса любое зрелище принадлежит к области идеологии и связано с отчуждением. Как показал Деррида в работе «Призраки Маркса», обличение Марксом товарного фетишизма идет в ногу с производимым им заклинанием призраков. По Марксу, призраки должны быть изгнаны, поскольку любые духи, с его точки зрения, могут быть лишь «детьми гегелевского Духа». *Grosso modo* заклинание призраков и критика, которую Маркс адресует Штирнеру, коренятся в антиспиритуализме Маркса. Во имя борьбы с обскурантизмом он объявляет войну любому проявлению духа в сфере, закрепленной исключительно за имманентностью. Маркс критикует зрительные образы за то, что они заменяют собою реальность: по своему вредному воздействию фантасмагория может сближаться только с воздействием *camera obscura* идеологии.

Второе замечание касается трансформации, которую претерпевает этот пункт марксистской теории у Беньямина, весьма далекого от марксистской догмы. Для Маркса фантасмагория могла быть лишь следст-

вием производственных отношений; однако у Беньямина производство и зрительный образ меняются местами: коллективный фантазм занимает место, которое марксизм отводит производственным отношениям: «все происходит так, как будто бы у этого странного марксиста Беньямина, этого марксиста-сюрреалиста, материалистическая догма выворачивалась как перчатка... В самом деле, на место социальной инфраструктуры у него находятся уже не социальные отношения, не определенное состояние производительных сил, но прослойка социально-исторического сна. Некие образы... Как будто бы коллективный фантазм... был материальным носителем, инфраструктурой каждой эпохи человечества»¹.

Можно предположить, что истоки беньяминовского понятия «фантазмагории» следует искать не в 4-й главе «Капитала», с которой он, вероятно, не был знаком, а в ранних работах самого Беньямина, где он пытался отмежеваться от кантовской традиции. В этих произведениях он развивает теорию *фантазии*, которая, очевидно, впоследствии превратилась в «фантазмагорию» его «Труда о пассажах». Впрочем, Беньямин возвращается к понятию фантазии и в более поздних трудах. В 1926 г. он планирует предпринять систематическое исследование фантазии. В «Московском дневнике» он упоминает о большом проекте документированного труда, посвященного фантазии². По мнению Ж. Диди-Юбермана, речь идет о работе, по стилю и методу подобной той, которую Беньямин предпринял в своем монументальном *Passagenwerk*³. Разграничение между воображением и фантазией важно для немецкой философской традиции. В ранних произведениях Беньямин использует для обозначения воображения именно термин *Phantasie*, что можно объяснить желанием отмежеваться от кантовской традиции с ее понятием *Einbildungskraft* как «способностью воображать» или «создавать образы»⁴.

Для Беньямина, однако, речь не идет о возврате к до-кантовской философии, где термин «фантазия» обозначал пассивное, воспроизводящее воображение, способность представлять себе предмет в его отсутствие⁵. Беньямин, по всей вероятности, делает ссылку на фантазию

---

¹ Déotte J-L. 1998. P. 25.

² «Ich setzte ihm meinen großen Plan über das Dokumentarwerk "Die Phantasie" auseinander». *Benjamin*. 1975. S. 386.

³ *Didi-Huberman*. 2009. P. 58.

⁴ Термин *Einbildungskraft* в словаре Беньямина отсутствует.

⁵ Происхождение этой традиции следует искать в работах Аристотеля. В трактате «О душе» фантазия определена как «движение, порожденное ощущением в действии» (III, 3, 429 а 1-2), а в «Риторике» она является «неким ослабленным ощущением» (*aisthesis tis aisthenes*, I, 11, 1370 а 28-29). Поэтому фантазия, начиная с Аристотеля, помещалась на сторону чувственности. Этимология слова также свидетельствует в

романтиков, которая обозначает «производящее, «пойэтическое» воображение»⁶. Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси с полным основанием говорят о «ключевой роли» различия между *Phantasie* и *Einbildungskraft*, даже если, вопреки их утверждению, кантовская *Einbildungskraft* не всегда отождествляется с чисто воспроизводящим воображением.

Для Беньямина, фантазия не является силой, вмешивающейся *a posteriori* чтобы воспроизвести чувственные данные; беньяминовское воображение является полностью *производящим*. Фантазия для него есть некий источник, она ответственна за процесс появления (*Erscheinende*). В то же время, она не должна пониматься как некая ментальная модель, которой следует художник. Она скрывает «исходный образ» (*Urbild*, «прообраз», «архетип»)⁷, в котором растворяется создатель. Наблюдательность не имеет большого значения для того, кто творит: произведение искусства является чистой эманацией фантазии.

По Канту, воображение занято оформлением материи, а точнее, её представлением в виде образов, как об этом свидетельствует само слово *Einbildungskraft*; воображение «представляет» чувственные данные, предварительно добытые чувственностью (чувственные созерцания, *Anschauungen*) или же искусственно созданные, помещая их рядом (*darstellen*) с соответствующими им понятиями. Это функционирование воображения играет важнейшую роль для «производства» опыта.

Беньяминовская фантазия, напротив, является деформирующей способностью, она противопоставлена оформлению материи, которым занято кантовское воображение. По Беньямину, явление, вызванное воображением, не обладает формой. Как замечает Ж.-Л. Деотт, «парадоксальная беньяминовская монада характеризуется именно фантазией, но не как властью создавать формы, а как деформацией»⁸. Воображение является менее «оформляющей» способностью, чем деформирующей силой, которая отбирает у противоположных полюсов их устойчивость.

пользу подобной локализации. *Phantasia* является дериватом глагола *phantadzesthai* (становиться видимым, появляться) и *phainesthai* (казаться, появляться), который дал также *to phenomenon*. Другие слова с тем же корнем тоже наводят на мысль о *чувственном* происхождении слова *phantasia*: *phantasma* (видение, образ, призрак); *phantasis* (видение, знак). Что касается латинской традиции, то именно Августин вводит *imaginatio* как эквивалент для *phantasia*. Слово используется для того, чтобы вести речь о «представленном в виде образов психическом содержании, результате акта воображения, как в случае с синтагмами «ложные фантазии» или «тщетные фантазии» (“fausses imaginations” ou “vaines imaginations”). В данном случае это синоним для *phantasmata*)» (*Loriès, Rizzerio*. 2003. P. 133). *Phantasmata* присутствует и у Августина.

⁶ *l'Absolu littéraire. Théorie de la littérature du romantisme allemande*. P. 436.

⁷ *Lacoue-Labarthe, Nancy, Lang*. 1978. P. 437.

⁸ *Déotte*. 2004. P. 210.

Деятельность воображения имеет результатом тот факт, что рассудок и чувственность, форма и содержание больше не противопоставляются. Это означает, что описание отношений чувственность-рассудок в терминах оформления перестает быть адекватным. Определение воображения как «оформления материи» лишает воображение его собственной территории, и упускает из вида наиболее важную его функцию. Беньямин пишет: «В самом деле, фантазия (*Phantaisie*) не имеет ничего общего с оформлением. Оно, конечно, завоевывает свои явления на поле фантазии, но та столь мало подчинена ему, что можно с полным основанием обозначать явления фантазии как деформацию того, что было оформлено (*Entstaltung des Gestalteten*). Особенность всякой фантазии – вовлекать формы в игру растворения. Мир новых появлений, который образуется с растворением того, что было оформлено, обладает своими собственными законами, которые являются законами фантазии и чьим верховным законом является то, что фантазия, хотя и деформирует, никогда, однако, не разрушает»⁹. Деформация посредством фантазии охватывает внешние наблюдателю вещи, и мир вовлекается в бесконечный процесс растворения. Действие фантазии на вещи уподобляется действию на них становления; однако «становление выражается в оформлении (*Gestaltung*) (набухающие почки деревьев), а бег времени в окрашивании»¹⁰.

Фантазия является своего рода энергией, это циркулирующая, кипящая стихия, «дар чистой плодovitости» (*Empfängnis*)»¹¹. Идентичность субъекта, который предается фантазии, деформируется; он переживает растворение, теряет свою субстанциальность, чтобы стать чистым свойством: «я была ничем иным, как зрением. Все другие чувства были забыты, исчезли. Я сама больше не существовала, как не существовал мой рассудок, который выводит вещи из образов наших чувств. Я была не тем, кто видит, а чистым зрением»¹². Для субъекта, чье воображение находится в работе, не существует вещей, которые бы противопоставлялись друг другу; мысль о сравнении вещей, не имеющих ничего общего, более не кажется абсурдной. Субъект охотно отождествляет себя с вещами: «В эти часы, я чувствовал себя совсем легко. Я замечал во всех вещах лишь то, посредством чего я пребывал в вещах, лишь те свойства вещей, которыми я их наделял. Я сам был свойством мира и парил над ним. Мир был для меня будто наполненным цветом»¹³.

⁹ Benjamin. 1975. S. 115.

¹⁰ Benjamin. 1975. S. 122.

¹¹ Benjamin. 1975. S. 22.

¹² «Ich war keine Sehende, ich war nur Sehen». Benjamin. 1975. S. 20.

¹³ Benjamin. 1975. S. 20.

В диалоге «Радуга», где Беньямин трактует происхождение цветов, цвет отождествляется с «самой потаенной фантазией» (*das innerste der Phantasie*)¹⁴. Как показывают фрагменты, примыкающие к диалогу, речь идет о том, чтобы построить теорию не-интеллектуального видения, до-объективирующего видения без понятия. Прилагательное «чистый», которое появляется в этом фрагменте и применяется к существительным «рецепция» и «зрение» (*das reine Sehen*)¹⁵ следует понимать в смысле, который противоположен кантовскому. Если для Канта «чистота» была синонимом свободы данных от чувственной составляющей, то здесь она является свободой от понятий. Как указывает Х. Брюггеманн в своей работе, посвященной фантазии у Беньямина, «Мы можем рассматривать это как знак теории видения, предшествующего объективации, видения без понятий – без сомнения, Беньямин вписывается в эту традицию, хотя и, в то же время, метит далее. Для него речь идет о поиске способов “чистого” созерцания, которые предшествуют процессу художественного производства, самому произведению искусства: «способность получать чувственные созерцания (*das Anschauen*), свойственная фантазии, является видением (*ein Schauen*) внутри канона, но не смешивается с ним; что означает (эта способность является). – Д.С.) чисто рецептивной, не творческой (*unschöpferisch*) [GS p.563]»¹⁶.

Согласно Брюггеману, Беньямин подхватывает «старый спор между *disegno* и *colore*, рисунком и цветом, ... который идет от Вазари к Декарту и Канту («Цвета, которые расцветивают рисунок, принадлежат к возбуждению (*zum Reiz*); хотя они могут сделать более выразительным объект сам по себе для восприятия, они не могут сделать его достойным созерцания (*Anschauungswürdig*) и красивым: напротив, в большинстве случаев они очень ограничены требованиями красивой формы, и даже там, где возбуждение дозволяется, оно лишь облагораживается ими» (И. Кант))»¹⁷. Данная традиция помещает цвет на стороне чувственности и ставит его в зависимость от формы. С одной стороны, Беньямин наследует эту традицию, поскольку он помещает цвет (а значит, фантазию) в сферу чувственности, не затронутой никаким понятием, настаивая на различии цвета и формы. Фантазия у Беньямина принадлежит чувственности: она является чистым зрением (*das reine Sehen*), способностью получать чувственные созерцания (*das Anschauen*), чистым созерцанием. Воображение предстает как чистая рецептивность.

---

¹⁴ Benjamin. 1975 S. 23.

¹⁵ Benjamin. 1975. S. 563.

¹⁶ Brüggemann. 2006. S. 169.

¹⁷ Brüggemann. 2006. S. 171.

С другой стороны, Беньямин порывает с этой традицией. Цвет у Беньямина занимает место, аналогичное месту понятий у Канта. Цвет не находится «в вещах», не является присущим им свойством. Беньямин в нескольких местах настаивает на спиритуальности цветов, заявляя, в частности, что «в цветке глаз расположен исключительно к духовному»¹⁸. Если видение цветов является духовным, то это означает, что оно является внутренним видением, ориентированным к глубинам нашего воображения. Именно фантазия окрашивает вещи, заставляет видеть мир в цвете, подобно тому, как кантовские понятия заставляли видеть его связность. Цвет является «выражением фантазии».¹⁹ Это означает, что беньяминовская фантазия спонтанна (в кантовском смысле). Однако эта спонтанность состоит в том, что она лишает вещи их формы, деформирует их в пользу того, что они имеют в себе чувственного.

Другое влияние, которое прослеживается в этой теории, принадлежит Гёте. В этой части своей философии Беньямин остается таким же последователем Гёте, как и в остальных, и его спекулятивный подход отсылает к знаменитому гётевскому учению о цветах. Как известно, Гёте, осуществивший серию оптических опытов, был убежден, что ньютоновская доктрина дифракции света не способна описать многие оптические феномены. Вследствие чего, Гёте пытается дополнить её теорией цвета как проекции внутреннего мира. Если Ньютон интересовался исключительно светом, то Гёте, пункт за пунктом критикующий Ньютона, показывает, что цвет обязан своим существованием еще и противоположности света, т.е. темноте, также окрашивающей объект. Подобным же образом, принцип объективности цвета дополнялся своей противоположностью: для Гёте, цвет появляется еще и как следствие некоей экстерииоризации, проекции нашего «я» во внешний мир; он представляет собой своеобразную комбинацию, среду, где встречаются и соответствуют друг другу внутреннее и внешнее, врожденное и приобретенное, субъективное и объективное²⁰. Беньямин, как и Гёте, полагает, что человеческий глаз может производить цвета. Наличие цвета выдает наличие воображения, его «облаков», которые скрывают от нас формы предметов: «посредством цветов облака фантазии столь близки» (GS VII, 25). В красном цвете воображение заявляет о себе в своей чистоте.

---

¹⁸ Benjamin W. 1989. S 23.

¹⁹ Benjamin W. 1989. S.22.

²⁰ Гёте И. 1957. Ведомый стремлением к целостности, Гёте ищет Целое в частном; для автора «Учения о цветах», разграничение между субъективным и объективным не имеет значения и любое знание основывается на общности между субъектом и объектом познания. См.: *Elie*. 1993.

Для нормального человека предоставить волю фантазии означает деформировать свою личность. Деформация личности субъекта, озаренного воображением, сопоставима с состоянием опьянения (Беньямин) или безумия (Кант); впрочем, «избыточность» фантазии характерна скорее для детей, чье восприятие вещей свободно от дедукции, и «их фантазия остается нетронутой»²¹ Освобождая свой дух от преобладания логических функций, человек вновь обретает чистоту восприятия и возвращается к детскому мировосприятию: таков опыт, описанный в «Берлинском детстве». Есть две фундаментальные идентичности, которые свойственны человеку с гипертрофированной фантазией, при условии, что речь не идет о мимолетном сбое в её работе, или же о сне: он сближается с безумцем (кантовским экзальтированным субъектом) или с ребенком.

В 1929 г. Беньямин пишет небольшой отзыв на ныне забытую книгу Г.Ф. Хартлауба, озаглавленную «Гений в ребенке. Эссе о графических задатках ребенка» (*Der Geniis im Kinde. Ein Versuch über die zeichnerische Anlage des Kindes*)²². Беньямин далеко не случайно проявляет интерес к этой книге, уделяя ей исключительное место в литературе о детских рисунках: размышления её автора имеют много общего с его собственными. Речь идет, прежде всего, об отказе описывать деятельность ребенка, применяя к ней «взрослые» критерии, то есть в терминах какой бы то ни было полезности. Согласно Беньямину, «все ложные сравнения с творчеством сознательного художника здесь отброшены. Не случайно, слово «Гений» здесь пишется с заглавной буквы»²³. Хартлауб говорит это одной фразой: не ребенок выражается посредством вещей, но вещи посредством ребенка. Творчество и субъективность еще не отпраздновали в нем свою решительную встречу»²⁴.

Согласно Х. Брюггеманну, Хартлауб отказывается признавать за игрой ребенка какую бы то ни было полезность, рассматривать ее как приготовление к взрослой жизни, «упражнение», времяпрепровождение, обладающее некоей инструментальной ценностью. Играющий ребенок не преследует никакой цели, его деятельность не состоит ни в том, чтобы изучать, ни в том, чтобы производить или создавать, как не состоит она в коммуникации. Хартлауб видит в игре проявление воображения (здесь, *Einbildungskraft*) ребенка, свободное от всякой целесообразности. Взрос-

---

²¹ Benjamin. 1989. S. 25.

²² Benjamin. 1972. S. 211-212.

²³ Немецкое слово *Genius* отсылает к мифологическому «Гению», тогда как *Genie* к качеству, принадлежащему человеческому существу. Lacoue-Labarthe, Nancy, Lang. 1978. P.436.

²⁴ Benjamin. 1975. S. 212.

льный отделен от мира множеством понятий, которые составляют его знания и опыт. Чтобы достичь истины взрослый вынужден преодолевать дистанцию, поскольку багаж познаний отделяет его от неё. Эта дистанция отсутствует для детей. Ребенок находится «в вещах», он позволяет вещам говорить за него: «Если ребенок (человек наивный) лепит, рисует карандашом или красками, то делает это “как будто бы вещи двигали его рукой; взрослый, напротив, сам рисует вещи, применяя тем самым свои способности синтеза к изображению. Как будто бы вещь говорила через ребенка: Я такова... Для ребенка идея вещи является самой вещью; это его онтологизм, его наивный (магический) монизм”»²⁵.

Если Хартлауб отделяет деятельность играющего ребенка от любых видов деятельности взрослого человека, то для того, чтобы провести аналогии с доисторическим сознанием или некоторыми явлениями психопатологии. Мир ребенка отделен от внешнего мира, он подчиняется законам, которые не видны внешнему наблюдателю и не являются законами, которые управляют так называемым «реальным» миром. Играющий ребенок находится в своей собственной реальности, сравнимой с реальностью помешанного. Он входит в своего рода транс, отстраненность, которая обязана своим возникновением действию его фантазии: «У детей существует нечто подобное самовнушению; большая часть мира ребенка видна лишь его собственному “внутреннему оку”»; игра ребенка не обладает никакой структурой, видимой глазу других, но помогает сделать реальным воображение (Einbildungskraft) играющего²⁶. Отсюда, впрочем, не следует делать вывод о том, что фантазия, которая приостанавливает заурядный ход вещей, подталкивает подверженного ей субъекта к отсутствию всякой логики. Воображение, которое вторгается в мир ребенка, трансформирует или деформирует этот мир. Но этот трансформированный мир не абсурден. Воздействие фантазии проявляется как своего рода «сон» или «опьянение», однако не смешивается с безумием.

То, что Беньямин оказывается близким Хартлаубу, не мешает ему мыслить воображение иначе. По Хартлаубу, «дети в действительности

²⁵ Hartlaub, цитируется в Brüggemann. 2006. S. 165.

²⁶ Brüggemann. 2006. S. 167. Как известно, тематика детства постоянно присутствует у Беньямина, большого собирателя детских книг и кукол. *Улица с односторонним движением* и *Берлинское детство* повествуют нам об опыте, который более не является опытом взрослого человека, но ребенка. В этих текстах вещи описаны так, как они видятся ребенку. Если эти книги являются экспериментальными, вдохновленными французским сюрреализмом, то их стилистика все же сильно отличается от автоматического письма сюрреалистов. Эти книги не показывают нам мир, где царствует случайность и исчезают отношения каузальности, но мир, трансформированный фантазией, что означает мир пластичный, «смягченный».

обладают не собственно “фантазией” в смысле свободного творческого созидания (*freischöpferlicher Hervorbringung*), как у художников в состоянии бодрствования; они скорее *трезвы* (*nüchtern*). Напротив, они обладают «воображением» в собственном смысле слова: способностью оформлять посредством образов тонкие чувственные вещи, бессознательно строить символы»²⁷. Позиция Беньямина отлична как минимум в трех пунктах. Говоря в ранних произведениях о воображении детей, он всегда говорит о фантазии (*Phantaisie*) и никогда о воображении в кантовском смысле (*Einbildungskraft*). Затем, он рассматривает его не как оформление материи (функция кантовского воображения), а как деформацию. Наконец, как о том свидетельствуют его тексты о фантазии, Беньямин, как кажется, допускает если и не эквивалентность, то, по крайней мере, родство между игровой деятельностью и определенным художническим опытом. Но все это также характеристики беньяминовской фантазмагии в его «Труде о пассажах».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Geme II. B.* Избранные сочинения по естествознанию. Л.: Изд. АН СССР, 1957. 553 с.
- Benjamin W.* Gesammelte Schriften. III. Herausgegeben von Hella Tiedemann-Bartels. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1972. 727 S.
- Benjamin W.* Gesammelte Schriften. VI. Herausgegeben von Rolf Tiedemann und Hermann Schweppenhäuser. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1975. 840 S.
- Benjamin W.* Gesammelte Schriften. VII. Herausgegeben von Rolf Tiedemann und Hermann Schweppenhäuser unter Mitarbeit von Christoph Gösde, Henri Lonitz und Gary Smith. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1989. 1024 S.
- Brüggemann H.* Walter Benjamin. Über Spiel, Farbe und Phantasia. Würzburg: Königshausen und Neumann Verlag, 2006. 357 S.
- Déotte J.-L.* Epoque des appareils. Paris: Lignes, 2004. 363 p.
- Déotte J.-L.* L’Homme de verre. Esthétiques benjaminienes. P.: L’Harmattan, 1998. 257 p.
- Didi-Huberman G.* Survivance des lucioles. Paris: Les Editions de Minuit, 2009. 141 p.
- Elie M.* Lumière, couleurs et nature : l’optique et la physique de Goethe et de la Naturphilosophie. Paris : Vrin, 1993. 243 p.
- Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L., Lang A.-M.* L’Absolu littéraire : Théorie de la littérature du romantisme allemand. Paris : Seuil, 1978. 444 p.
- Loriès D., Rizzerio L.* De la *Phantasia* à l’imagination. Louvain: Peeters Publishers/Société des études classiques, 2003. 160 p.
- Скопин Денис Александрович**, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Нижегородского государственного лингвистического университета; Denis.skopin@mail.ru

---

²⁷ Hartlaub, *Ebd.*, S. 32, цитируется в Brüggemann. 2006. S. 166.

Ф. В. НИКОЛАИ, А. В. ХАЗИНА

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ГЕНДЕРНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦЕПЦИЯ ПОСТПАМЯТИ М. ХЁРШ

В статье рассматривается концепция постпамяти М. Хёрш – одного из лидеров американских cultural studies. Она выявляет важный зазор или цезуру между позициями двух поколений исследователей: для поколения, прошедшего вторую мировую и пережившего Холокост, стремление к рациональному осмыслению прошлого оказывается принципиально важным, но фактически не достижимым – настолько мощные силы аффекта и шока оно пробуждает. Для их детей, чье детство пришлось на уже послевоенное время, арсенал классической рациональности оказывается ограничен этическими соображениями: признание разрывов и лакун исторической (пост)памяти представляется им крайне важным противоядием циничному «присвоению» опыта Другого.

Ключевые слова: *cultural studies*, визуальные исследования, семейные рамки, постпамять, исследования травмы, пределы репрезентации, проработка прошлого.

Сегодня в отечественной историографии все больший интерес вызывает проблематика исторической памяти¹. Ее конститутивными рамками выступает общеевропейская полемика вокруг концептов «культурной памяти» (при всех различиях ее понимания Й. Рюзенем, Яном и Алейдой Ассман) и «национальной памяти» (в трактовках Б. Андерсона и П. Нора). Ни в коем случае не стремясь нивелировать очень важные методологические нюансы и различия между ними, отметим их акцент на формировании социальной идентичности, примиряющей разного рода оппозиции, в частности когнитивное и прагматико-политическое измерение исторической памяти. Как отмечает Л.П. Репина, социальная память «не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы неосознанно ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого в исторической мысли и профессиональном историческом знании»².

Однако данная (условно назовем ее «европейской») модель, прослеживающая континуитет и преемственность традиций, не является единственной. В американских исследованиях культуры получил преобладание акцент на разрывах в политике памяти, представляющейся

---

¹ См., например: Трубникова. 2005; Васильев. 2008; Копосов. 2011; Леонтьева. 2011; Репина. 2011; Репина. 2012 и др.

² Репина. 2012. С. 189.

скорее гетерогенной, чем однородной. Конечно, предлагаемая оппозиция весьма условна. Нужна она не только для того, чтобы понять историографические границы «мемориального бума», но и для более четкого осознания его внутренних методологических ресурсов, в частности, механизмов работы культурной и политической памяти. Как именно связаны ее прагматическое и когнитивное измерение? И насколько универсальна эта взаимосвязь?

Не претендуя пока на масштабные обобщения, рассмотрим лишь один историографический случай, где «сознательная рефлексия» вынуждена признать ограниченность своих универсалистских претензий — концепцию постпамяти профессора Колумбийского университета Марианн Хёрш (1949–), которая в 1950-е гг. эмигрировала вместе с родителями из Венгрии, в 1970 г. окончила университет Брауна и, начав академическую карьеру в рамках гендерных исследований³, в 1990-е гг. переключилась на визуальную проблематику и обратилась к *memory studies*. Она стала широко известна как в США, так и в Европе не столько как активный организатор целого ряда конференций по этой проблематике⁴, сколько благодаря оригинальной концепции постпамяти, ставшей результатом довольно длительной эволюции ее взглядов⁵.

Одной из первых работ Хёрш стала книга «The mother/daughter plot», название которой условно можно перевести как «Сюжет дочки-матери: нарратив, психоанализ, феминизм» (1989). Актуальная для 1980-х годов попытка совместить исследования нарратива, постлакановский психоанализ и гендерную критику четко обозначена в подзаголовке работы. Однако уже здесь они интересуют автора как ключ к пониманию более общего механизма культурного наследования социальных и гендерных ролей⁶.

---

³ Напомним, что американское сообщество *women's studies* неразрывно связано с левым политическим активизмом. Так что интерес к теоретическим проблемам и истории женского движения у М. Хёрш всегда сочетался с участием в пикетах и выступлениях — например, в 1991 г., 2002 г. и т.д. Подробнее см.: *Hirsch*. 2009.

⁴ *The Familial Gaze*. 1999; *Teaching the Representation...* 2004; *Rites of Return...* 2011; etc.

⁵ Показателем этой популярности стало широкое распространение понятия «постпамять» в американских *cultural studies* и за их пределами. Например, в январе 2012 г. прошла фото-выставка Габриэля Кроппи «Шоа и постпамять», одним из кураторов которой стала М. Хёрш; в апреле 2013 г. Колумбийский университет провел конференцию «Постпамять и творчество»; к сентябрю 2013 г. Маржена Соколовска-Париц из университета Варшавы и Мартин Лешниг из университета Граца издадут сборник «Великая война и пост-память: литература, драматургия и кино». В США по этой проблематике уже защищено несколько докторских диссертаций. См. также: *Dawson*. 2010; *Geschier*. 2006; *Kaplan*. 2011; etc.

⁶ *Hirsch*. 1989. P. 222.

Хёрш считает, что европейская культура репрессирует и вытесняет память о неразрывной взаимосвязи ребенка и матери на до-эдипальной фазе развития психики, замещая ее моделью господства в социальных и гендерных отношениях. И основным транслятором этой идеологии господства оказывается классическая литература, с ее акцентом на линейный нарратив и мимесис⁷. Даже «сюжет» [plot] взаимоотношений матери и дочери (начиная с Иокасты и Антигоны, Клитемнестры и Электры) определяется через фигуры мужа или отца. Ключевую роль в этом замещении играют «семейные рамки памяти» – активные и переменные механизмы посредничества между индивидом и социальными макроструктурами, отвечающие за включение человека в разного рода коллективные идентичности, ключевым образцом для которых выступает семья. Хёрш пытается найти альтернативные культурные практики, не ориентированные на господство и «неклассические» сюжеты (например, миф о Деметре и Персефоне с его циклическим временем, порывающим с линейностью классического нарратива). В этом контексте ее начинают в большей степени интересовать травмированная память, траур и молчание.

Ее следующая книга – «Семейные рамки: фотография, нарратив и постпамять»⁸ (1997) – прямо продолжает эту линию. Однако подзаголовок показывает, что теоретический уровень (психоанализ и феминизм) становится для автора менее важен, чем уровень посредников — семейной фотографии и (пост)памяти, говоря о которых исследователь не может занять отстраненной позиции, но оказывается неизбежно пристрастен и вовлечен в актуальные отношения. Отправной точкой Хёрш становится саморефлексия о роли образов своих близких в конструировании семейной памяти. Отталкиваясь от знаменитой работы Р. Барта «Camera Lucida», она отмечает, что важные для нас семейные фотографии продолжают «ранить» – создавать некий трудноуловимый *укол* или *punctum*. Символический (семиотический) уровень явно не достаточен для понимания воздействия этих образов. Именно поэтому Барт и не показывает в своей книге фото матери – не хочет делать из него объект для клишированных жестов кодирования и психоаналитических манипуляций. Продолжая мысль Барта, Хёрш рассматривает фотографию не

⁷ Ibid. P. 53.

⁸ Хёрш сознательно играет на многозначности слова *frame*, означающего не только рамку или каркас, но и остов, скелет, остаток, реликт, а также кадр, структурную единицу, систему и т.д. Выражение *family frame* («семейные рамки») лишь отчасти отсылает к предельно влиятельной социологической традиции М. Хальбвакса или фрейд-анализу Г. Бейтсона и Э. Гоффмана. Отсутствие прямых ссылок на их тексты у Хёрш можно считать показателем специфики ее взглядов, которая требует отдельного и обстоятельного анализа в контексте полемики внутри фрейд-анализа.

просто как лакуну или значащее отсутствие, но и как некое позитивное сопротивление – стратегию выживания, памяти и свидетельства. Фотография как медиум несводима к нейтральному, кодированному культурой образу, автоматически воздействующему на зрителя. Для Хёрш это, с одной стороны, материальный остаток (frame как *остов*), с другой стороны – *кадр* и материальный образ, но также и практика *включения* в определенную общность как основа поддержания двусторонних семейных связей между поколениями⁹.

Поэтому обмен взглядами с фотографией работает как перформатив – меняет зрителя, вызывая аффект и заставляя постоянно переосмысливать сами «семейные рамки». Последние в XX в. оказались взорваны войнами и насилием предельных исторических событий, поэтому вернуться к прежним моделям «традиционных семейных ценностей» просто невозможно. По мнению Хёрш, для работы с двусторонней семейной памятью словарь классической истории не очень подходит – необходим новый язык или система значений, соответствующих невербальному языку зрения («бессознательной оптике» В. Беньямина). Этот язык должен пересмотреть старые символические коды – устойчивые представления о семейных ролях, образ «идеальной» буржуазной семьи.

Парадигматическим примером, поясняющим этот феномен переосмысления и конструирования публично-приватного пространства, для Хёрш становится проект Арта Шпигельмана «Маус», выражающий, прежде всего, работу семейной памяти (его отношения с отцом и матерью, прошедшими через Холокост) и переосмысление связей между поколениями «выживших» и «родившихся позже». Фотографии здесь оказываются инкорпорированы в ключевые места «комикса» – чередования рисованных образов и текста, которое вслед за У.Т. Митчеллом Хёрш называет «образ-текст» (*imagetext*). Они одновременно подтверждают прошлое и подчеркивают неустранимость временной дистанции¹⁰. Единый мастер-нарратив или некое универсальное символическое посредничество здесь вряд ли возможно. Поэтому, по аналогии с лиотаровским «состоянием постмодерна» или понятием «пост-медиума» Р. Краус, Хёрш говорит о «постпамяти».

Продолжая работать с этой проблематикой в 2000-е гг. Хёрш пишет серию статей, которые объединяет в монографию «Поколение постпамяти». Кроме того, вместе с мужем Лео Шпитцером и родителями она совершает три поездки в Черновцы — небольшой город Придне-

---

⁹ Hirsch. 1997. P. 6-7.

¹⁰ Ibid. P. 23.

стровья, где их семья жила до второй мировой войны, по итогам выпускающей книгу «Призраки дома»¹¹. В этих текстах она более детально разрабатывает свою концепцию и артикулирует ее отличие от приобретающих все большую популярность исследований травмы, настаивающих на радикальном разрыве репрезентации.

Хёрш готова присоединиться к сторонникам *trauma studies* в противопоставлении истории и памяти: «Телесные, психические и аффективные воздействия травм, их последствия и те пути, которыми та или иная травма может реактивировать другую, выходят за рамки традиционных исторических архивов и классической исторической методологии»¹². По мнению Хёрш, эта проблематика затрагивает более общие вопросы этики воспоминания и теории репрезентации. Для памяти важна не столько объективность (она всегда субъективна, точнее субъектна), сколько стремление к справедливости, что оправдывает разделение и даже противопоставление в рамках *trauma studies* «экзистенциального свидетельства» о предельных исторических событиях (*witnessing*) и неизбежно неполного, но обладающего важным этическим измерением, «свидетельского показания» (*testimony*)¹³. Не менее важно для Хёрш и признание ограниченности проработки прошлого, где когнитивный импульс саморефлексии все же преодолевает аффект и выходит за рамки навязчивого повторения. По ее мнению, для поколения выживших в большей степени характерен раскол между ностальгией по прошлому и травмированной памятью: «Выживший должен отделить ностальгическую память от памяти травматичной, чтобы усилить позитивные аспекты ностальгии. <...> Однако во время путешествия [в Черновцы] ‘позитивное прошлое’ оказалось перекрыто ‘негативным прошлым’. Ностальгия не стыкуется с негативной и травмированной памятью, что вызывает амбивалентные ощущения»¹⁴.

С другой стороны, для Хёрш фотография – не просто след и материальный остаток¹⁵, но еще и действие соотнесения себя с неким сообществом – семьей. И эта специфика фотографии как медиума по сравнению с письмом (важным для Ш. Фелман и Дж. Хартмана) и голосом раны дру-

---

¹¹ Hirsch, Spitzer. 2010.

¹² Hirsch. 2012. P. 2.

¹³ Подробнее об этой полемике см.: Кобылин, Николаи. 2011. С. 143-149.

¹⁴ Hirsch. 2006. P. 260-261.

¹⁵ «Историки искусства и сторонники семиотики рассматривают фотографию как след. Понятие следа или индекса относится к материальной, физической и потому предельно важной связи между образом и референтом». И далее: «Картинка ‘материализует’ память». Hirsch. 2001. P. 13, 14.

гого (на котором делает акцент К. Карут) принципиально важна для Хёрш. «Фотография стала парадигматическим медиумом поколения пост-холокоста»¹⁶. Важно отметить также, что если сторонники *trauma studies* отмечают прямой, непосредственный характер воздействия прошлого, то Хёрш уравнивает в правах посредническую роль фотографий и текстов, устные и видео-свидетельства, которые, конечно же, часто влияют друг на друга. История у Хёрш через интернализацию превращается в постпамять, связывающую и одновременно разделяющую между собой разные поколения: она передает силу аффекта и не позволяет забыть прошлое, хотя и не предлагает его прямых репрезентаций. В этом смысле постпамять исходит не из логики идентичности, но становится посредником (точнее, пост-медиумом) между поколениями¹⁷. И в этом позиция Хёрш оказывается ближе оппонентам *trauma studies* – сторонникам интеллектуальной истории, в частности Д. ЛаКапра.

«Для переживших травму граница между поколениями – это брешь между травмированной памятью, укорененной в [их собственном] теле, и опосредованным знанием рожденных позже»¹⁸. Если для поколения прошедших Холокост родителей Хёрш важна персональная, укорененная в специфическом опыте выживания «травмированная память», то для ее собственного поколения «родившихся позже» – инициаторов *memory- и trauma studies* – неизбежна работа широкого спектра *частично опосредованных* семейными рамками отношений траура и ностальгии, проработки и отыгрывания, эмпатии и аффективного повторения. «Если наши родители, возвращаясь в Черновцы, надеялись найти хоть какие-то следы своего прошлого, для нас – поколения постпамяти – возвращение не могло стать средством восстановления [примирения с прошлым] и обретения покоя. Унаследовав осколки памяти (как позитивной, так и негативной), мы не могли надеяться на воссоединение этих фрагментов. Для нас это путешествие стало процессом поиска – творческим проводником контакта, способствующим встрече ностальгической и негативной памяти»¹⁹.

В этом контексте становится понятен и смысл подзаголовка последней работы Хёрш — «Письмо и визуальная культура после Холокоста». Известные слова Т. Адорно о невозможности поэзии после Аушвица иллюстрируют собой линейного нарратива и кризис исторической памяти для «поколения выживших». Но для «родившихся позже» отдельные об-

---

¹⁶ Hirsch. 2012. P. 29.

¹⁷ Ibid. P. 27.

¹⁸ Hirsch. 2006. P. 71-72.

¹⁹ Hirsch. 2006. P. 263.

разы и воспоминания детства все-таки можно косвенно заключить в некие социальные и когнитивные рамки, пусть ограниченные и неполные. С этой точки зрения, сам рост *memory studies* в 1980-90-е гг. представляется именно саморефлексией поколения «родившихся позже»²⁰. Поэтому, кстати, и для тех, и для других необычайно важны визуальные источники. Но если для поколения выживших они представляют собой разрозненные материализованные образы, то для их детей они, скорее, дают пример косвенной референции и парадоксального перевода – выстраивания сообщества смыслов, несводимого к линейному нарративу.

Впрочем, Хёрш утверждает, что жизнь ее родителей также оказалась сформирована как отношения постпамяти с миром своих предков в империи Габсбургов: «Мир, в котором выросли Лотта и Карл Хёрш, а также их современники был уже сформирован ‘постпамятью’ – опосредованным отношением к потерянному, по выражению С. Цвейга, ‘вчерашнему миру’. Миру, который они сами унаследовали от родителей и дедов, пользовавшихся всеми преимуществами жизни еврейской диаспоры при Габсбургах»²¹.

***

Возвращаясь к вопросу о границах универсальных претензий «когнитивного» измерения памяти, следует отметить, что концепция М. Хёрш выявляет существенный зазор или цезуру между позициями разных поколений исследователей. Для поколения, прошедшего вторую мировую войну и пережившего Холокост, стремление к рациональному осмыслению прошлого оказывается принципиально важным, но фактически не достижимым – настолько мощные силы аффекта и шока он пробуждает. Для их детей, чье детство пришлось на уже послевоенное время, арсенал классической рациональности оказывается ограничен этическими соображениями: признание разрывов и лакун исторической (пост)памяти представляется им крайне важным противоядием циничному «присвоению» опыта Другого. Такое присвоение становится сегодня все более распространенным и востребованным. Как пишет Хёрш, «В этом смысле память сменила понятие идеологии, став основой новой общности, объединяющей индивидов, семьи и разные сообщества травмы»²². В этом контексте приставка *пост-* обозначает важный барьер или этическую границу, признание отличия опыта разных поколений и со-

---

²⁰ Hirsch. 2012. P. 2.

²¹ Hirsch, Spitzer. 2010. P. 256.

²² Hirsch. 2012. P. 26.

циальных групп, что, впрочем не исключает готовности к критической саморефлексии и рациональному сравнению взглядов на прошлое. Лишь при полном равноправии этих модальностей можно понять «единство в многообразии» исторической памяти – «одновременного признания идеи существования множества разных историй и идеи единства исторического опыта»²³.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильев А.Г.* Современные memory-studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-49.
- Кобылин И.И., Николаи Ф.В.* М. Джей и Д. ЛаКапра: две стратегии критики возвышенного // Топология возвышенного в современных гуманитарных исследованиях / Под ред. А.В. Хазиной. Н. Новгород: НГПУ, 2011. С. 141-162.
- Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образ прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
- Репина Л.П.* «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 181-190.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
- Трубникова Н.В.* История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 121-131.
- Dawson G.* Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003 // The Politics of Cultural Memory / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230-252.
- Geschier S.* Narrating the Holocaust to Younger Generations: Memory and Postmemory in the Cape Town Holocaust Centre // International Journal of Historical Learning, Teaching and Research. 2006. Vol. 6. [<http://centres.exeter.ac.uk/historyresource/journal11/Geschier.pdf>]
- Hirsch M.* “What We Need Right Now Is to Imagine the Real”: Grace Paley Writing against War // PMLA. 2009. Vol. 124. No. 5. P. 1768-1777.
- Hirsch M.* Surviving Images: Holocaust Photographs and the Work of Postmemory // The Yale Journal of Criticism. 2001. Vol. 14. No. 1. P 5–37.
- Hirsch M.* The Mother/Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism. Bloomington: Indiana University Press, 1989. 260 p.
- Hirsch M.* Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, MA: Harvard College, 1997. 320 p.
- Hirsch M.* Marked by Memory: Feminist reflections on Trauma and Transmission // Journal of Modern Jewish Studies. 2006. Vol. 5. P. 71-91.
- Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 320 p.
- Hirsch M., Spitzer L.* “We Would Not Have Come Without You”: Generations of Nostalgia // American Imago. 2002. Vol. 59. No. 3. P. 253–276.

---

²³ Репина. 2012. С. 185.

- Hirsch M., Spitzer L.* Ghosts of Home: The Afterlife of Czernowitz in Jewish Memory. Los Angeles: University of California Press, 2010. 362 p.;
- Kaplan B.A.* Landscapes of Holocaust Postmemory. N.Y.: Routledge, 2011. 272 p.
- Rites of Return: Diaspora Poetics and the Politics of Memory. / Ed. by M. Hirsch and N.K. Miller. N.Y.: Columbia University Press, 2011. 328 p.
- Teaching the Representation Of The Holocaust. / Ed. by M. Hirsch and I. Kacandes. Modern Language Association of America, 2004. 512 p.
- The Familial Gaze / Ed. by M. Hirsch. Hanover: U.P. of New England, 1999. 498 p.

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru.

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; anph1@yandex.ru.

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ

А. Л. ТУРКЕВИЧ

«...ВОТ ПРАВДА, С КОТОРОЙ Я ВСТУПАЮ В НОВУЮ ЖИЗНЬ»

ИСТОРИК В ДНЕВНИКЕ, ДНЕВНИК КАК ИСТОРИЯ

Статья посвящена дневниковым записям советского историка-медиевиста В.Е. Майера, составленным в 1946-1947 г. Автор рассматривает не вводившиеся ранее в исторической оборот, дневники Майера с точки зрения отражения в них внутреннего мира молодого историка.

Ключевые слова: В.Е. Майер, дневник, источники личного происхождения, УГПИ.

В 2013 г. исполняется 95 лет со дня рождения известного советского историка-медиевиста профессора Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера (1918–1985). Знаменательная дата побуждает нас обратиться к изучению не только его научного наследия, но и непростого жизненного пути, которым шел историк, добываясь признания в отечественной и мировой науке. Сложность этого пути была вызвана далекими от самой науки причинами: ответственный для любого ученого период подготовки и написания кандидатской диссертации выпал для В.Е. Майера, на 1946–1955 годы, когда историку пришлось преодолеть немало разного рода трудностей и преград, начиная от кадровых неурядиц в Удмуртском педагогическом институте и заканчивая ограничениями в передвижении по стране, связанными с его статусом «спецпоселенца»¹. Сравнительно слабая изученность этого жизненного периода ученого связана с незначительным объемом аутентичных источников, включающих в себя воспоминания его вдовы Б.П. Сысоевой и разрозненные, весьма малочисленные архивные документы. В этой связи большой интерес представляют дневниковые записи В.Е. Майера, до настоящего времени не привлекаемые в качестве исторического источника.

Важно отметить следующий момент – Василий Евгеньевич Майер писал *всегда*: дневники, путевые заметки, письма коллегам и родным, не говоря уж о научных и публицистических статьях и монографиях. Однако если последние активно использовались и используются исследователями при изучении майеровского наследия, то с введением в научный оборот документов личного происхождения дело обстоит сложнее. Несмотря на публикацию писем В.Е. Майера и его научного руководителя

---

¹ Подробнее см.: Профессор Василий Евгеньевич Майер ... 2012. С. 22-35.

М.М. Смирин, изучение майеровской переписки 1970–80-х гг., принятое Д.А. Черниенко, издание воспоминаний Б.П. Сыроевой, включающих в себя отрывки из писем и записных книжек историка², остается признать, что это лишь незначительная часть документов, оставленных Майером. Обращаясь к дневникам, мы можем не только заполнить какие-то лакуны биографического характера, но и ответить на вопросы о проблемах самоидентификации, стимулах профессиональной деятельности, мотивах принятия решений в той или иной ситуации, которые не всегда очевидны и редко обнаруживаются в научных текстах³.

Современные учебные пособия по источниковедению⁴, характеризуя познавательную ценность дневников, выделяют несколько специфических черт, которые могут быть верными, в том числе и для рассматриваемого нами документа. Во-первых, в подобных источниках практически отсутствуют так называемые ошибки памяти, что делает их точными с фактографической точки зрения. Во-вторых, среди тех, кто вообще склонен к ведению дневников, преобладают образованные, интеллектуальные люди, расположенные к рефлексии и самоанализу, для которых он – средство, чтобы выразить свои переживания, проблемы, чувства. В-третьих, в дневник заносились очень личные мысли и переживания, которые не предназначались для прочтения посторонними, изучения и, уж тем более, публикации. Поэтому перед исследователем, в том числе и перед нами, встает моральная дилемма: насколько уместно, допустимо ли вообще по отношению к фигуре самого автора и его родным использовать дневник как исторический источник, анализировать, выносить на суд общественности те или иные выдержки из его содержания. Мы решили подойти к этому вопросу максимально тактично: не вдаваясь в описываемые в дневнике подробности личной жизни В.Е. Майера, сосредоточиться на тех эпизодах, которые характеризуют его убеждения, принципы, на творческой составляющей источника.

В нашем распоряжении имеются дневниковые записи В.Е. Майера, охватывающие период с 5 апреля 1946 г. по 14 сентября 1947 г., т.е., как мы видим, относительно небольшой промежуток времени⁵. Записи сде-

---

² Письма учителю и другу... 2009. С. 316-355; Черниенко. 2009; Профессор Василий Евгеньевич Майер... 2012.

³ Черниенко. 2009. С. 166.

⁴ См.: Источниковедение новейшей истории России ... 2004. С. 329-331.

⁵ Дневник, о котором идет речь, разделен на 2 части: первая хранится в ГКУ Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (ЦДНИ УР, Ф. 5014. Оп. 1. Д. 7), вторая – в архиве кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ. По-видимому, это самый ранний из сохранившихся майеровских дневников, но, разумеется, не единственный и не последний. К собственно дневникам примыкают записи,

ланы от руки в обычных ученических тетрадах. К сожалению, не сохранилась обложка этого дневника или его титульная страница, и мы не можем сказать был ли он оформлен неким специальным образом. Кроме того, в самом документе отсутствуют какие-либо авторские указания на причины, побудившие его вести дневник, и на то, какие цели он преследует. Связано это, по-видимому, с тем, что у В.Е. Майера существовала и раньше практика их ведения, но ее результаты не дошли до наших дней.

В указанный период В.Е. Майер не придерживался ежедневного ведения записей – они заносились в дневник время от времени, в связи событиями, имевшими для него особое значение, либо когда автор был «расположен» к этому и имел достаточно свободного времени. Так, первая запись относится к 5 апреля 1946 г., следующая – к 7 апреля того же года, а затем наступает почти двухмесячный перерыв – записи возобновляются в июне 1946 г.; после этого они вообще не велись в течение более 9-ти месяцев. Подобное «непостоянство» характерно для всего дневника. Данными самого документа невозможно объяснить, почему именно в те или иные промежутки времени В.Е. Майер не обращался к своему дневнику: нет никаких авторских указаний на то, с чем связаны временные лакуны, так же как и сами заметки не дают ответа на этот вопрос.

В содержании дневника можно условно выявить несколько сюжетных линий, проблемных блоков, единичных или время от времени возобновляемых. Первый из них – собственно описание текущих событий в жизни В.Е. Майера. Некоторые из них краткие, в одну–две строки: «21. IV. 1947. Завтра надо быть в школе. Мальчик. Радиоприемник. Мысли. Пурга. Лес. Ночевка. Табани⁶ и школа», – и представляют собой нечто среднее между памяткой в ежедневнике и тезисным описанием прошедшего дня. Однако большинство таких заметок носят развернутый характер: не простая констатация фактов, а их анализ и осмысление.

«Смотрели вчера “Русский в.<опрос>” Симонова⁷», – пишет Майер 1 апреля 1947 г., выделяя образы главных персонажей и актерскую игру. Майеровские характеристики яркие, насыщенные и искренние, не лишённые, впрочем, определенного схематизма: «Гальнбек (исполнитель роли Макферсона – А.Т.) очень подходит к такой агрессивной фигуре

составленные в экспедициях, в которых Майер принимал участие, и тетрадь взаимопосещений, которая педантично велась при кафедре всеобщей истории УдГУ.

⁶ Табани – национальное удмуртское блюдо, представляющее собой лепешки или толстые блины из дрожжевого теста.

⁷ «Русский вопрос» – пьеса К.М. Симонова, написанная в 1946 г., сюжет которой развивается вокруг американского журналиста, командированного в СССР для написания уничтожительной книги, но не поступившего своими убеждениями, отказавшись писать заведомую ложь.

алчного финансиста. Волосы белые, лицо чистое, светлое, живые звериные глазки над хищным носом американца. Играет он живо и реально», «Смит не наш, не русский герой, он не так прямолинеен, он и не так хитер, но он прост, он чист, он даже горд...». Пьеса вызвала у Майера живой интерес, и, спустя две недели, он выступил на ее обсуждении (повидимому, в Институте) с характеристикой образа Макферсона. В соответствии с духом времени и с собственными убеждениями, Майер видит в нем врага, сильного во всех отношениях, которого «мы ненавидим всей душой». Подобные, довольно распространенные комментарии он давал всем культурным событиям, нашедшим отражение в его дневнике. Освещая события вечера художественной самодеятельности студентов УГПИ, он перечисляет виды номеров («пели в одиночке, вдвоем, втроем, хором, плясали, чтецы читали...»), отмечает особо удачные и запомнившиеся («поражала ее неподражаемая мимика, ее жесты, ее фантазия, ее легкость») и делает общий вывод о роли сценического искусства как самого «доходчивого после кино».

Близки к таким описаниям заметки о педагогической деятельности историка. Их, к сожалению, не много, но они представляются весьма ценными, так как характеризуют и самого Майера как педагога, и его требования к студентам. 22 марта 1947 г. он пишет в дневнике: «Сегодня я провел первое политзанятие со 2-м курсом. Тема: Послание Трумэна конгрессу». Несмотря на явную неохоту, с которой студенты шли на занятие, Майер отмечает, что ему удалось их воодушевить, заставить слушать и вникать. Видя серьезную разницу между студентами УГПИ и столичными (напомним, что сам Майер окончил исторический факультет МГУ) в плане политической подкованности, он замечает, что особо важно привить в них привычку к чтению газет. Эту миссию он возлагает на себя: «они должны все знать и они будут знать. ...Постараемся». Предъявляя высокие требования к студентам, Майер активно использовал термины и понятия, незнакомые учащимся, что вынуждало их специально записывать, спрашивать значение: «необходимость заставляет нас трудиться», – подчеркивает историк.

Конечно, изложение текущих событий касалось не только вопросов культуры или преподавания – В.Е. Майер не мог обойти своим вниманием перипетии личной жизни, но этот аспект им освещался сжато и лаконично. Однако именно в этих записях ярко прослеживается то, что мы бы назвали характером, духом дневника, то, что весьма важно для понимания внутреннего мира и душевного состояния его автора. Если ранние записи Майера часто касаются трудностей и недопонимания в отношениях с близкими («Я иногда очень крут, а это мешает общему

делу» и т.п.), то последующие носят более позитивный характер: «Все-таки хороша жизнь!», – подводит он итог первому году в супружестве. Большим событием для него стало рождение ребенка: «Я бесконечно счастлив», – пишет он по этому поводу⁸.

Следующий тематический блок, вплотную примыкающий к первому, можно назвать ретроспективным, так как он представляет собой авторские обращения к прошлому, которые были навеяны ему событиями текущих дней. Собственно, этим и начинается дневниковое повествование – с воспоминаний В.Е. Майера о школьных днях, когда он познакомился со своей первой супругой Екатериной; поводом к описанию этого сюжета стала его повторная женитьба. По всей видимости, в этот жизненный период Василий Евгеньевич чувствовал острые внутренние противоречия: с одной стороны, чувство долга и совесть не позволяли ему оставить первую жену с двумя детьми на попечение престарелых родителей, переселенных в Сибирь, с другой, понимая, что больше ее не любит, а любит другую, он страстно желал начать новую жизнь, на новом месте, отбросив в прошлое тяготы войны. Выбранный им путь был отрицательно встречен общественным мнением, осознавая, что ему не с кем поделиться своими душевными переживаниями, Майер на страницах дневника излагает историю встречи с первой женой, совместной жизни и причины своих последующих действий. Выражено это в форме своеобразного монолога – ответа на письмо от анонимного адресата, приводимое автором дневника в качестве эпиграфа, в котором он порицается за свой поступок. Но, несмотря на развод с первой женой, Василий Евгеньевич не забывал о детях от этого брака и проявлял о них посильную заботу: «Алику 9 лет! Привез ему в январе костюмчик. Он очень обрадовался, и все дни моего пребывания щеголял в нем», – пишет Майер 23 марта 1947 г.

Заметим: в первые послевоенные годы В.Е. Майеру, этническому немцу, приходилось непросто в совершенно чужом городе, где не было ни знакомых, ни родных. Но именно женитьба на Б.П. Сысоевой, с которой он познакомился еще в годы войны, была для него шансом начать с начала: «я сейчас оплеванный, оклеветанный, но я чувствую, что я живу, что у меня будут новые стремления жить... вот правда, с которой я вступаю в новую жизнь», – подводит итог своим воспоминаниям и первым дням в новом качестве Василий Евгеньевич.

Еще одно обращение Майера к прошлому также вплотную связано с событиями текущих дней. «Недавно в расстоянии не более 500 м. от

---

⁸ Речь идет о Валерии Вильгельмовиче Майере, родившемся 20 июня 1947 г.; сейчас – доктор педагогических наук, специалист по дидактике физики.

института открылась церковь⁹. Как-то молодежь даже заговорила о том, что следовало туда сходить. Меня нисколько она не интересует», – пишет он 7 апреля 1946 г. Объясняя причины своего «неинтереса» к делам церкви, Майер связывает это с детством, школьными годами. Несмотря на то, что его предками были протестанты-меннониты, переселившиеся на территорию Украины еще в годы царствования Екатерины II, к 1920–30 годам его семья уже не относилась к этому течению. Вспоминая события тех лет, Майер описывает свою мать, Матильду Федоровну, как человека религиозного, но яркого антиклерикала, не признававшего ни церковь, ни священнослужителей. Не без ее влияния и в самом Василии Евгеньевиче сформировалось неприятие церкви и религии вообще. Сыграла свою роль, по-видимому, и советская воспитательная модель: «в церковь я перестал ходить с первого дня посещения школы», – замечает автор дневника, а характеризуя с. Зеленое Поле и местную школу¹⁰, он обосновывает их отсталость, главным образом, тем, что кроме него там не было пионеров, зато одноклассники знали религиозные песни¹¹.

Для В.Е. Майера родным языком был немецкий, и на протяжении всей жизни ему приходилось постоянно учиться, совершенствоваться в русском языке, в том числе и при помощи своего дневника¹². Время от времени он делал в нем небольшие заметки, представляющие собой фразеологизмы или просто понравившиеся ему выражения, с помощью которых он хотел расширить словарный запас и повысить культуру устной речи. Эти заметки мы можем выделить в очередной проблемный блок в структуре дневника. «Не ходи по косогору – сапоги источишь; голова то с овин, да в овине то клин; в чужую кашу свою ложку не сунь», – читаем мы записи в дневнике от 30 марта 1947 г. Иногда таки-

---

⁹ Речь идет о соборе Св. Троицы, возведенном еще в начале XIX в., но закрытом в 1930-е гг. Его повторное открытие и первая служба состоялись 17 марта 1946 г.

¹⁰ С. Зеленое Поле (сейчас – в Криворожском районе Днепропетровской области Украины) – бывшая немецкая колония Грюнфельд, где В.Е. Майер жил у своего брата Оскара в 1931–1934 гг.

¹¹ Подобное отношение к церкви В.Е. Майер сохранял на протяжении всей жизни: в 1960–70 гг. он был председателем научно-методического совета по атеизму при Удмуртском отделении общества «Знание», а также автором ряда статей на антирелигиозную тематику в ижевской периодической печати и брошюры «Что такое христианство», выдержанной в атеистических тонах. При этом Майер далек от огульной критики церкви: свою точку зрения он высказывает корректно и аргументированно.

¹² Сам дневник является свидетельством несовершенного знания Майером русского языка в те годы: орфографических ошибок практически нет, но встречаются пунктуационные, а также стилистические неточности, например, употребление слова «эпитет» в значении «эпиграф». В целом, однако, у читателя не возникает ощущения, что автор писал на неродном для него языке.

ми фразеологизмами Майер заполнял 1-2 страницы, и тогда они становились основой описания указанного дня, а иногда они лишь предваряли последующие замечания и занимали, соответственно, уже 2-3 строки. Как отмечает Б.П. Сысоева, практика таких записей сохранялась у него и в дальнейшем и они часто составлялись на основе литературных произведений, например, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле¹³.

Майер стремился к совершенствованию не только устной речи, но и письменной. Уже сам факт того, что дневник велся не на немецком языке, а на русском, говорит о заинтересованности автора в том, чтобы укрепить навыки владения последним. Хотя, конечно, свою роль здесь мог сыграть фактор едва окончившейся войны: оказавшись в руках недоброжелателей дневник на немецком языке сильно скомпрометировал бы автора.

Весьма интересны небольшие литературные опусы, объемом до четырех страниц, встречающиеся среди дневниковых записей. Некоторые из них озаглавлены, например «Мальчик-шофер», другие – нет, но при этом нигде нет указаний на их авторство. Попытка определить его с помощью поисковых систем сети интернет (запросы осуществлялись и по названию, и по отдельным словосочетаниям) не дал результата; это, а также «внешний вид» текста в рамках дневника, включающий помарки и авторские правки, вплоть до нескольких вычеркнутых строк, позволяют нам с большой степенью уверенности предположить, что Майер не просто переписывал понравившиеся ему произведения, а являлся их автором.

Без специальной филологической подготовки, наверное, не стоит браться оценивать художественную ценность этих мини-повестей, однако в наших силах провести их общий анализ. Первое, что бросается в глаза при их прочтении, – это стремление автора создать (или описать, поскольку персонажи, наверняка, имели своих прототипов) яркий образ своих героев. Иногда опус полностью состоит только из подобной характеристики: «Александрич – старик, сбившийся с пути. Он редко бывает дома. ...Бывает, он зарабатывает много, тогда он и кутнет, да иногда так, что среди зимы в одной рубашке его увозят домой. ...Старик – забавный. У него целая энциклопедия народных поговорок, пословиц, изречений. Он хитер, как мужик, но чем-то обижен. Эта обида давняя, всеми уже давно забытая, но она тяжелым камнем легла у него на сердце. Может ли он ее когда-нибудь забыть? Нет, уже поздно, ближе могила, чем возможность сделать это». Образ далеко не идеальный, со своими положительными и отрицательными чертами, и для майеровских героев это характерно в целом.

---

¹³ Профессор Василий Евгеньевич Майер ... 2012. С. 31-32.

Иван Степанович, персонаж другого рассказа, яркая зарисовка с натуры, представлен в двух ликах: дома – это тиран и скряга, он постоянно третирует жену, мелочно обвиняет ее за мнимое расточительство (выпила больше чая или съела больше мяса за ужином), а сам не принимает участия ни в воспитании ребенка, ни в хозяйственных заботах; но в институте – это совершенно другой человек: хороший организатор, лектор, любимый студентами, внимательный, обходительный, деловитый. Сам Майер, точнее сказать автор-повествователь, называет его «странным человеком», «исключением в наше время».

Единственный строго положительный герой в майеровских зарисовках – это Веня Ложкин из повести «Мальчик-шофер», наверное, самой «художественной» из представленных в дневнике, в том плане, что действие в ней разворачивается не вокруг привычной для Майера сельской или институтской жизни, и автор здесь не просто облекает в литературную плоть свои наблюдения и замечания, а создает что-то настоящему новое. Отсюда и гораздо большее, чем раньше, число исправлений в тексте. Главный герой – мальчик-самоучка, увлекающийся автомобилями, скромный и застенчивый, но, стремящийся стать шофером и добивающийся этого благодаря таланту и упорству. Этому персонажу автор определенно симпатизирует.

Выделение в структуре дневника нескольких тематических блоков позволяет нам не только осмыслить информацию, содержащуюся в нем, но и обратить внимание на то, какие аспекты здесь не затронуты, хотя мы могли бы на это «рассчитывать». Речь идет о кандидатской диссертации, которая была защищена Майером в 1955 г.¹⁴ Сложно сказать, когда именно Василий Евгеньевич решил посвятить свою жизнь науке: его переписка со своим научным руководителем М.М. Смириным по вопросам будущей диссертации завязалась в 1951 г.¹⁵, но трудно представить, что мысли о научной работе и ее направлениях не посещали Майера раньше, возможно, и в годы составления дневника, имеющегося в нашем распоряжении. Не ясно, однако, почему в таком случае это не нашло отражения в нем. Впрочем, это ничуть не умаляет ценность майеровского дневника как исторического источника.

Охватывающий непродолжительный отрезок времени дневник, тем не менее, предоставляет исследователю массу сведений и информации. Здесь ярко прослеживается эволюция внутреннего мира молодого историка: на смену упадку и депрессии первых страниц дневника при-

---

¹⁴ Майер. 1955.

¹⁵ Письма учителю и другу... 2009. С. 316-355.

ходят надежда и новые стремления последних. Важна для нас и собственно историческая, фактическая сторона документа, отражающая не только события 1946-1947 гг., но и школьные годы жизни В.Е. Майера, являющиеся настоящим белым пятном в его биографии. Дневник раскрывает убеждения и ценности автора, особенности его характера – постоянное стремление к совершенствованию, все то, что в конечном итоге определяет Майера как ученого: принципы работы, научные и общественные интересы, педагогическая составляющая.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. 686 с.
- Майер В.Е.* Уставы (Weistumer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1955.
- Майер В.Е.* Что такое христианство. Ижевск, 1960.
- Симонов К.М.* Русский вопрос // *Симонов К.М.* Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. М., 1970. С. 351-422.
- Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера // Средние века. Вып. 70 (1-2). М., 2009. С. 316-355.
- Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. 418 с.
- Черниенко Д.А.* Историк и время (из научной переписки профессора В.Е. Майера) // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 166-175.
- Туркевич Андрей Львович*, аспирант Удмуртского государственного университета, andreylt1988@ya.ru

А. С. МАХОВ

РОЙ РОЗЕНЦВЕЙГ ДЕЛАЯ ИСТОРИЮ ПУБЛИЧНОЙ

Автор прослеживает научную биографию американского историка Роя Розенцвейга на фоне появления и развития новых историографических направлений – новой социальной, публичной и цифровой истории. В центре статьи – проблема взаимодействия историка с его аудиторией, исследования в области публичной истории.

Ключевые слова: либерализм, гражданское общество, свобода, представительство, метод истории понятий, региональные традиции.

Трудно представить работу историка вне связи с обществом, в котором он живет, но понимание степени и важности этого взаимодействия всегда было различным. Во второй половине XX в. существовало несколько больших историографических направлений, по-разному подходивших к созданию исторического нарратива и работе с читательской аудиторией, в зависимости от того, как представлялась природа исторического знания, функции истории и историка в обществе. Первый подход, ставший к тому времени традиционным и часто называемый позитивистским, сосредотачивался на тщательной работе с источником, определении его достоверности и последующем вписывании его в картину исторического процесса, в результате чего получалось некоторое приращение позитивного (научного) знания. Для этой традиции характерно малое внимание к теории и концентрация на описании исторической реальности¹. Несмотря на то, что отдельные работы позитивистов пользовались большим успехом у читателей, в массе своей, эти труды оставались известны только небольшому числу специалистов.

Другой тип историописания зародился во Франции в первой половине XX в. и расцвел к 1970-м гг. Его появление более всего связано с работой группы историков, объединенных вокруг журнала «Анналы». Претензии, в основном, высказывались по поводу концентрации «старых» историков исключительно на политических вопросах прошлого и превознесении исторических источников и фактов, в ущерб теоретическому осмыслению исторической действительности. Новые историки заявили о необходимости писать историю на основе широкого дисциплинарного синтеза, который бы включал в себя изучение социально-экономического, географического, психологического и других факторов².

---

¹ Савельева, Полетаев. 2003. С. 300, 320.

² Там же. С. 463, 471, 503.

Соответственно произошел сдвиг в тематике работ и в используемых источниках – от «истории войн и королей» историки перешли к социальной истории и истории ментальности; вместо государственной документации они стали изучать географические и климатические данные, изображения, документы личного происхождения и т.д. Произошедшие масштабные изменения уже к концу 1960-х гг. позволили говорить о появлении «новой социальной истории» и даже «новой исторической науки»³. С развитием таких областей как повседневная история, история ментальности, микроистория работы новых историков стали пользоваться большой популярностью у широкой публики, поскольку доступным языком повествовали о том, что было близко и интересно «обычным» людям.

В историографии второй половины XX в. параллельно французской развивалась британская версия «новой социальной истории»⁴. Импульсом для нее стало появление движения «новых левых» в Европе конца 1960-х гг. Новые британские историки, как и «Анналы», критиковали позитивистский подход, но отличались более очевидной ориентацией на марксистскую теоретическую мысль. Изначально, это были работы, написанные в русле «новой рабочей истории» (ярким представителем и основоположником этого направления был Э.П. Томпсон) сторонники которой перешли от исследования структур и борьбы классов к сюжетам из повседневной и «культурной» истории рабочих⁵, а в дальнейшем и других, часто маргинальных, социальных групп. Это вылилось в появление «истории снизу», описывающей прошлое с позиции «простых» людей.

И в США, в связи с широким гражданским движением, «новая рабочая история» получила признание уже к началу 1970-х гг.⁶, но под названием «радикальная история» и примерно на десятилетие позже, чем в Британии. Новые американские историки стремились порвать с консервативной традицией историописания, сторонники которой позиционировали себя вне политики и строго придерживались академических норм письма. Они, напротив, хотели преобразовать свою деятельность так, чтобы она стала общественно важной и полезной⁷. Это стремление выразилось как в новой исследовательской повестке – изучение истории женщин, чернокожих, маргинальных групп; так и в смене формы письма – желание излагать ясно, живо, доступно для широкой аудитории⁸.

---

³ Ретина. 2009. С. 9.

⁴ Ретина. 1990. С. 169.

⁵ Brody. 1993. P. 10.

⁶ Ibid. P. 8.

⁷ Summer. 2000. P. 90.

⁸ Benson, Brief, Rosenzweig. 1986. P. XI.

В США это направление привлекло многих молодых и талантливых исследователей, пытавшихся найти путь к соединению академической работы с *участием* в общественной деятельности. Одним из них был Рой Розенцвейг, который интересен не только тем, что его работы в русле новой социальной истории раздвинули горизонты историографии и стали образцом для радикальных историков, но и тем, что смог распространить идеи и принципы этого направления на другие области работы историков, в частности, на публичную и цифровую истории.

Имя Роя Розенцвейга в России почти неизвестно, нам удалось найти только одну рецензию на русском языке на его работу. Рецензент, ведущий колонку в одном интернет-журнале⁹, упрекал авторов книги «Парк и народ»¹⁰ в вульгарной трактовке истории Центрального парка Нью-Йорка, в «примитивном популизме» и стремлении критиковать и осмеивать. Рецензента, очевидно, раздражали две черты, на самом деле характеризующие все творчество Р. Розенцвейга, – демократизм и новаторство. Во всех направлениях, где работал Розенцвейг, он отметился исследованиями, ставшими впоследствии знаковыми ввиду оригинального авторского подхода. Отличительной чертой американского историка было стремление преодолеть жесткие рамки академической истории, вывести ее предмет за устоявшиеся границы и переосмыслить роль «обычных» людей в создании образов прошлого. Желание Розенцвейга «разделить власть» историка с широкой публикой, начать с ней диалог проходит красной нитью через все его творчество.

Описывая научную биографию Роя Розенцвейга, трудно удержаться от соблазна и не связать его стремление к взаимодействию с широкой общественностью с влиянием социальных процессов и событий, которые происходили в период его молодости. Вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг., на которые пришлось студенческие годы Розенцвейга, ознаменовались массовым гражданским и антивоенным движением в США. Кроме того, еще в юности, отец будущего историка привил сыну интерес к марксизму и левым идеям¹¹. Все это, возможно, имело определяющее значение в выборе студентом Розенцвейгом радикальной истории в качестве направления своих исследований.

Окончив Колумбийский колледж с отличием и получив степень бакалавра, Рой Розенцвейг отправился на стажировку в Колледж святого Иоанна, в Кембридже. Он целенаправленно поехал учиться в Великобританию, чтобы ближе познакомиться с идеями и подходами «новой

⁹ Соловьев. В защиту Центрального парка...

¹⁰ Rosenzweig, Blackmar. 1992.

¹¹ Grafton. 2011. P. X.

социальной истории», которые в те годы были очень популярны среди молодых американских историков. К началу 1970-х гг. в США складывается целое направление «радикальных историков», в которое Розенцвейг включается, вернувшись в Америку. В середине 1970-х гг. он вместе с группой единомышленников участвует в выпуске журнала «*Radical History Review*»¹². Примерно в то же время в американских журналах выходят его первые научные статьи по вопросам рабочего движения в США в период «Великой депрессии»¹³.

Степень доктора философии Розенцвейг получил в 1978 г., защитив в Гарвардском университете диссертацию «Чем занять восемь часов: рабочие и досуг в индустриальном городе 1880-1920 гг.». В своей первой крупной работе историк изучал формы досуга американских рабочих, вмешательство в него властей и вызванное этим сопротивление. В переключении внимания с политической истории рабочего класса, истории профсоюзного движения на изучение досуга, безусловно, сказалось влияние новой социальной истории и трудов Э.П. Томпсона. Это исследование, изданное в 1983 г. в виде монографии¹⁴, сделало его автору репутацию одного из самых передовых социальных историков новой волны¹⁵.

После защиты Розенцвейг два года работал ассистентом профессора в Вустерском политехническом институте, затем получил приглашение в Уэслианский университет (*Wesleyan University*) на пост-докторскую стажировку, по завершении которой, устроился ассистентом профессора (с 1985 г. на должности *associate professor*) в университет Джорджа Мейсона, где проработал 26 лет, вплоть до самой своей смерти¹⁶.

Вторая крупная работа Розенцвейга «Парк и люди: история Центрального парка»¹⁷ была написана в соавторстве с Элизабет Блэкмар. Это исследование также было создано в русле новой социальной истории и предлагало необычный взгляд на историю знаменитого парка, который исходил из перспективы людей его посещавших. В представлении авторов парк оказался не столько статичным урбанистическим объектом, сколько отражением жизни горожан, их повседневных практик. Отсюда парадоксальный, на первый взгляд, вывод авторов: создателями парка являются не архитекторы, а посетители. В этой книге, всматриваясь в историю посетителей парка, их культурные стереотипы, исследователи

---

¹² *Ibid.* P. XII.

¹³ *Rosenzweig.* 1975.

¹⁴ *Rosenzweig.* 1985.

¹⁵ *Summer.* 2000. P. 89-94.

¹⁶ *Curriculum Vitae, Roy Rosenzweig...*

¹⁷ *Rosenzweig, Blackmar.* 1992.

попытались показать малозаметное и долгое время замалчиваемое, но поистине всеохватное влияние жизни «простых» людей на развитие общества. Труд авторов имел большой успех и немедленно стал знаковой работой не только для американской радикальной историографии, но и для всего исторического сообщества США. Книга получила сразу пять наград, в том числе за привлечение большого числа новых источников, за свежий взгляд и за увлекательное повествование¹⁸.

Продолжением интереса Роя Розенцвейга к новой социальной истории, стала другая область его исследований – изучение неакадемических форм исторического знания. Внимание социальных историков к этой теме можно зафиксировать уже в начале 1970-х гг., а конец десятилетия отмечен открытием специализированной магистерской программы и началом выхода журнала «Публичный историк» (The Public Historian) на базе, основанного в это же время «Национального совета по публичной истории» (National Council on Public History – NCPH)¹⁹. Тогда же в журнале «Radical History Review» появляется постоянная рубрика «История в медиа» (History in the Media)²⁰. Все это способствовало изменению отношения профессиональных историков к популярному знанию о прошлом – от брезгливой неприязни к сотрудничеству.

Появление движения публичной истории в Америке было следствием влияния двух факторов. Во-первых, это желание найти новые ниши на рынке труда для выпускников исторических факультетов, не связанные с преподаванием, но предполагающие профессиональные компетенции историка. Эта идея – занятие историков-практиков вне академии – развивалась членами NCPH, которые считали, что публичный историк может быть востребован бизнесом, частными организациями, администрацией разного уровня для создания их истории, в соответствии с профессиональными требованиями²¹. Во-вторых, стимулом стала критика радикальными историками государственного исторического нарратива и политики исторического образования, что было характерно для историков новой волны, объединенных вокруг журнала «Radical History Review». Они хотели показать, что разные группы людей видят прошлое не так, как его представляют консервативные ученые и политики, и настаивали, что это, прежде всего, социальное знание, а поэтому, естественно, оно будет для разных групп различным²².

---

¹⁸ Grafton. 2011. P. XIV.

¹⁹ Johnson. 1999. P. 168.

²⁰ Radical History Review. № 18-21. Table of Contents.

²¹ Kelley. 1978. P. 16, 19; Johnson. 1999. P. 168; G. W. J. Editor's Preface. P. 6-7.

²² Presenting the Past. P. XVI.; Rosenzweig., Thelen. 1998. P. 4.

Разные мотивации создания публичных историй определили и специфику акцентов: если в НСРН делали упор на практической стороне, т.е. на создании самого повествования, то новые левые историки обратились к более широким и аналитическим вопросам. Исследуя роль исторического сознания в американской жизни, они задавали вопрос, «как представления об истории формируют существующие убеждения и действия». Они выходили за рамки дискуссии о том, «как делать» публичную историю, для того, чтобы проанализировать идею и методы популярных исторических презентаций в Соединенных Штатах»²³.

Р. Розенцвейг был приверженцем аналитической версии публичной истории: одной из первых его работ в этой области была статья «Продажа прошлого: «Американское наследие» и популярная история в Соединенных Штатах»²⁴. В ней автор рассматривает жанры популярной и академической истории и пытается определить место недавно появившейся публичной истории между конъюнктурным коммерческим вариантом, представленным в журнале «Американское наследие», и малопонятным для большинства академическим знанием. Публичная история, по мнению Розенцвейга, должна заимствовать способы представления знания у коммерческих медиа, при этом сохранять образовательную ценность.

Однако репутацию одного из самых значимых публичных историков Розенцвейгу принесла книга, написанная совместно с Дэвидом Теленом, в несколько ином направлении – как исследование процесса производства знания о прошлом в обыденной жизни. Книга «Присутствие прошлого: повседневное использование истории в американской жизни»²⁵ стала этапной для публичной истории в США. Ее авторы на материалах телефонных интервью изучали, как простые американцы в своих повседневных практиках обращаются к прошлому, для чего они к нему обращаются и что им это дает. Изучив сотни интервью и суммировав свои наблюдения, авторы аргументировали тезис о том, что в повседневной жизни прошлое служит людям для настоящего – с его помощью они обретают идентификацию, осмысливают своё место в мире, планируют будущее. Розенцвейг и Телен показывают, что знание о прошлом буквально пронизывает все настоящее человека, являясь неотъемлемым элементом его повседневной жизни²⁶, поэтому, по их мнению, историки должны признать, что история не является их вотчиной, им принадлежит гегемония лишь в области её научной интерпретации.

---

²³ Presenting the Past. P. XVI.

²⁴ *Rosenzweig*. 1986. P. 21-53.

²⁵ *Rosenzweig, Thelen*. 1998.

²⁶ *Ibid*. P. 12.

Другой важный вывод этой работы, состоит в том, что обыденное знание о прошлом представлено несколькими типами или паттернами: личное и семейное прошлое, групповое, национально-государственное. Как указывают авторы, для людей, чьи мнения они изучали, эти паттерны имеют разное значение – для белых американцев семейное и личное прошлое оказывается наиболее важным, тогда как групповая и национальная история являются чем-то абстрактным и далеким²⁷. Для расовых и религиозных меньшинств, напротив, групповое прошлое оказывается самым значимым²⁸. Этот анализ повседневного знания о прошлом был ответом американских историков на давние упреки политиков и популистов в адрес своих сограждан, что те не знают истории и не интересуются ею. Розенцвейг и Телен показали, что американцы интересуются своим прошлым, но не тем, которое им навязывает школьная история (ее люди считают скучной и абстрактной), а тем, которое имеет непосредственное отношение к их жизни и помогает найти свое место в мире.

Эта книга получила массу самых разных оценок и откликов: в научном сообществе и за его пределами многие встретили ее благожелательно, увидев в ней средство борьбы со спекуляциями популистов на тему знания национального прошлого²⁹. Редакция журнала «Публичный историк» посвятила часть одного из номеров обсуждению книги³⁰, в котором были высказаны и критические отзывы, в частности Майкл Цукерман упрекал авторов в искажении картины и нежелании признать проблемы в историческом образовании. Большой рецензией Майкла Кэммена отозвался журнал «History and Theory»³¹, ее автор критиковал американских исследователей за смешение понятий личного прошлого и истории, указывая на их разную сущность. В целом, критика была предсказуемой и исходила из устоявшихся представлений об истории, прошлом и образовании, отстаивающих традиционный взгляд.

Вместе с таким аналитическим подходом к публичной истории Рой Розенцвейг активно занимался и практической стороной дела, причем и эта его работа сразу выделилась своей новизной – он был одним из первых, кто задумался о возможностях, которые открывает цифровая информация для работы историка (как исследовательской, так и образовательной), и о привносимых ею последствиях. Первым проектом в этой области, в котором участвовал Розенцвейг, был компакт-диск «Кто по-

---

²⁷ Ibid. P. 12, 15-16.

²⁸ Ibid. P. 10-11.

²⁹ About Roy Rosenzweig // In Memory of Roy Rosenzweig (1950-2007).

³⁰ The Public Historian. Vol. 22. No. 1. P. 13-44.

³¹ Kammen. 2000.

строил Америку» (Who Built America?)³², выпущенный в 1994 г. и получивший приз Американской исторической ассоциации за вклад в историческое образование. Тогда же Розенцвейг основывает «Центр истории и новых медиа» (Center for History and New Media – CHNM) при университете Джорджа Мейсона, работа над проектами в этом центре, преимущественно информационными и образовательными, станет главным занятием историка в последние десять лет жизни³³. Большинство предприятий CHNM поддерживались крупными грантами: достигавшие миллионов долларов, они были направлены на создание доступных для широкой публики исторических нарративов, представленных в виде интернет-порталов, документальных фильмов, компакт-дисков. Обилие и разнообразие интернет-ресурсов, созданных центром Розенцвейга, поражает – десятки сайтов посвященных американской и всемирной истории, коллекции цифровых документов (в том числе цифровой архив памяти жертв 11 сентября 2001 г., включающий около 150 тысяч документов) и исследовательские веб-инструменты. Эта работа «Центра истории и новых медиа» сыграла огромную роль в популяризации и распространении знания об истории во всем веб-пространстве.

Рой Розенцвейг не оставлял в стороне и изучение теоретических вопросов, связанных с существованием и представлением исторического знания в новой быстрорастущей цифровой среде. Он написал несколько работ, касающихся изменений привнесенных появлением компьютера и глобальной сети в работу историка. В частности, им была поставлена проблема доступности интернет-источников для исследователей³⁴ и их хранения, связанная, с одной стороны, с большой эфемерностью электронных данных, а с другой, их переизбытком, затрудняющим исследование³⁵. Большое распространение получила статья Розенцвейга с критикой коллективной формы историописания, создаваемой «Википедией». Историк скептически оценивал такое знание, называя его набором мало-связанных деконтекстуализированных фактов³⁶.

Рассказ о Рое Розенцвейге будет неполным, если не упомянуть о его организационной и проектной деятельности, в которую он также стремился привнести демократические начала. Розенцвейг видел науку как коллективное предприятие. Он уделял много времени редакторской и консультативной работе – читал и критиковал чужие тексты, беседо-

---

³² Steve Brier // In Memory of Roy Rosenzweig (1950-2007).

³³ Roy Rosenzweig Center for History and New Media...

³⁴ Rosenzweig. 1998.

³⁵ Rosenzweig. 2003.

³⁶ Roy Rosenzweig // A City of Words. The Worcester Writers Project...

вал со студентами, писал рецензии. Энтони Графтон в своих воспоминаниях отмечал новаторство американского историка в деле проведения научного исследования – вместо монотонной индивидуальной работы над диссертацией он с соратниками практиковал форму совместного творчества, которая включала организацию групп чтения, выпуск журнала, налаживание связей с коллегами, обмен черновиками и т.д.³⁷. Показательно, что почти все свои основные работы Розенцвейг написал в соавторстве с коллегами. От проекта к проекту он мобилизовал людей и ресурсы, стремясь к широкому сотрудничеству между историками, что всякий раз помогало достичь результата, высоко оцениваемого в профессиональном сообществе. Количество наград за исследования, образовательные и информационные проекты, в которых участвовал Рой Розенцвейг, исчисляется десятками. Кроме того, для него было важным поддержание не только научного, но и социального взаимодействия между коллегами, вплоть до помощи в поиске работы, жилья, друзей.

Идея диалога и сотрудничества с обществом стала основной чертой профессиональной деятельности Роя Розенцвейга и определила как области исследования, так и подходы к работе. После его смерти друзья и коллеги создали мемориальный сайт³⁸, где каждый может оставить свои воспоминания о нем. Трудно придумать другую форму памяти о Рое Розенцвейге, которая бы в той же мере отвечала его профессиональным интересам и общественным взглядам, к сближению которых он приложил столько сил. Нам лишь остается поблагодарить американского историка за стремление сделать историю полезной для общества и сказать, присоединившись к его многочисленным друзьям и коллегам: «Thanks, Roy».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. М., 1990.
- Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: Теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003.
- Соловьев В.* В защиту Центрального парка // *Русский базар* [Электронный ресурс] / Danet Inc. DBA Russian Bazaar, 1996-2012. – Режим доступа: <http://russian-bazaar.com/ru/content/2047.htm>, свободный.
- About Roy Rosenzweig // In Memory of Roy Rosenzweig (1950-2007) / History News Network [Электронный ресурс] / Roy Rosenzweig Center for History and New Media / Department of History and Art History George Mason University, cop. 1996-2013. Режим доступа: <http://hnn.us/articles/43739.html#About>, свободный.

³⁷ *Grafton.* 2011. P. XI-XII.

³⁸ Thanks, Roy. Remembering Roy Rosenzweig, 1950-2007.

- Benson S.P., Brief S., Rosenzweig R. Preface // Presenting the Past. Philadelphia, 1986.
- Brody D. Reconciling the Old Labor History and the New // Pacific Historical Review. 1993. Vol. 32. № 1. P. 1-18.
- Curriculum Vitae, Roy Rosenzweig // Roy Rosenzweig Center for History and New Media. Режим доступа: <http://chnm.gmu.edu/history/faculty/rosenzw/rvita.html>.
- G.W.J. Editor's Preface // The Public Historian. 1978. № 1. P. 6-7.
- Grafton A. Introduction: Roy Rosenzweig: Scholarship as community // Rosenzweig R. Clio Wired: the Future of the Past in the Digital Age / Introd. by Anthony Grafton. New York: Columbia University Press, 2011. 309 p.
- Kammen M. Carl Becker Redivivus Or: Is Everyone Really a Historian? // History and Theory. 2000. Vol. 39, No. 2. P. 230-242.
- Kelley R. Public History: Its Origins, Nature and Prospects // The Public Historian. 1978. № 1.
- Johnson G. Wesley. The Origins of *The Public Historian* and the National Council on Public History // The Public Historian. 1999. Vol. 21. No. 3. The National Council on Public History: Reflections on a Twentieth Anniversary. P. 167-179.
- Rosenzweig R. Radicals and the Jobless: The Musteites and the Unemployed Leagues, 1929-1936 // Labor History. 1975. Vol. 16. P. 52-77.
- Rosenzweig R. Wizards, Bureaucrats, Warriors, and Hackers: Writing the History of the Internet // The American Historical Review. 1998. Vol. 103. № 5. P. 1530-1552.
- Rosenzweig R. Eight Hours for What We Will: Workers and Leisure in an Industrial City, 1870-1920. Cambridge: CUP, 1985. 289 p.
- Rosenzweig R. Scarcity or Abundance Preserving the Past in a Digital Era // The American Historical Review. 2003. Vol. 108. № 3. P. 735-762.
- Rosenzweig R. Marketing the Past: American Heritage and Popular History in the United States // Presenting the Past: Essays on History and the Public / Ed. by R. Rosenzweig, S.P. Benson and S. Brier. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1986. P. 21-53.
- Rosenzweig R., Blackmar E. The Park and the People: A History of Central Park. Ithaca: Cornell University Press, 1992. 418 p.
- Rosenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. New York: Columbia University Press, 1998.
- Roy Rosenzweig Center for History and New Media [Электронный ресурс] / Department of History and Art History George Mason University, cop. 1996-2013. Режим доступа: <http://chnm.gmu.edu>, свободный
- Roy Rosenzweig // A City of Words. The Worcester Writers Project [Электронный ресурс] / Worcester Polytechnic Institute, cop. 2002-2013. Режим доступа: <http://users.wpi.edu/~cityofwords/rosenzweig.html>, свободный.
- Steve Brier // In Memory of Roy Rosenzweig (1950-2007) / History News Network [Электронный ресурс] / Roy Rosenzweig Center for History and New Media / Department of History and Art History George Mason University, cop. 1996-2013. Режим доступа: <http://hnn.us/articles/43739.html#Steve>, свободный.
- Summer J.H. History Frontiers: An Interview with Roy Rosenzweig // Left History. 2000. Vol 7. № 1. P. 89-94.
- Thanks, Roy. Remembering Roy Rosenzweig, 1950-2007 [Электронный ресурс] // Roy Rosenzweig Center for History and New Media / Department of History and Art History George Mason University, cop. 1996-2013. Режим доступа: <http://thanksroy.org>.
- Махов Александр Сергеевич**, магистрант 2 курса факультета истории НИУ-ВШЭ; sun-arc@mail.ru

В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Л. П. РЕПИНА

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ¹

В статье рассматривается место и роль так называемого «мемориального поворота» в пространстве новой культурной истории и череде разномасштабных методологических поворотов как аналитических конструкторов, прочно освоенных «коллективным воображаемым» современных представителей социогуманитарного знания и историков исторической науки.

Ключевые слова: методология, гуманитарное знание, культура, «мемориальный поворот», «историографическая революция», память, образы прошлого.

В последние два-три десятилетия на страницах обзорных историографических статей мелькают ставшие практически штампами фразы «поворот в историографии и в гуманитарном знании в целом», «ситуация смены парадигм» и т.п. Номенклатура «поворотов» обширна и выстроена в своеобразную цепочку: социологический, антропологический, культурный, лингвистический, визуальный, мемориальный, специальный (пространственный), прагматический, когнитивный (при желании можно дополнить). Однако при ближайшем рассмотрении они далеко не равнозначны и даже, при более пристальном рассмотрении и критическом анализе, несопоставимы – как по своему собственному масштабу, так и по значимости последствий.

Метафора поворота очень популярна, так как имеет, по меньшей мере, двойное практическое значение. Во-первых, она выражает обращение ряда историков к многообещающим новым перспективам изучения прошлого вследствие разочарования в старых подходах, рельефно маркирует новую методологическую позицию, служит способом самоидентификации для протагонистов соответствующего направления и выполняет особую роль в научной полемике. Во-вторых, это удобный прием, используемый специалистами по историографии для анализа и презентации важных новаций второй половины XX – начала XXI в. (особенно в образовательной практике). Этот прием прекрасно работает

---

¹ Настоящая статья представляет собой расширенную версию доклада, представленного автором на Круглом столе «Культурный поворот и трансформация познавательных возможностей исторической науки», состоявшемся в Институте всеобщей истории РАН 1 октября 2012 года.

на уровне проявления характерных примет тех сдвигов, которые происходили и происходят в поле современной историографии, но в каждом конкретном случае концептуальное содержание и эпистемологические основания «поворота» требуют более глубокого осмысления.

Однако, в соответствии с общей темой круглого стола «Культурный поворот и трансформация познавательных возможностей исторической науки», речь далее пойдет о том, что условно называется *культурным поворотом*. В связи с этим будет уместным также напомнить о весьма симптоматичном заглавии известной и широко цитируемой статьи Отто Герхарда Эксле 2000-го года²: «Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре», где речь шла о прошлом, настоящем и будущем развитии исторической науки в контексте других наук о культуре.

Я не собираюсь вдаваться в сакраментальный вопрос об определениях понятия «культура». Вадим Михайлович Межуев в своих «Размышлениях о культуре и культурологии (культурология в контексте современного гуманитарного знания)» писал: «Только философы, как я думаю, могут дать ответ на вопрос, что такое культура. Надо смириться с тем, что есть вопросы, на которые могут ответить только они. Например, ни один ученый не скажет, что такое природа. Физик объяснит, что такое физическая природа, биолог расскажет об органической природе, психолог – о психической, и так до бесконечности, но вот что есть природа вообще – об этом знает только философ. Ибо природа как целое – не просто реальность, но и ценность... Равно и культура – не просто реальность, но и ценность, которая фиксируется в философской идее культуры... А вот что нового для литературоведов, филологов, лингвистов дает слово “культура”, я, честно говоря, не понимаю... Что изменится для них от того, что они назовут предмет своего исследования не литературой, языком или искусством...? ...всех гуманитариев можно назвать культурологами – все они, так или иначе, изучают культуру. Что нового к их знанию о своем предмете добавляет слово “культура”?»³.

Так все-таки – что же нового добавляет к знанию о предмете истории слово «культура»?

В последней трети XX столетия, после того как постмодернистское мышление, отождествляя историю с литературой, поставило под сомнение возможность «прорыва» к исторической реальности сквозь толщу опосредующих языковых и нарративных структур, процесс выработки

---

² Перевод статьи был опубликован позднее: Эксле. 2003.

³ Межуев. 2010.

новой парадигмы истории (взамен рухнувшей) оказался чрезвычайно сложным и запутанным, однако, в конечном счете, наиболее жизнеспособные из предлагаемых версий, как правило, выстраивались вокруг категории культуры. И в этом плане программа «новой культурной истории» и последующие качественные изменения в предметном поле, концептуальном аппарате и методологической базе исторической науки на рубеже веков обычно легко вписываются исследователями в понятие «культурного поворота». В итоге, к началу нового века надобность в уточнении «новая», похоже, отпала, и «культурная история» успешно прошла необходимую стадию институционализации.

Впрочем, к первой («инаугурационной») конференции Международного общества культурной истории в 2008 году в Генте (состоявшейся после учреждения Общества в 2007 г. в Абердине), вновь возникла потребность в выработке приемлемых для научного сообщества ответов на «фундаментальные», по определению организаторов, вопросы о природе, влиянии и ближайших перспективах развития разных форм культурной истории: какие дисциплинарные модели и/или критические парадигмы могут быть подведены под эту марку, нужно ли действительно такое унифицирующее обозначение, и что все же под этим понимается. И даже – существуют ли различные «национальные» формы культурной истории, и чем они отличаются одна от другой? А также весьма актуальный вопрос – как преподавать культурную историю.

К этому можно было бы добавить и еще один, действительно фундаментальный вопрос: как решается теоретиками новой дисциплины проблема соотношения традиционной и инновационной составляющих культуры. Однако эта проблема выходит за дисциплинарные рамки и сама ее постановка связана не просто с обращением к культурологическому анализу в качестве «дежурной» смены историографической моды, а с глубинной трансформацией в понимании эпистемологических оснований исторического знания и уникальной природы исторического познания как диалога культур. Если обратиться к предельно точной формуле, предложенной Войцехом Вжосеком, то этот принцип будет звучать так: «Отношение современной исторической науки к прошлому – особенно отдаленному – является ничем иным, как отношением культуры к другой культуре...»⁴.

В современном гуманитарном знании культура рассматривается как выработанная коллективным сознанием и коллективным историческим опытом система знаний, представлений, ценностей, моделей пове-

---

⁴ *Вжосек*. 2012. С. 24.

дения, усваиваемая индивидом в процессе его адаптации к окружению на всем протяжении его жизненного пути. Эти системы, однако, не монолитны, а гетерогенны и социально дифференцированы, довольно стабильны, передаваясь от поколения к поколению, но в исторической перспективе изменчивы – они изменяются в череде ситуаций, которые создают новые условия деятельности и ставят новые задачи, не обеспечиваемые прежними культурными образцами.

Взаимодействие культур во времени («по вертикали») и в пространстве («по горизонтали») выступает ныне как приоритетный предмет исторического исследования, включая и проблему понимания и восприятия чужой культуры в контексте самого процесса познания прошлого. Диалог, в который вступает историк, направлен на понимание прошлого. Что он в нем ищет? Какова роль историка в его отношениях с прошлым? Широко известна прямая аналогия Р.Дж. Коллингвуда «историк как следователь» (точнее, исследовательская процедура, осуществляемая историком, сравнивалась с работой констебля, расследующего убийство)⁵. В несколько смягченном толковании историк – это «вопрошающий собеседник, нередко умышленно провоцирующий былое на то, чтобы оно проговорило»⁶. Удивление и непонимание историка при встрече с «иным», будучи артикулировано, становится первым шагом к пониманию⁷. Как справедливо подчеркивал А.Я. Гуревич, источник не только отвечает на заданные вопросы, но и ставит свои вопросы перед историком⁸, вернее – побуждает его формулировать новые вопросы, а также корректировать собственные теоретические предпосылки, методы анализа, рабочие гипотезы и концептуальный аппарат.

Все это связано с необходимостью «раскодирования» текстов исторических источников путем комплексной реконструкции социального, политического, духовного, интеллектуального и других контекстов, в которых они возникли, существовали, прочитывались и осмыслились⁹. По сути, такая полномасштабная реконструкция выходит далеко за рамки источниковедческого анализа и представляет собой собственно социокультурную историю. Ключевые моменты такой «встречи культур» – это, во-первых, раскрытие так называемого *третьего фокуса диалога* (кроме исследователя и автора текста это – его адресат с соответствующую

---

⁵ Коллингвуд. 1980. С. 253-260.

⁶ Эжитут. 2001. С. 32.

⁷ Подробно об этом см.: Вунит 1997.

⁸ Гуревич. 1996. С. 103.

⁹ Ср. с противоположным по своей деконтекстуализирующей интенции подходом: Ankersmit. 2005 (особ. – Р. 121-125). См. перевод этой книги: Анкерсмит. 2007.

щей системой идей и понятий, культурных представлений, идеалов, ценностей). Этот третий фокус позволяет прояснить смысл содержащихся в тексте посланий (поскольку предполагаемый адресат знал, что стоит «за текстом»). Во-вторых, это – соотнесение текста исторического памятника или произведения с другими текстами (возможность прочесть источник через те тексты, которые были известны его автору), т.е. выявление социокультурной среды его возникновения и бытования, и наконец, переосмысление изучаемого произведения в новом культурно-интеллектуальном контексте.

Обращение к концепции исторической памяти, или так называемый «мемориальный поворот», опирается на то же понимание культурного контекста. Многочисленные работы последних десятилетий XX и начала XXI века, в том числе исследования российских историков, показали, как с расширением культурных контактов и глубокими переменами в условиях жизни человеческих сообществ менялись приоритеты исторической памяти, оценки ключевых явлений и событий, пантеон героев, номенклатура антигероев и т.д. Веками легенды о деяниях предков хранились и передавались устной традицией, и лишь спустя долгую череду поколений находили отражение в исторических сочинениях. Письменная фиксация не просто изменила механизм передачи информации, но дала возможность помнить более того, что позволяет память живущих, и существенно продлить память о событиях, обычаях и явлениях, имевших место в далеком прошлом. Конечно, помимо исторических сочинений продолжали действовать и другие каналы трансляции социальной памяти о прошлом: устные воспоминания, легенды и предания, различного рода записи и документы, монументальные памятники, празднества, сценические представления и т.п.

В средневековых повествованиях о достославных деяниях эпических героев, королей, епископов или святых, прошлое использовалось как способ решения текущих проблем – например, доказательства статуса или подтверждения притязаний, что не исключает внутренней убежденности авторов и компиляторов в правоте защищаемого ими дела. Такую роль играла, например, концепция «вечного Рима» как в языческих, так и в христианских сочинениях переходной эпохи от поздней Античности к Средневековью, обеспечивших преемственность универсалистской идеи, средневековые модификации которой нашли отражение в империи Карла Великого, Священной Римской империи германской нации, в теократических притязаниях папства, а также в концепциях «второго» и «третьего» Рима. Переход к Новому времени дал мощный толчок развитию исторического сознания и формированию

новой исторической культуры. Опираясь на опыт древней, средневековой и ренессансной историографии и – в то же время – решительно отталкиваясь от него, историки Раннего Нового времени создали предпосылки для «историографической революции» Века Просвещения¹⁰.

Последующее развитие историзма в русле «научной истории», опирающейся на критический анализ источников и методологическую триаду темпоральности, контекстуальности, процессуальности, было достаточно противоречивым. Хотя молодая историческая наука XIX века, с одной стороны, декларировала принципы строгой научности, верность критическому методу и приверженность исторической истине, а с другой – фактически становилась важнейшим структурным компонентом национально-государственной идеологии. Это сочетание познавательно-критической и национально-патриотической функций не было абсолютно комфортным и порождало у теоретически мыслящих историков трудные вопросы, однако именно национальная идея более века определяла тематику академической историографии. Появлявшиеся в разных странах на протяжении XIX–XX вв. многочисленные учебники для средней и начальной школы, предлагая доступные исторические образы, пробуждали в полуграмотных массах национальное самосознание. Школьные курсы «истории Отечества», основанные на целенаправленном отборе событий и фактов, сформировали фундаментальную базу национальной мифологии эпохи Модерна и продолжают решать те же задачи, хотя и с меньшим успехом, в наш информационный век. Но хотя историк может выступать как агент коллективной памяти, целеполагание современного исследователя и процедура историографической операции определяются дисциплинарными правилами и нормами науки.

В чем же конкретно состоит отличие истории историков от других репрезентаций прошлого? Аргументы широко известны и неоднократно воспроизводятся. История как наука стремится к достоверности представления о прошлом. В то время как для истории как науки характерен подход, состоящий в том, что прошлое ценно само по себе, и ученому следует, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности, историческая память всякий раз создает образы, удовлетворяющие социокультурным запросам современности и новым социально-политическим потребностям: «Происходящие в обществе перемены порождают у него новые вопросы к минувшему, обуславливая

---

¹⁰ Эти сюжеты рассмотрены в ряде изданий, подготовленных Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и вышедших в свет в серии «Образы истории». См.: История и память... 2006; Диалоги со временем... 2008; Образы времени и исторические представления... 2010.

складывающийся в общественном сознании образ прошлого, и чем значительнее эти перемены, тем радикальнее он изменяется»¹¹.

Сегодня все еще доминирует известная идея о том, что память принадлежит индивиду. Но эта идея появилась в европейской культуре только в XVII столетии, и лишь постепенно утвердился индивидуально-психологический подход к объяснению всех процессов сохранения информации о данных прошлого опыта и трансляции этой информации во времени. Но уже к началу XX века вновь отчетливо обнаружили себя социально-психологические структуры, имеющие коллективное измерение, и возникла необходимость переакцентировки внимания исследователей с индивидуального измерения памяти на трансперсональное. А.И. Макаров справедливо подчеркивает, что знание о надындивидуальном измерении памяти становится всё более значимым для человечества, поскольку увеличение искусственного слоя окружающей человека среды привело к тому, что память больше стала зависеть от культуры, а не от природы. История и традиция не вмещаются в индивидуальный опыт, но сохраняются в текстах, предметах, изображениях, ритуалах. Память прорывает границы индивидуального, а современный технологический прогресс обеспечивает каждому члену общества память, которой никто никогда не был наделен лично¹².

В конце XX века память превратилась в ценность, соответствующую современному плюралистическому видению прошлого, проблематика памяти выдвинулась на передовые позиции в общественном сознании и захватила разные области социогуманитарного знания, всех наук о культуре. Именно в это время громко заявили о себе новые подходы, направленные на исследование не столько прошлой реальности, сколько образов прошлого в общественном сознании¹³. Память о прошлом рассматривается как категория культуры с учетом принципа различия и многообразия культур, поскольку в разных культурах степень востребованности прошлого, как и характер его репрезентации различается, и мемориальная функция реализуется в культурных практиках различного типа. В этом плане представляет особый интерес попытка Й. Рюзена выстроить в ситуации множественности перспектив (*multiperspectivity*) видения истории новую стратегию так называемой «интеркультурной

---

¹¹ Могильницкий. 1999. Т. 1. С. 7.

¹² Макаров. 2010. С. 36. См. также: Макаров. 2007, 2009.

¹³ Известный американский историк Аллан Мегилл точно обозначил это явление современной культурной жизни как «мемориальную манию» и даже постулировал правило: «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти». Мегилл. 2007. С. 138.

компаративной историографии», ориентированной на сравнительный анализ традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации¹⁴.

В этом контексте историческая наука предстаёт как одна из специфических форм культурной памяти, или же – в более тонкой формулировке О.Г. Эксле – как «научно обоснованная культурная память современности».

Вопрос о соотношении памяти, знания о прошлом и истории как науки трактуется неоднозначно. Даже самые убежденные сторонники научного историзма признают, что историю и память не всегда можно полностью отделить друг от друга. По выражению А. Мегилла, память «есть “Другой”, который неустанно преследует историю»¹⁵. Память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации культурных представлений и ценностей. При отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью, историки лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком культурном контексте, включающем самые разные интерпретации исторического опыта, или версии исторической памяти, те *образы* событий, которые запечатлелись у участников и современников, транслировались непосредственным потомкам, реставрировались или реконструировались в последующих поколениях, подвергались «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики. И в этом случае речь идет о памяти, подлинность которой как бы «заверена», о памяти, «преобразованной в историю»¹⁶. Иными словами историческая наука выступает как форма преобразования культурной памяти. Именно такое, на мой взгляд, наиболее точное определение историографии выражено профессором В. Вжосеком в интервью, опубликованном в той книге, презентация которой состоится сегодня: «Историография – это форма преобразования коллективной памяти, а та является памятью культуры, без которой была бы невозможна как социализация личностей, так и сохранение устойчивости социальных институций и форм коллективной жизни»¹⁷.

---

¹⁴ Рюзен. 2001. С. 24-25. См.: Rösen. 1996.

¹⁵ Мегилл. 2007. С. 169.

¹⁶ Эту концепцию «памяти–истории» комментирует, в частности, Франсуа Артог в своей статье «Время и история». См.: Артог. 2002. С. 157–159.

¹⁷ Интервью с проф. В. Вжосеком. С. 312.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артоз, Франсуа.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология.* М., 2002. С. 147–168.
- Вжосек, Войцех.* Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Гуревич А.Я.* «Территория историка» // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М.: «Coda», 1996. С. 81–109.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2008. 800 с.
- Интервью с проф. В. Вжосеком // *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. С. 287–314.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2006. 768 с.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. 485 с.
- Макаров А.И.* Феномен надъиндивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Автореф. дисс. д. философ. н. СПб., 2010. 36 с.
- Макаров А.И.* Феномен надъиндивидуальной памяти. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.
- Макаров А.И.* Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 18. С. 6–18.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
- Межуев В.М.* Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 1) // *Культурологический журнал.* 2010. № 2.
- Могильницкий Б.Г.* Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // *Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции.* Томск, 1999. Т. 1. С. 5–17.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. 960 с.
- Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 8–26.
- Эксле О.Г.* Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // *Одиссей. Человек в истории.* 2003. М.: Наука, 2003. С. 393–416.
- Эжитут С.А.* Битвы за храм Мнемозины // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 27–48.
- Ankersmit F.R.* *Sublime Historical Experience.* Stanford: Stanford U.P., 2005. 504 p.; рус. пер.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Vuntum C.* Wonder // *American Historical Review.* 1997. Vol. 102. No. 1. P. 1–26.
- Rüsen J.* Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // *History and Theory.* 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwardrzik. P. 5–22.
- Репина Лорина Петровна** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, зав. Отделом историко-теоретических исследований, руководитель Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru.

С. П. БРЮН

ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНКСКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА ЛАТИНСКОМ ВОСТОКЕ

Автор рассматривает положение женщин на Латинском Востоке на примерах правительниц, которые держали фьефы, издавали хартии, стояли во главе оборонявшихся городов, восходили на княжеские и королевские престолы, и даже вступали в открытую борьбу за власть со своими достигшими совершеннолетия сыновьями.

Ключевые слова: *Латинский Восток, Иерусалимское королевство, власть, женщины.*

Тема положения женщины – одна из самых противоречивых в современной медиевистике. Особенно примечательны изменения, произошедшие в Высоком средневековье, в эпоху расцвета культа Девы Марии, поэзии трубадуров и куртуазной любви. Однако одна «область» средневекового мира остается за рамками внимания в связи с «женским вопросом». Речь идет о «Заморской земле» – Латинском Востоке, который в XII–XIII вв. оставался форпостом западно-христианского мира на пути к восточно-христианским и мусульманским землям.

В эпоху крестовых походов и расцвета Реконкисты на Западе появляются знатные дамы, открыто стремившиеся к власти и достигшие в этом значительных успехов: вспомним Урраку Кастильскую, Адель Нормандскую, Матильду Английскую, Бланку Кастильскую и, конечно же, Алиенору Аквитанскую, ставшую популярным символом женской «эмансипации». Но не меньше «власть имущих» женщин мы видим на Латинском Востоке, куда уходила значительная и наиболее воинственная часть мужчин средневекового Запада, оставляя опустевшую Европу, в которой постепенно возрастала социальная роль женщины¹.

Казалось бы, условия Латинского Востока никак не могли способствовать укреплению социального положения женщины. Во-первых, территория франкских государств Заморской земли оставалась «на острие» борьбы с мусульманским миром и, при постоянной угрозе со стороны мусульман, женщине уж точно не могла быть доверена власть над фьефом или городом. Во-вторых, культурное влияние арабского Востока должно было способствовать закреплению женщины. От Жака де Витри мы знаем о том, что и сирийские православные («сириане»), и рожденные в Заморской земле франки («пуланы»), стремились изолировать жен и дочерей, поддаваясь благочестивым мусульманским обы-

---

¹ *Ле Гофф.* 1992. С. 268.

чаем². О «пулланах» он писал: «Будучи людьми подозрительными и уязвленными ревностью, они держат своих жен под замком и следят за ними столь тщательно, что к ним с величайшим трудом могут пройти собственные братья и родственники. Им [т.е. женам «пулланов»] запрещено ходить в церкви и участвовать в торжественных процессиях, слушать проповедь слова Божия и делать те дела, которые относятся к спасению души. Церкви им дозволяют посещать не более раза в год. Некоторые все же дозволяют своим женам ходить в баню, три раза в неделю, но под строгим надзором. Наиболее состоятельные и знатные, желая казаться еще христианами, воздвигают алтари у постелей своих жен, приказывая невежественным, жалким клирикам и капелланам служить там мессу»³. Однако, сопоставляя эти слова с фактами, изложенными в латинской хронике архиепископа Гильома Тирского и в старофранцузских текстах его Продолжателя, в сирийской хронике Михаила Великого, или в «Деяниях киприотов», вышедших из под пера Тирского Тамплиера, мы вынуждены будем заподозрить Жака де Витри в преувеличениях, тем более что его крайне негативное отношение к заморским франкам хорошо известно. По крайней мере, можно усомниться в том, что подобные «ориентальные» нововведения коснулись представительниц высшего франкского нобилитета. Так о каких же фактах идет речь?

Если мы обратимся к европейской истории, то на протяжении XII века увидим женщин – наследниц обширных территорий, судьба которых напрямую зависела от брака этих венценосных дам. Право женщины на наследование движимого и недвижимого имущества, известное еще со времен молодых «варварских» королевств и зафиксированное в вестготском, бургундском и франкском законодательстве, в XII в. приобрело особое значение для западно-христианского мира. Браки венценосных наследниц решали судьбу таких важных регионов Европы, как Англия, Кастилия, Аквитания и Сицилия. Для государств Латинского Востока, территории и население которых во много раз уступали Западной Европе, влияние женщины-наследницы фьефа ощущалось еще сильнее.

В Заморской земле XII в. мы видим целую плеяду франкских королей, княгинь и баронесс, которые либо самостоятельно правили фьефами, либо приносили венец и земли своим мужьям, подчас – вопреки воле собственных вассалов. Первенство, бесспорно, принадлежит Мелисанде, королеве Иерусалимской. В 1131 г., после смерти отца – короля Бодуэна II де Бурга, Мелисанда была коронована и миропомазана у Гроба Гос-

---

² «Сириане» «подобно сарацинам, держат своих жен взаперти, а также закутыывают как жен, так и дочерей в чадры». *Iacobi de Vitriaco*. 1597. С. 75, р. 138.

³ *Iacobi de Vitriaco*. 1597. С. 73, р. 134.

подня, разделив престол с супругом – графом Фульком V Анжуйским. Первых 12 лет пребывания на престоле Мелисанда оставалась в тени своего супруга. Однако в 1143 г. Фульк погиб, и с момента его смерти Мелисанда правила как полноправная государыня Иерусалимского королевства, удерживая власть на протяжении последующих десяти лет.

Правление Мелисанды считается золотым веком Иерусалимского королевства. Именно в эти годы было завершено строительство Храма Гроба Господня, объединившего все святыни, связанные с евангельской историей Страстей и Воскресения Христа, а также с историей обретения Животворящего Креста, в рамках единого архитектурного комплекса. Однако Мелисанда известна не только как покровительница искусства. В 1144 г., после падения Эдессы, в то время как сирийские государи – князь Раймонд де Пуатье и граф Раймонд II Триполийский пребывали в полной апатии, Мелисанда отправила свою армию на помощь к графу Жослену II Эдесскому⁴, и посланные ею войска остановили продвижение армий Имад ад-Дина Зенги вглубь графства Эдесского. В 1157 г. Мелисанда, уже четыре года находившаяся на покое (передав бразды правления старшему сыну Бодуэну III), направила войска своих вассалов, которые отбили захваченный сарацинами замок Галаад на реке Иордан, что отмечает Гильом Тирский, восхвалявший «рвение и изобретательность госпожи и королевы нашей Мелисанды»⁵.

Об отношении Мелисанды к сыновьям Бодуэну и Амори стоит сказать отдельно. Совершеннолетие на Латинском Востоке, как и на французских землях, наступало в 16 лет. Бодуэн достиг этого возраста в 1146 г., но королева-мать и не думала передавать власть сыну. В 1152 г. двадцатидвухлетний Бодуэн III, собрав вокруг себя часть баронов и нобилитета, стал открыто требовать своей коронации. Однако латинский Патриарх Иерусалима Фульхерий отказал ему в отдельной коронации, не решаясь бросать вызов королеве Мелисанде⁶. Это, пожалуй, один из редчайших прецедентов, когда значительная часть прелатов и нобилитета предпочла правление женщины притязаниям вполне легитимного наследника мужского пола. Но Бодуэн III не собиравшись отказываться от своих притязаний, и к 1153 г. отношения матери и сына накалились до предела. В итоге, Мелисанда вынуждена была уступить власть после кратковременной, но ожесточенной гражданской войны. При этом ее младший сын Амори, выступил против старшего брата и неотступно находился при матери, очевидно, находясь под сильным ее влиянием.

---

⁴ *Guillaume de Tyr*. 1844. Lib. XVI, c. 4, p. 710.

⁵ «studio et industria dominae Milisendis reginae». Lib. XVIII, c. 19, p. 851.

⁶ *Ibid.* Lib. XVII, c. 13, pp. 780-781.

Мелисанда сохранила властные позиции и в правление Бодуэна III: она даже принимала регентство над королевством, когда он отбывал на север. По словам Гильома Тирского, Мелисанда «была женщиной, наделенной великой мудростью. Она обладала практически всеми знаниями, которые требовались для управления государством. Она явно превзошла то положение, которое предписано представительницам ее пола, прикладывая свою руку к величайшим деяниям и стремясь превзойти знаменитейших князей, которым она действительно не уступала. Ибо, в годы несовершеннолетия своего сына, она правила королевством с такой неуспяной мудростью и вниманием, что показала себя достойной преемницей своих великих предшественников; в годы ее правления народ наслаждался процветанием и благоденствием»⁷.

Совершенно иная репутация у сестры Мелисанды – Алисы. Осенью 1126 г. Бодуэн II де Бург отдал свою вторую дочь Алису замуж за прибывшего на Восток князя Бозмонда II Антиохийского. Весной 1130 г. Бозмонд II пал в битве с тюрками-данишмедами близ Аназарва. К этому времени у него и Алисы уже была дочь Констанция, ставшая, со смертью отца, единственной наследницей княжеского престола. Однако Алису явно не устраивало положение овдовевшей княгини-матери.

Вопреки воле отца и обычаям княжества (передача власти строго по праву кровного родства), Алиса объявила себя правительницей Антиохии, бросив вызов как антиохийским баронам, так и Бодуэну II де Бургу, и предприняв отчаянную попытку заручиться поддержкой главного противника франков – сельджукского правителя Алеппо и Мосула Имад ад-Дина Зенги. Она направила к Зенги богатые дары, умоляя привести войска к ней на помощь, т.е. против ее собственного отца (!)⁸. Архиепископ Гильом с удовлетворением отмечал, что в Антиохии «было множество богобоязненных мужей, которые осудили безумства этой женщины»⁹. Когда к Антиохии подошла армия Бодуэна II, часть антиохийских франков открыла ворота и сдала город королю. Алиса со своими сторонниками укрывалась в антиохийской цитадели, капитулировав лишь тогда,

---

⁷ «Erat autem mater, mulier prudentissima, plenam pene in omnibus saecularibus negotiis habens experientiam, sexus feminei plane vincens conditionem, ita ut manum mitteret ad fortia; et optimorum principum magnificentiam niteretur aemulari, et eorum studia passu non inferiore sectari. Regnum enim, filio adhuc intra puberes annos constituto, tanta rexit industria, tanto procuravit moderamine, ut progenitores suos in ea parte aequare merito diceretur; cujus quandiu regi voluit consilio filius, optata tranquillitate gavisus est populus, et prospero cursu regni procedebant negotia». Ibid. Lib. XVI, c. 3, p. 707.

⁸ Ibid. Lib. XIII, c. 27, pp. 599-600.

⁹ «Nam in eadem civitate erant viri timentes Deum, insanientis feminae contemnentis proterviam». Ibid. Lib. XIII, c. 27, p. 600.

когда к ней вышел ее престарелый отец Бодуэн II. Однако этот безуспешный мятеж не стал концом «карьеры» для Алисы; молодая вдовствующая княгиня избежала как пострига и заточения в монастыре, так и ссылки. Король Бодуэн II запретил ей посещать Антиохию, но Алиса сохранила за собой богатейшие приморские земли с портовыми городами Латакией и Джабалой, которые были переданы ей покойным супругом – князем Боэмундом II¹⁰.

В 1132-33 гг. Алиса, княгиня Латакии и Джабалы, стала деятельной участницей союза франкских государей и баронов северной Сирии против сеньориальных притязаний нового короля Иерусалимского Фулька (мужа ее старшей сестры Мелисанды): «После смерти своего отца, почувствовав, что настал подобающий час для действия, она вернулась к своим прежним планам, словно обретя второе дыхание. Богатыми дарами и обещанием большей власти она собрала значительное число сторонников, в числе которых был сеньор Саона – Вильгельм и его брат – Гарентон, граф Понс Триполийский, а также Жослен Младший – граф Эдесский»¹¹. Даже если архиепископ Гильом преднамеренно сгущал краски, выводя образ неугомонной Алисы, плетущей заговоры против королевства Иерусалимского, вряд ли можно сомневаться в том, что Алиса выступала в этом союзе сирийских баронов как равноправный участник, совместно с графами Понсом Триполийским и Жосленом II Эдесским. В ее лице мы видим знатную франкскую принцессу, которая без малого 20 лет держала одну из крупнейших сеньорий Антиохийского княжества и всего Латинского Востока, вступала в союзы с окрестными баронами, издавала хартии от собственного имени и не нуждалась ни в одобрении своего сюзерена, ни тем более – в поиске нового супруга¹².

Несмотря на то, что в той же хронике Гильома королева Мелисанда Иерусалимская представлена как кладезь мудрости и добродетели, а ее сестра Алиса как безумная интриганка, нельзя не отметить, что обе сестры предстают как волевые, способные и крайне амбициозные женщины, стремившиеся завоевать высочайшее место в обществе.

---

¹⁰ Ibid. Lib. XIV, c. 4, p. 611.

¹¹ «Illa porro, patre defuncto, putans congruam invenisse opportunitatem, ad prius conceptum iterum aspirabat propositum. Horum autem studiorum complices munerum largitione et promissis super amplioribus, quosdam potentiores effecerat, Willelmum videlicet de Sehunna, Guarentonis fratrem et Pontium comitem Tripolitanum, necnon et Joscelinum juniorem Edessanum comitem». Ibid. Lib. XIV, c. 4, pp. 611-612.

¹² Сохранилось несколько хартий, изданных Алисой, «княгиней Латакии». [Adelicia, Laodicea principissa]. Хартии, датированные 1134 г. и 1150 г., см.: *Röhricht*. 1893. № 263, p. 67; *Röhricht*. 1904. № 152, p. 12.

Не менее яркой фигурой была дочь Алисы – княгиня Констанция Антиохийская, признанная законной правительницей в четырехлетнем возрасте, сразу после гибели своего отца Боэмонта II. Несмотря на то, что на протяжении первых 22-х лет жизни Констанция находилась в тени регента княжества – Фулька Анжуйского, а затем своего первого супруга – князя Раймонда де Пуатье (она была выдана за него в девятилетнем возрасте), вторая часть ее пребывания во главе княжества Антиохийского явно свидетельствует о том, что эта франкская княгиня отнюдь не была лишь «дополнением» к престолу.

Летом 1149 г. Констанция потеряла супруга, павшего в битве при Инабе, и четыре года оставалась вдовой. Разумеется, было немало кандидатов, желавших разделить ложе и престол с молодой княгиней Антиохийской. Однако Констанция, презрев советы своих теток – королевы Мелисанды Иерусалимской и графини Годиерны Триполитской, и отвергнув кандидатов, предложенных сюзереном Антиохии – византийским императором Мануилом I Комниным и старшим из франкских государей Заморской земли – Бодуэном III Иерусалимским, неожиданно взяла себе в супруги малоизвестного и далеко не самого знатного французского рыцаря – Рене де Шатильона¹³. Это можно было воспринимать как вызов, брошенный окружавшим ее государям, прелатам и баронам. Брак с Рене был продиктован исключительно личным выбором княгини. Гильом с горечью писал о том, что многие в Антиохии и Иерусалиме были опечалены тем, что «княгиня, эта могущественная и великолепная женщина, лучшая из лучших, любимая и почитаемая многими, сочеталась браком с простым рыцарем»¹⁴. Иоанн Киннам с негодованием писал о том, что, отвергнув сородича императора, Констанция «сочеталась браком с каким-то Ренальдом»¹⁵. Удивительно не столько то, что княгиня решила отвергнуть политические и династические соображения ради любви, сколько тот факт, что ее решение не оспорили ни вассалы, ни король Иерусалимский, ни византийский император, хотя поведение Рене этому как раз способствовало. За семь лет пребывания на антиохийском престоле, Рене успел прославиться как несколькими яркими походами, так и величайшими скандалами. На заре своего правления он

¹³ Гильом Тирский упоминает, что Констанция отвергла трех женихов, предложенных ей Бодуэном III, а византийский историк Иоанн Киннам рассказывает, как она отвергла родственника императора Мануила I Комнина – кесаря Иоанна Рожера. *Guillaume de Tyr. Lib. XVII*, с. 18, pp. 789-791; *Иоанн Киннам*. Кн. IV, гл. 17, с. 196.

¹⁴ «*principissam, non sine multorum admiratione, quod tam praeclara, potens et illustris femina et tam excellentis uxor viri, militi quasi gregario, nubere dignaretur.*». *Guillaume de Tyr. Lib. XVII*, с. 26, p. 802.

¹⁵ *Иоанн Киннам*. Кн. IV, гл. 17, стр. 196.

подверг жутким истязаниям латинского Патриарха Антиохии – Амори де Лиможа, в 1156 г. – дотла разорил византийский Кипр, а осенью 1158 г. позорно капитулировал перед византийским императором. Однако, несмотря на эти, возмущавшие современников события никто из баронов и прелатов не посмел бросить Рене открытый вызов, смиряясь с выбором княгини. В 1160 г. князь Рене был пленен тюрками-сельджуками и обрел свободу лишь через 16 лет, уже после смерти Констанции.

Для Констанции начался период трехлетнего самостоятельного правления. К этому времени, ее старший сын Боэмонд III достиг совершеннолетия и, опираясь на поддержку иерусалимского короля и антиохийского нобилитета, заявил о своем праве на престол, но Констанция, заручившись поддержкой Мануила I Комнина, удержала власть в своих руках¹⁶. Таким образом, в Антиохии развернулись ровно те же события, какие в 1149-53 гг. имели место в Иерусалиме: борьба между находившейся у власти матерью и ее достигшим совершеннолетия сыном. История этой борьбы описана в хронике Михаила Сирийца: «после того как Ренальд был взят в плен тюрками и заключен в Алеппо, его жена, которой принадлежала Антиохия, унаследованная ей от отца, приняла власть над городом и правила им, как полноправная государыня. У нее был сын, который уже достиг совершеннолетия, но не был допущен к власти, что вызвало раздражение у властителей той страны»¹⁷. В 1163 г. Боэмонд III, при поддержке своих вассалов и киликийского князя Тороса II Рубенида, смог поднять восстание и изгнать мать из Антиохии. Последние годы жизни Констанция провела в Латакии, получив от сына титул княгини Латакии и Джабалы, и повторив в этом судьбу своей матери.

Помимо Констанции Антиохийской, мы видим в Иерусалимском королевстве и других женщин, которые либо самостоятельно правили своими сеньориями, либо передавали права на унаследованные фьефы мужьям. Лучшими примерами подобного «женского присутствия» во главе сеньорий могут служить Эшива де Буре, княгиня Галилейская, и Стефания де Милли, сеньора Трансиордании. Эшива де Буре унаследовала княжество Галилейское у своих скоропостижно скончавшихся братьев Алинарда и Гильома II и дважды передавала земли княжества своим супругам, вначале – Готье де Сент-Омеру, а затем – графу Раймонду III Триполийскому. Стефания де Милли, остававшаяся сеньорой Трансиордании на протяжении девятнадцати лет (1168-1187 гг.), последовательно передавала унаследованный титул и земли трем мужьям: Онфри III де Торону, Милю де Планси и, наконец, бывшему князю Ан-

¹⁶ *Runciman*. 1995. Book IV, c. 3, p. 358-359; *Cahen*. 1940. Pars IV, c. 1, p. 405-406.

¹⁷ *Michel le Syrien*. Vol. III, Lib. XVIII, c. 10, p. 324.

тиохийскому Рене де Шатильону¹⁸. В Антиохийском княжестве присутствие женщин во главе сеньорий сильнее всего ощущалось на закате правления нормандской династии де Отвиллей. Так, в начале 1130-х гг. во главе трех из шести великих сеньорий княжества Антиохийского стояли женщины. На княжеском престоле Антиохии находилась малолетняя княжна Констанция, сеньория Латакии и Джабалы принадлежала вышеупомянутой княгине Алисе, а сеньория Тарса и Мамистры, объединявшая все земли франкской Киликии, была фьефом Сесилии де Бург – сестры короля Бодуэна II и вдовы князя Рожера Антиохийского¹⁹.

Одним из наиболее символичных выражений франкского отношения к женской власти на Латинском Востоке стала коронация Сибиллы Иерусалимской и ее супруга – Ги де Лузиньяна в Храме Гроба Господня в сентябре 1186 г. Сибилла, будучи дочерью короля Амори I Иерусалимского, старшей сестрой короля Бодуэна IV Прокаженного и матерью умершего в младенчестве короля Бодуэна V, имела все кровные права на королевский престол. Ее супруг – граф Яффы и Аскалона Ги де Лузиньян мог рассчитывать на королевский венец лишь по праву брака. Согласно Продолжателю Гильома Тирского, во время коронации «Патриарх (латинский Патриарх Иерусалима Иракий – С.Б.) возложил один венец на алтарь Храма, другим же короновал графиню Яффы. Когда графиня была коронована и возведена в сан королевы, Патриарх обратился к ним со следующими словами: “Сударыня! Будучи женщиной, Вам подобает избрать мужа, который помог бы Вам править королевством. Вы видите пред собой корону. Возьмите же ее, и передайте тому, кто способен править королевством”. Она взяла корону и подозвала своего мужа, со словами: “Сир! Подойдите же и примите корону, ибо я не знаю лучшего места, куда ее возложить, кроме как на Вашу голову». Он встал пред ней на колени, и она возложила на него королевский венец”²⁰. В словах, приписываемых Патриарху, читается двойственность франкского отношения к женской власти. С одной стороны, отмечается слабость женского пола и неспособность женщины быть полноценной, самостоятельной государыней, но при этом именно женщине предоставляется право выбирать себе соправителя, и с этим выбором смиряется как Церковь, так и нобилитет.

На долю франкской сеньоры в Заморской земле выпадало не только управление фьефом; подчас ей приходилось возглавлять оборону городов от мусульманских армий, после того как франкские войска оказыва-

¹⁸ Подробнее см.: *Riley-Smith*. 1973; *Hamilton*. 2000.

¹⁹ Подробнее см.: *Asbridge*. 2000. P. 155-180. Хартию Сесилии де Бург, сеньоры Тарса и Мамистры, датированную 1126 г. см.: *Röhricht*. 1904. № 114. P. 9.

²⁰ *Continuatur de Guillaume de Tyr*. 1859. С. 17, p. 29.

лись разбитыми в полевых сражениях. Так, в последний год существования графства Эдесского во главе этого франкского государства встала графиня Беатриса, жена плененного сельджуками графа Жослена II де Куртенэ. На ее плечи выпала как оборона столицы графства – города Турбессель, так и переговоры с Мануилом I Комниним о передаче франкских территорий ромеям. Выдержав первые атаки сельджуков, которые начались сразу же после пленения Жослена II, Беатриса смогла призвать на север армию палестинских, антиохийских и триполлийских франков, во главе с королем Бодуэном III Иерусалимским, продать земли своего графства византийскому императору и армянскому католикосу, и, после эвакуации франкского и армянского населения, успешно пристроить своих детей – Жослена III и Агнессу – в пределах княжества Антиохийского и королевства Иерусалимского²¹.

Летом 1187 г. оборона Тивериады, столицы княжества Галилейского, выпала на долю Эшивы де Буре, в то время как ее супруг граф Раймонд III Триполлийский и четыре сына находились в рядах королевской армии, выступившей от источников Сефории и разгромленной Салах-ад-Дином в битве на Рогах Хаттина. По-крайней мере, доподлинно известно, что после уничтожения армии Иерусалимского королевства, именно Эшива де Буре возглавляла переговоры с Салах-ад-Дином о сдаче Тивериады и эвакуации ее жителей: «Когда сеньора Тивериады прослышала о пленении короля и разгроме христианского войска, она решила, что и ее муж, и ее дети пропали. Она тут же направила послание к Саладину, известив его о том, что она готова сдать ему Тивериаду в обмен на безопасный проход к Триполи. Саладин с готовностью согласился и немедленно направил войска к городу, чтобы занять укрепления и препроводить сеньору и народ Тивериады в безопасную местность»²².

Вспомним и о том, что последним правителем графства Триполи была графиня Люсия Триполлийская. Наследовав своему брату – бездетному князю Боэмонду VII, Люсия оставалась у власти вплоть до падения графства под ударами мамлюкских армий султана Калауна. Когда мамлюки, после трехмесячной осады, ворвались в Триполи, Люсия, вместе с некоторыми знатными франками и итальянками эвакуировалась на Кипр, а затем – в Южную Италию, навсегда покинув пределы Заморской земли²³. Изображение этой женщины, восседающей рядом с епископом, в окружении вассалов, посреди осажденного мамлюками города можно

---

²¹ *Guillaume de Tyr. Lib. XVII, c. 15-17, pp. 783-789. Michel le Syrien. Vol. III, Lib. XVII, c. 12, pp. 296-297.*

²² *Continuatur de Guillaume de Tyr. C. 45, pp. 67-68.*

²³ *Le Templier de Tyr. Livre III, cc. 468-479, pp. 232-239.*

увидеть на одной из миниатюр генуэзского кодекса XIV в., хранящегося в собрании Британской библиотеки (MS Additamentum, № 27695).

Итак, на землях Латинского Востока где сосредоточилась наиболее воинственная и активная часть западного населения, мы видим женщин, которые наравне с мужчинами держали фьефы, издавали хартии, стояли во главе оборонявшихся городов, восходили на престолы, и даже вступали в открытую борьбу за власть со своими достигшими совершеннолетия сыновьями. Все это говорит о том, что некий импульс к упрочнению положения женщины среди франкского нобилитета не может быть списан на внешние изменения, т.е. на крестовые походы или «опустевшую» после многочисленных войн Западную Европу. Очевидно, подобный импульс был заложен в некоей внутренней парадигме культурного развития западно-христианского общества, вступившего в эпоху Высокого средневековья. Парадоксально лишь то, что этот импульс с особой силой проявился на территории Латинского Востока, оторванного от всего остального «западного» мира и окруженного землями сарацин.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Asbridge T.* The Creation of the Principality of Antioch. 1098-1130. Woodbridge, The Boydell Press, 2000.
- Cahen C.* La Syrie du Nord a l'epoque des Croisades et la principaute franque d'Antioche. Paris, 1940.
- Continuatur de Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, *RHC Occ. II.* Paris: Imprimerie Imperiale, 1859.
- Guillaume de Tyr.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, *RHC Occ. I.* Paris: Imprimerie Royale, 1844.
- Hamilton B.* The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. Cambridge University Press, 2000.
- Iacobi de Vitriaco.* Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. Douai, 1597.
- Riley-Smith J.* The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem. 1174-1277. London, Macmillan Press Ltd., 1973.
- Röhricht R.,* ed. Regesta Regni Hierosolymitani. Innsbruck, 1893.
- Röhricht R.,* ed. Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum. Innsbruck, 1904.
- Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. II: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East. Cambridge University Press, 1995.
- Le Templier de Tyr.* Les gestes des Chiprois. Geneva, 1887.
- Иоанн Киннам.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской духовной академии. СПб., 1859.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М: Прогресс-Академия, 1992.
- Брюн Сергей Павлович,** аспирант Института культурологии Государственного академического университета гуманитарных наук; sbrun@mail.ru

З. М. КОБОЗЕВА

«АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ В МЕЩАНСКИХ СЕМЬЯХ

Статья посвящена проблеме эмоционального переживания родительской любви в мещанских семьях второй половины XIX века. Анализируется связь образа мещанства в русской классической литературе и общественной мысли с культурой чувств данного сословия, имплицитно присутствующей в «диалоге с властью».

Ключевые слова: история эмоций, мещанское сословие, родительская любовь, провинциальный город, семья.

---

*«Государь ты мой батюшка родимый!
Не вози ты мне золотой и серебряной парчи,
ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого,
ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального,
а привези ты мне аленький цветочек,
которого бы не было краше на белом свете»
(С.Т. Аксаков)*

Среди целого спектра различных видов «дискриминаций», связанных с историей мещан в России, особое место занимает негласное изъятие права на «настоящую» любовь у представителей данной сословной группы. Даже наступившая в историографии эпоха исследовательской «реабилитации» мещанства¹, с особым интересом обратившаяся к анализу внутрисемейного быта городских обывателей, не затрагивает их любовные переживания, ограничиваясь констатацией: «отношения в семье в основном оставались патриархально-авторитарными»².

Мещанская любовь не воспета в художественной литературе, пожалуй, за исключением достаточно вялого чувства Молотова в повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье»³. В русской поэзии стихотворение А. Кольцова «Мещанская любовь» («Забудь презренного скорей; / А я найду, поверь, другую / Себе красавку городскую / Тебя моложе и милей») семантически определяет дискурс чувств, на которое способны представители данной страты, вылившийся в позднейший период в карикатурный любовный образ «мещанских переживаний» в стихотворениях С. Чёрного: «Я имел для души / Дантистку с телом белее известки и мела, / А для тела - / Модистку с удивительно нежной душой»⁴.

---

¹ Бухараев. 2000.

² Гончаров, Чутчев. 2004. С. 126.

³ Помяловский. 1981.

⁴ Чёрный С. Ошибка.

И, наконец, между фольклором и литературой расположен жанр русского мещанского романа, который также в определённой степени повинен в формировании образа мещанской любви. Как считают некоторые исследователи, мещанский роман не отличается высокими эстетическими достоинствами⁵. Ему свойственен «своеобразный эмоциональный настрой, который можно условно обозначить словом «надрыв». Надрыв – это не просто минорность, не просто трагичность – это чувство очень сильное, оголенное, нарочито выставленное и в то же время грубое и примитивное; не столько слезливость, сколько смакование слезливости: *«И ничто меня в жизни не радует/ И не манит в поля и луга,/ Только слезы на грудь мою капаят,/ только манит сырая земля/ Все уже пережито,/ А мне семнадцать лет./ Вся жизнь моя разбита,/ В любви пощады нет...»*⁶. Апогеем пародии на мещанскую любовь становится знаменитое стихотворение В. Маяковского «Маруся отравилась»: *«Из тучки вылез месяц / молоденький такой / Марусяка отравилась / везут в приём-покой / Понравился Марусяке / Один с недавних пор / нафабранные усики / расчёсанный пробор / Он был монтёром Ваней/ но... в духе парижан / себе присвоил звание: / «электротехник Жан» / Он говорил ей часто / Одну и ту же речь: / Ужасное мещанство / невинность зря беречь...»*⁷.

Сразу следует оговориться, что в контексте русской культуры напрасный труд проводить водораздел между мещанством как сословием и мещанством как определённым типом духовности и текстом поведения: как сиамские близнецы, с помощью великой русской литературы и интеллектуальной мысли, срослись эти понятия и стали двумя сторонами одной медали, «отчеканенной» советской программой конструирования классовой идентичности и «доведённой до блеска» многолетней и многотрудной борьбой с мещанством.

Родительская любовь в мещанской среде так же глубоко сокрыта за образами «юных Бессемёновых» в пьесе М. Горького «Мещане». *«А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой...»*, – сетует Василий Васильевич своим детям, которые, как и герои Помяловского, стремятся оторваться от мещанской среды, подняться над своей социальной средой. В исторических исследованиях родительская любовь в мещанских семьях также не выделяется в качестве предмета мещанской рефлексии, так, например, В.С. Чутчев и Ю.М. Гончаров в своём исследовании мещан-

⁵ Кофман. С. 222.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ Маяковский. Маруся отравилась («Из тучки месяц вылез...»).

ской семьи Западной Сибири отмечают, что «главной особенностью провинциальных городских семей середины XIX в. являлась патриархальность внутрисемейных отношений»⁸, а про любовь – ни слова.

Одним из первых к анализу эмоциональной сферы жизни русских горожан обратился А.И. Куприянов в статье, опубликованной в сборнике «Человек в мире чувств»⁹. В более поздней монографии «Городская культура русской провинции» (в главе «Чувства и представления русских горожан»), он рассматривает такую категорию как «счастье», под которым во многих случаях понимается именно семейное счастье. В частности, Куприянов пишет: «Для молодого Фёдора Васильевича Чижова счастье – категория, применимая лишь к ...интимным переживаниям, связанным исключительно с восприятием семейных отношений, любви и секса»¹⁰. Автор одного дневника видит препятствие в отношениях с девушкой в том, что в её семействе нет «семейной привязанности», но под «семейной привязанностью» он понимает не столько «любовь», сколько «тягу провинциала к патриархальности домашнего уклада и стремление обрести комфортную социальную среду посредством родственных связей»¹¹.

В книге проводится водораздел между представлениями о счастье «интеллектуалов» и «мещанским счастьем». Репрезентация мещанского счастья основывается на дневниках купцов и мещан. С одной стороны это вполне правомерно, так как социальный статус мещан и купцов третьей гильдии был достаточно близок, термин «мещане» мог использоваться как собирательный для обозначения купеческо-мещанского сообщества города, и, тем не менее, интересно, отличались ли представления о счастье у купцов и мещан в рассматриваемый период или же их рефлексию возможно объединить понятием «мещанское счастье». По сравнению с «интеллектуалами», переживания купца Медведева, более надрывны, эмоционально взвинчены, как и эмоциональный фон «мещанского романса» по сравнению с русским классическим романсом. Купец пишет о том, что его «сердце готово изливаться во всех оттенках любви родственной»¹². В качестве доказательства того, что «среди благ земных семья занимала исключительное место в системе жизненных ценностей русских горожан», Куприянов обращает внимание на организацию записей в семейном синодике тверских купцов Блиновых¹³.

⁸ Гончаров, Чутчев. 2004. С. 126.

⁹ Куприянов. 2000.

¹⁰ Куприянов. 2007. С. 431.

¹¹ Там же. С.433.

¹² Там же. С.439.

¹³ Куприянов. 2007. С. 440.

Так как нас в рамках данной статьи интересует более узкая тема любви во взаимоотношениях родителей и детей в мещанстве, то особенно интересен оказывается сюжет книги, связанный с наказанием детей. В этом случае автор обращается к текстам мещанина Нечкина, который считал возможным «оказывать физическое воздействие» в воспитательных целях на своего 11-летнего сына¹⁴. Народная мудрость гласит: «Наказывай ребёнка, коль поперёк лавки лежит, а когда ляжет вдоль – поздно»¹⁵. Выражение «бьёт значит любит», как правило, относилось к взаимоотношениям мужа и жены, но в отношении детей это так же передавало смысл воспитательной парадигмы, в которой наказанию придавалось значение любви: «кто детям потакает, тот сам плачет»¹⁶. Куприянов отмечает интересный момент в семье Нечкина, когда «безответственное поведение мальчика вызывало у отца приступы ярости, которые останавливали не столько просьбы жены, сколько слёзы нежно любимой четырёхлетней дочери»¹⁷. Описывая отношение к наказаниям детей со стороны купца Медведева (не имея собственных, тот наказывал племянников), Куприянов поднимает интересную проблему переживания горожанином возможности насилия по отношению к другому человеку, в частности, к ребёнку. Истоки насилия Медведев «видит в своём детстве, в примерах, которые повседневно видел в семье родителей, воспитанных в деревне «при образцах невежества и грубости нравов»»¹⁸.

Таким образом, традиционная воспитательная парадигма, основанная на наказаниях детей побоями, постепенно начинает исчезать из жизни горожан под влиянием тех гуманистических идей, которые, подобно брошенному в воду камню, начинали распространяться в обществе от образованных слоёв населения в глубинку, в патриархальную культуру, которую олицетворяла деревня. Размышляя над этим, мы вновь оказываемся перед образами, созданными русской литературой: жизнь Алёши «в людях» (М. Горький), нянька Варька в рассказе А.П. Чехова «Спать хочется» и т.д. В этих произведениях город напротив представлялся тем местом, где «в силу юридической незащищённости дети нередко становились объектом эксплуатации, насилия и других преступных действий»¹⁹. Но, как замечательно написал в «Истории Англии» Дж.М. Тревельян в отношении XIX в. и детства: «сочувственное внимание к играм,

---

¹⁴ Там же. С. 449.

¹⁵ Русские народные пословицы и поговорки. С. 56.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Куприянов. 2007. С. 450.

¹⁸ Там же. С. 451.

¹⁹ Власов. 2001. С. 374.

фантазиям и мыслям детей было одной из лучших черт этого века, в котором многие думали о семейной жизни и воспитывали многочисленное потомство», но отметил, что «пренебрежение к детям и дурное обращение с ними исчезало с трудом...»²⁰. В русском обществе, несмотря на проникновение гуманистических идей в отношении детства, продолжали оставаться такие практики воспитания, изучая которые, специалист по истории детских самоубийств в России на рубеже XIX–XX вв. А.Б. Лярский заключает: «подавляющее большинство людей, учившихся в русских гимназиях, всё-таки выжило»²¹.

Ещё один сюжет, связанный с родительской любовью, затрагивается в исследовании А.И. Куприянова в отношении реакции родителей на смерть детей. По мнению автора, горожанин конца XVIII в. стал более эспрессивно и эмоционально переживать смерть детей, чем это происходило ранее (царь Алексей Михайлович, утешая боярина М.И. Одоевского по случаю смерти его сына, наставляет: «через меру не скорбеть... прослезитца надобно, да в меру, чтобы Бога наипачи не прогневить...»²²), что отразилось и в лексике, связанной с дискурсом детской смерти и в картине мира²³.

Взаимоотношениям родителей и детей в городских семьях провинциального Бежецка XVIII в. посвящена глава «Дела семейные» в исследовании А.Б. Каменского о повседневности русских городских обывателей²⁴. Нельзя не солидаризироваться с выбранным в качестве отправного момента высказыванием К. Фридрихса о том, что «можно документировать всевозможные формы семейного взаимодействия: мы можем найти как преданных супругов и снисходительных родителей, так и жестоких мужей, несносных жён, сварливых матерей и отцов. Но какой тип поведения был обычным, а какой – отклонением от нормы, определить трудно»²⁵. Не акцентируя внимания на эмоциональном фоне, А.Б. Каменский показывает эти разные типы поведения, в частности, обращает внимание на то, что и родители нередко страдали из-за детей: были избиваемы и «бранимы всячески»²⁶. Причём, «если родители время от времени жаловались на своих непутёвых детей, то ни одного случая жалоб детей на родителей в бежецких документах обнаружить не

---

²⁰ Тревельян. 2001. С. 570.

²¹ Лярский. 2010, С. 15.

²² Куприянов. 2007. С. 455.

²³ Там же. С. 457.

²⁴ Каменский. 2007. С. 271–291.

²⁵ Цит. по: Каменский. 2007. С. 272.

²⁶ Там же. С. 285.

удалось»²⁷. Важное замечание А.Б. Каменского касается самого процесса документирования внутрисемейных отношений через призму такой специфики русского менталитета, благодаря которой «не только власть считала себя обязанной вмешиваться в личную жизнь подданных, но и сами подданные видели во власти средство защиты и механизм регулирования их отношений с ближайшими родственниками»²⁸.

Именно поэтому при изучении эмоционального контекста взаимоотношений родителей и детей применительно к середине XIX века мы обращаемся к делопроизводственной документации, сосредоточенной в фондах городской думы и мещанской управы: мещане обращаются «во власть» с просьбами повлиять на их внутрисемейные отношения, точно так же как и в советскую эпоху на партсобраниях обсуждались публично такие вопросы семейного быта, которые в западной ментальности принято считать частной (приватной) сферой – *privacy*. Неудивительно поэтому, что зарубежные историки (Питер Гетрелл, Дэвид Мэйси, Грегори Фриз) в дискуссии вокруг монографии Б.Н. Миронова о социальной жизни в России, обращают внимание на то, что в его исследовании недостаточно затронута сфера *privacy*²⁹. Данный круг источников позволил выделить несколько сюжетов, которые иллюстрируют эмоциональный «режим» в повседневном семейном быту мещан.

«Письмо матери»

В достаточно объёмном деле распорядительной документации городской думы за 1855-57 гг., хранящейся в фонде мещанской управы, попало письмо, написанное корявым детским почерком с отнюдь не детским сюжетом (письмо приводится ниже в полном объёме с орфографией источника):

«Дрожайшая родительница и милостивая государыня маминька Анна Михайловна / свидетельствую Вам своё глубочайшее почтение / прошу я вас любезная маминька чтобы вы не отреклись наградить меня своим заочным родительским благословением которое может существовать по гроб моей жизни / Любезной моей сестрице Александре Константиновне свидетельствую я Вам глубочайшее почтение и низко склоняюсь любящим моим единоутробным братцем Якову Константиновичу / Павлу Константиновичу / Любящая маминька / Я верно знаю что вы не имея обо мне через несколько лет никакого известия и находитесь в отчаянии о моей жизни правда что я во время моего странствия претерпеваю великие нещастии но при том лишившись дрожайшего своего родителя / и придавши его земле 1836 го года января 2 дня....(неразборчиво – З.М.) /...был приве-

²⁷ Там же. С. 287.

²⁸ Там же. С. 290.

²⁹ Миронов. 2003. С. 2.

дён в худое состояние даже доходил до бешенства потому что больше думать мне другого ничего как только что я опять должен препроводить нищанскую жизнь свою в каземате если бы родитель мой был теперь в живее то может быть и я освобождён был бы... / А что теперь касается до освобождения того я не знаю потому дело моё состоит за сенатом. А в продолжении сего времени как я сижу в каземате с 1853 года марта месяца выступил из Астрахани под строжайшим караулом в ножных и ручных оковах. А на упродовольствие наказанным выдаётся в сутки 5 коп. серебром на хлеб и на привару. А одежды казённой не дают ни нитки. А хлеб здесь 12 коп. ассигнац. за фунт. И так... голодаем. И при сём случае прошу Вас Дражайшая родительница имею я крайнюю нужду в деньгах и прошу Вас покорно пришлите мне сколечко нибудь денег ещё прошу я вас любезная маминька уведомите меня насчёт моих братьев при какой должности они находятся А ещё насчёт сестрицы за кого она отдана замуж и в какое место и как ея зовут супруга и пропишите мне все обстоятельства подробно а ещё получили от моего хозяина контракт шкатулка с инструментом золотарным... ещё прошу уведомить насчёт дедушки Петра Иванова и бабушки Федосьи Степановны что они живы или нет попрошу уведомить меня но при том ещё надеюсь что буду освобождён по манифесту только затем ещё содерживаюсь под арестом пока из сената придёт моё дело / При конце сего письма писать... более неپردвижу Остаюсь жив и здоров / навсегдашний покорнейше сын Ваш / Иван Константинов Уланов / если будете писать письмо пошлите в Ставропольскую губернию в г. Кизляр Его благородию Алексею Павловичу смортителю тюремного замка с передачею Ивану Константинову Уланову /...1857 го января 27 Любезный сын Иван Уланов»³⁰.

Данное письмо, рефлексия одного исторического персонажа, представляет собой на фоне эмоционально скупой делопроизводственной документации некий «надрыв», в котором сосредоточились и тоска, и любовь, и отчаяние, и страх, своего рода «Письмо матери»: «Ты жива ещё, моя старушка? / Жив и я, привет тебе, привет...». Для изучения истории «немотствующего» (из-за практического отсутствия так называемых эго-источников) мещанского сословия подобный документ безусловно выразителен, но приводит в «тупик» с точки зрения возможного выхода на контекст (о мещанах-девиантах и пенитенциарной системе в России) или продолжения истории (случайные письма, попавшие в делопроизводство, как правило, не имеют продолжения). Встаёт вопрос о том, как интерпретировать эмоциональный заряд данного текста. Опять-таки напрашиваются аналогии с мещанским романсом. Так же как при противопоставлении жанров «высокого» искусства и «низкого» (каким принято считать мещанский романс), как высокое и низкое противопоставляется традиционно *emotio* – *ratio*, эмоциональность мало

³⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 1404-1404 (а) (Об.).

образованных социальных слоёв и сдержанность и рационализм элит. Низкие эмоции низких сословий, не поддающиеся сдерживанию, не отточенные воспитательной парадигмой (как в дворянском сословии), могут представлять собой исследовательский интерес в отношении анализа культуры эмоционального выражения, принятой в мещанском сословии. Следует ли считать «Письмо матери» эмоциональной девиацией или же манера «громко» чувствовать как раз и была свойственна слою, породившему «мещанский романс»? И насколько эмоциональная «громкость» «мещанского романса» отличается от «громкости» романтической литературы, формировавшей чувственный мир русского дворянства первой половины XIX столетия?

Р.Г. Суни отмечал, что «данные эволюционной психологии подтверждают, что эмоции – это тот язык, без которого немислимы социальные отношения»³¹. Язык сдерживания эмоций («подавления эмоций активностью интеллекта»³²) принуждением образовательного дискурса свойственен письмам дворян-декабристов из ссылки домой. Так, например, декабрист М.Ф. Митьков из Красноярска пишет: «О моём житье-бытье скажу тебе, милый друг, что несмотря на моё болезненное состояние, затворническая жизнь моя мне не в тягость. За исключением моего доброго товарища Василия Львовича Давыдова, который меня посещает почти ежедневно, когда у него в семействе нет больных, знакомые меня посещают редко... Будучи всегда занят, скуки я не знаю... Если иногда и бывает грустно, то это происходит от тяжкой болезни...»³³. Декабризм – весьма «опасная» тема для поверхностного контент-анализа, и, тем не менее, учитывая тот факт, что «декабристы проявили значительную творческую энергию в создании особого типа русского человека... поведение значительной группы молодых людей, находившихся по своим талантам, характерам, происхождению, по своим личным и семейным связям, служебным перспективам и т.д. в центре общественного внимания, оказало воздействие на целое поколение русских людей»³⁴, можно с уверенностью констатировать, что рефлексия этого образованного слоя, выраженная как в письменной, так и в устной речи, усвоившая «формы европейской мысли и принципы формотворчества»³⁵, была вне дискурса эмоциональности городских низов, не могла себе этого позволить. Секуляризированный европейский клас-

³¹ Российская империя чувств... 2010. С. 82.

³² Там же. С. 13.

³³ Цит. по: Чернов. Сибирские письма декабриста М.Ф. Митькова...

³⁴ Лотман. 1997. С. 331.

³⁵ Овчинникова, Рожковский. 2005. С. 178.

сицизм, а затем и романтизм научил облекать эмоцию в литературные рамки. Мещане городов, очень восприимчивые к моде в любых её проявлениях, соединяли в своих эмоциональных переживаниях «романтизм, не отрывающийся от земли», слезливость сентиментального чтения, авантюризм мобильного социального слоя («бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах») и крестьянскую религиозную сдержанность («я никогда ещё не видал, чтобы большие плакали»³⁶).

Натали Дэвис в книге «Дамы на обочине» ввела понятие «маргинальное существование», подразумевая удалённость своих героинь от центров власти, образования и культуры: «скорее это было пограничное пространство между культурными слоями, которое способствовало возникновению нового и созданию удивительных гибридов»³⁷. Мещанский блудный сын, покинувший родительский кров, похоронивший отца и пишущий письмо матери, маргинален по состоянию «вырванности с корнем» и по удалённости от основного дискурса русской культуры «золотого века». В этом персонаже запечатлён знак мещанства, стремящегося вырваться из обжитого локуса на освоение новых пространств, но прикрепленного к хронотопу провинциального города, к «местечку», российским законодательством и бюрократической системой. Система поймала Ивана Константиновича Уланова. В письме к матери он взывает к тем социальным связям, которые покинул. Мы не знаем, найдёт ли он их...

Другой пример «блудного сына» не менее трагичен, но запечатлён со стороны родственников, которых покинули. Самарская мещанская семья Барышниковых разыскивала сына и брата в г. Енисейске. Михаил Николаевич Барышников уехал в Енисейск работать на золотых приисках «Купцов Рязановых, Мошарова и Ко.». Родные выслали ему полугодовой паспорт. Но вот проходит уже год – а никакой весточки от Михаила не поступает. Родные же в свою очередь понимают, что уже необходим новый паспорт, иначе могут этапом в арестантских одеждах отправить в Самару. Тогда брат Иван пишет прошение в думу с просьбой разобраться в данной ситуации, так как на его запрос в Енисейскую городскую полицию пришёл ответ, нацарапанный на письме их отца к Михаилу: «*Михайла Николаевич приказал всем своим знакомым долго жить, который уже помер как год тому назад*». Иван пишет в своём прошении: «*Я в справедливости её (приписки из Енисейска – З.К.) сомневаюсь, полагаю, что если бы он действительно помер, то хозяева его, вероятно, паспорт его, хотя и просроченный, отправили бы обратно в Думу для уничтожения*». К делу было приложено и письмо от-

³⁶ Горький. 1951. С. 10.

³⁷ Дэвис. 1999. С. 243-244.

ца (написано очень неразборчиво): «Милый сын / Во первых строках посылаю тебе своё родительское благословение которое для тебя будет полезно...Я и ...не могу понять милый сыночек почему от тебя и до сего времени не могу получить никакой весточки где ты в настоящее время служишь...Это для меня горько / Нынче... я получил сведения о тебе что ты ещё существуешь на белом свете, от Ивана Максимовича, который мне сообщил сведения о тебе, но я милый сын ни письма ни денег... от тебя.../ прошу тебя приезжай ты ради Бога сам домой / хоть избавишь ты меня от престоющей скорби о тебе / прими милый сыночек от меня почтение да от брата твоего Ивана Николаевича и супруги Марьи... почтение от сестры... брата и супруги... от детей наших почтение...». На оборотной стороне письма совсем неразборчиво, как в отчаянии, приписано о «проклятой Сибири» и даже уже не просьба, а крик, чтобы сын вернулся. Поверх данного письма другим почерком было написано о смерти Михайло Николаевича³⁸.

Читая литературу по истории эмоций с желанием увидеть путь к интерпретации казуса, везде наталкиваешься на формулу соотношения казуса и принятого в обществе на том или ином этапе поведенческого канона. Как же быть с вневременным чувством, неизбежно присущим любым социальным категориям – с родительской любовью? Может ли это чувство нести в себе след эпохи или социального происхождения? Был ли присущ низшим категориям населения России некий пассивный фатализм, отчасти связанный с христианским смирением, отчасти с многотрудной повседневностью? В двух приведённых письмах практически отсутствуют привычные стереотипы. Они очень личностны и субъективны, отчасти ситуативны. Но если, к примеру, М.Л. Абрамсон, анализируя семейные заботы флорентийки XV века, устанавливает определённую схему *parentado*, состоящую из ряда концентрических кругов со сложными связями и отношениями, то семейный круг в нашем случае только угадывается, стереотипы, связанные с большой патриархальной семьёй нарушены. В то же время, если героиня статьи М.Л. Абрамсон незаурядна (она – автор десятков писем³⁹, не имеющих аналогов в среде ее современниц – женщин данного круга), то в нашем случае мы имеем дело с заурядными мещанами, но их незаурядность – в одном письме, случайно дошедшем до нас в составе делопроизводственных бумаг.

Как нам кажется, следует солидаризироваться в вопросе интерпретации казуса с позицией, высказанной Ю.Л. Бессмертным, о том, что «сталкиваясь с индивидуальным... следовало бы осмыслить в нём то,

³⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 621. Л. 215-217.

³⁹ Абрамсон. 2000. С. 66-67.

что составляет его собственную специфику и что не вмещается в массовое и повторяющееся... Наиболее непосредственно это можно было бы увязать с исключительной вариативностью внутренней организации каждого индивида, с изменчивостью его психофизических черт, бесконечным многообразием его жизненных обстоятельств»⁴⁰. Индивидуальная эмоциональная реакция мещан в их переживаниях семейной разлуки исключительно выразительна и связана с таким острым чувством как любовь. «Сердце рвётся», «надрыв», «тоска» – вот тот эмоциональный фон, который в случае родительского сердца не знает сословной специфики, но в культурном ареоле российского мещанского текста приобретает бесхитростные, литературно не завуалированные черты.

Третье письмо носит эмоционально совершенно противоположный характер. Над ним не встаёт призрак смерти или тюрьмы. Оно подчёркивает достаточно крепкую связь детей с родителями и постоянную опеку со стороны родителей по отношению к детям:

«Милая моя маминька! / Авдотья Петровна! Письмо Ваше для меня весьма приятнейшее имею удовольствие получить и билет / приношу Вам мою Усердную благодарность / Желаю Вам от Всевышнего творца здравия счастья и всех благ на свете / свидетельствую вам искреннее почтение / Цалую / Любезному моему братицу Григорию Герасимовичу моё искреннее почтение с пожеланием всех благ для света и всем моим родственникам моё Душевное почтение / Уведомляю Вас что мы живём теперь с супругой Авдотей Герасимовной в разлуке ибо ей барин дал годовой паспорт и она живёт от меня в 100 верстах...в таком случае прошу вас милый мой братец Григорий Герасимович съездите сами в Самару и узнайте пожалуйста...могу ли я в случае отойти от своего барина ибо мне барин говорит что я...не могу отойти от него 10 лет о чём усердно прошу вас узнайте пожалуйста повернее / За что остаюсь вам весьма благодарен и надеюсь отдать вам в благодарность билет мой для...в Самарскую городскую думу / Яков Васильев май 12 дня 1859 г.»⁴¹.

Из записки мещанского старосты в думу проясняется, что Яков Васильев, бывший дворовый человек, отпущенник господина Васикова, был причислен указом казённой палаты от 26 июня 1858 г. в самарские мещане, но бывший хозяин не отпускал его в Самару.

«Я» в моём семействе»

Я (исследователь) – и документы (исторические источники, выявленные на протяжении года работы с фондами городской думы, духовной консистории и мещанской управы). Авторы сборника «Российская империя чувств» видят перспективу историко-эмоциональных исследований в разработке «новой “герменевтики тишины”, или “герменевтики

⁴⁰ Бессмертный. С. 18-19.

⁴¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 33. Л. 280-282.

чтения между строк”, то есть герменевтики, сосредоточенной на микроуровне текста и замечающей малейшие изменения языковой логики»⁴². Сюжеты есть, но я прислушиваюсь к междустрочью. От мещанских текстов доносится всё более различимое местоимение «Я». «Я» – как стержень той части социальной реальности, которая определялась частным пространством семьи. «Я» и моя семья – как ощущение тыла, защищённости, и в то же время того чувственного пространства, которое само нуждается в защите. Давайте вместе экзистенциально прислушаемся:

«В 1856 г. родитель мой, самарский мещанин Тимофей Фёдоров Шишкин, содержащий молоканскую секту, по неизвестно чьим проискам, был взят в городскую полицию и содержался под арестом, при чём отобрали от него Библия... Ныне, по смерти моего родителя... я осмеливаю покорнейше просить... о возвращении мне означенной Библии...»⁴³; «Бугурусланская городская ратуша объявила мне и детям моим, сыновьям... с их жёнами отношение благочинного протоиерея Кувацкого... о том, чтобы я с детьми моими в течение полугода каждый день являлась к нему ...для увещания нас об обращении к православию ...я и дети мои у благочинного Кувацкого на увещание быть не можем потому что они с мужем моим... имеют разные неприятности..., посему немудрено, что протоиерей Кувацкий в отпущение мужу моему, при увещании меня и детей моих, вместо духа кротости употребляет строгость или что другое неприличное...»⁴⁴; «Я, Ирина Кузьмина, имею при себе родного сына незаконнорождённого Агация...»⁴⁵.

Употребление местоимения «Я» в документах подобного рода было всего лишь формой делопроизводственного этикета, но в то же время «Я» как бы утверждает за собой социальное пространство. У кого же нет семейства, у того нет «Я», тот заменяет семью властью, обращаясь к ней за защитой, устанавливая «единокровный» диалог:

«Дозвольте Ваше Высочество объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия... (из письма самарского мещанина В.И. Дьячкова к самарскому городскому голове М.И. Назарову)»⁴⁶; «Милостивый государь Лев Алексеевич! решился особу Вашу побеспокоить потому что не имея в Самаре родственников и знакомых сделайте милость не оставить меня своим покровительством... (из письма мещанина Чаплыгина городскому голове Умнову)»⁴⁷.

Серединное положение с точки зрения эмоции уверенности «в тылах» занимают письма тех мещан, которые находятся на чужбине, вырванные из привычного локуса:

⁴² Российская империя чувств. С. 35-36.

⁴³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1091. Л. 2(Об).

⁴⁴ Там же. Д. 1096. Л. 19-19 (Об.)

⁴⁵ Там же. Ф. 170. Оп. 6. Д. 396. Л. 1.

⁴⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 493. Л. 48.

⁴⁷ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 1033.

«Милостивый Государь Лев Алексеевич / Мы Фалимон владимиров и моя маминька Марфа Ивановна просим Вас бути так добры для нещасных нас дайте увольнение моей маменьки Марфе ивановой...буте так добры пришлите как можно скорее (паспорт – З.К.) Пришлите нам в г. ...Тобольской губ.»⁴⁸.

«Аленький цветочек»: любовь отца к дочери

Самарский 75-летний мещанин Тит Андреевич Кожевников написал городскому голове «покорнейшее прошение» о помощи во внутрисемейных делах, из которого нам немного приоткрывается «дверь» в частный мир отдельно взятой мещанской семьи в субъективном восприятии автора прошения. Выбор данного документа обусловлен сильным эмоциональным переживанием, чувством обиды на домочадцев. Трудно определить кто прав, а кто виноват в данной семейной ситуации. Общечеловеческий опыт подсказывает, что опасно жениться на слишком молодой женщине и при этом привечать в доме молодого зятя, а также отдавать свой бизнес детям, рассчитывая на их благодарность. Кстати, в этом отношении показательна притча о птицах, рассказанная еврейской женщиной конца XVII в. Гликль бас Иуда Лейб своим детям, мудрость которой заключается в том, что родители, терпя муки из-за детей, не могут рассчитывать на их благодарность, но дети могут им пообещать сделать для своих детей столько же добра, сколько им сделали их родители⁴⁹. На пространное письмо Тита Андреевича, городской голова Гладков, заняв, по-видимому, также не его сторону, ответил, что данное дело не в его компетенции, «пусть обращается куда следует».

Тит не знал притчу о птицах и, имея хороший бизнес, женился вторым браком на молодой женщине Прасковье Николаевне. В этом браке у него родилась любимая дочь Аграфена. Когда пришло время выдавать её замуж за коллежского регистратора Александра Поцынкова, Тит дал в приданое *«ради родительской любви моей к дочери» «на 3200 рублей ассигнациями»*. Жена, Прасковья, вскоре убедила Тита, что дочери необходимо *«дать средства на существование»*.

«Я передал зятю, – жаловался Тит в Думу, – лавку мою, находящуюся на Троицкой площади, с кожевным товаром на 4 тысячи рублей ассигнациями с тем, чтобы зять заплатил за настоящий 1863 г. в Думу следующий поземельный акциз 12 рублей серебром, а в течение следующих трёх лет, таковой акциз вносить я принимал на свою обязанность, а зять мой должен только уплачивать мне за товар мой, по успеху торговли и кончить совершенно оплату непременно до конца 1867 г. Напротив, вопреки ожидания моего, зять, начав торговлю собственным моим товаром и в моей же лавке, вместо благодарности за доставленное ему истинно ве-

⁴⁸ Там же. Ф.217. Оп. 1. Д. 26. Л. 1403.

⁴⁹ Дэвис. 1999. С. 13.

ликодушное **благодеение** моё, ...стал делать мне разные **огорчения**, именно: а) по многократным моим настояниям, не уплачивал акцизные за лавку..., отзываясь сначала неимением денег, а потом решительно сказал, чтобы я к нему не обращался более... я вынужден был внести акцизные деньги сам...б) он, зять мой, вероятно с давно задуманной целью, чтобы воспользоваться всем нажитым, собственными **многолютыми** моими трудами достоянием, под предлогом настоящей старости моих лет, а главное, как я знаю в душе моей, чтобы устранить от участия в оном родного моего сына Василия от первого брака, сумел преподать свои советы второй моей жене – выше поименованной Прасковье Николаевой, и таким образом, соединяясь вообще делами мне **невynosимые оскорбления**, в особенности жена моя, ибо она при результате своей жизни, действуя по наущению зятя – как я это разумею, на каждом шагу старалась и доставляет мне одни только **самые грубые и нестерпимые дерзости** до того, что забыла долг свой перед законом Божьим и гражданским, публично и всенародно поносила меня и сына моего Василия на базаре, всевозможными бранными словами и названиями, а в доме дозволила себе, во-первых, восстановить против меня даже меньшую дочь мою 15-летнюю Федосью, и внучку дочь сына Василья Лукерью, доведённую женой моей, по ея вредному наизадью до развратного положения, которья, то есть дочь Федосья и внука Лукерья, следуя настоячивым приказаниям жены моей, так же как и сама она делали мне **бесперывные дерзости, ослушания и оскорбления**; во-вторых, за напоминания мои о неприличном поведении ея и беспорядках в хозяйственном быту моём, она, жена моя, **осмелилась вцепиться в мою старую бороду, угрожая при том задушить меня, потому что я много уже древен летами, а она гораздо моложе и сильнее меня, и в-третьих**, надеясь вероятно на поддержку со стороны зятя, а не менее и на пригласённого ею без моего согласия для квартирования в нижнем этаже моего дома ея племянника самарского мещанина Никифора Крисанфова с женою его, человека неблагонамеренного и вредного обществу, потому что он двукратно подвергался суждению за фальшивые деньги и за кражу часов и сидел за это 6 месяцев в остроге. Моя жена дошла до того, что силой выгнала меня из собственного моего дома под предлогом, что купчая крепость на дом по моему **добросердечному желанию** была совершена на её имя, причём захватила и удержала у себя всё имеющееся в доме собственное моё имущество...на сумму 298 руб. 44 коп. серебром. Обо всех этих **обидях и оскорблениях при древних моих летах** я заявил... здешней городской полиции... в) после таких проявлений, неслыханных мною до сего дня, чтобы жена, дети и внучата осмеливались когда либо безнаказанно **восставить** противу главы своего семейства, полного хозяина и властелина своего дома, – я снова обратился к зятю моему с требованием **отдать мне полный отчёт по торговле его в моей лавке и моим товаром**... но он окончательно отозвался, что знать меня не хочет и, чтобы я более к нему в лавку не приходил, а иначе он проведит меня по швам. Претерпев такие **невыразимые для меня обиды и оскорбления**, я остаюсь теперь в опасении, что зять мой... растратит весь переданный ему **товар мой**, и потому не желая лишиться нажитого многолетними тру-

дами имуществва и подвергнуться разорению единственно по проискам и злomu намерению жены моей и зятя, я осмеливаюсь прибегнуть к покровительству Вашего степенства и всепокорнейшее прошу не лишить меня вашей справедливой милости...»⁵⁰.

Тит был безграмотным, за него писал отставной штабс-капитан, чем объясняется стиль прошения. Н. Дэвис в своём исследовании справедливо отмечает: «От центров власти и иерархических структур нельзя отделиться полностью»⁵¹. Тит оказался вписанным в пространство не только местной самарской власти, к которой он столь эмоционально апеллирует, но и в пространство внутрисемейных властных отношений, в котором молодая жена, хитрый зять, мошенник – родственник жены, разгульная внучка – образуют такую корпорацию силы, с которой Тит не в состоянии справиться. Даже если предположить, что он – зануда и крохобор, а «бунт на корабле» имеет под собой законные основания, Тита жалко. В противоборстве с властью он, как слабый персонаж, оказывается в проигрыше, даже городской голова предпочёл с ним не связываться. Данный эмоциональный накал страстей свидетельствует о том, что не всё благополучно с патриархальной нравственностью в мещанском семействе. Женщины, попирая весь строй семейного быта, встают «у руля» интриги и принимают решения в пользу своих симпатий и своекорыстных интересов. Тит, который вероятно был хорошим дельцом, раз нажил приличное состояние, тем не менее, оказавшись в какой-то момент в плену своих нежных чувств к жене и дочери, теряет всё нажитое и оказывается в 75 лет у разбитого корыта. *Emotio* побеждает *ratio*.

Подводя итог анализу эмоционального мира мещанской семьи в середине XIX столетия, следует отметить, что, безусловно, эмоции следует рассматривать как часть сложного социального процесса превращения горожанина традиционной культуры в человека Нового времени, подверженного всем влияниям открытой городской культуры: моде на чувствительность, маргинальную авантюристичность текстов поведения, эмансипацию в форме «мещанской драмы», чрезвычайную незащищённость против соблазнов городской жизни и страсть по «потерянному раю» патриархальных семейных устоев.

Сын пишет маменьке, отец – сыну, мещане позиционируют своё семейное «Я» в обращениях во власть, и, наконец, бедный Тит просит защиты – эмоциональное поле чрезвычайно напряжено, система нестабильна, всё свидетельствует о наступлении новой эпохи со всё убыстряющимся темпом жизни, с новым ее стилем.

---

⁵⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 621. Л. 603-604 (Об.).

⁵¹ Дэвис. 1999. С. 245.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГУСО ЦГАСО / Государственное управление Самарской области. Центральный государственный архив Самарской области.
- Абрамсон М.Л.* Александра Строцци и её семья (Флоренция, XV век) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени // Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000. С. 29-69.
- Бессмертный Ю.Л.* Метод // Человек в мире чувств. М.: РГГУ, 2000. С. 16-26.
- Бухараев В.М.* Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. С. 19-33.
- Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001. 443 с.
- Гончаров Ю.М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2004. 206 с.
- Дэвис Н.З.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М.: НЛЮ, 1999. 400 с.
- Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2007. 408 с.
- Кофман А.Ф.* Аргентинское танго и русский мещанский романс // Литература в контексте культуры. М.: МГУ, 1986. С. 220-233.
- Куприянов А.И.* Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX века (по материалам дневников) // Человек в мире чувств. М., 2000. С. 120-146.
- Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.
- Лотман Ю.М.* беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Республика, 1997. 382 с.
- Лявский А.Б.* Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб.: МИЭП, 2010. 384 с.
- Маяковский В.В.* Маруся отравилась («Из тучки месяц вылез...») // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955-1961. Т. 8. 1958. С. 188-195.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
- Овчинникова Ю.А., Рожковский В.Б.* Эстетика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
- Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Очерки бурсы. М., 1981. 288 с.
- Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М.: НЛЮ, 2010. 511 с.
- Русские народные пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1958.
- Тревелъян Дж.М.* История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001. 624 с.
- Чернов Г.* Сибирские письма декабриста М.Ф. Митькова // [http:// Decembrists.krasu.ru/index.html](http://Decembrists.krasu.ru/index.html) (Дата обращения: 16.10.2012).
- Кобозева Зоя Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории Самарского государственного университета; zoja_kobozeva@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Э. Е. АБДРАШИТОВ

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1917 ГГ.

В статье анализируется отношение населения Поволжского региона к военнопленным стран Тройственного союза и роль прессы в его формировании.

Ключевые слова: первая мировая война, положение военнопленных, образ врага, Поволжский регион.

Практически все российское общество, не было готово к начавшейся войне¹. В общественно-политическом дискурсе образ врага не был сформирован, и с началом войны большая роль в этом деле отводилась провинциальной периодике, материалы которой дают возможность понять специфику конструирования образа врага в разных губерниях.

Поволжская печать с первых дней войны подключилась к борьбе с германским засильем в органах власти, в промышленности и в прочих областях народного хозяйства². Что касается немецких действий по отношению к военнопленным, то они выставлялись как продуманный план, направленный на их физическое и моральное уничтожение. Например, как описывала одна из сестер милосердия, вернувшаяся из плена: «Всех повели вместе в тюрьму. Но что-то напутали — не в ту тюрьму повели. Погнали назад через весь город. Видно нарочно гоняли на потеху населению»³. По нашему мнению, имело место стремление противника через прогоны пленных по населенным пунктам решить две задачи. Первая, поднять моральный дух собственных граждан посредством визуального контакта с большим количеством поверженных солдат противника. Вторая, морально подавить и нейтрализовать стремление к сопротивлению военнопленных.

В 1915 г. существенным образом меняется тональность и содержание газет Казанской губернии, а также стилистика статей. Если в 1914 г. читателя буквально заваливали информацией об ужасах войны, то скоро стало ясно, что читатель просто устал от обилия информации и воспри-

---

¹ Крючков. 2006. С. 115.

² Волжское слово. 1914. 7 ноября.

³ Как немцы обращаются с пленными // Казанский телеграф. 1915. 3 января.

нимает информацию менее эмоционально, апатично. Поэтому ее стали давать более дозированно, но при этом более «ярко». Все чаще встречались в региональной печати шокирующие сюжеты. С другой стороны можно констатировать наличие процесса примитивизации сознания. Сюжеты становятся все более пугающими, но при этом практически полностью исчезает аналитический антураж статей и стилистические украшения. Нам кажется, что качественное изменение содержательной стороны материалов прессы было, прежде всего, связано с расширением читательской аудитории и вовлечением малообразованных слоев населения, неслучайно, что за годы войны в Казанской губернии в несколько раз увеличивается количество потребителей периодических изданий. Именно на них был расчет при создании публикаций подобного рода.

Во-вторых, местная печать постепенно адаптировалась к нехватке информации. Еще 25 октября 1914 г. Н. Северский в своей статье отметил неудовлетворительность работы «Петроградского телеграфного агентства», информирующего всю провинциальную печать, а через последнюю всю необъятную Россию. Автор упрекал это официальное учреждение, получающее субсидии от правительства и пользующееся льготным тарифом по пересылке телеграмм, в том, что агентство в такое тревожное время, в лучшем случае доводит до всеобщего сведения короткие официальные сообщения⁴. Поэтому в прессе все большее место начинают занимать региональные сюжеты. В этом плане практически неисчерпаемым источником информации стали военнообязанные лица, попавшие в плен. Авторы статей все чаще обращались к письмам военнопленных, как российских – из-за границы, так и иностранных – на территории Казанской губернии. Теме военного плена стало уделяться все больше пространства на страницах периодических изданий.

В-третьих, пресса продолжала закреплять в общественном сознании сформированные в 1914 г. мифологизированные образы врага. Например, 1 апреля 1915 г. в свет вышел очередной номер «Казанского телеграфа». На передовице пестрел заголовок статьи: «Немецкий офицер и негодяй — одно и то же»⁵. Лейтмотивом многих публикаций было стремление сломать позитивное представление обывателей обо всем немецком и заместить его отрицательным эмоциональным фоном⁶.

В-четвертых, можно констатировать расширение применения приема сравнения. К практически неизменному сюжету, построенному на сравнении положения российских военнопленных в Германии и Ав-

---

⁴ Северский. 1914. С. 2.

⁵ Казанский телеграф. 1915. 1 апреля.

⁶ Уроки истории // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.

стро-Венгрии, с одной стороны, и военнотружущих вражеских государств на территории России, с другой, добавляется сюжетная линия, раскрывающая взаимоотношения пленных и обывателей. В отношении пленных с местным населением раскрывались разные типы характеров. Русские – с их широкой душой и простодушным нравом, и «немцы» – подлый и хитрый враг, старающийся извлечь отовсюду выгоду, даже при нахождении в плену. Авторы писали, что с российскими солдатами немцы обращаются как с представителями низшей расы, заставляют их работать чуть ли не круглые сутки. В то же время по данным полученным управляющим военным ведомством генералом А. А. Поливановым, отношение к военнопленным в России не только гуманное, но и чрезмерно предупредительное. Пленных не просто кормят, но практически закармливают⁷. Вообще, тема экономического благополучия военнопленных, на фоне постоянно понижающегося жизненного уровня большинства населения, была сама по себе достаточно болезненной и вызывала заметную озлобленность обывателей. Пресса Поволжья и Кавказа постоянно публиковала информацию о благополучном положении пленных на фоне наступающего экономического кризиса в России и ухудшения положения широких слоев населения.

Сравнение в основном шло по трем вопросам – питание, работы, наказания, и естественно. все аналогии были только в пользу России. Вопросы питания раскрывались весьма тщательно: пища российских пленных, по утверждению журналистов, в Германии состоит из похлебки, приготовленной из разного рода отбросов овощей и картофельного хлеба, супа из шелухи картофеля и крошечного кусочка хлеба,⁸ прокисшей похлебки и куску заплесневелого хлеба⁹. Иногда еда ограничивалась куском хлеба и кофе из желудей или ячменя. Голодные пленные, поэтому на работах жадно поедали сырую репу¹⁰. В Австро-Венгрии рацион был сытнее: еда 2 раза в день с микроскопической дозой мяса и ломоть хлеба едва достаточный для 1 раза, но назначаемый на 2 дня¹¹.

Большая смертность пленных стала результатом недоедания, антисанитарии и непосильной работы, оспа, тиф и другие болезни постоянно поражали значительное количество пленных. Отдельной проблемой в лагерях для военнопленных становится отсутствие нормальной канали-

⁷ Режим плена // Казанский телеграф. 1915. 18 февраля.

⁸ Положение наших пленных в германии // Казанский телеграф. 1915. 3 мая.; Положение пленных в Германии и Австрии // Волжский вестник. 1915. 31 мая.

⁹ Зверские приемы // Казанский телеграф. 1915. 22 апреля.

¹⁰ Положение военнопленных в Германии // Казанский телеграф. 1915. 18 мая.

¹¹ В австрийском плену // Казанский телеграф. 1915. 30 мая.

зации и чистой питьевой воды. Пресса Казанской губернии регулярно публиковала информацию о гибели значительного числа пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии.

В вопросе об использовании труда пленных особое внимание обращалось на незаконность привлечения русских солдат к разного рода работам. Постоянно подчеркивалось, что россияне использовались на самых тяжелых и унижительных работах. Например, в одной из статей отмечалось, что 600 пленных, в основном крестьяне, были посланы немцами в Силезский каменноугольный район. Во время работ все лифты останавливаются и лестницы убираются. Попав под землю люди, работают целую неделю, и лишь по истечении этого срока на 2 дня отпускаются на поверхность¹². Часто публиковались статьи, где указывалось, что на пленных пашут и боронуют. Для сравнения демонстрировалась нерешительность российских властей и их мягкость в вопросе привлечения к работам пленных солдат противника. Так, было опубликовано сообщение о том, что в селе Аркадаке Балашовского уезда из 215-ти пленных, привезенных на сельскохозяйственные работы, 120 отказались работать, заявив о нежелании трудиться вообще. И с этим нежеланием власти серьезно считались, никто не рискнул принуждать немцев к работе, и уездному начальству пришлось обратиться к высшей административной власти за инструкциями. Инструкции, как и следовало ожидать, оказались очень мягкими к большому возмущению казанского журналиста. По его мнению, следовало всех пленных за нежелание работать подвергнуть строжайшему тюремному заключению¹³.

Наказания, как правило, не конкретизировались. Достаточно часто описывались факты избияния и истязания российских пленных. Сообщалось, что их вешают или расстреливают, смотря по настроению¹⁴. Данная тема исподволь вытаскивала на поверхность острый вопрос: если наших пленных уничтожают, то кто находится в плену? Ответ для многих консервативных изданий напрашивался сам собой – это дезертиры и предатели. Однако эта логическая цепочка, по крайней мере, в первой половине 1915 г., не укладывалась в рамки официальной идеологии, которая указывала, что пленные – это герои, brave солдаты.

Периодическая печать улавливала малейшие оттенки недовольства в обществе и играла на них. Так, в начале 1915 г. в печати продолжают публиковаться зарисовки связанные с возвращением российских поданных из Германии и Австро-Венгрии. Проверенный сюжет пользо-

¹² Германские каторжные работы // Казанский телеграф. 1915. 9 апреля.

¹³ Хуже ада // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.

¹⁴ Баскаков. 1915. С. 1.

вался значительным спросом. Как и годом ранее, огромный интерес вызвали воспоминания участников и очевидцев германского и австро-венгерского плена. Душераздирающие сюжеты, описывающие мытарства русских подданных – женщин, стариков и детей – после интернирования. Особой строкой проходили рассказы членов царской фамилии и их приближенных. Подчеркивалось, что даже родственники царствующих особ не пользовались привилегиями, разделяя невзгоды и тяготы простых людей. Подобные сюжеты преследовали две цели. Во-первых, они демонстрировали, что для немцев нет ничего святого и неприкасаемого. А во-вторых, показывали единство царской семьи и народа перед лицом общего несчастья.

В публикуемых воспоминаниях постоянно подчеркивалось плохое отношение подданных Германии и Австро-Венгрии к пленным россиянам (с нарастанием жестокости обывателей и властей к пленным по мере затягивания войны). В то же время по сведениям, приводимым казанскими газетами, в целом положение пленных россиян было несколько лучше в Австро-Венгрии, где к ним уважительно относились славяне, румыны и итальянцы. Более того, корректное отношение к пленным отмечалось у австро-венгерских офицеров и врачей¹⁵.

Следует обратить внимание еще на один момент. Публикуя одновременно письма российских военнопленных, находящихся в Германии и Австро-Венгрии, и военнопленных, осуществивших побег, пресса как бы невольно подталкивала читателя к сравнению описываемых фактов. И сравнение шло явно не в пользу писем военнопленных. Спокойный тон их текстов (с многочисленными искажениями информации) резко контрастировал с избалованной тональностью воспоминаний беглецов и описанием фактов многочисленных нарушений со стороны противника.

Все вышеописанное уже в 1915 г. вызывало у обывателей закономерный вопрос о степени доверия к письмам военнопленных, особенно в части просьб об оказании материальной помощи. В России были уверены, что чаще всего германцы сами пишут якобы от лица пленных по адресам написанных им писем. Подложность их устанавливается тем, что громадное большинство писем написано одним почерком¹⁶.

В отличие от консервативной прессы, казанская либеральная периодика стремилась создать более четкий образ пленного-героя. Например, вот как выглядела одна из статей о российских военнопленных, сумевших осуществить побег: «по словам этих *героев*, кормят немцы один раз в су-

¹⁵ Истязание немцами пленных врачей // Волжский день. 1915. 22 января.

¹⁶ Жизнь наших пленных в Германии и Австрии // Казанский телеграф. 1915.

тки. После обеда солдат остатки сливают в общий котел и дают пленным. Пойло это по вкусу напоминает пищу для свиней. Причем пресное, так как немцы его не солят. Хлеб русским пленным отпускают разными порциями – от 1/3 до 1/4 фунта в сутки. Хлеб ржаной с большой примесью картофеля. Плохо выпечен. Обращаются жестоко; называют русскими свиньями и пастухами. Бьют без всякой причины. Гоняют на работы ежедневно. Освобождают от них только во время обеда, который длится 15 минут. Нашим *героям* приходилось работать с раннего утра и до вечера. Гоняли их главным образом на военно-полевые работы. Австрийских солдат к пленным не допускают, ибо не знают об их действительном настроении. Побегу содействовали местные крестьяне литовцы, оставшиеся в своих разоренных селах»¹⁷. Чем страшнее выглядела повседневность плена, тем более впечатляющим получался образ пленного-героя.

По нашему убеждению, формирование подобного героического образа имело непродолжительный положительный эффект, но создавало долгоиграющие негативные последствия. Суть проблемы в том, что в общественно-политическом дискурсе сформировался устойчивый стереотип героя, который никак не вязался с положением и мироощущением пленных. Герой молчалив, он не просит о помощи. Пленные же по вполне понятным причинам практически в каждом письме просили прислать либо денег, либо съестных припасов. Герой не жалуется на неудобства, окружающие его. Пленные, наоборот, при любой возможности упрекали администрацию австро-венгерских и германских концентрационных лагерей в негуманном отношении к ним. Герой не боится рисковать своей жизнью для спасения Отечества. Пленные же в своем большинстве не пытались осуществить массовый побег или бить врага на его территории. Да и большинство военнопленных решались на побег от безысходности, а не по морально-этическим соображениям.

Реальность постепенно расходилась с образом воина-героя, силой захваченного врагом, кстати, последнее обстоятельство также вызывало большие сомнения у обывателя. И у жителей внутри России все чаще возникал вопрос: а не являются ли военнопленные предателями? И чем чаще возникал этот вопрос, тем чаще выходили опровержения и новые серии статей о героях за колючей проволокой. В результате формировался обратный эффект – раз их пытаются героизировать, значит, что-то не так? Постепенно закравшееся сомнение, начинает разлагать общественное мнение, и уже к концу 1915 г. степень доверия к письмам пленных и сочувствие их судьбе резко падает. В этом плане статья Е.Н. Тру-

---

¹⁷ В германском плену // Казанский телеграф. 1915. 1915. 17 апреля.

бецкого, в которой он обращался к обывателям с описанием внутреннего состояния пленных (сколько нравственных мучений, сколько желания сказать всем, что они честно сражались, хотели умереть за родину) была не более чем криком в пустыне, а его слоган: «забыть о пленных страдальцах, – забыть о России» – пустым призывом¹⁸.

1-6 мая 1915 г. произошел германо-австрийский прорыв под Горлицей-Тарновым. Началось «Великое отступление» российской армии. Тема пленных будоражила умы россиян, ибо число попавших в плен было очень внушительным, никогда Россия не сталкивалась с таким количеством соотечественников попавших в плен. Именно в это время можно констатировать изменение тональности публикаций о военнопленных, а во-вторых, живой интерес к их судьбе. Не менее важной тенденцией было очень настороженное отношение провинциальной публики вообще и власти, в частности, к инициативе из столиц Российской империи. Центральная власть очень хорошо понимала зависимость периферии от столичного мнения, и в этой ситуации должна была выразить определенную позицию по отношению к военнопленным, ибо проблема их содержания уже не могла решаться должным образом на уровне общественных организаций. Подобным ответом было создание Императрицей Александрой Федоровной Романовой особого комитета помощи военнопленным¹⁹. Пресса писала: «Александра Федоровна, принимая близко к сердцу нужды сраженных на поле брани и попавших в плен, изъявила желание сформировать особый комитет помощи русским военнопленным, томящимся в жестокой неволе... и призывает произвести сбор вещей первой необходимости»²⁰. Вслед за инициативой императорской семьи, в орбиту сбора пожертвований для военнопленных россиян начинают втягиваться и региональные власти.

Второй всплеск активности в вопросе помощи российским военнопленным, томящимся в австро-венгерском и германском плену, прошел осенью 1915 г. Начало положил так называемый «День пленного», прошедший в Москве в сентябре 1915 г. Целью данного мероприятия было привлечение общественного внимания к проблеме содержания российских военнопленных за границей. Одновременно поднимались вопросы дополнительного финансирования организаций оказывавших помощь пленным и улучшения их имиджевой составляющей²¹.

---

¹⁸ Нашим пленным // Казанский телеграф. 1915. 20 ноября.

¹⁹ Казанский телеграф. 1915. 2 июля.

²⁰ Волжский день. 1915. 10 июня.

²¹ Волжско-камская речь. 1915. 11 ноября.

Весной-летом 1915 г. российская армия терпела тяжелые поражения по всему фронту, что сопровождалось общим отступлением. Затягивание боевых действий вкупе с потерей колоссальных территорий негативно отразилось на экономическом состоянии страны. Урапатриотические настроения, господствовавшие в обществе на протяжении первых месяцев войны, сменились вполне ожидаемой апатией и неверием в способность власти привести страну к победе. Поэтому в прессе все чаще стал подниматься вопрос, который всех волновал: «Кто виноват?». Начался новый виток поиска общего врага, который был способен консолидировать общество. Широкое хождение слухов и домыслов в народе играло важную роль в укреплении атмосферы шпиономании и всеобщей слежки в стране. Газетные публикации выступали не более чем детонатором способным взорвать ситуацию. Даже среди интеллигенции много говорили об изменах, в том числе в армии. Об этом писали в письмах, рассказывали возвратившиеся с фронта больные и раненные нижние чины²². В результате обывателю трудно было разобраться в том, кем же являются пленные – соотечественниками, героями, нуждающимися в помощи, или жалкими предателями.

В российской прессе в конце 1915 – начале 1916 гг. вновь обыгрывалась проблема расхищения германскими и австро-венгерскими солдатами, посылок, направленных из России в Германию и Австро-Венгрию для российских военнопленных. Не раз звучали утверждения о том, что, отсылая посылки, россияне, тем самым, кормят противника. 8 февраля 1915 г. были опубликованы правила по отправлению денежных переводов российским пленным в Германию и Австро-Венгрию. Особо отмечалось, что хотя почтовые переводы на имя русских пленных, находящихся в Германии, допускаются на сумму 312 руб. 50 коп, а на имя военнопленных, находящихся в Австро-Венгрии до суммы 300 руб., однако рекомендуется посылать деньги небольшими суммами²³. К лету широкое обсуждение получил вопрос: а целесообразно ли вообще осуществлять отправку денежных средств? Ряд корреспондентов на этот вопрос отвечали отрицательно, ссылаясь, во-первых, на то, что невозможно отследить, дошла ли сумма до адресата и полностью ли дошла, а во-вторых, обменный курс валют был крайне невыгодным и позволял германцам наживаться на переводах денежных средств из России.

К тому же общественные организации в 1915-1916 гг. натолкнулись не просто на равнодушную позицию властных структур, но и на их

---

²² НА РТ Ф.1154. Оп.1 Д.259. Л. 21.

²³ Письма военнопленных // Казанский телеграф. 1915. 8 февраля.

противодействие. Чиновники обосновывали свое нежелание помогать пленным и запрет на пересылку продовольствия и денег тем, что якобы все переданное странам-противникам будет использовано для снабжения их армии и хозяйства. Даже на запрос начальника Генштаба о необходимости посылки хлеба пленным император дал отрицательный ответ, мотивируя это невозможностью проверки, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для питания германских войск²⁴. Такого рода рассуждения не могли укрепить веру рядовых россиян в важность оказания помощи пленным.

При этом следует отметить, что интерес российской общественности к российским военнопленным в 1916 г. за рубежом методично угасал. Безразличие к их судьбе постепенно, но неотступно разлагало сознание обывателя. Кампания «разоблачения», прошедшая в прессе в 1915 г., достаточно прочно осела в умах, и теперь слово пленный вызывало скорее негативную ассоциацию, нежели образ защитника Отечества. Впрочем, подобное видение имело место у тех лиц, которые непосредственно не имели родственников или близких товарищей в плену. Та часть общества, которая контактировала с пленными и понимала их проблемы, продолжала снабжать их продовольствием, деньгами и необходимыми вещами. Однако эта помощь уже не имела общероссийского масштаба, выступая в качестве местной инициативы, с тенденцией фиксации на отдельных личностях активистов.

Однако картина была бы не полной, если проигнорировать объективные предпосылки инертного отношения крестьян и других социальных групп к проблеме военнопленных. Значительная часть жителей Казанской губернии имела низкий уровень жизни, еще более снизившийся в годы войны, многие семьи реально не могли пожертвовать часть доходов не только для оказания помощи абстрактным военнопленным, но даже своим родственникам, попавшим в плен. Негативное влияние на восприятие пленных оказывало постоянное вздорожание продуктов первой необходимости, экономические неурядицы и борьба за выживание. Солдатки зачастую находились в таком тяжелом положении, что просто не имели физической возможности оказывать помощь мужьям, попавшим в плен. Та же ситуация была у одиноких матерей и в многодетных семьях.

На страницах казанской периодики в 1916 г. появлялось все меньше и меньше статей о судьбе военнопленных россиян за границей. Все реже употребляются эмоционально насыщенные слова – «страдальцы», «мученики», «герои». Зато все чаще можно встретить слова, наполнен-

---

²⁴ Мальков. 1971. С.29.

ные нейтральными значениями: «пленный», «подданный», «захваченный». Столь разительная смена тональности в прессе, впрочем, не проявилась внезапно. Выше мы говорили о том, что градус неприятия наших пленных повышался в течение 1915-1916 гг. Логическим итогом было формирование нейтрального образа пленного в прессе.

С одной стороны, власти не желали формировать и закреплять в умах россиян негативный образ военнопленного. Война подходила к концу, это было очевидно всем сторонам конфликта. Возвращение огромного числа захваченных в плен на родину могло привести к обострению и так достаточно опасной экономико-политической ситуации в России. Во-вторых, экономическая интеграция бывших военнопленных должна была происходить в кратчайшие сроки, так как источник рабочей силы – иностранные военнопленные будут возвращены на родину. В этой связи негативное восприятие наших пленных внутри России могло сыграть плохую роль. Однако это понимали далеко не все в руководстве, поэтому перепалка по поводу того, как относиться к военнопленным – как к предателям или как к уважаемым людям, продолжалась на протяжении всего 1916 – начала 1917 г.

В заключение отметим, что региональная пресса во второй половине 1915 – 1916 гг. была достаточно толерантна в освещении положения пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии, воздерживаясь от эмоциональных комментариев как негативного, так и позитивного свойства. Работники военно-цензурной комиссии отмечали, что корреспонденты освещают судьбу наших сограждан в Германии и Австро-Венгрии беспристрастно, зачастую на грани с равнодушием. Подобное суждение логически вытекало из анализа не только статей, но и даже их заголовков («российские подданные в плену», «русские военнопленные»). Таким образом, налицо попытка функционального подхода корреспондентов к вопросу о положении военнопленных. Формально пресса освещала положение дел, демонстрировала публике цифры, факты, требования норм международного права и внутреннего законодательства, но практически полностью воздерживалась от эмоциональных комментариев и выражения собственного мнения. Вслед за столичными изданиями казанская пресса «охладела» к военнопленным, однако имелись знаковые оттенки происходящего. Например, несмотря на нейтральный тон статей, в которых сравнивалось положение российских военнопленных и иностранных пленных в России, из их содержания становилось очевидным, что сравнение было явно не в пользу отношения российского общества и власти к своим пленным согражданам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баскаков А.* Письма с войны // Казанский телеграф. 1915. 25 мая.
В австрийском плену // Казанский телеграф. 1915. 30 мая.
В германском плену // Казанский телеграф. 1915. 17апреля.
Волжское слово. 1914. 30 июля, 1914. 29 августа.
Волжское слово. 1914. 7 ноября.
Германские каторжные работы // Казанский телеграф. 1915. 9 апреля.
Жизнь наших пленных в германии и Австрии // Казанский телеграф. 1915. 31 мая.
Зверские приемы // Казанский телеграф. 1915. 22 апреля.
Истязание немцами пленных врачей // Волжский день. 1915. 22 января.
Истязание немцами пленных врачей // Казанский телеграф. 1915. 21 февраля.
Казанский телеграф. 1915. 1 апреля.
Казанский телеграф. 1915. 2 июля.
Как живут пленные у немцев // Волжский день. 1915. 12 апреля.
Как немцы обращаются с пленными // Казанский телеграф. 1915. 3 января.
Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Ставрополь, 2006. 202 с.
НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.922. Л.81.
Нашим пленным // Казанский телеграф. 1915. 20 ноября.
Положение военнопленных в Германии // Казанский телеграф. 1915. 18 мая.
Положение наших пленных в германии // Казанский телеграф. 1915. 3 мая.
Положение пленных в Германии и Австрии // Волжский вестник. 1915. 31 мая.
Режим плена // Казанский телеграф. 1915. 18 февраля.
Северский Н. Общественное мнение в плену // Волжское слово. 25 октября. 1914.
Уроки истории // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.
Хуже ада // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.
Волжский день. 1915. 10 июня.
Волжско-камская речь. 1915. 11 ноября.
НА РТ Ф.1154. Оп.1 Д.259. Л. 21.
Письма военнопленных // Казанский телеграф. 1915. 8 февраля.
Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915 – 1919 гг.) Казань, 1971. 176с.
- Абдрашитов Элик Евгеньевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России; b-el@rambler.ru

Г. Д. СЕЛЯНИНОВА

РАЗРАБОТКА ИДЕИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ПРОГРАММАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Автор рассматривает развитие идеи Учредительного собрания противниками большевиков на Востоке России: в период консолидации антибольшевистских сил после октябрьского переворота, в период «демократической контрреволюции», в Омске – при власти Верховного правителя А.В. Колчака. Учредительное собрание, рассматривалось как цель и в то же время средство решения назревших проблем российской действительности не только в 1917 г., но и позднее.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Уфимское государственное совещание, директория, диктатура, «демократическая контрреволюция», «третий путь» русской революции, Верховный правитель.

---

1. Обсуждение подходов к идее Учредительного собрания в период консолидации антибольшевистских сил: октябрь 1917 – май 1918 гг.

Главным противоречием ситуации 1917 г. была потребность в решении назревших в России проблем и формула «непредрешения» в надежде на созыв Учредительного собрания, которое должно было определить главные вопросы государственной жизни, включая форму правления, круг и границы своих задач². Это привело к тому, что ни одна из политических сил, ожидая Учредительного собрания, не разрешила в 1917 г. ни одного «большого» вопроса российской действительности.

Российская интеллигенция жила идеей созыва Учредительного собрания, ставшей в 1917 г. одновременно и рычагом, и тормозом общественных перемен. Как отмечает Л.Г. Протасов, «идея Учредительного собрания долго оставалась элитарной из-за глубокого разрыва в уровнях, а возможно и типах политической культуры сравнительно тонкого образованного, интеллектуального слоя общества и толщи социальных низов. Она стала частью менталитета российской либерально-радикальной интеллигенции, ее "синей птицей", обобщенным выражением таких ее качеств, как "небуржуазность", неприятие самодержавно-бюрократического произвола..., традиционное народолюбие, включавшее и комплекс собст-

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарного педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», номер темы 2.1.2.

² Протасов. 1994. С. 138.

венной вины перед народом»³. Идея Учредительного собрания после разгона его большевиками в январе 1918 г. стала почти «навязчивой» для большей части антибольшевистских сил, и, прежде всего, для тех, которые организационно консолидировались.

А.И. Деникин в мемуарах сообщал, что «в начале 18 года в Москве делались попытки объединения левого крыла русской общественности». «...Все переговоры между центральными органами к.-д., н.-с. и с.-р. относительно общей платформы и объединенных действий не привели ни к чему. Тогда некоторые лица приступили к созданию путем персонального участия внепартийной, с преобладающим, однако, социалистическим составом, организации, которая и начала функционировать в апреле 18 года под именем «Союза возрождения России»⁴.

Созданный в Москве в апреле 1918 г. «Союз возрождения России»⁵ объединил партии различной направленности от кадетов до эсеров на основе понимания того, что «перед всеми стоит, прежде всего, одна общая задача – воссоединение рассыпавшегося государства и спасения русского народа от готовящейся для него кабаль»⁶. В воспоминаниях В. Мякотина, одного из лидеров партии народных социалистов, отмечается, что «была предпринята попытка достигнуть соглашения, по крайней мере, между тремя партиями – конституционно-демократической, социалистов-революционеров и народно-социалистической – и начаты были переговоры между центральными комитетами этих партий». Поскольку межпартийную коалицию создать не удалось, «явилась мысль об ином пути – о создании внепартийной организации, в которую могли бы входить люди разных партий, объединенные общностью взглядов на основную задачу данного момента и признающие необходимость совместной работы для разрешения этой задачи»⁷. Таким внепартийным объединением стал «Союз возрождения России».

«Союз возрождения России» стремился к возрождению российской государственности на началах народоправства. Для достижения этой цели признавалось необходимым избавление от власти большевиков. В то же время «Союз» изначально не признавал Брест-Литовского договора, полагая, что Россия должна продолжать вместе с союзниками

³ Там же. С. 136.

⁴ Деникин. 1992. № 6. С. 150.

⁵ «Союз возрождения России» был внепартийной организацией, ставившей своей целью воссоздание государственной власти на единой территории России в согласии с народной волей, выраженной путем всеобщего и равного голосования. (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 162.)

⁶ Мякотин. 1923. С. 180.

⁷ Там же.

борьбу против Германии. Практическая реализация поставленных целей требовала создания армии и образования общегосударственной власти, которая «могла бы направлять борьбу за такое воссоздание и довести страну до Учредительного Собрания»⁸. Политическая программа «Союза возрождения России» настаивала на том, что «в переходный период – период борьбы с немцами и большевиками за воссоздание государства власть эта, ...должна была опираться на восстанавливаемые ею в районе ее действий демократические органы местного самоуправления, а с окончанием этого периода и восстановлением государства должна была немедленно назначить выборы в Учредительное собрание отчитаться перед последним в своих действиях и передать ему всю власть»⁹.

Кроме правосоциалистических партий и групп интеллигенции, стремление к объединению проявили и более умеренные силы. Формирование правого крыла противников большевиков началось сразу после переворота, когда в Москве «образовалась конспиративная организация под названием “девятки”»¹⁰. Первоначально в ее состав вошли по три представителя от кадетов, Торгово-промышленного союза и Совета общественных деятелей. Впоследствии эта организация, включавшая как консервативные, так и либеральные общественные группы, получила название Московского или «Правого центра». «Правый центр» стремился к объединению антибольшевистских сил несоциалистической окраски, при этом «страх за судьбы Родины заставлял идти вместе политически разнородные организации»¹¹. В качестве лидера «Правого центра» А.И. Деникин называет А.В. Кривошеина, который играл очень большую роль в консолидационном процессе, избегая при этом публичности.

Стремление к согласованию действий «Правого центра» и «Союза возрождения России» обеспечило вхождение в обе организации кадетов Астрова, Степанова, Н.Н.Щепкина, кроме того, вероятно «существовала соединенная коллегия генералов (от Правого центра ген. Цихович и Немитц; от Союза – Болдырев)»¹². Когда встал вопрос об объединении двух организаций («Союза возрождения России» и «Правого центра»), главной причиной разногласий стало непримиримое отношение «Центра к идее Учредительного собрания, народоправству и к выдвигаемому ими преобладающему значению местных самоуправлений». Различными были также и представления об устройстве временной власти, но здесь «разница

---

⁸ Мякотин. 1923. С. 179-181.

⁹ Там же.

¹⁰ Деникин. 1992. № 6. С. 149.

¹¹ Там же. С. 150.

¹² Там же.

во взглядах была лишь в формах и источнике ее происхождения»¹³. «Правый центр» ратовал за единоличную военную диктатуру, им подготовленную, и «Союз возрождения России», по существу не отрицал диктатуры (вместо единоличной – трехчленная директория), поскольку условия Гражданской войны не благоприятствовали демократическому выбору¹⁴. Но различия были в дальнейших, или конечных, целях, «Союз возрождения России» стремился через временное нарушение демократии приблизиться к конечному ее торжеству¹⁵. 8 июня 1918 г. произошел раскол «Правого центра»¹⁶ из-за противоречий между германофилами¹⁷ и германофобами. Из него вышли германофобы Федоров, Астров, Степанов, Струве, Белоруссов, создавшие новую организацию – «Национальный центр». Таким образом, из «Правого центра» выделился «Национальный центр», организация, в которой также участвовали кадеты¹⁸.

Вопрос о создании временной национальной власти был самым важным из дискутировавшихся «Союзом возрождения России» и «Национальным центром». Достигнутый компромисс выразился в том, что «Союз согласился на созыв нового Учредительного собрания, а Центр... принял форму временной власти в виде трехчленной директории». Компромисс касался и состава директории, в который «должны были войти один генерал, один социалист и один несоциалист». Взаимные уступки выразились также в принятии принципа «непредрешения», то есть отказе от определения окончательной формы правления в России¹⁹. Провозглашение, например, монархической идеи могло нанести ущерб антибольшевистскому движению в целом.

Уступчивость «Союза возрождения России» и «Национального центра» на пути к взаимному компромиссу была связана и с возможностью получения материальной поддержки московских представителей союзников²⁰, «среди которых руководящую роль играл Гренар», а союзники

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Г.А. Трукан отмечает, что кадеты согласились на установление коллегиальной формы власти, поскольку иначе они оставались в одиночестве. *Трукан*. 2000. С. 25.

¹⁶ *Деникин*. 1992. № 6. С. 151-152.

¹⁷ Германофильские настроения разделял и П.Н. Милоков, который, будучи в Киеве предложил развернутую политическую программу политического устройства России. *Деникин*. 1992. №№ 8-9. С. 108-110.

¹⁸ *Кроль*. 1922. С. 137.

¹⁹ *Деникин*. 1992. № 6. С. 152-153.

²⁰ С.П. Мельгунов подчеркивал в своих воспоминаниях, что финансовый вопрос определял возможность самой деятельности: «Нужны были деньги, чтобы содержать военные организации, подготавливающие кадры, нужны были деньги на отправку людей на создающиеся фронты. Если Нац. центр мог рассчитывать на по-

«склонялись к конструкции, выработанной Союзом Возрождения», «каждая из миссий стремилась самостоятельно делать что-то на русской почве и подчас пускаться в самостоятельные авантюры, к которым были склонны военные миссии». Это было одной из причин уступчивости «Национального центра», «отказавшегося от идеи личной диктатуры»²¹.

Идея возобновления деятельности Учредительного собрания и расширения его власти на территорию России вдохновляла многих и стала определяющей для эсеров после выступления чехословаков²². Лидеры эсеров были направлены в различные регионы к востоку от Москвы. Главная идея заключалась в необходимости создания центрального антибольшевистского правительства, об этом велись дискуссии среди представителей интеллигенции в Самаре²³.

Оказавшись в новых условиях «перед фактом возникновения в охваченных противобольшевицким движением областях многочисленных местных правительств, каждое из которых признавало себя вправе выступать в этой роли не только внутри страны, но и вне ее», члены «Союза возрождения России» продолжали деятельность по конструкции общероссийской власти, считая необходимым «настойчиво пропагандировать мысль о немедленном создании общерусской государственной власти, которая могла бы руководить всем движением против большевиков и отстаивать интересы России перед другими державами»²⁴. С этой целью

лучение некоторых денег с буржуазии, то Союз Возрождения мог рассчитывать на кооперативные организации... Нац. центр имел конкурента в Правом центре, Союз Возр. – в партии с.-р. Чайковскому удалось собрать... несколько сот тысяч. Конечно, главные деньги должны были дать союзники... В миссиях были деньги, но они расходовались без всякого плана, по принципу ставить ставку на все лунки... Союзники материально поддерживали партию с.-р., Союз Возр., Нац. ц., Савинкова, Добр. Армию – каждый самостоятельно получал свое – и тем самым способствовали распылению сил... Союз Возрождения получил, вероятно, один миллион с небольшим. По словам Федорова, приблизительно такая же сумма получена была Нац. центром. Савинков говорил о двух с половиной миллионах, полученных от союзников. Гренар говорил мне, что им передано было с.-р. несколько миллионов. Я думаю, что Гренар все объединил в одно. В сущности, все это были гроши для того начинания, которое предполагалось осуществить». *Мельгунов*. 2003. С. 332.

²¹ *Мельгунов*. 2003. С. 331-332.

²² Например, Г.А. Трукан (2000. С. 24-25) считает, что «Союз Возрождения», созданный в апреле 1918 г. в Москве, был результатом компромисса между эсерами и кадетами. Первые стремились возобновить работу разогнанного большевиками старого Учредительного собрания, а кадеты соглашались лишь в будущем участвовать в выборах нового Учредительного собрания.

²³ «Уже в Самаре было намечено создание директории во главе объединенного Российского правительства». *Бородин*. 1930. С. 196.

²⁴ *Мякотин*. 1923. С. 193.

признавалось необходимым специально создать съезд представителей всех местных правительств, при этом деятели «Союза возрождения России» наилучшей формой временного правления «продолжали считать директорию с подчиненным ей деловым министерством»²⁵. Продолжавшиеся совещания на эту тему между «Союзом возрождения России» и «Национальным центром» завершились согласием «Национального центра», который «сам по себе больше склонялся к идее единоличной диктатуры... содействовать организации директории, выразив только пожелание, чтобы в ее состав входило не три члена, а пять»²⁶. Руководством «Союза возрождения России» были намечены желательные кандидаты в Директорию в лице Н.Д. Авксентьева, Н.И. Астрова, генерала Болдырева и Н.В. Чайковского²⁷.

Описанные попытки объединить антибольшевистскую общественность, реализованные в первой половине 1918 г. в создании «Союза возрождения России» и «Национального центра», по сути предъявили две модели политического устройства России, базировавшиеся на идее Учредительного собрания. Обе организации ставили задачей воссоздание единой России, борьбу с советской властью, восстановление фронта против Германии. В.Д. Зимина отмечает, что модели государственного управления, предложенные белым движением, в большинстве случаев сводились «к двум направлениям: авторитарно-консервативному и авторитарно-либеральному с возможным их взаимопереплетением»²⁸. Но идея Учредительного собрания объединяла обе эти модели.

2. Идея Учредительного собрания в период «демократической контрреволюции» и в решениях Уфимского Государственного совещания

В период «демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) на повестке дня в деятельности различных государственных образований стояла демократическая альтернатива советской власти, объединявшая разновекторные политические организации на основе антибольшевистской платформы, связанной с идеей Учредительного собрания. Хотя судьба России в конечном итоге решалась в процессе кровопролитной Гражданской войны, обращение к изучению идеологии «третьего пути» представляет все же не только когнитивный, но и практический интерес – как основа для компромисса различных политических сил.

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 193-194.

²⁸ Зимина. 2006. С. 117.

Какие же представления составляют идеологию «третьего пути»? На первом этапе развития – этапе «демократической контрреволюции» – выделяется круг социально-политических установок, лежавших в основе деятельности ряда территориально-государственных образований, позже, на этапе белого движения не востребованный. Действительно, как утверждает В.Д. Зими́на, белое движение «страдало из-за отсутствия собственного идеологического обоснования», не была оформлена его цельная программа с единой концептуальной основой. Для правительств же «демократической контрреволюции» было характерно стремление к легитимизации власти на основе Всероссийского Учредительного собрания. Сердцевинной идеей «демократической контрреволюции» было достижение парламентской демократии на позициях непредрешенчества в текущий момент. Средством же достижения этой цели считалось Учредительное собрание. К этому стремились создатели Комуча – лидеры одного из первых антибольшевистских государственных образований «демократической контрреволюции», возникшего 8 июня 1918 года. Хотя они и объявили своей целью демократическую федеративную республику, но были готовы признать любое стремление к национально-государственной консолидации. Например, в августе 1918 г. Комуч официально признал башкирскую автономию²⁹. В качестве представительного органа, Комуч стремился возродить Учредительное собрание, разогнанное большевиками в январе 1918 г., собрав большую часть его депутатов на своей территории. К тому же Комуч провозгласил восстановление всех гражданских свобод, а также городского и земского самоуправления, ликвидированных большевиками.

В фарватере провозглашенных идей Комуча следовал Прикомуч, созданный после восстания в Ижевско-Воткинском районе; получив власть от эсеро-меньшевистского совета 28 августа, уже через два дня (30 августа) Прикамский комитет членов Всероссийского Учредительного собрания принял Декларацию (подписанную В.И. Бузановым, Н.И. Евсеевым и А.Д. Карякиным – членами Прикомуча, позднее к ним присоединился К.С. Шулаков), в которой объявлялись следующие основные задачи: «Восстановление политических свобод, завоеванных в феврале 1917 г., восстановление всех демократических органов земского и городского самоуправления, избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования [был издан специальный приказ № 33 о возобновлении деятельности городских и земских учреждений, избранных по закону Временного правительства 19 сентября 1918 г.], установление

---

²⁹ См. подробнее: *Таймасов*. 2007. № 8. С. 139-144.

скорейшей связи с самарским Комучем, перед которым Прикомуч нес ответственность за свои действия, возобновление прерванных насильниками работ Всероссийского Учредительного собрания, ...восстание до полного свержения власти советских комиссаров»³⁰.

Движение Алаш, зародившееся в годы первой русской революции в среде казахской интеллигенции³¹, в годы Гражданской войны, создав правительство Алаш-Орда, также ратовало за необходимость федеративного устройства России, утвержденного демократически избранным Всероссийским Учредительным собранием. Данная позиция была основана на понимании необходимости модернизации казахского общества при тесной помощи России. Кроме Учредительного собрания позиция национального движения опиралась на требование автономии.

Временное областное правительство Урала, которое было создано в Екатеринбурге 19 августа 1918 г. на основе коалиции, включавшей левых эсеров, народных социалистов, меньшевиков и эсеров, стояло на более правых позициях, признавая необходимость Учредительного собрания. В то же время оно выражало необходимость сохранения единой и нераздельной России. Приступая к исполнению своих обязанностей, ВОПУ обратилось к населению с программным заявлением, декларировавшим основные принципы выработанной межпартийной платформы, где в частности, говорилось о том, что «Временное правительство Урала ...временно, до созыва Областной Думы приемлет на себя областную власть... памятуя, что Россия должна быть единой и нераздельной, что окончательное устройство земли русской принадлежит Учредительному собранию». Правительство обещало «строго охранять все завоеванные народом свободы, не позволяя, однако, кому бы то ни было злоупотреблять свободами в ущерб столь нужному пострадавшей родине порядку», и признавало незыблемыми «равноправие наций, их право на культурное самоопределение, а также равноправие лиц всех вероисповеданий и свободу совести»³². Соглашаясь на культурную автономию, ВОПУ не признавало национально-государственной автономии. Подчеркивая преемственность с деятельностью Временного правительства 1917 года, ВОПУ восстанавливало органы городского и земского самоуправления, существовавшие до октябрьских событий³³. Если в вопросе о будущем государственном устройстве правительства

³⁰ Цит. по: Хрестоматия по истории Удмуртии. Т. 2. 1917–2007. С. 51.

³¹ Более подробно см.: Аманжолова. 1994.

³² Собрание узаконений и распоряжений временного областного правительства Урала. 1918. № 1. С. 1.

³³ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 69. Л. 77об.

«демократической контрреволюции» стояли на разных позициях – от федерации до единой и нераздельной России, то общим было признание необходимости центральной государственной власти (или единой российской государственности), которая объединив территорию России и привела бы к Всероссийскому Учредительному Собранию. Споры шли также о том, какой состав Учредительного собрания будет легитимным: прежний – разогнанный большевиками, или избранный вновь.

Но созыв Учредительного собрания (старого или нового состава) рассматривался как цель, а главные споры текущего момента были сосредоточены вокруг вопроса о том, какой орган, наделенный полномочиями различных политических и партийных организаций, национальных и других территориальных образований, сможет привести страну к победе над большевизмом, а уже затем – к выборам в новое Учредительное собрание или к созыву старого, а до той поры, будучи признанным и поддержанным, будет управлять страной, решать вопросы противоборства с советской властью. Вопрос стоял так: будет ли этот орган основан на единоличной диктатуре или коллегиальной директории.

Организаторы КОМУЧа придерживались представлений о том, что «собрание 30 или даже 150 членов Учредительного Собрания, почти исключительно социалистов-революционеров, может и должно являться законодательным органом, который построит коалиционную власть и затем будет ее контролировать и законодательствовать»³⁴. Авксентьев, однако, не поддерживал такую идею: «Невозможно представить себе соединение и функционирование коалиционной власти под контролем и при законодательстве представителей одной партии; никто в такую коалицию не пойдет, никакой общенациональной власти не создается... Самое собрание 30-50 членов Учредительного Собрания, исключительно лишь по своему усмотрению строящее центральную власть, не может и не будет считаться широкими слоями населения компетентным и законодательным представителем всенародной власти»³⁵. Позже, когда в Уфе формировалось именно такое правительство, он разъяснял соратникам: «Трехголовая, пятиголовая или одноголовая – диктатура остается диктатурой, то есть противоположностью демократии и народовластию...»³⁶

В.М. Зензинов, полагая, что региональные правительства должны строго придерживаться демократической направленности, обосновывал это следующим образом: «Всякое уклонение наше вправо от истинно

---

³⁴ ГАРФ.Ф. 5847. Оп. 2. Д. 16. Л. 47. (Чернов В.М. На фронте Учредительного Собрания).

³⁵ Гинс. 1921. С. 182.

³⁶ ГАРФ.Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 16. Л. 47.

демократических идей как бы подтверждало обвинения большевиков и оправдывало их деятельность. Поэтому мы особенно боялись усиления сибирских влияний, а между тем все обстоятельства складывались так, что мы неизбежно попадали в гущу этих влияний»³⁷.

Временное Сибирское правительство считалось более умеренным, и даже более консервативным, чем другие областные правительства Урала, поэтому эсеры постоянно опасались, что «сибирские влияния» окажут негативное воздействие на развитие областничества. Между тем, Авксентьев отмечал в одном из интервью, что «деятельность Сибирского правительства предстает государственной, глубоко выдержанной и правильно намеченной, а действия сибиряков и их правительства проникнуты глубокой лояльностью по отношению к всероссийскому целому и стремлением как можно скорее достичь всероссийского единства и помочь воссозданию российской государственности»³⁸. Провозглашая создание целостности антибольшевистской России, Авксентьев стремился сблизить позиции самарских и омских политиков³⁹. Участники совещания понимали, что именно правое крыло эсеров во главе с Авксентьевым и Аргуновым могло стать связующим звеном с несоциалистической частью российского общества⁴⁰. А фигура В.М. Чернова была для Государственного Совещания неоднозначной, поскольку та часть эсеровской партии, которая шла за В.М.Черновым, относилась к Директории без особого доверия, в отличие от правого крыла партии: «Сами инициаторы Совещания не пустили Чернова в Уфу, понимая, что своим присутствием он внесет раскол и усилит раздор среди собравшихся»⁴¹. Таким образом, вследствие того, что фигура Чернова была для представителей несоциалистического крыла совещания одиозной, он оставался вне переговорного процесса.

Различие позиций представителей партии эсеров усугубилось после приезда Б. Савинкова на Уфимское Государственное совещание: «У своих товарищей по партии он встретил весьма холодный прием, его объявили ренегатом. Особенно опасался Савинкова Авксентьев. Когда речь зашла о кандидатуре Савинкова на какой-либо пост, эсеры прямо заявили, что Савинкова они считают опасным интриганом, враждебным эсеровской партии, к тому же стремящимся везде играть первую роль. Если бы он встал теперь у власти, – говорил Авксентьев, – то начал бы с

---

³⁷ Зензинов. 1919. С. 112.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 154.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. л. 155.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 180. Л. 20.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 180. Л. 20.

расстрела своих бывших соратников. Савинкову недвусмысленно было сказано, что его присутствие в Уфе вносит только нежелательную тревогу в настроение общества и что ему нужно поскорее уехать... Савинков, потолкавшись в политических кругах Москвы, сел в поезд французской военной миссии и помчался в Париж»⁴².

Таким образом, Уфимское совещание, по сути, стало дискуссионной трибуной для сил различной политической ориентации, съехавшихся в Уфу в сентябре 1918 г.⁴³

Открывая Совещание, Авксентьев сформулировал главную задачу, которую предстояло решить: «Собрать из разрозненных обломков Великую, единую, могучую Россию, свободную не только извне...»⁴⁴. Уже Вольский, выступавший сразу после Авксентьева акцентировал внимание на позиции партии эсеров, заявив, что «есть только один путь, которым государство может превратить народ в государственную силу – это путь народовластия; других путей нет, иначе будет не российская государственность, а российское рабство...»⁴⁵.

На Уфимском совещании развернулась дискуссия о контроле над властью, в частности, о том, перед каким учреждением должна будет отчитываться Директория: перед Учредительным Собранием, Государственным Совещанием или другим контрольным органом. В связи с этим состоялось обсуждение вопроса о полномочиях Учредительного Собрания. Участники Совещания в Уфе, единодушно признавая необходимость организации общероссийской исполнительной власти, по-разному ставили вопрос об ответственности этого правительства. Характеризуя главный предмет спора, современник писал: «Формально спор между обеими группами вертелся, главным образом, около вопроса: является ли съезд членов Учредительного собрания верховной законодательной властью, из недр которой должно выйти всероссийское правительство. Тогда, конечно, будущее правительство должно быть ответственным перед съездом. Если же члены Учредительного собрания больше не имеют полномочия народных избранников, то возникающее правительство является само верховной властью, ни перед кем не ответственной и сдает свою власть новому Учредительному собранию, избранному на демократических принципах после окончания гражданской войны»⁴⁶.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 167.

⁴³ Более подробно о созыве, составе и деятельности участников Уфимского Государственного совещания см.: Журавлев. 2007; Казанчиев. 2003.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 161.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 161.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Лл. 170, 171.

Делегация Комуча, ЦК партии социалистов-революционеров, ЦК РСДРП (меньшевиков) и представительства четырех мусульманских правительств признавали необходимость ответственности правительства перед Учредительным Собранием, созванным в определенный срок⁴⁷. Зензинов от партии эсеров декларировал, что до созыва Учредительного собрания созданное временное правительство за законность действий «должно быть ответственно перед постоянно действующим и постепенно пополняющимся Съездом членов Учредительного собрания»⁴⁸. Выступая от ЦК РСДРП (меньшевиков), Майский заявил, что «меньшевики отвергают сосредоточение власти в руках одного бесконтрольного органа, будь то директория нескольких лиц или власть одного полномочного премьера»; «только та власть справится с грандиозными задачами, которая будет опираться на действительно представительный орган, а таким может быть Учредительное собрание настоящего созыва и действующий от его имени наличный состав Учредительного собрания»⁴⁹.

Другую точку зрения высказывали представители партии народной свободы, Союза возрождения России, Временного Сибирского правительства, казачьих войск и организации «Единство». Они считали, что власть должна быть ответственной, но, так как «органом, избирающим власть, должно быть не Учредительное Собрание, а настоящее Государственное Собрание, следовательно, и ответственность должна быть перед Государственным Собранием»⁵⁰. Выступая от «Союза возрождения России», генерал Болдырев предложил организовать власть из трех-пяти лиц, ответственных перед Учредительным собранием нового созыва, причем, одно лицо должно быть военным. При этой коллегии предлагалось создать ответственный кабинет министров⁵¹.

Позиция Временного Сибирского правительства была представлена профессором Сапожниковым, который также высказался за создание директории («в составе не больше пяти лиц, избранных по соглашению на настоящем Государственном совещании по персональным признакам»), которая несла бы ответственность только «перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа»⁵². Сапожников подчеркнул: «Главное разногласие в том, что одна группа признает безответственность власти, другая – ответственность перед Учредитель-

---

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 5. Л. 92.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 164.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 164.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3. Л. 9об.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Лл. 164, 165.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 165.

ным Собранием. Здесь встает вопрос об Учредительном Собрании и его полномочиях»⁵³. Кроме того, представитель Сибирского правительства отстаивал идею о необходимости продолжения войны с Германией вместе с союзными державами и чехословаками.

Примирительную позицию занимал представитель народных социалистов Ф.З. Чембулов: он высказался за создание директории, но настаивал на ее ответственности перед Учредительным собранием, а Государственному совещанию отводил роль верховного контрольного органа⁵⁴. Позиция группы «Единство», объявленная Нилом Фоминым, была сходной.

Национальные правительства Туркестана, Башкирии, Тюркостанского национального управления и Алаш-Орды также стремились примирить крайние позиции. Они требовали, чтобы «власть в России принадлежала Учредительному собранию этого созыва, а так как Учредительное собрание не создано и не может образоваться, то власть пока принадлежит наличному составу членов Учредительного собрания, вместе с коллегией, которая будет избрана путем соглашения». Их позиция также была основана на требовании превращения России в федеративную республику⁵⁵.

Предполагалось, что Директория будет действовать в течение 6 месяцев безответственно, а потом отчитается перед Государственным Совещанием, Конституцию которого предлагалось разработать тут же. Государственное Совещание могло одобрить деятельность правительства или, при неодобрении переизбрать его. Такой порядок намечалось продолжать до созыва нового Учредительного Собрания⁵⁶.

Вопрос о контроле Директории представительным органом возник не случайно. Существовали опасения, что созданное Государственным совещанием правительство может выродиться в диктатуру. Один из организаторов Временного областного правительства Урала, Л.А. Кроль отмечал, выступая на заседании комиссии по организации Всероссийской власти Государственного Совещания: «В западных государствах теперь, во время войны, фактически осуществляется диктатура. У нас – и война, и большевистская революция. У нас диктатура необходима, но не в видах задушения народа и лишения его свободы... Опасно вводить диктатуру одному лицу, с тем, чтобы он довел страну до Учредительного Собрания. Такого человека сейчас не вижу. Но есть три, пять лиц, причем, один

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 165.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Лл. 165-166.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3. Л. 9об.

удовлетворяет одних, другой удовлетворяет других, но каждый из них не удовлетворяет никого, как единоличный диктатор... Выберите пять человек, через 6 месяцев они сделают вам доклад, не по мелочам, а серьезный, обстоятельный доклад. После этого можно избрать других, если избранные ранее окажутся не на высоте своего назначения»⁵⁷.

Стремление к преодолению разногласий и выработке единого решения, которое устраивало бы всех участников Государственного Сопещения, одержало верх. Был разработан проект программ, переданный на обсуждение в партийные фракции и представительства.

В основу «Акта об образовании Всероссийской Верховной власти», принятого Государственным Сопещанием, легла одобренная всеми делегациями программа. В ней было установлено в качестве неременной обязанности Временного правительства «всемерное содействие функционирующему, как государственно-правовой орган, съезду членов Учредительного Собрания в его самостоятельной работе по обеспечению приезда членов Учредительного Собрания по ускорению и подготовке возобновления занятий Учредительного Собрания настоящего состава»⁵⁸. В заключительном документе Сопещения декларировался «принцип неуклонного руководства в своей деятельности непрерываемыми верховными правами Учредительного Собрания и неустанное наблюдение, чтобы в деятельности всех подчиненных Временному правительству органов не было допущено ничего, могущего клониться к умалению прав Учредительного Собрания или к замедлению в возобновлении его работ»⁵⁹.

Выборы в Директорию происходили при отсутствии некоторых лиц, выдвинутых в ее состав. Рассуждая о политической элите России, современники приходили к выводу, что «выбирать всероссийское правительство было, собственно говоря, не из кого»: «В Уфе лишний раз обнаружилось наше национальное несчастье – полное безлюдье. Молодая, политически невоспитанная Россия не сумела за короткое время существования полусвободных общественных институтов создать кадры государственных деятелей. Почти все персонажи, всплывшие на поверхность в революционное время, не имели за собой никакого государственного стажа. Социалистические деятели имели опыт работы в подполье. Их главная деятельность в прошлом состояла в разрушении, а не в строительстве. Общественные деятели правого лагеря также являлись элементом случайным, мало опытным в государственных вопросах; но они, по крайней мере, не так болезненно, как эсеры, жаждали

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3. Л. 13об.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об.

власти и не объявляли себя „солью земли русской”, не говорили от имени и по полномочию „всего народа”, а соглашались даже работать с социалистами, хотя и не по партийной программе»⁶⁰.

Противники переговорного процесса, происходившего в Уфе, отрицательно оценивали происходившее: «Государственное Совещание началось и продолжалось под знаком борьбы за власть. Отсутствие искренности с той и другой стороны, партийная грызня, интриги без конца, полное игнорирование самого главного: нависшей над освобожденной территорией большевистской опасности, – таковы характерные черты всей работы совещания... Россия горела и разваливалась. А в Уфе представители партий целый месяц провели в разговорах, фракционных совещаниях, заседаниях комиссий и в спорах о форме российской власти, о персональном ее составе, о том, как лучше обеспечить prerogatives разогнанного Учредительного собрания. Ярко выявилось здесь и отсутствие истинного патриотизма и национальная рознь, и убожество социалистических партий, ничему не научившихся за 8 месяцев первой революции»⁶¹. По мнению очевидцев, собрание разделилось на два враждебных лагеря: социалистов и их противников. Каждая сторона тянула власть к себе. Из всех групп, участвовавших на собрании, делегаты казачества и Сибирское правительство имели за собой реальную силу и с ними эсеры не могли не считаться»⁶². Мнение монархистов было непримиримым: «Живые силы, съехавшиеся в Уфу, чтобы договориться между собою насчет избрания всероссийской власти, не могли мириться с тем, что давно похороненные трупы пытаются всплыть на поверхность политической жизни»⁶³.

Деятельность компромиссного Всероссийского правительства, избранного на Уфимском совещании, не была длительной. Переворот, возглавленный военным и морским министром А.В. Колчаком, положил конец периоду «демократической контрреволюции». «Демократическая контрреволюция», или «третий путь русской революции» – это была возможность медиационного развития политической системы России, а не инверсионного, движением к взаимопониманию на основе взаимных уступок, сглаживания крайностей программ левого и правого полюсов партийно-политического спектра. Национальное согласие могло быть осуществлено на основе компромисса, признания сосуществования разных позиций в процессе диалога. Воплощение идеи Учредительного

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 179.

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 168.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Лл. 169, 170.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 179. Л. 170.

собрания в жизнь означало, что судьба России могла бы сложиться по-другому. Хотя такая возможность уже в период разворачивавшихся военных действий Гражданской войны становилась эфемерной, был важен сам пример выбора этой позиции.

Обращение к тому опыту, который пережила Россия в период «демократической контрреволюции» имеет огромное значение для понимания программ, на основе которых было возможно сближение позиций разнонаправленных политических сил. Опыт Уфимского Государственного совещания до сих пор является примером возможности компромисса даже в период разгоревшейся кровопролитной Гражданской войны на основе обсуждения идеи Учредительного собрания.

3. Деятельность Подготовительной Комиссии по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях при правительстве А.В. Колчака

Идея Учредительного собрания не прекратила своего существования и после колчаковского переворота. Провозглашенная Верховным Правителем А.В. Колчаком, она постоянно привлекала внимание прессы. Так, например, в статье «Сибирские вождения» в областнической газете «Наш Урал» по поводу заявления Вологодского «о необходимости начатия ряда подготовительных работ по созданию Всероссийского Национального Собрания, а также Сибирского Национального Собрания» говорилось: «Мы, уральцы, должны немедленно принять меры к тому, чтобы одновременно начались работы по созыву Учредительного Собрания Урала»⁶⁴. Во время визита Колчака в Екатеринбург 12 мая 1919 г. ему была представлена депутация местного отдела Всероссийского Национального Союза во главе с А.С. Белевским-Белоруссовым, вручившая докладную записку по вопросам текущего момента⁶⁵. Вскоре после этого Колчак, оценив деятельность Белевского-Белоруссова как редактора «Отечественных ведомостей» и одного из лидеров Всероссийского Национального Союза, назначил его председателем комиссии по выработке законов по выборам в Национальное Учредительное Народное собрание⁶⁶. Получив назначение на пост председателя комиссии по выборам Национального Учредительного собрания, Белевский-Белоруссов выехал в Омск 26 мая 1919 г.⁶⁷ В качестве председателя Подготовительной Комиссии по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-982. Оп. 1. Д. 322. Л. 15.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-982. Оп. 1. Д. 322. Л. 25.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 22. Л. 22.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-982. Оп. 1. Д. 322. Л. 43.

рации учредительного характера и областных представительных учреждениях он активно работал в течение лета 1919 г.

Кроме Белевского-Белоруссова, в работе комиссии активное участие принимали в качестве товарища председателя – Н.Н. Козьмин, членов – профессор С.П. Мокринский, И.А. Антропов, М.С. Венецианов, В.А. Рязановский, Д.М. Эбулдин, М.В. Казимиров, П.А. Кронеберг. Н.В. Худяковский исполнял обязанности секретаря комиссии, а помощника секретаря – Е.А. Аносова. Комиссия постоянно пополнялась новыми членами. Так, на девятом ее заседании было принято постановление: «Войти к Правительству с представлением о назначении Членами Подготовительной Комиссии бывшего министра снабжения Ивана Иннокентьевича Серебренникова, Председателя Казачьей Войсковой Управы Ефима Прокопьевича Березовского и Присяжного Поверенного Округа Омской Судебной палаты Павла Константиновича Попова»⁶⁸.

К работе комиссии в качестве ее служащих были привлечены специалисты по статистике – Н.П. Огановский и Н.А. Преображенский⁶⁹.

Комиссия разрабатывала законодательную базу избирательной системы, а также вопросы, касающиеся подготовки и проведения выборов в представительные учреждения разных уровней. Активно обсуждался вопрос об избирательных правах граждан. Вопрос о делении России на избирательные округа и об отношении числа представителей к числу населения или избирателей дискутировался в Подготовительной комиссии достаточно остро. Вопрос этот был принципиальным, ведь речь шла о том, кто будет представлен в выборных органах, и какую политику будет проводить в жизнь государство.

Широко разделялись членами комиссии представления о том, что Учредительное Собрание не должно включать в свой состав большое количество представителей, поскольку в России при огромной потребности в образованных людях количество их недостаточно; кроме того, члены комиссии имели достаточно реальное представление об уровне образованности, и, что более важно, политической ориентации основной массы населения, и в их планы не входило допускать представителей крестьянства в главный представительный орган государства.

Согласованная позиция относительно недопущения в Учредительное Собрание представителей крестьянства, проявилась также в стремлении ограничить допуск сельского населения к избирательному процессу. Именно такую цель преследовало обсуждение вопроса о прямых и степенных выборах на одном из заседаний комиссии.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.13об.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 9.

Одним из наиболее активных защитников подобной позиции был председатель комиссии Белевский-Белоруссов. Мотивируя необходимость принятия степенных выборов для сельского населения, он указал, «во-первых, на малокультурность и слабое политическое развитие широких народных масс, во-вторых, на легко доступное при прямых выборах влияние на избирателей со стороны демагогических элементов, каковая опасность менее возможна при системе косвенных выборов, при которых выборы производятся в коллегии выборщиков, представляющей из себя группу лиц из более сознательных элементов и, в-третьих, на весьма серьезные технические затруднения для применения прямых выборов»⁷⁰.

Относительно предоставления избирательных прав гражданам у членов комиссии не было единодушной позиции. На одном из заседаний председатель комиссии поставил на обсуждение вопрос об активном и пассивном избирательном праве граждан. Он предложил предоставить активное избирательное право всем лицам мужского пола, достигшим 25 лет и проживающим в данном избирательном округе в течение года, или имевшим в этом округе постоянную оседлость до большевистского бунта, а, затем переменившим местожительство. Кроме того, А.С. Белевский-Белоруссов, настаивал на лишении избирательных прав женщин, выдвигая следующие аргументы: «Русская женщина в массе своей не предъявляет требования политических прав, давать же эти права, когда на них нет спроса, или умножать вотум избирателей в силу каких-либо абстрактных соображений, исходя, например, из принципа равноправия женщин не представляется целесообразным»⁷¹. Его оппонентом выступил М.С. Венецианов. Он заявил: «Женщины из среды интеллигенции всегда стремились и стремятся к получению права наравне с мужчиной»⁷². Но позиция Белевского-Белоруссова была непреклонной: «Участие в выборах женщин не переменит состава Учредительного Собрания, а потому оно является бесцельным и, как таковое, не должно быть освящено законом»⁷³.

В конечном счете, комиссия постановила: «Ценз оседлости, как условие для предоставления избирательного права, отвергнуть. Пассивное избирательное право предоставить всем лицам на тех же основаниях, на которых предоставляется активное избирательное право. Возраст для выборщиков установить общий, принятый и для активного и для пассивного избирательного права, то есть 25 лет»⁷⁴. Товарищ председателя комиссии

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.10об.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.11об.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.12.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.12.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Лл.12об-13.

Н.Н. Козьмин высказывался за поднятие нормы жителей, падающей на одного депутата, так как слишком широкое привлечение в Учредительное Собрание интеллигентных сил при недостаточности их в настоящее время в стране, являлось, по его мнению, не вполне целесообразным⁷⁵.

Комиссия согласилась с предложением С.П. Мокринского «о предварительном выяснении с помощью статистических данных последствий практического применения каждого из предложенных трех отношений одного представителя к числу жителей в 200 000, 250 000 и 300 000, возложив выполнение сей задачи на членов комиссии И.А. Антропова и Д.М. Эбулдина»⁷⁶. К вопросу о нарезании избирательных округов комиссия возвращалась неоднократно. Так, 9 августа 1919 г. был заслушан доклад специалиста по статистике Н.П. Огановского о плане статистических работ для определения приблизительной цифры населения⁷⁷, 27 августа вновь было заслушано его сообщение⁷⁸, 3 сентября 1919 г. в плане работы комиссии также стоял вопрос о статистических данных⁷⁹, 24 сентября 1919 г. слушался письменный доклад исполняющего обязанности ответственного руководителя статистическими работами по России и Сибири (зам. Н.П. Огановского) Н.А. Преображенского о населении России⁸⁰.

На заседаниях комиссии от 3 и 12 июля 1919 г. под председательством А.С. Белевского-Белоруссова дебатировался вопрос об участии армии в выборах в Учредительное Национальное Собрание на основе сделанных М.В. Казимировым докладов⁸¹. Комиссия детально разрабатывала вопросы об организации выборов при системе прямых выборов и при системе косвенных выборов, об органах, на которые должно быть возложено заведование выборами, а также об организации выборов в местностях, для коих установлена система косвенных выборов⁸².

Активная работа комиссии в течение июня и первой половины июля 1919 г. увенчалась выработкой Общих Положений избирательного закона. Данный документ был составлен председателем комиссии «на основании принятых комиссией принципов и подготовлен для представления о них доклада Правительству». В докладной записке председателя Подготовительной комиссии, направленной председателю Совета Министров, были изложены выработанные комиссией позиции. Прежде всего речь

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 9.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.10.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.57

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 76.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 78.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 3. Л. 94.; Д. 2. Л. 104.

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Лл. 9-14.

⁸² ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Лл. 9-29.

шла о «суверенном характере созываемого Народно-представительного Собрания, учредительного по своим функциям, национального по своим задачам и составу»⁸³. В качестве основы избирательной системы провозглашался «принцип всеобщих, равных и тайных выборов, обеспечивающий их демократический и национальный характер», объявлялось также, что «избирательная система должна обеспечить всенародный характер собрания, его государственность и работоспособность»⁸⁴. Вопрос о характере выборов (прямых или косвенных) комиссия оставила открытым.

Касаясь вопроса о времени созыва Учредительного собрания, Белевский-Белоруссов подчеркивал, что «правительство никаким определенным сроком себя не связывает, так как срок этот будет зависеть от обстоятельств, время осуществления которых точно предвидеть нельзя». Но оговаривались главные условия созыва Учредительного Собрания: «Созыву собрания должно предшествовать объединение под властью Правительства значительнейшей части территории государства Российского; прекращение гражданской войны, воссоздание в ныне занятых большевиками местностях аппарата управления, без которого немыслима правильность выборов». Подчеркивалось, что, при наличии всех этих условий, правительство «берет на себя обязательство без крайней необходимости созыва Учредительного собрания не отсрочивать»⁸⁵. Предлагалось при решении вопроса о местных и областных представительных органах осуществлять «принцип народного самоуправления, имеющего быть положенным в основу Российской Государственности», и исходить из территориальных условий страны, требующих децентрализации управления. Белевский-Белоруссов подчеркивал, что «всякий шаг в этой области [местного самоуправления] будет иметь характер прецедента, и послужит основанием для домогательств со стороны многочисленных областей, претендующих на автономию. Вопрос об областной автономии и формах ее есть таким образом вопрос не местный, а общегосударственный и трактоваться должен, как таковой». В заключение была изложена просьба о переименовании комиссии в «Подготовительную Комиссию по созыву Национального Учредительного Собрания»⁸⁶.

Окончательный вариант названия комиссии, утвержденный Правительством был следующим: «Подготовительная Комиссия по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях».

⁸³ ГАРФ. Ф. 4707. Оп.1. Д. 3. Л. 48.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 4707. Оп.1. Д. 3. Л. 49.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 3. Л. 49.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 3. Л. 49об.

В последующий период комиссия занималась детализацией вопросов касающихся избирательного процесса. Рассматривались вопросы о выборах во Всесибирский представительный орган⁸⁷, о голосовании при производстве выборов в Национальное Учредительное собрание и порядке избрания выборщиков и членов Национального Учредительного Собрания в собраниях выборщиков⁸⁸, о лишении избирательных прав лиц, кои устраняются от участия в выборах в Национальное Учредительное Собрание⁸⁹, о перечне преступлений влекущих за собой лишение избирательных прав⁹⁰, заслушивался доклад Мокринского об ограждении свободы и правильности выборов⁹¹. После рассмотрения доклада Кронеберга было принято постановление, в котором была признана «безусловная необходимость того, чтобы выборам в Национальное Учредительное Собрание предшествовали выборы в Земские учреждения»⁹².

Постановка на заседаниях комиссии вопроса об очередности проведения выборов в различные представительные учреждения не была случайной. Она была связана с тем, что представители местных органов управления разных регионов Урала и Сибири обращались к комиссии с просьбами о содействии в проведении выборов в представительные органы власти. Так, на заседании комиссии 3 сентября 1919 г. была заслушана докладная записка на имя Председателя Совета Министров Уполномоченного от башкир Председателем Комитета по оказанию помощи беженцам башкирам Мухаммед-Габдулхая Габидуловича Курбангалиева по вопросам об автономном областном устройстве Башкирии⁹³, чуть раньше – доклад Н.Н. Козьмина о Сибирском Автономном Областном Управлении⁹⁴. Было принято решение отложить рассмотрение подобных обращений до обсуждения общего вопроса об автономии областей⁹⁵.

Журналист А.А. Диктоф-Деренталь отмечал в своих воспоминаниях: «Было радостно видеть этого измученного, больного человека, в котором бодрость физическую поддерживал лишь действенный огонь любви “к забытому” в наши дни – к России, к родине, к русскому темному, сбитому с толку и тоже измученному народу... И было страшно: А.С. Белоруссов знал, что он обречен. При его неизлечимой болезни

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Лл.45-87.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 47.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 55.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 69.

⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 84.

⁹² ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л.45.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 78.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 75.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 7.

(грудная жаба) врачи запретили ему малейшее волнение – он мог во всякую минуту внезапно умереть. Но он сознательно шел на это, ибо того требовал долг, велело его сердце патриота!.. А.С. Белоруссов умер <...> на своем посту – в самый разгар начавшихся несогласий между чехо-словаками и адмиралом Колчаком – несогласий, которые он поехал улаживать в Иркутск из Екатеринбурга»⁹⁶.

Смерть застала А.С. Белевского-Белоруссова в ночь на 13 сентября 1919 г. в Иркутске, куда он приехал для встречи чехословацкой делегации. Дикгоф-Деренталь сообщает: «Собравшись 13 сентября на очередное заседание и, получив трагическую весть, члены комиссии решили, “приняв во внимание невозможность прибытия за дальностью расстояния в г. Иркутск для участия в похоронах... выразить семье в лице его сына, находящегося в Омске Григория Алексеевича Белевского соболезнование; отслужить панихиду; сделать взамен возложения венка на гроб пожертвования на нужды Армии, собрав для сего денежную сумму между членами и служащими комиссии; сообщить в Российское Телеграфное Агентство для опубликования телеграмму”»⁹⁷. На заседании комиссии 17 сентября 1919 г. было принято постановление о временном исполнении обязанностей председателя комиссии С.П. Мокринским, а профессору К.Г. Дишлеру была поручена разработка программы занятий Сибирского совещания общественных и национальных организаций⁹⁸.

Начатое А.С. Белевским-Белоруссовым дело было продолжено, и на дальнейших своих заседаниях Подготовительная комиссия обсуждала вопросы формирования избирательной системы России. 20 сентября 1919 г. был заслушан доклад Д.М. Эбулдина о порядке обжалования неправильных действий учреждений, принимающих участие в выборах в Учредительное собрание⁹⁹, 27 сентября 1919 г. обсуждался вопрос о порядке дальнейших работ комиссии и распределения последних между членами комиссии¹⁰⁰, 31 сентября 1919 г. – заявление М.С. Венецианова о неправильном освещении хода работ комиссии в «Правительственном вестнике» № 245 и о выработке положения о выборах в Государственное Земское Совещание¹⁰¹. На заседаниях в октябре 1919 г. обсуждались вопросы, связанные с разделением России на избирательные округа¹⁰², а

---

⁹⁶ Дикгоф-Деренталь. 1923. С. 73.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 88.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 94.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 95.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Лл. 104-104об.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Лл. 106-106об.

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 2. Л. 113.

также с «выработкой расписания членов Учредительного Собрания по избирательным округам»¹⁰³. На одном из заседаний комиссии был заслушан доклад П.А. Кронеберга «об учреждениях, заведывающих производством выборов в Национальное Учредительное Собрание», и признано необходимым создать помимо окружной и участковой комиссий, промежуточную уездную (городскую) комиссию¹⁰⁴.

Военные действия, переместившиеся на территорию Сибири, положили конец работе Подготовительной комиссии. Планам ее членов не суждено было реализоваться. Но сегодня для нас чрезвычайно ценными являются проекты политических реформ, составившиеся во время ожесточенных сражений Гражданской войны Подготовительной комиссией по разработке вопросов о Всероссийском Представительном Собрании учредительного характера и областных представительных учреждениях во главе с А.С.Белевским-Белоруссовым.

Идея созыва Учредительного собрания и распространения его власти на территорию России сохраняла значимость в процессе консолидации антибольшевистских сил после октябрьского переворота, до начала активных военных действий Гражданской войны. Деятельность участников Челябинского и Уфимского совещаний, состоявшихся в августе-сентябре 1918 г. и завершившаяся созданием Директории, ярко продемонстрировала общедемократическую направленность их политических целей. Но стремление различных антибольшевистских сил России к установлению легитимной власти не могло быть реализовано в ходе продолжавшейся кровопролитной Гражданской войны. Вскоре военный переворот Колчака окончательно уничтожил иллюзии о возможности парламентского пути развития в сложившейся исторической ситуации.

Матрица российской ментальности не предполагала в 1918 г. возможности компромисса, выполнения достигнутых договоренностей, каждая из политических сил антибольшевистского лагеря, вступая в договорные отношения, предполагала все-таки переломить ситуацию и использовать ее в своих интересах, не стремясь особенно следовать за буквой подписанных соглашений. Жажда власти и политическая нетерпимость оказались сильнее культуры диалога. Возможность компромисса, мира, соглашения присутствует всегда, главное – проявить волю именно к такому течению событий. Но такой воли не было достаточно у Колчака и у тех, кто его поддерживал, а большевики вообще отличались бескомпромиссностью по отношению к политическим и идеологическим противникам. И всё же, поддержка идеи Учредительного собрания,

¹⁰³ ГАРФ. Ф.Р-4707. Оп. 1. Д. 2. Л.1.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-4707. Оп.1. Д. 3. Л. 69.

представляющего интересы всех слоев российского общества, в условиях разгоравшихся военных действий, представляет интерес не только для тех историков, которые обращаются к изучению Гражданской войны, но и для общества в целом, для понимания того, что, выполняя достигнутые путем компромисса договоренности, можно придти к стабильности иного рода – не через установление авторитарной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аманжолова Д.А.* Алаш, советы, большевики // Отечественная история. 1994. № 1. С. 57-73.
- Бородин Н.А.* Идеалы и действительность. Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879-1919). Берлин – Париж: Б.и., 1930. 209 с.
- Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Харбин, 1921.
- Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М.: Крафт, 2007. 704 с.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты// Вопросы истории. 1992. № 6, 8-9.
- Дикгоф-Деренталь А.А.* На перевернутых страницах // На чужой стороне. Т.2. Берлин: Ватага, Прага: Пламя, 1923.
- Журавлев В.В.* Государственное совещание: К истории консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле – сентябре 1918 г.// Сайт «Сибирская Заимка» http://zaimka.ru/2007/siberian_counterrevolution3/.
- Зензинов В.* Из жизни революционера. Париж: Тип. И. Рираховского, 1919. 120 с.
- Зиминова В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. М.: РГГУ, 2006. 465 с.
- Казанчиев А.Д.* Уфимская Директория. Уфа: Изд-во ВЭГУ, 2003. 115 с.
- Кроль Л.А.* За три года. Владивосток: Б.и., 1922. 216 с.
- Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 527 с.
- Мякотин В.* Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. Т.2. Берлин: «Ватага», Прага: «Пламя», 1923.
- Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 362 с.
- Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Анатомия революции 1917 г. в России: массы, партии, власть. Материалы коллоквиума 11-15 января 1993 г. СПб.: Глагол, 1994.
- Таймасов Р.С.* Башкиры в антибольшевистском лагере: между сибирской контрреволюцией и Комучем // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 139-144.
- Трухан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М.: ИРИ РАН, 2000. 255 с.
- Селянинова Гульсина Дагирьяновна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного гуманитарного педагогического университета; gsina@mail.ru

Е. М. МИРОНОВА

ОБРАЗ РОССИИ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ СНОШЕНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ НЕБОЛЬШЕВИСТСКИХ ДИПЛОМАТОВ (1917 – 1939)

Автор рассматривает образ России, создаваемый дипломатами Русского Зарубежья, как фактор, оказывавший влияние на принятие реальных политических решений, а также трансформацию этого образа от однозначной «империи зла и насилия» в 1920-е гг. до ограничения критики с нарастанием международной напряженности в 1930-е и до признания некоторых изменений в системе, допускающих даже прямое сотрудничество с советскими структурами в условиях агрессии против страны.

Ключевые слова: Советская Россия, образ, международные отношения, дипломаты Русского Зарубежья, Совет послов.

Исследования последних десятилетий показали, что международные отношения являются результатом деятельности не только официальных политических и дипломатических учреждений. Внешнеполитическая линия государств складывается под воздействием многих факторов. Не первостепенное, но, безусловно, определенное воздействие на него оказывает общественное мнение, немалую роль играет и политическая традиция, образ той страны, об определении политической линии, в отношении которой идет речь. Обычно этот образ выстраивается вековой практикой взаимного общения, и скорректировать его чрезвычайно сложно.

Ситуация, сложившаяся в первой половине XX века вокруг СССР уникальна: одна из ведущих мировых держав, во всяком случае, самая крупная, пережив революцию, обратилась к умозрительно созданной политической системе, отказавшись ради нее от всех существовавших дотоле в мире экономических и юридических норм. При этом она на долгие годы оказалась закрытой, информации поступало крайне мало, и она не могла быть достоверной. Поездки в Россию сначала были чрезвычайно опасны из-за бушевавшей на ее просторах гражданской войны, а потом не пользовались популярностью вследствие резко неблагоприятного имиджа страны. В первые годы советской власти страну решались посетить немногие, те же, кто по разным причинам все же приезжали, находились под плотной опекой компетентных органов и видели только то, что им хотели показать. В то же время молодое советское государство чрезвычайно нуждалось в контактах с окружающим миром, стремилось выйти из изоляции. Со временем пришло понимание, что для этого Москве необходимо работать над положительным образом вновь созданного госу-

дарства. Но за границей находилась другая, «иная», изгнанническая Россия, для которой установившийся на родине режим был средоточием вселенского зла. И образ России на несколько десятилетий стал политическим фактором, вокруг которого велась напряженная борьба, и который оказывал влияние на принятие реальных политических решений.

Надо сразу оговориться, что эмигранты четко разделяли понятия России-Родины и той формы государства, которая утвердилась в стране в результате октябрьской революции 1917 г. Большевизм они воспринимали как аномалию, (о национальной катастрофе писал И.А.Ильин), как стихийное бедствие, при этом в их сознании «не было переноса негативных психологических установок на образ родины»¹. У эмиграции не существовало единого образа «больной» России. Различные группы, объединения по-своему представляли то, что происходило на родине, более того, с течением времени сложившееся уже представление изменялось. При этом создаваемый эмигрантами в межвоенный период образ СССР имел не столько культурно-этнографическое значение, сколько практически-политическое. Он транслировался политическим кругам стран пребывания, помогая вырабатывать политическую линию или создавая препятствия на пути нежелательных с точки зрения эмиграции решений. Естественно, у разных кругов русской зарубежной общественности была различная степень допуска, разная степень доверия, которыми они пользовались в политических кругах стран пребывания.

В этой статье мы сконцентрируемся на деятельности небольшой группы оставшихся за рубежом русских дипломатов, которые, однако, оказывали в первой половине XX века несоизмеримое со своей численностью влияние на формирование образа России за ее пределами.

Дипломатические учреждения, что находились за пределами страны на момент октябрьской революции 1917 г., отказались подчиниться власти большевиков, и, апеллируя к тому, что Петроград – это не вся Россия, что существуют территории, не признавшие новое правительство, выдвинули концепцию существования двух России: большевистской и национальной. Последнюю они считали своим долгом защищать, в связи с чем остались на своих местах и продолжили работу, создав независимую от власти на родине организацию – Совет послов. С этого момента усилия по созданию положительного образа антибольшевистской России и, соответственно, формированию негативного представления о советской стали одной из важных составляющих их деятельности на период гражданской войны и в первые послевоенные годы.

---

¹ Хрусталева. 1996. С. 19.

Первой задачей дипломатического корпуса в этой сфере было разъяснение иностранным коллегам, бурно переживавшим «измену России» союзникам, что «национальная» меньшевистская часть страны остается верной принятым на себя обязательствам. Эту цель преследовали первые пооктябрьские заявления дипломатов на встречах с политическими деятелями стран пребывания. Имея очень скудные сведения о происходивших на родине событиях², они внушали своим иностранным коллегам, что в Петрограде при помощи одураченных невежд (посол во Франции)³ власть временно захватили изменники (временный поверенный в Великобритании)⁴, говорили о «незаконности петроградской «Коммуны» (посланник в Испании)⁵, о России, разоруженной и преданной теми, кто называет себя ее правительством⁶. Официальный протест против захвата большевиками власти был заявлен русской миссией в Копенгагене⁷. Посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев в этой связи прямо писал о необходимости создания положительного образа антибольшевистской части страны «для подготовки будущей кампании сочувствия и помощи России»⁸.

Дипломаты предпринимали усилия, чтобы их точка зрения через посредство печати доходила до общественности стран пребывания⁹.

Концепцию «двух России» посол в Париже В.А. Маклаков излагал и на первом после октября международном форуме: проходившей в конце ноября 1917 г. межсоюзнической конференции.

Союзников, а вслед за ними и нейтралов, вполне устроил такой подход. Они усвоили предложенную русскими дипломатами концепцию. Прямым следствием утверждения в сознании образа поделенной надвое

---

² Советник посольства в Париже кн. Кудашеву 5/18 ноября № 1128 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 25.; Посол в Мадрид и Пекин 5/18 ноября № 1130 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 26.

³ В.А.Маклаков К.Д.Набокову 12/25 ноября 1917 г. № 1149 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 163; Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 51.

⁴ К.Д.Набоков послу 28 октября/ 10 ноября 1917 г. №915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2об.

⁵ Соловьев К.Д.Набокову 31 октября/13 ноября 1917 г. № 304 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 247; Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 16 об.

⁶ Переданный В.А. Маклаковым циркулярно для аналогичных акций представительство текст протеста против Брест-Литовского мира, телеграмма № 87 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л.112.

⁷ Копия письма бар. Мейендорфа В.П. Вологодскому в Омск от 28 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12. Л. 92.

⁸ Бахметев послу 22 ноября / 5 декабря 1917 г. № 767 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 88 об.

⁹ В.А. Маклаков в Мадрид и Пекин 5/18 ноября № 1130 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 26; Копия письма бар. Мейендорфа В.П.Вологодскому в Омск от 28 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12. Л. 92.

страны была проявленная зарубежными странами готовность проводить резкое различие между Россией и «самозванцами, которые называют себя ее правительством»¹⁰, а также выработка согласованной позиции, подразумевавшей отказ государств, входивших в Антанту, от признания новой власти Петрограда в качестве субъекта международного права¹¹.

В дальнейшем как внешнеполитические, так и внутривластные мероприятия советской власти вызывали волну протестов некоммунистической дипломатии: тексты передавались правительствам стран пребывания, «частным порядком» сообщались коллегам по дипкорпусу, распространялись через печать. Так представительства русского зарубежного корпуса отреагировали на публикацию секретных договоров с союзниками, убийство румынского посла и английского морского агента в Петрограде, начало переговоров с противником по мировой войне, подписание Брестского мира¹². ... Своей обратной стороной эти меры были направлены на создание положительного образа «национальной» России. Старейшина Корпуса М.Н. Гирс прямо писал о желательности организовать протестную кампанию по поводу опубликования договоров: «Таковое заявление имело бы главным образом целью поддержать честь России»¹³.

Уже в конце ноября 1917 г., казалось, авансы, которые делали дипломаты за рубежом, стали сбываться: на юге начали возникать очаги сопротивления и временные правительства, которые рассматривались

---

¹⁰ В.А. Маклаков К.Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1151 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 54.

¹¹ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. 1980. С. 19.

¹² Копия письма бар. Мейендорфа В.П. Вологодскому в Омск от 28 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12. Л. 92; Коцебу фон Пилар – К.Д.Набокову 17/30 ноября 1917 № 536 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 55; Демидов Набокову 20 ноября / 3 декабря 1917 г. № 700 // Там же Л.2; К.Д. Набоков В.А. Маклакову 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 970 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 90 об.; М.Н. Гирс послу 13/26 ноября 1917 г. № 913; тот же текст Набокову за № 912 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 67 об; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 111; Лысаковский К.Д. Набокову 23 ноября / 6 декабря 1917 г. № 108 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 90 об.; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 115; К.Д. Набоков послу 19 ноября/ 2 декабря 1917 г. № 959 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537.; Приложении за № 2 к циркулярной телеграмме В.А. Маклакова № 1168 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58; В.Н. Крупенский В.А. Маклакову 29 ноября 1917 г. № 510, Е.П. Демидов послу 18 ноября / 1 декабря 1917 г. № 695; Г.Г. Бах В.А. Маклакову 18 ноября / 1 декабря 1917 г. б/№ , И.Г. Лорис-Меликов 19 ноября/2 декабря №58, Телеграмму Поклевского –Козел К.Д. Набоков передал в Париж 19 ноября/2 декабря за №958 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Лл. 78 об, 76.

¹³ М.Н. Гирс – В.А. Маклакову 14/27 ноября 1917 г. № 905 // ГАРФ Ф. 10003 карт 86 Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 106.

ими как «элементы порядка»¹⁴. Для происходившего на родине Маклаков предложил некую формулу – образ, который французы с удовольствием повторяли: «это нарыв, который лопается»¹⁵.

Между тем дипломаты продолжили создание негативного образа большевистской России. Осенью 1918 г. М.Н. Гирс нашел возможным поддержать инициативу бюро созданной в Италии русскими *Ligue pour la regeneration de la Russie en union avec les Allies*¹⁶ по вопросу об ответственности большевиков за массовое избиение интеллигенции, которое грозило «нравственным разорением стране»¹⁷. В ноте, переданной 14 сентября / октября союзным правительствам, предлагалось объявить вождей большевизма вне закона и возложить на них личную ответственность за преступления, которые ими совершались под видом борьбы за политические идеалы¹⁸. Посол сообщил содержание документа 30 иностранным посольствам в Риме и циркуляром предложил представителям России последовать его примеру¹⁹. Эта инициатива не имела практических результатов – правительства, сначала нейтральных государств, а потом и держав Соглаasia отказались лишить большевиков права убежища²⁰, но на имидже новой власти, безусловно, сказалась.

Развивая это направление деятельности, несколькими месяцами позже созданное дипломатами Русское политическое совещание сочло «крайне необходимым сосредоточить в Париже материалы и документы, устанавливающие преступления большевиков». При этом особое значение придавалось достоверности получаемых сведений, для чего в районах, недавно освобожденных от большевиков предлагалось создать следственные комиссии. Члены комиссий (профессиональные юристы), должны были получить права судебных следователей с тем, чтобы протоколы допросов этой коллегии имели силу актов формального предва-

---

¹⁴ В.А. Маклаков К.Д. Набокову 24 ноября/7 декабря 1917 г. № 1201 (передает телеграмму Эттера № 1056) // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 186.

¹⁵ В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 5 апреля 1922г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т.2. С. 248.

¹⁶ Обращение подписали три лица, автографы двоих из них удалось расшифровать как Б. Серафимов и Дубягский, третья подпись неразборчива. Оба установленных лица имели отношения к дипломатическому Корпусу и были близки с М.Н. Гирсом. Это позволяет сделать предположение о том, что посол изначально участвовал в разработке этой идеи.

¹⁷ М.Н. Гирс В.А. Маклакову 10 сентября 1918 г. № 86// ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ см. АВПРИ. Ф.190. Оп. 525. Д. 2538. Л. 1 – 11, 31 – 33, 43 и др..

²⁰ Телеграмма В.А. Маклакова – послу в Рим от 12 сентября 1918 г. ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

рительного следствия. Полученные материалы об убийствах, грабежах, разбоях, истязаниях, поругании святынь, так же как и о лишении русского народа завоеванных свобод, как то, закрытие органов печати, разгон городских дум, взятие заложников, аресты без предъявления обвинения, обыски без законного основания, незаконная конфискация имущества и т.д., должны были быть изданы в Париже²¹.

По окончании гражданской войны дипломаты продолжили работу под руководством Совета послов. Учреждение приняло на себя разнообразные заботы по оказанию помощи русским беженцам. Продолжило оно и политическую деятельность. Одной из важнейших считали дипломаты задачу по формированию общественного мнения вокруг русского вопроса. Задача эта распадалась на четыре составляющих:

1. Сбор и анализ информации для себя самих.
2. Передача информации (создание образа Советского государства и, как «вторая сторона медали», небольшевистской России) политикам, государственным и общественным деятелям стран пребывания.
3. Не просто информирование, а создание определенного образа для соотечественников за рубежом.
4. Борьба с существовавшим в некоторых странах негативным образом дореволюционной России.

Оказавшись в стороне от происходивших на родине процессов, эмигранты с напряженным вниманием следили за событиями, которые там разворачивались. В начале 1920-х гг. были созданы Институт изучения России и Экономический кабинет профессора Прокоповича, издававший сначала «Экономический вестник», а затем «Русский экономический сборник». Прокоповичу удалось организовать получение из СССР большого количества периодической печати, на основе которой регулярно составлялись обзоры, становившиеся для читающей эмигрантской публики чуть ли не единственным более или менее адекватным реально сти источником информации о текущих событиях в СССР²².

Один из исследователей Русского Зарубежья отметил: «За эмиграцией сохранялась роль зарубежного наблюдателя, толкователя и внешнеполитического раздражителя»²³. Я бы целиком отнесла этот тезис к деятельности русских дипломатических учреждений в эмиграции.

Дипломаты самым кропотливым образом собирали все поступающие с родины сведения. Источники были самые разнообразные: вновь

---

²¹ Сазонов – МИД Омск, Дип. Канцелярия Екатеринодар 26 апреля 1919 г. № 810 // Ф 10003. Оп. 2 К. 3.

²² Доронченков. 2001. С.70.

²³ Там же. С. 74.

приехавшие, «вырвавшиеся» из страны беженцы, пошедшие на контакт с эмигрантами совслужащие, вернувшиеся из РСФСР–СССР агенты эмигрантских организаций, иностранцы, посетившие Россию, плюс вся поступающая «оттуда» пресса, брошюры, книги. Результат получался разный. Трезвое аналитическое мышление дипломатов чаще легко отделяло «зерна от плевел». Так, в марте 1923 г. Василий Николаевич Шtrandтман писал из Белграда: «За последнее время относительно России у меня складываются несколько менее мрачные впечатления. Не подлежит, конечно, сомнению, что там происходит и даже довольно быстрое приспособление к новым условиям жизни, но так как соответственно сему растут и запросы к захватчикам власти, удовлетворить которое они не могут, то положение становится все менее терпимым, порождая громадное недовольство в крепнущих слоях населения. В среде заправил, согласно имеющимся здесь, по-видимому довольно серьезным сведениям, существует острый раскол в значительной мере основанный на юдофобстве, постепенно народившемся и все усиливающимся у русской части комиссаров. Противная последним сторона считает положение настолько критическим, что видит выход только путем достижения какого-нибудь национального для России успеха, например, победоносной войны с Польшей, способной снова объединить расплывающуюся коммунистическую партию. Вместе с тем – первое юдофобствующее крыло коммунистов тоже не прочь начать войну, считая, что в конечном результате она даст им возможность единолично взять власть и быть может, выйти на новую дорогу»²⁴. Продолжая тему еврейского засилья, он пишет со слов серба, посетившего Россию: «Вся жизнь городов в еврейских руках. Всё русское в лохмотьях, все еврейское в шелку. На воскресных и праздничных гуляниях – 90% евреев. В школах цензом является еврейское происхождение или пролетарское состояние, поэтому в учебных заведениях более 50% евреев»²⁵. Впрочем, он сетовал на то, что рассказы лиц, приезжающих из России, будучи очень интересными с обывательской точки зрения, в политическом отношении редко дают какой-либо ценный материал. Причину он видел в «конспиративности» власти и паническом страхе за жизнь людей, что и способного наблюдателя лишает возможности сделать глубокий анализ.

Из впечатлений собеседников ему показались интересными сообщения дамы из Петрограда, рассказавшей о том, что сколько бы человек

---

²⁴ В.Н. Шtrandтман М.Н. Гирсу 18 марта 1923 г. Личное // Русский архив университета Лидса (далее – РАЛ). фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

²⁵ В.Н. Шtrandтман М.Н. Гирсу 6 августа 1923 г. Личное // РАЛ фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

ныне в России не обогащался, а к обогащению возможности имеются, он не уверен в завтрашнем дне, и что громадное количество школ, на содержание коих власть никаких средств не отпускает, прикомандировываются к игорным домам, и известный % дохода с них идет в пользу соответствующей школы²⁶. Тему образования в советской России поддержал и сербский информатор: он считал, что школы в ужасном состоянии. «Преподают только утилитарные науки, исключено все, что касается религии, философии, морали». Кроме того, он в самых мрачных красках описал положение русских женщин из хороших семей и молодых девушек: «Стараются они все пристроиться при иностранных миссиях, но и это для них трагедия. Выходят они замуж за комиссаров, но семьи теперь в России в нашем смысле этого слова нет: сегодня женился, завтра развелся, послезавтра опять женился и т.д.»²⁷

Собранные в разных странах данные, при всей их неполноте и неточности²⁸, сообщались в Париж, здесь анализировались и при подготовке «Информационного бюллетеня» (выходил, вероятно, с начала 20-х гг.) дополняли сведения, почерпнутые из статистических сборников, газет и журналов, выходивших в СССР. Удивительно, но до сих пор этот материал не только не введен в научный оборот, но и не выявлен, хотя мы располагаем положительным свидетельством о его регулярном издании. Автору данной статьи удалось найти в Русском архиве университета г. Лидс несколько выпусков издававшихся в Париже документов с таким названием, относящихся к 1927 г. Я не возьму на себя смелость утверждать, что это именно те бюллетени Совета послов. Удивительно, что ни в каких других хранилищах, ни в фондах самих дипломатов, где часто встречаются копии направленных в Париж донесений коллег, другие информационные материалы, эти документы не встречаются. С другой стороны, в пользу того, что эти тексты вышли из-под пера сотрудников Совета послов говорит и название, и место издания, само содержание выпусков, ничем не противоречащее взглядам русских меньшевистских дипломатов этого периода. Поиск других организаций, которым можно было бы приписать издание этих документов, также не привел к положительному результату. Поэтому у нас есть основания, пока предварительно и условно, принять эти материалы как Бюллетени Совета послов.

²⁶ В.Н. Шграндтман М.Н. Гирсу 18 марта 1923 г. Личное // Там же.

²⁷ В.Н. Шграндтман М.Н. Гирсу 6 августа 1923 г. Личное // Там же.

²⁸ Представитель Совета послов в Хельсинки Фену признавал неполноту и малую ценность получаемых его сотрудниками материалов сравнительно с выходившими в Париже бюллетенями (А.Н. Фену М.Н. Гирсу 10 апреля 1924 г. № 241 // Государственный Архив Финляндии ЕК – Valpoi XXI A2e–XXIA2f. № 2827.

Надо признать, что к выстраиванию образа России авторы этих документов подходили чрезвычайно ответственно, не допуская огульной критики и опираясь на широкий круг советских периодических изданий («Известия», «Комсомольская правда», «Беднота», «Красная звезда», «Северная правда», «Листок Юнкора», «Рабочая газета»), впечатлений от личных бесед с недавно приехавшими из страны лицами. Яркие, но непроверенные факты, которые, случалось, передавали в центр главы миссий, насколько можно судить из попавших в наши руки материалов, в тексты не помещались. Регулярно (не реже раза в месяц) выпускавшиеся бюллетени характеризуются спокойным, взвешенным тоном изложения недостатков советской действительности – положительных сдвигов они практически не отмечали. Каждый выпуск посвящен одной или нескольким темам, исследование которых ведется скрупулезно, с приведением цитат и статистического материала. Объем выпуска – 15-20 убористых машинописных страниц. В 1927 г. они были посвящены анализу IV-го всесоюзного съезда советов, военизации молодежи, политике советского государства в области сельского хозяйства. Кроме того, в одном из выпусков приводились сведения, полученные от приезжающих из СССР соотечественников. Это очень интересный материал, дающий представление о том, как видели жизнь в СССР интеллектуальные круги эмиграции, что они могли транслировать своим партнерам.

Анонимные авторы анализов отказывали Советской России в праве называться демократической страной, рисуя облик террористического государства, ненавистного населению, однако, довольно прочного благодаря тому, что «весь аппарат власти в их руках». «Обслуживает этот аппарат, – продолжал аналитик, – до пяти миллионов советских служащих, всецело зависящих от своего начальства». «Спеццы», пошедшие на службу Советам, считают себя замаранными и опасаются возмездия со стороны «национальной» власти²⁹.

Анализируя созданную в СССР политическую систему, авторы указывали на то, что съезды Верховного совета – это искусная декорация правления партии³⁰. В качестве аргументов приводились, с одной стороны, увеличение числа тех, кто был лишен права участвовать в выборах³¹, с другой, избрание в законодательный орган лиц не только неграмотных,

---

²⁹ Информационный бюллетень № 104 от 26 сентября 1927 г. // РАЛ. фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 13.

³⁰ Информационный бюллетень № 101 от 11 июля 1927 г. // Там же.

³¹ Подразумевались результаты нового ужесточения положений о лишении избирательных прав по инструкции от 28 сентября 1926 г. Аналитик писал о двукратном увеличении количества лишенцев, что, конечно, было преувеличением.

но и вообще не знающих русского языка; поражало аналитика и единодушные делегатов по всем постановлениям съезда после прений, в которых высказывалось большое количество жалоб и претензий. Составитель обращал внимание на то, что в повестке дня Сессии Верховного совета не стояли вопросы обсуждения избирательного права, а также доклада о положении финансов в стране. Станным на десятом году советской власти показался автору поставленный председателем Совета народных комиссаров А.И. Рыковым вопрос о том, какой путь ведет к социализму. «Какой же тогда строй в Союзе Советских Республик?», – спрашивал он.

На цифрах, с приведением цитат из советских изданий и материалов статистических сборников указывалось на бедственное положение страны: неэффективность планового управления, износ промышленного оборудования, обновление и ремонт которого не производился с довоенного времени, плачевное состояние жилищного фонда, проблемы транспорта, неправильное соотношение цен между промышленностью и сельским хозяйством, малый рост производительности труда и посевных площадей, относительное перенаселение деревни, вызванное, в том числе, и возвращением к земле безработных индустриальных рабочих. В бюллетене подчеркивалось, что советские лидеры сами видели, что дошли до черты, которая не позволяла двигаться, развиваться, просто продолжать жить, как прежде, без серьезных изменений, и искали спасения в индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Однако автор статьи полагал, что поднять промышленность СССР на новый уровень невозможно без помощи капиталистических стран.

Специальный номер бюллетеня был посвящен упадку в сельском хозяйстве. Автор выделил три периода аграрной революции в России после 1917 г. В результате первого, связанного с «черным переделом», по его мнению, первое, сельское хозяйство понесло огромный материальный ущерб. Второе, главной массой пострадавших от передела были крестьянские хозяйства (приблизительно 4-5 млн. дворов). Третье, результатом политики, проводившейся в первые годы советской власти, стало «уравнение крестьянских хозяйств в общей нищете». Причем процессы обнищания продолжались и дальше за счет дробления крестьянских хозяйств, лишения их существовавших до революции заработков, получаемых при работе в помещичьих хозяйствах, борьбы государства с кустарными промыслами. Начало второго этапа автор связывал с введением в стране НЭП. Однако он отказывал ей в положительном воздействии на сельское хозяйство, объясняя это тем, что государство, первое, продолжало выкачивать из деревни средства на содержание госаппарата и промышленности; второе, вело на селе двойственную политику, декларируя одни меры

и сохраняя при этом на местах практику первых лет советской власти и, третье, стремилось командовать производственной деятельностью крестьян. Третий этап начался в 1925 г. Заметный рост сельского хозяйства в стране опирался, по мнению аналитика, на уступки правительства мелкобуржуазной деревне. Однако от него не укрылось, что никаких гарантий на будущее те, кто этот рост обеспечил, не получили³².

Безрадостную картину рисовали бюллетени и в сфере духовной жизни страны. На основе данных советской прессы они отмечали озлобленность, аморальность городов, где только при помощи ГПУ удавалось поддерживать порядок, повсеместный рост национализма и антисемитизма; мещанство и хулиганство в рядах ставшего массовой организацией комсомола. В целом получалась картина захлестнувшего страну разгула, сдерживаемого пассивностью населения и органами принуждения. Автор обзора показывал, что коммунисты стремились использовать угрозу войны, чтобы сплотить вокруг себя население и особенно молодежь, а вовлечение молодежи в военную игру, имело целью «дисциплинировать и направить ее силы по желательному им (большевикам – *Е.М.*) руслу»³³.

Эмиграцию чрезвычайно заботил вопрос о сопротивлении режиму внутри страны, тем более, чем яснее становилось, что победить большевизм извне не получится и надеяться можно только на взрыв изнутри. В 1922 г. Бахметев свои надежды облек в следующий образ: «Большевизм – скорлупа, на внешний вид твердая. Такою представляется для неискушенного обозревателя большевистская власть. ...Для такого жителя яйцо есть неодушевленный предмет, камень. Он не может охватить и принять чуда развития новой жизни внутри скорлупы; жизни, которая в известный момент освобождается от стеснявших ее преград и кладет начало бытия цыпленка. Цыпленок – это новая Россия, складывающаяся в недрах большевистского строя»³⁴. Идея красивая, но со временем выяснится – совершенно умозрительная. В одном из бюллетеней 1927 г. прямо говорится о невозможности политической борьбы в России, об отсутствии реальной оппозиции. Автор обзора указывает на то, что в стране не существует «центра и центростремительной силы» при чрезвычайной опеке спецслужб и опасности любой конспиративной деятельности³⁵.

---

³² Информационный бюллетень № 110 от 8 февраля 1927 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 13.

³³ Информационный бюллетень № 104 от 26 сентября 1927 г. // Там же.

³⁴ Б.А. Бахметев В.А. Маклакову 23 марта 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 221.

³⁵ Информационный бюллетень № 104 от 26 сентября 1927 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 13.

Приводились в бюллетенях и сообщения, отзывы советских людей, или тех, кто недавно посетил страну. Их впечатления рисовали страшную картину смирения населения с существующими обстоятельствами, апатию, смену ориентиров: «Морально живется в СССР очень тяжело, испытываем такой же гнет, как и раньше, но в материальном отношении, по сравнению с 1918–1920 гг., стало лучше. Многие уже изжили. Раздетые на улицах почти не встречаются, жалуемся на тесноту, стремимся к отдельной комнате или квартире, жить по 20 человек в одной комнате не согласны. Сыты». Этой картине соответствовал и облик советского человека, такой, каким его видели эмигранты. Для них выехавшие или бежавшие за рубеж были наделены некой суммой общих признаков: «Сухощавые, молодые... Славянские лица, но взгляд пристальный, упорный. Отвечают фразами сжатыми, без лишних слов. И совершенно не зная друг друга, давали оценку некоторым явлениям до поразительности одинаковыми словами»³⁶.

Продолжавшие свою деятельность за рубежом русские неболевистские дипломаты широко использовали методы информационной борьбы, стремясь затормозить процессы развития экономических отношений с Советской Россией, признания ее правительства международным сообществом. Они активно сотрудничали с прессой стран пребывания³⁷, через личные контакты стремились воздействовать на политиков. «...Для нас здесь пульс прессы и общественное мнение, и настроения ответственных кругов являются объектом непосредственного попечения и воздействия», писал из США Б.А.Бахметев³⁸.

Деятельность дипломатов на местах находила одобрение и поддержку парижского центра. С начала 1922 г., по распоряжению руководителя Совета послов в Париже, из стекавшихся туда материалов о положении и политике Советской России стали готовить информационные сводки, которые в дальнейшем использовались для агитационной работы в разных странах³⁹. Из Рима приходили сообщения, что многое из подготовленных в Париже текстов использовалось в статьях, которые писали сам представитель Совета послов и бывший консул России в Риме. Газеты их печатали охотно, без сокращений.

---

³⁶ Там же.

³⁷ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 26 декабря/21 января 1922 г. // Лидс, фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

³⁸ Б.А. Бахметев В.А. Маклакову 23 марта 1922г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 217.

³⁹ М.Н. Гирс И.А. Персиани 20 января/2 февраля 1922 г. №53, 11/23 октября 1922 г. №75// РАЛ Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

Дипломаты не просто старались публиковать как можно больше, использовать каждый благоприятный повод и момент для своей пропаганды⁴⁰, но и тщательно выбирали время, когда их обращения могли иметь наибольший резонанс⁴¹. Несколько лет спустя Е.В. Саблин в одном из донесений развивал эту идею. Он предложил на основе статей в журнале «Россия и славянство» создать информационные бюллетени для иностранцев, разъясняя им сущность советской экономики и публиковать меморандумы, подготовленные в соответствии с характером той страны, где они издаются, ибо «то, что можно преподнести французской публике, нельзя дать англичанам»⁴².

Представители Совета послов старались не упустить ни одного шанса использовать личные контакты с политиками, коллегами по дипкорпусу, журналистами для своей пропагандистской работы. В одном из своих донесений возглавлявший представительство Совета послов в Риме Персиани рассказывал, как прочел «маленькую речь в духе нашей антибольшевистской пропаганды, и пообещал предоставить статистические материалы» зашедшему к нему по делу бывшему корреспонденту Таймс, получившему пост в английском посольстве в Риме⁴³. Активно работал в этом направлении и И.Н. Ефремов в Швейцарии, особенно в преддверии генуэзской конференции. Французскому, бельгийскому, португальскому и сербскому представителям он подчеркивал опасность немецкого экономического, а ним и политического господства в России. Всем своим собеседникам он указывал на симптомы ослабления советского правительства, вынужденного идти на уступки, на намечающуюся организованность общества в России и на безвыходность экономического положения советского правительства, а, следовательно, на «несвоевременность сношений с ним, которые не могут не укрепить его временно и не продлить его агонию»⁴⁴. Американскому посланнику Иван Николаевич внушал, что советская власть держится только упразднением всех прав русских граждан⁴⁵. Надо сказать, эта агитация падала на

---

⁴⁰ И.А. Персиани Алексею Федоровичу (Шебунину?) 2/15 января 1923 г. № 86 // РАЛ Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15. (6, al 476).

⁴¹ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 20 января / 2 февраля 1922 г. // Там же.

⁴² Е.В. Саблин Г.П. Струве 29 мая 1930 г. Архив Гуверовского института. Колл. П.Б. Струве Кор. 35. Ф. 7. Цит по *Казнина*. 2001.

⁴³ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 7/20 июля 1922 г. // РАЛ Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

⁴⁴ И.Н. Ефремов М.Н. Гирсу 10 января 1922 г. № 28 // ГАРФ. Ф. 5760. ОП. 1. Д. 18. Л. 32-33.

⁴⁵ И.Н. Ефремов М.Н. Гирсу 17 ноября 1921 г. № 920 // ГАРФ. Ф. 5760. ОП. 1. Д. 18. Л. 12.

благодарную почву. Коллеги по дипломатическому корпусу благодарили и передавали полученную информацию своим правительствам⁴⁶.

Однако, сохраняя свои позиции де факто, русские дипломаты далеко не всегда могли действовать гласно, напрямую и под своим именем, поэтому и отследить их усилия, оценить их результативность зачастую весьма затруднительно. Найденное нами донесение И.А. Персиани (Рим) позволяет познакомиться с этой скрытой от посторонних глаз работой. Так, в мае 1921 г. он рассказывал М.Н. Гирсу, как по просьбе одного французского корреспондента написал статью, доказывающую необходимость в собственных интересах союзников искоренить большевизм. Этим материалом заинтересовались американцы. Один экземпляр он передал журналисту Коспорту, другой – советнику посольства Гентеру. Однако, отдавая себе отчет в том, что обстоятельства момента не позволяют представителю Совета Послов от своего имени публично утверждать, что немцы поддерживают большевизм, как и выступать против «мелких государственных новообразований на русской территории», он предоставил им пользоваться его аргументацией, прося не упоминать ее источника⁴⁷.

Активно в этом направлении действовал и Е.В. Саблин в Лондоне. Со времен гражданской войны он взял себе за правило отзываться на все русские проблемы в английской прессе. Его умение быть убедительным, великолепное знание языка и информированность сделали его со временем неизменным консультантом английского правительства по всем вновь возникавшим русским проблемам. В 1939 г. Саблин писал о сложившейся практике своей работы: «Надо ведь знать англичан, которые на такого рода возникающие вопросы смотрят весьма упрощенно: украинский вопрос, напишем в бывшее русское посольство, там имеется некий Саблин, он ответит и разъяснит, составит меморандум и т.д. Я это и делаю... И мне приходится твердить азы англичанам, разъяснять им, рекомендовать им те или другие исторические сочинения на их же собственном языке. Но, кроме того, мои соотечественники звонят мне и говорят: “Читали ли Вы, что пишет такая и такая газета об украинском вопросе, необходимо реагировать, необходимо протестовать и т.д.”. И мне приходится в большинстве случаев писать, опровергать, протестовать и т.д... Завтра я сдаю в печать мою брошюру на ту же тему на английском языке. Мне предстоит делать доклад на английском языке на ту же тему»⁴⁸.

---

⁴⁶ И.Н. Ефремов М.Н. Гирсу 10 января 1922 г. № 28 // Там же. Л. 32-33.

⁴⁷ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 13 мая / 26 июня 1921 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

⁴⁸ Е.В. Саблин С.В. Жуковскому 12 февраля 1939 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 175-176.

Введение в марте 1921 г. в СССР новой экономической политики дало импульс пересмотру западными державами своего отношения к стране Советов. В этот период во Франции дается «зеленый свет» публикациям общественных деятелей, посетивших Советскую Россию. Большевики же, в свою очередь, осознав необходимость создания положительного образа страны на мировой арене, тщательно опекали визитеров, показывая исключительно достижения, не давая им заметить негативные стороны российской действительности. Одним из таких путешественников стал лидер партии радикал-социалистов Эррио, которого нельзя было заподозрить в том, что он просто куплен. Со всем жаром неопита после поездки в СССР он превозносил проходящие там преобразования. Французское правительство не препятствовало ему даже в критике Клемансо, который, по его мнению, своей глупой политикой «оттолкнул большевиков, которыми можно было управлять, как угодно, и которых можно и сейчас приручить»⁴⁹. Маклаков ринулся в бой, стремясь разоблачить враждебную пропаганду, но крупные французские газеты отказывались публиковать опровержения русских антибольшевиков. Тогда он написал Эррио письмо, в котором старался поставить его «au pied du mur» и просил о личной встрече, настаивая, что долг публициста – выслушать и другую сторону⁵⁰. Василий Алексеевич посетил публичный доклад Эррио, настоял на проведении по нему прений, добился опубликования большой статьи в *Mercur de France*⁵¹. Его личная оценка перемен, происходивших на родине, была неутешительна, предложенный ранее образ в виде «лопающегося нарыва» он сменил на «гангрену, распространяющуюся на весь организм»⁵².

Уже с начала 1922 г. Маклаков в Париже сетовал на то, что французы «в силу свойственной им подозрительности не говорят ни с кем из нас или, вернее, никому из нас не верят...»⁵³ Ему вторил Персиани из Рима, жалуясь на то, как трудно добиться разговоров с политическими деятелями, они обещают свидания и уклоняются от них, с недоверием относятся к словам старых русских дипломатов. Он с горечью констатировал, как мало с ним и его коллегами стали считаться⁵⁴. Действительно, иностранцы, отдавая себе отчет в том, что эмигранты не могут составить верную

⁴⁹ В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 2 ноября 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 346.

⁵⁰ Там же. С. 348.

⁵¹ В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 10 ноября 1922 г. // Там же. С. 353-354.

⁵² В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 5 апреля 1922г. // Там же. С. 248.

⁵³ Там же.

⁵⁴ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 20января / 2 февраля; 7/20 июля 1922 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

картину происходящего на родине⁵⁵, и имея в виду их пристрастность⁵⁶ все более скептически относились к их пропаганде. О том, как трудно становится размещать свои статьи в прессе писали в это время и Маклаков, и Персиани⁵⁷. Однако Совет послов не сдавался, изыскивая в изменившейся ситуации новые пути воздействия на имеющие влияние круги. Высоко оценив изданную в Париже группой русских банков брошюру об экономической политике Москвы, Персиани предлагал распространить ее во влиятельных итальянских торгово-промышленных кругах, но сделать это не от лица посольства, мнение которого деловые люди считали излишне ангажированным, а от русского бизнесмена – итальянскому коллеге при сопроводительном письме частного характера. На себя в этой кампании, Персиани взял подготовку списка наиболее влиятельных итальянских бизнесменов. «...Подобная пропаганда, без сомнения, гораздо полезнее, – писал он, – чем десятки статей, которые я поместил бы в газетах. А в нашем положении надо играть на всех струнах, не упуская ничего, что имеет малейшие шансы на успех»⁵⁸.

Старые русские дипломаты, оставаясь патриотами России и считая, что власть большевиков все же явление временное, с напряжением следили за положением страны на международной арене, за внешнеполитическими акциями нового правительства, имея в виду, что страну надо сохранить до ее возврата к нормальному существованию.

Уже в 1922 г. Совет послов был озабочен первым внешнеполитическим экзаменом, который предстояло выдержать их политическим оппонентам. Смогут ли и захотят ли новые правители России защищать национальные интересы страны или пожертвуют ими в угоду теории мировой революции? Анализируя положение перед генуэзской конференцией, Маклаков и Бахметев опасались, что «большевики примут капитуляционный режим и предоставят иностранцам права, которых лишены русские»⁵⁹. После скрупулезного обсуждения они все же пришли к выводу, что советская делегация будет защищать страну⁶⁰, и искренне радовались ее победам на международном форуме. Это был первый шаг

---

⁵⁵ В.А. Маклаков Е.В. Саблину 12марта 1935 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох. 12.

⁵⁶ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 22 декабря 1922 / 4 января 1923 г. № 86 // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

⁵⁷ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 7/20 июля, 22 декабря / 4 января 1922 г. // Там же.

⁵⁸ И.А. Персиани Алексею Федоровичу (Шебунину) 24 ноября / 7 декабря 1922 г. // Там же.

⁵⁹ Б.А. Бахметев В.А. Маклакову 23 марта 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 219.

⁶⁰ Там же. С. 219-220.

на пути коррекции представлений русской дипломатии о Советской России и правящей в ней партии.

В 1930-х гг. происходят уже существенные подвижки в том образе Советской России, который дипломаты транслировали на иностранцев. Это было связано, с одной стороны, с тем, что безусловные успехи советской индустриализации, изменения во внешней политике страны не могли пройти мимо их внимания, делая картину многогранной и лишая ее однозначности «империи зла». С другой, более сдержанными в критике их заставляли быть замеченные ими за рубежом тенденции решить мировые проблемы за счет их родины. Саблин писал по этому поводу, что Россию в мире «начинают рассматривать как некое выморочное имущество». Доказательства тому он видел в «предвосхищениях Танаки⁶¹, с одной стороны», Гитлера, с другой, и в предложении лорда Ротермира, «устроить и успокоить Европу за счет территории России», растиражированным «Дэйли мэйл», в количестве 2.750.000 экземпляров, с третьей⁶².

Дипломаты видели свой долг в защите страны, главным для себя полагали сохранение «целостности империи» и в этой связи даже опасались преждевременного падения режима. Это заставляло их быть осторожнее в критике Советской России и приводило к поддержке отдельных действий ее правительства. Они по-прежнему оценивали советскую власть как «деспотический режим», при котором «страной правит кучка социальных экспериментаторов», главной задачей которых является «удержать всю полноту власти и, в частности, сохранить за собой право распоряжения всем народным доходом»⁶³. Подчеркивали, что лучше жить в Советской России стал только вновь образованный правящий класс, а многомиллионные трудящиеся массы, к которым власть относилась с величайшим недоверием, эксплуатируются при помощи государственного аппарата принуждения в докапиталистических формах⁶⁴. Не доверяли официальным восторгам советской пропаганды по поводу успехов экономического развития страны, они видели обратную сторону этих побед. Саблин в 1935 г. писал: «В России все идет из рук вон плохо. Все государственные предприятия приносят убытки, которые покрываются усиленными поборами с крестьян, у которых отняли и

---

⁶¹ По-видимому, речь идет о так называемом Меморандуме Танаки, согласно которому для достижения мирового господства Япония должна была завоевать вначале Маньчжурию и Монголию, а впоследствии и весь Китай. Однако подлинность документа в те годы подвергалась сомнению.

⁶² Е.В. Саблин, Прошу инструкций // Последние новости, 20 декабря 1933 г. № 4655.

⁶³ *Базилл*. 1937. С. 352-354.

⁶⁴ Там же, С. 352.

землю, и волю, и хлеб, и мирное житие. Признания Кагановича свидетельствуют о том бедламе, который творится на железнодорожных путях... Днепрострой и Беломорский канал бездействуют... Магнитогорский и Кузнецкий бассейн работают с большими перебоями... всюду неисправности, хищения, злоупотребления, неразбериха»⁶⁵.

Те же тенденции в сфере образования отмечал автор монографии, о Советской системе – карьерный дипломат Н.А. Базили. Он признавал, что, в тридцатые годы поток просвещения шире, чем раньше, разлился по стране, указывал на то, что при этом он сильно обмелел в связи с резким снижением уровня преподаваемых знаний; что к общему упрощению русской культуры ведет сковывание советской властью критической мысли, без которой невозможна подлинно широкая культура духа. Сводя состояние культуры в СССР к образу грандиозной духовной тюрьмы, жизнь в которой отличалась «блеклым тоном, бледным, провинциальным, монотонным обликом», Базили причину столь безрадостной, по сравнению с прежней многокрасочностью русской культуры, картины видел в сохранении диамата, марксизма, осложненных и видоизмененных «ленинизмом» и «сталинизмом», в качестве официальной, обязательной религии СССР⁶⁶. Базили с горечью констатировал, что «Советский деспотизм, в принципе отрицающий свободу человеческой личности и отвергающий основные начала подлинного демократического строя, порвал с ясно наметившимся во второй половине XIX века развитием в направлении свободы и демократии»⁶⁷.

Однако Саблин в беседах с англичанами опровергал информацию, что «Россия ныне управляется бандой жуликов, убийц и бандитов; столь же категорически говорил, что Россия не во власти жидов»⁶⁸.

Неоднозначное отношение вызывало и то, что с течением времени правящая группировка превратилась в слепых исполнителей директив всемогущего диктатора Сталина⁶⁹. Внимательные наблюдатели понимали, что в середине 30-х гг. основной целью Сталина стало удержание власти, видели, что ради этого он готов идти на уступки, которые представляются в данный момент необходимыми. Саблин указывал на то, что Сталин далеко ушел от одержимости марксизмом 1917 года и ведет «исключительно оппортунистическую политику», подводя под термин

---

⁶⁵ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 4 марта 1935 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 250.

⁶⁶ Базили. 1937. С. 359-360.

⁶⁷ Там же, С. 356.

⁶⁸ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. С. 254.

⁶⁹ Базили. 1937. С. 352-354.

«социалистический», все, что ему угодно⁷⁰. Нисколько не идеализируя хозяина Кремля, дипломаты считали его, тем не менее, на тот момент единственным гарантом сохранения территории страны⁷¹. И в этой связи оказывались лицом к лицу с серьезнейшими моральными проблемами. В.А. Маклаков писал в 1940 г.: «Пока эту целость (России – Е.М.) сохраняет Сталин. Должен ли я желать многих лет здравствования этому господину? Или я должен поощрять происки избавления от Сталина путем отрыва с российского тела его составных частей?»⁷². Разделяя взгляды коллеги, Е.В. Саблин шел еще дальше: «Я принадлежу к числу тех соотечественников, которые полагают, что целость России выше всего, и что как бы ни было страшно за всех тех, которые там, во имя высших интересов государства Российского, на службе которого я находился по дипломатическому ведомству, следует предпочесть власть Сталина всяким другим экспериментам над нашим отечеством»⁷³.

Русские дипломаты на всем протяжении противостояния с советской властью одним из главных ее пороков считали ее антинациональный характер. Однако во второй половине 30-х гг. в качестве нового явления в идеологии большевиков Базили отмечал то, что «продолжающиеся социальные эксперименты и свой деспотический режим советская власть усердно пытается... облечь в русский исторический костюм, сочетать с преклонением перед творческим гением русского народа»⁷⁴. Определенные надежды на поворот в советской внешней политике Саблин возлагал на ее отход от коминтерновской практики. Ему явно импонировал вывод младоросов о том, что в Москве «Коминтерн рассматривается ныне как паразит, который стоит много денег... и служит лишь к созданию Советскому Союзу осложнений с другими правительствами»⁷⁵, что позволяло надеяться, что в политике Кремля в дальнейшем достойное место займет решение национальных задач.

---

⁷⁰ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. С. 257.

⁷¹ Сходные мысли высказывал и Бердяев в книге, подготовленной в середине 30-х гг.: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть какую-нибудь защиту родины от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией». (Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 120):

⁷² Е.В. Саблин В.А. Маклакову 12 февраля 1940 г. С. 305.

⁷³ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 25 апреля 1940 г. С. 356.

⁷⁴ Там же. С. 363.

⁷⁵ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. С. 254.

Саблин считал спорным представление об эволюции советской системы, но призывал считаться с тем, что изменения идут постоянно, и потому в этом отношении допустим «неискренний оппортунизм»⁷⁶. Он призывал не игнорировать даже несущественные перемены, не утверждать, что политика Сталина осталась та же, что и 10 лет назад, и смело признавать перед иностранцами все перемены, идущие постепенно в России. Его не удовлетворял тон эмигрантской пропаганды, делавшей акценты на неизменной агрессивности советского правительства. Он не одобрял деятельность князя С.Е. Трубецкого, приславшего ему несколько переводов статей, заявлений и речей советских деятелей, из которых явствовало, что большевики «продолжают в том же духе» возвещать свои революционные намерения опрокинуть весь мир, образовать повсюду советские республики и натравливают пролетариат на ненавистных буржуев, с которыми они, однако, в своекорыстных и зловредных целях, заключают всевозможнейшие пакты о ненападении, и просто пакты⁷⁷.

Сам он в середине 1930-х внушал англичанам, что возврат России к монархии уже невозможен и, так как «извне большевиков не опрокинуть, эмиграция в этом отношении бессильна, остается надеяться, что большевистский режим изживет себя путем медленной эволюции» и видел в советском строе «странную смесь коммунизма с фашизмом».

Совет послов в лице его ведущих деятелей поддержал присоединение к СССР Прибалтики, Западной Украины и Молдавии. В действиях Кремля им чудилось возрождение империи. В начале июня 1941 г. Саблин внушал публицисту *Manchester Guardian*, писавшему о России, что России без своих прежних границ не обойтись, что ей «необходим Персидский Азербайджан, Каспийское море, Персия должна быть почти наша, так же как и Финляндия. Выход к Персидскому заливу должен быть нам обеспечен, также как и особое соглашение о Дарданеллах»⁷⁸. Нет ничего удивительного, что десятью днями позже нападение гитлеровской Германии на СССР прекратило для него болезненный разрыв России надвое. Концепции двух Росий пришел конец. Отставив в сторону вражду с двадцатилетней историей, оставшийся на посту в Англии Е.В. Саблин, прекратил всякую критику ведшего кровопролитную войну СССР и даже стал оказывать помощь советскому посольству в тех случаях, участие в которых не противоречило его совести.

В деятельности дипломатов по созданию на Западе образа России, как мы отмечали ранее, была и еще одна сторона, а именно борьба против

---

⁷⁶ Там же. С. 257.

⁷⁷ Там же. С. 254, 256-257.

⁷⁸ *Казнина*. 2001.

искаженных представлений о России дореволюционной. На протяжении всего межвоенного периода дипломаты боролись и с бытовавшими в странах западной Европы и Америке порой дикими представлениями о России, которые предлагала официальная пропаганда или кинематограф, в частности, голливудские фильмы. Е.В. Саблин яростно отстаивал доброе имя старой России, старательно работая над освобождением английского общественного мнения от образа русского «царизма» как синонима произвола, жестокости, тирании... Так, на встреченное им в статье молодого публициста «Таймс» сопоставление ГПУ с «террористической полицией царских времен» он отозвался письмом в редакцию и целому ряду английских политических деятелей. В них он напоминал о процессе в связи с убийством императора Александра II, суде над Верой Засулич, о выступлениях Владимира Соловьева и Льва Толстого, «угovarивавших Александра III не предавать смертной казни убийц своего отца», за что ни один из них серьезным карам не подвергся. Лучшим доказательством отсутствия «терроризма» в системе старой полиции он считал находящийся у власти большевистский эстаблишмент, не расстрелянный без суда в свое время, а ссылавшийся по суду в Сибирь, откуда «политкасторжане» благополучно бежали. Заканчивал он письма указанием на то, что советская власть учла предыдущий опыт и либо расстреливает неугодных лиц, либо ссылает их в такие места, откуда возврата уже нет⁷⁹.

Касаясь вопроса кинематографа, Е.В. Саблин с болью констатировал, что, затрагивая русские сюжеты, как авторы, так и режиссеры, давали «более чем разнузданную волю своему воображению об ужасах «царизма», о беспутстве «принцев», о жестокости казаков, о подкупности чиновников и т.п.»⁸⁰. Пересказывая сюжет просмотренного голливудского фильма, он отмечал невероятное нагромождение «клюквы». В фильме речь шла о русской принцессе по имени Саския, бежавшей после октябрьской революции из России в Польшу с коронными драгоценностями, ...умещавшимися в одном кошельке. Ее преследуют большевики во главе с, судя по гриму, Лениным, после нападения которых на замок, действие было перенесено в Шотландию, где большевики держали русскую принцессу, днем и ночью одетую в бальные платья и большое количество драгоценностей, в замке. Охраняющие ее «соотечественники» потребляли в огромных количествах... не водку и не виски, а кьянти, и демонстрировали «целую гамму армяков, зипунов, тулупов, косовороток, красных

---

⁷⁹ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 12 января 1935 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 12.

⁸⁰ Е.В. Саблин М.Н. Гирсу 21 февраля 1928 г. // Там же. Вох 15.

рубаш..., при соответствующем количестве высоких сапог, валенок, лаптей и проч.». Последним аргументом в разоблачении большевиков благородными британскими офицерами послужила случайно выпавшая из рук одного из них газета (на экране крупным планом был продемонстрирован, страшно сказать, номер милюковских «Последних новостей»). В результате, естественно, зло было наказано, большевики на шлюпках ретировались на какие-то суда, стоявшие на взморье на высоте Шотландских островов и далее «в их милую Россию»⁸¹.

***

Итак, мы должны констатировать, что образ России в сознании эмигрантов первой волны в течение 20 лет был расколот надвое. Дипломаты Русского Зарубежья много и последовательно работали над созданием системы представлений, как о Советской России, так и России дореволюционной, императорской. Образ советской республики на всем протяжении периода был политическим фактором и играл непосредственную роль в международной политике. В сознании и деятельности дипломатов представления об СССР прошли большой и болезненный путь трансформации от однозначной «империи зла и насилия» в 1920-е гг. до ограничения критики в условиях нарастания международной напряженности в 1930-е и признания некоторых изменений в системе, допускающих «неискренний оппортунизм» и даже прямое сотрудничество с советскими структурами в условиях агрессии против страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базили Н.А.* Россия под советской властью. Париж. 1937.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. 1980.
Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны». О национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.
Казнина О.А. Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // Россия в США М., 2001.
Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. М., 2002.
Хрусталева Н.С. Психология эмиграции (Социально-психологические и личностные проблемы) Автореферат дис. ... д-ра психологических наук. СПб., 1996.
Чему свидетели мы были... Кн. 2. М., 1998.
Миронова Елена Михайловна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник ИВИ РАН; alena.stankina@rambler.ru

---

⁸¹ Там же.

Л. Н. МАЗУР

ОБРАЗЫ СЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-1991 гг. ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Автор исследует образы исторического прошлого российской деревни, транслируемые художественным кинематографом. На основе анализа кинотекстов советского периода были выделены черты, символы и сюжеты образа прошлого. В динамике показано изменение используемых в кино приемов и сюжетов, влияние этих образов на сознание советских людей и историческую науку.

Ключевые слова: художественный кинематограф, исторические фильмы, образы деревенского прошлого, эволюция образов.

Понятие «образ прошлого» сегодня часто используется для обозначения представлений о наиболее значимых исторических событиях, закреплённых в общественном сознании в форме устойчивого набора символов¹. Структура исторического образа как *абстрактно-символьной модели прошлого* включает такие базовые элементы как *имя* (знак) и *форму* (текстовую, иконографическую, аудиовизуальную). Важнейшим свойством образа выступает его *метафоричность* и *узнаваемость*, что обеспечивает реализацию коммуникативных функций. Поэтому исторические образы являются отражением своего времени, цивилизационных характеристик общества и меняются вместе с ними.

Изучению образов прошлого посвящена обширная литература, в которой рассмотрены как теоретические проблемы, так и конкретно-исторические реконструкции образов прошлого², позволяя глубже понять особенности восприятия истории. Образы могут отражать научную и/или ненаучную информацию и создают основу для мифа, т.е. между историческим образом и мифом, как основным концептом общественного исторического сознания, существует тесная взаимная связь. Преодолевая границы бесплотной идеальной конструкции (модели), образ наполняется жизненной силой и правдоподобием и превращается в миф – мощнейший регулятор общественного поведения и сознания. В этом процессе большую роль играет социальный заказ, который придает мифотворчеству организованный и управляемый характер. Образы прошлого, как и рождаемые ими мифы, важны для общества, поскольку

---

¹ Образ / Философский словарь [электр. ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/o/obraz.html>

² Ассманн. 2004; Нора. 1999; Рикер. 2004; Образы прошлого..., 2003; История и память..., 2006; Диалоги со временем... 2008; Кознова. 2000; и др.

позволяют объяснить и оправдать нас в настоящем, т.е. они выполняют мировоззренческие функции, поддерживая идеологию и религию – две основные силы в борьбе за душу и сознание человека³.

Образы прошлого формируются в обществе из нескольких источников. Один из основных каналов их создания – историческая наука и образование как способ трансляции научных знаний; другой, не менее значимый канал – художественное творчество (искусство, литература, в XX в. – кинематограф). Можно выделить еще один канал – личный, связанный с передачей сведений о прошлом из уст очевидцев своим слушателям – детям, внукам, друзьям, соседям и пр. Длительное время именно этот механизм отвечал за формирование исторической памяти общества, в эпоху модерна его начинают дополнять и постепенно замещать образование, наука и искусство, пропаганда. В XX в. особое место занимают средства массовой информации, которые способствуют не только распространению научных знаний и тиражированию произведений искусства, но и мифов, идеологических и пропагандистских штампов.

Сила влияния различных каналов на сознание человека зависит от особенностей информационного потока: наука воздействует на рациональный уровень сознания и через систему научных понятий закрепляет в нем структурированный и логически непротиворечивый набор исторических представлений. Они создают каркас образа исторического прошлого. Художественные произведения (литература, искусство), обладая высокой степенью эмоционального воздействия, влияют на подсознание и внедряют в него как научные знания о прошлом, так и циркулирующие в обществе и поддерживаемые властью мифы. Значение данного механизма состоит в том, что он придает историческим представлениям жизненную силу и правдоподобие, они обретают плоть и кровь, переставая быть сухими научными фактами, воплощаясь в судьбы героев произведений, их мысли и поступки. Личностный информационный канал (устный или письменный, например, воспоминания) характеризуется высокой степенью доверия слушателя, который внутренне всегда отдает предпочтение очевидцам. Особую энергетику образы прошлого приобретают в том случае, если все три информационных канала дополняют друг друга, согласованно конструируя историческую картину, доказывая тем самым достоверность презентуемой образом информации.

Изучение исторических образов представляет собой сложную исследовательскую задачу. Она предполагает методологическую разработку модели «образа», выявление его структурообразующих элементов.

---

³ См., напр. *Боннел*. 2009.

При реконструкции образа важна семиотическая и внешне-событийная картина: знак/имя, форма и описание. Их мы и постараемся выделить при реконструкции исторического образа российской деревни.

Другой проблемой изучения образов прошлого выступает формирование адекватной источниковой базы: нужно привлечь такие источники, которые 1) позволяют оценить влияние на формирование образа всех факторов – научного, художественного, личностного; 2) обладают свойствами семиотичности и нарративности; 3) характеризуются массовостью, т.е. позволяют оценить степень воздействия образов на массовое сознание. К числу таких источников можно отнести художественные фильмы, которые по содержанию и происхождению являются синтетическим документом, отражающим научные и общественные представления и стереотипы, использующим в качестве элементов текста художественные образы, являющиеся продуктом коллективного творчества и обладающим программирующим воздействием на аудиторию⁴. При этом художественный кинематограф имеет дополнительные возможности конструирования исторических образов в сравнении, например, с литературой, т.к. позволяет их визуализировать в движении.

Интерес к феномену кино и его информационному потенциалу возрастает, и сегодня можно выделить несколько научных направлений, в рамках которых с различных позиций исследуется художественный кинематограф – это киноведение, социология кино, культурология, искусствоведение, визуальная антропология⁵. Историки пока остаются в стороне, высказывая вполне понятные опасения относительно возможности использования кинотекстов в качестве исторических источников, поскольку они транслируют вымышленную реальность⁶. Тем не менее, все чаще появляются работы, в которых кинодокументы вполне успешно привлекаются к изучению различных исторических тем по советской истории⁷. Активно это направление развивается в зарубежной историографии, где период споров о возможности привлечения кино для изучения исторических сюжетов уже остался в прошлом и идет конструктивный процесс включения их в научный оборот⁸.

---

⁴ См. подробнее: *Жабский*. 2009; *Жиро*. 2012; *Мириманов*. 1997; *Разлогов*. 2010; *Соколов*. 2008; *Социология и кино*, 2012 и др.

⁵ См.: *Разлогов*. 2010; *Маматова*. 1995; *Ларс*. 2009; *Закревский*. 2004; *Зоркая*. 2010; *Богданов*. 2009

⁶ См.: *Евграфов*. 1973; *Магидов*. 2005; *Кабанов*. 1997 и др.

⁷ См.: *Дашкова*. 1999, 2004; *Димони*. 2003; *История страны/история кино*, 2004; *Сальникова*. 2009, 2010.

⁸ См., напр.: *The history ...*, 2009.

Основным камнем преткновения в отношении кино остается слабая разработанность методических аспектов изучения кинодокументов, поскольку привычные для историков технологии анализа письменных документов здесь недостаточны. Наиболее интересные и перспективные подходы предложены в рамках визуальной антропологии, они позволяют адаптировать привычный для историков инструментарий к анализу визуальной информации⁹. Основная опасность, которая подстерегает историка на данном пути – превращение исторического дискурса в искусствоведческий, оторванный от исторической реальности. Методика изучения художественных кинотекстов должна учитывать и использовать приемы киноведческого анализа, но с другой целью – для реконструкции прошлого, в том числе его образов. В этом случае важен каждый документ, который сохранился, независимо от его художественной ценности. Высокие произведения искусства обладают высоким эвристическим потенциалом, достигая уровня типизации и обобщения, сопоставимого с научным. Киноленты, относящиеся к категории массового производства (а их большинство), отражают общественные стереотипы, что не менее важно для понимания времени создания этих фильмов и образа эпохи.

Художественный фильм можно рассматривать в качестве исторического источника в разных планах. Он может быть использован: во-первых, для реконструкции собственно исторической реальности, а также (во-вторых) для воспроизведения образов прошлого, т.е. как историографический источник, презентующий научные и общественные представления о прошлом. В первом случае мы имеем дело с фильмами, отражающими события в режиме реального времени. В кинопрокате их называли: «фильмы на современную тему». Мы их будем обозначать термином *актуальные*. Во втором случае речь идет о *ретроспективных* фильмах, в которых использовался исторический сюжет¹⁰. *Актуальные* фильмы являются уникальным источником, позволяющим реконструировать разные стороны повседневности (быт, обстановку, образ жизни, поведение, отношения людей), а также декларируемые обществом и государством ценности, выделить существующие проблемы и предлагаемые способы их решения. Следует подчеркнуть, что актуальные фильмы участвуют в формировании исторических образов у последующих поколений зрителей, которые воспринимают эти фильмы уже как свидетельство истории. Вторая группа фильмов (ретроспективные) интересна с точки

---

⁹ См.: Усманова. 2007.

¹⁰ Подобная классификация использовалась в советском кинопроизводстве и кинопрокате и представляет интерес в источниковедческом плане.

зрения изучения транслируемых образов прошлого. Именно их мы возьмем для реконструкции представлений об истории российской деревни.

Нужно сразу отметить, что кинематограф возник как городское искусство, что непосредственно отражалось в его репертуаре. По мнению Н. Зоркой, кинематограф можно рассматривать как символ современного урбанизма¹¹. Поэтому деревенская тема появилась не сразу и всегда находилась на периферии интересов кинематографического сообщества. Всего с 1920 по 1991 гг. по сельской тематике (ретроспективной и актуальной) было создано около 730 кинолент, что составляет приблизительно 11% от общего объема кинопродукции (см. табл.1). Самый сильный всплеск интереса к деревне наблюдается в 1930-е гг. и в хрущевский период – время наиболее активных аграрных преобразований.

Исторические/ретроспективные фильмы составили в среднем 36,2% от общего числа художественных лент, посвященных деревне (см. табл.1). В зависимости от времени создания их доля могла возрастать. Так, например, в 1920-е гг. более половины деревенских фильмов были историческими. В дальнейшем их удельный вес сокращается, что во многом было связано с затратностью и сложностью создания исторических картин, а также ориентацией кино на преимущественное отображение современности – будней и подвигов социалистического строительства. Большой удельный вес деревенских ретроспективных фильмов (до 50 %) отмечается также в позднесоветский период (1985–1991 гг.), когда на первый план выходит функция познания как ответ на потребность общества разобраться в своем прошлом, переосмыслить его.

Таблица 1. Динамика кинопроизводства в СССР в 1920–1985 гг.*

Годы	Всего фильмов	Фильмы с деревенской тематикой	Удельный вес к общему количеству фильмов, %	Число ретроспективных деревенских фильмов
1920 – 1928	228	26	11,4	14
1929 – 1940	412	78	18,9	14
1941 – 1945	159	11	6,9	2
1946 – 1952	110	14	12,7	4
1953 – 1964	809	113	14,0	26
1965 – 1985	3214	360	11,2	140
1986 – 1991	1494	128	8,6	64
Итого	6426	730	11,4	264

*Составлено по материалам Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия (изд. 2-е, 2003).

Такая динамика интереса к историческим сюжетам не случайна: она определялась задачами, которые вставляли перед кинематографом в

¹¹ Зоркая. 2010. С. 127.

разное время. С учетом этого момента в развитии ретроспективного деревенского кино можно выделить два этапа:

1) 1920–1950-е гг. – время, когда сюжетная канва ретроспективных картин была преимущественно ориентирована на досоветское прошлое. Соответственно, воспроизводились в основном события, связанные с классовой борьбой крестьян, обоснованием исторической вины помещиков и крепостников, оправданием политики уничтожения эксплуататорских классов. Такой социальный заказ вполне объясним. Основная задача кино того времени – пропаганда советских ценностей, достижений социализма, которые были более очевидными на фоне контрастного противопоставления прошлому. Поэтому все художественные средства были направлены на формирование образа темной, нищей, задавленной гнетом эксплуататоров деревни. Данный образ имеет глубокие исторические корни, уходящие в культурный раскол российского общества, порожденный реформами Петра I, а позднее усиленный народнической идеологией и марксизмом, в контексте которых деревня воспринималась как оплот отсталости, невежества («идиотизма деревенской жизни»). Такое представление долгие годы определяло отношение к деревне в массовом сознании и в исторической науке;

2) в 1960–1980-е гг. объектом экранизации становится преимущественно советская история и процессы социалистической модернизации деревни: прежде всего революция, НЭП, Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление. Досоветская история деревни перемещается в область мифов, преданий, легенд и приобретает героико-романтические черты. В это время предпринимаются попытки создания исторических эпопей, задачей которых было показать путь российской деревни от темной и забитой к современной социалистической. В качестве основы формирования образов прошлого используются сложившиеся в обществе и науке, в том числе благодаря кино, устойчивые стереотипы об особенностях доколхозной и колхозной жизни, стремление показать сельскую историю как *историю борьбы* «света и тени», коллективного и индивидуального. Только в 1970-е гг. наблюдается поворот от истории событий к человеку в истории, что отразилось в тональности фильмов, оценочных суждениях, ревизии сложившегося образа сельской истории.

Бесправный мир дореволюционный деревни стал основной темой уже в 1920-е гг. Всего в **1920–1928 гг.** по сельской тематике были сняты 26 фильмов, в том числе 14 ретроспективных (см. табл.1). Чаще всего в них обыгрывались сюжеты о борьбе крепостных против помещиков (Сурамская крепость, реж. И. Перестиани, 1922; Помещик, реж. В. Гардин,

1923; Крылья холопа, Ю. Тарич, Л. Леонидов, 1926; В погоне за счастьем, М. Терещенко, 1927; Земля в плену, реж. Ф. Оцеп, 1927; Золотой клюв, реж. Е. Червяков, 1929; Каприз Екатерины Второй, реж. П. Чардынин, 1927; Кастусь Калиновский, В. Гардин, 1927). В фильмах были широко представлены образы народной стихии, исторически оправданного и неизбежного бунта, противопоставление богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Эти оппозиции с оправданием «бессмысленности и беспощадности» русского бунта определяли семантику исторического кино вплоть до 1980-х гг. и в целом восходят к эстетике лубка с его типичными сюжетами, в том числе относящимися к разбойничьему циклу.

Наибольшее количество снятых в этот период фильмов приходится на 1927 г. – время принятия программы строительства социализма. Идеи закономерности классовой борьбы были чрезвычайно востребованы властью и должны были подготовить массовое сознание к мысли о неизбежности и прогрессивности перемен, необходимости подавления враждебных классовых элементов. Ретроспективные фильмы вполне успешно справлялись с этой задачей и дополнялись кинопроизведениями, где уже на современном материале обыгрывались сюжеты о борьбе с кулаком, их вредительской деятельности. Характерной чертой исторического кино этого времени было обращение к классическим литературным произведениям как основе для киносценариев, что повышало градус доверия. В 1920-х гг. были экранизированы, например, поэма Н. Огарева о сластолюбивом барине и трудной доле его крепостных (фильм Помещик, реж. Вл. Гардин, 1923), повесть Н. Лескова «Старые годы в селе Плодомасове» (Победа женщины, реж. Ю. Желябужский, 1927) и др.

Отечественному кинематографу всегда была свойственна опора на литературную традицию. Экранизировались как произведения классиков, так и современных писателей. Это, с одной стороны, задавало определенные художественные стандарты, а с другой – обеспечивало рекламу кинопродукции¹². В рамках экранизации оформились основные художественные типы российского кино – это экранизация-лубок, экранизация-иллюстрация и экранизация-интерпретация¹³. Последовательность появления представленных типов определялась зрелостью кинематографа, а также социологическими характеристиками и эстетическими запросами зрителей. Первым появился лубок, ориентированный на непритязательные вкусы публики, затем – иллюстрация и следом уже – интерпретация, воспринимающая литературную основу как точку отсчета для авторского

¹² Об этом писали Б. С. Лихачев, Н. М. Иезуитов, Е. Теплиц, Л. и Ж. Шнитцеры, У. Грегор и др.

¹³ См. подробнее, *Зоркая*. 2010. С. 50–76.

осмысления сюжета и героев. Все три типа кино появляются уже в ранний период – до революции, существуют до сих пор и, наверное, будут существовать всегда, охватывая, в конечном счете, не только экранизации, но и фильмы, снятые по оригинальным сценариям. Они в целом связаны с основными функциями кино – развлечением, воспитанием, познанием. Соотношение рассматриваемых типов фильмов в структуре кинопроизводства свидетельствует о его зрелости и приоритетных задачах, что очень важно в контексте источниковедческого анализа.

В 1920–40-е гг. советский кинематограф, помимо перечисленных выше функций, был ориентирован преимущественно на задачи пропаганды, агитации и формирования новой мифологии, для реализации которой более всего подходила эстетика лубка. В результате в фильмах 1920-х гг. воссоздается картина исторического прошлого деревни, где преобладают образы нищеты и бесправия, борьбы с угнетателями и поиска лучшей доли. Они усиливаются жестким делением героев на положительных (крестьяне) и отрицательных (помещики), их противопоставлением и идеализацией. Бинарные конструкции, получившие этическую оценку и направленные на формирование новых норм и моделей поведения, оправдывающих борьбу со злом (классовую борьбу), составляли основу исторического мифа и способствовали вытеснению и замещению старых образов прошлого новыми. Учитывая, что основными зрителями фильмов этого периода были горожане, а личностный канал информации был перенасыщен впечатлениями военных лет, фактами разрухи после-революционного периода, не удивительно, что этот образ был достаточно легко усвоен городской публикой. Характерно, что в памяти крестьян жизнь в дореволюционной деревне воспринималась в более позитивном ракурсе и оценивалась как более благополучная и счастливая пора в сравнении с последующими годами коллективизации¹⁴.

Тенденции мифологизации сознания были свойственны и **кинематографу 1930-х гг.** Его отличие состоит в смене акцентов. Если в 1920-е гг. большинство деревенских фильмов были ретроспективными, то в 1930-е гг. их число резко сокращается. Всего за 1929–1940 гг. было снято 412 фильмов, из них 78 на сельскую тему (18,9%). Большая часть их была посвящена современной проблематике – коллективизации, борьбе с кулаком, а во второй половине 1930-х гг. – вопросам колхозного строительства, социалистического соревнования, формированию нового образа жизни и новых ценностей. Только 14 фильмов (18%) были историческими (см. табл.1). В них привычно тиражировались сюжеты о

---

¹⁴ Бердинских. 2011. С. 16-21, 27-28 (Воспоминания Бучихина И.Н., Свиной Д.Г., Мальцева И.А., Русова П.Н. и др.)

борьбе крестьян против угнетателей, построенные уже на *национальном* материале (Ануш, реж. И. Перестиани, 1931; Арсен, реж. М. Чиаурели, 1937; Кармелюк, реж. Ф. Лопатинский, 1931, реж. Г. Тасин, 1938; Колиивщина, реж. И. Кавалеридзе, 1933; Назар Стодоля, реж. Г. Тасин, 1937; Прометей, реж. И. Кавалеридзе, 1935; Соловей, реж. Э. Аршанский, 1937). Все фильмы были сняты в жанре историко-героической драмы, что задавало тональность подачи материала. По-прежнему преобладала литературная основа сценария, использование научных знаний по истории в основном ограничивалось воспроизведением бытовых деталей, особенностей одежды, обстановки. Новым в кинематографе 1930-х гг. стало обращение к событиям Октябрьской революции и Гражданской войны, т.е. помимо образа *крепостной деревни* начинает складываться образ *революционной деревни* (Клятва, реж. А. Усольцев-Граф, 1937; Дума про казака Голоту, реж. И. Савченко, 1937).

Общей чертой этих двух образов (помещицкой и революционной деревни) была расколотость деревенского мира на два непримиримых лагеря («своих» и «чужих»), которая закреплялась в общественном сознании и поддерживалась исторической наукой этого времени. Олицетворением «чужого» стал образ кулака, впитавший черты абсолютного зла и внешне, и внутренне (в фильме А. Довженко «Гармонь» отрицательный герой, враг колхоза подкулачник Хома – самый некрасивый персонаж в отличие от всех комсомольцев).

Если в 1920-е гг. советский кинематограф был преимущественно ориентирован на городского зрителя, то в 1930-е гг., благодаря появлению кинопередвижек и стационарной сети кинопроката, деревня становится одним из важнейших потребителей кино, особенно зрелищного, что оказывает влияние на стилистику и способ презентации информации. Для мифологизации сознания сельских жителей требовались художественные образы, связанные с элементами сказки, балагана, ярмарки, лубка, т.е. таких форм отражения реальности, которые были понятны и знакомы им. Приемы иллюстрации, основанные на принципах реализма, здесь были неэффективны и могли вступать в противоречие с личным опытом и коллективной памятью крестьян. В конце 1930-х гг. в качестве самостоятельного жанра появляются фильмы-сказки (По щучьему велению, реж. А. Роу, 1938; Василиса Прекрасная, реж. А. Роу, 1939; Сорочинская ярмарка, реж. Н. Экк, 1939), перенося прошлое деревни за грань реальности. Так закрепляется устойчивый образ деревни как явления истории, не имеющего перспектив в социалистическом обществе. Эти приемы использовались не только в ретроспективных картинах, но и в актуальных фильмах, отражающих колхозное строительство. В стилистике лубка бы-

ли сняты музыкальные комедии И. Пырьева (Богатая невеста, 1937; Сви-нарка и пастух, 1941), сказочные мотивы лежат в основе сюжета фильма «В поисках радости» (1939 г., реж. Г. Рошаль, В. Строева). Ненавязчивое соединение сказки с социалистической реальностью, характерное для сюжетов многих фильмов 1930–1940-х гг., снимало очевидное противоречие создаваемых образов и примиряло зрителей с вымыслом.

Военный и послевоенный период (1941–1952) небогат ретроспективными сельскими фильмами (см. табл.1). При общем сокращении кинопроизводства и необходимости усиления пропагандистской функции кино неудивительно, что большинство картин были связаны с патриотическими сюжетами, построенными на современном или историческом материале, а после войны – с задачами восстановления страны. Всего за это время было снято 269 фильмов, по сельской тематике – 25 (9,3%). К историческим, и то с большой натяжкой, можно отнести только шесть фильмов, большинство из которых сказочного содержания (Черевички, реж. М. Шапиро, 1944; Каменный цветок, реж. А. Птушко, 1946; Майская ночь, или Утопленница, реж. А. Роу, 1952), либо биографического плана (Богдан Хмельницкий, реж. И. Савченко, 1941; Тарас Шевченко, реж. И. Савченко, 1951). Единственным фильмом послевоенного времени, содержащим реальную историческую ретроспекцию сельской жизни первой половины XX в., является «Сельская учительница» (реж. М. Донской, 1947) – картина о судьбе девушки, приехавшей в глухую сибирскую деревню учить детей и посвятившей этому благородному делу всю свою жизнь. Презентуемый в картине исторический образ деревни достаточно фрагментарен, условен, построен на дихотомических акцентах (добра и зла) с жизнеутверждающим финалом.

Расцвет деревенского кинематографа приходится на 1950–1980-е гг., когда ежегодно создавалось не менее 15–20 фильмов (современных и ретроспективных) по сельской тематике. Особенностью этого этапа стало то, что деревенское кино выделилось в самостоятельное художественное направление со своей проблематикой и эстетикой. В результате, на смену одному мифу, созданному в 1920–1930-е гг., приходит другой, ставший в известной мере порождением советской урбанизации. Представления о деревне как некоем идеальном мире, отличном от города, в целом были так же далеки от реальности, но уже с другим знаком. На эту задачу работали и ретроспективные фильмы, призванные показать тот трудный путь, который прошло крестьянство в XX веке: от темной забитой деревни к новому светлому образу.

Хрущевская оттепель в целом характеризуется возросшим интересом к прошлому, прежде всего революционному: оно получило отра-

жение в тематике ретроспективных фильмов, где в качестве эстафеты от сталинского времени перешли сюжеты о борьбе крестьян, постепенно дополняясь новыми темами. Всего в **1953–1964** гг. из 113 фильмов на сельскую тему было снято 26 исторических картин (23%), причем история советской деревни начинает заметно преобладать. Только в 1/3 картин обыгрываются традиционные сюжеты о дореволюционном прошлом деревни: борьбе крестьян с помещиками и угнетателями (Земля, реж. А. Бучма, 1954; Пламя гнева, реж. Т. Левчук, 1955; Триста лет тому..., реж. В. Петров, 1956; Атаман Кодр, реж. Б. Рыцарев, 1958; Олекса Довбуш, реж. В. Иванов, 1959); тяжелой доле крестьянства (Вольница, реж. Г. Рошаль, 1955; Гулящая, реж. И. Кавалеридзе, 1961). Новым в этих фильмах стало внимание к бытовым мелочам, обыденной жизни крестьян. Достаточно показательным примером может служить картина «Лурджа Магданы» (реж. Т. Абуладзе, Р. Чхеидзе, 1955) – экранизация рассказа грузинской писательницы Э. Габашвили – очень трогательная и печальная история жизни бедной крестьянской семьи на рубеже XIX–XX в., в центре которой оказался маленький ослик, спасенный детьми. Уже здесь наблюдается тенденция к переходу от экранизации исторических событий к камерному изображению сельской жизни, к истории повседневности, но в контексте противостояния бедных и богатых, добра и зла с соответствующими нравственно-этическими акцентами.

Почти 2/3 ретроспективных фильмов этого времени посвящены важнейшим событиям советской истории. Причем по характеру изложения материала они подразделяются на две группы: 1) фильмы о событиях, т.е. ориентированные на создание эпических полотен о гражданской войне или коллективизации; 2) фильмы о людях, в которых заметно стремление показать человека на фоне крупных исторических событий (война, революция), поставить героя в ситуацию выбора, тем самым высветив его душевные качества. К первой группе можно отнести, в частности кинотрилогию реж. Н. Макаренко, рассказывающую об истории одного из первых колхозов Украины, охватившей события Первой мировой, Гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны (Кровь людская – не водица, 1960; Дмитро Горицвит, 1961; Люди не всё знают, 1963). Эпичность характерна и для других картин этого периода, в частности для фильма «Поднятая целина», снятого по роману М. Шолохова в 1959–1961 гг. реж. А. Ивановым; или картины «Бессмертная песня» (реж. М. Володарский, 1957), рассказывающей о судьбе красногвардейца, вернувшегося с войны в родное село и убитого кулаками. В них получила отражение официальная трактовка исторических событий, сформулированная еще в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Одновременно растет интерес к бытовым сюжетам, отношениям в семье, личности обычного человека. Так, в 1963 г. Е. Моргунов снимает (по рассказу М. Шолохова) свой единственный фильм «Когда казаки плачут», рассказывающий на языке комедии о «войне» между казаками и их женами, восставшими против грубости и насилия мужей. Сюжет разворачивается на хуторе в 1920-е гг., где появляется женщина-агитатор, и казачки под ее влиянием решают наказать своих мужей. Веселый рассказ о попытках казаков наладить свои семейные отношения совсем не вписывается в галерею официальных исторических полотен и приобретает вневременной контекст, хотя и развивает в определенном смысле тему «противостояния» – темного прошлого и светлого будущего.

В годы «застоя» (1965–1985) вырос общий объем кинопроизводства, увеличилось и количество фильмов о деревне (до 360), в среднем в год снималось рекордное число картин на эту тему – 18. Удельный вес исторических фильмов заметно вырос и составил 38,9% к общему количеству деревенских фильмов. Как и в предшествующий период, они поддерживают в своем большинстве исторические образы деревни, ставшие уже привычными, реконструирующими прошлое через проекцию классовой борьбы, с явным акцентом на событиях советской истории.

Новым явлением в 1970-е гг. стало появление многосерийных ретроспективных фильмов (сериалов), тяготеющих к эпической презентации прошлого. В 1971–73 гг. был снят многосерийный фильм «Тени исчезают в полдень» (реж. В. Краснопольский и В. Усков), ставший одной из первых попыток дать общую картину изменений в деревне за годы советской власти. Он был поставлен по роману А. Иванова, написанному в 1963 г. Несмотря на стремление показать историю Гражданской войны, коллективизации, послевоенного восстановления через судьбы героев, авторам фильма все же не удалось отойти от плакатных приемов изображения героев, очеловечить их образы. Красной нитью через все повествование проходит тема борьбы света и тени, коммунистического и буржуазного начала, которая раскрывается в контексте философских категорий «добра» и «зла». Подобный подход к подаче исторического материала сохранился и в более поздней экранизации А.С. Иванова «Вечный зов», поставленной теми же режиссерами в 1973–1981 гг. К этой категории также можно отнести фильм «Даурия» реж. В. Трегубовича (1971), рассказывающий о жизни забайкальского села накануне Первой мировой войны и в годы революции, и трилогию о нескольких поколениях семьи Строговых, снятую по роману Г.М. Маркова и охватывающую события от начала века до 1980-х гг. (Строговы, 1975–1976, реж. В. Венгеров, Соль земли, 1975, «Грядущему веку», 1985, реж. И. Хамраев).

Данные фильмы, дополненные другими произведениями о Гражданской войне, коллективизации, Великой Отечественной войне, презентуют устойчивые представления об истории, сложившиеся в общественном сознании и одобренные властью, основная задача которых показать безальтернативность исторического процесса, его однозначную прогрессивность и закономерность. Исторические события, объединенные образами героев в непрерывную необратимую реальность, формируют у зрителей осознание неизбежности победы добра над злом, появления нового мира, отличного от прежнего, дореволюционного.

Многосерийные фильмы получили большой общественный резонанс еще и потому, что демонстрировались по телевизору. Эра телевидения не только существенно расширила зрительскую аудиторию, но и включила кинокартины в бытовую ткань советской действительности, приблизив их к зрителю. Свой психологический эффект создавали сериалы, способствовавшие появлению ощущения близости, почти родства с полубившимися героями. Все это повышало градус доверия к транслируемой исторической информации, даже если она входила в противоречие с житейским опытом.

В отличие от сериалов фильмы *о дореволюционном прошлом* деревни, снятые в 1964–1985-х гг., все чаще обращаются к частной жизни, вопросам любви и ненависти, добра и зла, постепенно отказываясь от откровенно идеологизированных сюжетов. Это не свидетельствует об изменении системы ценностей: по-прежнему классовый подход остается основным критерием художественной значимости произведений. Меняется форма подачи материала, она становится более камерной, ориентированной, на чувства зрителя, его человеческое сопереживание.

Типичным примером такого прочтения истории может служить фильм реж. Б. Халзанова «В ночь лунного затмения» (1978), в котором события разворачиваются в XVII в. вокруг запретной любви героев, изгнанных из башкирского аула за нарушение древних обычаев. Подобные сценарии о трагических судьбах влюбленных, относящихся к разным социальным слоям, дополненные сюжетами о классовой борьбе, тиражировались десятками и нередко преподносились зрителю под видом легенды или притчи (Осетинская легенда, 1965, реж. А. Джанаев; реж. Ш. Манагадзе; Эдгар и Кристина, 1966, реж. Л. Лейманис; Кугитанская трагедия, 1975, реж. К. Оразсяхедов, Я. Сеидов; Хозяин Кырбая, 1980, реж. Л. Лайус; и др.). Так «история» досоветской деревни все более мифологизировалась и приобретала мелодраматическую тональность с сохранением образа противостояния богатых и бедных, старого и нового. Исторические сюжеты начинают также активно использоваться кинематографи-

стами (особенно, прибалтийскими) в качестве основы для создания зрелищных фильмов, снятых в жанре народной героической драмы, с переодеваниями, веселыми приключениями главных героев (Последняя реликвия, 1969, реж. Г. Кроманов; Слуги дьявола, 1970, Слуги дьявола на чертовой мельнице, 1972, реж. А. Лейманис; В клешнях черного рака, 1975, реж. А. Лейманис; Оборотень, 1983, реж. Э. Лацис; и др.).

Главное внимание деревенское ретроспективное кино 1964–1985 гг. уделяет советской истории, где преобладают традиционные сюжеты о Гражданской войне, борьбе с кулаками, становлении колхозов, Отечественной войне, целине (Анютиня дорога, 1967, реж. Л. Голуб, Пришел солдат с фронта, 1971, реж. Н. Губенко; Великие голодранцы, 1973, реж. Л. Мирский; Вкус хлеба, 1979, реж. А. Сахаров; Возращение, 1968, реж. В. Акимов; Белый танец, 1981, реж. В. Виноградов; Тревоги первых птиц, 1985, реж. Д. Нижниковская и др.). Однако, для них свойственны более сложные, чем раньше, психологические решения характеров героев, их взаимоотношений, больше внимания уделяется внутреннему миру человека, человеческим слабостям и недостаткам. Мир уже не делится однозначно на «хороших» и «плохих», появляется многоцветие, переходные тона, что придает психологическую достоверность создаваемым образам.

Особенностью этого этапа стало экспериментирование с цветом, режиссурой, операторской работой, формой подачи материала. Естественная игра актеров нередко сменяется на гротескно-стилизованную манеру, что уводит от реально-исторической реконструкции в область сказаний, легенд, притч с использованием библейских сюжетов. Примером может служить фильм «Вавилон. XX век» (1979) реж. И. Миколайчука, рассказывающий об украинской деревне второй половины 1920-х гг., где есть революционные матросы, коммунары, бедняки и кулаки – все герои исторической драмы того времени. Однако рассказ о создании коммуны в деревне и восстании кулаков пронизан библейскими образами. В Откровении Иоанна Богослова – «Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным». И в фильме деревня Вавилон – обитель греха, «край жестокий», где даже в святой праздник убивают. В центре повествования – вавилонская блудница, которая в любви нашла свое искупление. Есть и праведный мир – «коммуна», объединившая поэтов и мечтателей. Все смешалось. Как говорит один из героев: «Бывает, что и земной шар вверх ногами вертится». Восприятие истории как «столпотворения» отражает новый взгляд на процессы строительства нового мира.

В этом видится определенная закономерность. Если в 1920–1940-е гг. кино было *великим мифотворцем*, то в 1960–1980-е гг. кинематограф примеряет на себя функции *познания и осмысления* не только современ-

ных проблем, но и прошлого. Для решения этих задач одномерные образы и сюжеты были уже недостаточны. Отсюда – тематическое разнообразие, смешение жанров, поиски новых героев, которыми могли быть дети, старики, простые женщины, непутевые парни.

Ярким примером нового подхода к реконструкции истории может служить фильм «Бумбараш» (1971, реж. Н. Рашеев, А. Народицкий), снятый в жанре комедии-водевиля, но повествующий об очень серьезных вещах. Авторы фильма рассказали историю нового Иванушки (актер В. Золотухин), бродящего по фронтам Гражданской войны и толком не понимающего, что происходит. Это ощущение гражданской войны как бессмысленного убийства придает особый трагизм всем событиям фильма. Другой пример: фильм Л. Шепитько «Родина электричества» (1967), поставленный по новелле А. П. Платонова. Он рассказывает об электрификации села в начале 1920-х гг. Здесь нет истории в высоком понимании этого слова. Небольшой сюжет о том, как в деревне заработала динамо-машина, позволившая подвести воду к засыхающим полям, стал основой для понимания природы чуда – это то, что делаешь сам и своими руками.

В 1960–1980-е гг. с особой силой заявляет о себе национальный кинематограф. Причем фильмы украинских и прибалтийских кинематографистов, посвященные борьбе с националистическими движениями, можно выделить в особую группу – они создавали «национальные» образы прошлого, во многом отражавшие свой особый взгляд на события советской истории. Одним из первых в этом ряду стал фильм «Никто не хотел умирать» реж. В. Жалаквичюса (1965), в котором рассказывалась история четырех братьев, мстивших бандитам за смерть своего отца. Фильм стал во многом знаковым, т.к. в нем, несмотря на «идеологически правильную» подачу исторического материала, явственно прозвучал вопрос о цене победы, трагичности расколотого братоубийственной войной мира. Вслед за ним появляются другие картины об установлении советской власти в западных районах (Горькие зерна, 1966, реж. В. Гажиу, В. Лысенко; Лестница в небо, 1966, реж. Р. Вабалас; Белая птица с черной отметиной, 1970, реж. Ю. Ильенко; Тревожный месяц вересень, 1975, реж. Л. Осыка; Фронт в отчем доме, 1985; реж. Э. Лацис; и др.). Для них характерно отсутствие однозначных ответов на вопросы истории и личностно-трагическое восприятие описываемых событий.

Меняются и подходы к презентации таких заштампованных сюжетов как коллективизация. Новое осмысление получает само понятие кулака, хотя и явно невыраженное. Так, в фильме реж. Р. Нахапетова «С тобой и без тебя» (1973) весь сюжет разворачивается вокруг событий раннего этапа коллективизации, когда колхозное движение еще не пере-

росло в кровавое раскулачивание, есть только первые признаки грядущих бурь. В центре сюжета романтическая история любви комсомолки (М. Нелова), которую украл хуторянин (Ю. Будрайтис) и увез на свой отдаленный хутор. Так, комсомолка вместо колхоза попадает в хозяйство, которое в недалеком будущем окажется в списках кулацких. Но авторов не интересует эта тема. Они не задаются вопросом о цене коллективизации и ее смысле, может быть, сознательно уходя от него. Для режиссера важнее проследить историю взаимоотношений двух человек, относящихся к разным мирам, и процесс перерождения под влиянием любви хозяина-собственника в колхозника. В финале у зрителя остается твердая уверенность, что будущее героев фильма будет счастливым и безоблачным, поскольку они сами смогли преодолеть в себе кулацкое начало.

Интерес к исторической повседневности, жизни довоенной деревни в ее бытовых деталях и человеческом измерении с особой силой проявляется в 1980-е гг. Показательным с этой точки зрения выглядит фильм «Еще до войны» (1982 г., реж. Б. Савченко), снятый по повести В. Липатова. В нем рассказывается история не сложившейся любви деревенского парня и приехавшей из города девушки. Лиричность и поэтизация колхозной деревни усиливается знанием авторов и зрителей о надвигающейся войне, которая разрушит этот светлый мир. В фильме нет отголосков репрессий, которые происходили в стране в то время, нет отзвуков классовой борьбы – обязательного фона ретроспективного кино более раннего периода. Есть почти идиллическая картина благополучной жизни довоенного села, которая стала в брежневское время одной из мифологем исторической науки. Ужасы коллективизации и послевоенного прозябания деревни были уже незнакомы молодому поколению историков и кинематографистов. Оно формирует новые образы истории, отражающие успехи советской власти и в известной степени идеализирующие прошлое.

Другим примером ретроспективных фильмов «нового типа» является кинокартина реж. И. Поплавской, снятая по повести В. Распутина «Василий и Василиса» (1981). Фильм рассказывает о сложной судьбе деревенской женщины, ее нелегких отношениях с мужем, которого она выгнала перед войной, не выдержав пьянства и насилия, и простила только много лет спустя – на пороге смерти героя. Неторопливый рассказ о жизни и прощении, как вышем ее смысле, практически не затрагивает исторические события того времени, за исключением военного лихолетья. Весь историзм фильма строится на глубокой проработанности психологических образов героев, тщательном воспроизведении мелочей быта, обстановки, одежды, смене песенной традиции, которая сопровождает героев фильма в их жизненных ситуациях. Натурные съемки

и привлечение в качестве массовки жителей деревни создают атмосферу подлинности и достоверности рассказанной истории.

В 1980-е годы на заре перестройки и в ходе ее в кино складывается новый исторический образ деревни, относящийся к дореволюционному прошлому, более гармоничный, без акцентов на вопросах классовой борьбы, нацеленный на несколько идиллическую презентацию истории. Здесь проявились две основные тенденции – уход от восприятия прошлого только с позиций антагонистического противостояния классов и внимание к человеку, его внутреннему миру, частной жизни. Характерно, что в этом случае в качестве основы фильма активно использовались литературные произведения классиков XIX в., которые на исходе XX в. прочитываются новым поколением режиссеров по-новому. Одним из таких фильмов стала известная мелодрама «Формула любви» (1984, реж. М. Захаров), поставленная по мотивам повести А. Толстого «Граф Калиостро». События, повествующие о чудесах, приключениях, авантюристах и влюбленных, разворачиваются на фоне пасторального сельского пейзажа – помещицкой деревни, где крестьяне говорят по-латыни, играют в городки и искренне переживают за своих хозяев.

Позднее, в беспокойные 1990-е гг. прием неклассового прочтения А.С. Пушкина реализовал режиссер А. Сахаров в фильме «Барышня-крестьянка» (1995). Романтизм прозы Пушкина, раскрытый в жанре лирической комедии, формирует у зрителя мирную картину сельской жизни первой половины XIX в., в которой дворянская дочь и крепостная крестьянка – подруги, а повседневность поместья проходит в праведных трудах и заботах, где и помещики, и крестьяне делают свое дело и вполне довольны жизнью. Сельский мир Пушкина (помещика и владельца крепостных крестьян) на страницах многих его произведений предстает как «...пустынный уголок, // Приют спокойствия, трудов и вдохновенья, // Где льётся дней моих невидимый поток // На лоне счастья и забвенья». Это субъективное восприятие поэта, тем не менее, является отражением реальности, где отношения между помещиком и крестьянами не настолько антагонистичны, как это было принято показывать в исторических трудах или литературе, написанной в жанре критического реализма. Экранизация повести А.С. Пушкина в отечественном кино осуществлялась три раза: в 1912 г. (реж. П. Чердынин), затем в 1970 г. (телеспектакль, реж. Д. Лукова) и 1995 г. В сравнении с экранизацией 1970-х гг., где раскол деревенского общества на господ и подневольных крестьян все же весьма ощутим, в новом варианте экранизации создается образ гармоничного бесконфликтного прошлого.

Следует отметить, что отступление от принципов классовой борьбы как движущей силы истории, получило развитие в российской исторической науке 1990-х гг. В частности, опыт изучения такой темы как патернализм в общественных отношениях XIX века на примере помещичьих хозяйств или же частных горнозаводских предприятий¹⁵, говорит о том, что поиски социальной гармонии были свойственны представителям господствующего класса того времени. Может быть, здесь сказались плоды «просветительства» второй половины XVIII в., способствовавшие формированию гражданской ответственности у передовых представителей своего времени. Все это позволяет взглянуть по-новому на общество прошлого, в том числе на русскую деревню: с позиций синергетики любая система стремится к оптимизации и гармонии, но стабильность сменяется хаосом, когда обостряются все противоречия и «призрак коммунизма», классовая борьба снова начинает определять ситуацию. В этом плане кино второй половины 1980-х гг., рисуя гармоничные образы деревни прошлого, интуитивно подошло к пониманию цикличности исторического процесса раньше, чем историческая наука. И в этом видится эвристический потенциал художественных интерпретаций прошлого.

Годы перестройки оказались очень плодотворными с точки зрения ретроспективного кино, они составили около половины фильмов, снятых на сельскую тематику, из них около 2/3 было посвящено советской истории, чаще всего запретным ранее сюжетам – голоду, репрессиям, коллективизации, послевоенному восстановлению деревни.

Досоветская история получила отражение в 22 фильмах, причем 13 из них транслируют образы национальных историй. Особенно много снималось фильмов о благородных разбойниках – гайдуках, народных мстителях, в которых романтизируются народные борцы с властью. И здесь собственно уже неважно советская это власть или царская, в фильмах этого периода отражен общий протест против государственной машины как орудия насилия. Такой подход укрепляет прежнюю тональность художественного кино, ориентированного на трансляцию образов расколотого общества, но если раньше на первый план выдвигался концепт классовой борьбы, социального раскола, то в условиях перестройки упор делается на характеристику разрушающего влияния тоталитарного государства. Объективом кинокамеры было зафиксировано жесткое противостояние общества и власти конца 1980-х гг.

Наряду с явными бунтарскими мотивами в российском кинематографе все чаще предпринимаются попытки реабилитации исторической

---

¹⁵ См., например: Неклюдов. 2004.

картины прошлого с помощью создания образов социального мира. Среди кинематографистов стали популярны сценарии о жизни помещицкой усадьбы, дворянской культуре, возрождении православия (см., например: Господи, услыши молитву мою, 1991, реж. Н. Бондарчук).

***

Обзор ретроспективных советских фильмов, посвященных сельской тематике, свидетельствует о значительном потенциале художественного кино как носителя информации о способах формирования и семантике тех исторических образов, которые были одобрены властью и созданы научной и творческой интеллигенцией на разных этапах истории. Они имеют заметные отличия, выраженные в ключевых понятиях «классовая борьба» (образ 1920–1970-х гг.), «сельский мир» (1980-е гг.). Источниками их формирования стали социальный заказ власти; особенности научного осмысления исторических событий; авторские представления и личный опыт создателей фильмов. Дополняя и корректируя друг друга, они придавали образам прошлого устойчивые и достаточно достоверные историографические черты, способствуя формированию у зрителей определенного отношения к истории.

Дополнительную нагрузку в решении этой задачи выполняли актуальные картины, они формировали и корректировали образы прошлого для последующих поколений зрителей. Более того по истечении определенного времени актуальные фильмы начинают восприниматься как документальные свидетельства времени, не верить в которые практически невозможно. Так, например, фильмы конца 1950 – начала 1960-х гг. о деревне, такие как «Председатель» (реж. А. Салтыков, 1964), «Простая история» (реж. Ю. Егоров, 1960) и др., поднимавшие злободневные проблемы сельской жизни и рассказывающие без прикрас о сложной судьбе российской деревни, стали значимыми источниками формирования исторической памяти у поколений 1960–1980-х гг. Но можно найти и обратные примеры: стоит вспомнить споры о фильме «Кубанские казаки» (реж. И. Пырьев, 1949), которые развернулись еще в конце 1950-х и вновь возродились на исходе 1980-х гг. Дискуссия о правде «художественных образов», созданных в кино, оказалась исключительно полезной для понимания социальной обусловленности произведений искусства и функций кино.

В целом, презентация истории в кино в советский период непосредственно увязывалась с «задачами текущего момента» и работала на них. Прошлое должно было способствовать пониманию настоящего и поддерживать его, а иногда и оправдывать. В результате исторические реконструкции в кино, как правило, ограничивались более или менее досто-

верным воспроизведением общего антуража: одежды, обстановки, манеры речи и проч. Хотя и здесь можно говорить только об условной «историчности», поскольку зрелищный характер кинематографа влиял на выбор актеров, реквизита, съёмочных декораций или натуральных съёмок.

Что касается содержания и оценочных аспектов исторических событий, отражаемых в кино, то они всегда были подвержены жесткому идеологическому контролю и корректировке, соответствовали господствовавшей в науке парадигме. Но специфика художественных произведений такова, что за внешними «правильными» образами нередко виден авторский взгляд на события, часто в форме задаваемых вопросов, ответы на которые должен дать зритель. И они становились толчком к пересмотру устоявшихся исторических стереотипов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М., 2004.
- Богданов А.К. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.
- Боннел В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 183–215.
- Бердинских В. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX в. М., 2011.
- Дашкова Т.Ю. Любовь и быт в кинофильмах 1930 – начала 1950-х гг. // История страны / История кино / под ред. С. С. Секиринского. М., 2004.
- Дашкова Т. Ю. Визуальная интерпретация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11–12.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008.
- Димони Т. М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 91–104.
- Евграфов Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник. М., 1973.
- Жабский М. И. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись 1969–2005 гг. М., 2009.
- Жиро Т. Кино и кинотехнологии // Экранная культура. Теоретические проблемы : сб. ст. СПб., 2012.
- Закревский Ю. А. Наше родное кино. М., 2004.
- Зоркая Н. Кино. Театр. Литература. М., 2010.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
- История страны / История кино / под ред. С. С. Секиринского. М., 2004.
- Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997.
- Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
- Ларс К. «Освобождение экрана»: советское игровое кино эпохи перестройки // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 414–428.
- Лотман Ю. М. Семносфера. СПб., 2004.
- Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания М., 2005.

- Маматова Л. Модель киномифов 30-х гг. // Кино: политика и люди. 30-е годы. М., 1995. С. 52–78.
- Мириманов В. Искусство и миф: Центральный образ картины мира. М., 1997.
- Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003.
- Разлогов К. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. М., 2010.
- Сальникова Е. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы герои, сюжеты. М., 2010.
- Сальникова Е. Эволюция визуального ряда в советском кино, от 1930-х к 1980-м // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 335–359.
- Соколов В.С. Киноведение как наука. М., 2008.
- Социология и кино / под ред. М. И. Жабского. М., 2012.
- Сорин-Чайков Н. Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М., 2009. С. 19–57.
- Усманова А. Научение видению: к вопросу о методологии анализа фильма // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 183–204.
- Цивьян Ю. На подступах к карпалистике: Движение и жест в литературе, искусстве, кино. М., 2010
- Шилова И. М. И мое кино: Пятидесятые. Шестидесятые. Семидесятые. М., 1993.
- The history on film reader /ed. Marnie Hughes-Warrington. L. ; N. Y., 2009.
- Мазур Людмила Николаевна**, доктор исторических наук, зав. кафедрой документального и информационного обеспечения управления Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина; Lmaz@mail.ru.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А. Н. НИКОЛАЕВА

Б. ФРАНКЛИН И «ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА» В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ

В статье рассматриваются преобразования, проведенные Б. Франклином в сфере журналистики и в печатном деле, и его участие в создании «Литературной республики» на территории Североамериканских колоний. Образование «Литературной республики» способствовало появлению в колониальной Америке в последней трети XVIII в. первых институтов гражданского общества, прежде всего, общественного мнения.

Ключевые слова: Бенджамин Франклин, Североамериканские колонии, журналистика эпохи Просвещения, «Литературная республика», общественное мнение.

Когда в октябре 1778 г. немецкий врач Иоганн Адольф Берендс адресовал Бенджамину Франклину восторженное письмо, поздравляя его с избранием в число членов Французского королевского медицинского общества, в нем он выражал безграничное уважение к знаменитому просветителю как человеку, воплотившему в себе триединство величайших достижений «основателя отечества», «доктора человечества» и «блистательного члена Литературной республики»¹. Если заслуги Франклина как деятеля Войны за независимость и ученого глубоко и всесторонне исследованы современными российскими и американскими историками², то его участие в создании на территории Североамериканских колоний Великобритании XVIII в. сообщества, известного под именем «Литературной республики», изучено заметно слабее. Под «литературной республикой» мы в данном случае понимаем воображаемое сообщество писателей, читателей, журналистов и в целом мыслящих людей, лишенное социальных различий и ограничений, построенное на демократических принципах равенства и свободы обмена информацией и мнениями и не имевшее географических и политических границ.

В начале XVIII в. Лондон слыл столицей «Литературной республики» Европы. В период правления Ганноверской династии английская пресса переживала эпоху расцвета. Отмена «Славной революцией»

---

¹ Behrends. *A Letter...*

² Дружинина, Дружинин. 2006. С. 233-240; Левшина. 2006. С. 62-73; Плешков. 2006. С. 15-35; Leo Lemay. 2006-2009; Morgan. 2003; Wood. 2004.

официальных запретов и ограничений вывела из подполья оппозиционных журналистов и книгоиздателей и способствовала появлению новых типографий, журналов и газет. В столице и даже в провинциальных городах Англии раннего Просвещения с его культом чтения издавалась печатная продукция (от словарей и карманных энциклопедий до порнографии), удовлетворявшая разнообразным вкусам читающей публики³. В газетах и журналах рассказывалось о политических и культурных событиях внутри страны и в иностранных государствах, публиковались отчеты о парламентских дебатах, критические статьи, советы по воспитанию детей. Язык английских периодических изданий отличался простотой, ясностью и одновременно богатством, нешаблонностью. Большой популярностью у современников пользовалось ежедневное издание «Зритель» (*Spectator*), созданное Дж. Аддисоном и Р. Стилом в 1711 г. с просветительско-популяризаторской целью (как утверждали авторы в одном из номеров, они желали бы перенести философию из библиотек и колледжей в клубы и кофейни⁴). В то время как «Зритель» придерживался нейтральной политической позиции, подчеркнуто политизированную полемическую направленность имели «Ремесленник» Г. Болингброка, «Журнал джентльмена» Э. Кейва, «Лондонский журнал».

Для молодого подмастерья Бенджамина Франклина, прибывшего в 1724 г. в Лондон с целью изучения опыта столичных печатников, был очевиден разрыв между Англией с ее свободной прессой и развитым общественным мнением и североамериканскими колониями, в которых публицистика нерелигиозного содержания находилась в зачаточном состоянии, а высказывания против церкви и светской власти, особенно в Новой Англии, жестоко преследовались. Так, летом 1722 г. заключенным под стражу оказался его старший брат Джеймс за острую политическую статью в издаваемой им газете «Вестник Новой Англии» (*New England Courant*), где он обличал некоторых кандидатов в законодательную ассамблею Массачусетса, подкупом и запугиванием приобретающих голоса избирателей⁵. Поэтому неудивительно, что, когда Бенджамин начал издавать в 1729 г. собственную «Пенсильванскую газету», он, с одной стороны, стремился оставаться на ее страницах аполитичным и не примыкать к какой-либо стороне в междоусобной борьбе колониальной элиты, а с другой – не только развлекать, но и просвещать, воспитывать читателей.

---

³ Shields. 2008. P. 58.

⁴ Spectator. 1711. № 10.

⁵ Smith. 1988. P. 100.

Такая позиция объяснялась тем, что Франклин видел в публицистике и периодической печати главное средство распространения добродетели. По мнению ряда историков (Р. Фраска, Дж. Смита, Д. Андерсона), концепт «добродетель» (*virtue*) в понимании Франклина имел не религиозное, а практическое содержание. Добродетели, по Франклину, – это те нравственные правила и принципы, которыми человек руководствуется и от которых он ни на шаг не отступает, стремясь достичь счастья и избежать боли. В числе добродетелей просветитель называет честность, правдивость, искренность в отношениях между людьми; воздержанность, справедливость и трудолюбие; решительность, целомудрие и спокойствие⁶. Быть добродетельным, как пишет Франклин в небольшом трактате «Догматы веры и поведение верующего», значит избегать гордыни, зависти, лжи, клеветы, лести, злобы, ненависти, слабости и неблагодарности, проявлять благодарность по отношению к благодетелям, щедрость – к друзьям и снисходительности и милосердие – к нижестоящим⁷. Истинное проявление добродетели заключается в *добрых делах* (*good works*). Как пишет Франклин в «Автобиографии», воспитанный в пресвитерианской вере, он со временем счел «сомнительными» многие догматы этой религии, но «никогда не сомневался в существовании божественного начала, сотворившего мир и правящего им; а также в том, что наиболее угодная богу служба – это делать людям добро...»⁸. В письме Дж. Хьюи 6 июня 1753 г. он замечает еще более откровенно: «Что касается меня, когда я помогаю другим, то вижу в этом не совершение благодеяния, а всего лишь уплату долгов. В своих путешествиях и с того времени, как я поселился здесь [в Пенсильвании], я получил столько хорошего от людей, которым я никогда не смогу отплатить лично... Но за эти добрые дела я могу отблагодарить их делами помощи другим людям... Мне кажется, что ни слова благодарности, ни комплименты, повторяемые еженедельно, не освобождают нас от обязанностей по отношению к другим людям... Я имею в виду по-настоящему добрые дела, т.е. дела, совершенные из добрых побуждений милосердия, сострадания и гражданственности...». В письме 1756 г. к Э. Хаббарт Франклин высказывает мнение, что человек – это, прежде всего, душа, которой на время дается тело, чтобы помочь ему расширять свои знания о мире и совершать добрые поступки⁹.

⁶ Франклин. 1987. С. 399, 423-424; Anderson. 2008. P. 25-26.

⁷ Franklin (franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/621973=001-101a.html).

⁸ Франклин Б. 1987. С. 420-421.

⁹ Franklin (franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/623091=004-503a.html).

Данные максимы стали для Франклина не только основой его семейной жизни и отношений с друзьями, но руководством в публицистической и общественной деятельности. Еще в самом начале журналистской карьеры в «Пенсильванской газете» (*Pennsylvania Gazette*) он принял на себя трудную миссию «совершенствования добродетели»¹⁰ своих читателей. «Мою газету, – писал Франклин в «Автобиографии», – я рассматривал как средство просвещения и поэтому часто перепечатывал в ней очерки из “Зрителя” и других нравоучительных журналов...»¹¹. В отличие от английских философов (Локка, Шефтсбери, Юма) воспринимаемая человеческую природу с изрядной долей скептицизма и пессимизма (Франклин видел своих современников ленивыми, эгоистичными, склонными к насилию и управляемыми в поступках двумя страстями – жадной денег и власти), американский просветитель вместе с тем полагал совершенно бесполезными проповеди в духе пуританских теологов, грозивших прихожанам ужасными наказаниями в Аду за грехи. Скорее Франклин хотел утвердить читающую публику во мнении, что высоконравственное поведение может быть и полезным, и приятным для человека, наделенного богом способностью мыслить и самосовершенствоваться.

Чтобы его призывы к добродетели не звучали проповеднически, Франклин нередко прибегал к такому журналистскому приему, как публикация писем в редакцию, полагая, что читатели с большей готовностью прислушиваются к совету человека, равного с ними по статусу в «литературной республике», а не поучающего их свысока журналиста. Конечно, чаще всего эти письма были сочинены самим Франклином, скрывавшимся за псевдонимами и искусно менявшим стили¹². Другими популярными литературными жанрами на страницах «Пенсильванской газеты» были сатиры, эпиграммы и розыгрыши, тонко и остроумно высмеивавшие примеры глупости, невежества и дурного поведения. «Я знаю, что люди ненавидят наставления, и большинство из них никогда не прочли бы далее первой строчки моих поучений, если бы они были бы наполнены исключительно полезными предписаниями и советами, – замечал Франклин, – и поэтому я должен развлекать их понятным им образом»¹³.

Еще с большей силой стремление Франклина к просвещению при помощи развлечения воплотилась в его «Альманахе бедного Ричарда»

---

¹⁰ *Frasca*. 2006. P. 42.

¹¹ *Франклин*. 1987. С. 435.

¹² *Frasca*. 2006. P. 54.

¹³ *Franklin* (franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/621979=001-122a.html).

(*Poor Richard's almanac*), который издавался с 1732 г. в течение двадцати пяти лет. Альманах (или календарь) как вид печатной продукции появился в XVI столетии в Англии и пользовался большой популярностью особенно у средних и низших слоев городского населения благодаря своему разнообразному содержанию (от новостей политики до астрологических прогнозов). Презрительно относившийся к астрологии и тому подобным «шарлатанствам», рационалист Франклин видел в альманахе средство распространения научного мировоззрения и моральных принципов в кругу читающей публики. С одной стороны, в эпиграммах и сатирических рисунках он неоднократно высмеивал распространенные представления о влиянии планет и звезд на судьбу человека, явления природы, историю, с другой – пронизал стихотворные отрывки календаря максимами в форме народных пословиц и поговорок, содержащих мудрость многих поколений («тот плохо одет, кто лишен добродетели»; «длинный язык приносит несчастья»; «сердце глупого человека на его языке, а язык мудрого человека – в его сердце», «никто не обретет славы, не трудясь», «в успехе будь скромн»¹⁴ и др.). Поскольку успех воспитания души и разума для Франклина во многом зависел от физического состояния, особое внимание он уделял публикациям по вопросам здоровья, гигиены, правильного режима питания, новых методов излечения болезней. На страниц «Бедного Ричарда» можно было найти ценные советы о том, как нужно питаться, чтобы и тело, и разум были здоровыми, что нельзя позволять себе слишком много мяса и алкоголя, что перед приемом пищи необходимо совершать небольшие прогулки¹⁵.

Необходимо затронуть еще одну сторону деятельности Франклина как реформатора литературного американского английского языка. В эссе «О литературном стиле» (1733) он упрекает современных колониальных писателей и журналистов в том, что они, подражая вычурному и тяжеловесному языку проповедей популярных теологов-кальвинистов К. Мэзера и Дж. Эдвардса, позабыли о трех наиболее важных свойствах, которые должны быть присущи литературной речи, – краткости, ясности и плавности. «Чтобы писать ясно, а не только выразительно, необходимо выбирать самые простые слова... Пристрастие некоторых писателей к словам, которые несут в себе дух учености, делает их произведения непонятными для большинства соотечественников»¹⁶, – замечает он далее, советуя ав-

---

¹⁴ *Franklin*. 2004. P 7-8, 16.

¹⁵ *Ibid*. P. 96.

¹⁶ *Franklin*. From a Reader to the Printer...

торам избегать слишком длинных слов, повторов, нагромождений фраз. По мнению Франклина, достичь сердец читателей способны только литераторы, умеющие писать просто о самых сложных и противоречивых вопросах человеческого бытия, политики, морали, культуры.

Франклин считал, что процесс самосовершенствования и воспитания через чтение приносит значительные плоды только тогда, когда идеальным является моральный облик журналистов. «Составляя мою газету, – замечал он, – я неуклонно отметал всякую клевету и злопыхательство, ставшие в последние годы таким позором для нашей страны. Всякий раз как меня просили поместить такой материал и авторы, как водится, ссылались на свободу печати и уверяли, что газета подобна дилижансу, в котором волен ездить любой, лишь бы заплатил за место, я отвечал, ... что связав себя с подписчиками обязательством доставлять им чтение либо полезное, либо занимательное, не могу обижать их, заполняя газету чьи-то дрязгами, не имеющими к ним никакого касательства»¹⁷. «Эти люди, возможно, из-за собственной испорченности... видят все вокруг в дурном свете»¹⁸, – так характеризовал просветитель политически ангажированных журналистов, считая, что разжигание вражды между разными политиками и партиями является «постыдной практикой», оскверняющей и типографский станок, и саму профессию печатника.

Однако аполитичность Франклина не означала пассивности в общественных делах. Дело в том, что, по его мнению, цель совершенствования и самосовершенствования личности читателя не могла быть в принципе достигнута в отрыве от улучшения общества, в котором он живет. Более того, в исправлении социальных институтов, постепенном, но глубоком изменении общественного устройства колоний в духе идеалов Просвещения Франклин видел необходимое условие для морального развития каждого свободного гражданина¹⁹. Поэтому неудивительно, что уже в первый год издания «Пенсильванской газеты» на ее страницах им была развернута широкомасштабная кампания по продвижению в ассамблее Пенсильвании законопроекта об увеличении выпуска бумажных денег. В анонимной статье под названием «О природе и необходимости бумажных денег» Франклин с присущим его красноречием доказывал своим оппонентам, что подобный шаг будет полезен не только потому, что значительно облегчит беднякам существование,

---

¹⁷ Франклин. 1987. С. 435-436.

¹⁸ *Franklin* (franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/622165=001-370a.html).

¹⁹ *Wright*. 1986. P. 81.

но поспособствует развитию ремесла, торговли и городского строительства. «Простые люди приняли ее [статью] благожелательно, – утверждал он позднее, – а богачам она пришлось не по вкусу..., а поскольку в их лагере некому было написать на нее ответ, противодействие их слабло, и закон прошел в ассамблее большинством голосов»²⁰.

В 1730 г. по инициативе Франклина в Филадельфии была организована подписка на первую публичную библиотеку. «Я набросал план и устав, – вспоминал он в «Автобиографии», – и попросил искусного нотариуса мистера Чарльза Брокдена придать этим документам законную форму, согласно которой каждый подписчик обязывался внести определенную сумму на покупку книг, а затем вносить столько-то в год на пополнение библиотеки. Так мало читателей было в то время в Филадельфии, и большинство из них были так бедны, что мне при всем старании удалось найти всего пятьдесят человек, главным образом из молодых купцов, готовых заплатить по сорок шиллингов вступительного взноса и далее вносить по десять шиллингов в год. С этим маленьким капиталом мы и начали дело». Таким образом, «книги были выписаны и получены; библиотека была открыта один раз в неделю, и в этот день подписчики брали книги на дом под обязательство заплатить двойную стоимость, если они не будут возвращены в срок. Нашему примеру скоро последовали в других городах и в других провинциях. Библиотеки пополнялись благодаря пожертвованиям, чтение вошло в моду, и наши люди, за неимением общественных увеселений, которые могли бы отвлечь их от чтения, все больше тянулись к книгам...»²¹.

Однако самый большой резонанс публицистическая деятельность Франклина имела в конце 1740-х гг., когда из-за нападения французских каперов на атлантическое побережье в кругу политической элиты Пенсильвании развернулась острая дискуссия о создании регулярной армии. Это событие произвело на людей, много лет живших в страхе из-за жестокости индейцев, вырезавших во время своих рейдов целые города и деревни на востоке колонии, угнетающее впечатление. После того, как на заседании законодательной ассамблеи в июле 1747 г. квакерское большинство депутатов под влиянием доктрины о «непротвлении злу насилем» высказалось против принятия серьезных мер по защите колонии (это, по их мнению, могло бы привести к войне), единственным легальным средством борьбы для противников пацифизма оставалась публици-

---

²⁰ Франклин. 1987. С. 407.

²¹ Там же. С. 418-419.

стика²². Их позиция была изложена Франклином в памфлете «Простая истина» (*Plain Truth*): «Говорят, что мудрые итальянцы сочинили о нашем народе пословицу: “Англичане чувствуют, но не видят”. Что они ощущают беспокойство, когда беда уже пришла, и ничего не делают, чтобы предотвратить ее. Их врожденная храбрость делает их невосприимчивыми к опасности, и поэтому она часто застает их врасплох, когда они не обеспечены средствами для предотвращения ее... Но наиболее нечувствительны мы в целом к опасности для всего общества, безразлично относясь к предупреждениям о ней»²³. Далее Франклин говорит о войне, охватившей большую часть земного шара и разрушившей мирную жизнь во всех британских колониях, о том, что средства, предпринятые для защиты Пенсильвании и ее столицы неэффективны, что политические лидеры, обязанные жертвовать до последней капли крови ради безопасности страны, не справились с возложенной на них задачей и своей «миролюбивой» тактикой, по сути, совершили государственную измену. Называя отказ политиков-квакеров от защиты пограничных территорий предательством интересов народа, Франклин описывает ужасы, ожидающие его сограждан в результате бездействия слабой и продажной власти (разорение и разрушение Филадельфии, упадок некогда процветавших ремесла и торговли, насилие от рук оккупантов), и призывает всех неравнодушных к благу отечества и желающих защитить «свободу и собственность» пожертвовать деньги на создание милиции для охраны колонии, а взрослых мужчин – взять в руки оружие и вступить в ее ряды (*ibid*).

Памфлет Франклина оказал огромное воздействие на читающую публику: через шесть дней после его выхода в свет на собрании самых именитых купцов и джентльменов города в кофейне Робертса было принято решение о создании народного ополчения, и тем же вечером 500 мужчин были приняты в состав милиции. Таким образом, по мнению современного американского историка С. Гриффит, публицистическая деятельность Франклина способствовала формированию на протяжении XVIII в. в Северной Америке *booster ethos* («этос приверженца»), ставшего спустя столетие отличительной чертой политической жизни США и заключавшегося в представлении о социуме как самоорганизующейся системе, живом организме, процветание которого зависит, прежде всего, от активности, единства и гражданской ответственности его членов²⁴.

---

²² Griffith. 1992. P. 131-155.

²³ Franklin (franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.622723=003-180a.html).

²⁴ Griffith. 1992. P. 132.

Еще одним шагом к созданию «Литературной республики» стало общество «взаимного просвещения» (Хунта). На его заседаниях должны были обсуждаться вопросы морали, политики или натурфилософии «в духе подлинных поисков истины, без споров ради спора и стремления во что бы то ни стало одержать верх» (за чересчур категорические суждения на членов Хунты налагался штраф)²⁵. Хунта отличалась пестрым составом – в нее входили мастера печатники, состоятельные ремесленники, джентльмены, но в целом она отвечала запросам среднего образованного городского класса. При обществе была организована небольшая библиотека из книг, принадлежавших его членам, и именно эти книги составили основной фонд Филадельфийской библиотечной компании. Обсуждаемые на заседаниях эссе по морально-философским проблемам публиковались Франклином некоторое время спустя в его газете, таким образом, превращая первоначально интимно-дружескую беседу в публичную дискуссию. В то же время Хунта постепенно обретала черты органа негосударственного управления, при помощи которого Франклин получил возможность реализовывать составленные им социальные проекты. Популярность Хунты среди просвещенных горожан «превысила все ожидания» ее основателей, и вскоре по ее примеру в Филадельфии было создано еще несколько клубов («Лоза», «Союз», «Отряд» и др.). «Каждый из них оказался полезен для своих членов, а нам доставил множество развлечений, обогатил нас множеством сведений и в большой мере способствовал нашему намерению влиять на общественное мнение...»²⁶.

Бенджамин Франклин способствовал становлению свободной просветительской прессы и в других колониях. Так, в 1731 г. в ответ на просьбу законодательной ассамблеи Южной Каролины он отправил в Чарльстон своего давнего компаньона по печатному бизнесу Томаса Уитмарша для учреждения здесь первого периодического издания – «Газета Каролины» (*Carolina Gazette*) [6, р. 67]. Чуть позднее, в 1733 г., первая газета «Нью-Йоркский еженедельный почтальон» (*The New-York Weekly Post-Boy*) при его деятельном участии начала выходить в Нью-Йорке, а в конце 1740-х гг. – на малонаселенных Карибских островах.

Преобразования, проведенные Франклином в сфере журналистики и печатном деле, стали тем основанием, на котором в течение XVIII в. была построена «Литературная республика» Пенсильвании, а затем – всей колониальной Америки как сообщество литераторов и читающей публики,

---

²⁵ Франклин. 1987. С. 401.

²⁶ Там же. С. 440.

в котором царили критический дух, свобода и уважение к мнению, высказанному человеком любого происхождения, вероисповедания и воспитания. Юношеская мечта выдающегося просветителя о создании общества просвещенных и добродетельных людей, способных противостоять невежеству и порокам, нашла воплощение в Хунте, «Альманахе бедного Ричарда», публичной библиотеке в Филадельфии, Американском философском обществе и влиятельной газетной империи, покрывшей сеть типографий все атлантическое побережье. Более того, образование «Литературной республики» способствовало появлению в колониальной Америке в последней трети XVIII в. первых институтов гражданского общества, прежде всего, общественного мнения, которое постепенно, но неуклонно трансформировало традиционное общество североамериканских колоний Великобритании в общество модерна.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дружинина И.А., Дружинин А.В.* Философская мысль Бенджамина Франклина // Философский век. СПб., 2006. Вып. 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 1 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. С. 233-240.
- Левшина О.Н.* Научная мысль Бенджамина Франклина // Философский век. СПб., 2006. Вып. 31. Ч. 1. С. 62-73.
- Плешков В.Н.* Бенджамин Франклин – первый американский дипломат // Философский век: альманах. СПб., 2006. Вып. 31. Ч. 1. С. 15-35.
- Франклин Б.* Автобиография // Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. Франклин Б. Автобиография. Pamфлеты. Кревекер де Сент-Джон М.-Г. Письма американского фермера. М., 1987.
- Anderson D.* The Art of Virtue // The Cambridge Companion to Benjamin Franklin / Ed. by C. Mulford. Cambridge (Mass.), 2008. P. 24-36.
- Behrends J.-A.* Letter from October 28 1778 // The Papers of Benjamin Franklin: digital edition. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/630879=027-656a.html>.
- Franklin B.* Articles of Belief and Acts of Religion URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/621973=001-101a.html>.
- Franklin B.* Letter to Elizabeth Hubbard from February 22 1756 // The Papers of Benjamin Franklin. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/623443=006-421a.html>.
- Franklin B.* Letter to Joseph Huey from June 6 1753 // The Papers of Benjamin Franklin. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/623091=004-503a.html>.
- Franklin B.* From a Reader to the Printer // The Papers of Benjamin Franklin. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/622165=001-370a.html>.
- Franklin B.* On Literary Style // The Papers of Benjamin Franklin. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/622133=001-328b.html>.
- Franklin B.* Plain Truth // The Papers of Benjamin Franklin. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/622723=003-180a.html>.
- Franklin B.* Poor Richard's Almanac. N. Y., 2004.

- Franklin B.* The Busy-Body. № 4 // The Papers of Benjamin Franklin. URL: <http://www.franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp/621979=001-122a.html>.
- Frasca R.* Benjamin Franklin's Printing Network. Columbia, 2006.
- Griffith S.F.* "Order, discipline and a few Cannon": Benjamin Franklin, the Association, and the Rhetoric and Practice of Boosterism // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1992. V. 116. № 2. P. 131-155.
- Leo Lemay J.A.* The Life of Benjamin Franklin. Philadelphia, 2006–2009. V. 1–3.
- Morgan E.S.* Benjamin Franklin. New Haven, 2003.
- Wood G.* The Americanization of Benjamin Franklin. N. Y., 2004.
- Wright E.* Franklin of Philadelphia. Cambridge, 1986.
- Shields D.* Franklin and the Republic of Letters // The Cambridge Companion to Benjamin Franklin / Ed. by C. Mulford. Cambridge (US), 2008. P. 50-62.
- Smith J.A.* Printers and Press Freedom: The Ideology of Early American Journalism. N.Y., 1988.
- Spectator. 1711. № 10. URL: <http://www.gutenberg.org/files/12030/12030-h/12030-h/SV1/Spectator1.html#section10>.
- Николаева Александра Николаевна***, аспирант кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.П. Державина; alexandra.nik@mail.ru

Д. А. БУДЮКИН

МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ В «ПОВЕСТИ О РОЖДЕНИИ МОЕМ...» КНЯЗЯ И. М. ДОЛГОРУКОВА

В статье анализируются представления представителя знатной аристократической фамилии литератора князя И.М. Долгорукова (1764–1823) о монашестве и монастырях, в том числе в связи с их традиционной ролью в поддержании социального статуса и родовой коммеморации аристократии, выраженные в его воспоминаниях «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...».

Ключевые слова: князь И.М. Долгоруков, монашество, монастыри, коммеморация, Россия, дворянство, аристократия.

Монастыри традиционно играют важную роль в поддержании социального статуса и коллективной памяти аристократии. Вклад в монастырь не только является актом благотворительности, но также гарантирует донатору вечные молитвы о его душе монахов, по определению компетентных в молитве и поминовении¹. При этом такая забота о спасении в традиционной социальной системе была еще и своего рода символическим капиталом, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода, а также транслируя память о нем будущим поколениям. Как престиж, так и трансляция памяти в сословном обществе особенно важны и значимы для дворянской элиты.

Система поминания, развивавшаяся в России в XV–XVI вв. и достигшая расцвета на рубеже XVI–XVII вв., была сложной, разработанной и социально востребованной. Она пришла в упадок в XVII в. лишь потому, что было невозможно включить еще большее число имен в регулярное зачитывание поминальных списков. Кроме того, когда практика вкладов с целью вечного поминания в синодике перестала быть привилегией элиты, она потеряла привлекательность как символ престижа. Прошло сто лет с небольшим от первых признаков упадка элитной поминальной культуры до реформ Петра Великого, когда были найдены новые формы выражения престижа, а сам правитель отвел монастырям иную роль². Среди элиты традиционная православная культура поминания не исчезла полностью, но стала играть незначительную роль в кодексе поведения. Принимать участие в ней перестало считаться важным

---

¹ Штайндорф. 2009. С. 4.

² Там же. С. 16.

элементом престижа, и в XVIII в. «имя вкладчика утрачивает свой средневековый сакральный смысл»³. Для изучения факторов и последствий этого процесса имеет смысл рассмотреть представления аристократа XVIII века о монастырях, монашестве и монастырском поминовении.

Князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823), литератор, автор обширных мемуаров, по рождению принадлежал к высшей аристократии, традиционно заинтересованной в монастырской коммеморации. Большинство его предков и родственников похоронены в московских монастырях – Богоявленском и Донском⁴. В Донском монастыре впоследствии были похоронены он сам и его дети. Когда его жена была тяжело больна, врач «однажды не обинуясь ей сказал, чтобы она готовилась в Донской, ибо он уж не знает никаких средств к ее спасению»⁵, значит: то, что в случае смерти ее похоронят именно в Донском, само собой разумелось. Его знаменитая бабушка княгиня Наталья Борисовна была схимонахиней, а дядя князь Дмитрий Иванович – ослушником. Таким образом, монастыри должны были занимать важное место в жизни князя, и он вполне мог бы сохранить традиционные для его предков представления об аристократической *memoria* и о роли монастырей в ее поддержании.

В действительности анализ воспоминаний князя показывает совсем иную картину. Донской монастырь для него — просто родовое кладбище, очевидное и заранее известное место погребения его близких родственников, а впоследствии и его самого: «там некогда и весь род наш ожидать будет страшного суда»⁶. Никаких представлений о том, что погребение в монастыре и поминовение усопшего монахами увеличивают шансы на спасение души, в его мемуарах не прослеживается. Более того, будучи религиозным человеком⁷, он вообще относится к монашеству негативно. Рассказывая о Саровской пустыни, он пишет: «а четки ни в каких <руках> ни на что не нужны», и далее подробно раскрывает свое отношение к монашеству: «На что монастырь? На что монах? Покровительство праздности и тунеядству на счет слабоумных, кои, подавши на свечу гривну, думают закупить тем царство Божие». И, «ежели монастыри уже стали необходимы, то желательно, чтобы они все походили на Саровскую пустыню, ибо, быв в ней в разные времена, нашел, что в числе монахов многие трезвы, не все воняют и ни одного нет ханжи»⁸. Автор воспоми-

---

³ Сукина. 2007. С. 155.

⁴ Московский некрополь.

⁵ Долгоруков. 2004. С. 479.

⁶ Там же. С. 490.

⁷ Подробнее см.: Мельцин. 2006б.

⁸ Долгоруков. 2004. С. 314-315.

наний не понимает постригшегося в монахи дворянина: «В этой самой <Синаксарской> пустыне между монахами жил и сам был иноком г. Полтев, который, прослужа до бригадирского чина в провиантском штате, быв ближний родственник фельдмаршалу графу Чернышеву по его жене, удалился от большого света уже в немолодых годах и, наконец, в этой обители постригся. Хотел я его видеть, но его тогда не было дома или, может быть, он, одичав, от прежних знакомых своих скрывался. Многие, следуя его примеру, туда же из разных чинов приходили, но скоро скучали и выходили вон, а он один и доныне там остался»⁹.

Князь Иван Михайлович интересуется старинными монастырями как объектами историко-культурного наследия, часто посещает их «не с тем, чтоб молиться»¹⁰. При этом он нередко показывает свое раздражение по поводу богатства монастырей, обширности их владений, красоты занимаемых ими мест. «Когда мой язык выговаривает слово пустыня, то мысль с тем вместе представляет нечто пустое, пещеру, отдаленную от глаз посторонних, убежище в расселине каменной в пещере и горе необитаемой, а не собрание в прекрасном храме, сияющем фольгой и златом, нескольких тучных монахов, кои, пообедавши как сибариты, поют вечерню для единого только провождения времени и во уверение изумленным зрителям, что они иногда и в церковь ходят»¹¹. «Никто так искусно не выберет под поселение свое места, как монах. Взгляните на все монастыри, вы увидите, что всякий из них поставлен при лучших угодьях своей окрестности и пользуется наипрекраснейшими видами. Чему дивиться? Они в глубокой древности владели царями, как своими причетниками, и могли наклонять волю их куда хотели, а потому все им принадлежало, на что ни простирались завистливые их взоры»¹².

Полезность вкладов в монастыри и пожертвований на Церковь в целом, как для самого верующего, так и для общества, Долгорукову непонятна. «Боголюбивый человек наделал бы колоколов, окладов, утварей, которые бы никого не забавляли, и первые лишь сон отнимали своим звоном»¹³. Отрицательное отношение князя к его двоюродному деду, известному богачу графу П.Б. Шереметеву, не поделившемуся своим богатством с Долгоруковыми, полностью распространяется на масштабные жертвования его сына Николая в пользу монастырей. «Шереметев рассыпал большие подаяния в монастыри и пустыни. Лучше было бы отдать род-

---

⁹ Там же. С. 364.

¹⁰ Там же. С. 631.

¹¹ Там же. С. 315.

¹² Там же. С. 363-364.

¹³ Там же. С. 475.

ным своим то, что награбил дед его и отец, но святость в другом виде представлялась очам его. ...Он примирился с Богом окладами на иконы и куполами во храмах. Увидим, воспользуют ли ему сии пышные пожертвования в последний день»¹⁴. Рассуждая о постройке Н.П. Шереметевым Дмитриевского храма в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, Долгоруков вспоминает о малоинтересных ему старообрядцах: «Граф Шереметев во множестве своих крестьян имеет значущее число раскольников, они ему дают большие доходы, а он строит храмы Димитрию»¹⁵. По поводу скандального мезальянса Шереметева Долгоруков не высказывает явного осуждения¹⁶, а применительно к своему шурину С.А. Безобразову, женившемуся на своей крепостной, даже пишет, «что несправедливо виним мы тех, кои поступают на такие неравные браки»¹⁷. Однако в дальнейшем его мнение по этому вопросу меняется: «Нимало не приятно видеть, что дворянин, вельможа, воин или министр могут жениться на рабах своих и возить их под титлами, приобретенными кровию и заслугами, ко двору, где они ценою разврата своего, несмотря на их невежество, снискивают право похищать место и все политические почести у женщин гораздо их благороднее и добродетельнее». Рассуждая так, он делает вывод о необходимости правительственного контроля заключаемых браков, не вспоминая при этом о Шереметеве¹⁸.

Обращает на себя внимание, что Долгоруков практически ничего не пишет о женском монашестве и женских монастырях. Это невнимание вполне вписывается в известную в гендерной теории концепцию о социальной невидимости женщин¹⁹, но непосредственные его причины требуют дальнейшего прояснения. Например, рассказывая о городе Владимире, он пишет: «В монастыре женском почивают мощи св. Авраамия и привлекают туда один раз в год большое стечение черни»²⁰. Речь идет о знаменитом Княгинине монастыре – однако Долгоруков больше не пишет о нем ничего. О Киево-Флоровском (Фроловском) монастыре, где постриглась и жила его бабушка, князь тоже только упоминает²¹.

На фоне отсутствия у И.М. Долгорукова интереса к церковной коммеморации можно отметить, что и с памятью о своем происхожде-

---

¹⁴ Долгоруков. 2005. С. 98.

¹⁵ Там же. С. 118.

¹⁶ Там же. С. 98.

¹⁷ Там же. С. 261.

¹⁸ Там же. С. 427-428.

¹⁹ См., напр.: Поспелова. 2006. С. 283.

²⁰ Долгоруков. 2004. С. 578.

²¹ Там же. С. 14.

нии у него не все в порядке. Ему известно, что один из его предков «был женат на дочери касимовского царя, отменно богатого человека, от которого даже в род наш поступило село Волынское»²². Это соответствует действительности: как отмечает в примечаниях М.О. Мельцин, «прапрадед И.М.Д. кн. Юрий Яковлевич Хилков был женат вторым браком на внучке царя Касимовского. Их дочь княжна Прасковья Юрьевна в 1707 г. вышла замуж за кн. Алексея Григорьевича Долгорукова и в 1708 г. стала матерью кн. Ивана Алексеевича (деда И.М.Д.). В 1717 г. от дяди своего царевича Касимовского она получила в числе других имений село Волынское ...Московского уезда»²³.

Однако, когда Долгоруков поехал в Касимов, обнаружилось кое-что необычное. Он пишет, что на кладбище при мечети «с особой палаткой, где хоронили царский род» «нашел я гробницу каменную с полустертой надписью, но в которой я разобрал имя той, кого искал. Это был действительно мавзолей не пышный, но огромностью заметный, той музульманки, на которой женат был предок мой князь Долгорукий. Имя ее выставлено – Султан Фатьма». Далее И.М. рассуждает: «Отчего она, быв княгиня Долгорукова, погребена в музульманском кладбище в Касимове? Ужели, идучи замуж за христианина, не отреклась магометанского служения? Как допущен знатной фамилии человек жениться на татарке?»²⁴ Дело здесь, конечно, не в том, что касимовская прапрабабка мемуариста была княгиней Хилковой, а не Долгоруковой, и что звали ее Домна Васильевна, а не Султан Фатьма (кстати, ее бабушку действительно звали Фатима-султан)²⁵, а в том, что в России конца XVII в. князь Долгоруков ни при каких обстоятельствах не мог жениться на некрещеной мусульманке.

Немалый интерес представляет также отношение И.М. Долгорукова к усадьбе и усадебной жизни. Дело в том, что как усадьба, так и монастырь восходят к общему для них прообразу *hortus conclusus*, замкнутого пространства Рая-сада, соположенного с представлениями о Небесном Иерусалиме²⁶. Дополнительные коннотации усадьбы с монастырем возникают в связи с социальной замкнутостью и уединенностью усадебной жизни²⁷. В контексте этой взаимосвязи представляется впол-

---

²² Долгоруков. 2005. С. 114.

²³ Там же. С. 522.

²⁴ Там же. С. 115.

²⁵ См. подробнее: Мельцин. 2006а.

²⁶ Дмитриева, Куцова. 2008. С. 295. См. также: Желтикова. 2010; Настасиенко. 2006.

²⁷ Дмитриева, Куцова. 2008. С. 354.

не последовательной и закономерной доходящая до неприязни антипатия, которую князь высказывает в отношении жизни в усадьбе. Так, он пишет: «Проживши несколько дней в деревне и не вытерпя целой недели, я почувствовал сильную скуку, хотя хозяева истощили все свое старание на то, чтоб нам было с ними с одними как можно веселее, словом, мы перенесли с собой в деревню город и всю его роскошь. ... Уединение было мне противно, я чувствовал, что без людей, беседы или большого шума провести день для меня тягостно»²⁸.

Даже на склоне лет сельское уединение не стало для Долгорукова приятным: «осенью жить в деревне... не всегда в силах человеческих перенести»²⁹, при этом добавочным фактором негативного отношения к усадебной жизни становится отсутствие привычного в городе доступа к медицине, почте и большим церквям с благолепной службой³⁰.

Анализ «Повести о рождении моем...» князя И.М. Долгорукова позволяет сделать вывод о том, что ценности монастырской коммеморации не имеют для него никакого значения и, более того, традиционные для православия представления о значении монашества и монастыре в жизни общества совершенно им утрачены.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- Долгоруков И.М., князь.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... В 2 т. Т. 1 / изд. подг. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. СПб.: Наука, 2004. 816 с.
- Долгоруков И.М., князь.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... В 2 т. Т. 2 / изд. подг. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. СПб.: Наука, 2005. 728 с.
- Желтикова Г.В.* Роль Православной Церкви в становлении ландшафтной архитектуры в России // Православие, образование и воспитание молодежи: Духовные основы взаимодействия: материалы V Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (27-28 ноября 2009 г.; г. Липецк – Задонск). Липецк, 2010. С. 194-195.
- Мельцин М.О.* Из опыта составления генеалогического комментария к мемуарам князя Ивана Михайловича Долгорукова // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 18. СПб., 2006а. С.26–45.
- Мельцин М.О.* Религиозное воспитание кн. И.М. Долгорукова // Социально-гуманитарные науки в XXI веке: мировоззренческие основы общероссийской идеологии: сборник статей и тезисов докладов международной научно-практической конференции. Май 2006. Липецк: ЛГТУ, 2006б. С. 27-29.
- Московский некрополь / сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. В 3 т. Т. 1. СПб., 1907. XXIV+519 с.

²⁸ Долгоруков. 2004. С. 181.

²⁹ Долгоруков. 2005. С. 361.

³⁰ Там же. С. 403-404.

- Настасієнко Т.М.* “Hortus conclusus” у давньоруських монастирях: зародження та розвиток // Могилянські читання 2005 року: Зб. наук. пр.: Монастирські комплекси в контексті християнської культури. К.: Фенікс, 2006. С. 381-386.
- Поспелова О.В.* Трансформация дискурсивных рамок репрезентации женщин в советских и постсоветских СМИ (на примере СМИ г. Архангельска) // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы Международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют общество», Москва, 4-5 апреля 2005 г. М.: МЦГИ, 2006. С. 282-290.
- Сукина Л.Б.* Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря: антропологический ракурс источниковедческого исследования // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы IV Международной конференции. 29 сентября – 1 октября 2004 года. М.: Индрик, 2007. С. 148-158.
- Штайндорф Л.* Монастырские вклады и поминание в Московском государстве. Явление средних веков или раннего нового времени? URL: http://www.dhi-moskau.de/fileadmin/pdf/Veranstaltungen/2009/Vortragstext_2009-03-05_ru.pdf (дата обращения: 1 ноября 2011 г.).
- Будюкин Дмитрий Анатольевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала РАНХиГС; boudukin@yandex.ru

Ж. В. ПЕТРУНИНА, А. А. ШУНЕЙКО

КАРИКАТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПАЛЬМЕРСТОНА В РОССИИ XIX ВЕКА

В статье авторы обращаются к характеристикам, которыми был наделен британский политический деятель лорд Пальмерстон в XIX в. в отечественных публицистического и художественных текстах. Посредством анализа этих текстов выявлены наиболее популярные характеристики английского политика в России.

Ключевые слова: *Генри Джон Темпл виконт Пальмерстон, образ политического деятеля, российское общественное мнение XIX в.*

Образ Пальмерстона на протяжении всей его карьеры активно волновал представителей российской политической элиты¹. Свой пристальный интерес к этой государственной фигуре правящие круги передавали официальной пропаганде, а та, в свою очередь, населению.

В качестве передаточных звеньев использовались различные тексты публицистического и художественного характера, которые транслировались традиционными способами. К числу этих текстов относятся сатирические куплеты, стилизованные под народные песни: «Замыслы Пальмерстона, или и велик союз, да толку мало!» (автор обозначен Н.Щ...), «Пир Непира с Пальмерстоном» (автор не обозначен), «Ай! Ай! Ай! Вот попался невзначай!» (автор П. Зубов), «Переписка Непира с Пальмерстоном». Все эти тексты вместе с «Думой русского» (автор К. Козлов) были напечатаны отдельной брошюрой в 1854 г. Эти тексты ориентированы на разные литературные жанры. «Пир Непира с Пальмерстоном» – на песню, что указано в подзаголовке, «Ай! Ай! Ай! Вот попался невзначай!» – также на песню, а «Переписка Непира с Пальмерстоном» – на рифмованную переписку. Несмотря на различия в жанрах, все они являются образцами острой политической сатиры.

Помня о том, что сатирический образ, как правило, далек от реального, рассмотрим те характеристики, которыми сопровождается лорд Пальмерстон в этих текстах, а, следовательно, те характеристики, которые транслируются населению и формируют общественное мнение.

К числу этих характеристик относятся:

1. Пальмерстон является политическим деятелем. Эта реальная черта специально отдельно не обозначается, не акцентируется и не комментируется. Это происходит по двум причинам. Во-первых, она является очевидной, заведомо известной читателю, базовой и не нуж-

---

¹ *Петрунина, Шунейко. 2011.*

дающейся в озвучивании, лежит в сфере тривиальной информации, или даже трюизма. Во-вторых, своё развитие и воплощение она получает через совокупность иных черт, так или иначе, её воспроизводящих. Для авторов интересно не столько то, что Пальмерстон – политик, сколько то, какой именно он политик. Поэтому указание на политическую карьеру ограничиваются упоминанием политических действий: выступления в парламенте, общение с другими политиками, принятие политических решений, участие в политическом процессе. Именно через оценку этих действий и формируется сатирический образ Пальмерстона.

2. Пальмерстон воспринимается как сильно пьющий человек: «Вот интересная картина: / Парламент членами набит, / А Пальмерстон с стаканом джина / Речь на кафедре говорит»². «Загуляли так Непир и Пальмерстон, / Что от рюмочек у них ужасный стон». «Потому что прокутил вчера всю ночь / Так сегодня мне почти совсем не в мочь»³. «Так судили сэр Непир и Пальмерстон, / Пока оба не свалилися под стол»⁴.

Использование этой характеристики очень любопытно и не может быть интерпретировано однозначно. Русская культура не знает однозначно негативного отношения к пьяницам. Они устойчиво подвергаются осмеянию, они нигде не выставляются в качестве образца добродетели. Но при этом, в целом, они же вызывают не осуждение, а скорее, дружеское сочувствие и являются поводом для беззлобных насмешек. В этом смысле, можно предположить, что выставление Пальмерстона пьющим знаменует собою две черты. Во-первых, отечественные авторы и читатели воспринимают его по-панибратски – как чужого, но все же своего. Во-вторых, подчеркивание пьянства Пальмерстона является базой для обесценивания его политических решений и всех его действий. Оно предполагает иронически-панибратскую оценку: что с пьяного возьмешь, это он всё по пьяни наворотил. Образ Пальмерстона приближается к образу городского дурачка, над которым можно потешаться, но которого нельзя и не следует бояться, потому что его действиями руководит алкоголь.

3. Пальмерстон проводит агрессивную политику по отношению к России. «Он в этой речи уверяет, / что Севастополь нужно взять; / Возможным делом полагает / К Одессе подступить опять». «...Он жаждет с нами враждовать» «Пальмерстон стал так Непиру говорить / Слово дали мы Россию разорить»⁵. В этой характеристике на базе отражения политических реалий отчетливо видны традиционные способы создания образа

---

² Н.Щ. 1854. С. 3.

³ Пир Непира с Пальмерстоном. 1854. С. 11.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 2.

врага через приписывание человеку попыток лишить кого-либо независимости. Агрессия по отношению к России – это не безобидное пьянство, это крайне негативная черта – основа создания отрицательного образа. На ней базируется негативное восприятие Пальмерстона. Но агрессор надеется и иными чертами, которые входят в противоречие с ней, и вопрос о том, насколько серьезно следует воспринимать такого агрессора, оставляют открытым. В большей мере предполагают ответ: несерьезно.

4. Проводя свою политику, Пальмерстон не обращает внимания на мнение членов Кабинета и Парламента, часто находится с ними в конфронтации. «На это члены протестуют, / Не соглашаются порой; / Но Пальмерстон и в ус не дует, / России враг он записной!». «Но обратимся мы к собранью, / Где все толкуют об войне. – / Вдруг наступает там молчанье, / хранят безмолвье члены все. / Лишь Пальмерстон один в тревоге...» «лишь члены с этим не согласны: / «Неправда!.. вздор! – они кричат» Как ты мог надуть нас так? / Чтоб потом вовлечь в просак, / Отвечай-ка брат?»⁶. Эта характеристика отчетливо демонстрирует стремление создать образ Пальмерстона как легковесного политика. Этому же подчинены и многие другие характеристики.

5. По характеру своего поведения Пальмерстон импульсивен и нервен. «Он занят мыслью одною: / Ему все снится наш Крондштадт, / Он злится, топает ногою / Зачем Непир ушел назад». «... у воеводы гнуться ноги – / Письма еще он не читал». «...наш Пальмерстон чуть-чуть уж дышит, / Так сильно рад тому он стал». «...Лорд Пальмерстон плясать, невольно, / От радости в присядку стал». «...я хлопочу ведь не напрасно» Французам, Туркам он кричит». «Разорим ее, ну право же, божусь, / Вы коситесь, сыр Непир, я рассержусь!»⁷. Эти черты отчетливо противопоставлены неспешности, серьезности и степенному достоинству – традиционно воспринимающимися в России как заслуживающие уважение и предполагающие его. Уверенному в себе и в своих силах человеку суетиться и внешне проявлять эмоции нет никакой нужды. Так как описываемый Пальмерстон может вести себя только человек легковесный, лишенный какой-либо реальной силы и неуверенный в себе.

6. Политические успехи Пальмерстона редки и случайны, ему сопутствуют неудачи. «Таким известием довольный / (он прежде их не получал)...» Плохо, Пальмерстон, / Тебе, брат, со всех сторон. / Ай! Ай! Ай! / Вот попался невзначай»⁸. Черта, как и ряд сходных с ней, направлена на обесценивание политического значения Пальмерстона

⁶ *Зубов*. 1854. С. 9.

⁷ *Пир*... 1854. С. 2.

⁸ *Зубов*. 1854. С. 9.

7. Пальмерстон излишне оптимистичен: «Но Пальмерстон не унывает...» «А поднимемся на штуки, / Так авось погреем руки / Будет нам тепло». «Много тратить нам придется, / Да зато как доведется, / Втрое мы сдерем»⁹. Здесь, как и в случае с пьянством, Пальмерстону приписывается одна из стереотипно российских черт – привычка полагаться на авось. Это еще одна характеристика восприятия Пальмерстона как своего, а «своей» – управляем и безобиден. Характеристика, негативная для политика, оборачивается вполне нейтральной, привычной оценкой.

8. Пальмерстон не имеет представления о политической реальности, не обладает достоверными сведениями: «И весь Парламент уверяет, / Что слаб, бессилен Русский флот» «Мы кутили, да кутили. / Сообща определили, / Все наверняка. / Одно только прозевали, / Что в России не бывали – / Сами никогда / Что Русь знаем по наслышке, / По какой случится книжке, / Судим мы об ней»¹⁰. Это негативная характеристика, как и невнимание к мнению членов парламента, а также пятая и шестая характеристики, обесценивающая политический статус Пальмерстона.

9. Пальмерстон настойчив: «А Пальмерстон все понукает / Карлушу к делу приступить...»¹¹. Настойчивость нельзя отнести ни к числу негативных, ни к числу позитивных черт, поскольку оценка настойчивости зависит от того, к какому делу она прилагается. Если же учесть, что в данном случае речь идет о навязчивом стремлении проявлять агрессию по отношению к России, то само качество приобретает негативные черты.

10. Политическая аргументация Пальмерстона примитивна: «Ведь нам же будет стыд ужасный, / Коль Русь союз наш победит»¹². Перед нами очередная негативная характеристика Пальмерстона как политика. Исходя из характера аргументации, получается, что в качестве обоснования своих мыслей он приводит не соображения, связанные с высокой политикой, а обычные эмоции.

11. Пальмерстон может прислушиваться к чужому мнению, соглашаться с ним, если оно достаточно аргументировано. «Да, пожалуй, сэръ Непир, что ты и прав, / Я слышал сам, что у Русских крутой нрав»¹³. Перед нами редкая положительная характеристика Пальмерстона. Показательно, что она используется для того, чтобы подчеркнуть неукротимую силу и мощь русского народа. Таким образом, сама характеристика политического деятеля отодвигается на второй план. Пред-

---

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ *Н.Ш.*, 1854. С. 9.

¹² Там же. С. 10.

¹³ *Пир...* 1854. С. 3.

ставленная здесь характеристика перекликается с чертой, отмеченной под номером 8 «...Русь знаем по наслышке,...». Источник знаний Пальмерстона представляется в качестве крайне неопределенного.

12. Пальмерстон испытывает потребность в образе врага: «Значит Русских не придется нам скрутить, /А французов-таки надо проучить. / Ведь французы нам старинные враги, /С ними нам не печь, брат пироги. / Мы лихую штучку, право учиним, /Мы Француза с Туркой – просто разорим!»¹⁴. В данном случае представлена традиционная привычная для политического деятеля характеристика, связанная с использованием известного принципа «разделяй и властвуй». Эту характеристику нельзя отнести ни к негативным, ни к позитивным. Она нейтральна по своему характеру. Но, поскольку коварство Пальмерстона, в конечном счете, направлено против России, авторы стремятся создать образ хитрого, изворотливого врага.

13. Концепция политического взаимодействия Пальмерстона предполагает, что нет постоянных противников и союзников в чистом виде: «Турок нам хоть и не враг; но мы его / Так турнем, что не отыщет ничего». / «Все останется для пользы только нам, / А француз-то думал: мы с ним пополам» / «Назови он в дележе, чуть что своим / Так уж мы его по-свойски угостим»¹⁵. «Да к тому же и кругом, / И не сосчитать!». «Помогать мы туркам будем, /И себя не позабудем: /Их же оберем / Нам враги всегда французы – /Заклучим с ними союзы / И надуем их. /Пусть каштаны /Из огня – да помогают /Набивать карман. /Мы с жидами в большой дружбе /Так помогут-же нам в нужде, / Денежный народ!. «Мы с французом подружились, /Да и к туркам-то подбились / Старую лисой»¹⁶.

В данном случае мы имеем дело с развернутыми описаниями реального политического принципа Пальмерстона, который он озвучил в британском парламенте 1 марта 1858 г. при обсуждении внешней политики Империи: «У нас нет вечных союзников и у нас нет постоянных врагов; вечны и постоянны наши интересы. Наш долг – защищать эти интересы». Этот принцип не только использовался самим Пальмерстоном, но оказался очень жизнеспособным и продолжает существовать ныне. Качества политического принципа оцениваются степенью его эффективности. В текстах русской сатиры он предстает в качестве негативного и является свидетельством нравственной нечистоплотности пропагандирующего его человека. Но сам он, как политическая сатира,

---

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Зубов*. 1854. С. 3-4.

лишен оценки. Авторы сатирических текстов переносят действие политических принципов в личностный план, заостряют его и тем самым создают неприятный образ.

14. Пальмерстону несвойственна осторожность: «Да подслушивать кому же нас нужда? / А подслушают – неважная беда»¹⁷. Эта черта перекликается с чертой, отмеченной под номером 5: импульсивность и нервозность отодвигают заботу об осторожности на второй план и формируют представления о вседозволенности и отсутствии опасности.

15. Пальмерстон – хвастун. «Ах, нахвастал я изрядно...»¹⁸. Хвастовство в русской картине мира устойчиво воспринимается как негативная черта, свойственная людям, лишенным реальных успехов и достижений или оснований для их получения. Все это согласуется с иными негативными чертами Пальмерстона.

16. Пальмерстон не умеет планировать действия: «Ай! Ай! Ай! / Вот попался невзначай! / Ах, нахвастал я изрядно / И затеял так нескладно / С Русскими войну». / «Не хотел я поучиться / И пришлось теперь срамиться» / Плохо господа!¹⁹. Рассчитал кажись я складно, / Да вот вышло-то неладно, / Шутка-то плохо»²⁰; «Ну уж ловко я попался, / До тебя Русь добирался, / А наткнулся сам»²¹. Эта характеристика четко вписывается в круг иных негативных характеристик Пальмерстона и логично с ними согласуется. Так, неумение планировать действия связано и с отсутствием достоверной информации, и с отсутствием осторожности, и с импульсивностью.

17. Пальмерстон обладает даром убеждения: «В Парламенте и в Палате / Хоть я хвастал – да все кстати, / Соглашались все». / По догадкам Русь мы знали / Так мне верили – молчали / Наши члены все. / Ведь у нас, (то всякий знает) / Тот оратор побеждает / Кто перекричит. / А нахвастать, накричать / Так меня на это взять, / Уж куда горазд. / Вот я членов всех уважил, / Всю Палату взбудоражил, / Все кричат: война!»²² Если отвлечься от характеристики реального лица, то умение убеждать – безусловно, позитивная характеристика, обязательное для политика качество. Но авторы текстов посредством описания процесса убеждения и эту характеристику оборачивают в негативную. Из текстов следует, что Пальмерстон убеждает за счет того, что хвастается, кричит, будоражит

---

¹⁷ Пир... 1854. С. 5.

¹⁸ *Зубов*. 1854. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Там же. С. 4.

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 2.

членов парламента, т.е. использует методы и приемы, свойственные в народном представлении городскому дурачку-крикуну. Это согласуется с характеристикой номер 2. Получается, что авторы текстов, с одной стороны, не могут полностью уйти от исторической реальности и просто отрицать политический вес и значение Пальмерстона, а с другой – окрашивают, придают этому весу характер буффонады.

18. Пальмерстон амбициозен и честолюбив. «Не спалось мне и не елось, / Отличиться все хотелось / И героем быть»²³. Стремление к геройству нейтральная характеристика с доминированием положительных черт.

19. Пальмерстон обладает некоторыми сведениями: «Да к тому же и кругом / Задолжали мы кругом / И не сосчитать»²⁴. Эта характеристика противопоставлена характеристике под номером 8. Ее появление также связано с тем, что авторы не могут полностью перечеркнуть политическую реальность. В то же время, как и в иных случаях, демонстрация позитивной характеристики связана с негативным упоминанием о долгах.

20. Пальмерстон не умеет оперативно принимать решения. «Что мне делать, я не знаю, / Поминутно ожидаю, / Что меня тряхнут. / У меня теперь забота: / Ну, потребуют отчета – / Что мне говорить?»²⁵. Характеристика четко согласуется со всеми иными негативными характеристиками: отсутствие информации, импульсивность, неумение планировать действия и другими. В ситуации, когда речь идет о реальном военном противостоянии, эта характеристика особенно сильно снижает образ противника, поскольку он предстает в качестве лица, неспособного вести себя в изменяющихся условиях.

Суммируя находящиеся в сатирических текстах оценки можно сказать, что перед массовым читателем Пальмерстон предстает в качестве импульсивного, хвастливого, нервного, сильно пьющего легковесного политика, который не умеет планировать действия и оперативно принимать решения, не обращает внимания на мнение членов Кабинета и Парламента, испытывает потребность в образе врага, проводит агрессивную политику по отношению к России; его политические успехи редки и случайны, поскольку он не имеет представления о политической реальности. Вместе с тем, Пальмерстон амбициозен и честолюбив, может прислушиваться к чужому мнению, соглашаться с ним, если оно достаточно аргументировано, обладает даром убеждения. В этом образе минимум поло-

---

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 8.

жительных черт. Он близок образам «городского дурачка», или бодливой коровы, которой Бог рог не дал.

Конечно, этот образ очень далек от реальности и не является единственным. Показательно в этой связи, что статья, посвященная смерти лорда Пальмерстона, заканчивается таким выводом: «Кроме того, своею популярностью обязан Пальмерстон и своим личным качествам. Он был не только прекрасный оратор, но и превосходный говорун на митингах, чрезвычайно любезен в обращении, и оказывал особенное пристрастие ко всему английскому. Наконец, долговременное его участие в делах политических заставило с ним свыкнуться его сограждан. Они его видели всюду, где только проявляются любимые стороны английской деятельности, начиная с парламента и кончая дербийскими скачками. А это обстоятельство тоже немало способствует к упрочению популярности. Полезно брать уроки у таких врагов!»²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

Зубов П. Ай! Ай! Ай! Вот попался невзначай! СПб., 1854. С. 1-9.

Н.Щ. Замыслы Пальмерстона, или велик союз да толку мало. СПб., 1854. С. 3-13.

Пир Непира с Пальмерстоном. СПб., 1854. С. 1-5.

Петрунина Ж.В., Шунейко А.А. «Воевода Пальмерстон»: образ английского политика в России XIX в. // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. М., 2011. С. 283-290.

Политические новости//Отечественные записки. СПб., 1865. Т. 163. С. 1-20.

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; *petrunina71@bk.ru*

Шунейко Александр Альфредович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета; *shuneyko@knastu.ru*

---

²⁶ Политические новости. С. 16.

Е. В. РЯЖСКИХ

**«Я ЖИВ ТВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ...»
СЕМЬЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ГЕРМАНИЮ ИЗ СССР**

В статье рассматривается роль семьи как основного фактора ресоциализации немецких военнопленных после их возвращения в Германию из плена в СССР во второй половине 1940-х годов.

Ключевые слова: Восточная Германия, Западная Германия, ресоциализация, немецкие военнопленные, семья.

Спустя почти семьдесят лет после окончания второй мировой войны тема военного плена не перестает быть актуальной. Начало XXI века ознаменовалось многочисленными локальными войнами и вооруженными конфликтами, неотъемлемой частью которых является военный плен.

В ходе второй мировой войны в руках союзников по антигитлеровской коалиции оказалось от 8 до 11 млн. немецких военнопленных, в том числе более 2 млн. человек попали в советский плен¹. В 1945–1955 гг. большая часть немецких военнопленных вернулась на родину, где им пришлось пережить сложный процесс адаптации к новым условиям послевоенной Германии. Интеграция в общество бывших солдат и офицеров вермахта стала одной из основных социальных проблем страны. Многочисленность названной группы лиц и многогранность опыта Германии в решении этой проблемы определяют ее актуальность вплоть до сегодняшнего дня. Одним из важнейших факторов ресоциализации немецких военнопленных после их возвращения из советского плена являлась семья, которой и будет посвящена данная статья.

Особенности ресоциализации немецких военнопленных затрагивалась многими зарубежными историками, социологами, психологами. Исследования в этом направлении начались уже в конце 1940-х гг. В 1956 г. состоялся 4-й Конгресс Немецкого общества сексуальных исследований (Deutsche Gesellschaft für Sexualforschung). Был издан сборник, в котором рассматривались основные направления ресоциализации бывших военнопленных, в том числе их семейные проблемы².

Фундаментальные труды, посвященные военному плену и ресоциализации репатриантов, вышли в свет в 1980-е гг. Среди них следует

---

¹ Всеволодов. 2010. С. 103-104.

² Die Sexualität des Heimkehrers. 1957.

отметить исследование А. Лемана «Плен и возвращение домой»³. В заключительной части книги автор представил проблему адаптации граждан Германии, вернувшихся домой из советских лагерей, уделив большое внимание аспектам психологического восстановления человека после возвращения из военного плена. В 1998 г. вышел сборник статей «Возвращение домой 1948»⁴, в котором анализировались семейные проблемы репатриантов, роль общественных и религиозных организаций, политических партий в процессе адаптации бывших военнопленных. Зарубежные историки акцентировали при этом свое внимание на процессе ресоциализации немцев, вернувшихся в Западную Германию.

В России к истории военного плена обращались такие исследователи, как В.Б. Конасов, И.В. Безбородова, А.Л. Кузьминых, Н.В. Суржикова и др. Отдельные вопросы интеграции репатриантов в послевоенное германское общество затрагивал в своих работах В.А. Всеволодов⁵. Ему удалось проанализировать процесс возвращения немецких военнопленных на родину, сделав акцент на правовом обеспечении репатриации. В целом российские ученые не касались проблемы семейной ресоциализации бывших немецких военнопленных и заканчивали свои исследования на процессе репатриации.

Настоящая статья базируется, прежде всего, на документах, хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА), в частности материалах фонда Антифашистского отдела при политотделе Главного управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР⁶. Кроме того, были использованы тексты интервью, проведенных сотрудниками Регионального центра устной истории в г. Воронеж в рамках проекта устной истории «Немецкие военнопленные в Воронеже и Воронежской области»⁷.

Возвращение военнопленных в Германию было сопряжено с решением ряда проблем, среди которых наиболее важными являлись возобновление социальных связей, приобретение новых, поиск семьи, преодоление барьеров в общении с близкими. Одиноким людям стремились найти партнеров для совместной жизни. Большинство военнопленных имело при этом проблемы со здоровьем, что усложняло ситуацию. Последствия пребывания в плену долго сказывались на состоянии психики репатриан-

---

³ *Lehmann* 1986.

⁴ *Heimkehr* 1948. 1998.

⁵ *Всеволодов*. 2007. С. 228–255; Он же. 2010.

⁶ РГВА. Ф. 4П. Оп.11. Д. 176. Т. 2.; Ф.4П. Оп. 11. Д. 176. Т. 7; Ф. 4 П. Оп. 12. Д. 176. Т. 3, Ф.4П. Оп. 14. Д. 123, Ф. 4П. Оп. 12. Д. 176. Т. 4.

⁷ Интервью с бывшим военнопленным. 2010. С. 200.

тов и не могли не воздействовать на процесс семейной ресоциализации. Война, ранения, плен, смерть окружающих, голод являлись основными факторами, повлиявшими на изменение душевного состояния бывших военнопленных. Сопутствующее воздействие имели: недостаточный уход, низкий уровень гигиены, инфекции, истощение, перенесенное или сопержитое насилие, длительный срок пребывания на чужбине.

Очевидно, что возвращение на родину могло быть причиной развития стресса у репатриантов. В самом деле, врачи наблюдали у них расстройства психики во время медицинских осмотров в лагерях освобождения и поликлиниках, выделяя такие симптомы, как немотивированная бдительность, взрывная реакция, навязчивости, притупленность эмоций, возбужденность, агрессивность, нарушение памяти и концентрации внимания, депрессия, тревожность⁸. Как правило, эти отклонения исчезали через несколько месяцев пребывания на родине, после чего репатрианты отказывались от предоставленной психологической помощи⁹. Однако в отдельных случаях врачи ставили такой диагноз, как невроз. Основным психотравмирующим фактором его развития являлось изменение социального статуса бывших солдат и офицеров вермахта. В частности, принадлежность вооруженным силам нацистской Германии была до военного поражения фашизма общественно значимой позицией и считалась признаком мужественности. Особое значение в формировании самооценки солдат и офицеров играло отношение к элитным войскам. Общество при этом не критично относилось к их поведению, ибо они, якобы, лишь выполняли приказы командования. При этом до капитуляции Германии большинство немцев, находившихся в советских лагерях, верили в победу и героизм вермахта. Поражение «третьего рейха» было воспринято значительной частью военнопленных как большая трагедия. Более того, возвращение из плена принесло бывшим солдатам и офицерам вермахта разочарование, так как они не получили в обществе того уважения, на которое рассчитывали. У части военнопленных произошло осознание бессмысленности проигранной войны, жертв и лишений¹⁰.

Неблагоприятным фактором, влиявшим на развитие стресса, могла быть неблагоприятная ситуация в семье, в том числе смерть близких, развод или одиночество. Однако развитие неврозов определялось в первую очередь эндогенными факторами. Неврозы возникали, прежде всего, в тех случаях, когда личность бывшего военнопленного имела склон-

---

⁸ Schmitz. 1949. S. 303.

⁹ Hoff. 1957. S. 61.

¹⁰ Lehmann. 1986. S. 143.

ность к патохарактерологическому развитию, а внешние условия стимулировали это развитие¹¹.

Некоторые репатрианты отмечали, что долгое время после возвращения их преследовали ночные кошмары. Содержание снов было зачастую сходным. Бывшим военнопленным снилось, что они приехали домой только в увольнение и обязаны вернуться назад в лагерь. К. Фрицше, освобожденный из плена в 1949 г., отмечал: «В первые годы после возвращения мне регулярно, не менее двух-трех раз в месяц, снились страшные сны: будто я нахожусь дома, но точно знаю, что из плена попал сюда по временной увольнительной. Выход из положения ищу в бегстве, но куда бы я не бежал, путь мой везде преграждают чудовища в человеческом облике, держащие винтовку с примкнутым штыком. Бегу куда попало, и, наконец, просыпаюсь, мокрый от пота. Сны с годами снились все реже, но понадобилось 30 лет, чтобы окончательно разделаться с ночными кошмарами»¹². К проявлениям неврозов относились фобии бывших военнопленных. Так, например, многие панически боялись голода, и лишь после длительной реабилитации им удавалось преодолеть этот страх.

Бывшие немецкие военнопленные вспоминали, что в советских лагерях они никогда не могли остаться наедине с собой. Вокруг всегда была сутолока, не хватало места. Последствия долговременного пребывания в пространственно стесненных условиях и многолюдья сказывались после возвращения. Многие вернувшиеся отмечали, что у них возникало желание уединиться, минимизировать контакты с близкими¹³. При этом часть военнопленных отказывалась говорить об опыте, полученном в плену.

В отдельных случаях расстройств психики бывших военнопленных приводили к самоубийствам. Так, например, в 1954 г. в Гамбурге среди причин смертности бывших военнопленных на первом месте стояли суициды и только на втором - инфаркты. При этом средний возраст людей, покончивших жизнь самоубийством, был старше 45 лет¹⁴. В предсмертной записке бывший военнопленный Вальтер Кноф объяснил свой поступок так: «Это горько, если нельзя радоваться возвращению домой. Для меня это больше наказания. Мое будущее неизвестно, и я нахожусь среди неизвестных людей. Это страшно»¹⁵.

Первоочередной задачей для вернувшихся военнопленных являлось налаживание контакта с родственниками. Война и ее последствия

---

¹¹ Hoff. 1957. S. 62.

¹² Фрицше. 2006. С. 199.

¹³ См. подробнее: Lehmann. 1986. S. 162–163.

¹⁴ Kilian. 1957. S. 32.

¹⁵ Berliner Zeitung. 1948. № 51. S. 2.

заставили многих людей поменять место жительства. Поиском семьи репатрианты могли заниматься самостоятельно. Гюнтер Венцель рассказал в интервью, что он нашел свою семью через знакомых, когда еще находился в лагере: «В плену я имел возможность писать письма моим родителям, окольным путем я нашел моих родителей в Ризе. Я смог сообщить им, что надеюсь вернуться домой»¹⁶.

Семья, как универсальный социальный институт, являлась основным фактором ресоциализации военнопленных после возвращения на родину. В то же время, по мнению психологов, восстановление отношений с близкими стало для большинства репатриантов и самым сложным этапом в процессе адаптации¹⁷. Однако его успешность или безуспешность влияла на все остальные сферы жизни.

Возобновление контактов с близкими в значительной степени зависело от пережитого в плену. Репатрианты нередко замыкались в себе, были неразговорчивы. Причины такого поведения зачастую заключались в том, что, будучи на чужбине, они идеализировали жен и детей. Воспоминания о близких помогали переносить все тяготы пребывания в плену. После возвращения бывшие военнопленные нередко испытывали чувство разочарования, ибо реальность была далека от идеала¹⁸. При этом ситуацию усложнял кризис социальных институтов, характерный для послевоенного германского общества, в том числе кризис семьи и брака¹⁹.

Отношения между мужчинами и женщинами изменились. Основной причиной этого явилось длительное отсутствие мужчин, ушедших на войну. Женщинам пришлось взять на себя функцию обеспечения семьи. Возвращение мужей зачастую не меняло ситуацию. Бывшие военнопленные не всегда находили работу, а состояние здоровья не позволяло им взять на себя функцию кормильца семьи. Это увеличивало самостоятельность женщин в решении финансовых вопросов и вело к их эмансипации в целом. Проблема перераспределения семейных ролей имела и психологический подтекст. Жены, пережившие тяжелую войну и одиночество, ожидали от своих мужей поддержки и понимания. Мужчины, в свою очередь, стремились вернуть все привилегии и положение главы семьи; состоявшаяся эмансипация женщин зачастую воспринималась ими негативно. Семейные конфликты возникали, прежде всего, вокруг разделения труда и права самостоятельного принятия решения

---

¹⁶ Интервью с бывшим военнопленным. 2010. С. 200.

¹⁷ *Kilian*. 1957. S. 34.

¹⁸ *Ibid*. S. 28.

¹⁹ *Schneider*. 1998. S. 192.

каждым из супругов, сближению которых препятствовал разный опыт и длительная разлука. Нередко ситуация приводила такие пары к разрыву. В письмах, отправленных бывшими военнопленными в СССР после возвращения, причины расставания объяснялись следующими формулировками: «...жена моя не могла меня больше любить... можно иметь жену только в том случае, если она понимает мужа...»²⁰, «...по возвращении домой я застал разбитую семью...»²¹.

В 1946 г. по всей Германии резко увеличилось число разводов. В соответствии со статистическими данными, приведенными немецкой исследовательницей Ф. Шнайдер, число разводов, зарегистрированных в 1948 г., составило в Западной Германии 87 013, в советской зоне оккупации - 37 909, в Берлине - 15 363. Эти цифры значительно превышали показатели 1939 г., когда по всей стране было зафиксировано 56 302 случая расторжения брака²².

Не менее сложным аспектом семейной интеграции репатриантов являлось налаживание контактов с детьми, возраст которых имел при этом определенное значение. Маленькие дети знали отцов только по фотографиям и рассказам матерей. Появление отца в качестве нового члена семьи часто вызывало у детей негативную реакцию. Идеализированные образы отцов не совпадали с реальными мужчинами. Более того, дети чувствовали себя обделенными, поскольку внимание матерей переключалось на вернувшихся из плена мужей. Отцы в свою очередь активно включались в процесс воспитания. Разрушение устоев неполной семьи воспринималось сыновьями и дочерьми отрицательно.

Конфликты возникали и с взрослыми детьми, привыкшими жить без отца. Сыновья являлись опорой для матери и воспринимали неизбежное после возвращения отца перераспределение ролей как ограничение свободы принятия решений. Непонимание возникало и с дочерьми, которые не были готовы принять опеку и прислушаться к советам вернувшегося домой отца, далекого от реалий послевоенной Германии.

Особенно тяжело переживали свое положение военнопленные, узнавшие, что они были отнесены к категории пропавших без вести или погибших, а их супруги вступили в брак и даже имеют детей в новых семьях. Такие случаи нередко становились сюжетом для сценариев книг,

---

²⁰ Письмо бывшего военнопленного К. Нерлиха полковнику Серебряйскому // РГВА. Ф. 4 П. Оп. 12. Д. 88. Л. 123.

²¹ Письмо бывшего военнопленного Г. Вольфа В. Галлу. 30.01.1949 // РГВА. Ф. 4 П. Оп. 12. Д. 89. Л. 47 об.

²² *Schneider*. 1998. S. 194.

кинофильмов²³. Наибольшую известность приобрела пьеса В. Борхерта «За дверью»²⁴.

Особую категорию составляли одинокие военнопленные. Их главной задачей являлся поиск партнерши для создания семьи. Молодые люди нередко испытывали сложности в контактах с девушками. Это было обусловлено отсутствием опыта общения с представительницами противоположного пола в связи с длительным пребыванием в плену. Незамужние женщины занимались в первую очередь поиском пропитания и подходили к проблеме поиска партнера рационально. Это вызывало удивление со стороны репатриантов, романтизовавших отношения с дамами. Бывший военнопленный В. Айерман сделал следующий вывод: «До сего времени я разочаровался только в девушках... Никакого следа идиллии в характере. У меня даже дух захватило. Таким образом, я занимаю выжидательную позицию...»²⁵.

Стратегия выбора супруги у бывших военнопленных была различна. Нередко они выбирали себе более молодых партнерш. Неопытные мужчины боялись сексуальных притязаний ровесниц. Причины этого крылись в длительном нахождении в плену. Как отмечает немецкий историк А. Леман, годы плена были периодом сексуального воздержания. Голод и физические нагрузки замораживали потребности этого уровня²⁶. С другой стороны, когда условия содержания военнопленных в СССР улучшились, восстановились и сексуальные функции организма. Однако, для гетероориентированных мужчин возможности реализации потребностей в привычной форме отсутствовали. По некоторым сведениям, от 15 до 20% военнопленных состояли в лагерях в гомосексуальных связях, причем определенная часть молодых людей имела только такие контакты²⁷.

После возвращения на родину у части военнопленных был установлен ряд сексуальных нарушений, основной причиной которых, как отмечал В. Франкл, стали психологические последствия плена. Наиболее распространенным диагнозом являлась временная импотенция²⁸.

Серьезной проблемой для военнопленных стало заключение скоропалительных браков. Решение о свадьбе принималось быстро, после нескольких встреч. При этом в роли будущей супруги могла выступать

---

²³ Подробнее см.: *Trinks*. 2002.

²⁴ *Борхерт*. 2000.

²⁵ Письмо бывшего военнопленного В. Айермана в лагерь для немецких военнопленных в СССР, август 1949 // РГВА. Ф. 4 П. Оп. 12. Д. 88. Л. 41.

²⁶ *Lehmann*. 1986. S. 149.

²⁷ *Kilian*. 1957. S. 34.

²⁸ *Frankl, Roth*. 1957. S. 68.

первая женщина, которая оказала внимание репатрианту. Не мудрено, что такие союзы быстро распались²⁹.

Основным методом преодоления кризиса в семьях репатриантов стало создание специализированных консультаций. Реализация данной задачи в Восточной и Западной Германии осуществлялась на разных уровнях.

31 июля 1946 г. Немецким центральным управлением здравоохранения (Deutsche Zentralverwaltung für Gesundheitswesen) в Восточной Германии была принята «Директива для семейных и сексуальных консультаций» («Richtlinien für Ehe- und Sexualberatungsstellen»)³⁰. Организация этих консультаций входила в обязанность органов здравоохранения на местах. В их функции входило: сексуальное воспитание молодых людей, помощь в преодолении проблем, связанных с вопросами пола, предоставление информации в области семейного права, содействие при решении бытовых конфликтов, воспитания детей³¹.

В Западной Германии создание консультаций не было централизованным. Первые учреждения такого типа появились в 1945 г. Они создавались не только на государственном уровне, но и под эгидой благотворительных обществ и церкви³².

Возвращение из плена не означало, что все проблемы бывших военнопленных были решены. Успешность их интеграции в общество зависела, прежде всего, от ресоциализации в семье. Утверждению репатриантов мешали, однако, разный опыт супругов в годы разлуки, отсутствие взаимопонимания между детьми и вернувшимися из плена отцами, вошедшее в привычку одиночество партнеров. Соответствующие меры государства и общества могли способствовать преодолению этих проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борхерт В.* За дверью: избранное/ Послесл. Г. Белля. Гамбург: Ровольт Ташенбух Ферлаг, 2000. 120 с.
- Всеволодов В.А.* Интеграция бывших немецких военнопленных в послевоенное германское общество (1945–2000) // Россия и Германия. М.: Наука, 1998. Вып. 4. 2007. С. 228–255.
- Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.)». М.: Московский издательский дом, 2010.

---

²⁹ Подробнее см.: Lehmann A. 1986. S.152-153.

³⁰ Schneider F. 1998. S. 202.

³¹ Ibid. S. 203.

³² Ibidem.

- Интервью с бывшим военнопленным, ныне гражданином ФРГ Гюнтером Венцелем // Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью/ сост., отв. ред. Н.П. Тимофеева. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 196–213.
- Письмо бывшего военнопленного В. Айермана в лагерь для немецких военнопленных в СССР, август 1949 // РГВА. Ф.4 П. Оп. 12. Д.88. Л. 41.
- Письмо бывшего военнопленного Г. Вольфа В. Галлу. 30.01.1949 // РГВА. Ф.4 П. Оп. 12. Д. 89. Л. 47 об.
- Письмо бывшего военнопленного К. Нерлиха полковнику Серебряйскому // РГВА. Ф.4 П. Оп. 12. Д. 88. Л. 123.
- Фрицше К.* Вынужденная посадка: записки немецкого военнопленного. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2006. 205 с.
- Хендрикс И.* Часы. Документальная повесть из жизни военнопленного немецкого унтер-офицера. М., 2001. 44 с.
- Frankl V.F., Roth G.* Zur Therapie reaktiver Sexualneurosen beim Heimkehrer // Die Sexualität des Heimkehrers. Vorträge Gehalten auf dem 4. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Sexualforschung in Erlagen 1956. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag. 1957. S. 65-72.
- Hoff H.* Die Psychohygienische Aufgabe// Die Sexualität des Heimkehrers. Vorträge Gehalten auf dem 4. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Sexualforschung in Erlagen 1956. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag. 1957. S. 59-65.
- Kilian H.* Das Wiedereinleben des Heimkehrers in Familie, Ehe und Beruf // Die Sexualität des Heimkehrers. Vorträge Gehalten auf dem 4. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Sexualforschung in Erlagen 1956. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag. 1957. S. 27-38.
- Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr: deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion/ Albrecht Lehmann. München: Beck, 1986. 201 S.
- Michael M.* Die Tiefe des psychologischen Traums bei der Totalverordnung// Die Sexualität des Heimkehrers. Vorträge Gehalten auf dem 4. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Sexualforschung in Erlagen 1956. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag. 1957. S. 50-59.
- Schmitz W.* Kriegsgefangenschaft und Heimkehr in ihren Beziehungen zu psychischen Krankheitsbildern // Der Nervenarzt. 1949. N 20. S. 257–259.
- Schneider F.* Ehen in Beratung // Heimkehr 1948: Geschichte und Schicksale deutscher Kriegsgefangener / hg. A. Kaminsky. München: Beck, 1998. S. 123–142.
- Tragödie eines Kriegsgefangenen // Berliner Zeitung. 1948. № 51. S. 2.
- Trinks R.* Zwischen Ende und Anfang. Die Heimkehrerdramatik der ersten Nachkriegsjare (1945–1949). Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 2002. 291 s.
- Рязжских Екатерина Васильевна**, специалист Регионального центра устной истории. Воронежский государственный педагогический университет; eryazhskih@mail.ru

Н. С. Авдони́на

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ (1979 – 1989)

Автор рассматривает сформированный в поле массмедиа политический миф о войне в Афганистане (1979–1989) и те последствия, которые это имело для дальнейшего восприятия военного конфликта обществом.

Ключевые слова: война в Афганистане (1979-1989), историческая память, политический миф, «Афганский излом», массмедиа.

За время своего существования любая нация накапливает объемный багаж исторической памяти, выражающийся в памятных датах, веках жизни и творчества выдающихся людей. Празднованием подобных событий укрепляется коллективная память. Нередко восприятием определенных исторических событий манипулируют разные общественно-политические группы (т.н. политизация исторической памяти). Примечательный всплеск активности исторического сознания пришелся на период перестройки. Тогдашний интерес объяснялся политической задачей провести явную разграничительную линию между «новым политическим мышлением» и прошлыми «ошибками и заблуждениями».

В отношении продолжавшейся войны в Афганистане (1979–1989) правительство М. С. Горбачева демонстрировало качественные отличия от прошлой власти и отрекалось от решения ввести войска в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Информационные ресурсы массивно использовались для закрепления в историческом сознании россиян представления о перестройке как о времени, когда была прекращена война в Афганистане, а решение о ее развязывании было осуждено с позиций морали и политики¹.

Поскольку завершалась война, большая часть которой прошла в неизвестности, именно средствами массовой информации предстояло решить задачу актуализации и сохранения исторической памяти о конфликте. В печати публиковались полосы, посвященные не столько войне, сколько ветеранам. «Комсомольская правда» призывала читателей включиться в процесс создания книг памяти по районам, городам или областям². Главной целью подобных мероприятий было сохранение памяти о солдатах, сынах отечества. Однако дальше призыва СМИ не пошли.

---

¹ Более подробно см.: Глухов. 1989; Горохов, Окулов. 1988; Снегирев. 1989.

² Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.

Если для массмедиа информационный повод войны был упущен – основные боевые действия завершились, а с 1986 г. начался процесс планомерного вывода войск, и основное внимание было приковано к социальным проблемам ветеранов, то для кинематографа осмыслить прошедшую войну с позиций искусства, а значит, культурных символов, становилось весьма актуальной задачей. О войне в Афганистане снято немало кинолент: «Жаркое лето в Кабуле» (1983), «За все заплачено» (1988), «Сержанта» (1988), «Опаленные Кандагаром» (1989), «Груз 300» (1989), «Афганский излом» (1991), «Нога» (1991), «Караван смерти» (1991), «Мусульманин» (1995), «9 рота» (2005). В ряде фильмов война является лишь необходимым сюжетным фоном, но в некоторых действие разворачивается непосредственно в Афганистане.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить идеологический и политический конфликт исторической памяти в процессе медиатизации войны в Афганистане.

Мы отталкиваемся от того, что историческая память есть совокупность осмысленных обществом событий. Особенно глубоко в ней запечатлеваются трагические ситуации – катастрофы, бедствия, войны, революции. Историческая память является видом коллективной (социальной) памяти, но ее основа сплетена из индивидуального опыта многих граждан. Ветераны боевых действий составляют конкретную социальную группу и обладают своей памятью, которая не ограничивается перечислением даты начала и завершения конфликта, а также тех боевых операций или особых событий, которые освещались в СМИ. Память каждого ветерана включает в себе реально пережитый боевой опыт, выражающийся визуальными образами и чувственными переживаниями. Именно эта социальная группа острее всего реагирует на попытки режиссеров передать свою интерпретацию событий: «Мужички-киношники! Может, хватит из нас делать пушечное мясо? Поймите, вы, тугодумы, мы пришли назад ЖИТЬ, а не быть пугалом (каким вы нас делаете): "Граждане, живите честно, а то явится взвод головорезов-"афганцев", и всем вам кранты". Это читается в каждом вашем "фильме". Что вы знаете о нас, об этой бойне, именуемой "интернациональным долгом"?»³.

Считается, что индивидуальная (личные воспоминания) и коллективная (ассоциирование себя с социальной группой) памяти могут взаимопроникать, но никогда не смешиваются⁴. Однако на примере *военных фильмов и фильмов о войне* просматривается иная тенденция. *Военные*

---

³ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 2.

⁴ Романовская. 2010. С. 39-44.

фильмы могут быть как патриотическими, так и антивоенными, основная сюжетная линия завязана на боевых действиях и на иллюстрации поведения человека в экстремальных условиях. В фильмах о войне имеют значение не столько боевые действия, сколько сама война как феномен вообще и человек на войне. Подобные фильмы являются настоящим произведением искусства. В них может не быть крупных батальных сцен, как, например, в «Апокалипсисе сегодня» или «Рожденный 4-го июля», однако в этих кинолентах поднимаются вечные вопросы, конкретная война является не более чем фоном, режиссер концентрируется на противостоянии война – человек. На основе анализа этой проблемы в статье «Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации»⁵ можно предположить – индивидуальная память военных корреспондентов, непосредственно освещавших войну и нередко участвовавших в боевых операциях, привносится в коллективную память.

Если память в большей степени интуитивна, то историческое сознание апеллирует к конкретным идеям, представлениям, чувствам и настроениям, на которых строится восприятие прошлого, и оно же оценивается. Действительные участники или очевидцы событий имеют большее преимущество перед теми, кто вынужден узнавать о прошлом из книг, учебников или СМИ. Историческое сознание нескольких поколений периода войны в Афганистане формировалось неодинаково. Если для солдат война была «настоящей», то для общества, имевшего единственную возможность узнавать о событиях на южных рубежах Советского Союза из СМИ, конфликт был *бескровным* для ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), а основные боевые действия разворачивались между моджахедами, поддерживаемыми западными странами и народной армией Демократической республики Афганистан⁶. С течением времени в историческом сознании общества закрепилось понятие «высаживание аллей дружбы» как символ деятельности ОКСВ в ДРА.

Период с 1986 г., когда началось частичное «открытие» войны для советских граждан, можно обозначить как «когнитивный диссонанс». С одной стороны, войны не было в массмедийном дискурсе. С другой – ветераны являли собой живое опровержение этого тезиса.

Без полноценного освещения боевых действий с участием ограниченного контингента война в Афганистане свелась к двум датам – 25 декабря 1979 г. и 27 февраля 1989 г. В школьных учебниках и книгах для учителя трактовка войны в Афганистане дается с позиции «перестроечной» политики: «Вывод советских войск из Афганистана стал важней-

---

⁵ Авдонина. 2011. С. 197-206.

⁶ См.: И пробуждается земля...; Миронов. 1981; Юсупов. 1983; Байков. 1984 и др.

шим внешнеполитическим актом СССР. В декабре 1989 г. II Съезд народных депутатов СССР осудил и признал грубой политической ошибкой «необъявленную войну» в Афганистане... Таким образом, была подведена черта под этой затяжной войной»⁷. «Серьезный удар по разрядке был нанесен вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. СССР, для которого эта революция [Апрельская – Н. А.] в апреле 1978 г. явилась неожиданностью, тем не менее поддержал ее, увидев в этом возможность расширения своего влияния в этом регионе. Советские партийные идеологи сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую в близкой перспективе страну... Участие советских войск в гражданской войне в Афганистане было непродуманным шагом и отрицательно сказалось на престиже СССР... В результате девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане усилилась разорительная сверхмилитаризация страны... Решение направить «ограниченный советский контингент» в Афганистан было принято в момент, который представлялся брежневскому руководству звездным часом советского могущества»⁸.

Для понимания места войны в Афганистане в исторической памяти народа сошлемся на ряд исследований. Показательны результаты всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (рук. – к.и.н. В.И. Меркушин). Его итоги поразительны особенно в контексте даты проведения – май-июнь 1990 г. Всего было опрошено 2 196 человек. Наиболее значимыми событиями и периодами истории были названы эпоха Петра I (72%), Великая Отечественная война (57%), Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война (50%), перестройка (38%), борьба с татаро-монгольским игом (29%), Киевская Русь (22%), годы после отмены крепостного права (14%), период НЭПа, а также индустриализация, коллективизация и культурная революция (по 12% соответственно), царствование Ивана Грозного, правление Екатерины II и первая русская революция (по 11% каждый ответ)⁹.

В целом можно заключить – названные респондентами события являются ключевыми пунктами школьной программы по истории.

Спустя десять лет, в 2001 г., было проведено исследование сотрудниками ЦС РАГС. Респондентов просили определить значительные вехи российской истории – поводы для гордости и события прошлого, вызывающие чувства горечи и стыда:

---

⁷ Филиппов. 2007.

⁸ Шестаков. 2008. С. 375-176.

⁹ Омельченко, Сабирова. Электронный ресурс.

Символы гордости	% опрошенных	Отрицательные события	% опрошенных
Развитие космонавтики	32,6	Война в Чечне	21
Победа над фашизмом	23,2	Сталинские репрессии	13,6
Научные достижения	15,7	Горбачевская перестройка	12,7
Культура и искусство	13,6	Война в Афганистане	9,2
Создание военной техники	7,3	Развал СССР	6,6

В комментарии к исследованию В.Э. Бойкова говорится о «бесславных войнах, жестоких репрессиях, социальных невзгодах...», которые вызывают «отчужденное отношение к стране и государству» (там же). Хотя мы не можем с точностью утверждать, какие именно эмоции и чувства испытывали респонденты, называя в числе отрицательных событий войну в Афганистане, однако сам факт подобного ответа и трактовки исследователя является своеобразным «маячком» исторической памяти.

По причине диссонанса историческая память о войне в Афганистане не то, чтобы начинена мифами, а лишена общей интерпретационной и оценочной основы, которую можно пытаться «фальсифицировать» (что происходит с устойчивыми представлениями о Великой Отечественной войне). В то время как историческая память о Великой победе и войне присутствует в неразрывной связи с настоящим, память о войне в Афганистане, происходившая в недалеком прошлом, и ветераны которой по возрасту составляют трудоспособное население, сфокусирована именно в прошлом и имеет в общественно-политическом и массмедийном дискурсах слабую связь с настоящим. и тем более с будущим. Справедливости ради необходимо отметить, что именно СМИ поднимали вопрос о войне 1979–1989 гг. в связи с вторжением коалиционных войск НАТО в Афганистан в 2001 г. Параллели, исторические и военно-политические, проводились не только отечественными СМИ, но также и западными в контексте «извлечения уроков»¹⁰.

Искусство восполняет информационный пробел, образующийся после завершения вооруженного конфликта и удаления от события. Литература и кинематограф возвращают событие в сферу общественного сознания, побуждая общество к публичному обсуждению не только художественного произведения, но и собственно исторического события.

Наиболее показателен фильм «Афганский излом» (реж. В. Бортко). Основные события происходят в период вывода советских войск из Афганистана. В киноленте отражены следующие клише из прессы – побывать на безопасном расстоянии от непосредственных боевых действий,

¹⁰ Из последних материалов см.: *Fisher*. 2011; *Braithwaite*. 2011; *Wendle*. 2012.

чтобы получить награду и купить дефицитный товар западного производства. «Афганский излом» подтверждает, что содержание исторической памяти может иметь поверхностное сходство с действительностью, память общества формируется через посредников – под влиянием СМИ и искусства, и поэтому проигрывает перед памятью отдельных солдат.

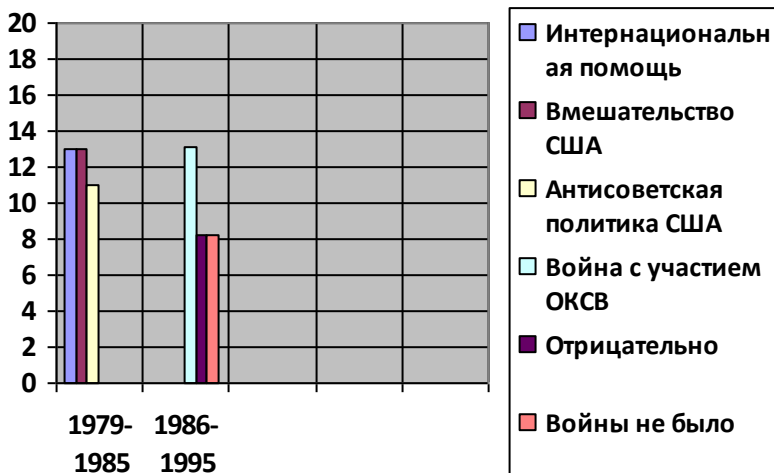
Историческая память формируется из *образов* событий, что может отражаться в наименовании, например, Великая Отечественная война и Великая победа. Слово «великая» ассоциируется с чем-то монументальным, жертвенным и практически священным. Применительно к войне в Афганистане такого закрепленного определения не существует, однако в неофициальном дискурсе чаще употребляются «бесславная» и «забытая». Одновременно эти слова являются и взаимодополняющими как причина и следствие – войну, которой нет повода гордиться, стоит забыть, «стереть из памяти». Определенный образ формируется разными акторами – властью, политическими партиями, СМИ, непосредственными участниками. Когда событие становится достоянием масс-медиа, оно переходит в сферу публичного обсуждения, в котором участвует и аудитория. В процессе осознания события формируется конкретный его образ, который затем закрепляется в историческом сознании и выражается в искусстве. Так складывается синхронный образ события, со временем, в результате его реконструкции и критики мы будем иметь ретроспективный образ, преломляющийся в культуре.

В качестве резюме можно представить следующее положение – война в Афганистане 1979–1989 гг. оформлена в политический миф, создание которого было начато при Л.И. Брежневем, а завершено при М.С. Горбачеве. Политический миф бескровной войны для ОКСВ использовался для реализации такой политической цели, как борьба за власть в условиях биполярного мира. С одной стороны, руководство страны осознавало, что прямая военная помощь ДРА будет воспринята мировым общественным мнением как вторжение, экспансия. С другой, за полгода до принятия окончательного решения на заседании Политбюро ЦК КПСС участники приходили к общему мнению, что официальная власть в Афганистане не пользуется значительной общественной поддержкой, и афганский народ может перейти впоследствии на сторону мятежников. Третий аспект политического решения касался вопроса Иранской революции 1979 г. как возможного катализатора подобных событий в других восточных странах (теория домино в трактовке советской власти), что и послужило основной мотивировкой военной поддержки ДРА.

События, представленные в СМИ не были полностью вымышленными – частично с их помощью власти приукрашивали действитель-

ность. Например, вскользь упоминалось реальное столкновение советских солдат с моджахедами в статье корреспондента «Огонька» Бориса Марбанова «Шакалы в волчьем логове»¹¹. Материал выступал как двойное опровержение гибели советского военнослужащего С. Афиндулиди и реального вооруженного столкновения с повстанцами, о чем говорилось в публикации эмигрантского журнала «Посев». Парадокс заключался в том, что в советском издании появилась правдивая информация о выжившем Афиндулиди, но была произведена подмена понятий – бой произошел во время прохода мирной колонны советских солдат, в то время как в «Посеве» была дана достоверная информация о том, что советские солдаты вместе с армией ДРА участвовали в перехвате отрядов лазутчиков из Пакистана и караванов с американским оружием для бандитов, во время которого якобы и погиб Афиндулиди.

В период перестройки политический миф о бескровной войне развенчивался – публиковались письма, дневники и обращения ветеранов¹² однако наслаивался дополнительный миф об ошибочной войне.

Разъясним данные представленной диаграммы.

Для проведения контент-анализа нами было просмотрено 245 статей из центральных газет «Правда» и «Комсомольская правда», а также

¹¹ Марбанов. 1983.

¹² Алимов, Овчинникова. 1989; Овчинникова, Ткаченко. 1989; Яковлева. 1989.

журналов «Огонек» и «Новое время». Медиатизация¹³ войны в Афганистане разделена на два этапа. Медиатизация первого периода (1979–1985) проходила в идеологическом контексте Холодной войны (другими словами – подчинялась политической логике); в немногих статьях, где упоминалось об ограниченном контингенте, журналисты акцентировали внимание на миролюбивой политике СССР, что и выражалось в таком понятии, как «интернациональная помощь».

Второй период медиатизации характеризовался тенденцией «открытия войны» для общественности, что обусловил высокий процент материалов об участии ОКСВ в боевых действиях (13,1), а это, в свою очередь, связано с тенденцией героизировать интернациональный долг как таковой. Мы выявили также тенденцию – одинаковое процентное соотношение резко отрицательных оценок решения ввести войска и самой войны в целом (*ошибка, заблуждение Брежнева, позор, бремя, афганский тупик, бесславная война, авантюра*), и оценок войны как несуществующего события, что было связано с развернувшейся в общественно-политическом дискурсе кампанией по политическому и моральному осуждению решения о военной помощи афганским властям. Таким образом, и во второй период (1986–1995) медиатизация военно-политического курса развивалась в фарватере политической логики – политический миф об ошибочной войне использовался руководством страны в целях легитимизации власти и реализации нового внешнеполитического курса.

Тем самым, мифы о бескровной и ошибочной войне преобразовались в форму сказки о несуществующем конфликте, который происходил в условиях информационной блокады. Оба мифа выполняли функцию объяснения происшедших событий. С одной стороны, «вмешательство извне [в ДРА – Н.А.] со стороны империалистических стран» и «оказание срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную», с другой – «это не наша война». Плоские интерпретационные схемы, имевшие разные основания, оставили глубокий пробел в истории и, следовательно, социальной памяти о войне и целом поколении. Остается одна возможность восполнить эту лакуну – обратиться к очевидцам, участникам событий, которые, действительно, могут рассказать правду. Возникает параллельно другой вопрос – захотят ли они вспоминать о прошлом и беречь свою *память*?

---

¹³ В данном исследовании под термином «медиатизация» понимается двусторонний исторический процесс, в котором задействованы средства массовой информации, общество и политические лидеры, однако значительная роль принадлежит СМИ в создании и формировании дискурса политической коммуникации и того общества, в котором эта коммуникация осуществляется.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдонина Н.С.* Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 197-206.
- Алимов М., Овчинникова Л.* Дневник одной роты // Комсомольская правда. 1989. 15 апреля.
- Байков В.* Разгромлены банды // Правда. 1984. 20 мая.
- Глухов Ю.* Подводя черту // Правда. 1989. 15 февраля.
- Горохов А., Окулов В.* Домой // Правда. 1988. 16 мая.
- И пробуждается земля* // Комсомольская правда. 1981. 28 июля.
- Марбанов Б.* Шакалы в волчьем логове // Огонек. 1983. 25 июня.
- Миронов Л.* Удары по бандитам // Правда. 1981. 17 февраля.
- Овчинникова Л., Ткаченко П.* Хочу рассказать правду об Афганистане // Комсомольская правда. 1989. 15 декабря.
- Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А.* Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов // Память Образование Политика. URL: <http://www.politmemo.ru/Filemanager/download/92> (время доступа 14.09.2009).
- Память* // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.
- После Афганистана* // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 2.
- Романовская Е.В.* Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 39-44.
- Снегирев В.* Когда смолкают пушки // Родина. 1989. Март.
- Филиппов А.В.* Новейшая история России 1945–2006 гг.: книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.
- Шестаков В.А.* Новейшая история России. М.: АСТ, 2008. С. 375-176.
- Юсупов Х.* Выбор // Комсомольская правда. 1983. 18 февраля.
- Яковлева Е.* Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.
- Braithwaite R.* Ghosts of Afghanistan: Hard truths and foreign myths of Jonathan Steele // The Observer. 2011. 25 Sep.
- Fisher M.* In arming Libyan rebels, U. S. would follow an old, dark path // The Atlantic. 2011. 25 May.
- Wendle J.* Afghanistan: Rising anger over an American's rampage, but also fear of U. S. departure // Time. 2012. 13 Mar.
- Авдонина Наталья Сергеевна*, кандидат политических наук, старший преподаватель Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; natochka1987@mail.ru

В. В. ЧВАНОВ, М. С. ПЕТРОВА

ИСТОРИЯ ОБ ИСТОРИИ...

К ЮБИЛЕЮ РОССИЙСКОГО ДОРОЖНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

Статья посвящена истории образования российского дорожного научно-исследовательского института (РосдорНИИ). Анализируется обнаруженный в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документ, свидетельствующей о начале деятельности РосдорНИИ; предпринимается попытка осмыслить пройденный путь учреждения с фиксацией основных этапов его развития, определяется ключевая роль людей, стоявших у истоков его образования и внесших вклад в этот процесс.

Ключевые слова: институт, научное направление, история, архивные документы.

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

А. С. Пушкин. Евгений Онегин (гл. 7)

Образование научного учреждения в России всегда сопряжено с немалыми трудностями – как в плане планирования направлений деятельности, так и в плане организации подразделений. Часто собственно истории создания учреждения не уделяется должного внимания, так что уже спустя несколько десятков лет после его появления (несмотря на успешную работу и приобретенный солидный статус) становится не просто отыскать документы, относящиеся к его основанию. Тем не менее, рано или поздно наступает пора, когда назревает необходимость осмыслить пройденный путь, зафиксировать его этапы, определить и оценить роль людей, внесших значительный вклад в этот процесс¹. И здесь на помощь приходят хранящиеся в архивах документы.

История Российского дорожного научно-исследовательского института (РосдорНИИ) весьма показательна. Она заслуживает внимания также в силу многолетней и успешной научной работы этого учреждения: в следующем 2014 г. институт празднует 55-летний юбилей.

---

¹ В пример следует привести недавнюю международную научную конференцию Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники «Российская Академия наук и международные связи в области науки и культуры. XIX – начало XXI века», которая прошла в Санкт-Петербурге с 26 по 30 ноября 2012 года. Ряд ее наиболее обсуждаемых проблем были связаны с историей научных учреждений и инженерной деятельности, а также вкладом специалистов в различные сферы науки [14, с. 11; 14-15; 19-20 et cet.].

* * *

Обратимся к истории создания института и этапам его развития.

В 1959 г. распоряжением Министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР (Минавтошосдор РСФСР) было создано подразделение, получившее название «Центральной научной исследовательской лаборатории» (ЦНИЛ), деятельность которой впоследствии способствовала образованию РосдорНИИ, а ее коллектив составил ядро института. Факт создания ЦНИЛ подтверждает очевидец – Владимир Иванович Шестериков, в 1959 г. державший указанный документ в руках². Эта лаборатория, сформированная для проведения исследований в области надежности дорожных конструкций, была присоединена к Главному управлению общегосударственных шоссейных дорог (Гушосдор РСФСР). Она стала первым подразделением, созданным в ответ на поставленную задачу создать новую дорожную науку и стимулировать перспективные разработки в области эксплуатации автомобильных дорог и дорожных сооружений. По этой причине дату образования ЦНИЛ (1959 г.) следует рассматривать и как время создания нового направления в дорожной науке России, и как день рождения РосдорНИИ, продолжившего работу в этой сфере.

Поскольку документ об образовании ЦНИЛ не обнаружен³, указанная дата (1959 г.) требует уточнения, то есть необходимы поиск и анализ других свидетельств, относящихся к деятельности ЦНИЛ.

В связи с этим весьма интересен более поздний документ (1960 г.), в котором подразумевается, что лаборатория уже существует. Это хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)

---

² В настоящее время д.т.н. В.И. Шестериков является старейшим сотрудником РосдорНИИ, участником создания новой отрасли отечественной дорожной науки, обеспечивающей эксплуатацию автомобильных дорог и дорожных сооружений (см. *ниже*). Ему принадлежит более 150 научных трудов по проблемам строительства, проектирования и эксплуатации мостовых сооружений, безопасности дорожного движения, опубликованных в отечественной и зарубежной печати. За многолетнюю научную деятельность В.И. Шестерикову присвоены звания Ветеран труда, Почетный дорожник России. О становлении В.И. Шестерикова как ученого, его творческой биографии, см. [11, с. 548-553].

³ Несмотря на поиски в ГА РФ к настоящему времени документ еще не обнаружен. Были изучены находящиеся на постоянном хранении приказы Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог об организации дорожно-исследовательских лабораторий в различных институтах и приказы реорганизационного характера за период с 1956 г. по 1961 г. (Фонд А 398. – Опись 1 [1939–1975]. – Канцелярия [1948–1975]). Все документы хорошей сохранности; пропусков в нумерации нет. Поиск планируется продолжить.

Приказ № 287 от 4 августа 1960 г. Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог, подписанный Министром Федором Васильевичем Калабуховым. Документ свидетельствует о работе ЦНИЛ не только в лабораторных, но и в производственных условиях. В нем отмечается необходимость переоборудования полученного лабораторией транспорта (автобуса и двух автомобилей) под лабораторию для испытания мостов и передвижную лабораторию транспортно-эксплуатационных показателей, оснащенную специальными измерительными приборами⁴.

Ниже публикуются текст и фотография (Илл. 1) этого документа.

ПРИКАЗ
ПО МИНИСТЕРСТВУ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА
И ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ

г. Москва

№ 287 от 4 августа 1960 года

Для выполнения Центральной научно-исследовательской лабораторией Гушосдора научно-исследовательских работ в производственных условиях, –

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику Гушосдора т. Саркисянцу обеспечить переоборудование полученных ЦНИЛ по разрядке Министерства автобуса ПАЗ-652 и двух автомобилей «Москвич 423», приспособив:

а) автобус ПАЗ-652 – под лабораторию испытания мостов, в соответствии с проектом, разработанным ЦКБ Минтрансстроя СССР;

б) два автомобиля «Москвич-423» – под передвижную лабораторию транспортно-эксплуатационных показателей, установив следующие приборы: толчкомер конструкции профессора Бируля А. К., маятниковый прибор для определения уклонов и качеств торможений. По мере дальнейшей разработки и изготовления приборов доукомплектовать ими передвижную лабораторию.

2. Автобус и автомобили «Москвич-423» принять на баланс ЦНИЛ Гушосдора.

3. Местом стоянки автомобилей установить гараж центральных ремонтных мастерских Московского ушосдора, надлежаще оформив их регистрацию в местном ГАИ, как машин специального назначения.

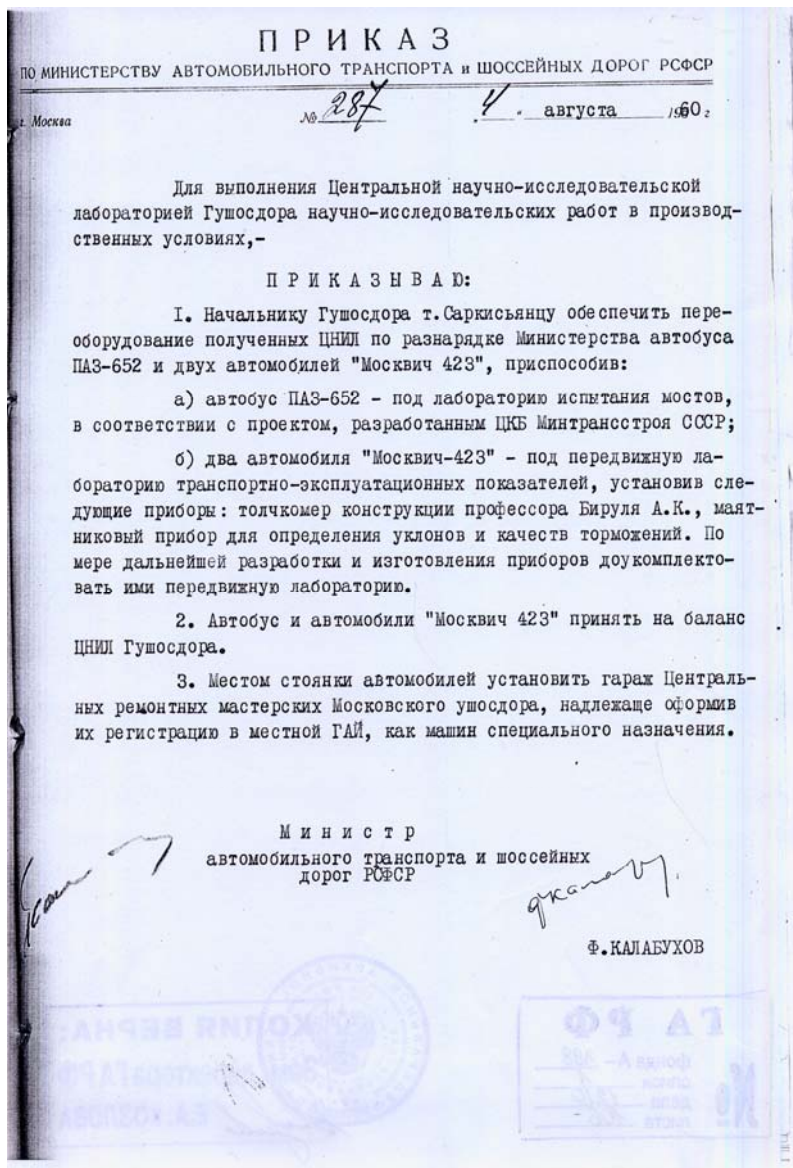
Министр автомобильного транспорта
и шоссейных дорог РСФСР

(подпись)
Ф. Калабухов

(подпись)

---

⁴ ГА РФ. Ф. А-398. Оп. 1. Т. 4. Д. 1270. С. 106. Приказ напечатан на пишущей машинке на бланке Министерства, на белой бумаге форматом 210 x 297 мм (А4). Подписан Министром и неизвестным лицом, вероятно, осуществляющим учет документов (его подпись слева). Тем же почерком (и теми же чернилами) указан номер Приказа (287) и дата (4 августа 1960 г.).

Илл. 1.
Ксерокопия Приказа № 287
от 4 августа 1960 г., хранящегося в ГА РФ.

По дате подписания этого документа можно установить время создания ЦНИЛ. Как правило, проходит 2–3 квартала (6–9 месяцев) прежде чем специалисты, работающие в новом направлении, получают теоретические и опытные результаты, разрабатывают дальнейший план проведения практических мероприятий, подбирают необходимое для проведения испытаний оборудование. Если согласиться с таким допущением, то время создания ЦНИЛ приходится на осень (сентябрь – ноябрь 1959 г.)⁵, что согласуется с воспоминаниями В.И. Шестерикова.

В течение последующих десяти лет деятельность ЦНИЛ была сосредоточена на исследованиях новых дорожных материалов, периодических обследованиях основных дорог России и расположенных на них сооружений (мостов, тоннелей и пр.), на создании новых технологий работ по ремонту и содержанию дорог и мостов [2, с. 273].

В 1969 г. был организован Государственный дорожный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт (ГипродорНИИ)⁶ Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР с филиалами на базе ЦНИЛ Гушосдора и на основе слияния имеющихся в Гипроавтотрансе подразделений, осуществлявших проектно-изыскательские работы для объектов дорожного хозяйства [2, с. 273; 7, с. 19-20]. В названии вновь созданного института были отражены два аспекта его деятельности: научно-исследовательская (которая в дальнейшем привела к образованию РосдорНИИ) и проектная (сосредоточенная собственно в ГипродорНИИ, в будущем сохранившем свое название).

В этом же году Решением Коллегии Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике от 13 апреля (№ 20) и Постановлением Коллегии Министерства строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР⁷ от 16 сентября (№ 5) для ГипродорНИИ были определены следующие направления научных изысканий:

- совершенствование технологии и организации работ по ремонту и содержанию автомобильных дорог и искусственных сооружений;
- исследования условий использования местных материалов, отходов промышленности и новых материалов для строительства и ремонта автомобильных дорог;

---

⁵ Погрешность составляет ± 1 месяц, т.е. обозначенный период может быть расширен с августа по декабрь 1959 г.

⁶ См. Распоряжение (№ 1608-р) Совета Министров СССР от 31 июля 1969 г. и Распоряжение (№ 1764-р) Совета Министров РСФСР [1, с. 330].

⁷ Министерство строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР было образовано 9 июня 1969 г. и переименовано Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1979 года в Министерство автомобильных дорог РСФСР (Минавтодор РСФСР) [10; 12].

- совершенствование методов механизации работ по ремонту и содержанию дорог и искусственных сооружений, а также разработка требований к машинам и механизмам для этих целей;
- разработка методов повышения пропускной способности, улучшения организации и обеспечения безопасности движения на автомобильных дорогах;
- совершенствование методов обустройства и архитектурного оформления дорог;
- повышение экономической эффективности и совершенствование уровня организации и управления службы ремонта и содержания дорог [1, с. 330-331].

Идейным вдохновителем научно-исследовательской деятельности ГипродорНИИ был Александр Петрович Васильев, который не только стоял у истоков основания этого подразделения и в течение 15 лет (до конца 1984 г.) руководил им и его филиалами, но и сформировал впоследствии крупнейшую научную школу России в области эксплуатации дорог, признанную как у нас в стране, так и за рубежом⁸ [6, с. 14].

В 1974 г. для ускорения внедрения в производство результатов научных исследований Министерством автомобильных дорог РСФСР (Минавтодор РСФСР)⁹ был создан проектно-технологический трест Росдортехстрой. Эту организацию, в основном занимающуюся обследованием и разработкой проектов ремонта мостовых сооружений, возглавил В.И. Шеманов, организовавший в дальнейшем филиалы (производственно-технологические центры) во Владимире, Волгограде, Красноярске и Перми [6, с. 14].

Принятое в конце 1988 г. решение руководства научно-исследовательского коллектива ГипродорНИИ выделиться в самостоятельный институт стимулировало появление Постановления Минавтодора РСФСР о создании на базе научной части ГипродорНИИ и проектно-технологического треста Росдортехстрой научно-производственного объединения, получившего название «Российский дорожный научно-исследовательский институт» (НПО РосдорНИИ). В его состав вошло 10

---

⁸ А.П. Васильев (род. 17 февраля 1932 г.) – заслуженный деятель науки и техники, крупнейший ученый и организатор дорожной науки. В настоящее время заведует кафедрой строительства и эксплуатации дорог Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). Особое значение имеют результаты его исследований по повышению технического уровня и эксплуатационного состояния автомобильных дорог. Им создан новый метод оценки состояния дорог по их потребительским свойствам и системам диагностики, что позволяет перейти на новые принципы управления состоянием дорожной сети; разработана концепция совершенствования норм проектирования автомобильных дорог [3; 6, с. 14].

⁹ Министерство автомобильных дорог РСФСР было образовано Постановлением Совета Министров РСФСР № 436 от 23 июля 1969 года при разделении Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР [10; 12].

центров, в том числе научно-производственные центры в Москве, Ростове-на-Дону, Саратове, Свердловске, Тюмени и Хабаровске¹⁰.

Со дня основания, помимо осуществления научной деятельности, РосдорНИИ стал выполнять проектно-технологические работы и участвовать в практической реализации собственных разработок [6, с. 14-15; 1, с. 347-348]. Но уже в начале 90-х гг. XX в. отраслевую науку (так же как и все народное хозяйство России) охватил глубокий экономический кризис. Недостаток средств, выделяемых на научные исследования, привел к резкому сокращению профильной тематики, в результате чего институт лишился 30% научных кадров. Научные подразделения не имели возможности проводить поисковые, задельные исследования, осуществлять модернизацию лабораторно-экспериментальной базы; практически была свернута и патентно-лицензионная деятельность. Основной научный потенциал в то время удерживался путем привлечения к решению инженерных задач специалистов других организаций [1, с. 348].

Попыткой найти выход из кризиса явилось преобразование в 1994 г. НПО РосдорНИИ в Государственное предприятие (ГУ) РосдорНИИ, стимулировавшее развитие филиалов института, которые приобрели статус дочерних организаций¹¹, деятельность которых во многом имела самостоятельный характер [2, с. 286]¹².

---

¹⁰ Новое объединение, получившее статус научно-исследовательского учреждения, возглавил Ю.А. Староселец. По решению общего собрания трудового коллектива, состоявшегося 20 декабря 1988 г., генеральным директором НПО РосдорНИИ был избран В.А. Кретов. Исполняющим обязанности главного инженера НПО РосдорНИИ был назначен В.В. Мусохранов.

¹¹ Например, Тюменский и Саратовский центры вышли из системы РосдорНИИ; новый центр был образован (в 1995 г.) в Воронеже [1, с. 348].

¹² В числе наиболее значительных разработок РосдорНИИ последнего десятилетия XX в. программный комплекс для ПЭВМ по расчету оптимальных конструкций земляного полотна на основе направленного регулирования водно-теплого режима; технология получения жидких и вязких дорожных битумов из нефтяного сырья (гудрона) без процесса окисления (Свердловский НПЦ РосдорНИИ); технические решения по усилению железобетонных пролетных строений и опор; разработка рекомендаций по расчету и технологии устройства оптимальных конструкций дорожных одежд с армирующими прослойками при строительстве, реконструкции и ремонте дорог с асфальтобетонными покрытиями; создание руководства по обеспечению равнопрочности дорожной конструкции при уширении автомобильных дорог; разработка технологии модификации битума добавками нефтеполимерной смолы; разработка технологии асфальтобетонных покрытий с противогололедными свойствами; создание руководства по назначению мероприятия по повышению безопасности движения на участках концентрации ДТП на федеральных дорогах; создание руководства по укреплению обочин и откосов автомобильных дорог; разработка инструкции по пропуску

Концом XX века завершаются два начальных этапа развития РосдорНИИ: *первый этап* (осень 1959 – июль 1969 гг.), начавшийся с образования ЦНИЛ и закончившийся ее вхождением в состав ГипродорНИИ, и *второй этап* (август 1969 г. – 2000 г.), ознаменованный выделением в 1988 г. научного подразделения ГипродорНИИ в самостоятельный институт РосдорНИИ и расширением сферы его научной деятельности.

XXI век положил начало новому периоду в жизни РосдорНИИ. И хотя с 2000 г. институт носит новое название – Федеральное государственное унитарное предприятие «Российский дорожный научно-исследовательский институт» (ФГУП РосдорНИИ), наработанный потенциал, сохранение творческого коллектива¹³ и кадровая преемственность позволяют говорить о том, что РосдорНИИ продолжает научные и исследовательские традиции, заложенные при образовании ЦНИЛ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бекряев Б.А., Буданов Ю.С., Варфоломеев В.Л. и др. Дороги России. Исторический аспект / Под ред. А. А. Надежко. М.: Издательская фирма «КРУК», 1996. 408 с.
2. Васильев А.П. История организации и становления отраслевой дорожной науки в системе РОСАВТОДОРА и ФГУП «Росдорнии» // Дороги и мосты 20/2 (М., 2008). С. 273-288.
3. Васильев Александр Петрович. – http://www.madi.ru/study/kafedra/str/personal_01.shtml (март, 2012). Официальный сайт Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). Заглавие с экрана.
4. ГИПРОДОРИИ. – <http://www.giprodor.ru/company/> (март, 2012). Официальный сайт ГИПРОДОРИИ. Заглавие с экрана.
5. Дороги. – <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Дорога> (март, 2012). Заглавие с экрана.
6. Дорожная наука: Справочная энциклопедия дорожника (СЭД). Т. IV / Коллект. авт.: А.П. Васильев, В.Д. Казарновский, В.П. Носов и др. // Под ред. А.А. Надежко. М.: ФГУП «ИНФОРМАВТОДОР», 2006. 393 с.

крупногабаритных и тяжеловесных грузов автомобильным транспортом по дорогам Российской Федерации; разработка с участием иностранного партнера (американской фирмы ЗМ) пакета нормативных документов, состоящих из трех стандартов, по вопросам повышения безопасности движения [1, с. 347-348].

¹³ В институте частично сохранен прежний научный коллектив проектно-технологического треста (Росдортехстрой), вошедшего в состав РосдорНИИ еще в 1988 г. В настоящее время его специалисты составляют ядро исследователей отделения мостовых сооружений, состоящего из двух отделов – отдела эксплуатации мостов и отдела диагностики мостов, которые являются основными подразделениями института по выполнению научно-исследовательской работы [13, с. 13; 1, с. 316].

7. Ежеквартальный отчет / Открытое акционерное общество «Дорожный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «ГипродорНИИ»». 1 квартал 2011 г. М., 2011.
8. Из истории строительства дорог. – <http://www.tsuab.ru/STRUCTURE/OTHER/MUSEUM/m-91toms-sk-stroit-dorogi.html> (март, 2012). Заглавие с экрана.
9. История дорог и дорожной сети. – http://vseprodorogi.ru/istoriya_dorog_i_dorozhnoj_seti (март, 2012). Заглавие с экрана.
10. История РОСАВТОДОРА. – http://rosavtodora.ru/print/information_print.php?id=271 (март, 2012). Заглавие с экрана.
11. Мосты — мое призвание // Элита дорожной отрасли / Коллект. авт.: *Абрамов В., Антоненко А., Антонова Л. и др.* М.: «ЭкспоИнформ», 2009. 576 с. с илл.
12. РОСАВТОДОР. Федеральное дорожное агентство Министерства транспорта Российской Федерации. – <http://rosavtodora.ru/main/index.html> (март, 2012). Официальный сайт. Заглавие с экрана.
13. РОСДОРНИИ. Основные направления деятельности. – www.rosdornii.ru (март 2012).
14. Российская Академия наук и международные связи в области науки и культуры. XIX – XXI века / Международная научная конференция (26 – 30 ноября 2012 года) / Программа конференции. СПб., 2012.
15. *Федотов С.В., Чванов В.В.* Основные направления научной деятельности ФГУП «РОСДОРНИИ»: итоги и пути дальнейшего развития // Дороги и мосты 20/2 (М., 2008). С. 289-305.

Чванов Владимир Викторович, кандидат технических наук, первый заместитель генерального директора по науке РосдорНИИ.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН; mayapetrova@yandex.ru.

Н. М. БЕЛЯЕВ, Н. В. ЛИПАТОВА

КОНСЕРВАТИВНАЯ СТИХИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В рецензии на книгу ульяновского историка А.И. Стеценко авторы попытались актуализировать основные тенденции изучения консервативного движения.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, черносотенцы, монархия, террор, партия, революция.

В 2011 г. вышла в свет монография кандидата исторических наук Алексея Игоревича Стеценко «Консервативное движение в Среднем Поволжье в годы Первой русской революции»¹, посвященная вопросам черносотенного террора, становления и деятельности структурных подразделений правых партий Казанской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерний в 1905–1907 гг. Согласно замыслу автора, книга, в которой рассматривались закономерности консервативного движения и его региональные особенности в Среднем Поволжье, должна была стать частью большого исследования, посвященного истории черносотенцев в России. К сожалению, историк не успел осуществить свои планы.

10 июля 2011 г. А.И. Стеценко погиб во время трагедии на теплоходе «Булгария». Рецензируемая монография была издана уже после смерти автора и окончательно редактировалась его научным руководителем — доктором исторических наук, профессором Ульяновского государственного университета Д.С. Точёным.

Писать рецензию на эту книгу оказалось делом непростым. С одной стороны, этот текст, безусловно, дань памяти историку, чья жизнь так внезапно оборвалась. С другой — стремление рассказать об исследовательской работе, которую провел автор. Поэтому структура рецензии двухчастная. Первая часть — историографический обзор консервативного движения в России. Вторая часть — подробный анализ самой работы. Такое построение текста позволяет наиболее полно раскрыть вклад А.И. Стеценко в разработку данной темы.

Черносотенное движение стало широко изучаться лишь в последние два десятилетия. Прежде исследователи, по различным, но прежде всего политическим, причинам старались не затрагивать эту тему. До Октябрьской революции историографию консервативного движения

---

¹ Стеценко. 2011. 308 с.

составляли, в основном, брошюры и статьи публицистического характера². Преимущественно их писали с целью использования в политической борьбе, как либералы, так и революционеры. Радикалы обвиняли монархические организации в погромах, а их возникновение связывалось с деятельностью правительства. Консерваторы писали публицистические тексты об участии правых в Государственной Думе³.

После революций 1917 г. в советской историографии продолжалась критика монархистов. В 1930-е гг. в СССР набирало силу движение против церкви, в связи с чем был выпущен ряд работ, доказывающих прямую связь между черносотенцами и Православной церковью с целью дискредитации последней⁴. После этого более тридцати лет исследования консервативного движения почти не проводились. С 1970-х историки вновь стали проявлять интерес к данной проблеме. В этот период ученые анализировали источниковую базу изучения монархических партий⁵, выделяли этапы развития черносотенного движения⁶ и предпринимали попытки определить количественный состав правых организаций⁷. Однако из-за господства идеологических установок кардинально пересмотреть существующие взгляды на деятельность и роль консервативных партий в политической системе России не удалось.

С 1990-х гг. в стране наблюдается повышенный интерес к изучению русского консерватизма, что проявляется в многочисленных монографиях, диссертациях и статьях на эту тему. Характерными чертами этих работ являются разнообразие тем, плюрализм мнений, привлечение большого количества неопубликованных источников. Интерес к данной проблеме подогревался не только из-за недостаточной изученности ее в прошлом, но и вследствие исчезновения идеологического давления и смены политического режима в стране. Некоторые исследователи, политики и деятели культуры пытались противопоставить идеологию консервативного движения советской и реабилитировать черносотенное движение и его лидеров⁸.

Среди многочисленных исследований следует выделить монографию С.А. Степанова «Черная сотня в России (1905–1914 гг.)»⁹, выпущенную в 1992 г. и переизданную в 2005 г., в которой рассматривались

---

² Алтайский. 1906.

³ Елпатьевский. 1905.

⁴ Костомаров. 1931; Ростов. 1930.

⁵ Черемисский. 1982.

⁶ Спирин. 1977.

⁷ Политические партии России... 1987.

⁸ Острецов. 1994; 1991.

⁹ Степанов. 1992.

различные аспекты консервативного движения, в частности отмечался факт участия рабочих в монархических организациях. Автор отрицает причастность правых партий к черносотенному террору, считая, что последний возник стихийно как ответ на действия революционеров. Монография С.А. Степанова явилась серьезным шагом вперед в изучении черносотенного движения, несмотря на наличие в тексте советских историографических штампов таких, как «погромный дебют», «черный террор» или «популизм и антисемитизм»¹⁰.

В.В. Кожин в книге «“Черносотенцы” и революция»¹¹ соглашается с мнением С.А. Степанова о стихийном характере погромов, но вместе с тем видит их причины в неразрешенных экономических конфликтах. Его выводы основываются на тщательном анализе социального состава правых, их идеологии, черносотенного террора. По мнению автора, консерваторы не стремились остановить развитие страны, а хотели сделать традицию базовой ценностью модернизации.

На современном этапе ученые большое внимание уделяют изучению отдельных аспектов черносотенного движения, таких, как идеология русского консерватизма¹², отношение монархистов к экономическому развитию¹³, взаимодействие черносотенных организаций и правительства¹⁴, отдельные правые партии¹⁵, а также консервативное движение на региональном уровне¹⁶. И все же обобщающих работ немного. Именно за этот тяжелый труд взялся А.И. Стеценко, хотя, как говорилось выше, не успел его завершить. Однако его книга гармонично вписывается в общую картину современной историографии.

А.И. Стеценко провел комплексный анализ консервативного движения в Казанской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях в 1905–1907 гг. Документальной базой исследования стали материалы 12 фондов из пяти государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), Центрального государственного архива Республики Чувашия (ЦГАРЧ). Он ввел в научный оборот не изучавшиеся ранее документы архивов Поволжья

---

¹⁰ Репников. Проблемы современной историографии...

¹¹ Кожин. 1998.

¹² Репников. В лабиринтах русского консерватизма...

¹³ Омелянчук. 2006.

¹⁴ Ганелин. 1991.

¹⁵ Кириянов. 2003.

¹⁶ Нарский. 1994; Сидоренко. 2000; Рылов. 2002.

(например, секретные циркуляры Департамента полиции Симбирской губернии от 14.04.1905 г.¹⁷ и 12.07.1905 г.¹⁸ или коллективное письмо участников симбирского отдела «Союза русского народа» на имя Пуришкевича¹⁹) и публикации прессы.

А.И. Стеценко отошел от советского понимания консервативного движения, ведь вместо классового подхода он применил социологический, рассматривая это движение как широкое общественное явление. Такая позиция во многом определила методологию исследования. Особое внимание автор уделял сбору и обработке статистических данных. Чтобы привести их в систему, он выстраивал различные таблицы и диаграммы. Дискуссионные вопросы рассматривались наиболее подробно. Прежде всего, автор учитывал все существующие взгляды, позиции, численные данные для сопоставления их с первоисточниками, а также собственными подсчетами и выводами. Монография написана научным языком, но не перегружена специальной терминологией и может быть использована широким кругом читателей и исследователями.

А.И. Стеценко попытался разобраться в причинах черносотенного террора и социальном составе его участников. Сравнивая данные своих источников с подобной информацией из других регионов страны, историк пришел к заключению о наличии у погромщиков социальной базы, которую составляли мешане, крестьяне, мелкая городская буржуазия и рабочие²⁰. Также он сделал предположение, что истоки действий «черных сотен» нужно искать в области социальной психологии. Во-первых, массовое сознание тех групп населения, представители которых составляли основную часть погромщиков, можно охарактеризовать как традиционалистское. Во-вторых, психологическое состояние, в котором они находились в начале XX в., специалисты называют «декрементальная депривация», при которой «групповые ценностные ожидания сохраняются на прежнем уровне, в то время как возможности группы значительно сокращаются»²¹. По мнению автора, такое состояние вызвал разразившийся в начале века экономический кризис, русско-японская война, стачки и забастовки, которые серьезно ухудшили материальное положение жителей города. Развитие капиталистических отношений приводило к вытеснению мелких производителей с рынка, усилило их зависимость от системы кредита. Поражение русской армии в войне

---

¹⁷ Стеценко. 2011. С. 68.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ Там же. С. 122.

²⁰ Там же. С. 60-61.

²¹ Там же. С. 62.

нанесло удар по патриотическим чувствам²². Эти причины, наряду с другими факторами сделали вышеупомянутые группы населения наиболее восприимчивыми к контрреволюционной пропаганде.

В работе выявлены факторы, влияющие на интенсивность черносотенного террора в Среднем Поволжье: степень поддержки правых со стороны администрации и православного духовенства губерний, различия в активности революционного движения и уровень организованности революционных сил против погромщиков²³. Таким образом, разная степень проявления перечисленных факторов в губерниях объясняет неравномерность распределения активности «черных сотен» в регионе. Так, наибольшее количество погромов было в Казанской и Саратовской губерниях, наименьшее – в Симбирской.

Также А.И. Стеценко пришел к выводу, что консервативные партии не были причастны к организации черносотенного террора. Он считал, что в Среднем Поволжье беспорядки имели стихийный, ситуационный характер, хотя не отрицал наличия в рядах погромщиков организованных групп. Кроме того, им были выявлены случаи провокационных действий полиции, отдельных представителей православной церкви, владельцев насильственно закрытых лавок и магазинов. Так или иначе, автору не удалось обнаружить в источниках информации о прямом участии правых партий в погромах. Это утверждение косвенно подтверждает и тот факт, что на повестках дня монархических партий тактика ведения террора по отношению к политическим противникам практически не обсуждалась²⁴. К тому же, сравнив хронологию черносотенного террора и основания консервативных организаций, исследователь выявил, что с ростом количества отделов монархических партий, уменьшалось число погромов. По мнению автора, это было закономерным явлением, поскольку политическая партия, из-за особенностей своей структуры и методов деятельности, являлась инструментом, способствовавшим замене стихийных форм политической активности легальными, подконтрольными лидерам²⁵. Однако Стеценко не отрицал связи между черносотенными организациями и погромщиками, потому что «в основе деятельности тех и других лежала общая система ценностей, обуславливающая единство цели – защиту самодержавной монархии»²⁶.

---

²² Там же. С. 284-285.

²³ Там же. С. 48.

²⁴ Там же. С. 246

²⁵ Там же. С. 52.

²⁶ Там же. С. 287.

Занимаясь исследованием консервативных партий, А.И. Стеценко сделал ряд заключений по поводу особенностей их формирования, организации и деятельности. Он считал, что правые партии создавались как противовес либеральному и революционному движению в результате совпадения интересов инициаторов их основания как «сверху», так и «снизу», потому что властные структуры не смогли бы без поддержки различных категорий населения обеспечить в данных организациях столь значительного числа отделов и большой численности²⁷. Анализ социального состава монархических партий позволил историку убедиться, что в их рядах присутствовали практически все группы населения российского общества, в том числе крестьяне, мелкая и средняя буржуазия, служащие, помещики, рабочие. Однако Стеценко не оценивал черносотенное движение как «всенародное», поскольку «ни одна из вышеперечисленных групп не поддерживала исключительно крайне правых»²⁸.

По мнению автора, на численный состав консервативных организаций в Среднем Поволжье влияли как субъективные, так и объективные факторы. Помимо политических симпатий высшего и среднего звена администраций губерний и духовенства, на количество участников черносотенного движения оказывали воздействие: уровень активности революционных организаций и национальный состав населения губерний²⁹. Собранные А.И. Стеценко данные показывают, что наибольшая численность правых партий была в регионах, где преобладали последние два фактора, потому что там более удачно действовала националистическая пропаганда и агитация против врагов самодержавия.

Что касается особенностей формирования правых партий в Среднем Поволжье, то они, по мнению автора, схожи с подобными процессами в других регионах. Первым этапом объединения консервативных сил было образование различных формирований кружкового типа. После этого началось организационное оформление черносотенных партий, сначала в губернских центрах и крупных уездных городах, затем в средних и малых уездных городах и сельской местности. Автор объясняет эту тенденцию тремя главными причинами: концентрацией политической элиты в губернских центрах, сосредоточением там наиболее активных элементов движения, а также тем, что влияние средств массовой информации было ограничено рамками губернских городов³⁰. Автору удалось выявить специфику объединения правых сил в Казани и

---

²⁷ Там же. С. 97.

²⁸ Там же. С. 149.

²⁹ Там же. С. 132-133.

³⁰ Там же. С. 115.

Саратове. В Казани партийное строительство характеризовалось социальной дифференцированностью. Отдельно объединялись элитные слои, мещанство и купечество, низшее и среднее звено православной церкви. Таким образом, «социальная однородность составов снижала вероятность конфликтов внутри каждой из организаций, а общность целей способствовала сотрудничеству»³¹. В Саратове, наоборот, все консервативные силы сплотились в «Народной Монархической Партии». Однако такая форма объединения была неустойчивой из-за объективных разногласий между различными социальными группами.

Несмотря на то, что сторонников консервативного движения объединяла общая идея – защита самодержавия, оно не было однородным. Сопоставляя основные программы правых партий, Стеценко сделал вывод, что наибольшие расхождения в позициях участников черносотенного движения наблюдались по проблеме государственной власти и аграрному вопросу. Он считал, что главные противоречия были между партиями общероссийскими, созданными в Петербурге – с одной стороны, и провинциальными организациями – с другой. Исследователь писал: «Партии, представлявшие первую группу, стояли на позициях, хотя и допуская перемены, но объективно стремившихся к их минимализации. Провинциальные организации были готовы и к более решительным реформам в сравнении не только с столичными партиями, но и с тем, на что была готова пойти Верховная власть»³². Так, например, одни партии стремились сохранить существующие порядки, а другие выдвигали проекты создания политического института, схожего с западноевропейскими парламентами или выражали идеи о принудительном отчуждении частновладельческих земель в пользу малоземельных крестьян. Однако консервативные организации Среднего Поволжья были, в основном, едины в национальном вопросе. Всех их объединяли национализм и ненависть к чужакам, которая в особой степени проявилась по отношению к евреям.

Итак, в своей монографии А.И. Стеценко отошел от советских стереотипов по отношению к черносотенцам, не скатываясь в другую сторону. Его выводы о черносотенном терроре во многом совпадали с заключениями С.А. Степанова и В.В. Кожина. Он так же считал, что погромы возникли стихийно и правые партии не имели к ним прямого отношения. Однако если С.А. Степанов видел причины беспорядков в желании части общества противостоять революционному движению, а В.В. Кожин – в экономических конфликтах, то А.И. Стеценко старался найти их глубже –

---

³¹ Там же. С. 110.

³² Там же. С. 237.

в психологии некоторых групп населения, которая сформировалась, в том числе, и из-за ухудшения их финансового положения. Противостояние действиям революционеров, по мнению автора, — это лишь один из факторов, влияющих на степень активности «черных сотен».

Рассматривая проблему формирования консервативных партий, А.И. Стеценко учитывал как мнения ученых, считающих, что эти организации создавались под влиянием властных структур, так и тех, кто думал, что они появились по инициативе нижних слоев населения. Как мы видели, автор занимал компромиссную позицию, поскольку обе эти версии, по его мнению, вполне оправданы и не являются взаимоисключающими. Считая, что в монархических партиях были представители почти всех групп населения страны, в том числе и рабочих, он, однако, не поддерживал тех исследователей, которые считали, что правые партии выражали интересы большинства населения России.

Работа Стеценко является первым комплексным исследованием генезиса и деятельности черносотенных организаций Среднего Поволжья в 1905–1907 гг., в ней использованы современные подходы, введены в научный оборот не издававшиеся ранее материалы. Также автор составил «Список отделов консервативных организаций Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской губерний (1905–1907 гг.)»³³, где перечислил отделы правых партий в 155 населенных пунктах Среднего Поволжья, указал даты их основания и источники, в которых они упоминались. Этот список можно использовать при изучении монархического движения, как в отдельном регионе, так и на всероссийском уровне.

Вместе с тем, в монографии изучены не все аспекты консервативного движения в Среднем Поволжье. Например, в ней не затрагивается вопрос об отношении правых партий к экономическому развитию страны; анализ идеологических установок монархистов ограничивается изучением их позиций по устройству государственной власти, аграрному и национальному вопросам. Кроме того, недостаточно широко рассмотрены основные направления политической деятельности консервативных организаций в Среднем Поволжье. Стоит отметить, что последнее во многом связано с тем, что работа вышла в свет после гибели автора и окончательно редактировалась без его участия. И все же, монографию А.И. Стеценко о черносотенном движении на региональном уровне Поволжья можно смело назвать профессиональным, творческим исследованием, несомненно заслуживающим внимание читателя.

---

³³ Там же. С. 294–307.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алтайский Б.В.* Кое-что о черной сотне // Народный труд. СПб, 1906. Вып. 2. С. 12–35.
- Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.
- Елпатьевский С.* О черносотенцах // Русское богатство., 1905. № 11–12. С. 142–154
- Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 352 с.
- Кожин В.В.* «Черносотенцы» и революция: загадочные страницы истории XX в. М.: Прима В, 1998. 232 с.
- Костомаров Г.Д.* Черная сотня под флагом религии в 1905 г. М.: Безбожник, 1931. 45 с.
- Нарский И.В.* «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. Екатеринбург: Cricket, 1994. 128 с.
- Омельяничук И.В.* Проблемы экономического развития России во взглядах правых монархистов начала XX века // Отечественная история., 2006. № 1. С. 16–23.
- Острецов В.М.* Чёрная Сотня: взгляд справа. М.: Русское слово, 1994. 96 с.
- Острецов В.М.* Чёрная Сотня и красная сотня. М.: Воениздат, 1991. 48 с.
- Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: количественный анализ / под ред. А. П. Корелина. М.: Институт истории СССР, 1987. 243 с.
- Репников А.В.* В лабиринтах русского консерватизма // Наследник: православный молодежный журнал. URL: http://www.naslednick.ru/articles/history/history_288.html (дата обращения: 20.10.2012).
- Репников А.В.* Проблемы современной историографии правомонархического движения // Рукопт: межотраслевая электронная библиотека. URL: www.rucont.ru/file.ashx?guid.pdf (дата обращения 16.10.2012).
- Ростов Н.* Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М.: Атеист, 1930. 155 с.
- Рылов В. Ю.* Правое движение в Воронежской губернии: 1903–1917 гг. Воронеж: ВГУ, 2002. 190 с.
- Сидоренко Н.С.* Монархическое движение на Урале (1905 – февраль 1917 гг.). Челябинск: ЧГПУ, 2000. 210 с.
- Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий (начало XX в. – 1920). М.: Мысль, 1977. 364 с.
- Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М.: ВЗПИ А/о «Росвузнаука», 1992. 329 с.
- Стеценко А. И.* Консервативное движение в Среднем Поволжье в годы Первой русской революции / А. И. Стеценко; под ред. Д. С. Точеного, Л. О. Буториной. Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2011. 308 с.
- Черемисский И.А.* Историография правомонархических организаций (1905–1920 годы) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 66–72.
- Беляев Николай Михайлович**, студент Ульяновского государственного университета; mikloz@mail.ru.
- Липатова Надежда Валерьевна**, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории Ульяновского государственного университета; nlipatova@mail.ru.

Рец. на кн.: Шнейдер К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь: Пермский гос. нац. исследовательский ун-т, 2012. 229 с.

Ранний русский либерализм до сих пор не является общепризнанной частью историографической традиции в отечественном «либераловедении» в отличие от западной русистики. Нетрудно заметить научные предпочтения отечественных экспертов по истории русского либерализма в пользу пореформенного периода и особенно первых двух десятилетий XX в. Это вполне объяснимо, так как именно тогда национальная либеральная мысль сначала концептуально «повзрослела», а затем институционально оформилась в соответствующие партийные структуры, однако, никак не снимает проблемы исследования генезиса либеральной традиции в России и содержания ее первоначальных проектов.

С одной стороны, такое положение дел должно вдохновлять исследователя возможностью оставить свой след в отечественном «либераловедении». С другой стороны, вызывает сожаление даже не столько весьма небольшое количество оригинальных и фундированных научных моделей истории раннего русского либерализма, сколько минимальный экспертный интерес к ней в настоящее время. Тем более тогда, когда либерализм после яркой вспышки перестроечной волны вновь утратил пассионарную составляющую своих идей даже в среде интеллигенции. Как верно замечает автор монографии К.И. Шнейдер, на смену политико-либеральной «оттепели» вновь «пришло «незамечательное десятилетие» профессиональной апатии к истории либерализма в России, ставшего в очередной раз, синонимом разрушения и анархии, наполненное бессмысленной идеологической риторикой» (С. 5). И в этом контексте рецензируемая книга, безусловно, является актуальной и будет востребована в российском и западном академическом сообществе.

Структура работы отличается логической стройностью и оригинальностью. Первая глава посвящена историографии проблемы и генезису либеральной традиции в России. Автор убедительно доказывает версию о формировании русского либерализма в середине XIX в., критически исследуя разные точки зрения по данному вопросу в отечественной и англо-американской историографии. К.И. Шнейдер подчеркивает, что русский либерализм в период своего становления отличался вариативностью (С. 48), и фокусирует внимание на двух основных версиях его бытования: «народнической», Кавелина и «охранительной», Чичерина. Обращает на себя внимание мысль о том, что «Чичерин сумел выйти за рамки предшествующей модели “просвещенного абсолютизма” благодаря активному наполнению ее классическими либераль-

ными ценностями при сохранении роли государства в качестве гаранта успешных и постепенных действий» (С. 49).

Вторая глава интересна обращением к теме аксиологии раннего русского либерализма и попыткой проследить историю рецепции и адаптации классических либеральных ценностей в условиях самодержавной России. И здесь представлены разные направления либерализма в решении его базовых ценностей. Скажем, настаивание Грановского и Кавелина на неограниченных креативных способностях и возможностях индивида контрастирует с более взвешенной позицией Чичерина, вышедшего, как отмечает автор, за «традиционные для раннего абсолютизма рамки просвещенческого образа личности, наполненного безграничным прогрессизмом» (С. 53), и активно его демифологизировавшего. При этом К.И. Шнейдер приходит к вполне взвешенному выводу, что идеальный тип политического индивидуализма Кавелина в основном опирался на абстрактные философские каноны, тогда как Чичерин попытался максимально прагматически адаптировать постулаты концепции «просвещенного абсолютизма» к российским условиям, увязав процесс правовой эмансипации личности с постепенными реформами верховной власти и зрелостью общества (С. 54). Именно Чичерину принадлежит авторство идеи «охранительного либерализма», в которой он попытался примирить свободу с просвещенной монархией, предполагавшей и смену образов России: превращение «географического соседа» и «вечного ученика» Запада в «соучастника» исторического прогресса (С. 93).

Внимание специалиста привлечет оригинальный материал четвертой главы, где автор рассматривает социокультурные особенности раннелиберальной концепции. Подчеркивая акцентированное внимание русских либералов к британской модели взаимодействия аристократии и общества, открытость первой публичной критике, что ежедневно проверяло ее позиции на социально-значимую прочность, российские либералы, мотивированно предполагает автор, этой мифологизацией английской аристократии либо стремились обнаружить в человеческой истории примеры социальной ответственности элит перед народом, либо желали убедить себя и своих оппонентов в безальтернативности тесной связи власти и дворянства в период преобразований. Так или иначе, заключает К.И. Шнейдер, ранние русские либералы не только адаптировали, но и наполняли новым содержанием концепцию «просвещенного абсолютизма» за счет введения представлений о свободе и правах личности (С. 169). Аристократизм и этатизм их взглядов несколько не противоречили их главной цели – определению «правильного» исторического маршрута и способов укоренения достижений либеральной

мысли в специфических условиях самодержавной и патриархальной России. И потому неслучайно они видели в образованной части дворянского сословия наиболее удачную кандидатуру на роль социального локомотива в преобразованиях, не без оснований опасаясь разрушительных начал, таившихся в радикализме нарождавшейся демократии.

Автор при этом не без оснований полемизирует с теми историками, которые определяли ранний русский либерализм как дворянский, и справедливо усматривает корни такой аберрации исторической мысли в недооценке проблемы превращения русского либерализма из рационалистической утопии западного типа в полноценную, национально адаптированную концепцию развития российского государства. Выход исследовательской мысли автора приводит его к заключению об уникальном характере либерального российского интеллектуального феномена в «большом либеральном семействе», состоящем из разных культурно-национальных явлений. К.И. Шнейдер делает при этом и попытку обнаружить не только особенные, но и *схожие черты русского либерализма с другими версиями континентально-европейской традиции*, проводя в частности параллели между рядом идей Чичерина и французского мыслителя Константа. Он отмечает, что эти сходства лежат в плоскости признания обоими первостепенности гражданской свободы по отношению к свободе политической, предоставления избирательного права на основе имущественного ценза, права собственности, аристократизма, а также в некоторых взглядах на монархию. Попытка чрезвычайно важная и перспективная в плане уточнения базовых идей книги: вписанности раннего русского либерализма в континентально-европейскую традицию и одновременно уникального его статуса в ней. Попытка, которая ждет своего продолжения.

Нет сомнений, что книга К.И. Шнейдера будет интересна специалистам по отечественной истории, интеллектуальной истории, социологам и политологам не только как повод для размышлений и дискуссий по столь животрепещущему вопросу, но и в практическом плане. Многие ее положения наверняка войдут в научно-образовательный оборот сегодняшней гуманитарно-практической деятельности как в пространстве высшей школы, так и общественно-информационном.

И.Ю. Николаева

Николаева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета; percka@mail.ru

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ДЖОН ВИКЛИФ

ЗЕРЦАЛО ОБ АНТИХРИСТЕ КАК АНТИХРИСТ И ЕГО СЛУГИ УВОДЯТ ИСТИННЫХ СВЯЩЕННИКОВ ОТ ПРОПОВЕДИ ЕВАНГЕЛИЯ ХРИСТА ЧЕТЫРЬМЯ НЕПРАВДАМИ

Перевод английского сочинения Джона Виклифа (1320–1384) «Зерцало об Антихристе. Как Антихрист и его слуги уводят истинных священников от проповеди Евангелия Христа четырьмя неправдами» выполнен Т.Г. Чугуновой по изданию: Wyclif J. *Speculum de Antichristo. Hou antichrist & his clerkis feren trewe prestis fro prechyng of cristis gospel bi foure disceitis* // *The English works of Wyclif hitherto unprinted* / Ed. by F.D. Mattew. L., 1880. PP. 109-113. Комментарии и предисловие переводчика.

Ключевые слова: проповедь, Антихрист, милость, милосердие, свобода воли.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Печатаемый трактат входит в сборник «Английских сочинений Виклифа, прежде неопубликованных», изданный Ф.Д. Мэтью в 1880 г. Отечественная историография до сих пор не располагает полными или частичными переводами сочинений выдающегося оксфордского теолога, что значительно обедняет отечественное англоведение. «Зерцало об Антихристе» предположительно относится к раннему творчеству Виклифа. Перед трактатом имеется краткое, в несколько строчек, предисловие редактора, в котором звучит его неуверенность в том, что эта работа принадлежит евангелическому доктору¹. Основанием для сомнения ученого послужила довольно четкая позиция оксфордского богослова относительно свободы человеческой воли, изложенная в данном трактате². Мы согласны с тем, что утверждение Виклифом последней, достаточно ясно очерченное в этом сочинении, не характерно для его позднего творчества. Так, например, в «Евангелическом труде», написанном в последний год жизни теолога, напротив, постулируется отсутствие свободы воли у человека. Эта мысль повторяется едва ли не на каждой странице трактата³.

Доктрина о предопределении, развитая впоследствии Кальвином, занимает одно из центральных мест в богословской концепции евангелического доктора. «*De Praedestinatione*» («О предопределении») – так

---

¹ *Mattew F.D.* 1880. P. 108.

² *Ibidem.*

³ *Wyclif J.* *Opus Evangelicum.* P. 122, 439-440, 446.

называется четырнадцатая глава второй книги «Триалога», одного из самых значительных богословских трудов, написанных оксфордским теологом в 1382 г. Здесь отмечается, что «предопределение произошло до искупительной жертвы Иисуса Христа»⁴. Однако в рассматриваемом нами сочинении намек на концепцию предопределения все-таки имеется. Так, Виклиф отмечает: «Бог предопределил хороших людей к небесному блаженству, также Он предопределил и то, что достичь его они могут лишь проповедью и хранением Божьего Слова. Если праведным предуготовано перейти в блаженство, то также им предуготовано сделать это через проповедь»⁵. Здесь нет крайнего детерминизма, чтобы стать предопределенным, следует, прежде всего, быть праведным, чего можно достичь проповедью и исполнением закона Божьего. Вероятно, взгляды Виклифа претерпели серьезную эволюцию, поскольку ряд важных моментов не дает усомниться в том, что разбираемое нами сочинение принадлежит оксфордскому профессору.

Понятие «антихрист» является одним из ключевых в богословской концепции евангелического доктора, чаще всего под ним подразумевается папа римский как противник, враг Христа. Прелатов Виклиф называет слугами Антихриста. «Авиньонский сиделец, которого многие считают папой, а прочие – наместником Христовым на земле, источник всякого нечестия в воинствующей церкви, а если можно так сказать, то и близящийся Антихрист, ибо все законы и правила их исполнения исходят из этого гадюшника. Он самолично и в лице своих кардиналов хулит Христа, ибо в жизни Христос вел себя не так, как они <...>. Антихрист мнит себя Богом на земле и тщится заграбастать под свою власть всю церковь. Что же касается повиновения закону божьему, то Антихрист отставляет и загрязняет тайно и открыто этот закон, противопоставляя свой закон закону Христову», – пишет Виклиф в «Триалог»⁶. По его мнению, папа римский получил свою должность от Дьявола, поэтому повиноваться такому папе – все равно что служить антихристу⁷. В сборник, изданный Ф.Д. Мэтью, вошел трактат на подобную тему под названием: «Как Антихрист и его слуги стараются разрушить Священное Писание, сделать христиан шатостными в вере и подготовить почву чертям из ада»⁸. Слог и стиль этого трактата абсолютно похожи с разбираемым нами сочинением, о чем свидетельствует

---

⁴ *Wyclif J. Trialogus.* 122-123.

⁵ *Wyclif J. Speculum de Antichristo.* P. 111.

⁶ *Ibid.* P. 423.

⁷ *Ibid.* P. 427.

⁸ *Wyclif J. Hou antichrist & his clerkis traueilen to distroie holy writ.* P. 254.

начало первой главы данного произведения: «Как Христос повелел распространять свое Евангелие маловеерам и еретикам и наказал своим четырём евангелистам научить людей верить писаниям, так и диавол-сатана велел Антихристу и его лжеслужителям разрушить Священное Писание четырьмя проклятыми способами»⁹. Числительное «четыре» очень часто употребляется Виклифом, в основном с негативным оттенком. На наш взгляд, оксфордский профессор не случайно использует это пророческое число. В книге пророка Даниила (Дан. 7:2) говорится о четырех небесных ветрах, боровшихся на великом море, и о четырех зверях, выходящих из этого моря и означающих четырех восставших царей (Дан. 7: 3, 17)¹⁰. В книге пророка Иеремии (Иер. 49:36) тоже имеется упоминание о четырех ветрах¹¹. Это же число встречается в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 17:15): «Воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки»¹². Библейская символика была хорошо известна евангелическому доктору, занимавшемуся переводом Библии на английский язык.

Имеется еще ряд важных моментов, которые позволяют не сомневаться в авторстве Виклифа. Учение о проповеди, составляющее главную мысль трактата, дает право сделать вывод, что это сочинение принадлежит именно Виклифу, который искренне поддерживал бедных проповедников, несших народу живое Слово Бога. Виклиф отводил проповеди важное место в духовной жизни христианина. Трактат «О бедных проповедующих священниках»¹³, вошедший в этот же сборник, яркое подтверждение тому, что концепция проповедничества является одной из главных в программе преобразования церкви оксфордского теолога. Учение о милости Божией, проходящее как лейтмотив через все произведение, а также творчество оксфордского теолога, – еще одно доказательство того, что это сочинение принадлежит именно евангелическому доктору.

Англоязычные работы оксфордского богослова и по содержанию и по объему выглядят несколько беднее, чем его латиноязычные труды. Примечательно, что заголовок анализируемого нами трактата дается на латинском языке: *Speculum de Antichristo* (Зерцало об Антихристе), а подзаголовок, как и текст трактата, – на английском: *Hou antichrist & his clerkis feren trewe prestis fro prechynge of cristis gospel bi foure disceitis*

⁹ *Ibidem*. Виклиф использует здесь сразу два термина с одинаковым значением: *deuel, sathanas*.

¹⁰ Синодальный перевод.

¹¹ Синодальный перевод.

¹² Синодальный перевод.

¹³ *Wyclif J. Of Poor Preaching Priests*. P. 275-280.

(Как Антихрист и его слуги уведут истинных священников от проповеди Евангелия Христа четырьмя неправдами). Подобное двуязычие в названии виклифского трактата можно объяснить тем, что оксфордский богослов, воспитанный в лоне католической церкви, еще придерживался традиции написания сочинений на латинском языке, но желая донести до своих соотечественников сущность закона Божьего, написал эту и многие другие свои работы на английском языке.

Для систематизации, структурирования и акцентирования внимания читателя на основных идеях сочинения оксфордского теолога, на поля трактата вынесены маргинальные заметки редактора. Мы сочли необходимым опустить их, поскольку они в краткой форме повторяют содержание параллельно расположенного пассажа или являются ссылкой на библейский текст. Ряд многозначных богословских понятий, таких как *charity*, *grace*, *mercy*, мы передаем по-разному, в зависимости от контекста, каждый раз делая смысловой акцент на различных аспектах этого чувства или состояния. Для еврейского термина «*сатана*» Виклиф часто использует греческий эквивалент – «*диавол*». Оба термина в переводе передаются так же, как в оригинале. Библейские тексты цитируются по синодальному изданию. Слова в скобках не встречаются в оригинале, а поставлены для уточнения смысла.

Т. Г. Чугунова

<...>

Первое они говорят: проповедь Евангелия сеет раздор и вражду, и если христиане хотят поддерживать мир и любовь¹⁴, как сказано в Евангелии, они должны прекратить проповедовать, ибо от того происходит более зла, чем добра. На это верующие отвечают, что Христос явился в мир не умиротворять грешных, чтобы им было вольготнее жить в грехах и похотях, но убедить их бросить грешную жизнь словом Евангелия и вести к святости. Если дети Люцифера убивают друг друга в ненужных войнах, то это не значит, что истинные христиане должны оставить проповедь и прославление Бога и исполнение милостыни¹⁵ для своих собратьев; для Христа и апостолов не должна быть оставлена проповедь Евангелия, даже если диавол¹⁶ будет разжигать вражду и ненависть против нее. Слуги Антихриста всегда будут роптать, когда верующие

---

¹⁴ В тексте: *charity*.

¹⁵ *Charity*.

¹⁶ В тексте стоит во мн. ч.: *deuelis*. В единственном числе слово «диавол» является синонимом слова «сатана», во множественном числе оно означает, как правило, злых духов (чертей), подчиненных сатане.

останутся верными Евангелию. Христиане достигнут истинного мира между Богом и своими сердцами исполнением заповедей, и тем же они разрушат ложный мир проклятых и удаляющихся (от Бога) людей в их грехопадении в милосердии¹⁷. Антихрист хочет погасить Священное Писание всякою нежною лестью и лицемерием, сделать всех людей подавленными, настроить некоторых из своих слуг на борьбу и спор из-за проповеди Слова Божия, чтобы никто не знал его (Слова Божия). Если же кто будет проповедовать по зову Божьему¹⁸, то зла от этого не может произойти, но только добро, даже если тысяча детей Сатаны восстанут против Бога и его учения о милости¹⁹.

Второе они говорят: христиане должны прекратить проповедь милости²⁰ (Божией), чтобы не озлоблять врагов, ибо проповедью слуги Сатаны лишь разжигаются ненавистью на слуг божьих и на проповедников, но нисколько не исправляются, тысячи людей не оставляют своих грехов, но еще более проклинают Слово Божие. Как сказал Господь проповеднику, что прилепит язык его к гортани, дабы он онемел, чтобы тот не проповедовал людям, настроенным против Бога и его учения²¹. Если кто не услышит Слова Божия и будет жить в грехе, тот проклят, если же кто услышит, и будет грешить – проклят вдвойне. Зачем проповедовать и заставлять грешников быть проклятыми вдвойне? Кроме того, Христос сам сказал, чтобы не метали жемчуг перед свиньями и священные вещи перед псами²². Зачем говорить Слово Божие тому, кто все равно не услышит? На это верующие отвечают, что они любят Бога и христианские души более, чем свою собственную земную жизнь, каждое верующее сердце любит врагов, как своих ближних, и учит закону Божьему, и молится за них, пока они живы, по примеру Христа, апостолов и св. Стефана. Если кого, озлобившись на проповедь, враги и убьют, это научит нас терпению и будет примером христианской выдержки для врагов. Если больше проповедовать, то в итоге кто-нибудь услышит и спасется, и, в конечном счете, проклятых будет меньше, а не больше. Если, услышав проповедь, грешные оставят грехи и похоти и будут жить в милости (Божией) и любви²³, то это лучше для них, чем все блага

¹⁷ *Charity.*

¹⁸ *One man preche in grace* – проповедовать по милости (Божией), в библейском контексте можно перевести – по зову Божьему.

¹⁹ *His gracious techunge.*

²⁰ В тексте: *charity.*

²¹ Иезекииль 3: 26.

²² Мф. 7:6.

²³ *Grace and charity.*

мира. Бог дает каждому свободу выбора между добром и злом и может ниспослать благодать, если люди захотят воспринять ее. Если они начнут творить добрые дела в этом мире, то даже если они и попадут в ад, мука и отчаяние в аду будут им меньше, чем, если бы они не слышали проповедь и не становились на путь добрых дел. Если христианин считает кого-то недостойным слушать Слово Божие, то тем самым он осуждает его на ад, не дожидаясь, пока это сделает Бог. Если проповедовать собранию неверующих, в котором найдутся желающие прислушаться, то это уже не значит, что проповедовали псам, лающим на Бога и на его закон или свиньям, валяющимся в похоти и в грехе, но проповедовали людям. Если проповедник полностью уверен, что какое-то общество не сможет его понять, то это не значит, что не надо проповедовать никому, но подыскивать людей пограмотнее. Христос сказал, что не нужно стесняться никакого места и человека, пока не придет судный день.

Третье говорят они: праведники спасутся и без проповеди, ибо они не могут пройти, как говорит Господь. А некоторые грешники не спасутся от ада и с проповедью. Верующие в таком случае говорят: как Бог предопределил хороших людей к небесному блаженству, также Он предопределил и то, что достичь его они могут лишь проповедью и хранением Божьего Слова. Если праведным предуготовано перейти в блаженство, то также им предуготовано сделать это через проповедь; а может быть, что кто-нибудь из грешных обратится на путь истины, послушав Слово Божие. Ведь никто не знает точного объема Божией милости²⁴ – кому он дарует возможность услышать Его слово, а кому – нет. Каждый должен надеяться попасть в рай, чего можно достичь лишь посредством слушания и исполнения Слова Божия. Так как человек обладает свободой воли, то спасется лишь тот, кто сознательно исполняет заповеди божьи, а погибнет тот, кто сознательно их нарушает и хулит Бога. Дар услышать слово проповеди есть дар Бога людям, и кто пренебрежет им, тот воистину лишит себя шанса попасть в Царствие Небесное, посему грешники должны смиренно и внимательно внимать проповеди Слова Божия и не роптать против проповеди Евангелия.

Четвертое они говорят: пусть люди оставят проповедничество и ударятся в святую молитвенность и созерцание, ибо все это лучше помогает христианину. Верующие отвечают на это, что истинная проповедь более помогает человеку, чем молитва устами, даже если последняя исходит от чистого сердца и истинной набожности и лучше

---

²⁴ *Goddis mercy.*

образует людей, тем более, что Христос прямо заповедал своим апостолам и ученикам проповедовать Евангелие, а не замыкать Слово Божие за каменными стенами церквей и монастырей. Исайя как-то произнес: горе мне, ибо я промолчал²⁵ и Павел проронил: горе мне, ибо я не проповедовал Евангелие²⁶. И изрек Господь: если проповедник не указывает грешнику на его грехи, он будет проклят²⁷. Иероним сказал, что насколько безгрешная жизнь ведет к святости, настолько она уязвляет нечестивцев и попирателей Божьего закона. Григорий Великий говорил, что люди, затворившиеся за стенами, предавшиеся молитве и созерцанию, повинны в погибели стольких душ, скольких они не спасли своим неучением и нежитием в миру. Несомненно, молитва порою нужна, но священники должны не только молиться, что они делают обычно, но и проповедовать тоже, ибо сам Христос более определил духовенство проповедовать, чем служить мессы, так как нигде в Евангелии не говорится открытым текстом о заутренях и вечерах, но лишь о таинствах. Зато о необходимости проповеди говорится откровенно. Добрый пастырь Линкольна²⁸ прямо говорит, что проповедь Евангелия превосходит все прочие добрые дела, выполненные человеком, современные богословы заявляют, что истинная проповедь в девять раз превосходит мессу, ибо как сказал Павел, Бог послал его проповедовать, а не крестить²⁹, и Иоанн-евангелист изрек, что если человек видит нужду брата своего и затворяет от него сердце – не имеет любви³⁰. Ежели души людские в беде, то Бог должен послать к ним добрых священников, чтобы те научили их заповедям Господним, если все будут иметь возможность и время учить и учиться. Иисус говорит, что если кто небрежет делом милостыни, возложенным на него, будет проклят. Если кто оставит проповедь ради молитв, тот пренебрежет большим делом ради меньшего, и будет вне дела милостыни, и молитвы того тоже не дойдут до Бога, ибо такой молящийся пренебрегает Христом, что сошел с небес ради проповеди пред народом. Может ли знающий человек держать знания при себе и спокойно взирать, как ближний идет в ад по причине незнания, от неведения Слова Божия. Если же он научит его тому, то тем более ему будет благодарение от Бога, чем если бы он долгое время бубнил

---

²⁵ Ис. 6:8.

²⁶ 1 Кор. 9:16.

²⁷ Иезекеиль 3:17.

²⁸ Редактором указано, что это священник Гроссетет (Grossetete).

²⁹ 1 Кор. 1:17.

³⁰ 1 Иоан. 3:17. В тексте: *charity*.

молитвы. Посему священники должны изучать Священное Писание и сверять по нему свои жизни и истинно учить тому других людей, что является наибольшей милостью³¹. В определенное время молитва нужна для осознания и сокрушения по поводу своих грехов. Она должна быть нам как небесный свод над маленькими звездами в сравнении с другими заслугами на небесах. Бог дает нам все во славу Божию и для его бесконечной благодати. Аминь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 1376.
- Matthew F.D.* Introduction // *The English works of Wyclif hitherto unprinted* / Ed. by F. D. Matthew. L., 1880. P. 108.
- Wyclif J.* Hou antichrist & his clerkis traueilen to distroie holy writ & to make cristene men vnstable in the faith & to sette here ground in deuelis of helle // *The English works of Wycliff hitherto unprinted* / Ed. by F. D. Matthew. L., 1880. PP. 254-262.
- Wyclif J.* Of Poor Preaching Priests *The English works of Wyclif hitherto unprinted* / Ed. by F. D. Matthew. L., 1880. PP. 275-280.
- Wyclif J.* *Opus Evangelicum* / Ed. by J. Loserth. 2 vols. L.: The Wyclif Society, 1895-1896.
- Wyclif J.* *Speculum de Antichristo*. Hou antichrist & his clerkis feren trewe prestis fro prechyng of cristis gospel bi foure disceitis // *The English works of Wyclif hitherto unprinted* / Ed. by F. D. Matthew. L., 1880. PP. 109-113.
- Wyclif J.* *Triologus cum supplement trialogi* / Ed. By G. V. Lechler. Oxonii: Typographeo Clarendonia, 1869. 475 p.

Чугунова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; tat-chugunova@yandex.ru

---

³¹ *Charity.*

Е. М. МАКАРЕНКОВА

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В ПАРИЖЕ ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИЕЙ

(РЕКОНСТРУКЦИЯ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА)

Документ, который я обнаружила во время командировки во Францию в ноябре 2002 г. в фонде ВА/681 Префектуры Парижской полиции, принадлежит кабинету префекта по архивным делам¹. Фонд содержит объемный материал, в основном отчеты об эмиграции из разных стран во Францию, начиная с Первой мировой войны, и кончая первыми годами после немецкой оккупации и Освобождением. Публикуемый документ включает подробный аналитический обзор различных идейных, политических, культурно-познавательных и информационных тенденций, сложившихся в русской диаспоре в межвоенный период.

Проблематика духовной жизни Русского зарубежья предполагает исследования по нескольким направлениям – истории политической и социальной, процессов национальной и культурной адаптации. Наряду с этим важен анализ общественной организации русских за границей и эволюция религиозно-философской мысли.

Написанный бесстрастной рукой полицейского агента (без подписи) по секретному запросу Министерства внутренних дел и адресованный согласно приложенной записке префекту парижской полиции 27 марта 1948 г., документ, безусловно, привлечет внимание исследователей не только своим объемом (64 машинописные страницы), но прежде всего высокой степенью информированности кадров французской полиции, которую обеспечивала хорошо поставленная система сыска.

Несколько слов об истории публикации. Не представляется возможным, учитывая значительный объем документа и разноплановость тематики отдельных его разделов, опубликовать весь материал в формате одного издания. Начальные главы, включающие подробный ретроспективный исторический обзор процессов складывания и дальнейшего развития русской колонии во Франции постреволюционного времени, были мною опубликованы в совместном издании Института всеобщей истории РАН и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в сборнике «Люди и судьбы Русского зарубежья» (М., 2011).

Публикуемый ниже фрагмент включает центральные главы документа и приобретает особую ценность в связи с тем, что в широком спектре анализа русской диаспоры во Франции послевоенный период ее жизни практически оставлен без внимания. Текст перевода мною сознательно приближен к оригиналу, дабы избежать превратного истолкования. Тем более, что в силу ряда повторов и разной стилистики (документ

– плод усилий нескольких полицейских агентов) возникла необходимость сохранить верность «букве», чтобы передать специфику протокольного языка французских спецслужб послевоенного времени. Не могу не упомянуть также, что вышедшая в 2007 г. в редакции Д. Гузевича публикация в совместном французско-русском издании *Дiaspora VIII*ⁱⁱ не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к научному переводу. Предоставленный Д. Гузевичу ранее мой текст перевода для написания примечаний оказался неоправданно «разбухшим» в объеме (перевод составлял 48 стр., примечания 255 стр.). При этом особое внимание в них уделено судьбе эмигрантов разных поколений, выходцам с окраин Российской империи: молдаванам, евреям, украинцам, жителям Кавказа и Прибалтики, попавшим во Францию в годы Гражданской войны, а также их родственникам и ближайшему окружению. Подобное «прочтение» документа, с неправильно расставленными акцентами, вызывает необходимость реконструкции и иной интерпретации ради восстановления истины и осознания значимости этого богатого исторического источника, крайне полезного для изучения феномена Русского Зарубежья.

Предваряя поток грядущих исследований, хочется обратить внимание на «общие замечания» в начале и в заключительной части текста. В них присутствует попытка анализа позиции разных групп эмигрантов и эволюции их взглядов, связанной с оккупацией Парижа, победой СССР в Сталинградской битве, открытием второго фронта и, наконец, Освобождением. В этой связи хочется отметить серьезную диссертацию Катрин Гуссефф и ряд ее статейⁱⁱⁱ, посвященных проблеме репатриации и расколу русской колонии после победы СССР в войне и складывания новой системы международных отношений.

Новой вехой во взаимоотношениях русской колонии с французским обществом стал «успех» указа от 14 июня 1946 г., позволивший восьми тысячам бывших эмигрантов обрести советское гражданство. Однако, как отмечает автор документа «напряженность в американо-советских отношениях резко затормозила просоветский энтузиазм первых послевоенных лет, и вновь возбудила антибольшевистскую тенденцию, характерную для современного состояния русской колонии».

Напомню, что документ не датирован, однако, исходя из изложенного, его написание можно отнести к 1948 году, времени прихода к власти во Франции так называемой коалиции «третьей силы», что означало возвращение к худшей традиции буржуазного парламентаризма: кабинетам не имеющим прочного большинства, министерским кризисам и хронической неустойчивости правительств. В атмосфере политической нестабильности кристаллизация различных политических структур в эмигрантской среде, вынужденной адаптироваться к новым условиям

послевоенной Франции, происходила более активно. Так, к примеру, еще до Первой мировой войны существовало несколько «русских Парижей», которые почти не пересекались друг с другом, отражая социальное и профессиональное деление русской колонии.

Любопытно, что ко времени оккупации, согласно документу, сохранился почти тот же «географический» стереотип русского общества в изгнании. Попытка воссоздания родного дома и идентификация на новой территории привели, в конечном счете, к созданию особого типа сообщества, сохранявшего специфические национальные черты с одной стороны, и активно контактировавшего с французами – с другой. В период оккупационного режима откровенный традиционный антисоветизм эмигрантов приглушил ностальгическую ноту времен Сопrotивления, и окончательно высветил прослойку коллаборационистов, которые имели свое отношение к русским антифашистам и русским офицерам-апатридам, мобилизованным во французскую армию. Как отмечается в документе, они умело использовали факт пребывания оккупационных войск, занимались торговыми операциями на черном рынке и становились поставщиками немецких лавок. Некоторые из них служили информаторами, выслеживая коммунистов и участников Сопrotивления.

Помимо откровенно профашистских элементов времен Второй мировой войны в документе фигурируют имена русских эмигрантов с изломанной судьбой, принадлежавших к молодежному движению с ярко выраженным националистическим уклоном, но не отличавшихся политической последовательностью. Речь идет, в данном случае, о постоянно мечущемся вожде младороссов А.Л. Казем-Беке^{iv}, мечтавшем о возрождении монархии в России. Основными целями молодых эмигрантов в рамках этого парадоксального движения были борьба с «франкмасонством» и «еврейским капиталом» с одной стороны, заигрывание с большевиками и провозглашение свободных советов, с другой. Следует отметить в данном контексте, что большинство младороссов участвовали во французской армии и Сопrotивлении. Сам же Казем-Бек кончил тем, что вернулся в СССР. В целом, согласно документу, подавляющая часть русской эмиграции приветствовала успехи Красной армии и «была преисполнена гордостью в связи с победой СССР над германским Рейхом».

Знакомство с судьбой многочисленных беженцев с перипетиями жизни и частыми перемещениями в масштабе планеты позволяет несколько расширить угол зрения и по-новому взглянуть на русскую эмиграцию, не только как на часть истории России, но и как на составляющую французского общества и элемент международных отношений первой половины XX века. Подробная информация о состоянии русской коло-

нии, начиная с 1920-х гг., включающая различные аспекты: численность, географию расселения профессиональные, образовательные, благотворительные организации, партии, церковь, прессу и т.д. составит огромный банк данных, куда органично встраивается публикуемый материал.

Дальнейшее знакомство с богатыми фондами архива парижской полиции, безусловно, позволит отечественным и зарубежным специалистам расширить представления, связанные с социальной историей эмиграции, её адаптацией, ассимиляцией и экономической деятельностью, а также прольет свет на историю русских организаций за рубежом и их вклад в научную, культурную и общественную жизнь Франции. Новый мощный импульс к изучению уникального явления мировой истории возникает вновь, когда держишь в руках такого рода документ-фотографию, лишенный художественного ореола, типичного для эмигрантских изданий последнего времени.

***

Согласно классификации основных политических тенденций русских эмигрантов, следует выделить «Союз младороссов» под патронажем великого князя Кирилла, который официально с ним десолидаризован. Эта организация, мнящая себя второй советской партией, временами вела двусмысленную политику. Впрочем, она была осмотровально распущена 18 мая 1940 г., её главой был Казем-Бек, которому приписывали намерение восстановить её после войны.

Констатируют, что просоветское течение, которое с момента Освобождения проявило себя в эмиграции, и которое действовало по-разному в зависимости от политических кругов, кажется в настоящий момент переживает явный регресс. Многочисленные консерваторы, хотя и занимавшие твердую антисоветскую позицию, не могли тогда отрицать, что восхищались успехами Красной Армии.

Республиканцы искренне верили в замирение эмиграции с СССР на разумной основе, но эволюция международной обстановки и идейные разногласия между странами-победительницами, вызванные, по мнению некоторых, непримиримой позицией Советов, а также разоблачения советских перебежчиков, отчасти разрушили надежду многих эмигрантов, восхвалявших «*modus vivendi*», сложившийся между СССР и эмиграцией. С другой стороны, под воздействием событий активная антибольшевистская тенденция, практически исчезнувшая в эйфории Освобождения, – когда ненавидели коллаборационистов, – проявляется вновь; и правые группировки в контакте с некоторыми известными французами, используя, в частности, разоблачения многочисленных бывших советских граждан, возобновили традиционную антисоветскую пропаганду в прессе, на конференциях и митингах. Можно отметить, как симптоматичный, «Международный митинг против жертв советского притеснения», проходивший 28 октября 1947 г. в 21 ч. в зале Ваграм под председательством бывшего сенатора г-на Гюстава Готеро. Русская фракция была представлена г-ном Аркадием Столыпиным⁶, чье участие вызвало мощную негативную реакцию со стороны крайне левых элементов как французских, так и иностранных.

Организации политического характера, развернувшие активность в эмиграции

Русская колония до войны была объектом критики со стороны трех группировок, которые особым образом привлекали внимание своей временами двусмысленной позицией. Имеется в виду:

а. «Союз молодых русских», характер которого не смог быть точно определен, хотя большинство его членов составляли монархические элементы.

б. «Ассоциация эмигрантов в защиту мира и безопасности России» (бывший «Союз русских оборонцев») коммунистической направленности.

в. «Союз друзей советской Родины» (бывший «Союз репатриантов») коммунистического характера.

Эти три группировки были распущены, первая – своим президентом, две другие – в силу декрета-закона от 26 сентября 1939 г., касающегося коммунистических организаций.

Для памяти следует указать «Комитет антивласовского действия», основанный в подполье с целью подорвать власовские части вермахта и вынудить их дезертировать с оружием и багажом. Его возглавлял господин Гегелиа совместно с капитаном разведывательных служб армии Тизоном. Эта организация, официально представленная только в момент Освобождения, носила сиюминутный характер и самораспустилась в ноябре 1944 г. Г-н Гегелиа переадресовал свою поддержку «Центру помощи и содействия советским узникам» по адресу 101, рю Университе (7 округ). Самой важной из организаций политического характера – «Союзу советских граждан», было отказано в регистрации согласно решению, принятому Министром внутренних дел 16 декабря 1947 г. Первоначально известная как «Союз русских патриотов», подпольная организация Сопrotивления во время оккупации объединилась с «Центром помощи и защиты иммигрантов (С.А.Д.И.)», стала легальной во время Освобождения и с того момента продолжала открыто свою деятельность. Изначально она объединяла многочисленные сотни членов, среди которых, значительное большинство принадлежало «Союзу друзей советской Родины» и «Русским оборонцам». Её возглавляли Поль Пелекин, при участии Шибанова Георгия, Смирягина Дмитрия и Качвы Николая, к которым позже присоединились другие эмигранты, в частности, генерал Говорофф, Савицкий, профессор Донье, а также Маркофф, Матиаш, Ковалефф, Палеолог, Сири и др.

«Союз русских патриотов» ставил своей целью борьбу с гитлеризмом и достижение перемирия между антигермански настроенной частью эмиграции и СССР. Согласно решению Конгресса, проходившего 8 марта 1945 г. в Париже, собравшего делегатов этой организации от провинций, прежнее название было заменено на «Союз советских патриотов». С тех пор эта организация, последовательно возглавляемая г-ми Матиашем и Сириным, в контакте с советскими консульскими властями продолжала свою деятельность, направленную на перепись и репатриацию эмигрантов, добывающихся советского гражданства согласно Указа от 14 июня 1946 г. В августе 1947 г. Ассоциация была вновь реорганизована вследствие отъезда в СССР некоторых ее членов и приняла тогда другое название – «Союз советских граждан», о котором речь пойдет в следующем разделе.

***

«Союз советских граждан» – это организация, которая согласно Указа Министра внутренних дел 16 декабря 1947 г. была запрещена. Об этом решении ей было официально объявлено 12 января текущего года с установкой месячного срока для ликвидации имущества.

«Союз советских граждан» – это новая деноминация «Союза советских патриотов», изначально – «Союз русских патриотов», была основана в подполье в период оккупации. Она приняла название «Союз советских патриотов» 8 марта 1945 г. в ходе конгресса, который состоялся после распада «Союза русских патриотов» – организации, распущенной с сентября 1939 г. и реконструированной на юге Франции во время Освобождения. Эта организация допускала только лиц с советскими паспортами, принявших безоговорочно их возможную репатриацию в СССР; русские эмигранты, несогласные с советским режимом, были из нее исключены. Она функционировала под почетным председательством г-на Богомолова, посла СССР в Париже.

«Союз русских патриотов» испросил разрешение на регистрацию (согласно декрету от 12 апреля 1939 г.) у компетентных служб Парижской Префектуры 29 ноября 1944 г. «Союз советских патриотов» сформулировал такого же рода запрос 13 мая 1945 г. Эти два запроса были аннулированы в связи с новой просьбой, поступившей 8 сентября 1947 г. от «Союза советских граждан». Эта организация располагается по адресу 4, рю Гальера (16 округ) в части здания, принадлежавшей страховой компании «Феникс», сдаваемой до войны Обществу Наций. До Освобождения столицы здесь помещались германофильские службы, так называемое «Управление по делам русских эмигрантов во Франции». «Союз советских граждан» является в настоящее время нанимателем с годовой арендной платой 240 тыс. франков.

Накануне Освобождения члены «Союза русских патриотов» ставили своей целью вхождение в контакт с их соотечественниками, завербованными в бригады Вермахта. В ходе немецкого отступления некоторые из этих солдат дезертировали и, в конечном счете, перегруппированные попадали в руки советских офицеров при посредничестве некоего Паспорсика, югославского лейтенанта, атташе, при правительстве маршала Тито, который вероятно был в тесных отношениях с этой организацией. «Союз русских патриотов» рекрутировал многих членов в среде русских эмигрантов, проживающих во Франции. Он основал филиалы в главных провинциальных городах и создал Парижское бюро по адресу 40, рю Сен-Дидье (16 округ). После того как Управление высказалось против существования двух бюро в столице, это второе бюро было ликвидировано.

«Союз советских граждан», который имеет филиалы в Лионе, Марселе и Нице, в департаментах Алье, Савоие и в Марокко, объединяет около 7 тысяч членов, весь актив составляют советские граждане не моложе восемнадцати лет. Согласно уставу, он является «Ассоциацией советских граждан во Франции и странах Французского Союза», его основные цели: культурная деятельность, моральное и физическое здоровье его членов, изучение экономической и социальной жизни в СССР, улучшение материальных условий жизни на местах, защита прав и интересов советских граждан. Для реализации своих задач Союз

организовывал собрания, конференции, лекции, библиотеки, учебные учреждения, колонии для детей и молодежи – способствовал развитию всех видов спорта, организовывал клубы и развлекательные мероприятия, такие как литературные вечера и концерты, спектакли и кинопросмотры – публиковал газеты, журналы, книги, создавал кооперативы, интернаты и столовые, а также организовывал диспансеры, пункты медицинского обслуживания и взаимопомощи, обеспечивал юридическими услугами. Он запрещал заниматься любыми политическими, коммерческими и доходными видами деятельности. Выпускал еженедельник, который сохранял название «Советский патриот» и выходил в Париже на русском языке. Этот орган был ликвидирован указом Министра внутренних дел от 20 января 1948 г. в рамках запрета на деятельность Ассоциации в целом. Ресурсы Союза складывались из членских взносов и, особенно, из доходов от экспозиций, концертов и продажи газет, книг, журналов и пожертвований. Можно считать, что «Союз советских граждан» располагает в настоящее время очень ограниченным активом, учитывая громадные расходы и, в частности, очень высокую арендную плату за помещение, а также помощь, предоставляемую его членам и весьма многочисленным нуждающимся старикам. Главным руководящим органом этого объединения был Конгресс делегатов, который собирался в Париже по крайней мере один раз в году. (последний состоялся между 8 и 11 августа 1947 г.) Для ведения заседаний Конгресса учреждали бюро (президиум), в котором не участвовали члены «Руководящего комитета», он назывался также «Центральным комитетом» и избирался тайным голосованием. После высылки с нашей территории по причине вмешательства во французские политические дела Николая Качва и казначея Василия Ковалева, «Руководящий комитет» созвал заседание 8 февраля текущего года и избрал новый Центральный Комитет в следующем составе:

председатель: Одинец Димитрий, род. 25 декабря 1882 г. в Петрограде (Россия), русский беженец, проживающий по адресу 59, рю Шардон Лагаж (16 округ); главный редактор газеты «Советский патриот»; заместитель председателя: г-жа Долгофф, урожденная Кормер Софи, род. 20 августа 1891 г. в Нижнем Новгороде (Россия), проживающая по адресу: 97, рю Фену (15 округ);

секретарь: Шмиетилло Жарзи, род. 24 сентября 1888 г. в Березовке (Россия), советский гражданин, проживающий по адресу 4, рю Гальера, (16 округ);

казначей: Мхитарофф или Мхитарянец Лаза, род. 16 октября 1894 г. в Нахичевани, советский гражданин, армянин, проживающий по адресу 23, рю Дюконедик (14 округ).

Члены комиссии:

Александровф, 4, рю Гальера, (16 округ)

Михеев В., 43, рю Монсьё Ле Пренс, (6 округ)

Булатзель, 38, рю Сент-Ламбер, (15 округ)

Г-жа Кочеткофф, 130, рю Дю Пуэн Дю Жур, в Булони (Сена).

Упоминают крайне левую организацию, объединяющую выходцев из Бессарабии, которая до некоторой степени связана с руководством «Союза советских граждан». Речь идет об ассоциации под названием «Уроженцы Бессарабии», место пребывания которой по адресу 47, рю де ля Виктуар, (9 округ) включает большую партию израильтитов. Эту Ассоциацию возглавляет Калекин

Тиссак, род. 23 марта 1891 г., Аккерман (Россия), натурализованный француз, проживающий по адресу: 44, бульвар де Пор-Руаяль, при участии г-д: Анисфельда Самуэля, род. 12 января 1886 г. в Кишеневе (Россия), русский эмигрант, проживающий по адресу: 2, пассаж Лурмель (15 округ), Гумсберга Сулима, род. 3 января 1906 г. в Вадюраку (Румыния), советский гражданин, инженер, проживающий по адресу 2, рю Барбес в Ване и Гробокопатель Лейб, род. 25 апреля 1906 г. в Гетелево (Бессарабия), натурализованный француз, директор типографии, проживающий по адресу: 4, сквер Альбен Кашо (13 квартал).

Организации (в основных чертах)

Как бы не изменялась ситуация, русские эмигранты не утрачивали своего национального чувства и испытывали с давних пор необходимость к объединению для поддержания отечественных традиций. Они учредили свою колонию в полном смысле этого слова, насчитывающую до войны более 8 сотен разного рода организаций. Однако, следует отметить, что только 200 из них заявили о себе официально и были зарегистрированы согласно декрету 12 апреля 1939 г., регламентировавшего деятельность иностранных ассоциаций на нашей территории.

Следует подчеркнуть, что внутри этих организаций почетные и важные посты были отданы представителям элиты, выходцам из бывшей аристократии и императорской армии. Эти организации, большинство из которых объединилось в федерации, в зависимости от их функций делятся следующим образом:

- 1) военные ассоциации (фронтвики, казаки, инвалиды).
- 2) профессиональные объединения.
- 3) благотворительные учреждения.
- 4) молодежные организации.
- 5) художественные ассоциации.

Военные организации

Бывшие офицеры белой армии, сгруппированные по полковому признаку, создали ассоциации, объединенные в федерации. В свою очередь казаки собирались в станицах, после того как избрали своим атаманом сначала генерала Богаевский, затем графа Граббе, умершего в 1942 г., никем не замененного. Среди самых значительных из них следует отметить:

1. «Всеобщий союз русских военнослужащих во Франции» – 29, рю Колизе (8 округ), возглавляемый генералом Боим Эженом. Он объединился с «Всеобщим союзом русских военнослужащих за границей» по тому же адресу. Президент его, генерал Архангельский, пребывающий в Брюсселе, сменил генерала Миллера^{vi}, исчезнувшего 22 декабря 1937г.

2. «Всеобщее Управление казаков Дона» и «Союз казаков – воинов Великой Войны», находящиеся по адресу: 12, рю Сен Гийом в Курбеуа (Сена), возглавляемые генералом Оприцем.

3. «Федерация русских инвалидов войны за рубежом», находящаяся по адресу: 3 бис, рю Адольф Шериу в Исси-ле Мулино, под руководством генерала Кальницкого.

4. «Союз русских комбатанов и инвалидов Великой Войны, проживающих во Франции», по адресу 28, рю Оливье дё Серр (15 округ), под руководством Явур Али (султан), именуемый «Явурский».

5. «Союз русских инвалидов-фронтовиков, проживающих во Франции» под руководством г-на Кашкина Константина, расположенный по адресу 4, рю де Касабланка (15 округ).

6. «Союз русских офицеров-инвалидов Первой мировой войны, проживающих во Франции», под руководством г-на Тихменева Николая, расположенный по адресу: 208, рю де Вожирар (15 округ).

7. «Союз русских офицеров-ветеранов, сражавшихся на французских фронтах» под руководством полковника Дурова Бориса по адресу 29, бульвар д'Отёй.

Внутри многочисленных ассоциаций и товариществ по прежнему сохранялись традиции старого режима. Иерархия скрупулезно соблюдалась, несмотря на реальные социальные различия, определяемые условиями нового существования; и неуклонно сохранялась субординация, если старший по званию занимал место подчиненного. Лекции по военной стратегии, конференции, дружеские сходки, а также традиционные праздники были организованы до войны в отеле, расположенном по адресу 81, рю де ля Фезандери, арендуемым некоторыми из этих организаций. И, несмотря на превратности судьбы, эти эмигранты вновь воскрешали прошлое и иногда исполняли свои военные гимны. Несмотря на таинственные исчезновения генералов Кутепова^{vii} и Миллера, которые вызвали смятение в этих кругах, не хотели однако думать, что время Романовых окончено.

***

Со времени Освобождения действовали нескольких русских союзов бывших военных, участников Соппротивления и макизар, среди которых можно назвать:

1. «Товарищество русских добровольцев-участников Соппротивления и макизар во Франции», основанное в 1945г. под руководством г-на Кривошеина^{viii} (в настоящее время выслан из страны, согласно министерскому указу, принятому против некоторых советских подданных), и при участии г-д Варьягина и Булатзеля, расположенного по адресу: 22, рю Жан Гужон (8 округ). Это русское товарищество принимало активное участие в борьбе с оккупантами. Эта ассоциация была полностью ликвидирована после высылки её председателя и главного инициатора Игоря Кривошеина.

2. «Товарищество резервистов Французской армии, не имеющих французского гражданства» под руководством г-на Ланского Димитрия, расположенного по адресу: 2 бис, рю Фалемпен (15 округ).

3. «Товарищество фронтовиков и участников Соппротивления, выходцев из Бессарабии» под руководством г-на Гробокопатель Лейба, при участии г-д Зельтера Зебнера и Зайдмана Анри, по адресу 9, рю де Ланьи (20 округ).

Профессиональные организации

Независимо от участия в товариществах и фронтовых объединениях русские эмигранты вступали в другие группировки, профессиональные либо гуманитарные. Среди различных русских профессиональных категорий, корпорация шоферов такси – самая крупная. В этой группе различают:

а. «Всеобщий союз русских шоферов», расположенный по адресу: 14, рю Ивор, под руководством г-на Петрова, объединяет элементы различных политических тенденций.

б. «Общество взаимопомощи русских шоферов», расположенное по адресу: 9, рю Даниэль Стерн, во главе с г-ном Фирсовским, находящееся под контролем «Координационного комитета по вопросам труда и гуманитарных русских организаций во Франции», расположенное по адресу: 43, рю Франсуа-Жерар, большая часть его членов люди свободных профессий, в настоящее время не занятые.

***

Следует также упомянуть:

1. «Всеобщая ассоциация дипломированных русских инженеров во Франции» под руководством г-на Ермакова, при участии г-д Безобразова, Монтульяка и Тищенко, расположенную по адресу: 2, рю Курно (15 округ). Генеральный секретарь, г-н Монтульяк, особенно отмечен своей просоветской деятельностью в колонии.

2. «Союз дипломированных русских инженеров во Франции» под руководством г-на Дашкевича, при участии г-д Крапивина, Гамзукова, Вardanяна и Суслова. Он расположен по адресу: 26, авеню Нью-Йорк (16 округ), включая и монархистов, и просоветски настроенных членов.

***

Существуют организации, объединяющие химиков: «Общество русских химиков во Франции», возглавляемое г-ном Титовым Александром, при участии г-д Пастака и Свирского, расположенное по адресу: 5, рю Поль Барюзль (15 округ). Общество, кажется, не имеет четких политических приоритетов, большую часть членов составляют монархисты и либералы.

С другой стороны, в колонии есть две организации, группирующие адвокатов, а именно: «Союз русских адвокатов» под руководством г-на Гершуна Бориса, при участии г-д Ширского, Фальковского, Мальцева, Бабурин и Имберта. Он расположен по адресу: 5, рю Александр Кабанель (15 округ).

«Ассоциация русских адвокатов за границей» под руководством г-на Даньчича Жана, при участии г-д Масленникова, Курлова, Соколова, Брайнина. Находится по адресу: 29, рю Дезекс (15 округ).

Наличествует, также, «Межпрофессиональный русский комитет», составная часть объединения рабочих профсоюзов Парижского района, расположенный по адресу: 12, бульвар Мажента (10 округ), секретарем и активистом которого является г-н Сизов Александр.

«Русская женская ассоциация представительниц высокой моды и художественных работ» расположена по адресу: 6, рю Огюст Бартольди. Её возглавляет г-жа Додонова Ольга. При участии г-жей Грюнберг Катрины, Куперинды Надин и Севастьяновой Лидии.

Организация солидарности

Деятельность русской колонии особенно проявилась в области поддержания духа солидарности. Русские эмигранты прибыли во Францию в большинстве своем недостаточно подготовленными к борьбе с трудностями. Многие из них впали в нужду и даже нищету, потому что были не в состоянии обеспечить себе настоящий заработок, или, в следствие того, что их возрастной ценз не позволял рассчитывать на получение работы. Но, некоторые из них, более обес-

печенные, способствовали улучшению условий жизни своих соотечественников. Были учреждены различные благотворительные организации. Одни из них, автономные, другие – функционировали внутри различных ассоциаций в рамках касс взаимопомощи. Содействие, в частности, было организовано в пользу детей, больных, нуждающихся и стариков. С другой стороны, праздники, включающие художественные программы, устраивались в пользу этих учреждений. Все эти организации, казалось, действовали вне всяких политических целей; ниже следует перечень самых значительных из них:

«Комитет по координации русских гуманитарных учреждений во Франции», первоначально расположенный по адресу: 43, рю Франсуа Жерар (16 округ) и переместившейся по адресу: 3, рю Франсуа Мутон (15 округ) находится под руководством г-на Титова Александра, при участии м-ль Натали Недошивиной и Александрин Романовой. Этот комитет контролирует 49 подобного рода ассоциаций, главные из которых:

1. «Центр помощи русским беженцам во Франции», по адресу 3, рю Франсуа Мутон (15 округ), осуществляет руководство детским центром в Вильмуасон-сюр Орж (Сена и Уаза), во главе с г-ой Гарганофф Людмилой, при участии м-ль Розеншильд Эженн и г-ном Загорусским Владимиром, но главным вдохновителем которого продолжает оставаться м-ль Софья Зернофф, выполняющая также функции секретаря в русском офисе и прикомандированная к межправительственному Комитету по адресу: 7, рю Коперник (16 округ).

2. «Русский комитет вспомоществования», расположенный по адресу: 7, вилла Лонгвиль, под руководством г-жи Любимофф Людмилы, который включает пенсионный дом, где старикам предоставляется приют и бесплатная столовая.

3. «Союз русских благотворительных местных ассоциаций», расположенный по адресу: 17, рю Дарю (17 округ) под покровительством Преподобного Отца Сахарова, объединяет около 60 благотворительных ассоциаций из различных провинций Франции православного толка; комитет предоставляет вспомоществование для нуждающихся каждую пятницу.

4. «Благотворительный союз донских дам во Франции», расположенный по адресу: 12, рю Сен-Гийом в Курбевуа (Сена), под началом графини Граббе, который в частности занимался бедствующими казаками.

5. «Русская секция Армии Спасения», расположенная по адресу: 38, рю Анрион де Позей (13 округ), под руководством г-жи Петрошицкой Мари.

6. «Центр нуждающихся русских девушек», первоначально расположенный по адресу: 50, авеню де ля Ренн в Булонь-Биянкур, затем переместившийся по адресу: 17, бис, рю Мишель Анж (16 округ) под руководством м-ль Головиной.

7. «Бывший русский Красный крест», переименованный в «Генеральное управление организации бывшего русского Красного креста», расположенного по адресу: 61, рю Бурсо (17 округ), под руководством г-на барона Нольде, при участии г-жи Ольга Толли и г-на Сержа Крылова.

8. «Комитет земств и русских городов в помощь русским гражданам за границей», называемый ассоциацией Земгор, расположенный по адресу: 6, рю Давьель, на который возложена обязанность распределения субсидий по паспорту Нансена^{ix}, а также поступлений от благотворительных организаций

США. Эту организацию возглавляет доктор Долгополофф Николая при участии м-ль Недошивиной Натали.

9. «Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа» (Сена и Уаза), основанный и руководимый княгиней Мещерской, который есть не что иное как приют, где находят пристанище приблизительно две сотни пожилых людей.

10. «Помощь русским эмигрантам» получает пожертвования от богатой колонии эмигрантов в США. Эта организация под руководством г-д Поля Сергеева, Яниса Гарунза и Сержа Трубецкого располагается по адресу: 42, рю де ля Тур (16 округ). После Освобождения была учреждена организация взаимопомощи для русских узников Компьенского лагеря, куда были интернированы со времен начала германо-советской войны русские элементы, рассматриваемые немцами как подозрительные. Речь идет об: «Ассоциации политзаключенных Сталлаг 122», расположенной по адресу: 13, рю дю доктор Эмиль Ру в Клиши, в помещении церкви, находившейся под юрисдикцией Москвы. Объединяющая сотни участников, эта организация предполагает оказание материальной и моральной поддержки своим членам. Её возглавляет г-н Игнатъев Серж при участии г-д Давыдова Дени, Зандера Леона и Форунда Азфазадур.

***

Ниже следует список главных деятелей, занятых в благотворительных учреждениях:

ДАВЫДОФФ Дени, род. 16 декабря 1894 г. в Житомире, портной, проживает по адресу: 4, рю Теодор де Банвиль (17 округ).

ДОЛГОПОЛОФФ Николая, род. 24 февраля 1879 г. в Архангельске, русский беженец, бывший доктор медицины, проживает по адресу: 6, рю Давьель (13 округ).

ФОРУНДА Азфазадур, род. 5 февраля 1885 г. в Ереване, беженец армянского происхождения, бакалейщик, проживает по адресу: 48, рю Шанталь в Левалуа (Сена).

ГАРГАНОФФ, урожденная СЕРОМЕЗНИКОФФ Людмила, род. ? июля 1895 г. в Петрограде, русского происхождения, натурализованная француженка, проживает по адресу: 4, рю Жозеф Бернар в Булонь-сюр-Сен.

ГОЛОВИНА Мари, род. 6 ноября 1887 г. в Петрограде, русская беженка, секретарь, проживает по адресу: 26, рю Данфор Рошро в Булонь-сюр-Сен.

ГОЛОВИНА Ольга, род. 3 января 1873 г. в Петрограде, русская беженка, без профессии, проживает по адресу: 26, рю Данфор Рошро в Булонь-сюр-Сен.

Графиня ГРАББЕ, урожденная ВСЕЛОВОЙСКАЯ Софи, род. 9 октября 1869 г. в Петрограде (Россия), русская беженка, без профессии, проживает по адресу: 21, рю дю Шмен Вер в Курбевуа (Сена).

ГАРУНС Янис, род. 19 октября 1914 г. в Двинске (Литва), неопределенной национальности литовского происхождения, священник, проживает по адресу: 42, рю де ля Тур (16 округ).

Граф ИГНАТЬЕФФ Серж, род. 20 октября 1888 г. в Иркутске (Россия), русский беженец, проживает по адресу: 54, рю Миромэснийль (8 округ).

КРЫЛОФФ Серж, род. 5 октября 1887 г. в Москве, русского происхождения, натурализованный француз, инженер, проживает по адресу: 77, рю Вовенарг (18 округ).

ЛЮБИМОФФ, урожд. ТУГАН-БАРАНОВСКАЯ, Людмила, род. 12 января 1879 г. в Москве, русская беженка, медсестра, проживает по адресу: 172, авеню де Нёйи в Нёйи-сюр-Сен.

НЕДОШИВИНА Натали, род. 10 февраля 1895 г. в Петрограде, русская беженка, проживает по адресу: 6, рю Давьель (13 округ).

Барон НОЛЬДЕ Борис, род. 14 декабря 1876 г. в Петрограде, русский беженец, профессор, проживает по адресу: 1, рю Божон (8 округ).

ПЕТРОШИЦКАЯ, урожденная ВЕБЕР Мария, род. 4 июня 1885 г. в Петрограде, советская гражданка, без профессии, проживает по адресу: 28, рю Анрион де Пансей (14 округ).

РОМАНОВА Александра, род. 5 мая 1879 г. в Петрограде, русская беженка, секретарь, проживает по адресу: 7, сквер Теофиль Готье (16 округ).

САХАРОВ Николай, род. 21 мая 1869 г. в Костроме, русский беженец, священник, проживает по адресу: 12, рю Дарю (8 округ).

СЕРГЕЕВ Поль, род. 15 января 1872 г. в Петрограде, русский беженец, управляющий компанией, проживает по адресу: 2, рю Жаклин в Булонь-сюр-Сен.

ТРУБЕЦКОЙ Серж, род. 14 февраля 1890 г. в Москве, русский беженец, литератор, проживает по адресу: 14, рю дю Бель Эр, Кламар (Сена).

ЗАНДЕР Леон, род. 18 февраля 1893 г. в Санкт-Петербурге, русский беженец, профессор, проживает по адресу: 4, рю д'Альзас Лорен в Булонь-сюр-Сен.

ЗЕРНОФФ Софи, род. 24 декабря 1899 г. в Москве, русская беженка, проживает по адресу: 395, рю де Вожиар (15 округ).

Молодежные организации

Русскими эмигрантами, укоренившимися в нашей стране, предпринимались усилия в деле развития детского спортивного воспитания. Во время оккупации «Управление делами русских эмигрантов» попыталось активизировать эмигрантскую молодежь и с этой целью в конце 1942 года основало «Дом русской молодежи» по адресу: 40, рю Сен Дидье. По этому же адресу была открыта библиотека, где полковник Прикнодкин и м-ль Туркина проводили занятия по русскому языку.

«Дом русской молодежи» также проявлял интерес к спортивным вопросам, приглашая молодых людей для занятий самыми разными видами спорта под началом опытных инструкторов. Кроме того, «Терем» (театр русской молодежи) проводил в этих помещениях репетиции своей труппы до начала спектакля. Занимаясь в начале благотворительными акциями, «Дом русской молодежи» вскоре превзошел эти рамки и развернул в русской колонии широкую пропаганду национал-социализма. В этом деле он особенно не преуспел.

Существовало «Националистическое движение русской молодежи», созданное Полем Богдановичем, бывшим полковником императорской гвардии, который во время оккупации проявил себя откровенным германофилом. Это движение было предназначено для того, чтобы дать новый импульс двум основным молодежным организациям: «Скаутам» и «Витязям», преследующим одинаковые цели, т.е. физическое и нравственное развитие детей. Эти две группировки, кажется, функционируют независимо от директив Богдановича, хотя возможность тайного контроля с его стороны не может быть формально исключена.

***

«Национальная ассоциация Русских Скаутов» (французская секция) по адресу: 100, рю Жавель (15 округ) – основное местопребывание которой в Нью-Йорке, возглавляется господином Эженом Питерским, при участии г-д Копылова, Писарева и Рыгалова. «Ассоциация Витязей» (названа в честь богатырей и народных героев Древней Руси), расположена по адресу: 90, рю де Ренн (6 округ) – под управлением г-на Федорова, при участии г-д Рейзингера, Непомнящего, Оглобева и де Жиера.

***

«Федерация по делам воспитания и образования для детей русских эмигрантов во Франции» была основана после Освобождения под председательством г-на Казмина Николая, при участии г-д Федорова, Бобровского и Дурова. Она объединяет «Скаутов и Витязей» с различными учебными заведениями и приходскими школами. Эта организация, по-видимому, была очень влиятельной в русской колонии и действовала под контролем «Координационного комитета по делам русских гуманитарных учреждений во Франции», расположенного по адресу: 3, рю Франсуа Мутон (15 округ).

В настоящее время следует упомянуть фактически лишенный активности «Союз гимнастических обществ Русских Соколов во Франции» по адресу: 41, авеню Рапп в Париже, под управлением г-на Петрова Владимира. Эта организация, целью которой является поднятие патриотического духа её членов, объединилась с «Федерацией союзных обществ Русский Сокол» в Белграде и с «Федерацией физкультурных обществ» по адресу: 2, плас де Валуа в Париже. Кроме того, она имеет 8 филиалов во Франции, из которых один – в Париже. «Гимнастическое общество Русский Сокол в Париже» находится по адресу: 8, рю Викторьен Сарду (16 округ).

***

В настоящее время помещение по адресу: 40, рю Сен-Дидье занято службами «Союза советских граждан», который разместил там секцию молодежи, действующую под руководством Управления Руководящего союзного комитета. Различные курсы и конференции организуются по этому адресу, также демонстрируются многие советские фильмы. В окрестностях Гренобля в летний период под контролем этой секции действуют два лагеря – для взрослых и самых маленьких. Следует отметить, что эта молодежная секция должна будет прервать свою деятельность по причине запрета, подписанного в отношении «Союза советских граждан», согласно министерскому указу от 16 декабря 1947 г.

***

В спортивной области отмечают «Русскую спортивную ассоциацию» по адресу: 54, рю Лепик, (15 округ), объединяющую сотню членов под председательством г-на Георга Грюнберга, при участии г-д Щеголева Александра, Неводского Дмитрия, Скрябина Александра и Бароновас Эдесьяс.

«Русский теннисный клуб в Париже» по адресу: 162, бульвар Перер (17 округ) действует под руководством г-на Киселевского Кирилла, при участии г-д Мятлева Алексиса, Никольского Всеволода, Баратова Алексиса и Капниста Алексиса.

Художественный раздел

Русская эмиграция содержит в своем составе художников, музыкантов, декораторов, профессоров и ученых. Среди прочих г-н Туркевич, изобретатель скоростной системы, которая позволила в свое время присудить голубую орденскую ленту лайнеру «Нормандия». Ярким проявлением артистизма русской колонии стало основание «Русской консерватории» по адресу 26, авеню Нью-Йорк в Париже, во главе с г-ном Черепниным Мирославом. Там, в зале прослушивания русские профессора вели уроки пения и музыки. Она поддерживается «Русским музыкальным обществом за границей», которое находится по тому же адресу и возглавляется г-ой Але Мари Астор, при участии г-д Глазберга Наума, Поля Владимира, Скаржинского Николая и Аронсберга Александра. Общество проводит частные концерты, которые приносят реальные доходы. Другая организация, достойная упоминания, «Ассоциация друзей славянского искусства» по адресу: 136, авеню де Ваграм, под началом г-на Де Бравара Александра, при участии г-жи Гилумянц Александры и г-на Кулина Алексиса.

Система образования

Среднее образование стало объектом пристального внимания, результатом чего явилось основание двух лицеев: «Лицей русского императора Николая II» по адресу: 8, авеню Марешаль Дуглас-Хег в Версале (Сена и Уаза), под патронажем Великого князя Гавриила и «Русский лицей в Булони» по адресу: 29, бульвар д'Отёй в Булони (Сена), под руководством м-ль Маклакофф Мари, сестры бывшего посла Временного правительства г-на Керенского.

Существует, помимо того, учреждение, ответственное за инженерное образование: «Высший русский технический институт в Париже» по адресу: 29, рю Сен-Дидье, возглавляемый французским гражданином г-ном Лера Арно, под контролем Министерства народного просвещения.

В этой сфере можно отметить «Русский комитет по организации школьных учреждений», в прошлом Педагогический комитет, по адресу: 7, рю Феликс Фор, под руководством Тихменева Николая, при участии г-д Фортунатто Всеволода и Маевского Владислава.

«Центральный комитет вспомоществования русской университетской молодежи за границей» по адресу: 91, рю Лекурб (15 округ) под руководством Федорова Мишеля, при участии г-д Кепинова Леона, Кровопускова Константиана, Ковалевского Пьера и Де Врангеля Николая.

***

Ниже следуют персоналии активистов, занятых в системе образования:

ФЕДОРОФФ Мишель, род. 30 сентября 1858 г. в Бежецке (Россия), русский беженец, без профессии, проживает по адресу: 1, рю Лекурб (15 округ).

ФОРТУНАТТО Всеволод, род. 1 июня 1899 г. в Петрограде (Россия), русского происхождения, натурализованный француз, проживает по адресу: 2, сквер Поль Бер в Аньере (Сена).

КЕПИНОФФ Леон, род. 1 июня 1881 г. в Тифлисе, (Грузия), русский беженец, врач, проживает по адресу: 22, рю Грез (16 округ).

КОВАЛЕВСКИЙ Пьер, род. 16 декабря 1901 г. в Петрограде (Россия), русский беженец, профессор, проживает по адресу: 62, рю де ля Републик в Медоне (Сена и Уаза).

КРОВОПУСКОВ Константин, род. 18 мая 1881 г. в Николаеве (Россия), русский беженец, заместитель директора, проживает по адресу: 91, рю Лекурб (15 округ).

ЛЕРА Арман, род. 10 февраля 1872 г., в Ландепрё (ЮРА), француз, директор, проживает по адресу: 21, рю де Мэйен в Кретей (Сена).

МАЕВСКИЙ Владислас, род. 18 октября 1886 г. в Елизаветграде (Россия), русский беженец, учитель, проживает по адресу: 8, авеню дю Марешаль Дуглас в Версале (Сена и Уаза).

МАКЛАКОФФ Мари, род. 23 июля 1877 г. в Москве (Россия), русская беженка, натурализованная француженка, проживает по адресу: 5, рю Пегги (6 округ).

ТИХМЕНЕВ Николай, род. 9 апреля 1872 г. в Петрограде (Россия), русский беженец, без профессии, проживает по адресу: 23, рю Брей (17 округ).

Де ВРАНГЕЛЬ Николай, род. 15 сентября 1887 г. в Харькове (Россия), русский беженец, профессор, проживает по адресу: 10, плас Феликс Фор (15 округ).

Церкви

До войны русские церкви во Франции и, особенно, в Париже были для беженцев национальным символом и одним из знаков признания старого режима. Русские, на самом деле, не только присутствовали на религиозных церемониях для совершения молитв, но и для того, что бы вновь встретить друзей и обменяться мнениями. Преуспевающие и обездоленные, единые в своей ностальгии, они встречались по воскресеньям, стараясь воссоздать атмосферу воспоминаний. Однако в 1930 году русская церковь была раздираема конфликтом между митрополитом Евлогием⁸, в то время членом Собора православных русских священников за границей, и митрополитом Антонием, главой Собора и патриархом Югославии. Митрополита Евлогия все упрекали в том, что он поддерживал отношения с митрополитом Сергием, главой православной церкви в СССР, которая не была признана. Встреча двух прелатов состоялась в 1934 году, после чего митрополит Евлогий порвал всякие отношения с владыкой Сергием московским и вошел под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Митрополит Серафим из церкви на рю д'Одесса остался единственным под юрисдикцией Югославского патриарха. После кончины архиепископа Антония главой «Русского православного Собора за границей» стал архиепископ Анастасий с резиденцией в Белграде. Что касается митрополита Серафима, который был главой Епархиальной ассоциации русских православных священников за границей, то он уже давно переместился с рю д'Одесса по адресу: 32, рю Буало в Париже. Церковь «Сен-Верж», расположенная по этому адресу была, без сомнения не так посещаемая, как церковь на рю Дарю 12, её прихожанами были представители старинных дворянских и великокняжеских семей. Придерживаясь четко монархической направленности, эта церковь пополняла свои ресурсы из пожертвований и даров богатых прихожан. Во время оккупации она была единственной православной церковью, признанной немцами. Это, согласно сообщению рейх мини-

стерства по делам церкви, было передано и оповещено военной комендатурой в Аньере 29 октября 1940 г. Православная церковь, представлявшая другие направления, такая как церковь Митрополита Евлогия, против которой существовали возражения политического характера, не была признана Германией, ни за границей, ни на завоеванных ею оккупированных территориях.

Со своей стороны Митрополит Евлогий, зависящий от Константинопольского патриархата, был главой «Епархиальной ассоциации русских православных церквей в Западной Европе» по адресу рю Дарю 12, представлявшей либеральную тенденцию. Его церковь, самая представительная, воздвигнутая в честь святого Александра Невского была далеко не самая посещаемая. Исполняя роль кафедрального собора, она была местом проведения всех официальных церемоний. Она получала субсидии, в частности, от англиканской церкви, это, как кажется, по причине близости, которая существует между православной догмой и англиканством. Следует, наконец, выделить «Церковь епархиальной ассоциации русской православной церкви Святой Троицы» по адресу: 5, рю Петель в Париже, во главе с митрополитом Бенжаменом, который зависел от православной церкви в СССР.

Признанная Советами, эта церковь существовала за счет пожертвований и даров. Таким образом, во время оккупации действовали три различные юрисдикции, представленные именами владыки Евлогия, владыки Бенжамена и владыки Серафима, которые насчитывали соответственно 94, 6 и 18 церквей и часовен в Париже и провинции. Визит в Париж в августе 1945 года митрополита Николая Крутицкогоⁱ, представлявшего патриарха Алексия московского, и контакты, которые он установил в разных православных кругах столицы, изменили ситуацию с русскими церквями.

ⁱ APP. Cart. В.А. 1681 7023-4.

ⁱⁱ Диаспора VIII/ Новые материалы Athenaeum-Феникс. Париж; СПб., 2007.

ⁱⁱⁱ Gousseff C. Immigrés russes en France (1900–1959) contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés. Thèse de doctorat 2. vol. P. EHESS, mai 1966; Gousseff C. Les mutations de la communauté russe de Paris après la Seconde Guerre mondiale // Le Paris des étrangers après 1945. P., 1994.

^{iv} Казем-бек (Казембек) Александр Львович (1902–1977), историк, политический и общественный деятель. В 1920-е гг. эмигрировал в Европу. Учредитель союза «Молодая Россия» (младороссы). С 1925 г. находился во Франции, редактор ряда журналов и сборников младоросского направления. В 1940 г. был арестован и заключен в концлагерь. По истечении срока и выхода из концлагеря уехал в США и преподавал русский язык в Йельском университете. В 1957 г. вернулся в Россию и был сотрудником Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии.

^v Столыпин Аркадий Петрович (1903–1990), сын премьер-министра России П.А. Столыпина. Монархист. Писатель, журналист, общественный деятель. Учился в Европе, с 1929 г. слушатель Высшей военной французской школы Сен-Сир. В 30-е годы был членом Народно-трудового союза нового поколения. В годы Второй мировой войны руководил конспиративной работой по оказанию материальной и юридической помощи беженцам из России.

^{vi} Миллер Евгений (Евгений-Людвиг) Карлович (1867–1939), генерал-лейтенант Генерального штаба, общественный деятель. Участник Первой мировой войны. В гражданской войне в 1919 г. командовал Северным фронтом. С 1930 г. председатель Русского общевоинского союза (РОВС). 22 сентября 1937 г. был похищен в Париже агентами советской разведки и расстрелян в Москве.

^{vii} Кутепов Александр Павлович (1882–1930), генерал-лейтенант, участник Русско-Японской и Первой мировой войн. Во время Гражданской войны командовал Корниловским полком. В 1920 г. был командующим 1-й армией П.Н. Врангеля в Крыму. С 1924 г. жил в Париже, участник и организатор Галлиполийского общества. С 1928 г. председатель РОВС. 26 января 1930 г. похищен в Париже агентами советской разведки.

^{viii} Кривошеин Игорь Александрович (1889–1987), Штабс-капитан лейб-гвардии Конной артиллерии, инженер-электротехник, мемуарист, масон. Участник Мировой и Гражданских войн. В 1920 г. прибыл в Париж после эвакуации из Константинополя. В 1941 г. был арестован и помещен в лагерь Компьен. Участник Сопротивления. В 1947 г. награжден медалью Сопротивления. Член Союза советских патриотов (ССП). В 1947 г. выехал из Франции в СССР, в 1949 г. приговорен к десяти годам лагерей. После выхода из лагеря возвратился в Париж в 1974 г. Активный деятель масонских лож.

^{ix} Нансен Фритъф (1861–1930), норвежский полярный исследователь, почетный член Петербургской АН. В 20-е гг. верховный комиссар Лиги наций по делам военнопленных, организатор помощи голодающим Поволжья. В 1921 г. лауреат Нобелевской премии мира.

^x Евлогий (Георгиевский) (1868–1946), митрополит. К началу революции архиепископ Волынский и Житомирский. Эмигрировал из Новороссиска в 1922 г., вскоре от Временного Высшего Церковного Управления юго-востока России получил назначение Управляющего русскими приходами Западной Европы, одобренного Святейшим Патриархом Тихоном с возведением в сан митрополита. Позднее возглавил самостоятельную «евлогианскую» юрисдикцию РПЦ с центром в Париже.

^{xi} Крутицкий Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич) (1891–1961), митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины. Во время войны эвакуировался в Москву. С января 1944 г. – митрополит Крутицкий, управляющий Московской епархии. С 1946 по 1960 – председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Макаренкова Елена Макаровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук; ema@igh.ru

SUMMARIES

Rolf Torstendahl. “New results” and “scientific revolutions” in history. The author questions the applicability of the notion of ‘scientific revolution’ to history. The article is focused on the evaluation of new results and the ways of their representation. The author concludes that only limited part of new results could be incorporated into narrative.

Keywords: *scientific revolution, method, optimal norms, narrative.*

Sergey Ramazanov. The principle of complementarity in historical knowledge. The article is focused on the principle of complementarity in historical knowledge; the author has analysed gnoseological and social conditions of its formation, and defined its role and heuristic potential.

Keywords: *complementarity, ideal type, historical time, integrity, historicism, pluralism of truth.*

Igor Budtsyn. The language of historian as a means of the visualization of the past: the mid-20th century debates in the British methodology of history. The author examines the debates on the language of history in the middle of the 20th century. The author stresses the key role of the British methodology of history in formulating and settling the problem during the period under consideration.

Keywords: *visualization, British historiography, the language of a historian, everyday speech, social function of historical discipline, language status.*

Irina Vatsheva. Heretics and heresies in the ‘ecclesiastical histories’ of the 4-7th centuries. The article demonstrates the ways to represent the main heresies of the Early Byzantine period used in the ‘ecclesiastical histories’ of the 4-7th cc. The author has assessed the amount of information on contemporary religious controversies, and its reliability. It is shown that the ‘ecclesiastical histories’ were almost silent on the matter in question, and an explanation is offered.

Keywords: *‘ecclesiastical histories’, Late Antiquity, Byzantine studies, historical views, image of the past, religious controversies*

Andrey Kusnetsov. The image of the rule of Prince Georgy Vsevolodovich of Vladimir in his Eulogy. The article deals with the eulogy on the Prince Georgy Vsevolodovich of Vladimir (1188-1238). The text of the eulogy is to be found only in the Laurentian chronicle and in the Simeonov’s Codex. The image of the Prince presented in the eulogy has been compiled of the citations from the Laurentian chronicle, the collection of «Pchela» («Bee»), and the Bible, and did not correlate to the realities of the reign of Georgy Vsevolodovich. The authors suggests that the eulogy was compiled in 1377 by the Bishop Dionisy of Nizhny Novgorod. The eulogy contains indirect references to the historical events of the 1370s.

Keywords: *image, eulogy, George Vsevolodovich, Laurentian chronicle, Simeonov’s codex, the Novgorod First chronicle, Bishop Dionisy, Nizhniy Novgorod, Batu Khan*

Sergey Zanin. After the Jubilee: on the 300th anniversary of Jean Jacques Rousseau. As 2012 saw the 300th anniversary of Jean-Jacques Rousseau the author reflects on an ambiguous situation in the studies of the philosopher’s work in Russia. It has been noted that the absence of new translations, textual studies and biographies was the more conspicuous compared to the abundance of contemporary studies on Rousseau published abroad.

Keywords: *Jean-Jacques Rousseau, studies of Rousseau in Russia, Bruno Bernardi.*

Irina Rudkovskaya. The microstructure of the works by M.M. Tsherbatov and N.M. Karamzin as a marker of the Late Enlightenment. The article offers a comparative study of the microstructure of the ‘History of Russia from the Earliest Times’ by M.M. Tsherbatov and the ‘History of the Russian State’ by N.M. Karamzin, and takes into consideration the models produced by the British historiography of the Late Enlightenment.

Keywords: *comparative studies of historiography, microstructure of a text, ‘historical triumvirate of Britain’, M.M. Tsherbatov, N.M. Karamzin*

Oлга Zaichenko. The main determinants of the image of Russia produced by the German conservatives of the 1830-40s: the Imperial residence and the Court. The article analyses the publications by conservative German journalists of the 1830-40s and demonstrates the main

aspects of the image of Russia produced by German conservatives – that of Saint Petersburg as an imperial residence, the embodiment of the will of the Russian autocrats and the symbol of the ‘ideal past’ of the European monarchies.

Keywords: *image of Russia, Germany, conservatism, Saint Petersburg, emperor, imperial household, the life of the court.*

Natalia Rostislavleva. The concept of Liberalism in the context of the regional particularism of the 19th-century Germany. The author examines the concepts of liberalism that existed in various regions of Germany in the 19th century through the analysis of the interpretations of the terms ‘civil society’, ‘free press’, ‘popular representation’ ‘division of powers’ produced by German liberals; they reveal a great number of regional variations. Local traditions and political cultures actualized various aspects of the concept of liberalism: intellectual, industrial, doctrinal, futuristic. The hierarchy of the values of liberalism also demonstrates regional variations.

Keywords: *либерализм, civil society, freedom, representation, separation of powers, method of Begriffsgeschichte, regional traditions*

Denis Skopin. Fantasy in Benjamin’s early works. The paper looks at the origin of the famous Benjamin’s term “Phantasmagoria”. It is often thought that the term was taken from Marx’s vocabulary. In fact, this term is already present in Benjamin’s early works as “Fantasy”. The text also indicates the difference between Kant’s imagination and Benjamin’s fantasy.

Keywords: *aesthetic, Benjamin, imagination, phantasmagoria, fantasy*

Feodor Nikolai, Anna Khazina. At the cross-roads of gender and visual studies: the concept of postmemory by Marianne Hirsch. The article deals with the concept of postmemory, introduced by Marianne Hirsch/ In her works Hirsch reveals an important gap or caesura between the viewpoints and positions of two generations of researchers. For those who lived through World War II and the Holocaust striving for rational understanding and apprehension of the past is of the utmost importance, though, unachievable in practice due to the powerful feeling of shock and extreme emotional disturbance, it evokes. As for those, whose childhood coincided with the postwar period, the methods and approaches of classical rationality appear to be limited by ethic principles. They tend to consider the acceptance of gaps in historic (post)memory to be an important remedy for cynical acquisition of the Other’s experience.

Keywords: *cultural studies, family frames, postmemory, visual studies, limits of representation, working-through the past, trauma studies.*

Andrey Turkevich. ‘...Here is the truth therewith I come into new life’: a historian in a diary, a diary as history. The article deals with the entries in the diary of the Soviet medievalist V.E. Mayer, written in 1946-47. The author views the diaries of V.E. Mayer that had never been studied before, as a reflection of the young historian’s principles and ideas.

Keywords: *V.E. Mayer, diary, personal texts, UdSPI*

Alexander Makhov. Roy Rozenzweig: making history public. The author traces the academic career of an American historian Roy Rozenzweig in the context of the emergence and development of the new social, public and digital histories. The article is focused on the interaction of a historian with his audience, on the studies in the field of public history.

Keywords: *Roy Rosenzweig, public history, radical history, digital history, Center for History and New Media.*

Lorina Repina. Memory of the past in the field of culture. The article examines the place and the role of the so called ‘memorial turn’ in the field of new cultural history, and in the sequence of various methodological turns viewed as analytical constructs adapted by the ‘collective imagination’ of the contemporary scholars working in the fields of social sciences and humanities, and the historians of historical knowledge.

Keywords: *methodology, humanities, culture, ‘memorial turn’, ‘historiographical revolution’, memory, images of the past.*

Sergey Brun. Power and the condition of Frankish women in the Latin East. The author analyses the condition of women in the Latin East through the examples of female rulers who held fiefs, issued charters, led the defense of besieged cities, ascended princely and royal thrones and even competed for power with their own sons when they were of legal age.

Keywords: *Latin East, the Kingdom of Jerusalem, power, women*

Zoya Kobozeva. 'The Scarlet Flower': parental love in Russian bourgeois families. The article deals with the problem of the emotional experience of parental love in the Russian bourgeois families of the second half of the 19th century. The author examines the connection between the image of the bourgeoisie in Russian classical literature with the culture of emotions of this social group implicitly present in the 'dialogue with authorities'.

Keywords: *history of emotions, bourgeoisie, parental love, provincial town, family*

Elic Abdrashitov. The condition of the prisoners of war in the public discourse of the Kazan' Gubernia in 1914–1917. The article analyses the attitudes of the population of the Volga region towards the prisoners of war from the countries of the Tripartite alliance and the role of journalists in the shaping of these attitudes.

Keywords: *The First World War, prisoners of war, image of enemy, Volga region*

Galina Selyaninova. The development of the idea of the Constituent Assembly in the programmes of the anti-Bolshevik states in Eastern Russia during the Civil War. The author examines the emergence of the idea of the Constituent Assembly among the enemies of the Bolsheviks in the Russian Far East: during the period of the consolidation of the anti-Bolsheviks after the October revolution, during the period of 'democratic counter-revolution', in Omsk under A.V. Kolchak. The Constituent Assembly was viewed as a goal and at the same time as a means to solve the problems that Russia faced in 1917 and later.

Keywords: *Constituent Assembly, the Ufa state conference, directory, dictatorship, 'democratic counter-revolution', the 'third way' of the Russian revolution, Supreme Ruler.*

Elena Mironova. The image of Russia as a factor of international relations: Russian non-Bolshevik diplomats (1917–1939). The author examines the image of Russia created by the diplomats of the Russian emigration as a factor that influenced the making of political decisions, and the transformation of this image ranging from the 'empire of evil and violence' in 1920s to severely limited criticism in the context of growing international tensions, and to the admissions of the changes in the system that could allow direct co-operation with Soviet institutes during the period of aggression against the country.

Keywords: *Soviet Russia, image, international relations, diplomats, Russian emigration, the Council of ambassadors.*

Ludmila Mazur. The images of rural history in Soviet cinema of 1920-1991; quantitative analysis. The author studies the images of the historical past of Russian rural history produced by the cinema. The analysis of film texts revealed the features, symbols and plots linked to the image of the past. It is shown how the techniques used in the films changed and how these images influence the public conscience of the Soviet people and the historical discipline.

Keywords: *cinema, historical films, images of rural past, evolution of images*

Alexandra Nikolaeva. Benjamin Franklin and the 'Republic of Letters' in the North-American colonies of Great Britain. The article is focused on the influence of Benjamin Franklin on American journalism and publishing and his contribution to the creation of the 'Republic of Letters' in the North-American colonies. The emergence of the 'Republic of Letters' in colonial America in the late 18th century led to the rise of the first institutes of civil society, namely, public opinion.

Keywords: *Benjamin Franklin, North-American colonies, journalism of the Enlightenment, the 'Republic of Letters', public opinion.*

Dmitry Boudyukin. Monasticism and monasteries in the ‘Story of birth, descent and all my life’ by Prince I.M. Dolgorukov. The article deals with the views of Prince I.M. Dolgorukov (1764–1823), a member of an aristocratic family, a writer and poet, on monasticism and monasteries in general and in connection to their traditional role in supporting the social status and ancestral commemoration of aristocracy, represented in his memoirs «The story about my birth, descent, and all my life...».

Keywords: Prince I.M. Dolgorukov, monasticism, monasteries and convents, commemoration, Russia, nobility, aristocracy.

Zhanna Petrunina, Alexander Shuneyko. Caricatures of Palmerstone in the 19th century Russia. The authors analyse the characteristics given to a British politician, Lord Palmerstone, by the 19th century Russian journalists and writers of fiction. The most popular features of the image of the British politician are shown.

Keywords: Henry John Temple, Viscount Palmerstone, image of a politician, Russian public opinion in the 19th century

Ekaterina Ryazhskikh. ‘I am alive through your love...’: family as the main factor of the re-socialization of the former German prisoners of war after their return to Germany from the USSR. The article analyses re-socialization of the former German prisoners of war (POWs) after their return to Eastern Germany from the captivity in the USSR in the late 1940s. The author has studied the Documents from the Russian State army archives and has presented her conclusions about the role of family as the main factor in the process of re-socialization of German POWs.

Keywords: Germany, Re-socialization German prisoners of war (POWs).

Natalia Avdonina. Metamorphoses of historical memory about the Afghanistan war (1979–1989). The author analyses the political myth about the Afghanistan war (1979–1989) shaped by the mass media and its consequences for the later attitudes to the war in the Russian society.

Keywords: Afghanistan war (1979–1989), historical memory, political myth, Afghan breakdown, mass media

Vladimir Chvanov, *Maya Petrova. A story of a story... to the Jubilee of the Russian Research Institute of the Roads and Highways.* The article deals with the history of the establishment of the Russian research institute of the roads and highways. The authors analyse the document found in the State Archive of Russian Federation that provides evidence of the early stages of the Institute’s activities. The main stages of the history of the Institute are defined, and the key role of its founders and first members is demonstrated.

Keywords: Institute, academic school, history, archival documents

Nikolai Belyaev, Nadezhda Lipatova. Conservative elements of the First Russian Revolution. In the review of the monograph "Conservative movement in the Middle Volga region during the First Russian Revolution" by A.I. Stetsenko the authors actualized the main trends in the studies of the history of conservative movement.

Keywords: ideology, conservatism, the Black Hundred, monarchy, terror, party, revolution

Review: K.I. Shneider. Between freedom and autocracy: the history of the early Russian liberalism. Perm, 2012 (*Irina Nikolayeva*)

John Wyclif. Speculum de Antichristo. Hou antichrist & his clerkis feren trewe prestis fro prechynge of cristis gospel bi foure disceitis (Tatyana Chougounova)

Elena Makarenkova. The Russian community in Paris during the German occupation (a reconstruction of an academic translation).

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>Рольф Тоштендаль</i> «Новые результаты» и «научные революции» в истории.....	5
<i>С.П. Рамазанов</i> О принципе дополнителности в историческом познании.....	24
<i>И.В. Будцын</i> Язык историка как средство визуализации прошлого: дискуссии в английской методологии истории второй трети XX века.....	30

Интеллектуальная история сегодня

<i>И.Ю. Ващева</i> Еретики и ереси в «церковных историях» IV–VII вв.....	39
<i>А.А. Кузнецов</i> Образ правления Георгия Всеволодовича в его Похвале.....	69
<i>С.В. Занин</i> Пост-юбилейные размышления. К 300-летию Ж.-Ж. Руссо.....	83
<i>И.Е. Рудковская</i> Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения.....	90
<i>О.В. Заиченко</i> Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 30–40-е гг. XIX в.: резиденция императора и двор.....	115
<i>Н.В. Ростиславлева</i> Понятие либерализма в ракурсе региональных особенностей Германии XIX века.....	144
<i>Д.А. Скопин</i> Фантазия в ранних произведениях В.Беньямина.....	153
<i>Ф.В. Николаи, А.В. Хазина</i> На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Хёрш.....	162
<i>А.Л. Туркевич</i> «...Вот правда, с которой я вступаю в новую жизнь»: историк в дневнике, дневник как история.....	171
<i>А.С. Махов</i> Рой Розенцвейг: делая историю публичной.....	180

В пространстве культурной истории

<i>Л.П. Репина</i> Память о прошлом в пространстве культуры.....	190
<i>С.П. Брюн</i> Власть и положение франкской женщины на Латинском Востоке.....	199
<i>З.М. Кобозева</i> «Аленький цветочек»: родительская любовь в мещанских семьях	209

Из истории XX века

<i>Э.Е. Абдрашитов</i> Положение военнопленных в общественно-политическом дискурсе Казанской губернии в 1914–1917 гг.....	225
---	-----

<i>Г.Д. Селянинова</i> Разработка идеи Учредительного собрания в программах антибольшевистских государственных образований на Востоке России в период Гражданской войны.....	236
<i>Е.М. Миронова</i> Образ России как фактор международных сношений: по материалам русских небошевистских дипломатов (1917–1939).....	260
<i>Л.Н. Мазур</i> Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа.....	282
Исторические заметки	
<i>А.Н. Николаева</i> . Б. Франклин и «Литературная Республика» в Североамериканских колониях Великобритании.....	303
<i>Д.А. Будюкин</i> Монашество и монастыри в «Повести о рождении моем...» князя И.М. Долгорукова.....	314
<i>Ж.В. Петрунина, А.А. Шулейко</i> Карикатурное восприятие Пальмерстона в России XIX в.....	321
<i>Е.В. Рязских</i> «Я жив твоей любовью»: семья как основной фактор Ресоциализации бывших немецких военнопленных после возвращения в Германию из СССР.....	329
<i>Н.С. Авдоница</i> Метаморфозы исторической памяти о войне в Афганистане (1979–1989)....	338
<i>В.В. Чванов, М.С. Петрова</i> История об истории... (к юбилею Российского дорожного научно-исследовательского института)...	347
Читая книги...	
<i>Н.М. Беляев, Н.В. Липатова</i> Консервативная стихия Первой русской революции.....	356
<i>И.Ю. Николаева</i> Рец. на кн.: Шнейдер К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012.....	365
Переводы и публикации	
<i>Джон Виклиф</i> . Зерцало об Антихристе (Т.Г. Чугунова).....	368
<i>Е.М. Макаренкова</i> Русская колония в Париже во время оккупации Германией.....	376
SUMMARIES.....	394
CONTENTS.....	400

CONTENTS

History and theory

<i>Rolf Torstendahl</i> . “New results” and “scientific revolutions” in history	5
<i>S.P. Ramazanov</i> . The principle of complementarity in historical knowledge	24
<i>I.V. Budtsyn</i> . The language of historian as a means of the visualization of the past	30

Intellectual history today

<i>I.YU. Vatsheva</i> . Heretics and heresies in the ecclesiastical histories of the 4-7 th centuries.....	39
<i>A.A. Kusnetsov</i> . The image of the rule of Prince Georgy Vsevolodovich of Vladimir in his Eulogy	69
<i>S.V. Zanin</i> . After the jubilee: on the 300 th anniversary of Jean-Jacques Rousseau.....	83
<i>I.E. Rudkovskaya</i> . The microstructure of the works by M.M. Tsherbatov and N.M. Karamzin... ..	90
<i>O.V. Zaichenko</i> . The main determinants of the image of Russia produced by the German conservatives of the 1830-40s: the imperial residence and the court.....	115
<i>N.V. Rostislavleva</i> . The concept of liberalism in the context of regional particularism of the 19 th century Germany.....	144
<i>D.A. Skopin</i> . Fantasy in Benjamin’s early works.....	153
<i>F.V. Nikolai, A.V. Khazina</i> . At the crossroads of gender and visual studies: the concept of postmemory by Marianne Hirsh	162
<i>A.L. Turkevich</i> . «Here is the truth therewith I come into new»: a historian in a diary, diary as history.....	171
<i>A.S. Makhov</i> . Roy Rozenzweig: making history public	180

In the field of cultural history

<i>L.P. Repina</i> . Memory of the past in the field of culture	190
<i>S.P. Brun</i> . Power and the condition of Frankish women in the Latin East.....	199
<i>Z.M. Kobozeva</i> . ‘The Scarlet flower’: parental love in Russian bourgeois families.....	209

The history of the 20th century

<i>E.E. Abdrashitov</i> . The condition of the prisoners of war in the public discourse of the Kazan’ gubernia in 1914-17.....	225
<i>G.D. Selyaninova</i> . The development of the idea of the Constituent Assembly in the programmes of the anti-Bolshevik states in Eastern Russia during the Civil war....	236
<i>E.M. Mironova</i> . The image of Russia as a factor of international relations: Russian non-Bolshevik diplomats (1917–1939).....	260
<i>L.N. Mazur</i> . The images of rural history in Soviet cinema of 1920-1991: quantitative analysis... ..	282

Historical notes

<i>A.N. Nikolaeva</i> . Benjamin Franklin and the ‘Republic of Letters in the North-American colonies of Great Britain.....	303
<i>D.A. Budyukin</i> . Monasticism and monasteries in the ‘Story about my birth, descent, and all my life’ by Prince I.M. Dolgorukov.....	314
<i>Zh.V. Petrunina, A.A. Shuneiko</i> . Caricatures of Palmerstone in the 19 th century Russia.....	321
<i>E.V. Ryazhskikh</i> . «I am alive through your love»: family as the main factor of re-socialization of the former German prisoners of war after their return to Germany from the USSR.....	329
<i>N.S. Avdonina</i> . Metamorphoses of historical memory about the Afghanistan war (1979-1989)....	338
<i>V.V. Chvanov, M.S. Petrova</i> . A story of a story... .. (to the jubilee of the Russian Research Institute of the Roads and Highways).....	347

Reading books...

<i>N.M. Belyaev, N.V. Lipatova</i> . Conservative elements of the First Russian revolution	356
<i>I.Yu. Nikolaeva</i> . Review: K.I. Shneider. Between freedom and autocracy: the history of the early Russian liberalism. Perm, 2012.....	365

Translations and publications

<i>John Wyclif</i> . Джон Вуклиф. Speculum de Antichristo (<i>T.G. Chougounova</i>).....	368
<i>E.M. Makarenkova</i> . Russian community in Paris during the German occupation	376